

ISSN 2223–2982

**СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№8 2026 (АВГУСТ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
В.Л. Степанов

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 80015
В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел/факс: 8(495) 755-1913
E-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

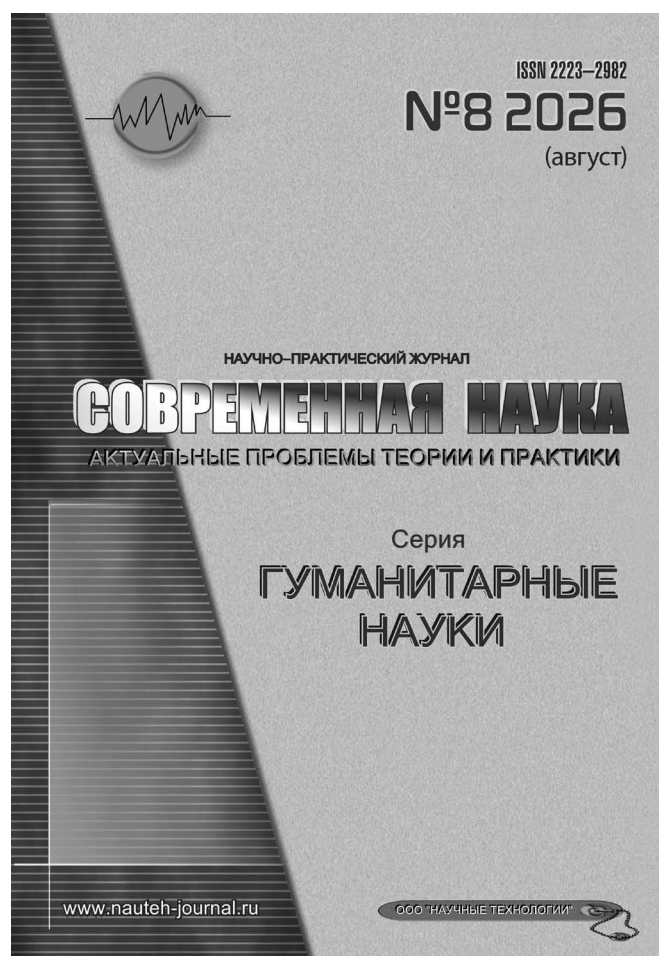
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44913 от 04.05.2011 г.

Серия: Гуманитарные науки №8 (август) 2026 г.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(BAK – 5.6.x, 5.8.x, 5.9.x)

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:
Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296
Подписано в печать 12.08.2026 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982

Редакционный совет

Степанов Валерий Леонидович — д.и.н., профессор,
Институт экономики РАН, в.н.с.

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская
государственная академия ветеринарной медицины и
биотехнологии им. К.И. Скрябина

Акульшин Петр Владимирович — д.и.н., профессор,
Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

Алиева Эльвира Низамиевна — д.филол.н., доцент,
независимый эксперт

Ватлин Александр Юрьевич — д.и.н., профессор, МГУ
им. М.В. Ломоносова

Воронина Галина Ивановна — д.п.н., профессор, Центр
Образования и Компетенций, Бремен (Германия)

Вяземский Евгений Евгеньевич — д.п.н., профессор,
Московский педагогический государственный университет

Герасименко Наталья Аркадьевна — д.филол.н.,
профессор, Московский государственный областной
университет

Какваева Сабрина Бастаминовна — д.филол.н., доцент,
Дагестанский государственный медицинский университет
Минздрава РФ

Котов Александр Эдуардович — д.и.н., доцент, Санкт-
Петербургский государственный университет

Лебедев Сергей Константинович — д.и.н., Санкт-
Петербургский институт истории РАН, в.н.с.

Лизунов Павел Владимирович — д.и.н., профессор,
Северный (Арктический) Федеральный университет им.
М.В. Ломоносова

Миньяр-Белоручева Алла Петровна — д.филол.н.,
профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Михайлова Мария Викторовна — д.филол.н.,
профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Осипова Нина Осиповна — д.филол.н., профессор,
Московский гуманитарный университет

Печенёва Татьяна Анатольевна — д.п.н., Белорусский
государственный университет

Пушкарева Наталья Львовна — д.и.н., профессор,
Институт этнологии и антропологии РАН

Рыжов Алексей Николаевич — д.п.н., профессор,
Московский педагогический государственный университет

Савостьянов Александр Иванович — д.п.н., профессор,
Московский педагогический государственный университет

Сенявский Александр Спартакович — д.и.н., Институт
экономики РАН, г.н.с.

Сморчков Андрей Михайлович — д.и.н., профессор,
Российский государственный гуманитарный университет

Стрелова Ольга Юрьевна — д.п.н., профессор,
Хабаровский краевой институт развития образования

Тюпа Валерий Игоревич — д.филол.н., профессор,
Российский государственный гуманитарный университет

Ханбалаева Сабина Низамиевна — д.филол.н., МГИМО
МИД России, ст. преподаватель

Щедрина Нэлли Михайловна — д.филол.н., профессор,
Московский Государственный Областной Университет

Юдина Наталья Владимировна — д.филол.н., профессор,
Владимирский филиал Финансового университета при
Правительстве РФ

История

Вититнев С.Ф., Бруз В.В., Артамонова Я.С. –

Первая мировая война как глобальный исторический перелом и фактор трансформации международных отношений в XX веке
Vititnev S., Bruz V., Artamonova Ya. – The First world war as a global historical turning point and a factor in the transformation of international relations in the 20th century. 8

Вититнев С.Ф., Бруз В.В., Зенов П.Е. –

Абсолютизм в Европе раннего нового времени и его роль в становлении централизованных национальных государств
Vititnev S., Bruz V., Zenov P. – Absolutism in early modern Europe and its role in the establishment of centralized nation-states. 13

Дугарова Е.Ж. – Административно-территориальное устройство Монголии в период маньчжурского господства

Dugarova E. – Administrative and territorial structure of Mongolia during the period of Manchu rule 18

Ермолаев А.Н. – Образ гагары как птицы-шамана в верованиях якутов и у других народов Сибири: сравнения и анализ оцифрованного экспоната
Ermolaev A. – The shamanic image of the loon in the beliefs of the Yakuts and other peoples of Siberia: analysis of the digitized exhibit. 24

Ларин Г.В., Берлов А.В. – Рязанское пулемётное училище: история и люди
Larin G., Berlov A. – Ryazan machine-gun school: history and people. 29

Меньшиков М.С., Григорьева Н.А., Логачёва Н.В., Симонова М.А., Белановская Ю.Е. – Исторический опыт модернизации высшей юридической школы Республики Башкортостан в 1985–2000 гг.: этапы и проблемы

Menshikov M., Grigorieva N., Logacheva N., Simonova M., Belanovskaya Yu. – Historical experience of modernization of the higher legal school of the Republic of Bashkortostan in 1985–2000: stages and problems. 36

Нечаева П.В. – «Союз памяти» как практика политического взаимодействия России и Норвегии: истоки, становление, кризис
Nechaeva P. – 'Memory alliance' as a practice of political interaction between Russia and Norway: origins, formation, crisis 43

Савинов А.Л., Фадеев Ю.Е., Купцов М.А., Чернов А.М. – От конных патрулей к цифровым рубежам: эволюция Пограничной службы США в контексте меняющихся угроз
Savinov A., Fadeev Yu., Kuptsov M., Chernov A. – From horse patrols to digital frontiers: the evolution of the U.S. border patrol in the context of changing threats. 49

Ханова И.Е. – Роль филиалов российских вузов как институтов «мягкой силы» и гуманитарного влияния на постсоветском пространстве
Khanova I. – The role of branches of Russian universities as institutions of "soft power" and humanitarian influence in the post-soviet space. 53

Шахова Е.М., Задерейчук А.А., Клименко М.Н. – Формирование мифа о тотальной бесправности и патриархальности русской семьи и реальность
Shakhova E., Zadereychuk A., Klimenko M. – The formation of the myth of total disenfranchisement and the patriarchy of the Russian family and the reality. 60

Щулепникова Е.И., Набокина М.Е., Кокарева О.В. – Массовые школы города Москвы в период восстановления народного хозяйства 1945–1958 годов по документам архива Московского городского отдела народного образования
Shchulepnikova E., Nabokina M., Kokareva O. – Mass Schools in Moscow during the Period of Economic Recovery in 1945–1958, According to Documents from the Archive of the Moscow City Department of Public Education 65

Педагогика

Багрецов Д.Н., Шунякова О.В. – Мультиязыковая личность: формирование и развитие в современной образовательной системе
Bagretsov D., Shunyakova O. – Formation and development in the modern educational system of the multilingual personality..... 71

Байкова Л.А., Нелин М.М. – К проблеме формирования умений самоорганизации младших школьников в системе физического воспитания Японии
Baykova L., Nelin M. – On the issue of developing self-organization skills in primary school students within the Japanese physical education system 75

Башеров О.И., Переверзев М.В. – Динамика формирования адаптационной готовности иностранных студентов к социокультурной среде вуза в условиях педагогического сопровождения
Bashеров O., Pereverzev M. – Dynamics of the development of international students' readiness for sociocultural adaptation to the university environment within a pedagogical support system..... 81

Ван Цзин, Хэ Бин, Юй Линь, Ли Цзиньни – Исследование инновационной модели преподавания идеологических и политических дисциплин в вузах на основе человеко-машинного взаимодействия
Wang Jing, He Bing, Yu Lin, Li Jinni – Research of an innovative model of teaching ideological and political disciplines in universities based on human-machine interaction..... 87

Ван Юйфэн – Структурно-содержательная модель учебно-методического обеспечения вокального развития студентов на основе ЦОР
Wang Yufeng – A structural and substantive model of educational and methodological support for students' vocal development based on the digital educational resources..... 90

Волков Ю.А., Савченков А.В. – Динамика показателей социокультурной адаптации иностранных студентов в условиях обучения на иностранном языке
Volkov Yu., Savchenkov A. – Dynamics of sociocultural adjustment indicators of international students in a foreign-language learning context 96

Духовникова И.Ю. – Цифровые образовательные ресурсы как инструмент повышения мотивации обучающихся
Dukhovnikova I. – Digital educational resources as a tool for increasing student motivation..... 104

Корнакова Е.С., Тутова Е.В., Щеглова В.М. – Формирование социокультурной компетенции при обучении РКИ как глобальный тренд
Kornakova E., Tutova E., Shcheglova V. – Formation of socio-cultural competence in RCT teaching as a global trend 107

Левицкая И.А. – Формирование социальной ответственности будущих педагогов в структуре целей педагогического образования
Levitskaya I. – The formation of social responsibility among future teachers within the framework of the goals of pedagogical education 112

Маевская О.Н. – Критерии и уровни сформированности экономической культуры студентов педагогических специальностей как факторы профессиональной мобильности
Mayevskaya O. – Criteria and levels of economic culture development in students of pedagogical specialties as factors of professional mobility 118

Мурашов О.В., Бугеро Н.В., Старынина О.М., Якимова Д.В., Матвеева Е.Д. – Рифма как мнемонический прием в обучении анатомии человека
Murashov O., Bugero N., Starynina O., Yakimova D., Matveeva E. – Rhyme as a mnemonic technique in teaching human anatomy 123

Серов Д.Л. – Наставничество в системе профессионального образования в условиях цифровой трансформации
Serov D. – Mentoring in the system of vocational education in the conditions of digital transformation.....128

Скопа В.А., Тяпкина А.Г. – Организация патриотического воспитания учащихся начальной школы в рамках внешкольной деятельности
Skopa V., Tyapkina A. – Organizing patriotic education for primary school students as part of extracurricular activities.....132

ФИЛОЛОГИЯ

Алексютину О.А. – Коммуникационные инструменты территориального брендинга
Aleksyutina O. – Communication tools for place branding 137

Ань Лишэн – Сравнительное исследование средств выражения отрицания в грамматике китайского и русского языков: типологические и прагматические аспекты
An Lisheng – Comparative study of negation expression means in Chinese and Russian grammar: typological and pragmatic aspects 145

Бабаян Лу., Тутова Е.В. – Критический дискурс-анализ политического дискурса на примере выступления Д. Трампа на Генеральной Ассамблее ООН (2025 г.)
Babayan Ly., Tutova E.V. – Critical discourse-an analysis of political discourse based on the example of D. Trump's speech at the UN General Assembly (2025) 152

Багрецов Д.Н., Нестерова В.Е. – Концептуализация полиции в массмедиаальном дискурсе и массовой литературе
Bagretsov D., Nesterova V. – Conceptualization of police in the mass media discourse and mass literature 160

Бай Сяотин – Внутривидовая и межвидовая валентность ценности добро в русской паремике
Bai Xiaoting – Intraspecific and interspecific valence of the value of good in Russian parems. 165

Бедняков Е.Е. – Условия десленгизации сленговой единицы и избирательность литературной нормы
Bednyakov E. – The conditions of deslangization of a slang unit and the selectivity of the literary norm 169

Боровкова М.В. – Категория оценки в текстах судебных решений Германии и России (на материале немецкоязычных и русскоязычных текстов)
Borovkova M. – Category of evaluation in the texts of court decisions in Germany and Russia (based on German-language and Russian-language texts) 173

Гаврилин В.М. – Влияние сериала Drive to Survive на популярность «Формулы-1» на американском рынке
Gavrilin V. – The impact of the Drive to Survive series on the popularity of Formula 1 in the American market 177

Гаврилин В.М., Водопетов С.В. – RDS как медиафеномен: от нишевого увлечения к новому типу спортивного медиа
Gavrilin V., Vodopetov S. – RDS as a media phenomenon: from a niche hobby to a new type of sports media 183

Давлетмурзаева У.Д. – Лингвокультурная специфика и дискурсивная репрезентация концептов «тауба» (покаяние) и «саят» (молитва) в исламской языковой картине мира
Davletmurzayeva Um. – Linguocultural specifics and discursive representation of the concepts "tauba" (repentance) and "salat" (prayer) in the islamic linguistic picture of the world 190

Еничева А.И. – Прагматические особенности языка китайской рекламы
Enicheva A. – Pragmatic features of the Chinese advertising language 194

Ермакова Н.Н. – Медиаобраз женщин-военнослужащих армии США (на материале национальной прессы и креолизированных текстов)
Ermakova N. – The media image of female service members in the U.S. army (as exemplified in national press and creolized texts) 199

Кучина Н.В. – Метафоричность и символизм образов в романах Алессандро Барикко «Шелк» и «Море-океан»
Kuchina N. – Metaphors and symbolism in the novels "Silk" and "Ocean sea " by Alessandro Baricco 205

Леонов М.В. – Время культуры в переводе: культурно-историческая динамика переводческих решений в английских переводах романа И.С. Тургенева «Отцы и дети»
Leonov M. – Cultural time in translation: cultural-historical dynamics of translation choices in English translations of I.S. Turgenev's novel "Fathers and Sons" 212

Лукина Ю.В. – Прецедентные имена как носители культурного кода: от символа эпохи до запрета в именослове
Loukina Iou. – Precedent names as carriers of cultural code: from a symbol of the era to a ban in the name register 218

Никитина О.В., Иванова Т.В. – Прецедентность в городских номинациях
Nikitina O., Ivanova T. – Precedent in urban nominations 224

Николич М. – Бинарная оппозиция «свой/чужой» в романе М. Павича «Пейзаж, нарисованный чаем»
Nikolich M. – The binary opposition "self/other" in M. Pavich's novel "Landscape Painted with Tea" 229

Романов А.С., Середенко В.М. – Военный социум США и его культура
Romanov A., Seredenko V. – US military community and its culture 234

Россинская Е.А., Неда Камех Хош – Религиозные основы лингвистической категории вежливости (на материале русской и английской речевых культур)
Rossinskaya E., Neda Kameh Khosh – Religious foundations of the linguistic category of politeness (based on Russian and English speech cultures) ...237

Су Ливэй – Эволюция концепта «серая зона» в англоязычном военно-политическом дискурсе и способы дискурсивного противодействия
Su Liwei – The evolution of the concept of the 'gray zone' in English-language military-political discourse and ways of discursive counteraction 245

Фэн И – Образ России в материалах Weibo агентства «Синьхуа» (2020–2025)
Feng Yi – Russia's national image in Xinhua's Weibo coverage (2020–2025). 249

Хассан Деван Мехеди – Кросс-культурная адаптация рекламного медиатекста в системе медиакommunikаций стран южной Азии
Hassan Dewan Mehedi – Cross-cultural adaptation of advertising media text in the media communications system of south Asian countries 253

Хуэй Ланьсинь – Принципы отбора, описания и систематизации новой лексики в электронных лексикографических ресурсах
Hui Lanxin – Principles of selection, description, and systematization of new vocabulary in electronic lexicographic resources 258

Цао Инфэй – Влияние трендов коротких видео на формы и особенности длинного видеоконтента на примере платформы YouTube
Cao Yingfei – The influence of short-form video trends on the forms and features of long-form video content on the example of the YouTube platform. 263

Цинь Инъюэ – Российско-китайские отношения в зеркале современных медиадискурсов России и Китая и их влияние на общественное восприятие стратегического партнерства
Qin Yingyue – Russian-Chinese relations in the mirror of contemporary media discourses of Russia and China and their influence on the public perception of the strategic partnership 269

Ян Синьюэ – Функционально-семантические особенности императивных высказываний в повести М.А. Булгакова «Собачье сердце»	
<i>Yang Xinyue</i> – Functional-semantic features of imperative sentences in the Bulgakov's novel "Heart of a dog"	274

Информация	
Наши авторы. Our Authors.....	280
Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале	283

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРЕЛОМ И ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В XX ВЕКЕ

THE FIRST WORLD WAR AS A GLOBAL HISTORICAL TURNING POINT AND A FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF INTERNATIONAL RELATIONS IN THE 20TH CENTURY

**S. Vititnev
V. Bruz
Ya. Artamonova**

Summary: The military conflict of 1914–1918 ended a lengthy period of relative stability of the European system that had taken shape after the Congress of Vienna of 1815 and set in motion a restructuring of the entire mechanism of interstate interaction. Historiography differs in assessing where the true boundary between the «long 19th» and the «short 20th» century lies and to what extent the events of 1914 may be interpreted as a single civilizational rupture. The aim of the work is to determine what precisely constituted the transformation of international relations brought about by the war and why its outcomes proved at once radical and unstable. The historical-genetic method, a systemic reconstruction of the international order and a comparative-historical examination of the pre-war and post-war configurations were applied. It was established that the war destroyed the multipolar balance of the great powers, led to the collapse of four empires and brought to the fore two new centres of influence with opposing ideological foundations. The Versailles-Washington system fixed the redistribution of power in legal form, yet it carried within it the contradictions that gave rise to the revisionism of the 1930s. The displacement of the real centre of gravity beyond Europe and the ideologization of foreign policy mean that the initial question of the character of the turning point is resolved in favour of treating the war as the beginning of a new type of world order, while the former distribution of forces thereby lost its defining significance.

Keywords: First world war, international relations, Versailles-Washington system, balance of power, transformation of the world order, collapse of empires, geopolitics, 20th century.

Вититнев Сергей Федорович

Доктор исторических наук, профессор,
Российский государственный социальный университет
svititnev@yandex.ru

Бруз Владимир Виленович

Доктор исторических наук, профессор,
Государственный университет просвещения
vvb54@yandex.ru

Артамонова Ярославна Сергеевна

Доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор, Московский технический университет связи и информатики
mei_2018@inbox.ru

Аннотация: Мировой военный конфликт 1914–1918 гг. завершил длительный период относительной стабильности европейской системы, сложившейся после Венского конгресса 1815 г., и запустил перестройку всего механизма межгосударственного взаимодействия. Историография расходится в оценке того, где проходит подлинная граница между «долгим XIX» и «коротким XX» столетием и насколько события 1914 г. правомерно трактовать как единый цивилизационный разрыв. Цель работы – определить, в чём именно состояла трансформация международных отношений, вызванная войной, и почему её результаты оказались одновременно радикальными и неустойчивыми. Применён историко-генетический метод, системная реконструкция международного порядка и сравнительно-исторический разбор довоенной и послевоенной конфигураций. Установлено, что война разрушила многополюсный баланс великих держав, привела к распаду четырёх империй и вынесла на первый план два новых центра влияния с противоположными идейными основаниями. Версальско-Вашингтонская система закрепила перераспределение сил юридически, однако несла в себе противоречия, породившие ревизионизм 1930-х гг. Смещение реального центра тяжести за пределы Европы и идеологизация внешней политики означают, что исходный вопрос о характере перелома решается в пользу трактовки войны как начала нового типа мирового порядка, а прежняя расстановка сил при этом утратила определяющее значение.

Ключевые слова: Первая мировая война, международные отношения, Версальско-Вашингтонская система, баланс сил, трансформация мирового порядка, распад империй, геополитика, XX век.

Введение

Система международных отношений, оформившаяся после наполеоновских войн и закреплённая решениями Венского конгресса 1815 г., опиралась на согласие пяти великих держав и подвижный баланс сил. К началу XX в. этот механизм исчерпал ресурс саморегуляции: колониальный раздел мира завершился, а

рост Германской империи нарушил привычную расстановку. И.В. Турицын рассматривает мировые войны как особый исторический феномен, требующий отдельного теоретического аппарата [13]; такая постановка вопроса позволяет отделить конфликт 1914–1918 гг. от предшествующих европейских войн ограниченного масштаба.

Оценка места этой войны в истории XX в. остаётся

предметом спора. Часть исследователей видит в ней завершение прежней эпохи, часть – начало новой; А.В. Панфилец и А.Л. Бредихин, разбирая причины и последствия обеих мировых войн, указывают на их генетическую связь и трактуют период 1914–1945 гг. как единый кризис европейского миропорядка [11]. Расхождение касается и того, что считать результатом войны: перекройку границ, слом системы великих держав или сдвиг в самих принципах, на которых строилось межгосударственное общение. Согласия по этому пункту в специализированной литературе нет, и вопрос о том, был ли 1914 г. точкой цивилизационного разрыва или лишь ускорителем уже начавшихся процессов, нуждается в отдельной проверке.

Настоящая работа исходит из предположения, что война не свелась к переделу территорий, а изменила сам тип международного порядка. Проверка этого предположения предполагает сопоставление довоенной и послевоенной конфигураций по нескольким основаниям: состав и статус ведущих акторов, принципы легитимации границ, механизмы поддержания порядка.

Понятие трансформации международных отношений в связи с мировыми войнами разработано преимущественно на материале второй из них. Г.Н. Канинская, обобщая переход от многополярности к биполярному миру, показывает, что каркас послевоенного устройства закладывался ещё в межвоенные десятилетия [5]. Приложение этой оптики к событиям 1914–1918 гг. обнаруживает, что многие черты, обычно относимые к середине столетия, зарождаются на два поколения раньше.

Материалы и методы исследования

Исследование опирается на историко-генетический метод, позволяющий проследить формирование предпосылок конфликта от рубежа XIX–XX вв. до июльского кризиса 1914 г. Реконструкция международного порядка выполнена системным методом: довоенная и послевоенная конфигурации описаны как совокупности акторов, связей между ними и правил, регулирующих эти связи. Сравнительно-исторический разбор двух конфигураций служит основным инструментом для выявления характера перелома.

Эмпирическую основу составили решения Парижской мирной конференции 1919–1920 гг., текст Версальского договора от 28 июня 1919 г. и сопутствующих договоров с бывшими союзниками Германии, Статут Лиги Наций, а также данные о территориальных и демографических изменениях, вызванных распадом Российской, Германской, Австро-Венгерской и Османской империй. К.Н. Лобанов при разборе влияния военной силы на политико-территориальные трансформации предлагает рассматривать перекройку карты как производную от

соотношения силовых потенциалов [8]; этот подход учтён при описании послевоенных границ.

Хронологические рамки охватывают период от завершения колониального раздела мира в конце XIX в. до подписания Локарнских договоров 1925 г., фиксирующих временную стабилизацию. Отбор фактов подчинён задаче сопоставления; полнота описания военных событий в задачи работы не входит.

Результаты и обсуждение

Довоенная система международных отношений к 1914 г. утратила гибкость, обеспечивавшую её устойчивость на протяжении предшествующего столетия. Оформление двух противостоящих блоков – Тройственного союза и Антанты – превратило локальные трения в предпосылку общеевропейского столкновения. Д.А. Федотов, разбирая противоречия системы накануне войны, выделяет несовместимость колониальных и континентальных интересов ведущих держав как узел, который дипломатия к началу века лишь откладывала, не устраняя [14]. Балканский кризисный очаг, австро-русское соперничество и германо-британское морское соревнование накладывались друг на друга и создавали несколько независимых линий напряжения одновременно.

Механизм сползания к войне летом 1914 г. показывает, насколько сократилось пространство дипломатического манёвра. Г.И. Шишлянникова, рассматривая обострение международной ситуации в последние предвоенные месяцы, отмечает, что система союзнических обязательств лишила отдельные правительства свободы выбора: локальный конфликт Австро-Венгрии и Сербии автоматически втягивал континентальные державы [15]. Убийство эрцгерцога Франца Фердинанда 28 июня 1914 г. в Сараево послужило поводом, а не причиной; июльский кризис развернул заранее заготовленные мобилизационные планы, изменить которые военные штабы уже не могли без потери стратегического темпа.

Подготовка к войне велась не одно десятилетие. А.П. Любимов и Ю.Г. Михайлов прослеживают, как военнотехническое и дипломатическое обеспечение будущего конфликта складывалось на протяжении всего начала XX в., и связывают неизбежность столкновения с логикой гонки вооружений [9]. К 1914 г. совокупная численность мобилизуемых армий великих держав измерялась миллионами, а планы кампаний исходили из расчёта на быструю победу.

Война 1914–1918 гг. по своему характеру порвала с предшествующей военной практикой. С.В. Горкуш обосновывает историческую обусловленность конфликта как первого подлинно глобального столкновения новейшей истории, охватившего не только Европу, но и ко-

лонияльные владения, Ближний Восток, акватории трёх океанов [3]. В боевые действия оказались вовлечены свыше тридцати государств; фронт перестал быть линией соприкосновения армий и превратился в непрерывную укрепленную полосу, а тыл вошёл в состав военной машины.

Индустриализация войны изменила её содержание. А.В. Сержантов, прослеживая трансформацию содержания войны от прошлого к современности, датирует этим периодом переход к тотальной мобилизации экономики и населения, когда исход определяется промышленным потенциалом в не меньшей степени, чем действиями на фронте [12]. Появление авиации, танков, химического оружия, подводного флота сдвинуло само представление о допустимых средствах. Военные потери превысили девять миллионов человек убитыми, что не имело прецедента и подорвало демографическую и психологическую основу европейского общества.

Э.М. Оздамирова, суммируя причины, ход и влияние войны на мировую историю, обращает внимание на её роль катализатора социальных потрясений: экономическое истощение и человеческие потери подготовили революционные события в ряде воюющих стран [10]. Российская империя вышла из войны, не дождавшись её окончания.

Прямым итогом войны стал распад четырёх многонациональных империй. Крушение Российской, Германской, Австро-Венгерской и Османской монархий за три года высвободило пространство от Балтики до Персидского залива и создало на нём около десятка новых государств. В.П. Булдаков, разбирая геополитическое измерение войны и её воздействие на массовое сознание, показывает, что имперский коллапс сопровождался высвобождением национальных и социальных движений, которые прежний порядок сдерживал [1]. Политическая карта Центральной и Восточной Европы, устойчивая с середины XIX в., была перекроена за считанные годы.

Образование новых государств шло по принципу национального самоопределения, впервые возведённому в ранг международно признанного основания государственности. Прежняя логика легитимации границ через династическое право и соглашение великих держав отступила. Проведение границ по этническому признаку в областях со смешанным населением при этом порождало новые меньшинства и закладывало будущие территориальные споры, отчего стабильность нового устройства оказалась мнимой уже на старте.

Версальско-Вашингтонская система юридически закрепила итоги войны. Версальский договор 28 июня 1919 г., договоры с Австрией, Венгрией, Болгарией и Турцией, а также решения Вашингтонской конферен-

ции 1921–1922 гг. очертили новую расстановку сил. Центральным нововведением стала Лига Наций – первая универсальная организация, призванная поддерживать коллективную безопасность и разрешать споры без обращения к войне. Идея наднационального арбитража меняла сам принцип поддержания порядка: место подвижного баланса занимала институционализированная процедура.

Реальный центр тяжести мировой политики сместился за пределы Европы. Соединённые Штаты, выступившие решающей силой на завершающем этапе войны и превратившиеся из должника в кредитора союзников, впервые заявили о претензии на формирование мирового порядка. А.Н. Гольцов, разбирая укрепление Великобритании и перенастройку её диалога с западноевропейскими государствами в первые межвоенные десятилетия, показывает, что даже державы-победительницы вынуждены были встраиваться в новую иерархию, где вес заокеанского участника неуклонно рос [2]. Одновременно на востоке Европы возникло государство принципиально нового типа, положившее в основу внешней политики идеологию мировой революции.

Идеологизация международных отношений составила отдельный результат войны. О.В. Кильдюшов, обращаясь к рассуждениям Макса Вебера о трагизме положения великой державы, напоминает, что уже современники осознавали исчерпание прежней модели силовой политики и мучительно искали новые основания легитимности [6]. Вильсоновский либеральный интернационализм и большевистский интернационализм предложили два конкурирующих проекта мироустройства, каждый из которых претендовал на универсальность. Внешняя политика впервые в такой мере оказалась привязана к идейным программам; прежняя модель, опиравшаяся только на государственный интерес, утратила монополию.

Новый порядок с самого начала нёс в себе источник собственного разрушения. Репарационная нагрузка на Германию, лишение её колоний и части территорий, ограничение вооружённых сил создавали устойчивый ревизионистский заряд. Л.В. Ланник, исследуя германские военные миссии межвоенного периода как посттравматический опыт, показывает, что поражение не устранило имперских амбиций, а перевело их в латентную форму, которая искала выхода на протяжении 1920–1930-х гг. [7]. Версальское урегулирование, задуманное как гарантия мира, обернулось источником напряжения, разрядка которого потребовала второго мирового конфликта.

Попытки стабилизировать систему предпринимались на протяжении первого послевоенного десятилетия. Локарнские договоры 1925 г. и принятие Германией в Лигу Наций в 1926 г. обозначили курс на реинтеграцию

побеждённых, однако коренных противоречий передела они не затронули. Л.И. Ивонина, обращаясь к историческому опыту международных конгрессов и роли европейского общества в поддержании мира, показывает, что прочность любого послевоенного устройства зависит от готовности великих держав признать его справедливым [4]. Версальская система такого признания со стороны проигравших не получила, чем и объясняется её недолговечность.

Сопоставление довоенной и послевоенной конфигураций обнаруживает перелом сразу по нескольким основаниям. Изменился состав ведущих акторов: место пяти европейских великих держав заняла асимметричная структура с внеевропейским лидером и идеологическим претендентом на востоке. Изменился принцип легитимации границ: династическое право уступило место национальному самоопределению. Изменился механизм поддержания порядка: подвижный баланс сменился попыткой институционализированной коллективной безопасности.

Радикальность этих сдвигов сочеталась с их неустойчивостью. Ни один из трёх новых принципов не был реализован последовательно. Внеевропейский лидер уклонился от участия в созданной по его инициативе Лиге Наций, самоопределение обошло стороной колониальные владения победителей, коллективная безопасность не получила силового обеспечения. Отсюда двойственная природа перелома: по глубине он сопоставим со сломом венской системы 1815 г., по прочности результатов уступал ей значительно.

Тем самым события 1914–1918 гг. правомерно рассматривать как начало нового типа международного порядка, а не как эпизод в рамках прежнего. Незавершённость перехода, оставившая систему в состоянии неустойчивого равновесия почти на два десятилетия, лишь подтверждает масштаб произошедшей перестройки.

Заключение

Обобщая проведённое сопоставление, следует признать за войной 1914–1918 гг. значение перелома, затро-

нувшего устройство международной системы в целом. Разрушение многополюсного баланса великих держав, распад четырёх империй и вынесение на первый план двух центров влияния с противоположными идейными основаниями складываются в картину качественного изменения, которое не сводится к простому перераспределению сил.

Три принципа, на которых строилась послевоенная система, – коллективная безопасность через наднациональную организацию, национальное самоопределение как основание государственности, признанное первенство внеевропейской державы, – не имели аналогов в устройстве XIX в. Каждый из них позднее лёг в основу международного порядка второй половины столетия, что позволяет отсчитывать становление современной системы международных отношений от Парижской мирной конференции 1919 г.

Неустойчивость Версальско-Вашингтонской системы вытекала из её происхождения. Урегулирование, не признанное справедливым проигравшей стороной и не обеспеченное силовыми гарантиями, сохраняло ревизионистский потенциал, реализовавшийся к концу 1930-х гг.

Спор о том, где пролегает граница между XIX и XX столетиями, решается в пользу датировки перелома 1914 годом. Именно тогда прервалась вековая линия относительной устойчивости, восходящая к 1815 г., и запустился процесс, определивший политическое лицо всего последующего периода: идеологизацию внешней политики, дробление империй на национальные государства, перенос центра мировой политики за океан. Промежуток 1914–1945 гг. при таком прочтении предстаёт единым кризисом перехода: первая фаза создала новую систему, вторая устранила заложенные в ней противоречия.

Трактовка Первой мировой войны как исходной точки трансформации международного порядка меняет оптику анализа последующих кризисов XX в.: их истоки во многом обнаруживаются в незавершённости урегулирования 1919 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булдаков В.П. Первая мировая война: геополитика и массы // Российская история. 2022. № 3. С. 95–108.
2. Гольцов А.Н. Роль Первой мировой войны в укреплении Великобритании на мировой арене и новый формат диалога с западноевропейскими государствами в первые десятилетия межвоенного периода // Вестник Калужского университета. 2024. № 2 (63). С. 5–13.
3. Горкуш С.В. Историческая обусловленность Первой мировой войны как глобального конфликта новейшей истории человечества // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 2–1. С. 6–11.
4. Ивонина Л.И. Торжество мира: международные конгрессы и европейское общество в эпоху дворов и альянсов // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. № 1 (111).
5. Канинская Г.Н. Вторая мировая война и трансформация международных отношений // Новая и новейшая история. 2021. № 2. С. 213–218.

6. Кильдюшов О.В. Политика как судьба: Макс Вебер о трагизме положения великой державы // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 3 (121). С. 104–111.
7. Ланник Л.В. Метаморфозы превосходства: германские военные миссии межвоенного периода как (пост)травматический опыт экспансии // Новая и новейшая история. 2024. № 4. С. 115–132.
8. Лобанов К.Н. Фактор военной силы и его влияние на политико-территориальные трансформации в условиях перехода к постглобальному миропорядку // Via in Tempore. История. Политология. 2024. Т. 51. № 2. С. 474–485.
9. Любимов А.П., Михайлов Ю.Г. XX век. Подготовка к Первой мировой войне // Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право. 2022. № 2–3 (17–18). С. 66–97.
10. Оздамирова Э.М. Первая мировая война причины, ход войны и её влияние на мировую историю // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 110–4. С. 120–122.
11. Панфилец А.В., Бредихин А.Л. Мировые войны в XX в.: причины и последствия // Ученые заметки ТОГУ. 2023. Т. 14. № 4. С. 37–44.
12. Сержантов А.В. Трансформация содержания войны: от прошлого к современному // Военная мысль. 2021. № 1. С. 45–56.
13. Турицын И.В. Феномен мировых войн: проблемы историко-теоретического осмысления // Современная научная мысль. 2022. № 5. С. 78–104.
14. Федотов Д.А. Противоречия системы международных отношений накануне Первой мировой войны // Наукосфера. 2021. № 4–1. С. 15–21.
15. Шишляникова Г.И. Некоторые аспекты обострения международной ситуации накануне Первой мировой войны // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2025. № 1 (42). С. 33–38.

© Вититнев Сергей Федорович (svititnev@yandex.ru), Бруз Владимир Виленович (vvb54@yandex.ru),
Артамонова Ярославна Сергеевна (mei_2018@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АБСОЛЮТИЗМ В ЕВРОПЕ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ И ЕГО РОЛЬ В СТАНОВЛЕНИИ ЦЕНТРАЛИЗОВАННЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ

Вититнев Сергей Федорович

Доктор исторических наук, профессор,
Российский государственный социальный университет
svititnev@yandex.ru

Бруз Владимир Виленович

Доктор исторических наук, профессор,
Государственный университет просвещения
vvb54@yandex.ru

Зенов Павел Евгеньевич

Кандидат юридических наук, доцент,
Российский государственный социальный университет;
АО Концерн радиостроения "Вега"
mei_2018@inbox.ru

ABSOLUTISM IN EARLY MODERN EUROPE AND ITS ROLE IN THE ESTABLISHMENT OF CENTRALIZED NATION-STATES

S. Vititnev

V. Bruz

P. Zenov

Summary: The centralization of state power in Europe during the sixteenth to eighteenth centuries and the transition from seigneurial fragmentation to the sovereign territorial monarchy remain the subject of a persistent historiographical debate. The disagreement concerns whether absolutism constituted a necessary stage in the formation of the centralized nation-state or merely one of several trajectories, alongside the parliamentary path of England and the composite monarchies of the Iberian and Central European regions. The aim of the study is to determine the functional place of the absolutist form of rule within the process of state centralization in the early modern period and its relation to the formation of the nation-state. Comparative-historical, historical-typological, and historical-genetic methods are applied; the empirical basis comprises the political and legal doctrines of sovereignty, the institutional practice of the French, English, Spanish and Brandenburg-Prussian monarchies, and the pivotal acts of the era – the Peace of Westphalia of 1648, the Edict of Nantes of 1598 and its revocation in 1685. A comparison of the trajectories shows that absolutism shaped the fiscal-military and administrative apparatus that outlived the absolute monarchy itself and became the load-bearing structure of the subsequent nation-state; the political nation as a community takes shape later than the apparatus and is superimposed upon it. The stable yet incomplete correlation between absolutism and centralization indicates that the absolute monarchy functioned as the dominant, though not the only, form of the early modern centralizing state on the continent. It did not amount to a universal stage of its development.

Keywords: absolutism, early modern period, centralized state, nation-state, sovereignty, fiscal-military state, estates.

Аннотация: Централизация государственной власти в Европе XVI–XVIII вв. и переход от сеньориальной раздробленности к суверенной территориальной монархии остаются предметом устойчивой историографической дискуссии. Разногласие касается того, выступал ли абсолютизм необходимой стадией складывания централизованного национального государства или же одной из нескольких траекторий, наряду с парламентским путём Англии и композитными монархиями Пиренейского и центральноевропейского ареалов. Цель работы – определить функциональное место абсолютистской формы правления в процессе государственной централизации раннего Нового времени и её отношение к формированию национального государства. Применены сравнительно-исторический, историко-типологический и историко-генетический методы; эмпирическую основу образуют политико-правовые доктрины суверенитета, институциональная практика французской, английской, испанской и бранденбургско-прусской монархий, а также узловые акты эпохи – Вестфальский мир 1648 г., Нантский эдикт 1598 г. и его отмена в 1685 г. Сопоставление траекторий показывает, что абсолютизм сформировал фискально-военный и административный аппарат, переживший саму абсолютную монархию и ставший несущей конструкцией последующего национального государства; политическая нация как сообщество складывается позже создаваемого аппарата и надстраивается над ним. Устойчивая, но неполная корреляция абсолютизма и централизации означает, что абсолютная монархия функционировала как господствующая на континенте, хотя и не единственная форма раннемодерного централизующегося государства. Универсальной ступенью его развития она не была.

Ключевые слова: абсолютизм, раннее Новое время, централизованное государство, национальное государство, суверенитет, фискально-военное государство, сословное представительство.

Введение

Складывание централизованного государства в Западной Европе XVI–XVIII вв. описывается в историографии через две несовпадающие модели. Первая связывает централизацию с абсолютной монар-

хией и рассматривает её как закономерную стадию, на которой корона подчиняет сеньориальные, сословные и городские автономии единому центру. Вторая ставит саму эту связь под сомнение, указывая на композитный характер большинства монархий эпохи и на английский путь, где централизация продвинулась без классическо-

го абсолютизма. Обзор современных подходов к ранне-модерному государству, выполненный А.В. Пенским [9], фиксирует смещение исследовательского интереса от нормативной картины «всевластного монарха» к реконструкции реальных пределов королевской власти, её договорной природы и зависимости от посреднических элит.

Противоречие обнаруживается уже на уровне понятий. Термин «национальное государство» применительно к XVI–XVII вв. используется условно: политическая нация в современном смысле ещё не сложилась, а централизуемый аппарат обслуживал династию и территорию, не апеллируя к суверенитету народа. Складывание государства как обезличенной публично-правовой конструкции и складывание нации как сообщества разведены во времени; на это разведение обращает внимание А.Я. Рубинштейн в теоретических заметках об эволюции государства [15]. Отсюда исследовательский вопрос: чем именно был абсолютизм для процесса централизации – его двигателем, его формой или его частным случаем.

Дополнительную сложность вносит разнонаправленность траекторий. Революции XVII–XVIII вв. в странах Запада, причины которых разбирает Д.А. Ростиславлев [4], показали, что усиление короны наталкивалось на сопротивление сословий и приводило к разным исходам – от восстановления абсолютной власти во Франции до её парламентского ограничения в Англии. Один и тот же импульс централизации давал несходные институциональные результаты. Это делает недостаточным описание абсолютизма как единой поступательной линии и требует типологического сопоставления национальных вариантов.

Материалы и методы исследования

Исследование опирается на сравнительно-исторический, историко-типологический, историко-генетический методы и метод исторической периодизации. Сравнительно-исторический метод применён к четырём монархиям – французской, английской, испанской, бранденбургско-прусской – как к контрастным вариантам централизации. Историко-генетический метод использован при реконструкции перехода от сеньориальной и сословной государственности к суверенной территориальной монархии. Периодизация международных отношений Нового времени, систематизированная в отечественной литературе А.Ф. Савченко [7], задаёт хронологические границы: нижняя относится к рубежу XV–XVI вв. с завершением территориальной консолидации Франции, Испании и Англии, верхняя – к последней трети XVIII в.

Эмпирическую основу образуют политико-правовые доктрины суверенитета XVI–XVII вв., институциональная

практика перечисленных монархий и узловые акты эпохи. К последним отнесены Аугсбургский религиозный мир 1555 г., Нантский эдикт 1598 г. и эдикт Фонтенбло 1685 г., Вестфальский мир 1648 г., английские Петиция о праве 1628 г. и Билль о правах 1689 г. Складывание внешнеполитического измерения суверенных государств прослежено по этапам западноевропейской дипломатии раннего Нового времени, выделенным Д.В. Мазарчуком [3]. Династические и территориальные ряды привлекаются в той мере, в какой они позволяют различить формы централизации без воспроизведения событийной канвы.

Результаты и обсуждение

Понятийным ядром абсолютизма выступает доктрина суверенитета. Жан Боден в трактате «Шесть книг о государстве» (1576) определил суверенитет как постоянную и неделимую верховную власть, не связанную положительным законом; спустя три четверти века Томас Гоббс в «Левиафане» (1651) довёл эту линию до концепции неограниченного носителя власти, учреждаемого договором. Доктрина закрепляла за короной право издавать закон, вершить суд и распоряжаться войной и налогом помимо согласия сословий. Г.Г. Пиков, характеризуя цивилизационное содержание европейской эпохи трансформации [8], связывает подъём этих доктрин с общим сдвигом от корпоративно-сословного к централизованно-территориальному принципу организации общества.

Абсолютизм наследовал средневековым представлениям о власти, переоформляя их. Преемственность христианских политических идей и их роль в генезисе новоевропейской государственности прослежены М.Р. Деметрадзе и С.П. Шороховой [13]; сакрализация королевской власти, идея «божественного права» королей опирались на средневековую традицию, но обслуживали уже новую, светскую по функции машину управления. Сходный сюжет разворачивается в реконструкции П.В. Кузенкова, показывающей эволюцию имперской идеи от Древнего мира к Новому времени [1]: универсалистская имперская модель уступала место множеству территориально ограниченных суверенитетов, что и зафиксировал Вестфальский мир 1648 г.

Классической формой абсолютизма стала французская монархия. При кардиналах Ришелье (1624–1642) и Мазарини (1642–1661), а затем в период личного правления Людовика XIV (с 1661 г.) корона выстроила систему интендантов – назначаемых чиновников, замещавших на местах власть родовой аристократии и провинциальных штатов. Генеральные штаты Франции не созывались с 1614 по 1789 г.; сословное представительство общегосударственного уровня фактически выпало из механизма власти. И.А. Исаев, разбирая образцы государственности Нового времени [5], усматривает во французской

модели соединения римско-имперского идеала единой воли с новой техникой административного контроля. Экономическую опору централизации составил меркантилизм кольберовского типа, подчинявший хозяйственную политику фискально-военным нуждам короны. О.В. Ким, обобщая идейные направления, связывающие ранний модерн с капитализмом [2], помещает эту политику в контекст перехода от средневековой к раннекапиталистической организации хозяйства.

Централизация имела религиозное измерение. Принцип «*cuius regio, eius religio*», закреплённый в Аугсбурге в 1555 г., отдавал определение конфессии территориальному государю и тем самым усиливал территориальную власть за счёт универсальной церковной. Отмена Нантского эдикта в 1685 г. подчинила религиозное единство королевства административной логике абсолютизма ценой хозяйственных потерь от эмиграции гугенотов. Конфликт и переплетение духовной и светской власти на пути к Новому времени прослежены И.А. Исаевым в работе о «двух империях» – церкви и государстве [11]; складывание территориального суверенитета сопровождалось перераспределением прерогатив в пользу короны.

Территориальное измерение оказалось не менее важным, чем институциональное. Оформление государства раннего Нового времени шло через фиксацию границы и сплошного, однородно управляемого пространства взамен лоскутной сеньориальной карты. Предпосылки складывания устойчивых межгосударственных образований в исторической ретроспективе, рассмотренные А.А. Обуховым [14], указывают на то, что этот каркас складывался в поле межгосударственного взаимодействия. Эту сторону процесса – превращение территории и границы в конституирующий признак государства – специально выделяет И.А. Исаев [6]. Сплошная территория, единая монета, унифицируемое право, и постоянная армия создавали материальный каркас, к которому позднее привязывалась национальная идентичность.

Отношение короны к сословному представительству служит наиболее чувствительным различителем траекторий. Во Франции общегосударственные Генеральные штаты выпали из практики на 175 лет, а провинциальные штаты уцелели лишь в части областей (*pays d'états*). В Англии парламент институционализировался как постоянный участник законодательства и вотирувания налогов; попытка Карла I править без него в 1629–1640 гг. окончилась политическим кризисом и гражданской войной. В испанской монархии кортесы отдельных королевств сохранились, однако утратили инициативу; в бранденбургско-прусских землях ландтаги были оттеснены военно-налоговой администрацией уже к середине XVII в. Один и тот же вопрос – согласие подданных на налог – решался

в этих государствах противоположным образом.

Сквозным двигателем централизации во всех перечисленных случаях служил военный императив. Рост постоянных армий в XVI–XVII вв., достигших к исходу правления Людовика XIV нескольких сотен тысяч человек, требовал регулярного налога взамен чрезвычайного и постоянного аппарата для его сбора. Война перестала обеспечиваться доходами домена и разовыми субсидиями сословий; её финансировали прямые подати, откупа и государственный долг. Отсюда бюрократизация. Продажа должностей во Франции, закреплённая полеттой 1604 г., превратила чиновничество одновременно в наследуемую собственность и в источник казённого дохода. Складывался тип государства, в котором фиск и армия влекли за собой развитие администрации и права, а доктрина суверенитета оформляла этот процесс и придавала ему легитимность.

Абсолютистская модель не была общеевропейской нормой. Английская монархия после Петиции о праве 1628 г., гражданских войн и Славной революции 1688 г. закрепила ограничение короны парламентом при сохранении высокой степени административной и фискальной централизации. Испанская монархия Габсбургов оставалась композитной: объединение Кастилии и Арагона при сохранении их отдельных установлений давало централизацию династическую, но не унитарную. В Бранденбурге-Пруссии при Великом курфюрсте Фридрихе Вильгельме (1640–1688) сложилась военно-бюрократическая разновидность, где постоянная армия и податный аппарат опережали в развитии прочие институты. За пределами Западной Европы централизация принимала ещё более отличные очертания: преобразования Петра I, помещённые С.Д. Мезенцевым в контекст мирового исторического процесса [10], и трансформация государств Востока в Новое время, описанная А.В. Панфиловым и А.Л. Бредихиным [12], демонстрируют, что фискально-военный императив действовал широко, а его институциональное оформление разнилось.

Различие траекторий удобно представить типологически (табл. 1).

Сопоставление обнаруживает, что общим для всех четырёх вариантов было наращивание фискально-военного аппарата, тогда как политико-правовая оболочка этого процесса различалась радикально. Франция довела до предела доктрину неделимого суверенитета короны и устранила общегосударственное сословное представительство. Англия достигла сопоставимой административной и налоговой плотности, сохранив и институционализировав парламент; централизация состоялась здесь без абсолютистской доктрины. Значит, наличие мощного централизованного аппарата не влечёт с необходимостью абсолютной формы правления –

Таблица 1.

Траектории государственной централизации в Европе раннего Нового времени.

Критерий сопоставления	Франция (классический абсолютизм)	Англия (парламентский путь)	Испания (композиционная монархия)	Бранденбург-Пруссия (военно-бюрократическая модель)
Политико-правовая доктрина	неделимый суверенитет короны, «божественное право» короля	верховенство «короля в парламенте», ограничение прерогативы	династическая уния при раздельных установлениях областей	княжеский суверенитет, подчинение сословий военным нуждам
Фискально-военный аппарат	постоянная армия, интенданты, откупная и прямая подать	флот и налоги под парламентским вотированием	имперские доходы, опора на заморское серебро и займы	прямой военный налог (конtribution), податная директория
Сословное представительство	Генеральные штаты не созывались с 1614 по 1789 г.	парламент как постоянный участник власти	кортесы областей сохранились, но ослаблены	ландтаги оттеснены военно-налоговой администрацией
Религиозная политика	конфессиональное единство, отмена Нантского эдикта 1685 г.	государственная церковь при веротерпимости после 1689 г.	конфессиональная однородность, инквизиционный контроль	веротерпимость по хозяйственно-военным соображениям
Вектор к национальному государству	унитарный аппарат опережает складывание нации	правовая рамка, позднее наполняемая национальным содержанием	слабая интеграция при сохранении областных идентичностей	государственный патриотизм на военно-служилой основе

Источник: составлено автором.

связь между ними исторически устойчива, но не тождественна.

Испанский и прусский случаи уточняют картину с двух сторон. Габсбургская монархия показывает предел централизации, наталкивающейся на композиционную структуру: единый государь при раздельных установлениях Кастилии, Арагона, итальянских и нидерландских владений давал слабую внутреннюю интеграцию и хрупкость при военном перенапряжении. Бранденбург-Пруссия демонстрирует обратную конфигурацию: военно-податный аппарат опережает в развитии право и представительство, а государственная лояльность строится на служилой основе прежде, чем оформляется какое-либо национальное самосознание. В обоих случаях аппарат первичен по отношению к нации.

Вестфальский мир 1648 г. закрепил территориальный суверенитет как норму межгосударственного порядка и тем зафиксировал результат внутренней централизации на внешнем уровне. Государство раннего Нового времени получило признанную границу, монополию на внешние сношения и право войны, независимое от имперско-универсалистских притязаний. Эта территориально-суверенная оболочка, а затем и её административное наполнение, стала тем, что позднее унаследовала национальная государственность. Нация вписывалась в уже готовый контур; сам контур создавался под династию и фиск.

Отсюда следует уточнение исходной дихотомии. Абсолютизм точнее описывать как господствующую на континенте, исторически конкретную форму раннемоде- рного централизующегося государства. Обязательной

ступенью, через которую проходит всякий путь к централизации, он не был. Национальное же государство в строгом смысле – с политической нацией как источником суверенитета – надстраивается над созданным в XVI–XVIII вв. административно-фискальным каркасом позднее, в конце XVIII–XIX вв. Абсолютистская монархия построила скелет, который переживёт её самоё; наполнение этого скелета национальным содержанием относится уже к следующей эпохе. Полученная картина складывается в пользу типологической, а не стадийной трактовки, обозначенной во Введении.

Заключение

Абсолютизм раннего Нового времени выполнял в европейской истории функцию основного, но не единственного механизма государственной централизации. Доктрина суверенитета, постоянная армия, назначаемая бюрократия, унифицируемое право и единое податное пространство сложились в XVI–XVIII вв. в устойчивый административно-фискальный комплекс. Материальную основу позднейшего национального государства составил этот комплекс; сама по себе форма правления такой основой не была.

Связь абсолютизма с централизацией оказывается тесной, но не безусловной. Английский путь показал, что высокая степень административной и налоговой концентрации достижима при парламентском ограничении короны; испанский и прусский варианты развели во времени и по значимости военный аппарат, право и представительство. Разнообразие исходов при общем фискально-военном импульсе не позволяет считать абсолютную монархию обязательной фазой государство-

гене́за.

Национальное государство в точном значении складывается позже создаваемого абсолютизмом аппарата. В XVI–XVII вв. централизованная машина обслуживала династию и территорию; политическая нация как носитель суверенитета надстраивается над ней в конце XVIII–XIX вв. Понятия «государство» и «нация», нередко сливаемые в обороте «национальное государство», в раннее Новое время разведены, и историческая последовательность здесь обратна привычному словосочетанию: сна-

чала аппарат, затем нация.

Функциональное место абсолютизма определяется этой последовательностью. Абсолютная монархия выстроила несущую конструкцию территориального суверенного государства и закрепила её узловыми актами эпохи – от Аугсбургского мира 1555 г. и Вестфальского мира 1648 г. до отмены Нантского эдикта в 1685 г. Дальнейшее наполнение конструкции национальным содержанием совершалось уже за пределами абсолютистской эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузенков П.В. Эволюция империи: от Древнего мира к Новому времени // Политическая наука. 2022. № 1. С. 80–99.
2. Ким О.В. Капитализм и ранний модерн на фоне средневековья: обзор идейных направлений // СибСкрипт. 2025. Т. 27. № 3 (109). С. 489–505.
3. Мазарчук Д.В. Основные этапы развития западноевропейской дипломатии раннего Нового времени // Известия Национальной академии наук Беларуси. Серия гуманитарных наук. 2023. Т. 68. № 3. С. 203–209.
4. Ростиславлев Д.А. О причинах революций XVII–XVIII веков в странах Запада // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2021. № 1 (41). С. 50–61.
5. Исаев И.А. Ретроспективы Нового времени: образцы государственности и Новый Рим // История государства и права. 2025. № 4. С. 2–10.
6. Исаев И.А. Открытие Нового времени: территория и граница // История государства и права. 2025. № 12. С. 2–6.
7. Савченко А.Ф. Периодизация международных отношений Нового времени в современной отечественной литературе // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. 2024. № 3. С. 68–86.
8. Пиков Г.Г. Эпоха трансформации в истории Европы с точки зрения ее цивилизационного содержания // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13. № 3–2. С. 298–312.
9. Пенской А.В. Проблемы формирования раннемодерных государств (сер. XV – сер. XVII вв.): современный взгляд // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2024. Т. 49. № 2. С. 263–272.
10. Мезенцев С.Д. Политические и социальные аспекты преобразований Петра Великого в контексте мирового исторического процесса // Вестник Забайкальского государственного университета. 2022. Т. 28. № 7. С. 87–95.
11. Исаев И.А. Две империи: церковь и государство на пути к Новому времени // История государства и права. 2025. № 9. С. 2–10.
12. Панфилец А.В., Бредихин А.Л. Трансформация государств Востока в эпоху Нового времени // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 11. С. 126–133.
13. Деметрадзе М.Р., Шорохова С.П. Истоки современной геополитики: христианские корни и средневековая преемственность // Вестник Института мировых цивилизаций. 2021. Т. 12. № 2 (31). С. 13–21.
14. Обухов А.А. Предпосылки и причины формирования межгосударственных интеграционных объединений в исторической ретроспективе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2021. № 1. С. 75–82.
15. Рубинштейн А.Я. Эволюция государства и провал общества: теоретические заметки // Экономическая наука современной России. 2023. № 1 (100). С. 33–47.

© Вититнев Сергей Федорович (svititnev@yandex.ru), Бруз Владимир Виленович (vvb54@yandex.ru),
Зенов Павел Евгеньевич (mei_2018@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО МОНГОЛИИ В ПЕРИОД МАНЬЧЖУРСКОГО ГОСПОДСТВА

ADMINISTRATIVE AND TERRITORIAL STRUCTURE OF MONGOLIA DURING THE PERIOD OF MANCHU RULE

E. Dugarova

Summary: This article describes the reorganization of Mongolia's administrative-territorial structure during the Qing Dynasty. An examination of the specifics of the implementation of the hoshun system in Mongolia reveals a gradual transformation of the socioeconomic structure of the nomadic pastoralist society. The organization of the system for governing the subjugated Mongol tribes took the form of the establishment of special Manchu administrative bodies. The most significant change in Mongolia's territorial organization was the introduction of the system of banners – khoshun. These were military-administrative bodies that governed the Mongol tribes that had become vassals of the Manchus.

In addition to their administrative functions, the banners (hoshun) were granted the right to administer justice over the population under their jurisdiction. To understand the specific features of the administrative system in Mongolia, it is important to examine the stages of the formation of the khoshun (banner) system as a political institution of the Qing court. Research into the interrelationship between the Manchu league system and the Mongol khoshun system holds promise for a deeper understanding of the social nature of these systems within the Manchu state.

Keywords: Qin Empire, Mongolia, Buddhism, legal framework, administrative-territorial division, khoshuns, military-administrative functions of the banners.

Дугарова Евгения Жэмбеевна

*Старший преподаватель, Бурятский государственный
университет им. Доржи Банзарова
dugarova.ew@yandex.ru*

Аннотация: Статья посвящена описанию реорганизации административно-территориального устройства Монголии в период династии Цин. Изучение особенностей внедрения системы хошунов на территории Монголии свидетельствует о постепенном изменении социально-экономического уклада кочевого скотоводческого общества. Организация системы управления покоренными монгольскими племенами выразилась в учреждении особых органов власти маньчжуров.

Наиболее значимым изменением в территориальном устройстве Монголии стало внедрение системы знамен – хошунов. Они были военно-административными органами управления монгольскими племенами, попавшими в вассальную зависимость от маньчжуров. Знамена (хошуны) кроме административных функций наделялись правом осуществлять суд над подвластным населением. Для раскрытия особенностей организации системы управления в Монголии важно изучить этапы формирования системы хошунов (знамен) как политического института цинского двора. Представляется перспективным исследование взаимосвязи между системами лиги маньчжуров и хошунов монголов для более глубокого раскрытия социальной сущности данных систем в маньчжурском государстве.

Ключевые слова: империя Цинь, Монголия, буддизм, правовая основа, административно-территориальное деление, хошуны, военно-административные функции знамен.

В связи с тем, что в 1605 г. отдельные монгольские земли попали в состав маньчжурского государства [1, с.67], начинается история господства цинской династии в Монголии. Позже, в 1634 г., после победы над Лыгден ханом маньчжуры подчинили всю Северную Монголию. Данный акт выразился в официальном признании власти цинского двора собранием 16 монгольских аймаков с участием 49 нойонов в 1636 г. На состоявшемся съезде Абахай хан был избран монгольским ханом, получив титул Богдо сэцэна. С этого времени северные монголы попали под влияние маньчжуров, чье властное покровительство усилилось в связи с преподнесением даров маньчжурскому императору в 1636 г. хаганами Халхи Сэцэн ханом, Тушээт ханом на официальной аудиенции, что в последующем было определено как «девять белых даров» маньчжурскому императору [8, с.110].

Усилением власти маньчжуров также стало их вмешательство в процесс наследования в среде монгольской знати. Впредь хаганы Халхи при передаче имущества по наследству должны были учитывать указания маньчжуров, что явилось свидетельством постепенного оформления зависимого положения Монголии. В этих условиях правители Халхи во главе с Жибзундамба хутагтой, Тушээт ханом, Чахундоржи в 1691 г. приняли на чуулгане решение о признании верховной власти маньчжурского хана. Маньчжуры для достижения своих политических целей активно поддерживали буддизм, способствуя его широкому распространению среди монголов. Так, проводили политику, направленную на привлечение верующих буддийской церкви на свою сторону. Именно в период маньчжурского господства в Монголии началось масштабное возведение буддийских храмов. Так, одним из первых был построен храм бога Махагала. Далай-ла-

ме V, обретшему большой авторитет среди монголов, был преподнесен титул Очир Дарь Далай лама с присуждением золотой печати. Широко практиковалась раздача должностных титулов представителям высшей буддийской иерархии. В 1693 г. Жанжаа хутагта был удостоен должностного звания «Засаг да лам». Позже Жибзундамба хутагта был провозглашен главой буддийской религии Халхи, а Жанжаа хутагта – главой Северной Монголии [7, с.47].

Позднее, как известно, Жибзундамба был объявлен цинским двором главой буддийской религии в Монголии.

Система государственного устройства Монголии в период маньчжурского господства была основана на властных повелениях, установлениях маньчжурских ханов с целью постепенного подчинения всей Монголии. Территория была разделена на Внешнюю и Внутреннюю Монголию.

В 1631 г. маньчжуры учредили шесть самостоятельных министерств в качестве центральных органов управления монголами.

В 1636 г. для управления территорией Монголии создано высшее единое учреждение – Монгол Жургаан, во главе которого были поставлены Ашин дархан (в некоторых источниках Нихан) и тавнан Даячи [8, с.103].

Новое учреждение занималось вопросами организации системы управления на территории Монголии, поощрения, присвоения чинов. В 1638 г. Монгол Журган был преобразован в Палату внешних сношений (Монголын төрийг засах явдлын яам), что фактически означало повышение правового статуса. Главой вновь учрежденного органа был поставлен монгольский нойон Боруу.

В 1661 г. в результате реорганизации при Палате были созданы отделы усмирения подданных, контроля должностных лиц, назначения наказания, церемониальный для организации приема гостей. После того как Северная Халха попала под управление маньчжуров, в 1691 г. в связи с расширением сферы управления властные полномочия всех министерств были уравнены. В состав Палаты входили высшие сановники, нойоны, формировавшие системы управления левого и правового крыльев. Структурно Палата делилась на отделы: канцелярии, организации аудиенции у императора, управления подвластными аймаками, усмирения ближних и дальних территорий, рассмотрения уголовных дел.

Таким образом, Палата представляла собой центральный орган маньчжурского государства для управления Монголией. Одной из особенностей организации деятельности являлось то, что если ранее центр управ-

ления находился в самой Монголии, то с XVII в. был перенесен в Пекин. Правовой основой организации системы управления Монголией являлась совокупность нормативно-правовых актов, изданных маньчжурами:

- Сборник законов Великой династии Цин (Da Qing Hui Dian), известный в научной литературе Монголии как Шүүх цааз;
- Монгол цаазын бичиг – закон, специально разработанный для управления Монголией в 1643 г., позже, в 1741 г., были внесены изменения, дополнения. Данный закон преимущественно действовал на территории Внутренней Монголии [5, с.13];
- Хууль зүйль бичиг – сборник законов, включавший более 150 статей в период правления Энхамгалан хана в 1625 г. Позже, в 1789 г., издана новая редакция с изменениями и дополнениями, всего 200 статей. В 1815 г. проведена очередная систематизация, в ходе которой Хууль зүйль бичиг пополнился указами, решениями императора по вопросам правового положения буддийской церкви и духовенства.

Новая редакция Хууль зүйль бичиг включала 700 статей. Последняя, самая поздняя редакция закона, была издана в 1890 г., структурно включала с новыми статьями 1550 норм [7, с.13]. В законодательстве маньчжуров детально регламентированы вопросы организации и деятельности системы управления Монголией, порядок наследования чинов, званий нойонами, порядок организации аудиенции у главы государства, вопросы выдачи должностным лицам официальной государственной печати, организация уртонной службы, поощрения должностных лиц, торговли, караульной службы, правового положения духовенства, а также виды преступлений: против личности, имущества, семьи. В законах маньчжуров учитывались обычно-правовой порядок, традиции монголов. Исконно монгольским актом в рассматриваемый период являлся Халха Джирум.

Для управления территориями Монголии были созданы учреждения, в состав которых входили крупные сановники. Так, в 1636 г. для управления Внутренней Монголией в Хух Хото создан государственный орган Жанжны Газар – верховное главное военное управление.

В 1723 г. министерство Шанзудбы для управления шабинарами Жибзундамбы хутагты. В 1725 г. введена должность для регулирования взаимоотношений с монголами, населением Тибета. В 1724 г. в Улустае учреждена должность помощника военного управителя (туслагч жанжны газар) для осуществления властных полномочий на территории всей Северной Монголии. После создания Их Хүрээ – религиозно-административного центра, а также аристократического органа высших сановников властные полномочия распространены на

аймаки Сайн ноён хана, Засагт хана и на население территории Хөв гола.

Учреждение военного управителя структурно делилось по предметам ведения и полномочиям на отделы по вопросам внутренних дел, казны, военных дел, управления монголами. В состав входили советники из числа маньчжурской и монгольской знати. При учреждении предусматривалось войско зеленого флага для выполнения карательной функции в интересах военного управителя.

Кроме того, предусматривались специальные должности для решения вопросов организации уртонной службы. Особый статус определялся при учреждении специального направления – чиновничье место для защиты имущества хана. Назначенные на должности высшие сановники, военачальники ведали всеми делами на местах, осуществляли контроль за деятельностью уртонов, пограничной службы, аймаков, хошунов, должностных лиц, представляли собой репрессивный аппарат власти. Аппарат пограничной службы состоял из многочисленных чиновников, представляя собой грозный орган с карательными функциями.

Например, в учреждении управителя в Уластайе насчитывалось более 200 чиновников, Их Хүрээ – 170.

В связи с созданием органов высшего военно-административного управления на территории Монголии маньчжуры подвергли изменению систему местного управления. В ходе масштабной реорганизации цинский двор учитывал опыт организации традиционной системы управления монголов на местах. Главным изменением в территориальном устройстве на местах стали хошуны (знамена) как основа системы управления. В 1636 г. по результатам переписи населения Внутренней Монголии было увеличено число хошунов до 49, 24 аймака внутренней Монголии реорганизованы в 6 чуулганов, в том числе Чуулган Жирим с 10 хошунами, Зоостын – 5, Шилийн гол чуулган – 10, чуулган Улаан Зав – 6, чуулган Ордоса – 7 [8, с.109].

Реорганизация административно-территориальной системы на местах проводилась с целью учреждения военно – территориальных единиц, усиления контроля, репрессивно-карательных функций на местах. Если на юге Монголии традиционная система аймачного управления была ликвидирована, то в Северной Монголии, Халхе три аймака были сохранены. При этом политика маньчжуров была направлена на постепенное увеличение количества хошунов – административной территориальной единицы военного характера. Так, если в 1691 г. хошунов насчитывалось 32, то в 1696–55, 1713–65, 1725 – 74 [7, с. 49]. Указанный факт свидетельствует об усилении карательной политики маньчжуров на местах.

В результате масштабной реорганизации системы управления в Монголии при каждом чуулгане были созданы хошуны – военно-административные территориальные единицы. Сеть хошунов была создана повсеместно в Монголии.

После вхождения ойратов в 1697 г. в состав маньчжурского государства в период с 1755 по 1756 г. была установлена новая система управления территориями ойратов, западных монголов. Как и в других составных частях Монголии, основной единицей новой административной системы являлись хошуны. Административно-территориальные единицы – чуулганы, хошуны, введенные маньчжурами, не являлись самостоятельными, будучи составными частями централизованного аппарата управления маньчжурского государства.

Чуулган – собрание, заседавшее 1 раз в год под руководством высших сановников маньчжурского государства: ванов, гунов. Вновь созданные усилиями маньчжуров чуулганы окончательно ослабили авторитет аймачных хаганов, власть которых в новых политических условиях была на уровне хошунных учреждений. Чуулганы представляли собой своеобразный союз представителей маньчжуров и монгольских хошунов. Они решали вопросы управления населением хошунов, военного устройства, контроля военной подготовки, патрульной службы, а также обладали особыми полномочиями в сфере судопроизводства: рассматривали жалобы населения хошунов. Решения по рассмотренным делам, согласно установленному порядку, должны были утверждаться Палатой внешних сношений.

Из числа состава чуулгана выбирали главу собрания, его заместителя. Избранные должностные лица утверждались указом маньчжурского хагана. Должность главы чуулгана не переходила по наследству. Главы чуулганов получали специальную печать от маньчжурского хана как атрибут государственной власти на местах. Так, например, чуулгану местности Хэрлэн Барс в 1748 г. была вручена печать с гравировкой названия данной местности: «чуулган Хэрлэн барс хотын» [8, с.113]. Наряду с главами чуулганов при каждом хошуне находились уполномоченные чиновники, несшие службу поочередно, в должностные обязанности которых входили вопросы организации ежедневной деятельности учреждений на местах.

В целом по всей территории Монголии, за исключением владений Галдан бошигт хана Джунгарии, были созданы наряду с системой территориального управления – жасаа. Например, Ховдын Халхын жасаа, аймгийн жанжны жасаа. Особенность организации деятельности жасаа заключалась в несении службы поочередно утвержденными из аймаков, хошунов должностными лицами. В их обязанности входило доведение до сведения

населения решений высших сановников, военачальников аймаков, глав чуулганов, решение административных вопросов.

Маньчжуры, подчинив монголов, исключили из делового оборота традиционные монгольские названия территориальных единиц: улс, тумэн, заменив их понятием «аймак». Аймак вполне соответствовал целям управления монголами. Основой для формирования выступили хошуны, аймачные собрания. Хаган аймака не мог управлять хошунами, он подчинялся главе собрания. Несмотря на ограниченный статус по законодательству маньчжуров, хаганы аймаков обладали среди населения большим авторитетом. Вначале они не получали жалование из казны маньчжурского государства, позже благодаря усилиям Сэцэн хана Чойжава с 1733 г. назначена ежегодная материальная выплата в размере 2500 ланов.

Хаганы аймаков в своей деятельности использовали специальную печать. Так, в 1720 г. Сэцэн хан обладал печатью четырехугольной формы с оттиском на монгольском и маньчжурском языках «Халхын Сэцэн хан» с изображением льва. С 1692 г. согласно военной политике в соответствии с принципами организации маньчжурского государства аймакам было дано дополнительное название. Так, аймак Сэцэн хана официально определялся как восточный путь Халхи, аймаки Тушээт хана, Сайн нойон хана – северный путь, аймак Засагт хана – западный путь Халхи. В каждом аймаке вводилась должность помощника главного военного управителя для решения вопросов военного назначения на соответствующей территории. Помощников управителя снабжали специальной печатью, флагом, наделяли равными полномочиями чуулганов. Им присваивали чины вана, гуна, они имели право рассматривать уголовные и гражданские дела [7, с.120].

Таким образом, основой административно-территориального устройства, по сути, представлявшей военную систему, являлся хошун.

По способу и форме организации, объему полномочий хошун являлся низшей административно-территориальной единицей в системе местного управления. Выделялось три вида:

- хошун во главе с нойоном;
- хошуны правителей или с общим населением;
- хошуны буддийского духовенства, хутагты.

В Монголии первые хошуны были созданы в 1636 г. по итогам переписи населения территории племен Цахир и Хорчин [6, с.173].

Маньчжуры при учреждении хошунов заимствовали монгольское название территориальной системы управления. В 1614–1615 гг. маньчжурами созданы 8

хошунов в качестве опорных военно-территориальных единиц. Каждый хошун должен был выставить по первому требованию цинского двора до 300 воинов. Маньчжуры использовали все методы для укрепления вновь созданных военно-административных территориальных единиц. Так, для упрочения основ имперской системы управления маньчжуры широко применяли заключение брачных союзов с представителями монгольской знати, вошедшими в состав маньчжурского государства в начале XVII в.

В составе хошунов выделялись нируу – суммы, военно-административные подразделения маньчжуров, известные со времен Нурхацы. Позже на территории племени хорчин был создан еще один вид хошунов – монгол хошун. В составе 8 хошунов было всего 308 сумов, из которых 76 были монгольскими.

Как отмечают монгольские исследователи, население некоторых монгольских хошунов со временем ассимилировалось в среде маньчжуров, а отдельные маньчжурские объединились с монгольскими [2, с.145].

Самым распространенным видом хошунов являлся Засаг хошуу (административные хошуны). Данный вид хошунов составлял более 80 % от общего числа. Во Внутренней Монголии – 49, Северной Монголии – 86, на территории Хох нуур-28, общее количество Засаг хошунов составляло 160 [3, с.265]. Административные хошуны, известные в Монголии со времен правления золотого рода чингисидов, нашли применение в системе управления маньчжуров. Вопросы, отнесенные к ведению хошунов, законодательно регламентировались маньчжурскими нормативными актами. Основными функциями хошунной администрации являлись рассмотрение судебных дел, сбор налогов, распределение пастбищных угодий.

Административные нойоны выполняли также функции военачальников. Вопросы определения, изменения правового положения нойонства: переход по наследству должности, смещение с занимаемой должности, присвоение новых титулов, чинов относились к ведению маньчжурских чиновников. С 1732 г. установлено правило предварительного утверждения и регистрации наследуемых должностей хошунными нойонами [8, с.114]. Известно, что первым наследовал должность отца сын Тушээт хана Данзандоржи Доржсавд.

Хошунные нойоны в действительности были управителями административной территориальной единицы маньчжурского государства. В период с 1686 по 1919 г. в 86 хошунах 4 аймаков Северной Халхи насчитывалось более 900 нойонов, в среднем в 1 хошуне правили 9–10 нойонов. В целом в Монголии насчитывалось не менее 1600 нойонов [9, с.35].

Административные хошуны делились на сумы. Так, сум состоял из дворов (семей), совокупность которых способна была выставить 150 воинов возрастной категории от 16 до 60 лет. Сумы, учрежденные в Монголии маньчжурами, были соотносимы с сотней, звеном численной системы периода Монгольской империи. Сум делился на девятки. В случае несостоятельности выставить по требованию государства нужное количество воинов он именовался «хондо-хагас» - полсума.

Хошуны правителей или особые, специальные хошуны (даргат хошуу) не имели наследных правителей – нойонов. Они назначались маньчжурами. В хошунах правителей не созывались чуулганы, у них отсутствовало право управлять уртонами. К первым даргат хошунам на территории Монголии, созданным в 1636 г., относились 8 хошунов Цахара, 1 хошуун Урянхая, Алтая. Общее количество даргат хошуу составляло около 60, численность не была постоянной, они часто подвергались реформированию. Внутреннее организационное устройство даргат хошунов было схоже с административными хошунами.

Особый вид хошунов – Шавь хошуу. «Хууль зүйль бичиг» определял порядок управления ламаистским духовенством – шабинарами, наподобие административной власти над зависимым населением. Именно для управления шабинарами были созданы Шавь хошуны. Они создавались, если численность зависимого населения достигала свыше 700 человек. Первый Шавь хошуу был учрежден Жибзундамбой в 1723 г. в Халхе. В 1737 г. для управления шабинарами Зая Бандидо Хутагты по указу маньчжурского хана был учрежден институт Шанзудбы, снабженный печатью, символизирующей властные полномочия. Шанзудба наделялся равными полномочиями с правителями – нойонами. Хошууны делились по аналогии с сумами на отоки, которыми управляли зайсаны, шуленги, дэмчи – специальные должностные лица. При организации новой административно-территориальной системы монголы в составе хошунов стали определять свою принадлежность по территориальному принципу, на основании проживания в хошунах. Заметим, что система знамен-хошунов перекликается с численной системой организации армии в период правления Чингисхана, в основе которой лежал неродовой принцип.

Во главе хошунов стояли нойоны, власть которых подтверждалась официальной печатью, опиравшиеся в своей деятельности на канцелярию. Она состояла из многочисленных чиновников разного ранга. Помощник должен был ежедневно помогать нойону в осуществлении им административных функций, назначался из числа знати: тайджей, тавнанов, утверждался в должности указом маньчжурского хана.

Шабинские хошуны находились под контролем са-

новников маньчжурского хана. При этом в пределах, установленных маньчжурским законодательством, применялись нормы «Халха Джирум».

Организация шабинских хошунов, ранее не известных в административно-территориальной системе монголов, связана с распространением буддизма в Монголии под покровительством маньчжуров. Если в XVIII в. в Монголии было всего 7 шабинских хошунов, то в последний период государства Цин только в Халхе насчитывалось 11. В Халхе наряду с 11 хошунами хутагты с печатью от маньчжурского хана насчитывалось более 50 хутагты без печатей [10, с.131]. Из вышеизложенного следует, что маньчжуры при реорганизации административно-территориального устройства Монголии некоторые ранее существовавшие аймаки, отоки упразднили в результате укрупнения хошунов. При учреждении аймаков, хошунов устанавливались четкие границы территорий с разделением численности населения. При этом в один хошун включали множество родов.

Отметим, что помощник управителя занимал должность ограниченный срок, не мог передавать его по наследству. Управителя утверждали по согласованию с главой чуулгана, из числа нойонов. В большинстве случаев из числа хошунных тайджей, ванов, гунов занимали должность без ограничения во времени, на постоянной основе.

Мээрин или залан (название имеет маньчжурское происхождение) ведали военными вопросами, работали под началом помощника управителя, назначались административными нойонами хошунов.

Сум возглавлял должностное лицо занги, назначался из хошуна, под его руководством работало множество мелких должностных лиц: орлон хөөгч, бошго, главы 10 семей. Маньчжуры проводили в монгольской среде политику, направленную на раскол, потому в начале XVIII века была создана система, согласно которой знать с чином выше тайджей, тавнанов: ван, гун, в целях разграничения от простого населения не включали в книгу реестров податных лиц.

Главы хошунов (хошун да, их да), заместители глав (дэд да) их тайджи, тайджи бошго осуществляли контроль за моральным обликом служилой знати.

Было специальное управление вана, ведавшее вопросами руководства дворцом административного нойона, организации жизнедеятельности, обеспечения питания, торжеств. При специальном управлении вана работали должностные лица байшинда, хапун, бойда, бичээч. По характеру осуществляемой деятельности учреждение напоминало службу при дворе Чингисхана в древние времена.

Таким образом, монгольские земли в период маньчжурского господства с самого начала подчинения подверглись реорганизации. На территории, населенной монголами, была внедрена система хошунов (знамен) – основа социально-политической системы империи Цин.

Хошунная реформа была самой масштабной, в рамках которой проводились и другие преобразования в разных сферах монгольского общества. Политика маньчжуров по отношению к монголам была хорошо

продуманной, о чем свидетельствует факт сохранения традиционной монгольской нормативно-регулятивной системы, а также целенаправленное распространение буддизма среди монголов. Учреждение системы хошунов (знамен) стало возможным в силу общих черт социальных систем монголов и маньчжуров. Анализ процесса формирования системы хошунов, а также их функций позволяет определить их главное назначение – военно-административное.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баярсайхан Б. Правовое исследование «Монгол цаазын бичиг». Улан-Батор: изд-во МУИС, 2005. 190 с.
2. Болдбаатар Ж., Лундээжанцан Д. Исторические традиции государства и права Монголии. Улан-Батор: Адмон, 1997. 393 с.
3. Монгол цааджин бичиг (исследование источников). Кн.1. Улан-Батор: изд-во МУИС, 2004. 408 с.
4. История монгольского государства. Кн.II. Улан-Батор: изд-во ШУА, 2006. 448 с.
5. История монгольского права. Кн.I. Улан-Батор: изд-во МУИС, 2006. 204 с.
6. История Монголии. Т.I. Улан-Батор: изд-во ШУА, 2003. 327с.
7. История монгольского государства и права. Кн.II. Улан-Батор: изд-во ШУА, 2006. 210 с.
8. Санждорж М. Из истории монгольского государства (XIII-XIXвв.). Улан-Батор: изд-во ШУА, 1998. 189 с.
9. Сономдагва Ц. Реформы административно-территориального устройства Монголии (1691–1997). Улан-Батор: изд-во ШУА, 1961. 146 с.
10. Сономдагва Ц. Административное устройство Северной Монголии в период маньчжурского правления. Улан-Батор: изд-во ШУА, 1961. 157с.

© Дугарова Евгения Жэмбеевна (dugarova.ew@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБРАЗ ГАГАРЫ КАК ПТИЦЫ-ШАМАНА В ВЕРОВАНИЯХ ЯКУТОВ И У ДРУГИХ НАРОДОВ СИБИРИ: СРАВНЕНИЯ И АНАЛИЗ ОЦИФРОВАННОГО ЭКСПОНАТА

Ермолаев Алексей Николаевич

Аспирант, Северо-Восточный федеральный университет
имени М.К. Аммосова, Якутск, Российская Федерация
ermolaaleksey@yandex.ru

THE SHAMANIC IMAGE OF THE LOON IN THE BELIEFS OF THE YAKUTS AND OTHER PEOPLES OF SIBERIA: ANALYSIS OF THE DIGITIZED EXHIBIT

A. Ermolaev

Summary: The article examines the sacred semantics of the image of the loon in the beliefs of the Yakuts and other peoples of North Asia. Based on the analysis of ethnographic sources, the cosmogonic role of the demiurge bird, as well as related taboos, is revealed. The practical part of the work is based on the analysis of an exhibit of a wooden figure of a loon digitized by photogrammetry from the collections of the "Taatta" Museum. The created three-dimensional model allowed for a technological analysis of the exhibit. During the study of the model, traces of manual woodworking with an ads were recorded, as well as signs of ritual usage were revealed.

Keywords: loon, shamanism, Sakha mythology, Dolgan, Evenki, photogrammetry, 3D-model.

Аннотация: Статья посвящена исследованию сакральной семантики образа гагары в верованиях якутов и других народов Северной Азии. На основе анализа этнографических источников раскрыта космогоническая роль птицы-демиурга, а также связанные с ней табу. Практическая часть работы основана на анализе оцифрованного методом фотограмметрии экспоната деревянной фигуры гагары из фондов музея «Таатта». Созданная трехмерная модель позволила провести технологический анализ экспоната. В ходе изучения модели зафиксированы следы ручной обработки дерева теслом, а также выявлены признаки ритуального использования.

Ключевые слова: гагара, шаманизм, мифология якутов, долганы, эвенки, фотограмметрия, 3D-модель.

Введение

Шаманизм является основой традиционного мировоззрения якутов, долган, эвенков и нанайцев. В культуре этих народов вера в одушевление природы и деление вселенной на разные миры закрепила за шаманом роль главного посредника между людьми и духами. При всех местных особенностях обрядов их объединяют общие представления о ритуальном путешествии шамана в иные сферы, где он действует при обязательной поддержке своих духов-помощников.

В сибирском шаманизме птицы играют особую роль. Если орлам или лебедям в научных работах уделено значительное внимание, то гагары изучены слабо. Гагара в верованиях якутов и их соседей – проводник в Нижний мир. Из-за способности глубоко нырять ее воспринимали как проводящего между Средним и Нижним мирами. Шаманы использовали образ гагары в ритуалах, отождествляли себя с ней во время камлания или крепили ее изображения на костюмы как амулет. У каждого народа Сибири были свои представления: у одних гагара создавала сушу, у других – спасала души людей.

Объектом исследования выступил экспонат Ытык-Кюельского музея-заповедника «Таатта» в виде деревян-

ной птицы, идентифицированной нами как гагара. Он без музейного номера. По сведениям работников музея это «Шаман-птица», в 1945 году ее подарил музею Иван Попов, однако более детальных подробностей у них нет. Визуальное исследование выявило неудовлетворительное состояние экспоната (хрупкое старое дерево), поэтому было решено создать трехмерную модель методом фотограмметрии и только после этого проводить дальнейшие исследования.

Культура якутов имеет южные корни, но их шаманские обычаи сформировались под влиянием соседних северных народов. Поэтому рассматривать якутский культ гагары отдельно от остальной Сибири нельзя. Необходимо сравнить фольклор саха с традициями других сибирских народов, у которых эти древние сюжеты зафиксированы лучше всего. Только такое сравнение дает общую мифологическую базу. На основе сибирских параллелей мы оцениваем и наш главный источник – деревянную фигуру птицы.

Семантика и ритуальные функции образа гагары в якутской традиции

В мифологии и фольклоре якутов гагара (*куобас*) традиционно относится к категории сакральных птиц,

ассоциирующихся с нижним миром и религиозно-магической практикой шаманизма. По замечанию Г.У. Эргиса, космогонический сюжет, связанный с птицей, был наиболее развит у северных якутов. В мифах о сотворении мира ключевую роль выполняют утка и гагара. Согласно фольклорным версиям, птицы выступают посредниками или творцами суши, добывая землю в клюве со дна первозданного моря. В одних вариантах гагара утаивает часть земли, за что подвергается проклятию божества, в других – именно из вынесенной ею щепотки земли божество (*айыы*) создает земную твердь и людей [11, с. 100]. И.С. Гурвич, анализируя космогонию северных якутов, также отмечал, что гагара в их представлениях прочно связывалась с нижним миром и процессом сотворения земли [5, с. 193].

Способность шамана погружаться в подземный океан в облике гагары объясняется не просто природным умением этой птицы нырять. В основе ритуала лежит глубинная космогоническая связь: шаман принимает образ того существа, которое на заре времен уже совершило первоначальный спуск на дно океана, чтобы достать землю при сотворении мира [5, с. 223–224].

Благоговейно-опасливое отношение к птице нашло отражение и в хозяйственно-бытовой сфере. Как зафиксировал В.Л. Серошевский, в якутской культуре существовало строгое промысловое табу на добычу гагары: на нее не охотились и не стреляли, воспринимая ее как вредную птицу, связанную с шаманской практикой [8, с. 130].

Постоянное призывание гагары шаманами во время камланий привело к тому, что ее часто приравнивали к категории злых шаманских духов. Такое опасливое отношение к ней сформировало систему строгих запретов в быту:

- Пищевое табу: употребление мяса гагары в пищу считалось грехом. Этот запрет связывали с внешним видом птицы – ее острым клювом, а также с жесткостью мяса и прочными, трудно ошпыиваемыми перьями. Родственниками гагары по этим признакам (жесткость мяса, прочность пера и отсутствие перепонки на лапах) якуты считали хохлушу и ушастую поганку, поэтому их мясо также запрещалось есть.
- Табу для рожениц: строгий запрет на мясо гагары соблюдали молодые матери и беременные женщины. По народным поверьям, нарушение табу могло навредить будущему ребенку: он мог родиться с вывернутыми ступнями, как лапы у гагары, или в детстве постоянно бездумно галдеть, подражая ее крику [12, с. 238].

Использование образов птиц в обрядовой практике якутов напрямую влияло на устройство шаманского

костюма. Как указывает Н.А. Алексеев, металлические пластинки, изображающие гагару, наряду с фигурами других пернатых (стерха, лебедя, чайки), являлись важной символической принадлежностью ритуального костюма. Количество таких подвесок на кафтане шамана варьировалось от трех до семи, отражая количество «наследуемых» им духов-помощников [1, с. 131]. Согласно этнографическим материалам Э.К. Пекарского и В.Н. Васильева, кованная фигура гагары устанавливалась на передней части костюма – на нагруднике. При этом образ гагары обладал двойным значением: с одной стороны, на конкретных ритуальных костюмах она могла отождествлять духов Верхнего мира, с другой – выступала как проводник при путешествии в Нижний мир.

Перевоплощение шамана (*ойууна*) в гагару происходило при преодолении самых опасных рубежей подземного пространства:

- Пересечение водной преграды Нижнего мира: во время камлания над рекой смерти шаман мысленно обращался в гагару. В этом облике он перелетал опасные участки, время от времени нырял в воду и задерживался на подводных препятствиях [1, с. 133].
- Погружение в океан смерти: в обрядовой практике северных якутов путь за похищенной душой больного (*кут*) представлял собой спуск на самое дно подземного океана.

Расстояние до подземного мира, где обитали духи – виновники болезни, измерялось олохами (остановками). Шаман опускался в океан смерти, подражая крику гагары. Начиная с четвертого олоха, он заставлял присутствующих бить в бубен, на котором символически перемещался вглубь океана. Добравшись до жилища духа, шаман находил и захватывал душу (*кут*) больного, после чего возвращался обратно в средний мир [1, с. 167].

Космогонические параллели в традициях народов Северной Азии

Сюжеты о птице-демиурге и мотив «ныряющей птицы» зафиксированы на обширной территории Северной Азии. У многих соседних народов гагара также наделялась космогонической функцией. Г.М. Василевич отмечает, что в креационных мифах эвенков в роли помощников творца фигурируют гоголь и гагара. Согласно эвенкийскому фольклору, именно гагара погрузилась на дно первозданных вод, достала оттуда землю и выплюнула ее на водную поверхность. Схожие представления, где главными птицами-демиургами выступают лебедь и гагара, известны и у нанайцев [3, с. 214].

Металлическая пластинка с изображением гагары находила прямое применение в шаманской практике у коренных народов Севера: якутов, долган и тунгусов. Как

зафиксировал В.Н. Васильев в Туруханском крае, прикрепленное к шаманскому нагруднику железное изваяние птицы использовалось для извлечения духа болезни из тела человека. Склонившись над больным, шаман слегка покалывал его острым металлическим клювом подвески. Согласно поверьям, подвластный ему дух буквально выклеивает из больного вселившегося туда злого духа [4, с. 31–32].

Изображения птиц часто использовались при изготовлении ритуальной одежды сибирских шаманов. Например, кованая гагара на кафтане долганского шамана указывала на его принадлежность к родовому тотему. У нганасан, энцев и эвенков на костюмах для камлания духам Верхнего мира крепились железные подвески в виде гусей или гагар. По народным поверьям, под покровительством птицы-демиурга шаман мог безопасно подниматься вверх, пока сама подвеска отвлекала на себя внимание злых духов. У енисейских эвенков данные предметы назывались *этанами*. Считалось, что они изображают души птиц, рыб и животных-помощников, которые вселялись в тело шамана и питали его своей кровью. Среди них С.В. Иванов описывает фигурки гагар, уток, лебедей, чирков и соколов [6, с. 214–216]. Эти подвески оберегали шамана, предупреждали о появлении злых духов, а также служили посыльными, разведчиками и средством передвижения во время обряда [6, с. 182].

В быту долган изображение гагары встречалось не только на шаманской одежде, но и на предметах упряжи. Примером служит металлическая скоба для вожжей, которую крепили к женским оленьим нартам. Этот предмет у долган назывался *гуааркой*. Несмотря на практическое назначение, скоба считалась священной вещью, так как повторяла образ почитаемой птицы. Она служила личным оберегом женщины и, по поверьям, защищала ее от болезней и нечистой силы. Особую роль *гуаарка* играла в свадебных традициях. Жених дарил ее невесте во время заключения брака, поэтому предмет служил важным знаком в отношениях между родами. Так, через обычную деталь упряжи образ священной птицы входил в свадебные традиции северных народов [2, с. 224].

В хозяйственно-бытовом укладе долган гагара не принадлежала к числу промысловых птиц, и ее мясо никогда не употреблялось в пищу. Однако прочные и непромокаемые птичьи шкуры активно применялись при пошиве одежды. В промысловой практике существовали жесткие половозрастные запреты: шкурки гагары шли на изготовление зимних шуб исключительно для маленьких мальчиков, тогда как для девочек шить из них что-либо запрещалось. Взрослым женщинам также не позволялось прикасаться к шкуре этой птицы. Подобная система табу отличает долган от многих других коренных этносов Севера – канинских ненцев, чукчей и ительменов, у которых шкура гагары исторически при-

знавалась традиционным сырьем для пошива нательной одежды [7, с. 87].

Оцифровка музейного экспоната методом фотограмметрии: анализ особенностей и следов его ручной обработки

Как отмечалось выше, в ходе исследования мы сделали цифровую трехмерную модель деревянной птицы-гагары (рис. 1). Она позволила детально проанализировать технологию изготовления фигуры, оценить сохранность древесины, а также выявить следы инструментов, оставленные мастером на ее поверхности.

1. Материал и следы бытования предмета

На оцифрованном экспонате отчетливо прослеживаются глубокие трещины, которые пошли вдоль волокон в результате усыхания древесины. Серый цвет древесины, выветренная матовая поверхность и плотные годовые кольца говорят о большом возрасте объекта. В основании туловища на трехмерной модели виден крупный круглый сучок – след от срезанной ветки. Видимо, птицу вырезали из изогнутого комля или деревянного развилка, где сам изгиб дерева первоначально повторял контур птичьей шеи.

2. Следы плотницких инструментов

На поверхности модели отчетливо видны следы грубой ручной работы, дерево после резки никак не шлифовали. На спине и сзади на шее птицы остались ступенчатые поперечные сколы шириной от 1,5 до 3 см. Характер данных срезов указывает на то, что мастер уверенно работал теслом. Форма птицы выводилась крупными плоскими гранями без вырезания мелких деталей. Хвост фигуры заканчивается ровным треугольным спилом, выполненным пилой или широким топором.

3. Признаки ритуального использования экспоната

Хотя фигура была вырезана в простом стиле, трехмерная модель точно передает узнаваемый силуэт водоплавающей птицы с вытянутой вперед головой. Ключевым элементом здесь является голова. Спереди на ней выполнены два глубоких круглых отверстия вместо глаз. Судя по трехмерной модели, эти углубления были аккуратно высверлены или выжжены мастером. Кроме того, на клюве и левом боку птицы при детальном осмотре видны темные обожженные пятна.

Использование деревянной фигуры в шаманской практике подробно описано в старых этнографических записях. Так, например, И.А. Худяков писал, что верхоянские якуты почитали гагару как божество, украшая ее

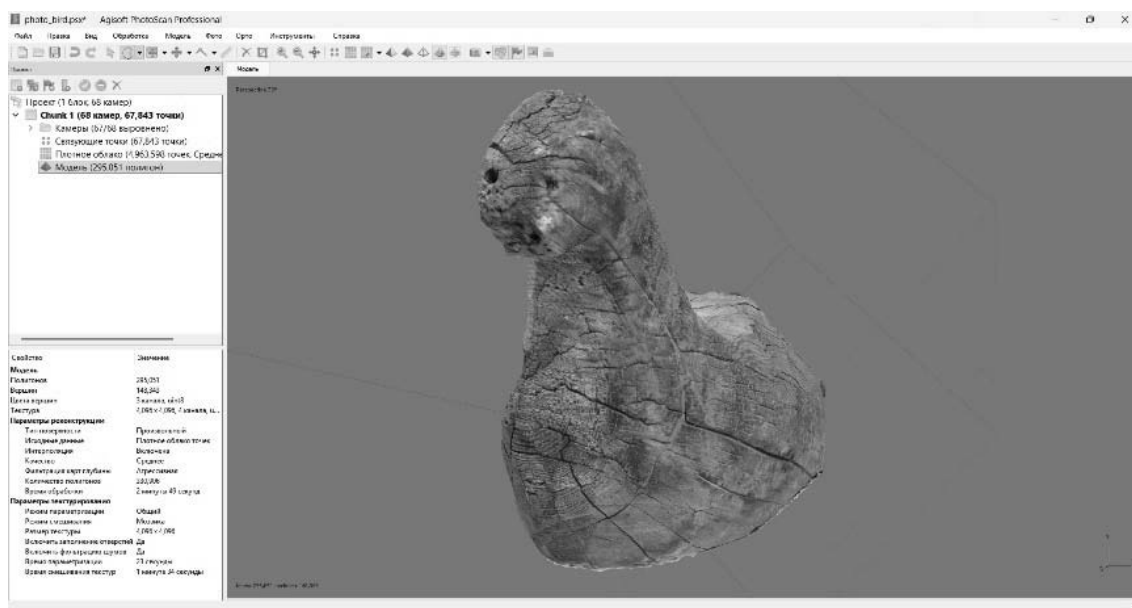

Рис. 1. Результат оцифровки трехмерной модели экспоната «Шаман-птица»

шею и брови разноцветным бисером [10, с. 272]. Деревянных птиц ставили как навершия на столбах во время магических обрядов. Эти ритуалы проводились для сопровождения духа и жертвенного скота на небо. В свою очередь, В.Ф. Трощанский отмечал, что перед началом камлания шаман ставил возле юрты такой шест, а на его вершину крепил деревянное или берестяное чучело гагары либо гуся. От столба к жилищу натягивали веревку, которая означала дорогу к духам. По этой нити-пути сам шаман отправлялся в иные миры, и по ней же уходила душа (кут) принесенного в жертву животного [9, с. 141]. Выявленные обожженные пятна на дереве и плоское основание фигуры позволяют предположить, что данный экспонат также служил частью ритуального столба и использовался в шаманской практике.

Заключение

В ходе исследования изучены этнографические материалы, а также проведен анализ трехмерной модели

образца деревянной фигуры. На основе проделанной работы можно сделать несколько выводов:

- Сохранившийся экспонат представляет собой редкий, уникальный образец. Значительная часть предметов культового обихода сибирского шаманизма была утрачена вследствие масштабных антирелигиозных кампаний советского периода. В каталогах многих музеев г. Якутска подобные артефакты отсутствуют, а сведения о деревянных фигурах птиц в научных исследованиях крайне ограничены.
- Комплексное исследование сакрального статуса гагары в верованиях народов Сибири позволило систематизировать этнографические сведения о связанных с ней поверьях, отражении данного образа в быту и его интеграции в шаманские ритуалы. Помимо этого, собранный материал подкреплен детальным визуальным анализом уникального экспоната сохранившейся деревянной фигуры гагары.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Н.А. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири (опыт ареального сравнительного исследования). Новосибирск: Наука, 1984. 232 с.
2. Байбурин А.К. Семиотический статус вещей и мифология. Материальная культура и мифология // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1981. С. 215–226.
3. Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.). Л.: Наука, 1969. 305 с.
4. Васильев В.Н. Шаманский костюм и бубен у якутов // Сборник Музея антропологии и этнографии. СПб., 1910. Т. 1. Вып. 8. С. 1–47.
5. Гурвич И.С. Культура северных якутов-оленьеводов. К вопросу о поздних этапах этногенеза. М.: Наука, 1977. 244 с.
6. Иванов С.В. Скульптура народов севера Сибири XIX - первой половины XX вв. Л.: Наука, 1970. 296 с.
7. Прыткова Н.Ф. Одежда чукчей, коряков и ительменов // Материальная культура народов Сибири. Л., 1976. С. 5–88.
8. Серошевский В.Л. Якуты: Опыт этнографического исследования / под ред. Н.И. Веселовского. СПб.: Изд-во Импер. Рус. геогр. о-ва, 1896. Т. 1. 720 с.
9. Трощанский В.Ф. Эволюция черной веры (шаманства) у якутов. Казань: Типолиитография Императорского ун-та, 1902. 204 с.

10. Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа / под ред. В.Г. Базанова. Л.: Наука, 1969. 440 с.
11. Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. М.: Наука, 1974. 402 с.
12. Якутские мифы = Саха өс-номохторо / сост. Н.А. Алексеев. Новосибирск: Наука, 2004. 451 с.

© Ермолаев Алексей Николаевич (ermolaaleksey@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РЯЗАНСКОЕ ПУЛЕМЁТНОЕ УЧИЛИЩЕ: ИСТОРИЯ И ЛЮДИ

RYAZAN MACHINE-GUN SCHOOL: HISTORY AND PEOPLE

**G. Larin
A. Berlov**

Summary: This article is dedicated to the history of the Ryazan machine gun school. The issues of its deployment, educational and material base, and maning are presented in thie article. It provides the data on the school's commanders, graduates who became Heroes of the Soviet Union, and graduates who attained the rank of general. The results of the school's activities are summarized.

Keywords: military school, cadet, graduate, officer, hero, general.

Ларин Геннадий Владимирович

Подполковник запаса, руководитель,

Научно-образовательный центр

историко-гуманитарных и социально-экономических
исследований, Рязанский государственный университет
имени С.А. Есенина

larin191975@yandex.ru

Берлов Артур Валерьевич

Доктор исторических наук, доцент,

Московского психолого-социального университета

kos@mos.ru

Аннотация: Статья посвящена истории Рязанского пулемётного училища. Рассмотрены вопросы дислокации, учебно-материальной базы, укомплектования личным составом. Представлены данные начальников училища, Героев Советского Союза и генералов выпускников. Подведены итоги его деятельности.

Ключевые слова: военное училище, курсант, выпускник, офицер, герой, генерал.

Рязанское пулемётное училище (РПУ) согласно директиве штаба Московского военного округа (МВО) № 14511 от 4 августа 1942 г. формировалось с 10 по 28 августа 1942 г. в г. Касимове Рязанской области [1, л. 1] и до своего расформирования 1 апреля 1945 г. дислоцировалось в нём [2].

С момента формирования училище занимало 16 отдельно стоящих по всему городу зданий. Их общая площадь составляла 13152 кв. м, из них 4125 кв. м находилось под общежитием, частично оборудованным двухъярусными кроватями. Требовалось ещё дополнительно 500 кв. м под размещение личного состава. При этом Горсовету было передано помещение 1-й школы площадью одна тыс. кв. м, которое изначально выделялось училищу. Основная масса зданий около 4–5 лет не ремонтировалась, три из которых требовали проведения капитального ремонта. Училище испытывало большую потребность в электроэнергии для освещения помещений. Горсоветом отпускалось с перебоями всего 6 кВт*ч вместо необходимых 13 к кВт*ч. Для полного освещения всех помещений требовалась дополнительная установка 500 электрических и 60 керосиновых ламп, при этом потребность в керосине составляла 5,8 т, а в наличии имелась только 1 тонна [3, л. 90, 90об].

Согласно данным штатно-должностной книги училища за 1942 г. установлено, что оно организационно состояло из управления и штаба с входящими в него службами, пяти курсантских батальонов четырёх ротного состава (в каждой роте по 4 взвода), клуба, санитар-

ной части, оркестра, мастерской боепитания, столовой и роты боевого и хозяйственного обеспечения. Последнее подразделение в свою очередь включало в себя: управление роты (командир и политрук), взвод 76 мм орудий, взвод 45 мм орудий, взвод связи, конный взвод, взвод гужевого транспорта и взвод автомобильного транспорта [4, л. 41–61 с об, 62].

Взвод гужевого транспорта комплектовался тремя типами лошадей: верховые – для руководящего состава училища; артиллерийские – для буксировки орудий и обозные – для перевозки грузов. [5, л. 35] В штате автотранспортного взвода состояло девять автомобилей: легковой – одна ед. (марка не указана), грузовых – пять ед. (два – ЗиС-5 и три – ГАЗ-АА); санитарный – один ГАЗ-АА; штабной – один ГАЗ-АА; автомастерская – одна на базе ГАЗ-АА [6, л. 5об, 6, 6об].

Архивные документы свидетельствуют о том, что в изменённом штате училища от 11 июня 1943 г. вместо вышеназванной роты введены: батарея боевого обеспечения (взвод 76-мм орудий, взвод 45-мм орудий, взвод связи и конный взвод); хозяйственная рота (взвод гужевого транспорта и взвод автотранспорта) [7, л. 85об, 86–91 с об].

Руководил формированием РПУ с 10 августа 1942 г., укомплектованием его личным составом и командовал им до июля 1943 г. начальник училища полковник Свищев Михаил Романович.

Полковник Свищев М.Р.

Он начал военную службу в Русской императорской армии. Принимал участие в Гражданской войне. Подвергался репрессиям (22 августа 1937 г. – 22 мая 1939 г.). До назначения на должность начальника училища принимал участие в Великой Отечественной войне и имел правительственные награды [8].

Училище комплектовалось личным составом двух категорий: **постоянным** и **переменным**. К постоянному относились командно-начальствующий (в их числе политический) (с 1943 г. – офицерский) состав, младший начальствующий состав и рядовые подразделений обеспечения, а также вольнонаёмные работники. Курсанты, проходившие обучение относились к переменному составу.

Вопросы комплектования личным составом всех военно-учебных заведений (ВУЗ) в годы Великой Отечественной войны оставались одними из самых сложно решаемых. Так, в политдонесении комиссара РПУ батальонного комиссара Ватутина на имя начальника политуправления МВО бригадного комиссара Миронова от 26 августа 1942 г. сообщалось: «Командным и политическим составом батальоны укомплектованы: в 1-м батальоне не хватает трёх заместителей командиров рот, преподавателя огневой подготовки, нет секретаря бюро ВЛКСМ. Во 2-м батальоне не хватает четырёх заместителей командиров рот, нет секретаря бюро ВЛКСМ и ответственного секретаря бюро ВКП/б/. В 3-м батальоне имеется всего 27 чел. командного состава, в 4 батальоне – 4 командира в наличии, а в 5-м батальоне только три. В трёх последних батальонах отсутствует политсостав». Далее отмечалось, что кадры политсостава в училище пребывали чрезвычайно медленно и к настоящему времени не прибыли: комиссары батальонов – 3 чел.; ответственные секретари партбюро батальонов – 4; ответственные секретари бюро ВЛКСМ – 5; один помощник начальника политотдела по комсомолу.

На 25 августа 1942 г. в училище прибыло командно-политического состава 153 чел., из них политсостава 16 чел., включая преподавателей социально-экономического цикла. Не считая политработников, коммунистами из общего числа были 27 чел., комсомольцами 45 и 65 беспартийными. Участниками Великой Отечественной войны являлись 96 человек [9, л. 1].

Командный состав училища пополнялся выпускниками курсов «Выстрел». Так, 13 августа 1942 г. их Горьковское отделение направило для дальнейшего прохождения службы в РПУ после двухмесячного обучения 19 чел. командно-политического состава [4, л. 2]. Установлено, что в их числе был и старший лейтенант Комаров Борис Иванович 1922 г.р. назначенный приказом Наркома обороны СССР № 0274 от 13 августа 1942 г. после окончания вышеуказанных курсов командиром 5-го батальона РПУ. Позже выяснилось, что он дезертировал из своей части, подделал документы, «присвоил» себе звание «старший лейтенант» и сумел попасть на курсы «Выстрел», по окончании которых получил направление в училище. В данном деянии он признался. Суд Ревтрибунала приговорил его к 10 годам лишения свободы с отправкой на фронт [9, л. 57, 57об]. Данный факт свидетельствует о большой неразберихе военного времени.

На должности командиров взводов в начале функционирования РПУ прибывали выпускники других военных училищ. К примеру, командование Московского пулемётно-миномётного училища (МПМУ) 21 ноября 1942 г. обратилось с просьбой к командованию РПУ. В ней сообщалось, что 4 сентября 1942 г. они направили для дальнейшего прохождения службы на должности командиров пулемётных взводов РПУ 10 лейтенантов. Командование МПМУ убедительно попросило сообщить, как их питомцы, прошедшие 6-месячный срок обучения, справляются с работой, какие должности занимают, на каком уровне их подразделения, как они выглядят по сравнению с другими командирами, прибывшими из других училищ [4, л. 26].

Далее кадровые проблемы по-прежнему оставались трудно решаемыми. Об этом свидетельствуют данные о неуккомплектованности командным, начальствующим, политическим и преподавательским составом РПУ на 15 декабря 1942 г.: начальник учебного отдела – 1; преподаватель военно-инженерного дела – 1; преподаватель авиации старший – 1; преподаватель АБТ – 1; преподаватель администрации – 1; заместитель командира батальона по политчасти, помощник начальника учебной части батальона – 1; преподаватель авиации – 1; преподаватель огневой части батальона – 1; заместитель командира роты – 2; командиров взводов – 1 [4, л. 24].

Генерал-майор Кирзимов А.И.

Новым начальником РПУ 26 июля 1943 г. был назначен генерал-майор Кирзимов Александр Ильич, который командовал им до 31 августа 1945 г. Он начал военную службу в Русской императорской армии, участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах, а также в походе Красной армии на Западную Украину в 1939 г. Окончил военную академию, награждён правительственными наградами. Перед последним назначением в должности командира стрелковой дивизии принимал участие в Великой Отечественной войне, имел ранения [10].

Почти через два месяца после назначения нового начальника РПУ с 21 по 27 сентября 1943 г. оно инспектировалось комиссией Управления ВУЗ Красной армии (КА). Она в своём докладе о ходе боевой подготовки училища отметила: «Занятия по тактической и строевой подготовкам организованы и проводятся правильно. Требуется уделять больше внимание на обучение рукопашному бою». В общем выводе по итогам проверки указывалось, что за последнее время состояние боевой подготовки значительно повысилось и оценивается «посредственно». Слабым местом оставалось планирование, проводимое учебным отделом училища. Тактическая, огневая, строевая подготовка также оценивались «посредственно», а топография «удовлетворительно». Внутренний порядок и несение службы суточным нарядом, состояние дисциплины в училище являлись также «посредственными» [11, л. 5].

После первых выпусков офицеров РПУ стало комплектоваться собственными выпускниками. Причём акцент делался на вчерашних курсантов, участвовавших в боях до поступления в училище. К примеру, начальник РПУ генерал-майор А.И. Кирзимов 4 декабря 1943 г. просил разрешения у начальника отдела кадров МВО о проведении замены командиров взводов училища, не участвовавших в Великой Отечественной войне и без достаточного общеобразовательного развития выпускниками декабрьского выпуска. Они отвечали всем

требованиями, предъявляемыми к офицеру военного училища, имели боевой опыт, были грамотными и способными передавать свои знания и умения курсантам [12, л. 396].

В третьем периоде войны РПУ продолжало испытывать потребность в квалифицированных кадрах. Установлено, что на 1 августа 1944 г. в штате имелась 141 должность офицерско-преподавательского состава, по списку же состояло 120 чел. данной категории. Следовательно, некомплект составлял 14,9 %. Училищу срочно требовались преподаватели тактики [3, л. 59].

Необходимо отметить, что военные училища в местах своих дислокаций являлись организациями, которые предоставляли рабочие места местным жителям, что в условиях военного времени было особо востребовано.

В РПУ вольнонаёмный персонал трудился в следующих подразделениях на должностях: *управление* – секретарь; *учебный отдел* – преподаватели русского языка и математики, заведующий спортбазой, делопроизводители, заведующий склада учебных пособий, помощники заведующего склада, библиотекари, заведующие классами, чертёжники, машинистки, заведующий секретным делопроизводством; *политический отдел* – инструкторы по учёту партийно-комсомольских документов, машинистки, секретари; *отдел материально-технического обеспечения* – делопроизводители, машинистки; *боевое питание* – делопроизводители; *обозно-вещевое снабжение* – делопроизводители, счетоводы; *продовольственное снабжение* – делопроизводители, счетоводы; *квартирно-эксплуатационный отдел* – техники-смотрители зданий, делопроизводители; *финансовая часть* – казначеи, бухгалтеры, счетоводы, делопроизводители; *рота курсантов* – каптенармус-писарь; *взвод гужевого транспорта* – повозочные, рабочие; *взвод автотранспорта* – шофёры, слесари, электрики, заведующий складом горюче-смазочных материалов, рабочие; *клуб* – киномеханики, вахтёры, радиотехники, радисты; *библиотека* – начальники библиотеки, библиотекари; *пункт медицинской помощи* – врачи, начальник зубного кабинета, начальник аптеки, фельдшеры, врачи зубные, медсёстры, санитарки; *мастерская и склад боевого питания* – слесари, столяры, токари, кузнецы, кладовщики; *мастерская и склад обозно-вещевого снабжения* – портные, ученики портных, шорники, сапожники, кладовщики, рабочие; *столовая, пекарня и продовольственный склад* – помощник заведующего столовой, повара-инструкторы, старшие повара, повара, хлебо-резы, кухонные рабочие, подавальщицы, посудомойки, гардеробщицы, кубовщики, кладовщики-кубовщики, кладовщики; *квартирно-эксплуатационный отдел* (КЭО) – обслуживающий персонал: заведующий зданиями-помощник начальника КЭО, инструктор-пожарный, пожарные, счетоводы, вахтёры, уборщицы, электромон-

Таблица 1.

Соотношение учебных часов годичной программы обучения (с 12 июля 1943 г. по 22 июля 1944 г.) к полугодовой программе обучения (с 12 июля 1943 г. по 11 февраля 1944 г.) в Рязанском пулемётном училище.

Наименование учебной дисциплины	Полугодовая программа обучения, часов	Годичная программа обучения, часов	Соотношение учебных часов годичного к полугодовому сроку обучения
Политическая подготовка	52	100	1,92
Военная история	58	50	0,86
Тактическая подготовка	363/382	523/784	1,44/2,05
Огневая подготовка	382/363	731/470	1,91/1,29
Военная топография	86	110	1,28
Военно-инж. подготовка	48	80	1,67
Военно-хим. подготовка	32	60	1,86
Артиллерия	20	50	2,5
Связь	14	40	2,86
Автобронетанковое дело	36	60	1,67
Строевая подготовка	79	230	2,91
Уставы	28	60	2,14
Физическая подготовка	55	110	2
Авиация	8	20	2,5
Администрация	6	8	1,33
Санитарная подготовка	2	13	6,5
Ветеринарная подготовка	3	3	1
Всего	1272	2248	1,76

(В числителе указано количество часов по учебным дисциплинам по пулемётной и миномётной специальностям, в знаменателе – стрелковой специальности.)

Таблица 2.

Герои Советского Союза – выпускники Рязанского пулемётного училища военного периода.

№ п/п	Воинское звание на момент присвоения звания ГСС	ФИО награжденного	Год рождения и год выпуска из училища	Дата присвоения звания
1	Старший лейтенант	Ванин Иван Иванович	1924 г.р., 1943 г.	31.05.1945 г.
2	Младший лейтенант	Жарков Владимир Петрович	1924 г.р., 1944 г.	1.11.1945 г. (посмертно)
3	Младший лейтенант	Зубенко Павел Владимирович	1921 г.р., 1944 г.	24.03.1945 г.
4	Младший лейтенант	Козырев Сергей Фёдорович	1924 г.р., 1944 г.	23.10.1943 г. (посмертно)
5	Младший лейтенант	Лимонов Илья Дмитриевич	1924 г.р., 1943 г.	23.10.1943 г.
6	Младший лейтенант	Лобанов Спартак Михайлович	1924 г.р., 1943 г.	23.10.1943 г.
7	Лейтенант	Постевой Сергей Игнатьевич	1921 г.р., 1943 г.	13.09.1944 г.
8	Младший лейтенант	Сластухин Алексей Иванович	1924 г.р., 1943 г.	29.10.1943 г.
9	Лейтенант	Яневич Николай Иванович	1919 г.р., 1943 г.	10.04.1945 г.

тёры, водопроводчики, дворники.

Численность вольнонаемных сотрудников училища варьировалась в соответствии с изменениями его штатной численности. На 1942 г. в РПУ числилось 218 чел., [6, л. 2–18] на 1 января 1943 г. – 269, [4, л. 29] на 21 февра-

ля 1944 г. – 213, [6, л. 46–65] в 1945 г. – 197 человек [6, л. 71–88].

При формировании училище комплектовалось переменным составом за счёт гражданской молодёжи преимущественно 1924 г.р. в основном из Рязанской, Ива-

Таблица 3.

Генералы – выпускники Рязанского пулемётного училища военного периода.

№ п/п	ФИО генерала	Год рождения и год выпуска из училища	Год присвоения звания
1	Бельтюков Виктор Петрович	1924 г.р., 1943 г.	1968 г.
2	Виноградов Михаил Сергеевич	1924 г.р., 1943 г.	1970 г.
3	Сластухин Алексей Иванович	1924 г.р., 1943 г.	1979 г.

новской, Кировской областей и Татарской АССР [1, л. 1].

Выпускник РПУ 1943 г. Г. Чирков в 1991 г. вспоминал: «В августе 1942 г. в г. Касимов парохомом по Оке прибывали команды призывной молодёжи 1924 г.р., направленные военкоматами Ивановской, Кировской, Рязанской и других областей. Сразу после прибытия формировались учебные роты и батальоны курсантов. Около 30 моих земляков (и я в том числе) из Нолинского района Кировской области зачислили в восьмую роту» [13].

Курсантские подразделения набора июля 1943 г. в основном комплектовались военнослужащими КА, из которых 56 % прибыли из действующей армии, имели ранения более 30 %, награждены орденами шесть чел., а 87 медалями [14, л. 97об].

В третьем периоде Великой Отечественной войны акцент при комплектовании РПУ переменным составом также делался на фронтовиков, в их числе прошедшие в госпиталях лечение от полученных ранений.

Особо следует отметить, что на протяжении всей войны как в этом, так и в других военных училищах одними из главных критериев отбора кандидатов для поступления, помимо их состояния здоровья, оставались образовательный ценз и возраст. В зависимости от изменения сроков обучения данные показатели подвергались корректировкам.

Учебные занятия с командным составом начались 17 августа 1942 г., а с курсантами 21 августа. Они проводились по строевой и огневой подготовкам, дисциплинарному уставу, а также уставам внутренней и гарнизонной служб. Политподготовка проводилась по тематике Главного политического управления КА, предусматривающая темы докладов, политзанятий и политбесед по приказу наркома обороны И.В. Сталина № 227 от 28 июля 1942 г. известному, как «Ни шагу назад!» [9, л. 2].

При формировании РПУ в батальонах сразу начали проводить ежедневную политинформацию. С 26 августа 1942 г. стали выходить во взводах и ротах боевые листки. Выпуск батальонных газет планировалось начать после формирования в них партийных и комсомольских организаций. Каждый батальон начал получать централизованно газеты в количестве: «Правда» – 12 экземпляров, «Известия» – 2, «Красная звезда» – 8, «Красный воин» –

14, «Комсомольская правда» – 2 экземпляра. С 1 сентября планировалось выделение областных и районных газет. Политотдел начал проводить индивидуальные беседы с фронтовиками, производил их запись с целью использования боевого опыта среди курсантов. Началась создание кружков художественной самодеятельности. Организовали работу библиотеки училища с полностью подобранными кадрами. Литература в неё поступила централизованно, а недостающая часть закупалась в Касимовском КОГИЗе (Книготорговое объединение государственных издательств) [9, л. 2].

Согласно приказу начальника РПУ № 13 от 28 августа 1942 г. днём начала боевой подготовки 1-го набора было установлено 1-е сентября [1, л. 3].

В зависимости от ситуации на фронтах Великой Отечественной войны неоднократно изменялись сроки обучения курсантов и ёмкость военных училищ. Согласно архивным документам в РПУ до середины 1943 г. обучение велось по полугодовой программе подготовки, далее она стала годичной. С момента формирования и до 11 июня 1943 г. в штате училища состояло 2500 обучающихся (пять батальонов четырёхротного состава, в каждой роте по 125 чел.). Затем училище перешло на трёхбатальонный состав с таким же количеством курсантов в ротах, что составило 1500 чел. С июня 1944 г. училище стало двухбатальонным с общим количеством обучающихся 1000 человек [7, л. 1–119 с об]. При этом на протяжении всей войны штат учебной роты оставался неизменным: 4 взвода по 30 курсантов, четыре помощника командира взвода (по одному на каждый взвод) и старшина роты, итого 125 обучающихся.

Вопрос вооружения курсантских подразделений РПУ за март 1944 г. в данной статье изучен путём ознакомления с ведомостями закрепления оружия за учебными ротами. В них числились винтовки образца 1891/1930 гг.: снайперские, винтовки СВТ, «Лебеля» и английские; пистолеты-пулемёты ППШ, ручные пулемёты ДП, пулемёты «Максим», ДШК, станковые пулемёты «Браунинг», немецкие станковые пулемёты «Максим» под русский патрон, пулемёты МГ-34, спаренные установки «Браунинг»; сигнальные пистолеты; противотанковые ружья ПТРД; ротные миномёты РМ-50 и батальонные миномёты БМ-82. Кроме того, подразделения укомплектовывались учебным вооружением: учебными винтовками образца 1891/1930 гг., учебными винтовками СВТ, винтовками

разрезными, учебными револьверами «Наган», учебными немецкими винтовками «Маузер», разрезными станковыми пулемётами «Максим», учебными пулемётами ДП. В качестве инженерного имущества в подразделениях имелись: лопаты малые, чехлы к ним, топоры малые с чехлами, сетки для стрелков, маскировочные костюмы летние, пилы поперечные, корпуса мин ПМД-6, ПМД-7, ПОМЗ-8, ТМ-35, ПМК-40, миноискатели, ножницы для резки проволоки, кирки-мотыги, шнуры трассировочные с чехлами [15, л. 23–27 с об].

В архивных документах авторами выявлены полугодовая и годичная программы обучения и на основании этих данных установлено соотношение учебных часов между ними. Эти сведения представлены в таблице 1 [16, л. 1, 2, 6, 8, 10; 17, 4, 10, 11].

Несмотря на ограниченные сроки обучения, был выявлен ряд факторов, кроме слабой учебно-материальной базы, которые отрицательно влияли на учебный процесс. В отдельных случаях обстоятельства вынуждали к привлечению личного состава после 9 часов занятий на хозяйственные работы (разгрузка продуктов питания, заготовка овощей и т.д.). К примеру, дрова для отопления заготавливались в лесу в 20 километрах от училища. Всё это вело к нарушению распорядка дня, срыву самоподготовки и как следствие ухудшало успеваемость курсантов [3, л. 90, 90об, 128].

С начала функционирования (с 1 сентября 1942 г.) и до окончания Великой Отечественной войны училище провело шесть выпусков, подготовив 3336 офицеров, а также откомандировало в другие училища 519 курсантов. До декабря 1943 г. оно готовило командиров взводов только пулемётной специальности. За это время им проведено три выпуска и выпущено 2484 офицера, из них лейтенантов 296 и младших лейтенантов 2188 [1,

л. 3об, 4, 6]. В дальнейшем училище также стало готовить специалистов стрелкового и миномётного профилей. Четвертый выпуск прошёл с 9 по 13 мая 1944 г. 510 выпускников имели следующие специальности: стрелковая – 185; пулемётная – 155; миномётная – 170. Пятый выпуск состоялся с 24 по 31 августа 1944 г., выпущено всего 111 чел., из них 48 стрелками и 63 пулемётчиками. Последний, шестой, выпуск провели с 12 по 18 февраля 1945 г., подготовлен 231 офицер [18, л. 36, 37], из которых 230 откомандировали 22 марта в распоряжение командира 54-го офицерского полка в Наро-Фоминск [19, л. 15].

Рязанское пулемётное училище стало одним из военно-учебных заведений СССР, сформированных в тяжёлые годы Великой Отечественной войны с задачей ускоренной подготовки командных кадров Красной армии. Несмотря на сравнительно короткий срок своей деятельности оно внесло значительный вклад в дело подготовки офицеров для фронта.

Авторы установили выпускников училища, которым за героизм, проявленный на полях сражений Великой Отечественной войны, было присвоено звание Герой Советского Союза. Данные по ним представлены в таблице 2 [20, с. 220, 468, 525, 647; 21. с. 10, 11, 20, 318, 463, 775].

Также установлены выпускники училища, которым в процессе их послевоенной службы присваивались высшие офицерские звания. Информация по ним представлена в таблице 3 [22, 23, 24].

Рязанское пулемётное училище расформировано 1 апреля 1945 года [2].

Материалы по нему в настоящее время представлены и бережно хранятся в экспозициях Касимовского историко-культурного музея-заповедника.

ЛИТЕРАТУРА

1. ЦАМО РФ. Ф. 60067. Оп. 35134. Д. 1. Л. 1, 3, 3об, 4, 6.
2. ЦАМО РФ. Ф. 60067. Краткая историческая справка Рязанского пулемётного училища.
3. ЦАМО РФ. Ф. 60067. Оп. 35134. Д. 11. Л. 59, 90, 90об., 128.
4. ЦАМО РФ. Ф. 60067. Оп. 35135. Д. 4. Л. 2, 24, 26, 29, 41–61 с об, 62.
5. ЦАМО РФ. Ф. 60067. Оп. 35135. Д. 7. Л. 35.
6. ЦАМО РФ. Ф. 60067. Оп. 35135. Д. 11. Л. 2–4, 5, 5об, 6, 6об. 7–18, 46–65, 71–88.
7. ЦАМО РФ. Ф. 60067. Оп. 35135. Д. 10. Л. 1–119 с об.
8. ЦАМО РФ. Карточка учета офицерского состава. Учётно-послужная карта (УПК) полковника Свищева М.Р.
9. ЦАМО РФ. Ф. 60067. Оп. 35134. Д. 22. Л. 1, 2, 57, 57об.
10. ЦАМО РФ. Карточка учёта офицерского состава. УПК генерал-майора Кирзимова А.И.
11. ЦАМО РФ. Ф. 60067. Оп. 35135. Д. 1. Л. 5.
12. ЦАМО РФ. Ф. 60067. Оп. 35135. Д. 19. Л. 396.
13. Чирков Г. Навсегда остался в памяти // Мещерская новь. 1991. 24 апреля.

14. ЦАМО РФ. Ф. 60067. Оп. 35134. Д. 26. Л. 97об.
15. ЦАМО РФ. Ф. 60067. Оп. 35134. Д. 16. Л. 23–27 с об.
16. ЦАМО РФ. Ф. 60067. Оп. 35134. Д. 4. Л. 1, 2, 6, 8, 10.
17. ЦАМО РФ. Ф. 60067. Оп. 35134. Д. 5. Л. 4, 10, 11.
18. ЦАМО РФ. Ф. 60067. Оп. 35134. Д. 18. Л. 36, 37.
19. ЦАМО РФ. Ф. 60067. Оп. 35134. Д. 19. Л. 15.
20. Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь: в двух томах / Под ред. В.П. Горемыкина. Т. 1: Абаев – Леоницкий. М.: Буки Веди, 2015. 808 с., с портр.
21. Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь: в двух томах / Под ред. В.П. Горемыкина. Т. 2: Леонов – Ящук. М.: Буки Веди, 2015. 808 с., с портр.
22. ЦАМО РФ. Картотека учёта офицерского состава. УПК Бельтюкова В.П.
23. ЦАМО РФ. Картотека учёта офицерского состава. УПК Виноградова М.С.
24. ЦАМО РФ. Картотека учёта офицерского состава. УПК Сластихина А.И.

© Ларин Геннадий Владимирович (larin191975@yandex.ru), Берлов Артур Валерьевич (kos@mos.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ МОДЕРНИЗАЦИИ ВЫСШЕЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН В 1985–2000 ГГ.: ЭТАПЫ И ПРОБЛЕМЫ

HISTORICAL EXPERIENCE OF MODERNIZATION OF THE HIGHER LEGAL SCHOOL OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN IN 1985-2000: STAGES AND PROBLEMS

**M. Menshikov
N. Grigorieva
N. Logacheva
M. Simonova
Yu. Belanovskaya**

Summary: This article, which continues the authors' series on the history of the development of regional educational systems in the Russian Federation, examines the main trends in the development of the higher law school of the Republic of Bashkortostan from 1985 to 2000. The research findings contextualize the stages of the modernization process of the higher law school. Particular attention is given to the new challenges and problems faced by the regional higher law school, as well as to the measures taken during this period as part of state policy aimed at overcoming the crisis in the professional education system, including the training of legal professionals.

A range of controversial issues regarding the results of the modernization of the higher law school of the Republic of Bashkortostan during the study period is identified.

Keywords: educational policy, universities, higher law school, modernization.

Меньшиков Максим Сергеевич

аспирант, ФГАОУ ВО Российский университет дружбы
народов имени Патриса Лумумбы
ofisrudn2014@rudn.ru

Григорьева Наталия Анатольевна

доктор исторических наук, профессор,
ФГАОУ ВО Российский университет дружбы
народов имени Патриса Лумумбы
grigoryeva-na@rudn.ru

Логачёва Наталья Вячеславовна

кандидат исторических наук, доцент,
ФГАОУ ВО Российский университет дружбы
народов имени Патриса Лумумбы
logacheva-nv@rudn.ru

Симонова Мария Александровна

доктор исторических наук,
ФГАОУ ВО Российский университет
дружбы народов имени Патриса Лумумбы
simonova-ma@rudn.ru

Белановская Юлия Евгеньевна

кандидат исторических наук, доцент,
ФГАОУ ВО Российский университет
дружбы народов имени Патриса Лумумбы
belanovskaya-yue@rudn.ru

Аннотация: В статье, которая продолжает серию публикаций авторов по истории развития региональных образовательных систем Российской Федерации, рассматриваются основные тенденции развития высшей юридической школы Республики Башкортостан в 1985–2000 гг. Исследовательские выводы контекстны этапности процесса модернизации высшей юридической школы. Особое внимание уделяется новым вызовам и проблемам, с которыми столкнулась региональная высшая школа, а также характеристике мер, предпринимавшихся в этот период в рамках государственной политики, направленной на преодоление кризисных явлений в системе профессионального образования, включая подготовку юридических кадров.

Определен спектр дискуссионных вопросов о результатах модернизации высшей юридической школы Республики Башкортостан в исследуемый период.

Ключевые слова: образовательная политика, университеты, высшая юридическая школа, модернизация.

Во второй половине 1980-х гг. в сфере высшего образования СССР, в том числе в системе подготовки квалифицированных юридических кадров, начали проявляться тенденции, связанные, с одной стороны, с нараставшим социально-экономическим кризисом, с другой – с политикой перестройки и гласности [1]. Так, застой в промышленном производстве нашел отраже-

ние в падении престижа инженерных и других технических специальностей. Одновременно появление в СССР первых легальных рыночных институтов (кооперативов, банков) и взрывной рост общественного интереса к темам демократии, свободы слова, правам человека и т.п., повлиял на рост интереса молодежи к профессии юриста, представления о которой начинали выходить за

рамки официальной идеологии и привычных сфер деятельности юристов рамках советской правоохранительной системы.

Согласно Постановлению Совета Министров Башкирской АССР от 14 октября 1985 г. № 165 «О мерах по дальнейшему усилению роли правовой работы в укреплении государственной дисциплины и повышении эффективности обще-ственного производства» республиканскому Министерству юстиции предписывалось совместно с Башкирским государственным университетом и другими заинтересованными организациями в трехмесячный срок определить потребность народного хозяйства Башкирии в юридических кадрах до 2000 г. и представить результаты в Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР. В документе отмечалось также, что повышению эффективности юридической службы в Башкирии препятствовал недостаточно высокий уровень профессиональной квалификации части персонала, имела место практика назначения на должности юрисконсультов лиц, не имевших профильного образования [2]. В процессе выполнения данного задания выявился целый ряд проблем в обеспечении государственных учреждений и народного хозяйства Башкирии квалифицированными юристами, связанных преимущественно с общими процессами в советской экономике и социальной сфере [3].

Проблематика включения академического и вузовского правоведения в решение актуальных задач социально-экономического развития страны, включая конкретные вопросы модернизации образовательной и кадровой политики, широко обсуждается в этот период в корпоративной научной печати [4]. При этом ведущими специалистами в области права и теории юридического образования отмечалось существенное значение региональных университетов как флагманов модернизации высшей юридической школы страны [5].

Постановлением Совета министров Башкирской АССР от 11 февраля 1987 г. министерствам и ведомствам республики, включая Министерство юстиции, и руководителям высших учебных заведений республики предписывалось «совершенствовать подготовку юридических кадров и систему правового обучения в школах, профтехучилищах и вузах, укреплять связи юридической науки с практикой» [6].

В 1987–1988 гг. руководством СССР были сформулированы задачи перестройки системы подготовки юридических кадров, исходя из растущих потребностей страны в квалифицированных юристах. Соответственно, ставились задачи обновления кадровой, организационной, научно-методической и технологической базы высшего юридического образования, реализация которых должна была осуществляться в контексте партийно-го-

сударственных решений по проблемам совершенствования советской школы и науки в целом, принятых после XXVII съезда КПСС [7].

В апреле 1988 г. в Москве состоялся Круглый стол, посвященный вопросам совершенствования юридического образования и правового воспитания граждан (юридического всеобуча) [8]. Знаковым событием в истории перестройки внутренней жизни отечественной высшей школы явилось Всесоюзное совещание работников образования 20–21 декабря 1988 г., в числе делегатов которого были представители и Башкирской АССР [9].

Дискуссии о путях дальнейшего развития страны, об обновлении концептуальных основ советской государственности и правовых институтов, развернувшиеся в СССР в конце 1980-х гг., получили широкий отклик в сообществах вузовской и творческой интеллигенции, а также среди советских и партийных работников Башкирской АССР. [10]. При этом утверждавшиеся в этот период в информационном пространстве СССР идеи демократической государственности и представления о правах человека далеко не во всем совпадали с теорией советского права, на которой базировались образовательные программы юридических вузов, в целом, не встречали понимания со стороны руководителей и специалистов, многие годы выстраивавших свою деятельность в рамках партийно-классового подхода к построению государства и правовых институтов [11]. Так, например, сохранились высказывания партийных и советских деятелей Башкирии о необходимости модернизации республиканского законодательства «исходя из закона о собственности на своей территории» [12].

В то же время образовательная политика эпохи «перестройки» способствовала становлению в высшей школе «новой атмосферы», выдвижению педагогическими коллективами творческих инициатив в профессиональной сфере [13].

10 октября 1988 г. Совет министров Башкирской АССР принял Постановление «О плане мероприятий по реализации Постановления февральского (1988 г.) Пленума ЦК КПСС "О ходе перестройки средней и высшей школы и задачах по ее осуществлению"» [14].

В истории отечественного высшего юридического образования в России, в том числе в Башкирии, период середины 1980-х – начала 1990-х гг. связан с реализацией нескольких законодательных актов и постановлений органов исполнительной власти, направленных на пополнение органов государственного управления и правоохранительной системы кадрами, обладающими высоким качеством профессиональных компетенций.

В Постановлении Совета министров СССР от 28 ав-

густа 1986 г. «О подготовке юридических кадров для советских органов» указывалось на серьезные недостатки в организации юридической подготовки советских органов власти и управления, в том числе на слабое использование в этих целях возможностей высшей школы и системы повышения квалификации и переподготовки профессиональных кадров [15]. Перечень мер по совершенствованию системы подготовки юристов для советских органов включал создание специальных образовательных центров на юридических факультетах университетов в столицах союзных республик, организацию целевой подготовки и переподготовки кадров по направлениям Советов министров союзных и автономных республик и Советов всех уровней, укрепление материальной базы юридических вузов.

25 ноября 1986 г. вышло Постановление Совета Министров РСФСР «О подготовке юридических кадров для советских органов». Данный документ ставил задачи обеспечения необходимой правовой подготовки специалистов непосредственно перед органами исполнительной власти (Советами министров) республик РСФСР, а также перед Госпланом РСФСР и Министерством высшего и среднего специального образования РСФСР, которые должны были решать конкретные задачи, направленные на пополнение кадрового корпуса региональных органов власти и управления выпускниками юридических вузов [16].

Следует отметить, что в Башкирии конца 1980-х гг. ежегодно проходили, в основном по договорам с вузами, повышение профессиональной квалификации около 985 тыс. человек [17]. Вместе с тем программы дополнительного образования правового профиля не получили широкого распространения.

12 января 1987 г. Совет министров Башкирской АССР издал распоряжение, согласно которому районные и городские исполкомы должны были определить потребность советских органов в специалистах с юридическим образованием на 1989–1995 гг., а также обеспечить отбор достойных кандидатов для получения целевого юридического образования [18].

Следует отметить, что Башкирия находилась в авангарде реализации государственной политики перехода на целевую (договорную) форму подготовки специалистов, полномасштабное внедрение которой началось с 1987 г., причем особенно активно проводилось в РСФСР. Еще до выхода данного распоряжения между кафедрой государственного права и советского строительства юридического факультета Башкирского госуниверситета и Управлением делами Совмина Башкирской АССР был заключен «Договор о сотрудничестве и целевой подготовке кадров», согласно которому с 1986 года 12 выпускников факультета, специализировавшихся по данной

кафедре, распределялись на работу в советские органы Башкирии. В 1988–1988 гг. в БАССР возросла активность в сфере повышения квалификации кадров ведомства Министерства юстиции и судебных органов [19].

В конце 1980-х гг. вопросам модернизации юридического образования уделялось внимание и в системе ведомственной высшей школы. Данной теме посвящались совещания и семинары, проводившиеся МВД СССР [20] и имевшие существенное значение для дальнейшего обеспечения Башкирии кадрами квалифицированных юристов. Организационно-правовая база деятельности вузов МВД СССР [21] была сформирована в середине 1970-х гг. и в целом обеспечивала функционирование образовательной системы, «отвечавшей требованиям времени, общества и государства» [22]. В контексте расширения региональной инфраструктуры образовательных учреждений МВД в 1988 г. была создана Уфимская высшая школа милиции. 10 июля 1991 г. вышел Приказ МВД России, утвердивший перечень и порядок организации всех уровней профессионального образования кадрового корпуса МВД, включая учебу в вузах, обучение в аспирантуре, адъюнктуре и докторантуре.

Преобразования системы государственной власти и управления в СССР нашли отражение в создании института муниципальной милиции, что, в свою очередь, поставило задачи в сфере профессионального обучения ее сотрудников. В том числе при Высшей школе МВД СССР в Уфе с 1989 г. начал действовать Учебный центр, осуществлявший правовую подготовку рядового и сержантского состава муниципальной милиции [23]. Тогда же действовавшем под эгидой БашГУ городском «Университете знаний» были открыты правовые курсы. Примечательно, что за два первых месяца 1990 года было достигнуто снижение уровня правонарушений в Уфе в общественных местах на 33% по сравнению с тем же периодом 1989 г.

В развитии юридического факультета Башкирского государственного университета важную роль сыграло Постановление Совмина РСФСР от 7 февраля 1991 г. о перестройке юридического образования, давшее директиву на существенное увеличение численности кадров юристов для системы государственного управления, правоохранительных органов и экономики страны, но и поставившее перед образовательными учреждениями России задачу перехода на «более высокий, качественно новый уровень» осуществления подготовки кадров «специалистов-юристов нового типа» [24].

Перед российской юридической школой, в том числе перед вузами Башкирии была поставлена стратегическая задача обеспечить подготовку юристов, обладающих компетенциями в сфере правового регулирования современных государственных институтов и рыночной экономики, а также специализирующихся по наиболее

актуальным, интенсивно развивающимся отраслям права – финансовому, международному и др., а также имеющих необходимый уровень знания иностранных языков [25].

Постановление Совмина РСФСР от 7 февраля 1991 г., вышедшее накануне вступления страны в эпоху демократических реформ и перехода к рынку, в течение последующих лет во многом сохранило свое значение программы развития в Башкортостане сферы высшего юридического образования.

Нормативно-правовая база развития высшей юридической школы Республики Башкортостан после 1991 г. формировалась на основе федерального законодательства и принимавшихся в аналогичном ключе республиканских правовых актов, учитывавших особенности, проблемы и перспективы роста республиканской образовательной системы и кадровую ситуацию в регионе. Государственные вузы, осуществлявшие подготовку квалифицированных юристов в Башкирии, находились в подчинении федеральных ведомств, определявших параметры их базового бюджетного финансирования, стандартов образовательной деятельности и др. В сфере ответственности руководства Башкортостана находились основные организационные, кадровые, материально-технические вопросы работы вузов, решение которых на начальном этапе рыночных реформ осложнялось общими для всей системы образования и науки проблемами недофинансирования, текучести кадров, старения основных фондов, неполнотой формирующейся нормативной базы научно-образовательной деятельности [26]. В этих трудных условиях высшая юридическая школа России и непосредственно Республики Башкортостан входила, с одной стороны, в систему рыночных отношений, с другой – в пространство новых правовых и образовательных идей, участвуя в то же время в их создании и внедрении в учебный процесс.

Методологический и методический плюрализм, расширение спектра специальностей и специализаций, деидеологизация и демократизация внутренней жизни вузов, становление негосударственного образовательного сектора, вхождение в международные образовательные системы и другие новые возможности развития высшего образования, определявшиеся Законом об образовании 1992 г. и реализованные в своей основе к началу XXI века [27], обусловили активное включение центров подготовки квалифицированных юристов в общий процесс модернизации образовательной системы Башкортостана.

16 ноября 1994 г. был создан Государственный комитет Республики Башкортостан по науке, высшему и среднему профессиональному образованию, который вплоть до 2003 г. координировал работу научных организаций, вузов, учреждений повышения квалификации

и переподготовки специалистов [28].

В Законе Республики Башкортостан «Об образовании» 1992 г. провозглашались принципы республиканской образовательной политики [29], в Программе развития образования Республики Башкортостан на 1993 – 1998 гг. был сделан акцент на переориентацию образовательных программ в соответствии с реальными потребностями республики, освоение новых принципов финансирования своей деятельности, специфики работы в условиях рыночной конкуренции [30]. Большая работа в данной сфере предстояла, в частности, юридическим вузам и факультетам, которые встретились как с изменениями фундаментальных, методологических основ своей деятельности, так и с необходимостью расширения спектра учебных программ и специализаций, соответствующих обновляющемуся законодательству страны, новым видам правовых отношений.

Руководством Башкортостана были предприняты меры по защите прав государственных научных и образовательных учреждений республики на материальные объекты и другие ресурсы, обеспечивавшие их деятельность, что нашло отражение в Законе Республики Башкортостан от 31 июля 1995 г. «О сохранении статуса государственных, научных, образовательных учреждений и мораторий на их приватизацию» [31].

Одним из направлений политики Башкортостана в этот период стало внедрение новых для страны инструментов внебюджетной поддержки науки и образования – некоммерческих инновационных фондов. Так, в апреле 1993 г. был создан Фонд науки и технологического развития Республики Башкортостан, средства которого предназначались для финансирования научно-технических программ, формировавшихся республиканской Академией наук [32].

Научные исследования в области теории и истории права, предпринимавшиеся академическими и вузовскими научными центрами Башкортостана, получали на конкурсной основе поддержку от Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), от Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) и других российских и международных фондов и организаций [33].

Развитие высшей юридической школы в регионе в этот период происходит в условиях сокращения бюджетных расходов на образование, падения интереса к науке и высшей школе в российском обществе, неподготовленности преподавателей и администрации вузов к работе в рыночных условиях [34], но и принципиально новых возможностей для реализации инновационных подходов и к организации высшей юридической школы, и непосредственно к образовательному процессу [35].

Лидерство в сфере подготовки кадров в системе высшего юридического образования Республики Башкортостан, в течение всего периода 1990–2000 гг. сохранили государственные вузы – юридический факультет (современный Институт права) БашГУ и Уфимский юридический институт МВД. В то же время, с 1993 г., когда в Башкортостане появляется несколько негосударственных вузов и колледжей, предлагающих подготовку специалистов в области права, на республиканском образовательном рынке складывается конкурентная среда в сегменте высшего и среднего специального юридического образования. При растущей в 1990-е гг. популярности профессии юриста все действовавшие в Башкортостане вузы юридического профиля, включая открывавшиеся в 1990-е – 2000-е гг. филиалы вузов из Москвы и Екатеринбурга, были востребованы. При этом в абитуриентах, не прошедших по конкурсу на бюджетные места в государственных вузах, либо изначально ориентированных на коммерческое обучение, были заинтересованы и сами государственные вузы, открывавшие платные отделения, и негосударственные образовательные учреждения.

Коммерческие вузы Башкортостана, наиболее значимым среди которых был основанный в январе 1993 г. Восточный экстернатный гуманитарный университет (ВЭГУ), в последующие годы получивший известность как Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия (Академия ВЭГУ), привлекали молодежь благодаря активному продвижению своих услуг.

Важным этапом в реализации в Республике Башкортостан государственной образовательной политики явился период 1997–2000 гг., ознаменовавшийся модернизацией образовательного законодательства, включая принятие 17 марта 1997 г. новой редакции Закона РБ «Об образовании» 1992 года. В 1998 г. было утверждено новое Положение о Госкомитете Республики Башкортостан по науке, высшему и среднему профессиональному образованию [36].

Программа развития образования в Республике Башкортостан на 1999–2003 гг., утвержденная Государственным Собранием республики 18 июля 2000 г., была направлена «на правовое, организационное, научно-методическое обеспечение развития системы образования в Республике Башкортостан как подсистемы единого образовательного пространства Российской Федерации».

19 июля 2000 г. Кабинет министров Республики Башкортостан принял «Концепцию развития науки и инновационной деятельности в Республике Башкортостан на 2000–2005 годы», где особая роль отводилась государственно-правовым исследованиям, которые должны были «создать надежную базу для развития республики как суверенного государства в составе Российской Фе-

дерации» [37]. Тем самым высшая юридическая школа Башкортостана получила новый стимул для научно-теоретического роста, результаты которого обогащали образовательный процесс и вносили вклад в государственно-правовое развитие республики.

Вузы МВД России в переходный период также испытывали сложности с бюджетным финансированием, происходило размывание педагогического корпуса и снижение требований к качеству обучения. Перед руководством МВД РФ стояла задача преодоления проблем ведомственных вузов, учитывая и потребности отрасли, новации государственной образовательной политики, в том числе изменение парадигмы высшего юридического образования.

Образовательная политика правоохранительного ведомства в 1990-е гг. нашла отражение в «Программе развития системы учебных заведений и совершенствования подготовки кадров для МВД РСФСР», которая была принята на заседании коллегии МВД РСФСР 4 декабря 1991 г., и в «Концепции подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров МВД РФ», утвержденной 10 марта 1995 г., и ряде других решений. Так, например, 15 июня 1994 г. был издан приказ МВД России «Об утверждении нормативных актов, регламентирующих деятельность учебных заведений МВД России». 17 мая 1995 г. были утверждены «Правила приема в учебные заведения высшего и среднего специального образования МВД России» и др.

В результате реализации данных документов к концу 1990-х гг. «в постсоветской России за сравнительно короткий срок была создана глубокая многопрофильная, многоступенчатая система подготовки кадров, способная обеспечить органы и войска МВД России высокообразованными специалистами» [38]. Значимым компонентом этой системы, интегрированным, с одной стороны в региональную сеть вузов МВД России, с другой – в мир высшей юридической школы Башкортостана, стала Уфимская высшая школы МВЛ (Уфимский юридический институт).

24 февраля 1999 г. Кабинет министров Республики Башкортостан утвердил «Программу развития высшего и среднего профессионального образования в Республике Башкортостан на 1999–2003 годы», в которой ставились задачи формирования в республике современной, диверсифицированной системы профессионального образования с высокими количественными и качественными характеристиками, соответствующими текущим потребностям и перспективам социально-экономического и культурного развития Башкортостана.

Таким образом, в 1985–2000 гг. органами власти Башкортостана был принят ряд нормативных актов и про-

грамм, определивших принципы и задачи развития высшей школы республики на основе базовых положений Законов Российской Федерации «Об образовании» 1992 г. и «О высшем и послевузовском образовании» 1996 г. с учетом региональной демографической и кадровой ситуации, особенностей структуры и качественных характеристик образовательной системы. Процесс реализации в Республике Башкортостан программ развития

образования в контексте общественно-политических и экономических реформ 1990-х гг. определил становление нового облика высшей юридической школы республики, которая в течение переходного периода прошла через адаптацию к рыночным условиям образовательной деятельности и осуществила модернизацию процесса подготовки юристов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барсуков В.Н. Высшая школа России: опыт руководства (60-е - 80-е гг.). М., 1993.
2. Постановление Совета Министров Башкирской АССР от 14 октября 1985 г. № 165 «О мерах по дальнейшему усилению роли правовой работы в укреплении государственной дисциплины и повышении эффективности общественного производства»
3. ГАРФ. Ф.А-353. Оп.17. Д. 2246. Л.17-18; Д.2571. Л.2-3.
4. Кудрявцев В.И. Юридические исследования – на уровень новых задач // Советское государство и право. 1987.
5. Орзих М.Ф. Вузовская юридическая наука в условиях перестройки высшего образования: организационный опыт и проблемы // Известия вузов. Правоведение. 1988. № 3. С.4.
6. Постановление Совета министров Башкирской АССР от 11 февраля 1987 г. № 17 «О дальнейшем укреплении социалистической законности и правопорядка, усилении охраны прав и законных интересов граждан». URL: <https://zakon-region3.ru/1/58881/>.
7. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 13 марта 1987 г. № 328 «Основные направления перестройки высшего и среднего специального образования в стране» // СП СССР. 1987. № 22. Ст. 81.
8. О расширении и улучшении юридического образования и организации юридического всеобуча (Обзор материалов «Круглого стола», состоявшегося 21 апреля 1988 г. в Москве) // Советское государство и право. 1988 № 9. С. 47–58; № 10. С. 20–30.
9. Всесоюзный съезд работников народного образования: стенографический отчет. М.: Высшая школа, 1990. 414 с.
10. РГАСПИ. Ф. 17. Оп.158. Д.572. Л.56-57.
11. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 159. Д.91. Л.172.
12. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 159. Д.90. Л.39.
13. Горбунов А.П., Стаценко Р.А. Отечественная высшая школа под воздействием замыслов и результатов политики «перестройки» (середина 80-х – начало 90-х гг. XX в.) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2004. № 2–3. С.227.
14. Постановление Совета министра Башкирской АССР от 10 октября 1988 года № 152 «О плане мероприятий по реализации Постановления февральского (1988 г.) Пленума ЦК КПСС "О ходе перестройки средней и высшей школы и задачах по ее осуществлению"». [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/4513671/3895383/>
15. Постановление Совета министров СССР от 28 августа 1986 г. «О подготовке юридических кадров для советских органов» [Электронный ресурс] URL: <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/2578970>.
16. Постановление Совета Министров РСФСР № 482 от 25 ноября 1986 г. «О подготовке юридических кадров для советских органов» // СП РСФСР. 1986. Отд. 1. № 23. Ст. 54.
17. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 159. Д.93. Л. 172–174.
18. Распоряжение Совета министров Башкирской АССР от 12 января 1987 г. № 5-р «Об использовании специалистов с юридическим образованием в советских органах. URL: <https://zakon-region3.ru/1/76903/>
19. ГАРФ, Ф. А.353. Оп.17. Д. 22.46. Л.1-172.
20. Тесленко Ю.П. Подготовка, переподготовка и повышение квалификации кадров как элементы непрерывного образования в органах внутренних дел // Совершенствование работы с кадрами в органах внутренних дел. М., 1989. С. 59–69.
21. Перечень нормативных актов МВД СССР и УУЗ и НИУ МВД СССР, регламентирующих учебно-воспитательный процесс в учебных заведениях (по состоянию на 10. 09. 1987 г.). Омск: Омская высшая школа милиции МВД СССР, 1987. 24 с.
22. Горбатенко Г.В. Пути совершенствования высшей школы МВД России в контексте исторического опыта // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2011. Вып. 2 (72). С.65.
23. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 159. Д.107. Л. 175.
24. Сабиров Р.Д., Ежова Е.В. Институт права Башкирского университета: прошлое, настоящее, будущее // Lex Russika. Август 2015. № 8 (Том CV). С.9.
25. Постановление Совета Министров РСФСР от 7 февраля 1991 № 81 «Вопросы перестройки юридического образования в Российской Федерации» // Кодекс: Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901605460>.
26. Марченко В.В. Состояние высшей школы в новых условиях // Университетское образование в условиях формирования рыночных отношений: Материалы Международной методической конференции 17-18 апреля 1997 г. Пенза, 1997. Ч.1. С. 9.
27. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года // Бюллетень Министерства образования Российской Федерации. 2002, № 2.

- С. 6.
28. Постановление Кабинета министров Республики Башкортостан от 16 ноября 1994 г № 414 «О Государственном комитете Республики Башкортостан по науке, высшему и среднему профессиональному образованию» // Кодекс: Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/423810036>.
29. Закон Республики Башкортостан от 29 октября 1992 года № ВС-13/32 «Об образовании» // Ведомости Верховного Совета и Правительства Республики Башкортостан, 1993, № 4, ст. 77.
30. Постановление Президиума Верховного Совета Республики Башкортостан от 19 июля 1994 года № 6–3/79 «Об утверждении Программы развития образования Республики Башкортостан на 1993–1998 годы» // Ведомости Верховного Совета и Правительства РБ. 1994. № 10. Ст. 500.
31. Юсупов Р.Г. Научно-образовательная политика в Республике Башкортостан на рубеже XX-XXI веков: государственно-правовое регулирование // Вестник УГНТУ. Наука. Образование. Экономика. Серия: Экономика. 2016. № 2(16). С.27.
32. Указ Президиума Верховного Совета РБ 16 апреля 1993 года N 6–2/156 «О создании внебюджетного фонда науки и технологического развития Республики Башкортостан» (1993 г.) // Кодекс: Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/441532181>.
33. Мелентьева Ю.Л. Роль РГНФ в развитии издания научной литературы и поддержке исследований в области книжной культуры // Научная книга. №1. 2006. С.76–78.
34. Красноженова Г.Ф. Высшая школа России: проблемы сохранения интеллектуального потенциала. М., 1999 и др.
35. Вуз и рынок: коммерческая деятельность в системе высшей школы России. М., 1992;
36. Постановление Кабинета министров Республики Башкортостан от 31 декабря 1998 года № 318 «Об утверждении Положения о Государственном комитете Республики Башкортостан по науке, высшему и среднему профессиональному образованию» // Кодекс: Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/935001978>.
37. Концепция развития науки и инновационной деятельности в Республике Башкортостан на 2000–2005 годы. Одобрена Постановлением Кабинета Министров Республики Башкортостан от 19 июля 2000 г. № 206 // Кодекс: Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/935104242>.
38. Проценко Е.Д. Государственная образовательная политика в системе МВД России: (Историко-правовой анализ): дисс. ... доктора юрид. наук. СПб. 1998.

© Меньшиков Максим Сергеевич (ofisrudn2014@rudn.ru), Григорьева Наталия Анатольевна (grigoryeva-na@rudn.ru),
Логачёва Наталья Вячеславовна (logacheva-nv@rudn.ru), Симонова Мария Александровна (simonova-ma@rudn.ru),
Белановская Юлия Евгеньевна (belanovskaya-yue@rudn.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

«СОЮЗ ПАМЯТИ» КАК ПРАКТИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И НОРВЕГИИ: ИСТОКИ, СТАНОВЛЕНИЕ, КРИЗИС

Нечаева Полина Васильевна

младший научный сотрудник,
Московский государственный институт
международных отношений МИД России
po.v.nechaeva@my.mgimo.ru

'MEMORY ALLIANCE' AS A PRACTICE OF POLITICAL INTERACTION BETWEEN RUSSIA AND NORWAY: ORIGINS, FORMATION, CRISIS

P. Nechaeva

Summary: The article applies the 'memory alliance' concept to Russian–Norwegian political discourse in the 1990s – the 2020s. It traces the alliance's historical roots and identifies the key narratives that shaped it. Although political circumstances prevented the emergence of such an alliance between the Soviet Union and Norway, the efforts by USSR to establish and maintain memory sites commemorating the Soviet contribution to the liberation of Eastern Finnmark laid the groundwork for future cooperation. From the late 1990s onward, Russia and Norway actively built a memory alliance through numerous joint projects in memory politics at both state and local levels. The author argues that two factors made this alliance possible: the liberalisation of historical scholarship in Norway and the dominance of a humanistic grand narrative in the country's memory regime, which revived local academic and interest-group attention in Northern Norway to the history of Soviet prisoners of war. While signs of strain appeared as early as 2014, the alliance only truly unraveled after 2022, when Norway suspended all joint memory-site projects and the radically altered political discourse called the very basis of the alliance into question.

Keywords: memory alliance, Russian–Norwegian relations, memory diplomacy, memory politics, World War II.

Аннотация: Настоящая статья посвящена проблеме теоретического применения концепции «союза памяти» к описанию динамики взаимодействия России и Норвегии в пространстве политического дискурса в 1990-е – 2020-е гг. В статье предпринимается попытка проследить исторические предпосылки формирования союза, а также отразить основные нарративы, лежавшие в его основе. Автор показывает, что по политическим причинам «союз памяти» не мог быть сформирован между СССР и Норвегией, однако деятельность советской стороны по созданию и поддержанию целого ряда мест памяти, отражающих вклад советских граждан в освобождение Восточного Финнмарка, заложила основу для дальнейшего сотрудничества. Активное формирование «союза памяти» между Россией и Норвегией началось с конца 1990-х гг., что нашло выражение в проведении целого ряда совместных проектов в области политики памяти как на государственном, так и на местном уровне. Автор приходит к выводу, что становление «союза памяти» стало возможным благодаря общему тренду на либерализацию исторических исследований в Норвегии, а также господству в режиме памяти страны гуманистического гранд-нарратива, что возродило интерес к судьбе советских военнопленных со стороны локальных северонорвежских академических сообществ и групп интересов. Несмотря на проявление кризисных тенденций в развитии «союза памяти» с 2014 г., о реальном его распаде можно говорить только после 2022 г., когда по норвежской инициативе были заморожены все совместные проекты в области развития мест памяти, а сама основа союза была поставлена под сомнение из-за кардинальных изменений в политическом дискурсе Норвегии.

Ключевые слова: союз памяти, российско-норвежские отношения, дипломатия памяти, политика памяти, Вторая мировая война.

Начиная 1990-х гг. в международных отношениях наблюдается все более активное использование истории Второй мировой войны в политических целях, особенно в контексте осмысления бывшими европейскими социалистическими странами и советскими республиками своей новой национальной и наднациональной (общеевропейской) идентичности. Сложившийся в Европейских сообществах во второй половине XX в. наднациональный нарратив о холокосте, подразумевающий принятие всеми странами ЕЭС/ЕС ответственности за истребление еврейского населения в годы войны [1, с. 116–117], уже в конце 1990-х гг., на фоне подготовки к принятию новых постсоциалистических членов в Евросоюз, стал утрачивать доминирующую роль в пространстве общеевропейского режима памяти. Связа-

но это было с тем, что готовившиеся к вступлению в организацию государства Восточной Европы и Прибалтики активно продвигали т.н. «виктимный» нарратив, позиционируя себя жертвами «коммунистического режима» [2, с. 112]. Очень скоро поэтому в пространство европейской памяти вошел напрямую связанный с виктимизацией посткоммунистических стран нарратив о «двух тоталитаризмах», возлагающий вину за «развязывание» Второй Мировой войны в равной степени и на нацистскую Германию, и на Советский Союз, что отразилось, в частности, в принятии Вильнюсской декларации Парламентской ассамблеи ОБСЕ в 2009 г. [3].

Сегодня нарратив о «двух тоталитаризмах» уже прочно закрепился в режиме европейской наднациональной

памяти. Тенденция умалять заслуги СССР в победе над нацизмом распространилась далеко за пределы Европы – практически на все страны Запада. В этом смысле показательно заявление президента США Д. Трампа о том, что Соединенные Штаты – «единственные, кто выиграл войну» [4]. Наряду с этим, в России нарратив о решающей роли СССР в победе над нацистской Германией подвергся секьюритиза, т.е. любое политическое посягательство на эту идеологию воспринимается как угроза государственной стабильности и безопасности, о чем свидетельствуют, например, положения Концепции внешней политики Российской Федерации от 31 марта 2023 г. Так, одним из приоритетов внешней политики значится противодействие фальсификации истории и сохранение «общепризнанных итогов войны» на международном уровне [5].

Как для России, так и для Европы нарратив о войне носит экзистенциальный характер, поскольку он прочно укоренен в процессе формирования их идентичности, что создает основу для возникновения т.н. «войн памяти» в пространстве политического дискурса [6, с. 224]. «Война памяти» представляет собой ожесточенное противостояние мнемонических акторов на международной арене с целью утвердить собственный нарратив и распространить его на дискурсивное пространство других государств. Феномен «войны памяти» лежит, в первую очередь, в плоскости международных отношений, поэтому субъектами этой войны, как правило, выступают государства и аффилированные с ними агенты памяти.

В условиях войны порой возникает необходимость выстраивания союзов. При этом, исходя из понимания феномена «войны памяти», можно говорить о том, что количество подобных «союзников» определяет исход разворачивающегося противостояния. В то же время, учитывая межгосударственный характер «войны памяти», «союз памяти» также формируется на межгосударственном уровне, поэтому успех его создания напрямую зависит от результативности дипломатических усилий, в научном дискурсе обозначаемых как «дипломатия памяти». Таким образом, «союз памяти» автор предлагает определять как политический союз в пространстве исторической памяти, характеризующийся готовностью двух или более государственных или негосударственных агентов памяти поддерживать и распространять общий нарратив относительно избранного исторического события в рамках частично или полностью совпадающих исторических дискурсов.

Концепция «союза памяти» оформилась в науке не так давно и разрабатывалась с начала 2020-х гг. практически исключительно на примере российско-сербских отношений [7]. И если в иностранных публикациях оформилось терминологическое единство – *«memory*

alliance» – то в отечественных публикациях предлагаются различные терминологические варианты описания схожих феноменов без должного внимания к смысловому наполнению предлагаемых терминов. Так, можно встретить калькированный с английского вариант «альянс памяти» [8], а также «мнемонический союз» [9]. Оба этих термина применяются исследователями для описания российско-сербского политического дискурса. Современный этап исследований памяти в России характеризует отсутствие единого терминологического аппарата и его слабая разработанность, хотя в последнее время наблюдаются попытки разработать единую теоретико-методологическую базу [10]. Автор настоящей статьи предлагает компромиссный термин «союз памяти», позволяющий отойти от прямого калькирования с иностранного языка и сохранить логическую преемственность с уже устоявшимся в научном дискурсе термином «война памяти».

В Норвегии, которая формально встроена в общеевропейский «холокостоцентричный» режим памяти, по ряду причин нарратив о «двух тоталитаризмах» до сих пор не укоренился окончательно. В первую очередь страна не являлась частью социалистического блока, и, следовательно, в ней не был сконструирован нарратив о «коммунистическом угнетении». Кроме того, реальный исторический опыт участия Норвегии во Второй мировой войне показал, что Советский Союз оказался единственным государством, которое предприняло непосредственные действия по ее освобождению от немецкой оккупации. Более того, СССР оперативно вывел свои войска по окончании войны, ни оставив возможности в будущем интерпретировать свои действия в негативном ключе и сконструировать нарратив о «коммунистической оккупации». В условиях продолжающихся «войн памяти» в Европе, наличие государства, в котором схожим или непротиворечащим образом концептуализируются нарративы о Второй мировой войне, открыло для России возможность формирования «союза памяти», основанного на сотрудничестве в укреплении и распространении общего российско-норвежского нарратива.

Проблема динамики развития «союза памяти» России и Норвегии в отечественной научной литературе практически не исследована. Отдельные ее аспекты, например место России в норвежской политике памяти по состоянию на 2022 г., раскрываются в статье Н.Е. Белухина [11] и в исследовании С.А. Рябова [12], которое посвящено экспертному сотрудничеству стран по вопросам сохранения культурного наследия. Публикации норвежских исследователей в отдельных аспектах рассматриваемой автором проблемы более содержательны: Вторая мировая война в норвежской политике памяти отражена в работах по дипломатии памяти Й.А. Маркуссена [13] и К.И. Мюклебуст [14], а также М.Н. Солейм [15], специализирующейся на памяти о советских военнослужащих и

военнопленных. К.И. Мюклебу, в частности, ввела термин «союз памяти» (норв. *minneallianse*) в норвежский научный дискурс [14].

«Союз памяти» СССР и Норвегии как явление не мог быть сконструирован в период холодной войны: политическое противодействие держав, находящихся по разные стороны баррикад, значительно осложняло дипломатию памяти. В первые послевоенные годы в Норвегии создаются предпосылки для конфликта региональных (северонорвежских) и государственных агентов памяти. Целью правительства была легитимация вступления страны в НАТО, что не могло сочетаться с позитивным образом Советского Союза среди норвежского населения. Именно поэтому историческая политика Осло была направлена на противодействие укоренению нарратива о «советских воинах-освободителях» в пространстве исторической памяти. Яркой иллюстрацией конфликта агентов памяти (или даже «гражданской войны памяти») стала т.н. «Кладбищенская война» (норв. *Kirkegårdskrigen*) в г. Му-и-Рана: тогда местное население выступило против реализации тайной государственной операции «Асфальт» (1951 г.) по переносу захоронений советских военнослужащих и пленных на братское кладбище на о. Хьетта, после чего правительство было вынуждено прекратить операцию [15, с. 123]. Операция «Асфальт» оказалась крайне эффективной в вопросе достижения основных целей норвежского правительства, т.к. сотни захоронений оказались уничтожены, а нарративы об освобождавших Восточный Финнмарк советских военнослужащих и жертвах норвежских концлагерей были намерено вытеснены из общего мнемонического пространства Норвегии до начала 1990-х гг. [16, р. 17–18.].

Тем не менее дипломатическая деятельность Советского Союза в вопросе создания и поддержания мест памяти о советских жертвах Второй Мировой войны в Норвегии позволила сохранить основу для дальнейшего формирования союза памяти в 1990-е и 2000-е гг. Созданные в тот период мемориалы (например, монумент «Норвегия благодарит Вас» 1947 г. или памятник освобождению в Киркенесе 1952 г.) и сложившиеся коммеморативные традиции (совместное празднование освобождения Северной Норвегии в Киркенесе, поминание захороненных на о. Хьетта и др.) позволили сохранить нарративы о советских военнослужащих и жертвах концлагерей пусть не в общенорвежском, но в северонорвежском режиме памяти.

Распад СССР стал отправной точкой для целого ряда трансформаций в норвежской политике памяти. Россия более не воспринималась как «коммунистическая угроза с Востока», а в академической среде Норвегии наблюдалась значительная либерализация исследований памяти, что происходило на фоне установления гуманистического гранд-нарратива в мнемоническом

пространстве страны под влиянием негосударственных мнемонических акторов академических сообществ и групп интересов. В этих условиях особое внимание было направлено на создание мест памяти жертв концентрационных лагерей. Именно усилиями экспертных сообществ были созданы музеи на месте лагерей Грини, Берг и Фальстад, а также запущена деятельность по идентификации военнопленных и облагораживанию их захоронений. Если в начале 1990-х гг. проекты в этой области только запускались, то уже к концу века стали заметны их первые результаты: так, в 1997 г. в восстановленных бараках лагеря Грини был открыт первый музейный комплекс подобного рода. Музей истории Фальстада и его узников открылся на месте бывшего концлагеря в 2006 г., однако исследовательская работа велась еще с конца 1980-х гг., а отдельные места памяти (например, стела в благодарность жителям деревни Экне, которые, «рискуя жизнью, передавали продуктовые наборы» узникам лагеря [17]) появились в 1990-е гг. в результате активной деятельности групп интересов. В 2008 г. начала работу инициативная группа, которая уже в 2012 г. добилась открытия музейного центра на месте бывшего концлагеря Берг [18]. Помимо создания достаточно крупных музейных комплексов, силами негосударственных агентов памяти восстанавливались памятники, собирались архивы и экспонаты для небольших местных музеев: в 2003 г. локальными агентами памяти (местным историческим кружком и музеем) велась работа по восстановлению памятника советским военнопленным в населенном пункте Хьертосен рядом с г. Му-и-Рана [19].

Однако распространение и укрепление нарративов о жертвах концлагерей лишь косвенно способствовало появлению «союза памяти» России и Норвегии, поскольку позволяло не делать акцент на национальной принадлежности погибших. Тем не менее подобные проекты позволили России активно включиться в сотрудничество с локальными агентами памяти Норвегии. В 2009 г. был запущен исследовательский проект *War Graves Seek Names*, в рамках которого экспертному сообществу Фальстад-центра и Центра по правам человека Норвегии в тесном взаимодействии с норвежской государственной Службой воинских захоронений и российским МИД (который обеспечивал передачу копий архивных документов) удалось идентифицировать захоронения более 4 тыс. советских военнопленных в Норвегии [16, р. 17]. Результатом проекта стало создание в 2013 г. электронной базы данных, в которой содержится информация о 351 захоронении граждан СССР [20].

Заметно, что поскольку нарратив о советских «освободителях» не вписывался в гуманистический гранд-нарратив, норвежские агенты памяти довольно быстро стали терять к нему интерес, хотя и СССР, и Россия были в первую очередь заинтересованы в его укреплении. Российские агенты памяти в уже с 1990-х гг. стали актив-

но развивать дипломатию памяти и стремились создать «союз памяти» с Норвегией. Посольство и консульства РФ в Норвегии ежегодно принимали участие в коммеморации годовщин освобождения страны, однако наиболее эффективными мнемоническими акторами в вопросе создания новых мест памяти (в т.ч. и нового нарратива) в период 1990-х–2010-х гг. выступали ФСБ России и аффилированные с ней структуры.

Основой для реального «союза памяти» стал в прямом смысле союзнический нарратив, ранее советской и российской стороной не продвигавшийся, – нарратив об общей борьбе советских солдат и норвежских партизан с нацизмом. Впервые подобная идеология была отражена в памятном знаке, установленном в 1997 г. в небольшом населенном пункте Киберг в честь советских и норвежских разведчиков, погибших на территории Норвегии в годы войны. С инициативой создания этого места памяти выступило Управление ФСБ России по Мурманской области [21]. Кроме того, большое внимание привлекали инициативы мурманской региональной общественной организации ветеранов боевых действий «Щит», которая проводила своего рода «туры коммеморации» с целью почтить память о совместной борьбе с нацизмом. Туристические поездки по территории России и Норвегии проводились в 2011–2019 гг., а в 2020 г. и 2021 г. локальные российские и норвежские агенты памяти провели подобные мероприятия по обе стороны границы, уже не пересекая ее [14, с. 130–155]. РОО «Щит» была также задействована в организации деятельности российско-норвежской исследовательской группы по изучению действий норвежских партизанских формирований [22]. Необходимо при этом указать на, по-видимому, тесную аффиляцию РОО «Щит» с ФСБ России: организация возглавляется генерал-майором ФСБ в отставке Г. Гурылевым и официально сотрудничает с Общественным советом ведомства [21].

Таким образом, за 1990-е и 2000-е гг. сформировался «союз памяти» России и Норвегии, который характеризовался сотрудничеством разноуровневых (государственных и локальных) агентов памяти по вопросам создания, укрепления и распространения общих нарративов. Однако с началом украинского кризиса этот союз оказался под угрозой: Норвегия, выступив с резкой критикой воссоединения Крыма с Россией, стала сокращать масштаб взаимодействия и с большой настороженностью относится ко многим российским проектам в области политики памяти. Показательным стало принятое в 2015 г. норвежским Министерством обороны и Министерством внутренних дел решение отклонить инициативу России о поднятии советского самолета, сбитого в годы войны над Тана-фьордом, что вызвало критику со стороны жителей Восточного Финнмарка [23, с. 67]. Такая активная позиция населения Северной Норвегии свидетельствовала о сохранении «союза памяти» в дискурсив-

ном пространстве страны несмотря на кризис в межгосударственных отношениях. Кроме того, мемориальное сотрудничество России и Норвегии в период 2014–2021 г. не было остановлено полностью, поскольку служило залогом сохранения точек соприкосновения даже в условиях политического кризиса. В частности, в 2021 г. был реализован межгосударственный проект по открытию на о. Серёйа памятника советским летчикам, погибшим в 1944 г. при крушении самолета «Каталина» [24].

В феврале 2022 г. с началом специальной военной операции России на Украине российско-норвежский «союз памяти» фактически распался, индикатором чего стала полная заморозка всех двухсторонних проектов в области политики памяти по инициативе Норвегии. Официальное Осло стало активно внедрять новый нарратив, разрушающий саму основу существования союза. Речь идет про «нарратив-сравнение» действий России с агрессивными действиями нацистской Германии в годы Второй мировой войны, впервые обозначенный премьер-министром страны Йонасом Гаром Стёре в выступлении перед Стортингом от 3 марта 2022 г., где действия России были охарактеризованы как «жестокое вторжение», которое Европа «не видела со времен Второй мировой войны» [25]. Нарратив продемонстрировал широкую воспроизводимость в политическом дискурсе Норвегии и, по всей видимости, в нем закрепился. Такая идеология в некотором смысле подрывает идею преемственности России и СССР, что делает «союз памяти» безосновательным. Кроме того, в 2022 г. в коммуне Лунгдал при активном участии некоммерческой украинской организации *Support to the people of Ukraine* в Норвегии был открыт «первый украинский памятник», посвященный «вкладу украинцев в освобождение страны» [26]. Хотя символическая ценность этого памятника довольно низкая, и иных подобных инициатив до сих пор реализовано не было, сам факт попытки отдельно превознести вклад украинцев в освобождение говорит о стремлении коренным образом поменять устоявшийся режим памяти. Норвегия также стала высказывать опасения относительно того, что российское участие в мероприятиях, организованных в память о павших при освобождении страны военнослужащих, носит пропагандистский характер, и в 2023 г. норвежские власти официально попросили Россию воздержаться от участия в церемониях коммеморации по случаю освобождения Восточного Финнмарка [27], что, однако, не носило характера строгого запрета.

Таким образом, на сегодняшний день «союз памяти» можно считать окончательно разрушенным. Дипломатия памяти СССР не могла обеспечить возникновение такого союза в период холодной войны, в т.ч. из-за активного противодействия норвежского правительства, однако заложила основу для его строительства в 1990-е–2000-е гг. Заметно, что инициатива создания

новых российско-норвежских мест памяти исходила в первую очередь от локальных северонорвежских экспертных сообществ и групп интересов и была продиктована господством в стране гуманистического гранд-нарратива. Локальные агенты памяти в Норвегии подключили к сотрудничеству государственные структуры страны и вывели совместную политику памяти на межгосударственный уровень. О «союзе памяти» России и Норвегии можно говорить с появлением первого действительно «союзнического» нарратива о совместной борьбе с нацизмом в годы Второй Мировой войны, однако основное место в режиме памяти обеих стран такой

нарратив занять не успел в силу обозначившихся кризисных тенденций в двусторонних отношениях. Кризис союза памяти в период 2014–2021 гг. характеризовался большей избирательностью норвежского правительства относительно реализации совместных проектов, однако также продемонстрировал значительную поддержку российских инициатив со стороны местного населения Северной Норвегии. Значительный интерес представляет исследование сохранившихся точек соприкосновения режимов памяти России и Норвегии с целью анализа перспектив восстановления «союза памяти» в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

- Ефременко Д.В. Историческая память и наднациональная идентичность. Случай Европейского союза. // Методологические вопросы изучения политики памяти. / Сб. научн. тр. Отв. ред. Миллер А.И., Ефременко Д.В. М. — СПб.: Нестор-История, 2018. С. 110–126.
- Миллер А.И. Политика памяти в посткоммунистической Европе. // Политика №1 (80), М.: 2016. С. 111–121.
- Вильнюсская декларация Парламентской ассамблеи ОБСЕ 29 июня — 3 июля 2009 г. С. 53–54. URL: <https://www.oscepa.org/en/documents/all-documents/annual-sessions/2009-vilnius/declaration-6/265-2009-vilnius-declaration-rus/file> (дата обращения: 29.07.2026).
- Трамп заявил, что США единственные, кто победил во Второй мировой войне. РБК 10.06.2025. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfrenews/684747699a79475aa7a90156> (дата обращения: 29.07.2026).
- Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/?lang=ru> (дата обращения: 29.07.2026).
- Миллер А.И. Вторая мировая война в «войнах памяти». // Новое прошлое №4, 2020. С. 222–231.
- McGlynn J., Đureinović J. The alliance of victory: Russo-Serbian memory diplomacy. // Memory Studies, 16(2). 2022. P. 227–242.
- Энтина Е.Г., Степанов Н. «Альянс памяти» о событиях 1999 г. в контексте современных российско-сербских отношений. // Полис. Политические исследования. 2025. № 5. С. 151–166.
- Понамарева А.М. Мнемоническая дипломатия в российско-сербских отношениях: пределы возможного. // Вестник Московского Университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. 2023. 15(1). С. 93–132.
- Методологические вопросы изучения политики памяти. / Сб. научн. тр. Отв. ред. Миллер А.И., Ефременко Д.В. М. — СПб.: Нестор-История, 2018. 224 с.
- Белухин Н.Е. Россия в норвежской политике памяти. РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/arcticpolicy/rossiya-v-porvezhskoju-politike-pamyati/> (дата обращения: 29.07.2026).
- Рябов С.А. Международное сотрудничество Института наследия с учреждения Норвегии в сфере изучения и сохранения культурного и природного наследия: история и сегодняшний день. // Журнал института наследия №3 (14), 2018.
- Markussen J.A. Sikkerhetspolitisk minnediplomati: Opprettelsen av Frigjøringsmonumentet i Kirkenes 1945–1952. // Nordisk Østforum №35, 2021. S. 98–115.
- Myklebost K.A. Minnediplomati i grenseland. De russisk-norske patriotiske minneturene 2011–2019. // Nordisk Østforum Nordisk Østforum №37, 2023. S. 130–155.
- Soleim M.N. «Operasjon asfalt». Kald krig om krigsgraver. Stamsund: Orkana Akademisk, 2016. 248 s.
- Soleim M.N. Graves of the «Other»: Norway and the commemoration of soviet prisoners of war. // Heritage, Memory, and Conflict Journal №3, 2023. P. 15–18.
- Kunst på Falstad. Falstadsenteret. URL: <https://falstadsenteret.no/opplev-falstad/kunst-pa-falstad> (tilgang: 29.07.2026).
- Interessegruppen. Berg interneringsleir. URL: https://www.berginterneringsleir.no/?page_id=41 (tilgang: 29.07.2026).
- Перминов А.Д. Память жива. // Русский бульвар №6, 2004. URL: <https://arcticwar.narfu.ru/allcategories-ru-ru/2-pages-ru/179-perminov-a-d-pamyat-zhiva> (дата обращения: 29.07.2026).
- Utenlandske krigsgraver i Norge. URL: <https://www.krigsgraver.no> (tilgang: 29.07.2026).
- Доценко М. Марш памяти. Патриотическое воспитание. ОС ФСБ 21.04.2017. URL: <https://www.osfsb.ru/materialy/patrioticheskoe-vospitanie/marsh-pamyati/> (дата обращения: 29.07.2026).
- Ветераны ФСБ Заполярья увековечили память советских воинов и партизан Норвегии в обелисках. ТАСС 20.03.2017. URL: <https://tass.ru/v-strane/4110086> (дата обращения: 29.07.2026).
- Markussen J.A. Monumental minnepolitikk: Russlands bruk av sovjetiske og russiske krigsminnesmerker i Nord-Norge 2014–2023. // Nordisk Østforum №38, 2024. S. 60–82.
- На севере Норвегии открыли памятник погибшим в 1944 году советским летчикам. РИА Новости 11.10.2021. URL: <https://ria.ru/20211011/pamyatnik-1754084854.html> (дата обращения: 29.07.2026).
- Statsministerens redegjørelse for Stortinget om krigen i Ukraina. Regjeringen 03.03.2022. URL: <https://www.regjeringen.no/no/aktuelt/statsministerens->

- redegjøreelse-for-stortinget-om-krigen-i-ukraina/id2902946/ (tilgang: 29.07.2026).
26. Det første ukrainske minnesmerke i Norge. Support to the people of Ukraine 21.05.2022. URL: <https://s2pu.com/index.php/en/news/pa-norsk/207-det-forste-ukrainske-minnesmerke> (tilgang: 29.07.2026).
27. Russiske myndigheter uønsket på frigjøringsdagen. NRK 25.10.2023. URL: <https://www.nrk.no/tromsogfinnmark/onsker-ikke-russiske-myndigheter-pa-frigjoringsdagen-i-kirkenes-1.16601843> (tilgang: 29.07.2026).

© Нечаева Полина Васильевна (po.v.nechaeva@my.mgimo.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОТ КОННЫХ ПАТРУЛЕЙ К ЦИФРОВЫМ РУБЕЖАМ: ЭВОЛЮЦИЯ ПОГРАНИЧНОЙ СЛУЖБЫ США В КОНТЕКСТЕ МЕНЯЮЩИХСЯ УГРОЗ

FROM HORSE PATROLS TO DIGITAL FRONTIERS: THE EVOLUTION OF THE U.S. BORDER PATROL IN THE CONTEXT OF CHANGING THREATS

A. Savinov
Yu. Fadeev
M. Kuptsov
A. Chernov

Summary: The article examines the historical transformation of the U.S. Border Patrol from its official establishment in 1924 to the present stage. By analyzing key stages of institutional development — from combating smuggling during Prohibition to countering transnational drug trafficking and ensuring national security after September 11, 2001 — the authors demonstrate how external challenges determined the expansion of powers, technological modernization, and the organizational structure of the agency. Special attention is paid to the dilemma of balancing the effectiveness of border control with the observance of human rights, as well as contemporary challenges related to the politicization of immigration and adaptation to new threats.

Keywords: U.S. Border Patrol, border control, immigration policy, national security, transnational crime, institutional evolution, Department of Homeland Security.

Савинов Алексей Леонидович

кандидат исторических наук, доцент,
Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы
sal-70@yandex.ru

Фадеев Юрий Евгеньевич

кандидат военных наук, доцент, Российский университет
дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Купцов Максим Александрович

кандидат военных наук, доцент, Российский университет
дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Чернов Александр Михайлович

кандидат психологических наук, доцент, Российский
университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Аннотация: В статье исследуется историческая трансформация Пограничной службы США (U.S. Border Patrol) с момента её официального учреждения в 1924 году до современного этапа. На основе анализа ключевых этапов институционального развития — от борьбы с контрабандой в эпоху «сухого закона» до противодействия транснациональному наркотрафику и обеспечения национальной безопасности после 11 сентября 2001 года — авторы демонстрируют, как внешние вызовы определяли расширение полномочий, технологическую модернизацию и организационную структуру ведомства. Особое внимание уделяется дилемме баланса между эффективностью пограничного контроля и соблюдением прав человека, а также современным вызовам, связанным с политизацией иммиграционного вопроса и адаптацией к новым угрозам.

Ключевые слова: пограничная служба США, пограничный контроль, иммиграционная политика, национальная безопасность, трансграничная преступность, институциональная эволюция, Департамент внутренней безопасности.

Введение

Пограничная служба США (U.S. Border Patrol, USBP), официально учреждённая 28 мая 1924 года в рамках Закона о бюджете Министерства труда, представляет собой уникальный институт, чья столетняя история отражает трансформацию американской иммиграционной политики, концепции национальной безопасности и технологических возможностей государства [1]. Первоначально созданная как небольшое формирование конных инспекторов для патрулирования территорий между официальными контрольными пунктами, служба прошла путь до одного из ключевых подразделений Департамента внутренней безопасности (DHS), насчитывающего более 20000 агентов и применяющего передовые системы мониторинга [2]. Данная статья

прослеживает эволюцию ведомства через призму меняющихся угроз и политических приоритетов, выявляя устойчивые паттерны институциональной адаптации.

Цель исследования — реконструировать основные этапы институционального развития Пограничной службы США, выявив взаимосвязь между внешними вызовами и трансформацией организационной структуры, полномочий и технологической оснащённости ведомства. В работе использованы историко-генетический и институциональный методы, а также системный подход к анализу эволюции государственных структур.

Предыстория: от единичных патрулей к системной необходимости (1904–1924)

Первым опытом систематического патрулирования

границы стали меры Службы иммиграции США, принятые в 1904 году в Эль-Пасо. Именно тогда появились конные отряды, задачей которых было пресечение нелегального въезда китайских иммигрантов, пытавшихся обойти дискриминационные «Законы об исключении китайцев» (1882–1943). Однако эти усилия носили фрагментарный характер: численность «конных стражей» (mounted guards) не превышала 75 человек, а их действия зависели от доступности финансовых ресурсов [3].

Ключевым катализатором институционализации пограничного контроля стали два фактора. Во-первых, введение «сухого закона» (18-я поправка, 1919 год) имело неожиданным, но закономерным следствием стремительный рост контрабанды алкоголя через мексиканскую границу. Масштабы этого явления сделали очевидной необходимость постоянного контроля над обширными участками границы, которые ранее не требовали регулярного наблюдения. Во-вторых, иммиграционные акты 1921 и 1924 годов, установившие систему национальных квот, имели и обратную сторону. Закрывая легальные пути для выходцев из Восточной и Южной Европы, они стимулировали нелегальный въезд, и поток нарушителей границы начал неуклонно расти [4]. В 1918 году старший инспектор Фрэнк У. Беркшир в письме Генеральному комиссару по вопросам иммиграции обосновал необходимость создания самостоятельной службы для постоянного патрулирования между официальными пунктами въезда — идея, реализованная лишь шесть лет спустя [5].

Формирование института: профессиональная культура и оперативные ограничения (1924–1940)

Первые годы существования Пограничной службы характеризовались быстрым набором персонала (до 450 агентов к концу 1924 года) и формированием профессиональной идентичности. Большинство новобранцев имели опыт работы в техасских рейнджерах или шерифских управлениях, что определило прагматичный, ориентированный на результат подход к патрулированию. Символом этой эпохи стал Джефф Милтон — бывший рейнджер, участвовавший в поимке вождей апачей, а затем ставший одним из первых иммиграционных инспекторов [6].

Однако материально-техническая база службы оставалась скромной: правительство предоставляло лишь значок и огнестрельное оружие, тогда как лошадей, седла и снаряжение агенты приобретали за собственные средства. Унифицированная форма появилась лишь в 1928 году [7]. К 1932 году служба была разделена на два региональных управления — для границ с Мексикой (штаб в Эль-Пасо) и Канадой (Детройт), что отражало различия в характере угроз на разных участках границы. Открытие первой Академии Пограничной службы в Кэмп-Чигас (Эль-Пасо) в декабре 1934 года стало важным

шагом в стандартизации подготовки личного состава [8].

Расширение мандата: от иммиграционного контроля к обеспечению национальной безопасности (1940–1990)

Передача Службы иммиграции и натурализации (INS) из Министерства труда в Министерство юстиции в 1940 году ознаменовала первый этап расширения полномочий Пограничной службы. В годы Второй мировой войны агенты помимо пограничного контроля несли охрану лагерей для интернированных иностранцев и взаимодействовали с Береговой охраной в поисках потенциальных диверсантов [9].

Закон об иммиграции и гражданстве 1952 года (Immigration and Nationality Act) закрепил право агентов останавливать и обыскивать транспортные средства на всей территории США при наличии «обоснованных подозрений» (reasonable suspicion), что значительно расширило оперативное пространство службы [10]. 1960-е годы ознаменовались диверсификацией угроз: к проблеме нелегальной миграции добавились авиационный терроризм (после серии захватов самолётов) и наркотрафик. В ответ на это служба начала оказывать оперативную поддержку другим федеральным агентствам в перехвате нарко-грузов из Мексики, что потребовало развития навыков работы с источниками информации и внедрения первых радиолокационных систем [11].

Эпоха технологической трансформации и политизации границы (1990–2003)

Резкий рост нелегальной миграции в 1980–1990-е годы, вызванный экономическим кризисом в Мексике, привёл к стратегическому пересмотру подходов к пограничному контролю. Операция «Удержи линию» (Hold the Line, Эль-Пасо, 1993) и операция «Шлюз» (Gatekeeper, Сан-Диего, 1994) продемонстрировали эффективность концентрации ресурсов на ключевых участках границы: по официальным данным, число нелегальных пересечений в зонах ответственности операций сократилось на 75% [12]. Однако критики отмечали, что подобные меры лишь перенаправляли миграционные потоки в более опасные, удалённые от городов районы пустыни, что приводило к росту числа смертей мигрантов. По данным Центров по контролю заболеваний (CDC), в период с 1995 по 2000 год число погибших при попытке пересечь границу увеличилось вдвое [13].

В ответ на гуманитарные вызовы в 1998 году была запущена Инициатива по безопасности на границе (Border Safety Initiative), а в 2001 году создано специализированное подразделение BORSTAR (Border Search, Trauma, and Rescue) для поиска и эвакуации терпящих бедствие мигрантов [14].

Теракты 11 сентября 2001 года кардинально изменили статус границы в системе национальной безопасности: пограничный контроль стал рассматриваться как первый рубеж защиты от терроризма. В 2003 году, в рамках реформы, учредившей Департамент внутренней безопасности (DHS), Пограничная служба была интегрирована в состав Агентства таможенного и пограничного контроля (CBP) [15].

Проблемы и вызовы современности (2003–2024)

Интеграция в структуру DHS, с одной стороны, предоставила доступ к более значительным бюджетам и передовым технологиям, а с другой — поставила Пограничную службу в зависимость от меняющихся политических приоритетов администрации. Среди ключевых проблем современного этапа можно выделить:

Технологический дисбаланс. Несмотря на внедрение беспилотных летательных аппаратов (MQ-9 Reaper), систем тепловизионного наблюдения и сенсорных сетей, протяжённость сухопутной границы (более 3 000 км с Мексикой) делает полный контроль невозможным. К тому же, часть оборудования устаревает быстрее, чем его успевают заменять [16].

Рост транснациональных преступных сетей. Картели не только диверсифицировали маршруты поставок наркотиков, но и активно используют киберпространство для координации действий, что требует от Пограничной службы навыков киберразведки, которыми она пока не обладает в полной мере [17].

Гуманитарный кризис. Поток семей с детьми и несопровождаемых несовершеннолетних из стран Центральной Америки (так называемые «караваны мигрантов») достиг пика в 2019 и 2021 годах. Это создаёт нагрузку на систему задержания и вступает в противоречие с нормами международного права (в частности, Конвенцией ООН о статусе беженцев) [18].

Политизация и смена курсов. Каждая смена президентской администрации в США приводит к радикальному пересмотру политики в отношении границы: от политики «нулевой терпимости» (2018) до попыток либерализации миграционного законодательства (2021–2022). Это дестабилизирует работу службы и снижает эффективность долгосрочного планирования [19].

Перспективы развития

Для адаптации к новым вызовам Пограничной службе США необходимо развивать несколько направлений:

- **Цифровизация и аналитика.** Внедрение систем прогнозного моделирования на базе искусственного интеллекта (программа USBP AI-Enhanced

Border Analytics) позволит не только реагировать на попытки прорыва, но и предсказывать их с учётом погодных условий, социальных трендов и активности преступных групп [20].

- **Расширение сотрудничества с международными партнёрами.** Помимо традиционного взаимодействия с Канадой и Мексикой, важно укреплять связи с государствами Центральной Америки через программу Northern Triangle Cooperation, чтобы бороться с причинами миграции, а не только с её последствиями [21].

- **Модернизация инфраструктуры.** Планы по строительству новых пунктов пропуска и модернизации старых включают использование сканеров порталов (Z-backscatter и мультиспектральная рентгенография), позволяющих досматривать грузовые автомобили без их разгрузки [22].

- **Сбалансированный подход к гуманитарным вопросам.** Назрела необходимость законодательного закрепления статуса агентов BORSTAR и увеличения их финансирования, чтобы экстренная помощь мигрантам не зависела от наличия свободных ресурсов [23].

Заключение

К столетию своего существования (2024) Пограничная служба США превратилась в многопрофильное ведомство, сочетающее функции иммиграционного контроля, борьбы с транснациональной преступностью и обеспечения национальной безопасности. Технологическая модернизация — от беспилотных систем наблюдения до биометрических баз данных и алгоритмов прогнозной аналитики — значительно повысила оперативные возможности службы.

Однако ключевые дилеммы остаются нерешёнными. Во-первых, сохраняется напряжение между задачей недопущения нелегальных пересечений и обязательством соблюдать международные нормы в отношении просителей убежища. Во-вторых, политизация пограничного вопроса в американском обществе приводит к резким колебаниям стратегических приоритетов при смене администраций. В-третьих, глобализация преступных сетей требует перехода от реактивного патрулирования к проактивному анализу угроз.

История Пограничной службы демонстрирует: эффективность пограничного контроля определяется не столько технологиями или численностью личного состава, сколько способностью института адаптироваться к новым угрозам, сохраняя при этом баланс между безопасностью и правами человека — задача, актуальность которой только возрастает в эпоху массовой миграции и трансграничных вызовов.

ЛИТЕРАТУРА

1. U.S. Customs and Border Protection. History of the Border Patrol. Washington, DC: CBP, 2023. 45 p.
2. Department of Homeland Security. U.S. Border Patrol Strategic Plan 2021–2026. Washington, DC: DHS, 2021. 38 p.
3. U.S. Immigration Service. Annual Report of the Commissioner-General of Immigration, 1905. Washington, DC: Government Printing Office, 1906. 112 p.
4. Ngai M.M. Impossible Subjects: Illegal Aliens and the Making of Modern America. Princeton: Princeton University Press, 2004. 377 p.
5. Berkshire F.W. Letter to Commissioner-General of Immigration. U.S. National Archives, RG 85, Entry 9, 1918. 3 p.
6. Texas State Historical Association. Jeff Milton // Handbook of Texas Online. URL: <https://www.tshaonline.org> (дата обращения: 15.05.2024).
7. CBP. Early Uniforms and Equipment: A Historical Overview. Washington, DC: CBP Historical Office, 2018. 22 p.
8. CBP. Border Patrol Academy: A Century of Training Excellence. Washington, DC: CBP, 2024. 35 p.
9. U.S. Department of Justice. Transfer of INS Functions: Historical Documentation. Washington, DC: DOJ Archives, 1940. 18 p.
10. Immigration and Nationality Act of 1952, Pub. L. 82-414, 66 Stat. 163.
11. Andreas P. Border Games: Policing the U.S.-Mexico Divide. Ithaca: Cornell University Press, 2000. 158 p.
12. Cornelius W.A. Death at the Border: Efficacy and Unintended Consequences of U.S. Immigration Control Policy // Population and Development Review. 2001. Vol. 27. No. 4. P. 661–685.
13. Nevins J. Operation Gatekeeper: The Rise of the «Illegal Alien» and the Making of the U.S.-Mexico Boundary. New York: Routledge, 2002. 286 p.
14. CBP. Border Safety Initiative: Five-Year Assessment Report. Washington, DC: CBP, 2003. 42 p.
15. Homeland Security Act of 2002, Pub. L. 107-296, 116 Stat. 2135.
16. GAO Report. Border Security: Technology and Budget Challenges. GAO-23-105. Washington, DC: Government Accountability Office, 2023. 56 p.
17. U.S. Drug Enforcement Administration. National Drug Threat Assessment 2024. Washington, DC: DEA, 2024. 89 p.
18. UNHCR. Refugee Protection and Mixed Migration: The U.S. Southern Border. Geneva: UNHCR, 2022. 67 p.
19. Migration Policy Institute. The Evolution of U.S. Border Policy Under Two Administrations. Washington, DC: MPI, 2023. 44 p.
20. DHS Science and Technology Directorate. Emerging Technologies for Border Security: 2025 Roadmap. Washington, DC: DHS, 2025. 52 p.
21. U.S. Department of State. Northern Triangle Cooperation Framework. Washington, DC: DOS, 2023. 31 p.
22. CBP. Non-Intrusive Inspection (NII) Technology Deployment Plan. Washington, DC: CBP, 2024. 28 p.
23. BORSTAR Operational Report. Search and Rescue Statistics, Fiscal Year 2023. El Paso: USBP, 2024. 19 p.

© Савинов Алексей Леонидович (sal-70@yandex.ru), Фадеев Юрий Евгеньевич,
Купцов Максим Александрович, Чернов Александр Михайлович.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОЛЬ ФИЛИАЛОВ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ КАК ИНСТИТУТОВ «МЯГКОЙ СИЛЫ» И ГУМАНИТАРНОГО ВЛИЯНИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ¹

Ханова Ирина Евгеньевна

Кандидат философских наук, доцент,
Российский государственный гуманитарный
университет, г. Москва
irkh_76@mail.ru

THE ROLE OF BRANCHES OF RUSSIAN UNIVERSITIES AS INSTITUTIONS OF "SOFT POWER" AND HUMANITARIAN INFLUENCE IN THE POST-SOVIET SPACE²

I. Khanova

Summary: The article explores the role of branches of Russian higher education institutions in the post-Soviet space as a tool of "soft power" and a mechanism for maintaining the humanitarian influence of the Russian Federation. Based on a quantitative and qualitative analysis of the network of branches, their geographical distribution, and functioning models, the article identifies key mechanisms of influence: the training of loyal national elites, the dissemination of Russian educational standards, the preservation of the Russian-speaking cultural space, and the formation of long-term academic ties. Special attention is paid to a comparative analysis of the activities of leading universities (Lomonosov Moscow State University, Moscow State Institute of International Relations of the Russian Ministry of Foreign Affairs, St. Petersburg State University, Moscow Power Engineering Institute, etc.) in the key countries of presence — Uzbekistan, Kazakhstan, Tajikistan, Armenia, and Azerbaijan. The factors of competition from the educational systems of China, Turkey, and Western countries are considered, as well as the challenges associated with ensuring the quality of education, financing, and administrative.

Keywords: soft power, branches of Russian universities, post-Soviet space, humanitarian influence, export of education, Eurasian integration, and academic mobility.

Аннотация: В статье исследуется роль филиалов российских высших учебных заведений на постсоветском пространстве как инструмента «мягкой силы» и механизма сохранения гуманитарного влияния Российской Федерации. На основе анализа сети филиалов, их географического распределения и моделей функционирования выявляются ключевые механизмы воздействия: подготовка лояльных национальных элит, трансляция российских образовательных стандартов, сохранение русскоязычного культурного пространства и формирование долгосрочных академических связей. Особое внимание уделяется сравнительному анализу деятельности ведущих университетов (МГУ имени М.В. Ломоносова, МГИМО МИД России, СПбГУ, МЭИ и др.) в ключевых странах присутствия — Узбекистане, Казахстане, Таджикистане, Армении и Азербайджане. Рассматриваются факторы конкуренции со стороны образовательных систем Китая, Турции и западных стран, а также вызовы, связанные с обеспечением качества образования, финансированием и административными барьерами.

Ключевые слова: «мягкая сила», филиалы российских вузов, постсоветское пространство, гуманитарное влияние, экспорт образования, евразийская интеграция, академическая мобильность.

Введение

В условиях трансформации системы международных отношений и усиления конкуренции за влияние на постсоветском пространстве особую значимость приобретают инструменты «мягкой силы» (soft power), позволяющие государствам добиваться внешнеполитических целей без применения принудительных методов. Образование, как отмечают исследователи, занимает ключевое место в системе «мягкой силы», поскольку оно

формирует долгосрочные установки и лояльность у будущих элит принимающих стран. [2].

Результаты исследования

В современной историографии существует немало работ общего теоретического характера [6], [11], [14], [10], в которых рассматриваются различные подходы и концепции при анализе филиалов российских вузов как инструментов «мягкой силы» на постсоветском про-

¹ Публикация выполнена в соответствии с реализацией государственного задания по теме «Комплексные исследования процессов в странах постсоветского пространства, Центральной и Восточной Европы», код научной темы FSZG – 2024–0006.

² This publication was prepared in accordance with the implementation of the state assignment on the topic "Comprehensive studies of processes in the countries of the Post-Soviet space, Central and Eastern Europe", scientific topic code FSZG – 2024–0006.

странстве. Так, Л.А. Савельчев является автором концепции, согласно которой после 2022 года Россия перешла к использованию потенциала высшего образования как инструмента в борьбе за «культурное и цивилизационное превосходство». В.А. Смирнов анализирует не только достоинства, но и уязвимость российской образовательной системы, которая сама может стать объектом внешнего влияния, и предлагает пути превращения образования в самостоятельный субъект «мягкой силы». А.Н. Гросс в 2025 году дала развёрнутый анализ славянских университетов как уникальной институциональной модели гуманитарной интеграции и канала культурно-языкового взаимодействия России со странами СНГ.

Среди множества инструментов образовательной дипломатии — квот на обучение иностранных граждан, программ академической мобильности и продвижения русского языка — особое место занимает институт зарубежных филиалов российских вузов [1].

Филиальная сеть представляет собой уникальный механизм трансляции российского высшего образования, позволяющий готовить специалистов непосредственно на территории стран-партнёров, сохраняя стандарты качества головных вузов. Ретроспективный анализ показывает, что экспорт российских образовательных услуг на постсоветском пространстве возобновился в середине 1990-х годов после распада СССР, когда в бывших советских республиках были открыты первые филиалы как государственных, так и негосударственных российских вузов. [5]. Появление первого постсоветского межгосударственного университета — Российско-Киргизского университета в Бишкеке (1993 г.) — положило начало формированию новой модели образовательного присутствия России за рубежом. [4].

В последние десятилетия сеть филиалов демонстрирует устойчивое развитие: большинство филиалов (82%) сосредоточены именно в постсоветских государствах — Узбекистане, Казахстане, Армении, Кыргызстане, Таджикистане, Азербайджане, Беларуси. При этом общее количество высших учебных заведений в самой России на 2025 год составляет 724 вуза, а также 532 филиала внутри страны (427 государственных и 105 частных), что создаёт прочную институциональную базу для дальнейшего «экспорта» образовательных услуг за рубеж. [9].

Филиальная сеть российских вузов на постсоветском пространстве представляет собой разветвлённую структуру, дифференцированную по страновому признаку. Наиболее полные данные о распределении филиалов предоставлены Министерством экономического развития Российской Федерации. Согласно этим сведениям, абсолютным лидером по количеству филиалов является Узбекистан, где функционирует тринадцать филиалов российских вузов. Далее следуют Казахстан (шесть фи-

лиалов), Армения (четыре филиала), Киргизия и Таджикистан (по три филиала), Беларусь и Азербайджан (по два филиала). [5]. Стоит отметить, что данные Минэкономразвития могут не в полной мере отражать динамику последних лет, поскольку процесс открытия новых филиалов продолжается. Так, по информации от 2024 года, в странах СНГ располагается уже более 80 филиалов российских вузов, из них 40% — в Узбекистане. Рост количества филиалов особенно заметен в Узбекистане, где на 2025 год работают уже 14 филиалов российских вузов. [5].

В конце мая 2026 года президент России Владимир Путин в ходе переговоров с президентом Казахстана Касым-Жомартом Токаевым высоко оценил работу филиалов ведущих российских университетов в республике. «В России обучаются более 60 тысяч казахстанцев. Успешно работают казахстанские филиалы целого ряда ведущих российских университетов», — отметил российский лидер по итогам встречи, на которой стороны подписали совместное заявление об основах дружбы и добрососедства народов двух стран. [7]. Он особо выделил филиалы Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и Московского государственного института международных отношений (МГИМО) МИД России. В ответном слове Токаев подчеркнул символичность того, что «9 российских вузов открыли свои филиалы в Казахстане, в том числе достаточно известные вузы». [13]. Он напомнил, что первый казахстанский филиал — МГУ в Астане — был открыт ещё в 2001 году при непосредственном участии Путина. Высокая оценка прозвучала не случайно. Образовательное сотрудничество стало одной из центральных тем российско-казахстанской повестки последних двух лет. Ещё в ноябре 2025 года, выступая на Форуме межрегионального сотрудничества, Путин предложил запустить совместную программу подготовки технических кадров по образцу российского проекта «Профессионалитет». Тогда же он констатировал, что в России обучается порядка 55 тысяч студентов из Казахстана (год спустя эта цифра выросла до более чем 60 тысяч), многие из которых выбирают инженерные специальности в вузах Поволжья, Сибири, Урала, Москвы и Санкт-Петербурга [8]. Лидеры договорились о переходе двусторонних отношений на уровень «всеобъемлющего стратегического партнёрства и сотрудничества», где образовательная дипломатия закреплена как один из ключевых векторов.

На сегодняшний день в Казахстане действуют девять филиалов российских вузов, в которых обучается около 4000 студентов: филиал МГУ, МГИМО, МИФИ, Российский государственный университет нефти и газа имени И.М. Губкина, Российский химико-технологический университет имени Д.И. Менделеева. Активно работают филиалы Санкт-Петербургского государственного университета, Московского инженерно-физического института и

других. В сентябре 2025 года Казахстан открыл на базе Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского первый в России филиал иностранного вуза — Казахского национального университета имени Аль-Фараби.

Филиалы российских вузов — ключевой инструмент «мягкой силы» России. За четверть века они сформировали многотысячную когорту выпускников — политиков, дипломатов, предпринимателей, управленцев и учёных, лояльных России и владеющих русским языком на высоком уровне. Вице-премьер РФ Дмитрий Чернышенко назвал МГУ и МГИМО «брендами мирового уровня». [16]. Проект обеспечивает трансляцию фундаментальных образовательных стандартов, создавая условия для сохранения общего культурного и академического пространства. Филиалы служат хабами для научных обменов (договоров между вузами двух стран заключено почти полторы тысячи), а также важным каналом гуманитарных контактов — в 2025 году в календаре значилось более 30 совместных молодёжных мероприятий.

При общем позитивном фоне есть и вызовы. В Казахстане работают 23 филиала зарубежных вузов из Великобритании, США, Китая и Южной Кореи. Российская система сталкивается здесь с серьёзной конкуренцией, особенно со стороны англосаксонской модели и Китая.

Внутрисистемной проблемой остаётся обеспечение единого качества образования — филиалы нередко испытывают дефицит профессорско-преподавательского состава, а требования к абитуриентам могут быть ниже, чем в головных вузах. Эту проблему признают на всех уровнях, и одним из ключевых решений становится цифровизация и расширение сетевых образовательных программ с привлечением ведущих лекторов из России.

Высокая оценка, данная президентом Путиным филиалам российских вузов в Казахстане, — это стратегическое признание их роли как ключевого института гуманитарного влияния и «мягкой силы». Более чем за два десятилетия Россия создала в Казахстане разветвлённую сеть, ежегодно вовлекающую тысячи студентов и формирующую лояльную прослойку общества. Перед системой стоят задачи укрепления качества, защиты от конкуренции и масштабирования успехов через новые совместные проекты. Тем не менее, заявление 2026 года зафиксировало, что образовательное сотрудничество перешло из разряда просто важного в ранг одного из столпов стратегического партнёрства, обеспечивающего долгосрочную связь между будущими поколениями двух стран.

Историю создания зарубежных филиалов можно разделить на два основных этапа. Первый этап (середина 1990-х – начало 2000-х годов) был связан с открытием

первых филиалов в бывших советских республиках. На этом этапе доминировал фактор «инерции сотрудничества»: многие вузы стремились сохранить сложившиеся в советский период академические связи. Знаковым событием стало создание в 1993 году Российско-Киргизского университета в Бишкеке — первого межгосударственного образовательного учреждения на постсоветском пространстве.

Второй этап (середина 2000-х годов – настоящее время) характеризуется более системным и стратегическим подходом. Важную роль на этом этапе сыграли прямые обращения глав постсоветских государств к руководству России с просьбами об открытии филиалов ведущих вузов. Как отмечал ректор МГУ Виктор Садовничий, «все филиалы просили открыть лично президенты стран СНГ», а Московский университет выдвигал три основных условия: строительство зданий за счёт принимающей стороны, обеспечение зарплат преподавателям и возможность бесплатного обучения для студентов из страны пребывания. Открытие филиалов происходило последовательно: сначала площадку подготовил Нурсултан Назарбаев (Казахстан), затем Ислам Каримов (Узбекистан), Эмомали Рахмон (Таджикистан) и Гейдар Алиев (Азербайджан).

Филиалы российских вузов на постсоветском пространстве не являются однородными с точки зрения организационно-правовой формы и моделей функционирования. На основе анализа можно выделить несколько типологических групп.

Первая группа — классические филиалы ведущих государственных университетов, такие как филиалы МГУ в Ташкенте (2006 г.), Астане (ныне Нур-Султан, 2001 г.), Баку (2008 г.), Душанбе (2009 г.) и Ереване (2015 г.). Эти филиалы реализуют образовательные программы по стандартам головного вуза, выдают дипломы МГУ и пользуются высоким авторитетом в принимающих странах.

Вторая группа — филиалы, созданные по совместным межправительственным соглашениям. К ним относится, например, филиал НИУ «МЭИ» в Душанбе, открытый по поручению Президента Российской Федерации и совместному решению президентов двух стран. Такой статус придаёт филиалу особый политический вес и гарантирует поддержку со стороны высшего руководства обеих стран.

Третья группа — совместные (межгосударственные) университеты, наиболее ярким примером которых является Российско-Таджикский (Славянский) университет в Душанбе, созданный в 1996 году на двухсторонней основе. Такие университеты представляют собой гибридную модель, сочетающую черты национального вуза принимающей страны и российского филиала.

Четвёртая группа — филиалы, открываемые в рамках регионального сотрудничества, например филиал Казанского федерального университета в Джизаке (Узбекистан) и филиал Санкт-Петербургского государственного университета в Ташкенте, открытый в соответствии с постановлением Президента Республики Узбекистан от 12 января 2021 года.

В современных международных отношениях способность государства влиять на другие страны через привлекательность собственной культуры и ценностей признаётся одним из важнейших ресурсов внешней политики. Феномен «мягкой силы» образования, как отмечается в научной литературе, заключается в том, что оно формирует у иностранных граждан не только профессиональные компетенции, но и ценностные ориентации, культурные предпочтения и долгосрочную лояльность.

Место образования в системе «мягкой силы» России определяется рядом факторов: во-первых, историческим наследием (советская школа высшего образования до сих пор сохраняет высокую репутацию на постсоветском пространстве); во-вторых, востребованностью русского языка как языка межнационального общения; в-третьих, относительной доступностью российского образования по сравнению с западными аналогами. В этом контексте филиалы российских вузов выступают не просто как образовательные учреждения, но как институты «мягкой силы» в чистом виде: они напрямую не подчинены дипломатическим или политическим структурам, однако их деятельность объективно способствует укреплению позиций России в регионе. Наиболее значимым каналом «мягкой силы» является подготовка национальных элит принимающих стран. Выпускники филиалов российских вузов, получившие образование по российским стандартам, сохраняющие знание русского языка и установившие личные и профессиональные связи в России, с высокой вероятностью будут занимать прокремлёвскую позицию в своей будущей профессиональной деятельности. Они пополняют ряды «российско-ориентированной» интеллигенции, научной и деловой элиты, становятся носителями российских культурных и ценностных установок.

Характерный пример — подготовка специалистов для комплекса «Байконур» в Казахстане. Филиал МАИ в Байконуре является старейшим российским филиалом в республике и целенаправленно готовит кадры для развития и обслуживания космодрома. Выпускники этого филиала, работая на ключевых позициях в структурах «Байконура», естественным образом способствуют сохранению российского присутствия и влияния в стратегически важном объекте.

В Таджикистане ситуация схожа: по имеющимся данным, свыше 24 тысяч граждан республики обучаются в

вузах РФ, а филиалы российских университетов на территории Таджикистана готовят кадры, ориентированные на сотрудничество с российскими компаниями и государственными структурами. Создание филиальной сети российских вузов в Таджикистане является частью стратегического курса на расширение гуманитарного и образовательного сотрудничества на пространстве СНГ. Основой для этого процесса служат межправительственные соглашения, позволяющие осуществлять обучение по российским стандартам с последующей выдачей дипломов государственного образца РФ. Ключевым учреждением в этой системе выступает Российско-Таджикский (Славянский) университет (РТСУ), созданный в 1996 году. Это межгосударственное высшее учебное заведение, учредителями которого выступают правительства обеих стран. РТСУ находится в совместном ведении и координирует свою деятельность с ведущими российскими вузами-партнёрами. Так, с 2025 года Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (СПбПУ) выступает координатором деятельности РТСУ, обеспечивая его научно-методическую и ресурсную поддержку. Помимо РТСУ, в Душанбе создана и успешно функционирует сеть филиалов ведущих московских университетов: филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Душанбе (с 2010 года) — открыт с участием президента Таджикистана Эмомали Рахмона и ректора МГУ Виктора Садовничего; филиал НИУ «МЭИ» в г. Душанбе (с 2013 года) — создан в рамках отдельного межправительственного соглашения от 2009 года и указа президентов обеих стран; филиал НИТУ «МИСиС» в г. Душанбе (открыт в 2024 году) — торжественно открыт при участии президента Таджикистана. Важно отметить, что в отличие от РТСУ (межгосударственный университет), филиалы МГУ, МЭИ и МИСиС являются структурными подразделениями российских вузов, работающими на территории Таджикистана в рамках двусторонних соглашений.

Следует отметить, что масштаб образовательного сотрудничества двух стран демонстрирует устойчивую положительную динамику. По состоянию на 2025–2026 гг. более 30 тысяч граждан Таджикистана получают высшее образование в российских вузах (как в самой РФ, так и в филиалах на родине). Ежегодно Правительство РФ выделяет для граждан Таджикистана около 1 тысячи бюджетных мест в российских университетах, а также расширяет квоты на обучение. [17].

Филиалы российских вузов играют ключевую роль в поддержании и продвижении позиций русского языка в Таджикистане. Русский язык является основным языком обучения в филиалах и РТСУ. В 2024 году в филиале НИТУ «МИСиС» в Душанбе открыт Центр русского языка и культуры для школьников, студентов и преподавателей, где организованы подготовительные курсы и мероприятия по популяризации российской культуры. В целом в Таджикистане действуют 5 российских школ, где обучение

ведётся по российским стандартам и на русском языке.

Инструментарий «мягкой силы» через образование позволяет России укреплять позиции в регионе. Как отмечается в экспертных оценках, эта «мягкая сила» опирается на потенциал гражданского общества и государственную поддержку. Экспорт российских образовательных услуг помогает решать задачи обеспечения доступности и качества высшего образования для населения Таджикистана на фоне внутренних системных проблем. Несмотря на позитивную динамику, деятельность российских образовательных учреждений в Таджикистане сталкивается с рядом серьёзных вызовов.

В марте 2026 года Россия приостановила финансирование Российско-Таджикского (Славянского) университета. Причиной стало назначение таджикской стороной нового ректора без предварительного согласования с российской стороной, что нарушает условия межправительственного соглашения 1997 года. Финансирование было заморожено, за исключением средств на заработную плату. Этот инцидент обнажил уязвимость двусторонних образовательных институтов перед политическими и административными разногласиями. Исследователи выделяют такие внутренние факторы в системе высшего образования Таджикистана, как консервативность государства, быстрый рост населения, нехватка ресурсов, коррупция и клановость. Эти факторы создают сложный фон для деятельности российских филиалов, требуя от них высокой степени адаптации и самостоятельности. Помимо традиционного привлечения студентов в Россию, филиалы конкурируют с местными вузами, а также с образовательными программами других стран (Китай, Турция, западные университеты), что требует постоянного повышения качества и привлекательности российского образования. Несмотря на текущие трудности, перспективы сотрудничества остаются широкими. Интерес к российскому образованию в Таджикистане остаётся высоким, о чём свидетельствует ежегодное проведение масштабных образовательных выставок. На XIII выставке-ярмарке «Российское образование. Таджикистан-2025» свои программы представили более 30 российских вузов. Филиалы российских вузов в Таджикистане являются важным инструментом гуманитарного сотрудничества и «мягкой силы», способствуя сохранению русского языка, подготовке национальных кадров и укреплению взаимовыгодных связей. Количественные показатели (тысячи студентов, сотни выпускников, десятки вузов-партнёров) свидетельствуют о востребованности этой модели. Однако кризис, связанный с РТСУ в 2026 году, продемонстрировал хрупкость достигнутого равновесия. Дальнейшее развитие сотрудничества требует выработки чётких, взаимоприемлемых и неукоснительно соблюдаемых механизмов управления совместными образовательными институтами, а также учёта внутренних рисков и вызовов.

Следует сказать, что филиалы российских вузов выступают в роли трансляторов российской образовательной модели, отличающейся фундаментальностью подготовки, ориентацией на естественно-научные и технические специальности, а также высокими требованиями к качеству знаний. В отличие от западных университетов, где доминирует либеральная образовательная парадигма, российское высшее образование сохраняет традицию системного освоения дисциплин, что находит отклик у многих абитуриентов на постсоветском пространстве. Показательно, что филиалы ведущих российских вузов осуществляют образовательную деятельность в точном соответствии с учебными планами и программами головных университетов. Это означает, что студент, обучающийся в филиале МГУ в Баку или Ташкенте, получает тот же объём знаний, ту же методику преподавания и тот же диплом, что и студент, обучающийся в Москве. Такая унификация стандартов формирует у выпускников чувство сопричастности к российскому академическому пространству и российской культуре.

Особого внимания заслуживает деятельность Ташкентского филиала МГУ, который по праву считается самым крупным из зарубежных филиалов Московского университета. Созданный в 2006 году, сегодня он готовит специалистов по направлениям математики, информатики, менеджмента и психологии. За годы работы количество студентов выросло с 80 человек на двух факультетах в первый год до 300 ежегодно принимаемых в настоящее время. При филиале осуществляется подготовка высококвалифицированных специалистов в соответствии с нормами, принятыми в МГУ, и международными требованиями к качеству высшего образования, а также с учётом целей Национальной программы по подготовке кадров Республики Узбекистан.

Филиал МГУ в Ереване, открытый в 2015 году, представляет собой уже десять лет действующий образовательный проект. Филиал предлагает семь направлений бакалавриата и несколько программ магистратуры, включая экономику, международные отношения и юриспруденцию. При филиале с 2017 года действует Старшая школа имени А.Г. Ерицяна, что свидетельствует о расширении присутствия в систему среднего образования. Бакинский филиал МГУ, работающий с 2008 года, осуществляет подготовку бакалавров и магистров по лицензиям Министерства образования и науки Российской Федерации, а занятия проводятся с использованием инновационных технологий и методов обучения.

Филиалы российских вузов выполняют важнейшую функцию сохранения и расширения русскоязычного культурного пространства на постсоветском пространстве. В условиях, когда во многих государствах СНГ русский язык постепенно утрачивает позиции в официальной сфере и системе образования, филиалы остаются

островками, где русский язык преподаётся и используется как основной язык обучения. В частности, филиал МГИМО в Ташкенте, открытый в 2019 году как первый зарубежный филиал этого престижного вуза, изначально ориентирован на обучение на русском языке. Ещё одной важной задачей филиала РУДН в Ташкенте называется содействие в укреплении системы обучения русскому языку. Филиальная сеть создаёт дополнительные возможности для академической мобильности студентов и преподавателей. Программы двойных дипломов, стажировки в головных вузах, совместные научные исследования — всё это не только повышает качество подготовки, но и формирует сеть личных и профессиональных связей между учёными и студентами России и постсоветских стран. Так, Ташкентский филиал МГУ с 2019 года осуществляет четыре совместные магистерские программы с Национальным университетом Узбекистана.

Заключение

В последние годы образовательный рынок постсоветского пространства становится объектом острой конкуренции. Помимо России, за влияние на этом рынке борются Китай, Турция, Южная Корея, а также западноевропейские и американские университеты. Китай представляет особую угрозу благодаря масштабным государственным инвестициям в продвижение китайского образования, стипендиальным программам (включая знаменитые стипендии правительства КНР) и растущей экономической привлекательности Китая как направления для трудоустройства. Турция также активно наращивает своё присутствие, используя культурно-языковую близость с тюркоязычными государствами Центральной Азии. Западные университеты привлекают студентов перспективами международного признания дипломов и возможностями дальнейшей трудовой миграции в Европу и США. В результате этого давления Россия рискует потерять часть своего влияния, если не будет предпринимать активных мер по модернизации филиальной сети и повышению её конкурентоспособности. Особую тревогу вызывает тот факт, что российские вузы недостаточно представлены в медиапространстве стран Центральной Азии. Одним из наиболее острых вызовов для филиальной сети является проблема качества образования. Внутри самой России филиалы вузов нередко подвергались критике за более низкий уровень подготовки по сравнению с головными вузами. По данным исследований, средние баллы ЕГЭ у абитуриентов, поступивших в филиалы, как правило, на 2–3 балла ниже, чем у принятых в головные вузы, что является «явным сигналом о более слабом уровне требований в филиалах». Эта проблема актуальна и для зарубежных филиалов. Аналитики отмечают, что необходимо оперативно решать проблемы с качеством образования в филиалах, созданием достаточной материальной базы и их уме-

лым позиционированием, в том числе в онлайн. Слабая материально-техническая база отдельных филиалов, отток квалифицированных преподавательских кадров, бюрократические барьеры при согласовании учебных планов — всё это снижает качество подготовки и, следовательно, привлекательность российского образования в глазах абитуриентов.

Особую роль в решении этой проблемы призвано играть Россотрудничество, которое в рамках Концепции продвижения российского высшего образования помогает российским вузам в организации набора иностранных граждан, а также в приобщении их к культуре народов России.

Функционирование филиалов российских вузов на постсоветском пространстве сопряжено с политическими рисками. Усиление национальных идентичностей в постсоветских республиках, пересмотр статуса русского языка, а также внешнеполитические разногласия (например, после событий 2014 и 2022 годов) создают дополнительные вызовы. В некоторых странах наблюдается тенденция к сокращению доли обучения на русском языке в пользу государственных языков. Это создаёт угрозу для филиалов, ориентированных преимущественно на русскоязычное обучение. Кроме того, бюрократические процедуры признания российских дипломов, лицензирования образовательной деятельности филиалов и визовые ограничения также осложняют работу филиальной сети. Филиалы российских вузов на постсоветском пространстве представляют собой уникальный и многофункциональный институт, одновременно решающий задачи экспорта образования, сохранения гуманитарного влияния и реализации внешнеполитических интересов Российской Федерации. Обладая разветвлённой сетью, охватывающей более 80 образовательных учреждений в странах СНГ, и пользуясь поддержкой на высшем уровне, они являются одним из наиболее эффективных инструментов «мягкой силы» России в регионе. Ключевые механизмы воздействия включают подготовку национальных элит, трансляцию российских образовательных стандартов, сохранение и расширение русскоязычного культурного пространства, а также развитие академической мобильности и научного сотрудничества. Наиболее яркими примерами успешной реализации этих механизмов служат филиалы МГУ в Ташкенте, Баку, Ереване и Душанбе, филиалы МЭИ и МГИМО в Центральной Азии, а также совместные российско-таджикские образовательные проекты.

Вместе с тем дальнейшее укрепление позиций российского высшего образования на постсоветском пространстве требует решения ряда проблем, среди которых — усиливающаяся конкуренция со стороны Китая, Турции и западных стран, необходимость повышения

качества подготовки в отдельных филиалах, а также адаптация к изменяющимся политическим и демографическим условиям. Успех филиальной сети как инструмента «мягкой силы» будет зависеть от способности российской образовательной системы сочетать сохранение традиционных конкурентных преимуществ (фундаментальность, доступность, русскоязычная среда) с внедрением инновационных подходов и активной коммуникационной стратегией.

Перспективными направлениями для дальнейших исследований представляются: сравнительный анализ эффективности различных моделей филиалов (классические филиалы vs совместные университеты), оценка долгосрочного влияния филиалов на внешнеполитические ориентации элит принимающих стран, а также разработка критериев эффективности филиалов как инструментов «мягкой силы».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобыло А.М. Экспорт российского образования как инструмент «мягкой силы» России: опыт НИЯУ МИФИ // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. - 2019. - № 2. - С. 875–879.
2. Давыдова Т.Е. Опыт и перспективы использования «мягкой силы» образования в национальных интересах современного государства // вестник университета мировых цивилизаций 2024. Том 15 № 1 (42).
3. Гросс А.Н. Академический вектор мягкой силы: роль славянских университетов в гуманитарной интеграции на евразийском пространстве // Россия в глобальном мире. 2025. Т. 28. Вып. 4. С. 53–69.
4. Кыргызско-российский славянский университет // [Электронный ресурс] URL: https://www.krsu.kg/vikon/sveden/common/#anchor_regDate (дата обращения 29.05.2026г.).
5. Минэкономразвития: филиалы российских вузов в странах СНГ позволят наращивать сотрудничество между бизнесом // [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_filialy_rossiyskikh_vuzov_v_stranah_sng_pozvolyat_narashchivat_sotrudnichestvo_mezhdu_biznesom.html (дата обращения 29.05.2026г.).
6. Погорельская А.М., Троицкий Е.Ф., Пакулин В.С. Интернационализация системы высшего образования в Казахстане (2022–2023 гг.): преемственность курса или смена ориентиров? // Высшее образование в России. - 2024. - № 1. - С. 68–86.
7. Путин отметил успешную работу филиалов российских вузов в Казахстане Сайт РИА новости [Электронный ресурс]. <https://ria.ru/20260528/putin--2095247079.html> (дата обращения 29.05.2026г.).
8. Путин предложил запустить совместно с Казахстаном программу обучения технических кадров // Парламентская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pnp.ru/politics/putin-predlozhit-zapustit-sovmestno-s-kazakhstanom-programmu-obucheniya-tekhnicheskikh-kadrov.html> <https://www.pnp.ru/politics/putin-predlozhit-zapustit-sovmestno-s-kazakhstanom-programmu-obucheniya-tekhnicheskikh-kadrov.html> (дата обращения 10.06.2026г.).
9. Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2024/10/24/auditoria-bez-granic.html> (дата обращения 1.04.2026г.).
10. Савельчев Л.А. Высшее образование как ресурс «мягкой силы» России в новых геополитических условиях. Часть 2: практический кейс. Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). 2023;9(4 (24)):79–91.
11. Савчук Г.А., Бритвина И.Б., Франц В.А. Культурное сближение россиян и студентов из стран Центрально-Азиатского региона как результат воздействия «мягкой силы» системы высшего образования // Регионоведение. – 2021. - № 28(4). - С. 823–842.
12. Смирнов В.А. Российское образование: субъект или объект «мягкой силы»? Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. № 4 (29). 2020.
13. Токаев пригласил Путина посетить Казахстан в следующем году- Сайт Нур КЗ [Электронный ресурс] NUR KZ <https://www.nur.kz/politics/universe/2308101-tokaev-priglasil-putina-posetit-kazakhstan-v-sleduyushchem-godu/> (дата обращения 29.05.2026г.).
14. Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО—Университета. - 2012. - № 4(25). - С. 85–92.
15. Филимонов Г.Ю. Актуальные вопросы формирования российского потенциала «мягкой силы» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. - 2012. - №1. - С. 67–82.
16. Чернышенко оценил инфраструктуру филиалов МГУ и МГИМО в Казахстане Сайт РЕН ТВ [Электронный ресурс] URL: <https://ren.tv/news/v-mire/1365857-chernyshenko-otsenil-infrastrukturu-filialov-mgu-i-mgimo-v-kazakhstane> (дата обращения 29.05.2026г.).
17. Эксперт Майтдинова: в вузах РФ увеличилось число бюджетных мест для таджиков Сайт ТАСС [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/obschestvo/27389687> (дата обращения 30.05.2026 г.).

© Ханова Ирина Евгеньевна (irkh_76@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФОРМИРОВАНИЕ МИФА О ТОТАЛЬНОЙ БЕСПРАВНОСТИ И ПАТРИАРХАЛЬНОСТИ РУССКОЙ СЕМЬИ И РЕАЛЬНОСТЬ

THE FORMATION OF THE MYTH OF TOTAL DISENFRANCHISEMENT AND THE PATRIARCHY OF THE RUSSIAN FAMILY AND THE REALITY

**E. Shakhova
A. Zadereychuk
M. Klimenko**

Summary: The myth of the total disenfranchisement and patriarchy of the Russian family often rests on oversimplified notions that emphasize the most extreme expressions of patriarchal norms, as codified in sources like the Domostroy, Russkaya Pravda, and certain legislative documents. Nevertheless, the reality was more complex and contradictory, encompassing social, cultural, and historical subtleties that shaped family dynamics. This research explores various sources that support the theory of the absolute powerlessness and patriarchy within the Russian family, while also offering examples drawn from historical records.

Keywords: myth, patriarchy, disenfranchisement, family, Ancient Rus, Russian Truth, Domostroy, law, customs.

Шахова Елена Михайловна

кандидат филологических наук, доцент,
Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского, г. Симферополь
Shahova72@mail.ru

Задерейчук Алла Анатольевна

кандидат исторических наук, доцент,
Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского, г. Симферополь
zadereychuka@mail.ru

Клименко Марина Николаевна

кандидат юридических наук, доцент,
Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского, г. Симферополь
afina5000@mail.ru

Аннотация: Миф о тотальной бесправности и патриархальности русской семьи часто основывается на упрощённых представлениях, которые акцентируют внимание на крайних проявлениях патриархальных норм, закреплённых в таких источниках, как «Домострой», «Русская Правда», некоторых законодательных актах. Однако реальность была сложнее и противоречивее, включала социальные, культурные и исторические нюансы, которые влияли на семейные отношения. В данном исследовании рассматриваются различные источники, доказывающие право на существование теории о тотальной бесправности и патриархальности русской семьи, а также приводятся примеры из исторических источников.

Ключевые слова: миф, патриархальность, бесправие, семья, Древняя Русь, «Русская Правда», Домострой, право, обычаи.

Актуальность

Миф о тотальной бесправности и патриархальности русской семьи — это упрощённое и часто искажённое представление о семейных отношениях в России, которое не отражает всей сложности исторического и современного контекста. Этот миф формируется под влиянием стереотипов, выборочного восприятия исторических источников и современных дискуссий о семейных ценностях. Актуальность темы связана с её влиянием на общественные дискуссии, государственную политику и самовосприятие семей в современном обществе. Изучение этого мифа и его сопоставление с реальностью актуально по нескольким причинам:

- Стереотипы о патриархальности могут создавать давление на современные семьи, заставляя их соответствовать устаревшим моделям или, наоборот, отвергать любые традиции как угнетающие.
- Необходимость в объективной исторической памяти. Понимание реальной эволюции семейных

отношений помогает избежать искажений и использовать исторический опыт для решения современных проблем.

- Тема патриархальности тесно связана с дискуссиями о гендерном неравенстве, правах женщин и балансе обязанностей в семье.
- Демографические и социальные вызовы. В условиях низкой рождаемости и изменений в структуре семьи важно осмыслить, как исторические и современные модели влияют на демографическую ситуацию и благополучие общества.

Таким образом, тема мифа о тотальной бесправности и патриархальности русской семьи остаётся актуальной из-за её влияния на общественные настроения, политику и научное понимание семейных отношений. Её изучение требует междисциплинарного подхода, учитывающего исторические, социологические, культурные и гендерные аспекты.

2024 год в России был объявлен Годом семьи по указу

Президента Владимира Владимировича Путина, документ был подписан 22 ноября 2023 года (Указ № 875).

Цель — популяризация государственной политики в сфере защиты семьи и сохранения традиционных семейных ценностей.

Основными направлениями были выбраны: укрепление института семьи и усиление мер поддержки. Особое внимание уделялось развитию семейных ценностей, укреплению института семьи и усилению мер поддержки; создание условий для рождения первых детей в молодых семьях, укрепление репродуктивного здоровья, поддержка многодетных и многопоколенных семей, формирование «здоровой моды» на многодетную семью.

Правительство утвердило план основных мероприятий по проведению Года семьи. Он включал несколько блоков: Чествование семей. Чествование родителей, награждённых званием «Мать-героиня», медалью и орденом «Родительская слава». Всероссийские конкурсы. «Это у нас семейное», «Семья года» и другие. Просветительские мероприятия. Например, «Всероссийский ипотечный марафон 2024: свой дом для каждой семьи». Спартакиады и фестивали. «Здоровая семья — сильная Россия», «Я горжусь своей семьёй» и другие. Тематические встречи, форумы и конференции по совершенствованию положения семей с детьми.

По результатам мероприятий, проведенных в Год семьи правительство разработало стратегический документ по демографической и семейной политике на перспективу до 2030 года.

Безусловно, усилия государства по укреплению российской семьи дали свои положительные результаты, так же дали толчок к изучению проблемы семьи в её исторической ретроспективе. Усилился интерес общества к сформированному мифу о тотальной несправедливости и патриархальности русской семьи в прошлом и настоящем.

Проблемы русской семьи изучали многие историки, причём подходы и акценты исследований менялись в зависимости от исторического периода и методологических установок науки.

Дореволюционные исследователи:

Николай Михайлович Карамзин в своем фундаментальном труде «История государства Российского» в 12 томах, ставшим одним из важнейших памятников русской национальной культуры, которому Карамзин посвятил последние 22 года своей жизни, впервые была затронута проблема семейных отношений в Древней Руси языческого периода. По его мнению, в языческие

времена восточные славяне покупали жен, выплачивая их родителям вено, что обуславливало рабское положение женщины в семье [5, с. 463].

Начиная с 1830-х годов исследование брачно-семейных отношений в Древней Руси стало активно развиваться в рамках историко-правовой научной школы. Её становление связано с трудами И.Ф. Эверса [4] и А.М. Рейца [7]. Они исследовали формы брака, личные и имущественные отношения супругов, вопросы наследования, правового положения женщины и расторжения брака.

Учёные обосновывали тезис о том, что в дохристианскую эпоху на Руси были распространены такие практики, как похищение невест и их купля-продажа, а также выплата вена — впоследствии оно преобразовалось в свадебный дар, который муж преподносил жене. Исследователи полагали, что эти формы заключения брака способствовали формированию практически неограниченной власти главы семьи над домочадцами; эта тенденция сохранялась и после принятия христианства — пусть и в менее жёсткой форме.

И.Ф. Эверс сосредоточился исключительно на языческом браке: он описал способы его заключения и раскрыл характер личных отношений супругов, при этом вопросы христианского брака в его работах не затрагивались. А.М. Рейц, в свою очередь, обратил внимание на то, что под воздействием христианских ценностей в древнерусском праве постепенно закреплялись важные положения — в частности, раздельность имущества супругов и право женщины самостоятельно распоряжаться собственностью (в том числе приданым и веном).

Вместе с тем А.М. Рейц указывал на крайне медленное проникновение христианских норм в быт древнерусского общества — об этом говорит продолжительная борьба церкви с самовольными разводами, многожёнством, наложничеством и иными пережитками. Однако из-за чрезмерно широкого хронологического охвата в работе А. Рейца не удалось воссоздать целостную картину брачно-семейных отношений на Руси до монгольского нашествия.

Существенный вклад в исследование данной проблематики внесли работы К.А. Неволлина [6], М.Ф. Владимирского-Буданова [1], В.И. Сергеевич [10] и др.

В своих трудах учёные проанализировали нормы древнерусского права и осветили целый ряд аспектов: как регулировались брачно-семейные отношения на Руси, каковы были личные и имущественные взаимоотношения между супругами, родителями и детьми, как функционировали институты наследования и опеки, а также какие существовали формы и процедуры заклю-

чения и расторжения брака — как в языческий, так и в христианский период.

К.А. Неволин полагал, что становление древнерусского брачно-семейного законодательства в значительной степени определялось нормами византийского права — как канонического, так и гражданского. При этом, как отмечал исследователь, ключевой вопрос заключался не в самом факте влияния, а в том, когда эти нормы обрели силу на Руси, насколько широко действовали и как долго сохраняли актуальность. Например, языческие *«законы долго не подвергали мужа ответственности за убийство жены»*, но с принятием христианства церковь *«старалась, без сомнения, доставить силу законам Греко-римским, которые ограждали безопасность жены»* [6, с. 402].

Особенно отчётливо воздействие византийских правовых традиций прослеживается в области личных отношений между супругами. Если в языческий период законы долгое время не предусматривали ответственности мужа за убийство жены, то после принятия христианства церковь, несомненно, способствовала внедрению греко-римских правовых норм, защищавших безопасность женщины.

Вместе с тем влияние Византии на регулирование отношений между родителями и детьми было не столь выраженным. К.А. Неволин подчёркивал, что характерная для греко-римской правовой традиции «отеческая власть», сосредоточенная исключительно в руках отца, на Руси не прижилась: право распоряжаться судьбой детей традиционно принадлежало обоим родителям. Впоследствии эта власть существенно ограничилась благодаря вмешательству церкви, которая встала на защиту жизни, имущества и интересов детей.

М.Ф. Владимирский-Буданов полагал, что специфика древнерусского семейного права заключалась в том, что договорное начало в нём доминировало над кровным, — именно этим он объяснял сравнительно более гуманный характер правовых норм на Руси в отличие от Византии. Учёный выделил три этапа в развитии имущественных отношений между супругами. На первом, древнем этапе, когда женщин нередко похищали или приобретали за выкуп, жена не имела никаких имущественных прав — всё её имущество автоматически переходило под власть мужа. На втором этапе, с переходом к практике приведения невесты в дом и передачей приданого, ситуация изменилась: за женщиной признали право владеть одеждой, украшениями и имуществом, нажитым собственным трудом, — это заложило основу для формирования режима общности супружеского имущества. Третий этап связан с христианизацией: под воздействием церковного права положение женщины улучшилось, и постепенно оформился принцип раздельности имуще-

ственных прав супругов.

При этом М.Ф. Владимирский-Буданов, хотя и не отрицал подчинённого статуса жены в семье, решительно оспаривал тезис о том, что женщина находилась на положении рабыни и что муж мог произвольно распоряжаться её жизнью и свободой. Что касается родительской власти, то, по мнению исследователя, она возникла сразу после рождения или усыновления детей и действовала вплоть до смерти родителей. Хотя закон наделял родителей обширными полномочиями в отношении детей (в том числе возможностью распоряжаться их свободой), на практике к таким мерам прибегали лишь в исключительных обстоятельствах [1, с. 118].

В.И. Сергеевич констатировал, что жена в семье занимала подчинённое положение по отношению к мужу — эта особенность сохранялась и после христианизации общества. Учёный указывал на то, что идея раздельности супружеского имущества стала постепенно складываться лишь с принятием христианства — её формированию способствовало влияние византийского законодательства. Тем не менее этот принцип не получил полного воплощения на практике: он нередко оказывался несовместим с устоявшимися бытовыми обычаями. В вопросе о сроках действия родительской власти позиция В.И. Сергеевича совпадала с мнением М.Ф. Владимирского-Буданова.

Б.А. Романов, исследовал проблемы семейно-брачных отношений и повседневной жизни населения Древнерусского государства [8]. Автор реконструировал внутреннюю жизнь семьи в домонгольской Руси на основе церковных памятников («Посланий» и «Поучений» духовных лиц), «Русской Правды», уставов князей и некоторых литературных памятников («Жития Феодосия Печерского», «Слова» Даниила Заточника и др.). Он исследовал проблемы утверждения семьи, роли церкви в этом процессе, воспитания детей в обычной древнерусской семье, совместной жизни супругов, причин распада семьи и его последствий.

В труде Дмитрия Николаевича Дубакина «Влияние христианства на семейный быт русского общества в период до времени появления „Домостроя“» подробно рассматривается трансформация семейных отношений под воздействием христианских идей [3]. Автор анализирует, как христианство повлияло на брачные обычаи, положение женщин, воспитание детей и структуру семьи в древнерусском обществе. Д.Н. Дубакин — опираясь на обширную источниковую базу (летописные, юридические и церковные документы), затронул практически все аспекты брачно-семейных отношений и создал яркую картину семейного быта на Руси.

Дубакин отмечает, что христианство внесло в семей-

ный быт идею священности брака как таинства. Брак перестал быть исключительно социальным или экономическим союзом, а стал духовным союзом, направленным на спасение души. Это изменило отношение к браку и его юридическую основу:

Автор указывает на то, что христианство способствовало повышению статуса женщины в семье. Если в языческих традициях женщина часто рассматривалась как объект обмена или собственность, то с принятием христианства она стала равной партнёром в браке, хотя и сохраняла подчинённое положение в рамках патриархальной структуры.

В работе подчёркивается, что христианство внесло в воспитание детей идею нравственного и духовного развития. Родители были обязаны не только заботиться о физическом благополучии детей, но и направлять их на путь добродетели, обучать молитве и соблюдению церковных обрядов. Автор анализирует, как христианские идеалы повлияли на распределение власти в семье. Хотя патриархальный уклад сохранялся, глава семьи теперь должен был руководствоваться не только властью, но и ответственностью за духовное благополучие домочадцев.

В книге отмечается, что на формирование семейного быта на Руси повлияли византийские церковные уставы и номоканоны, которые были адаптированы к местным условиям.

В завершение книги «Влияние христианства на семейный быт русского общества в период до времени появления „Домостроя“» [2], Дмитрий Дубакин делает вывод о том, что «Аскетическая идея, выразившаяся в русском обществе между прочим господством монастырских порядков во всех сферах жизни, воздействовала на склад и характер семейного быта русского общества со стороны единства порядков и гармонии отношений между разными членами семьи. В ту эпоху, когда все сферы жизни русского общества именно и блистали отсутствием

в них правильности, порядка и строгой определенности, установление какого бы то ни было порядка, какой бы то ни было гармонии составляло неоцененную заслугу. Такую-то заслугу и оказало по отношению ко всему семейному быту русского общества христианство в форме аскетической идеи» [3, с. 90–91].

«Русская Правда», представляющая собой свод законов Древней Руси, не имеет обособленного раздела о семейном праве, однако включает отдельные нормы, затрагивающие семейные отношения. В этих положениях прослеживается трансформация семейного института: на фоне отхода от языческих традиций и утверждения христианства, постепенного становления хозяйственных отношений рационального типа и размывания родовых устоев [9].

Родительская власть. Глава семьи — отец — обладал полномочиями разрешать семейные конфликты и применять наказания в отношении детей. В случае его смерти функция родительского контроля до достижения детьми совершеннолетия переходила к матери.

Таким образом, «Русская Правда» отражает переход от родовых к малым семейным структурам, закрепление патриархальных устоев и начало формирования правовых норм, защищающих интересы отдельных членов семьи, особенно в сфере наследования и опеки.

Важно учитывать, что законодательные акты часто отражали идеальную, желательную для законодателя картину, и при анализе таких источников стоит учитывать, что реальная жизнь населения могла отличаться. Миф о тотальной бесправности и патриархальности русской семьи — это результат сочетания методологических ограничений в изучении истории, идеологических предубеждений и выборочного использования источников. Реальность была динамичной и разнообразной: семейные отношения зависели от сословия, региона, экономических условий и личных качеств членов семьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Владимирский-Буданов, Михаил Флегонтович (1838–1916). Вып. 1. Хрестоматия по истории русского права / Сост. М. Владимирский-Буданов. — 5-е изд. — Санкт-Петербург, Киев: Н.Я. Оглобин, 1899. — 265, [3] с.: 25.
2. Домострой. СПб.: Наука, 1994. (Серия «Литературные памятники».) Издание подготовили В.В. Колесов, В.В. Рождественская URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/domosttr.htm> (дата обращения: 13.06.2026).
3. Дубакин Д.Н. Влияние христианства на семейный быт русского общества в период до времени появления "Домостроя" Исслед. Д. Дубакина. — Санкт-Петербург: тип. Р.Г. Елеонского и К°, 1880. — [2], 188, VI с.; 22.
4. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии / Соч. И.Ф. Г. Эверса Пер. с нем. [и авт. предисл.] Иван Платонов. - Санктпетербург: тип. Штаба Отд. корп. вн. стражи, 1835. - [2], XXII, 423 с.; 20 см.
5. История государства Российского: В 12 т. / Н.М. Карамзин; [Отв. ред. А. Н. Сахаров; Рос. АН]. - Москва: Наука, 1989-. / Т. 1. - 1989. - 637, [1] с., [1] л. портр.
6. Неволлин Константин Алексеевич (1806–1855). Полное собрание сочинений К.А. Неволлина: Т. 1–6. История российских гражданских законов: Введение и

- книга первая о союзах семейственных / 24. — Санкт-Петербург: тип. Э. Праца, 1857–1859, 1857. — XVI, 444 с.
7. Рейц, Александр Магнус фон (1799–1862). Опыт истории российских государственных и гражданских законов: пер. с нем. / Соч. проф. Александра Рейца; [Пер.: Федор Морошкин]. - М.: Изд. Ф. Морошкин, 1836. - [10], XXVI, 417 с.; 23 см Экземпляры: всего: 1 - ВЖК (1)
 8. Романов Б.А. Люди и нравы древней Руси: Ист.-бытовые очерки XI-XIII вв / [Предисл. Н.Е. Носова]; АН СССР. Ленингр. отд-ние Ин-та истории. - 2-е изд. - Москва; Ленинград: Наука. [Ленингр. отд-ние], 1966. - 240 с., 1 л. портр. - Библиогр.: с. 236–238.
 9. Русская правда. Источник: Библиотека литературы Древней Руси / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом); под. ред. Д.С. Лихачева и др. - Санкт-Петербург: Наука, 1997-. / Т. 4: XII век. - 1997. - 685, [2] с.
 10. Сергеевич Василий Иванович (1832–1910). Лекции и исследования по древней истории русского права / [Соч.] В. Сергеевича, засл. орд. проф. С.-Петерб. ун-та. — 4-е изд. доп. и поправлено — Санкт-Петербург: тип. М.М. Стасюлевича, 1910. — VIII, 667 с.: 25.

© Шахова Елена Михайловна (Shahova72@mail.ru), Задерейчук Алла Анатольевна (zadereychuka@mail.ru),
Клименко Марина Николаевна (afina5000@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МАССОВЫЕ ШКОЛЫ ГОРОДА МОСКВЫ В ПЕРИОД ВОССТАНОВЛЕНИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА 1945–1958 ГОДОВ ПО ДОКУМЕНТАМ АРХИВА МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО ОТДЕЛА НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

MASS SCHOOLS IN MOSCOW DURING
THE PERIOD OF ECONOMIC RECOVERY
IN 1945–1958, ACCORDING TO
DOCUMENTS FROM THE ARCHIVE
OF THE MOSCOW CITY DEPARTMENT
OF PUBLIC EDUCATION

*E. Shchulepnikova
M. Nabokina
O. Kokareva*

Summary: The article examines the issues of the restoration and subsequent development of the Moscow school education system under the leadership of the Moscow City Department of Education in the post-war period. Based on the analysis of archival documents, the authors show the decision-making mechanisms in the party-sectoral system of Moscow and trace the effective ways of maintaining and developing the level of professional training of teachers in the capital, as well as the methods of controlling the educational process in the capital's schools. The research methodology is based on a positivist approach and the hermeneutic analysis of unpublished historical sources, as well as the principle of historicism. The article employs historical-genetic and historical-system research methods.

The main results are the identification of ways to solve the pressing problems of the post-war period in the field of education, as well as the major achievements and results of the capital's educational policy from 1945 to 1958 regarding mass schools, based on internal criticism of a wide range of archival materials.

Keywords: Moscow City department of public education, primary, seven-year, and secondary schools, universal education, lack of supervision, and educational work.

Щулепникова Екатерина Ильинична

кандидат исторических наук, доцент Московского
городского педагогического университета
SchulepnikovaE@mgpu.ru

Набокина Марина Евгеньевна

кандидат исторических наук, доцент Московского
городского педагогического университета
NabokinaME@mgpu.ru

Кокарева Ольга Владимировна

кандидат исторических наук, доцент Московского
городского педагогического университета
KokarevaO@mgpu.ru

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы восстановления и последующего развития системы московского школьного образования под руководством Московского городского отдела образования в послевоенный период. На основе анализа архивных документов авторы показывают механизмы принятия решений в партийно-отраслевой системе Москвы, и прослеживают эффективные способы поддержания и развития уровня профессиональной подготовки педагогов столицы, а также методы контроля процесса обучения в столичных школах.

Методология исследования основана на позитивистском подходе и герменевтическом анализе неопубликованных исторических источников, принципе историзма. В работе применяются историко-генетический и историко-системный методы исследования.

Основные результаты заключаются в выявлении путей решения злободневных проблем послевоенного времени в сфере образования, крупных достижений и результатов столичной образовательной политики 1945–1958 годов в отношении массовых школ на основе внутренней критики широкого корпуса архивных дед фонда Р-528 Центрального государственного архива города Москвы.

В заключении делаются выводы о том, что результатами выявленных направлений деятельности Московского городского отдела народного образования стало успешное решение ключевых задач по восстановлению и совершенствованию народного образования в рассматриваемый период, что заложило основу для последующих реформ 1960-х годов.

Ключевые слова: Московский городской отдел народного образования, начальные, семилетние и средние школы, всеобщ, безнадзорность, учебно-воспитательная работа.

Введение

Главными проблемами послевоенного времени в системе столичного образования стало восстановление школьных зданий и инвентаря, строительство укрупненных школ нового типа, необходимость введе-

ния всеобщего семилетнего образования при распространенной безнадзорности детей школьного возраста, восстановление кадрового потенциала педагогических работников, поддержание уровня учебно-воспитательной работы и дисциплины в общеобразовательной школе.

В работе над статьей применялся позитивистский подход и герменевтический анализ архивных исторических источников, основанный на глубоком погружении во внутреннее содержание, последующем сопоставлении и интерпретации эмпирических данных.

В работе применяются историко-генетический и историко-системный методы исследования для рассмотрения столичной образовательной политики как части системы народного образования СССР 1945–1958 годов.

В первые послевоенные годы Московский городской отдел народного образования (далее – Мосгороно) возглавлял Алексей Георгиевич Орлов. С 1951 года – Сергей Александрович Наумов. В 1956 году заведующим Мосгороно стал Анатолий Иванович Шустов.

В своей работе помимо действующего законодательства о всеобщем обучении Мосгороно руководствовался резолюцией Всероссийского совещания по народному образованию от 7–11 августа 1945 года и положениями доклада народного комиссара просвещения РСФСР Владимира Петровича Потемкина. Резолюция включала следующие положения, определившие пути развития школьного образования в рассматриваемый период: «Поставить перед учителями, директорами, заведующими школами, органами народного образования задачу решительного усиления работы по устранению формализма в знаниях учащихся, методах обучения и воспитания в школе. <...> Вменить в обязанность органам народного образования принять все меры к дальнейшему улучшению подготовки педагогических кадров, усилению работы по повышению квалификации учителей, работающих в школах и упорядочению методического руководства ими. <...> обязать директоров школ силами учителей и учащихся изготовление учебно-наглядных пособий из местных материалов и обеспечить правильное хранение и использование имеющегося учебного оборудования» [4, с. 24].

Основные результаты

Из документов Мосгороно следует, что руководство московского образования четко следовало данной резолюции. Руководство столичного образования поставило перед собой следующие задачи: выполнение закона о всеобщем обязательном обучении и обеспеченности общедоступности среднего образования; повышение качества образования; стабилизация сети и всемерное укрепление средних школ, обеспечение оборудованием и кадрами; создание благоприятных условия для плодотворной учебно-воспитательной работы учителя, повышение его ведущей роли и авторитета в педагогическом процессе; работа по совершенствованию общеобразовательной и политической подготовки учителей; развитие внеклассной и внешкольной работы [7, с. 3 – 4].

Выполнение закона о всеобщем обучении потребовало значительных усилий. В рассматриваемый период заметен рост контингента учащихся. Этот процесс был связан с возвращением семей из эвакуации, необходимостью приёма в школы детей по разным причинам, не посещавшим школу в годы войны. Если в 1944/1945 учебном году в московских школах обучалось 409 тысяч детей, то в 1947/1948 их уже было 566 000. На основании Постановления Совета народных комиссаров СССР № 964 и решения Моссовета № 18/55 «О приеме детей семилетнего возраста в школы» первоклассниками должны были становиться дети, начиная с семи лет. В 1944-м и 1945-м годах в школы принимали детей и восьми, и семи лет [7, с. 58]. Приходили в школы и ученики более старшего возраста, пропустившие по разным причинам, начало учебы. В первом послевоенном учебном году первоклассниками в столице стали 42475 семилетних, 47621 восьмилетних, и 7194 девятилетних детей. 1871 ребенок, поступивший в 1-й класс, достиг 10 и более лет [7, с. 58].

Отдельной проблемой первых послевоенных лет была безнадзорность. Необходимо было выявить и взять на учет всех детей, подлежащих школьному образованию. На начало октября 1945 года было выявлено около 3500 детей, не посещавших школу. К работе по выявлению безнадзорных детей и вовлечению их в учебу были привлечены милиция и домоуправления. С каждым годом число таких детей снижалось. Тем не менее, в 1949-1950-ом учебном году вне школ оставалось еще около 1500 детей и подростков 7–15 лет [6, с. 184].

Необходимо было выявить и взять на учет всех детей, подлежащих школьному образованию. Причинами непосещения школы могли быть плохое здоровье, необходимость работы. Нельзя не учитывать тяжелое материальное положение многих родителей, особенно многодетных, семей, где мужчины погибли на фронте.

В одном из отчетов Мосгороно, например, сказано об ученице IV класса школы № 328, которую мать, имевшая еще троих детей вместо уроков, отправляла побираться в булочную. Благодаря содействию учительнице, девочка вернулась в школу и успешно перешла в следующий класс [7, с. 22]. Нуждающимся детям выдавали талоны на одежду и обувь. В течение 1945–1946 годов школьниками г. Москвы было получено 621 927 ордеров. 317 812 из них было на обувь, 91 024 на одежду. Наряду с ордерами малоимущие семьи получали денежную помощь. По Дзержинскому району на нее израсходовано 122 400 рублей, по Киевскому 94505 и т.д. Помощь оказывали шефствующие предприятия, родительские комитеты, комсомольские организации [7, с. 12].

Постановлением Мосгорисполкома к выявлению фактически безнадзорных детей, не ходивших в школы, привлекали домоуправления и органы правопорядка.

Не всегда сотрудничество с ними проходило гладко. Мосгорono и районные отделы народного образования указывали, что многие домоуправления относятся к делу формально: «В большинстве случаев вся эта ответственность легла на плечи школ... Органы милиции по-прежнему не принимали никаких мер по отношению к подросткам, злостно уклоняющимся от школы и от работы» [7, с. 3].

Согласно справке о выполнении закона об обязательном обучении детей в г. Москве за первую четверть 1953–1954 учебного года, 1 сентября 1953 года в школы Москвы явилось 625919 учеников. Не явилось 1255 детей и подростков школьного возраста. Это было значительно меньше, что в году предыдущем, когда таких детей было 1501. Основные причинами были и материальные проблемы семей, болезни, в том числе психические. 60 детей заявили, что учиться не хотят [7, с. 1]. Школы покидали или не посещали трудные подростки, иногда вовлеченные в криминал [7, с. 22, 27]. Однако, мы видим, что в рассматриваемый период заметна тенденция к сокращению количества таких детей и со временем на первый план вышла не проблема неявки, а проблема отсева учащихся старших классов.

В данной тяжелой ситуации послевоенного времени одной из важнейших задач было восстановление школьной сети. В первый послевоенный год строительство новых школьных зданий не велось. Ситуацию осложняло то, что во время Великой Отечественной войны школьные здания нередко занимали другие учреждения: администрация госпитали и т.д. Возвращение образовательных функций шло медленными темпами. Из 100 школьных зданий, которые должны были быть возвращены, удалось освободить только 42 [7, с. 1].

В 1947 году контингент учащихся по отношению к довоенному составлял 93,4%, а количество школ только 76,5 % [7, с. 58]. В связи с этим, пришлось вернуться к трехсменному обучению. В первый послевоенный год из 464 795 школьников в 1-й смене обучалось 274.494, во второй - 186.490, в 3-й – 3811 [7, с. 5].

Кроме того, нехватка школьных помещений создавала целый ряд трудностей: в некоторых школах классные помещения пустовали из-за отсутствия мебели, отсутствовала специальная вентиляция, не хватало помещений для гардеробов, в некоторых школах находились районные детские столовые; маленькие пространства создавали скученность. [7, с. 10–12]. В этих условиях страдал собственно учебный процесс. Нехватка помещений не давала возможности эффективно организовать учебное пространство. К примеру, во многих школах занятия по химии проводились без специального оборудования, нередко в одном кабинете проводилось по два урока параллельно. [7, с. 83].

Выходом из ситуации стало строительство новых школьных зданий. До 1951 года их было построено всего 18. С 1951-го начался новый период в развитии школьной сети. Строительство школ по решению Моссовета приобрело большие масштабы. В 1953 году был утвержден типовой проект школы из крупных блоков. Кроме того, были созданы проекты, предусматривающие дополнительные помещения для мастерских. С 1956 года стали реализовываться проекты с отдельно стоящим спортзалом. В целом, 1951–1957 годах было построено 157 школьных зданий. Большинство школ стало работать в одну смену. Мосгорono удалось перевести старшие классы на кабинетную систему.

Ход восстановления школьной сети показан в приведенной ниже таблицы [7, с. 1].

Учебный год	Количество московских школ	Количество учащихся (тысяч человек)
1945/1946	493	473,7
1946/1947	511	538,4
1947/1948	533	533,4
1948/1949	540	598,4
1949/1950	549	613,7
1950/1951	566	605,4
1951/1952	577	601,2
1952/1953	596	606,1
1953/1954	607	625,9
1954/1955	617	642,7
1955/1956	643	627,5
1956/1957	663	621,3
1957/1958	696	626,5

Данные свидетельствуют, что процесс восстановления школьных зданий шёл достаточно планомерно, хотя не всегда соответствовал изменению численности контингента. И все же основная задача была решена, сеть школ, количество школьных помещений стало соответствовать потребностям города.

В послевоенные годы руководство столичного образования также столкнулось с проблемой учебно-методического обеспечения. Не хватало инвентаря, учебной литературы. Послевоенные трудности отразились также в недостатке оборудования и школьно-письменных принадлежностей. 67 школ, главным образом начальных, не имели библиотек. О состоянии книжного фонда говорит следующая таблица, составленная инспекторами Мосгорono [7, с. 6].

В военные годы книжный фонд почти не пополнялся и ветшал. Особенно остро это ощущалось в школах,

Количество библиотек с фондом до 1000 книг	Количество библиотек с фондом от 1000–2000 книг	Количество библиотек с фондом 2002–5000 книг	Количество библиотек с фондом сверх 5000 книг
42	50	181	102

где во время войны располагались госпитали, сборные пункты и т.д. Сложнее всего в таких условиях было учителям физики, биологии, химии. Географам, и историкам нужны были карты и наглядные пособия, которых не хватало. В первый послевоенный год методисты советовали нашим коллегам использовать для их изготовления подручные материалы: клеенку, мел, куски хлеба. Учителям истории предлагалось создавать аппликации, изображающие сражения [8, с. 24–31]. Проблема решалась благодаря развёрнутой работе по реставрации книг, к которой привлекали учеников и учителей.

Еще сложнее было с преподаванием пения «Отношение к самому предмету со стороны руководящих работников и администрации школ большею частью безразличное. Отсюда и крайне тяжелые условия работы в школах. Уроки пения с легкостью снимаются и заменяются уроками по другим предметам, медосмотром и т.д. Уроки пения по-прежнему проходят в непригодных помещениях, зачастую в залах, где зимою особенно холодно, где нет ни скамеек, ни стульев для учащихся и нет доски для записи нот, чем крайне тормозится их работа...Состояние инструментов в большей части школ скверное» [7, с. 109]. Дольше всего решался вопрос о преподавании физкультуры. Дело в том, что далеко не все школы столицы располагали физкультурными залами. Устройство залов на верхних этажах не допускалось, т.к. это могло привести к разрушению несущих конструкций. В 1955 году было принято решение пристроить физкультурные залы в 40 школах Москвы [7, с. 12].

По мере того, как решались проблемы с учебниками, наглядными пособиями и оборудованием, в школы внедрялась кинотехника. 28 мая 1946 года Мосгорно издал приказ о кинофикации школ. В следующем учебном году школах прошло около 60 000 уроков с применением кино и диапозитивов [7, с. 30]. Постепенно проблемы создания организационно-педагогических условий реализации учебного процесса решались, материально-техническая база школ восстанавливалась.

Особенно острым оказался вопрос нехватки педагогических кадров. В 1947 году в Москве было 7 педагогических училищ и городской педагогический институт. В 1948 было открыто педагогическое училище, готовящее учителей физкультуры. Повышением квалификации педагогических кадров занимался Институт усовершенствования учителей. С 1947 по 1957 г. его годичные курсы окончило более 25 тысяч учителей и около двух тысяч директоров и завучей школ. Более 16 000 педагогов приняли участие в семинарах [7, с. 88]. К своей работе Институт привлекал лучших учителей. Например, В

1954–1955 годах в стенах института своим опытом делились 28 учителей начальных классов, 7 русского и литературы, 42 математики [7, с. 5].

Кроме того, в задачи Мосгорно входил контроль за нагрузкой учителей. Например, в 1956 году в Щербаковском районе была выявлено 6 школ, где нагрузка, превышала существовавшие нормы и составляла от 30 до 42 часов в неделю. Это нарушение потребовали устранить [7, с. 6].

10 февраля 1948 года вышло постановление Совета министров СССР и ЦК ВКП (б) о повышении заработной платы и пенсий учителям. В том же году был опубликован указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении учителей орденами и медалями СССР за выслугу лет и безупречную работу. В 1948–1958 годах государственные награды получили 12647 московских учителей в том числе: орденом Ленина 2432, орденом Трудового красного знамени – 2155, орденом Знак почета 2189. 397 московских педагогов получили звание Заслуженный учитель [7, с. 61].

Таким образом, восстановление педагогических кадров осуществлялось благодаря открытию новых образовательных учреждений профильной подготовки учителей и мерам по материальному стимулированию и повышению престижа профессии учителя.

В первые послевоенные годы большое внимание уделялось работе инспекторов. В октябре 1945 года Мосгорно провел совещание с инспекторами школ. Заведующий школьным сектором П.К. Холмогоров говорил о широком круге обязанностей и ответственности инспекторов. Они должны были контролировать выполнение столичными школами программ по всем учебным дисциплинам [7, с. 101]. В 1950–1954 годах школьники с IV по X классы должны были ежегодно сдавать переводные экзамены по всем предметам. Инспектора следили и за методикой преподавания каждого предмета, и за текущей успеваемостью, и за прохождением экзаменов. Вместе с утверждением предметной системы в советской школе установились и методические основы преподавания учебных дисциплин.

Произошли перемены в изучении иностранных языков. Долгое время большая часть школьников Москвы изучала немецкий. Еще время Великой Отечественной войны росло число учивших французский и английский языки. О состоянии на 1945–1946 учебный год свидетельствует следующая таблица [7, с. 91].

Класс	Английский	Французский	Немецкий
V	37 %	20%	43%
VI	36%	23%	41%
VII	32%	20%	48%
VIII	20%	14%	61%
IX	9%	9%	72%
X	20%	8 %	72 %

Информация Мосгорono о преподавании истории свидетельствует. В первом послевоенном году внимание инспекторов концентрировалось, главным образом, на методических вопросах: изложение материала, техника запоминание дат, время опроса, план урока. В конце 1940-х гг. на первый план уже вышли научные и идеологические аспекты.

В это время на страницах педагогических журналов состоялась дискуссия о допустимости сопоставления прошлого и современности [3, с. 43–52]. По мнению руководства Мосгорono: «Итоги дискуссии еще больше укрепили мнение учителей в необходимости и целесообразности использования в преподавании связи с современностью» [7, с. 55]. От учителей требовался высокий уровень преподавания, формулировки, соответствующие марксистско-ленинскому пониманию исторического процесса, контроль за самостоятельной работой учащихся.

Много внимания также уделялось преподаванию русского языка и литературы. В 1949 году инспектор Мосгорono указывал на утвердившиеся методы и приемы столичных учителей-словесников: «По окончании учебного года давался список программных произведений того класса, в который переходили учащиеся с тем, чтобы в течение летних каникул они могли прочитать эти литературные произведения. <...> Перед анализом произведения в классе учитель проверяет, как учащиеся усвоили текст. <...> Небольшие по объему произведения зачитываются в классе на уроке...» [7, с.38].

В целом, можно сказать о том, что фокус внимания постепенно менялся от соблюдения формальных требований к совершенствованию предметного содержания. Перед руководством московского образования стояла задача улучшения эффективности обучения и воспитания школьников, а также создания педагогических условий для практико-ориентированного образования, направленного на нужды народного хозяйства.

Одним из важных событий образования страны и Москвы стало введение совместного обучения учащихся в школах. Система раздельного обучения мальчиков и девочек, введенная в годы войны, себя не оправдала. С введением раздельного обучения поведения учащихся

школ, особенно мужских, ухудшилось. Многие родители указывали, что раздельное обучение затрудняет воспитание. С 1954–1955 учебного года воспитание мальчиков и девочек стало совместным [7, с. 90–92]. Соотношение мальчиков и девочек в школах в среднем выражалось отношением 1: 1,2 [7, с. 12].

Кроме того, вторая половина 1950-х годов была ознаменована началом новой образовательной реформы, периодом введения в школах политехнического обучения. Было пересмотрено преподавание таких учебных дисциплин как физика, химия и биология. Поставлена задача связи изучения явлений природы с практикой. Большое место было отведено лабораторным работам. В учебный процесс было введено ознакомление учащихся с производством. Проводились экскурсии на заводы и фабрики, просматривались специальные кинофильмы. Были организованы работы школьников в производственных мастерских и практика на заводах и фабриках. В 1954 году Министерство просвещения РСФСР и Академия педагогических наук составили учебные планы, согласно которым в младшей школе (I–IV классы) вводился ручной труд, учащиеся V–VII классов должны были работать в мастерских, а старшеклассники изучать Основы промышленного и сельскохозяйственного производства и проходить практику.

Введение политехнического обучения потребовало от системы столичного образования значительных усилий. Детей водили на экскурсии-практикумы. Проводились лабораторные работы. При изучении математических дисциплин много внимания уделялось вычислительной технике, техническому черчению.

Учителя биологии организовали работу на 439 пришкольных участках. В школах создавались, грунтовые и комнатные теплицы, живые уголки. На уроках химии много внимания уделялось материаловедению. Географию связали с краеведческой работой. На местности проводили измерительные работы [7, с. 7–11]. В 1957–58 учебном году школьники Москвы осваивали машиноведение, электротехнику, автодело и другие ориентированные на практику курсы.

Много было сделано для подготовки кадров, поскольку квалифицированных учителей труда и произ-

водственных дисциплин первое время не хватало. Заведующих РОНО и директоров школ обязали направлять педагогов в Институт усовершенствования учителей, организовавший профессиональную переподготовку.

Возникали сложности с материальной базой. В школах не было ни помещений для мастерских, ни нужного оборудования. Большую помощь в организации мастерских московским школам оказали завод «Красный пролетарий», завод имени Ярославского, завод «Нефтерприбор», третий часовой завод, завод «Электросвет» имени Яблочкова и другие промышленные предприятия [7, с. 3]. На помощь пришла общественность и шествующие предприятия.

Выводы. В первые послевоенные годы основными задачами Московского городского отдела народного образования были борьба с безнадзорностью и выполнение закона о всеобщем обучении, восстановление школьной сети, обеспечение элементарной материальной базы учебного процесса. По мере решения этих за-

дач совершенствовалась методика учебной и воспитательной работы.

С середины 1950-х годов в центре внимания руководства Мосгорона стало выполнение решений руководства страны о политехническом образовании. Крупными достижениями и результатами столичной образовательной политики рассматриваемого периода являлось: введение смешанного обучения, постепенный переход ко всеобщему 7-летнему обучению и рост числа учащихся старших классов, строительство укрупненных школ нового типа, восстановление кадрового потенциала московских школ, путём восстановления и расширения сети педагогических вузов и училищ, массовой подготовки учителей на краткосрочных курсах, повышения статуса учительства.

В целом, введение политехнического обучения заложило основу для реализации реформы системы школьного, среднего и высшего образования, которая будет продолжена в 1960-х годах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барабина И.А., Гафурова В.М. Политехническое образование в общеобразовательной школе СССР во второй половине 1950-х – начале 1960-х годов. // Вестник удмуртского университета. Серия история и филология. 2016. Т. 26. Вып. 4. С. 129–134.
2. Иванова Г.М. Советская школа в 1950 – 1960-е годы. Москва: Фонд «Московское время», 2018. – 432 с.
3. К итогам дискуссии по вопросу о современности в школьном преподавании истории // Преподавание истории в школе. 1949. №2. С. 43–52.
4. Куйбышев: Куйбышевский областной отдел народного образования, 1945. – 24 с.
5. Моисеев В.В. Образование в России: история и современность. Москва: Директ-Медиа, 2023. – 232 с.
6. Образование в Москве: История и современность. Москва: Мосгоражив: Московский учебник, 2000. – 413 с.
7. Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы). Ф. Р-528.
8. Щулепникова Е.И. Журнал «Преподавание истории в школе» в первый послевоенный год: теория и методика. // Преподавание истории в школе. 2026. №. 2. С. 24–31.

© Щулепникова Екатерина Ильинична (SchulepnikovaE@mgpu.ru), Набокина Марина Евгеньевна (NabokinaME@mgpu.ru),
Кокарева Ольга Владимировна (KokarevaO@mgpu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МУЛЬТИЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ: ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

FORMATION AND DEVELOPMENT IN THE MODERN EDUCATIONAL SYSTEM OF THE MULTILINGUAL PERSONALITY

**D. Bagretsov
O. Shunyakova**

Summary: Within today's globalized world, the ability to speak several languages is becoming not only a significant advantage, but also a prerequisite for successful integration into the international community. A multilingual personality, which is an individual who is fluent in more than one language, is becoming an increasingly important object of research in the field of Psycholinguistics and Pedagogy. The formation of such a personality begins in early childhood and continues throughout life, with the educational system playing a key role in this process. It is important to consider that the successful acquisition of several languages which not only expands communication capabilities, but also promotes the development of cognitive abilities as well as cultural awareness and tolerance.

Keywords: multilingual personality, competence approach, communicative method, cognitive abilities, education, upbringing, training.

Багрецов Дмитрий Николаевич

кандидат филологических наук, старший преподаватель,
ФГКОУ ВО Уральский юридический институт МВД России
i@dbagretsov.ru

Шунякова Ольга Владимировна

кандидат филологических наук, доцент,
ФГКОУ ВО Уральский юридический институт МВД России
olga.sharkunova@mail.ru

Аннотация: В современном глобализированном мире способность владеть несколькими языками становится не только значимым преимуществом, но и необходимым условием успешной интеграции в международное сообщество. Мультиязыковая личность, представляющая собой индивида, свободно владеющего более чем одним языком, становится все более важным объектом исследований в области психолингвистики и педагогики. Формирование такой личности начинается с раннего детства и продолжается на протяжении всей жизни, причем образовательная система играет в этом процессе ключевую роль. Важно учитывать, что успешное освоение нескольких языков не только расширяет коммуникативные возможности, но и способствует развитию когнитивных способностей, культурной осведомленности и толерантности.

Ключевые слова: мультиязыковая личность, компетентностный подход, коммуникативный метод, когнитивные способности, образование, воспитание, обучение.

Введение

Современные процессы глобализации и интеграции страны в новое общество в разных сферах жизни позволяют говорить о необходимости подготовки специалистов в рамках высшей школы, владеющих несколькими языками и аккумулирующих знания и умения вербализации воспринятой информации на разных языках посредством детального понимания и качественно более глубокого взаимодействия с миром и другими культурами. Образовательные учреждения внедряют разнообразные методики и программы для поддержки мультиязычного образования. Эти стратегии включают погружение в языковую среду, использование современных технологий и индивидуальный подход к каждому ученику. Важным аспектом является создание благоприятной атмосферы, где учащиеся могут свободно практиковать и совершенствовать свои языковые навыки. В статье представлен обзор способов формирования в современных образовательных системах мультиязыковой личности, отмечены методы и подходы, а также сложности формирования таковой.

Материалы и методы исследования

Материалом для исследования послужили труды ученых теоретического характера в области *психолингвистики* (Белянин В.П. рассматривал общие вопросы, Сконечный Т.Г., Александрова Н.Ш. разработали понятие билингвизма, мультилингвизма, Румянцев И.М. и Ершова Н.Р. описали коммуникативно-психолингвистические и поведенческие механизмы и методы формирования речи), *социоллингвистики* и *социологии языка* (общие вопросы рассматривали Вахтин Н.Б., Головкин Е.В., Выготский Л.С., Лурия А.Р. изучали социоповеденческий аспект, Жукова А.В., Осмина Е.В. занимались рефлексивно-поведенческими аспектами мультилингвизма, Жукова А.В. Имедадзе Н.В. рассматривали психолого-педагогический портрет мультилингвальной личности). Не до конца изучен статус мультилингвизма в рамках образовательной парадигмы, однако он упоминается в ФГОСах.

Методы исследования включают сбор и систематизацию теоретического материала, анализ и синтез теоретического материала для разработки ключевых теоретических позиций и терминологического аппарата

исследования, генерализацию и синтез при создании теоретического описания феноменологии и диалектики явления мультилингвальной личности в педагогическом аспекте.

Рассмотрим понятие мультиязыковой личности и её место в современном образовании. Вслед за Беляниным В.П., Сконечным Т.Г., Александровой Н.Ш. отмечаем, что **мультиязыковая личность** – это индивид, обладающий способностью к свободному и непринужденному, точному и ситуационно детерминированному использованию нескольких языков в различных коммуникативных ситуациях. Формирование такой личности предполагает не только техническое владение языками, но и глубокое понимание культурных контекстов, в которых эти языки функционируют [1]. В условиях глобализации и взаимодействия культур, важность мультиязыковой личности становится особенно очевидной для продуктивного международного взаимодействия профессионального характера. Современная образовательная система активно внедряет подходы, способствующие развитию у обучающихся навыков мультилингвизма и межкультурной компетенции (контрастивный, метакогнитивный, предметно-языковое интегрированное обучение, переключение кодов, рефлексивный, создание мультилингвальной учебной среды и др.).

Характеристиками мультиязыковой личности являются такие навыки как гибкость мышления и способность переключаться между языковыми и культурными кодами. Они приобретаются благодаря систематическому обучению и погружению в разные культурно-языковые среды. Полагаем, что обучение языкам в раннем возрасте должно быть интегрировано с культурным воспитанием, способствующим формированию языковых компетенций.

Школьные программы, включающие углубленное изучение нескольких языков, дисциплин, преподаваемых на этих языках, способствуют формированию прочных лингвистических навыков. Важным аспектом является включение в учебный процесс междисциплинарных проектов, позволяющих использовать языковые навыки для решения практических задач в различных областях знаний. Обучение нескольким языкам включает ознакомление с литературным наследием и культурой стран, что способствует развитию межкультурной коммуникации и толерантности.

Высшее образование отличается более специализированным подходом к формированию мультиязыковой личности. Студенты имеют возможность углубленного изучения иностранных языков в контексте профессиональной подготовки. Они осваивают терминологию на нескольких языках, что расширяет их профессиональные возможности в международном контексте. Важное

место в университетских программах занимает изучение дисциплин, направленных на развитие межкультурной компетенции, что позволяет будущим специалистам работать в мультинациональной и -культурной среде.

Для формирования мультиязыковой личности важное значение имеют участие в языковых клубах, межкультурных обменах, стажировках и поездках, общение с носителями языка через цифровые платформы и социальные сети, цифровые технологии тоже предоставляют широкие возможности для самостоятельного изучения языков и культуры: онлайн-курсы, приложения для изучения языков, электронные библиотеки и мультимедийные ресурсы. Благодаря системному подходу возможно подготовить новые поколения, способные эффективно взаимодействовать в глобализованном мире, уважать культурное многообразие, вносить вклад в развитие международного сотрудничества и взаимопонимания.

Результаты и обсуждения

Опишем психолого-педагогические основы формирования мультиязыковой личности. Ее формирование в образовательной системе требует методологических и глубоких психолого-педагогических подходов (системный, бихейвиористский, когнитивистский). В основе успеха обучения нескольким языкам лежат особенности восприятия и когнитивного развития обучающихся, мотивирующие факторы, умение преподавателя создать благоприятную образовательную среду. Обучение нескольким языкам активно задействует когнитивные процессы и рабочую память, которая удерживает и перерабатывает информацию в течение короткого времени, что особенно важно при изучении языков. Исследования показывают, что билингвальные и мультиязычные дети развиваются быстрее в плане когнитивных способностей, обладая лучшими навыками в многозадачности и решении проблем. Эти преимущества обусловлены активным использованием рабочих функций мозга для переключения между языками и контекстами. По Белянину В.П., Румянцевой И.М., Ершовой Н.Р., *когнитивные способности мультиязыковой личности* – это способности личности воспринимать и познавать окружающую действительность через призму родного и нескольких изучаемых языков и их картин мира. Важно создавать условия, при которых изучение языков становится увлекательным, вызывать интерес к культуре изучаемого языка посредством интеграции аутентичных материалов, игровых методик, равно как и системы поощрений и позитивное подкрепление.

В рамках дифференцированного и индивидуализированного подходов педагоги должны учитывать возраст, предыдущий опыт, культурный фон и личные предпочтения обучающегося. Важно использовать разнообразные методики: визуальные, слуховые, кинестетические мето-

ды, поскольку умение адаптировать обучение под индивидуальные потребности способствует более глубокому и эффективному усвоению нового материала. Важно и использование мультимедийных ресурсов, интерактивных приложений и онлайн-платформ. Иммерсивные методики позволяют создать мультязыковую среду (мультязыковые клубы, программ обмена, международных проектов) позволяют учащимся автоматизировать языковые навыки, лучше понять культуру и традиции стран изучаемых языков, что способствует формированию мультикультурной толерантности.

Важным внешне-социальным аспектом формирования мультязыковой личности является сотрудничество с обществом: поддержка со стороны семьи как основа мотивации, образовательные совместные мероприятия, семинары.

Все вышеперечисленное позволяет говорить о необходимости, формирования мультязыковой личности в рамках комплексного подхода, который объединяет психолого-педагогические знания, инновационные методики и интеграцию образовательных ресурсов, благоприятной образовательной среды и учета индивидуальных особенностей обучающегося.

Опишем роль образовательных учреждений в развитии мультязычной компетентности. В процессе становления мультязыковой личности учебные заведения выполняют ряд ключевых функций. Школы задают основу для формирования языковых навыков. Знакомство с культурологическими особенностями страны изучаемого языка позволяет погрузиться в языковую среду, эффективно переключаться между усвоенными языками. С переходом на более высокие ступени образования подход к обучению языкам становится более систематизированным и академически ориентированным, где особенности изучаемого языка рассматриваются в сравнении с особенностями родного, что снимает языковую сложность в усвоении. Высшее образование предоставляет изучение нескольких языков, что включает академическое письмо, деловую и научную коммуникацию, международные стажировки за рубежом, программы обмена, что содействует совершенствованию языковых навыков, профессиональному росту студентов. Важным аспектом работы вузов является содействие научно-исследовательской деятельности на иностранных языках, написание статей и участие в международных конференциях, что способствует обмену опытом в рамках научных школ и интеграции молодых ученых в международное научное сообщество. Итак, образовательные учреждения играют важную роль в развитии многоязычной компетентности, предоставляя учебные ресурсы, культурные знания и возможности для научной деятельности и профессионально-языковой практики, которые необходимы для формирования мультязыковой личности.

Определим методики обучения и формирования мультязыковой личности, вслед за Жуковой А.В., Осминой Е.В., Имададзе Н.В., как педагогические способы становления и развития мультязыковой личности в рамках учебного процесса, основанные на параллельном изучении нескольких языков и культур в современной образовательной системе на определенном этапе обучения. Коммуникативный метод [2, 3] акцентирует внимание на практическом использовании языка, чтобы учащиеся погружались в реальные коммуникативные ситуации посредством диалогов, ролевых игр, дискуссий, моделирующих учебные ситуации. Контрастивный метод позволяет изучать языки в сравнении, метакогнитивный – основан на эффективных методах восприятия и запоминания сразу нескольких языков, предметно-языковое интегрированное обучение связано с изучением дисциплин на иностранном языке, переключение кодов позволяет переходить с одного языка на другой. Проектный метод стимулирует мышление, креативность, умение работать в команде. Использование ресурсов социальных сетей предлагают практику общения [4]. Чтение книг, просмотр фильмов и передач, песни позволяют погружаться в языковую среду в выбранном временном срезе, понимать культурные связи и особенности [5]. Иммерсивные программы повышают уровень владения языком, способствуют развитию когнитивных навыков и улучшают академические результаты в других предметных областях [6]. Иммерсивный метод позволяет погрузиться в ситуацию общения. рефлексивный метод акцентирует внимание на возникших сложностях и их анализе, создание мультилингвальной учебной среды является одним из самых эффективных. В отличие от иммерсивного он погружает не в ситуацию, а в среду как большую системно-дидактическую единицу. Отмечаем эффективность наставничества и взаимного обучения, поскольку они создают атмосферу сотрудничества и взаимопомощи, важны в поддержании мотивации и преодолении языковых барьеров. Резюмируя вышесказанное, можно утверждать, что для успешного формирования мультязыковой личности необходимо использовать разнообразные методики и технологии, способствующие комплексному развитию языковых навыков [7].

Выводы

Глобализация, миграция населения, развитие информационных технологий и культурный обмен привели к тому, что владение несколькими языками стало не только преимуществом, но и необходимостью [8].

Многоязычие расширяет когнитивные и коммуникативные возможности личности, способствует улучшению памяти, повышает способность к аналитическому мышлению и многозадачности, развивает адаптивные навыки и гибкость мышления [9]. Знание нескольких языков открывает широкие перспективы в профессио-

нальной сфере, в контексте международного сотрудничества, научных исследований и культурного обмена.

Процесс формирования мультязыковой личности в образовательной среде сталкивается с рядом вызовов: отсутствие специализированных программ, направленных на системное изучение нескольких языков, недостаточная квалификация педагогов, отсутствие мотивации обучающихся и нестыковка с их интересами, сложность интеграции культурных аспектов в процесс обучения языкам [10]. Подведем итог: для успешного формирова-

ния мультязыковой личности необходимы комплексные меры на уровне государственной образовательной политики [11], а также на уровне образовательных организаций: разработка и внедрение многоязычных учебных программ, повышение квалификации педагогов, создание условий для изучения языков. Посредством системного и многостороннего подхода можно преодолеть существующие барьеры и воспользоваться всеми преимуществами, которые предоставляет мультязыковая личность в современном мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сконечный Т.Г. Билингвизм, мультилингвизм, полилингвизм: современные европейские исследования / Т.Г. Сконечный. // Молодой ученый. – 2018. – № 12 (198). – С. 193–195.
2. Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – 224 с.
3. Жукова А.В., Осмина Е.В. Рефлексивные эффекты мультилингвального «картирования» эмоциональных состояний / Вестник ИжГТУ. – Ижевск: Изд-во ИжГТУ, 2011. – № 4 (52). – С. 184–186.
4. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования // <http://минобрнауки.рф>.
5. Румянцев И.М. Психолингвистические механизмы и методы формирования речи. М.: ИЯ РАН, 2000. 134 с.
6. Ершова Н.Р. Формирование компетентностной основы иноязычного коммуникативного поведения у студентов-филологов (на примере французского и английского языков). Диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. – Санкт-Петербург, 2014. – С. 60–61.
7. Беянин В.П. Психолингвистика. – М.: МПСИ, 2003. – 232с.
8. Жукова А.В. Психолого-педагогический портрет мультилингвальной личности выпускника системы языкового образования // НАУ. 2015. №2–8 (7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologo-pedagogicheskiy-portret-multilingvalnoy-lichnosti-vypusknika-sistemy-yazykovogo-obrazovaniya> (дата обращения: 14.07.2026).
9. Александрова Н.Ш. Раннее детское двуязычие – стремление к одноязычию? // А.Р. Лурия и психология XXI века: доклады второй международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.Р. Лурия. М.: Смысл, 2003. С. 55–61.
10. Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Социоллингвистика и социология языка. СПб.: Питер, 2004. 336 с.
11. Имедадзе Н.В. Экспериментально-психологические исследования овладения и владения вторым языком. Тбилиси: Мецниереба, 1979. 185 с.
12. Ершова Н.Р. Понятие «мультязыковая идентичность» в современной языковой политике обучения иностранным языкам // Письма в Эмиссия. Оффлайн (The Emissia.Offline Letters): электронный научный журнал. 2019. №3 (март). ART 2712. URL: <http://emissia.org/offline/2019/2712.htm>.

© Багрецов Дмитрий Николаевич (i@dbagretsov.ru), Шунякова Ольга Владимировна (olga.sharkunova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ УМЕНИЙ САМООРГАНИЗАЦИИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В СИСТЕМЕ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ЯПОНИИ

Байкова Лариса Анатольевна

Доктор педагогических наук, профессор, Рязанский
государственный университет имени С.А. Есенина, Рязань
larisa.baykova@gmail.com

Нелин Михаил Михайлович

Аспирант, Рязанский государственный университет
имени С.А. Есенина, Рязань
mishanelin@yandex.ru

ON THE ISSUE OF DEVELOPING SELF-ORGANIZATION SKILLS IN PRIMARY SCHOOL STUDENTS WITHIN THE JAPANESE PHYSICAL EDUCATION SYSTEM

**L. Baykova
M. Nelin**

Summary: This article is devoted to the current problem of developing self-organization skills in primary school students, caused by the need to search for modern effective methods and means of organizing physical education classes and conducting sports training that stimulate the physical and moral-spiritual development of modern children and youth who have the capacity for self-realization. These objectives are set by the Federal Law "On Education in the Russian Federation," the federal state educational standard for primary general education, and the National Project "Youth and Children." Self-organization skills are an important foundation for personal development, independence, and the ability to realize oneself. Primary school age, characterized by a process of significant transformation in cognitive, socio-psychological, and behavioral spheres, when logical thinking, self-analysis, and self-assessment skills begin to actively develop, is an important period in the development of self-organization skills. Researchers emphasize the important role of physical education and sports in children's physical and personal development during this period. Studying international experience in organizing physical education will help identify and, while considering certain risks, adapt effective methods for organizing physical education classes and sports training to create conditions that stimulate the development of self-management skills in elementary school children. Japan is a country that places special emphasis on the development of physical education and sports. Therefore, studying the experience of the Japanese educational system will provide a basis for such borrowing. This article presents the results of a theoretical analysis of regulatory documents and the work of Russian and international scholars on this issue.

Keywords: physical education in Japan, self-organization skills, primary school students, national sports, traditions.

Аннотация: Данная статья посвящена актуальной проблеме формирования умений самоорганизации младших школьников, обусловленной необходимостью поиска современных эффективных методов и средств организации занятий по физической культуре и проведения спортивных тренировок, стимулирующих физическое и нравственно-духовное развитие современных детей и молодежи, обладающих способностью к самореализации. Эти задачи поставлены ФЗ "Об образовании в РФ", федеральным государственным образовательным стандартом начального общего образования, Национальным проектом "Молодежь и дети". Важной основой развития личности, ее самостоятельности и способности к самореализации являются умения самоорганизации. Младший школьный возраст, характеризующийся процессом серьезной трансформацией в когнитивной, социально-психологической и поведенческой сферах, когда активно начинают развиваться словесно-логическое мышление, умения самоанализа и самооценки, является важным периодом в становлении умений самоорганизации. Исследователи подчеркивают важную роль физической культуры и спорта в физическом и личностном развитии детей в этот период. Изучение зарубежного опыта организации физического воспитания поможет выявить и с учетом определенных рисков адаптировать эффективные средства организации занятий по физической культуре и спортивных тренировок для создания условий, стимулирующих развитие умений самоорганизации детей в начальной школе. Япония является страной, где уделяется особое внимание развитию физической культуры и спорта. Поэтому изучение опыта японской образовательной системы даст основу для таких заимствований. В статье представлены результаты теоретического анализа нормативных документов и работ отечественных и зарубежных ученых по проблеме.

Ключевые слова: физическое воспитание в Японии, начальная школа, умения самоорганизации, младшие школьники, национальные виды спорта, традиции.

Введение

Совершенствование системы физического воспитания и укрепления физического и психического здоровья детей является важнейшей задачей со-

временного отечественного образования, что отражено в Федеральном законе "Об образовании в РФ", Федеральном государственном образовательном стандарте начального общего образования, Национальном проекте "Молодежь и дети". Одной из образовательных задач

в школьных программах учебного курса "Физическая культура" является формирование первоначальных умений саморегуляции, самореализации, самоорганизации. Потенциал занятий физической культурой в развитии личности младших школьников теоретически и эмпирически обоснован во многих научных исследованиях отечественных ученых [1; 4]. В исследованиях [5], посвященных возрастным особенностям 7–11-летних детей, отмечается, что в этот период происходит серьезная трансформация в когнитивной, социально-психологической и поведенческой сферах: развиваются словесно-логическое мышление, произвольное внимание и память, самосознание и самооценка. Учение как ведущий тип деятельности создает условия для формирования умений самоорганизации (анализ ситуации, осознание своих ресурсов и внешних условий, умений целеполагания и планирования, (определения порядка, последовательности своих действий), умений самоанализа и самооценки, умений самокоррекции и самоконтроля). Данные умения лежат в основе формирования таких черт характера как самостоятельность, дисциплинированность, ответственность. Поиск современных эффективных педагогических средств и методов, стимулирующих данный процесс является актуальной задачей педагогической науки и практики. Изучение зарубежного опыта расширяет научное знание о современных педагогических условиях организации физического воспитания в различных образовательных системах. Опыт организации физического воспитания в Японии, где традиционно господствует идея единства физического и духовного развития человека, вызывает у исследователей особый интерес.

Важным источником, раскрывающим современное состояние и особенности управления физической культурой и спортом в Японии, является коллективная монография "Физическая культура и спорт в Японии: особенности и тенденции развития" (под ред. Т.В. Долматовой, 2024), подготовленная специалистами ФГБУ ФНЦ ВНИИФК. Данная работа, основанная на анализе актуальных японских законодательных актов (включая Sport Promotion Act), статистических данных и материалов Министерства образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии (MEXT), позволяет всесторонне рассмотреть государственную политику в сфере физического воспитания подрастающего поколения, что является необходимой основой для понимания того, как формируются умения самоорганизации младших школьников в японской образовательной системе [2].

Анализ нормативных актов министерства образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии [11] показывает, что вопрос воспитания физически развитого и здорового гражданина является одной из приоритетных целей правительства. Для этого расширяется сотрудничество школ со спортивными секциями и клубами, количество которых растет ежегодно.

Цель статьи: на основе теоретического анализа нормативных документов и научных публикаций отечественных и зарубежных исследователей по проблеме, выявить современные эффективные методы и средства формирования умений самоорганизации младших школьников в системе физического воспитания Японии.

Задачи исследования:

- 1) кратко назвать личностные детерминанты младшего школьного возраста, являющиеся основанием для формирования умений самоорганизации;
- 2) раскрыть сущность умений самоорганизации детей в возрасте 7-11 лет;
- 3) выявить основные методы и средства, способствующие формированию умений самоорганизации младших школьников на занятиях физической культурой и спортивных тренировках в системе физического воспитания Японии.

Методы научного исследования: теоретический анализ нормативных документов и работ исследователей по проблеме.

Основные результаты проведенного исследования

В данной статье будут представлены некоторые результаты теоретического исследования особенностей физической подготовки младших школьников в образовательной системе Японии, в частности, методов и средств формирования умений самоорганизации детей.

Как отмечает Д.К. Чекалев [9], школьное образование предусматривает занятие спортом 3 часа в неделю, занятия в секциях доводят это время до 10 часов (в японской школе преподаются 8–10 видов спорта). С начальной школы [8] дети активно вовлекаются в национальные виды спорта (дзюдо, кендо, карате, джиу-джитсу), и другие виды спорта (бейсбол, футбол, гольф, волейбол и др.). "Букацу" (bukatsu) – школьные клубы – кроме организации спортивных занятий решают задачу ознакомления детей с социальной иерархией и церемониями, которые раскрывают специфику структуры общества, особенностей командной работы, сущность субординации и уважения к старшим (senpai-kohai система), что способствует формированию умений самоконтроля и выдержки. Одной из задач проведения занятий по физической культуре и спортивных тренировок особенно по национальным видам спорта является обучение ритуалам и этикету. Поклоны, выражающие уважение к тренеру, партнерам по команде несут глубокий воспитательный смысл, формируют чувство благодарности, скромности, почтительности к старшим и членам команды, что закладывает фундамент для развития важных нравственных качеств и поведения, в основе которого лежат умения самоорганизации и саморегуляции как

способности осознанно управлять своими эмоциями, мыслями физиологическими состояниями для достижения целей и сохранения внутреннего баланса.

Как отмечается в монографии «Физическая культура и спорт в Японии: особенности и тенденции развития», система школьных спортивных клубов (букацу) является одной из ключевых составляющих японской модели физического воспитания, поскольку именно в рамках клубной деятельности формируются не только спортивные навыки, но и социально значимые качества личности, включая дисциплинированность, ответственность и навыки самоорганизации [2]. Авторы подчеркивают, что вовлеченность учащихся начальной школы во внешкольную спортивную деятельность, поддерживаемую на государственном уровне, способствует постепенному переходу от внешнего контроля со стороны учителя к внутренней саморегуляции и осознанному отношению к своему физическому развитию.

В.Н. Кремнева, Е.М. Солодовник [3] пишут, что программа начальной школы включает общую физическую подготовку, гимнастику, легкую атлетику, плавание, игры с мячом, танцы, формирование навыков здорового образа жизни. Исследователи также отмечают, что с начальной школы, в которой дети учатся в течение 6 лет, у школьников на занятиях по физической культуре и спорта воспитывается "дух конкуренции" бка[6]. В частности, начиная с детского сада дети систематически участвуют в соревнованиях и спортивных встречах – "ундокай" – долгие показательные выступления в течение 5–6 часов, где проходят состязания в разных видах спорта, подвижных играх, конкурсах. С другой стороны, важным для японской системы тренировок и упражнений по физической культуре является акцентирование внимание не только на результате, но и на процессе. Для этого вводятся требования многократного повторения и оттачивания движений, ментальной и мышечной концентрации на их выполнении, соблюдение строгой дисциплины, что несомненно способствует развитию умений саморегуляции, самоконтроля самокоррекции.

Монография под редакцией Т.В. Долматовой также подтверждает, что японская система физического воспитания в начальной школе ориентирована на поэтапное формирование у детей навыков самостоятельной двигательной активности [2]. Авторы приводят данные, согласно которым японские школьники 6–12 лет в среднем выполняют более 10000 шагов в день, что значительно превышает показатели многих развитых стран. Такой уровень двигательной активности достигается не за счет принуждения, а благодаря созданию воспитывающей среды, в которой занятия физическими упражнениями становятся естественной частью повседневной жизни и способствуют выработке привычки к самоорганизации.

Okamoto T., Okazaki K. [14] отмечают, что образовательная среда в японской начальной школе Японии играет ключевую роль в формировании личности ребенка, в этот период усваиваются модели поведения, основанные на уважении к старшим и соблюдении иерархии. Помимо академического обучения, большое внимание уделяется воспитанию таких качеств, как ответственность, самостоятельность и дисциплина. Важное место занимает развитие навыков общения и сотрудничества, что активно поддерживается через групповые задания и совместную деятельность. Ежедневные ритуалы, такие как уборка класса силами самих учеников, совместные обеды и участие в школьных мероприятиях, не только способствуют развитию трудолюбия, но и укрепляют чувство общности. Учителя выступают как наставники, которые активно следят за эмоциональным состоянием учеников и помогают им справляться с трудностями.

Todaka E., Doering A. [20] подчеркивают важность традиционных принципов коллективизма и конкурентности в воспитании целеустремленности юных спортсменов.

Yoshioka E., Miyamoto K. [19] отмечают, что в Японии, с ее глубоко укоренившейся культурой дисциплины и ответственности, уделяется большое внимание развитию умений самоорганизации. Система образования и воспитания строится таким образом, чтобы с ранних лет прививать детям умение ставить цели, планировать свое время, контролировать и оценивать выполнение задач и самостоятельно находить решения.

Система образования в Японии последовательно формирует у младших школьников многоуровневую систему самоорганизации, начиная с самых базовых навыков и постепенно подводя к более сложным формам самостоятельности. Этот процесс базируется на глубоком понимании возрастных особенностей детей и стремлении воспитать ответственных, дисциплинированных и в то же время инициативных членов общества.

На начальном этапе, обычно в первом классе, акцент делается на освоении школьного режима и следование четким инструкциям. Дети учатся следовать расписанию уроков, понимать правила поведения в классе и школе, аккуратно складывать свои вещи. Домашние задания на этом этапе часто носят репродуктивный характер, требуя внимательного выполнения по образцу, что формирует основу для будущей самостоятельности. Основная поддержка исходит от учителя, который создает четкую структуру дня и пошагово объясняет, что и как нужно делать. Традиционно важна и значима роль учителя как образца для подражания, наставник является примером здорового образа жизни и самодисциплины. К третьему-четвертому классам у детей формируются более развитые навыки самоорганизации. Они начинают осваивать

элементарное планирование своего времени, например, распределение домашних заданий в течение недели. Дети учатся ставить небольшие, достижимые цели и контролировать их выполнение, оценивая, насколько успешно они справились с задачей. Включение в групповые проекты на этом этапе способствует развитию навыков распределения ролей и координации действий, что является важным шагом к самоорганизации в коллективе.

Schmitt C.F., Immordino-Yang, M.H., Corballis, M.C. [15] пишут, что к концу начальной школы многие японские ученики достигают продвинутого уровня самоорганизации. Они способны самостоятельно планировать свой учебный день, ставить долгосрочные цели, эффективно управлять своим временем и находить решения возникающих проблем. На этом этапе большое значение приобретает саморефлексия, дети учатся анализировать свои успехи и неудачи, делать выводы и корректировать свое поведение. Инициативность в выборе дополнительных занятий, участие в школьном самоуправлении и самостоятельный поиск информации свидетельствуют о высоком уровне сформированности умений самоорганизации.

В статье Ogoh H., Ohnaka K. [13] подчеркивается неразрывная связь между уровнем физической активности и когнитивно-поведенческими аспектами развития детей. Регулярные занятия спортом, участие в командных играх и тренировочный процесс в целом способствуют развитию таких качеств, как дисциплина, ответственность, умение ставить цели и достигать их, а также эффективно взаимодействовать в коллективе. Эти навыки, часто называемые "навыками 21 века", становятся фундаментом для успешной адаптации в современном обществе.

Miyachi M., Naka T., Oka K., Tanaka T. [12] подчеркивают, что спортивные клубы и школьные секции в Японии представляют собой не просто места для физических тренировок, но и центры формирования жизненных ценностей. Развитию умений самоорганизации способствуют такие средства как строгий распорядок дня, требования соблюдать правила поведения, работать в команде, проявлять упорство в достижении результатов. Отмечается, что дети, вовлеченные в спортивную деятельность, демонстрируют большую самостоятельность в учебе и повседневной жизни, лучше справляются со стрессом и имеют более высокий уровень мотивации. Особое значение придается созданию коллективной среды, где каждый ребенок, независимо от уровня своих спортивных достижений, чувствует себя вовлеченным и способным вносить вклад в общий успех.

Yamamoto H., Sasaki K., Tanaka R. [18] отмечают, что в спортивных школах Японии уделяют особое внима-

ние формированию умений самоорганизации у юных спортсменов, рассматривая их как ключевой фактор успешного развития. Тренеры акцентируют внимание на развитии ответственности, инициативности, самодисциплины и внутренней мотивации, уделяя особое внимание коллективной работе, эмоциональной устойчивости и ответственности за здоровье.

Suzuki T., Takahashi R. [19] называют методы и средства, применяемые японскими тренерами для формирования умений самоорганизации (умений самонаблюдения, самоанализа, самоконтроля и эмоциональной устойчивости) младших школьников: утренние собрания, на которых в начале каждой тренировки обсуждаются ее цели, задачи каждого спортсмена и способы их достижения; ведение индивидуальных дневников, в которых записываются свои цели, планы, результаты тренировок и анализ своих ошибок; коллективные задания, которые тренеры часто дают воспитанникам, для вовлечения в командное взаимодействие, требующее оказания взаимопомощи; медитация, дыхательные техники и упражнения на концентрацию внимания; поощрение инициативы, когда тренеры мотивируют спортсменов самостоятельно ставить цель, предлагать свои идеи и брать на себя ответственность за их реализацию; партнерское наставничество, когда старшие ученики помогают младшим осваивать технику, планировать тренировки и решать возникающие проблемы.

Данные методы, описанные в японских исследованиях, находят свое концептуальное обоснование на уровне государственной политики. В монографии "Физическая культура и спорт в Японии" подчеркивается, что японская модель управления спортом исходит из принципа единства физического и духовного развития, что законодательно закреплено в основополагающих документах (в частности, в Sport Promotion Act) [2]. Это означает, что формирование умений самоорганизации (самоконтроля, самоанализа, целеполагания) на занятиях физической культурой и спортом является не сопутствующим, а целенаправленно планируемым результатом образовательного процесса.

Несмотря на культурные и исторические различия, подходы к организации детского спорта в России и Японии имеют ряд схожих черт, что подтверждается исследованием И.В. Семеновой [6]. В обеих странах признается важность физического воспитания для всестороннего развития личности. Принципы построения тренировочного процесса ориентированы на учет возрастных особенностей, на применение игровых и развивающих методов и средств, направленных на стимулирование самостоятельности и инициативы, на постепенное увеличение нагрузок и формирование устойчивого интереса к занятиям спортом.

Теоретический анализ работ по проблеме показывает, что японская система физического воспитания детей в возрасте 6-12 лет включает как занятия физической культурой в школе, так и активное включение в занятия спортом по разным видам спорта, в том числе национальным, на многочисленных секциях внутри школы, в спортивных школах и клубах, на традиционных соревнованиях, спортивных встречах "ундокай", уделяя внимание всестороннему развитию личности, предлагает как классические, принятые в международном спортивном сообществе, так уникальные, методы и средства (ритуалы, церемонии, медитации, дыхательные техники и упражнения, национальные традиции соблюдения со-

циальной иерархии, уважения к старшим и командной работы и др.), не только для формирования спортивных умений, умений ведения здорового образа жизни, но и развития социально-психологических качеств, в том числе ключевых, основанных на умениях саморегуляции и самоорганизации (самонаблюдение, самоанализ, самооценка, целеполагание, планирование, самоконтроль, самоотчет, самокоррекция, самоуправление и др.) из которых являются трудолюбие, добросовестность, дисциплинированность, ответственность, настойчивость, терпеливость, коллективизм, командный дух, уважительность в отношении к старшим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березина Л.А., Быстрова О.Л. Развитие познавательных способностей младших школьников в спортивно-оздоровительной деятельности // Современные вопросы биомедицины. – 2022. – Т.6. – № 4. – DOI:1-51871,2588-0500-2022-06-04-457.
2. Долматова Т.В., Зубкова А.В., Акиншев Е.С. и др. Физическая культура и спорт в Японии: особенности и тенденции развития: коллективная монография / под общ. ред. Т.В. Долматовой; ФГБУ ФНЦ ВНИИФК. – Москва: ФГБУ ФНЦ ВНИИФК, 2024. – 358 с. – ISBN 978-5-94634-087-8.
3. Кремнева В.Н., Солодовник Е.В. Сравнение систем образования в области физической культуры в школах России и Японии // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2019. – vol.8-1. – DOI:10.24411/2500–1000-2019-11464
4. Кудрявцев М.Д., Галимов Г.Я., Гасков А.В. Методология и теория преподавания образовательного компонента физической культуры в начальной школе // Вестник Бурятского государственного университета. – 2012. – № 13. – С. 116–120 – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-i-teoriya-prepodavaniya-obrazovatel'nogo-komponenta-fizicheskoy-kultury-v-nachalnoy-shkole>.
5. Психология человека от рождения до смерти. – СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2002. – 656 с.
6. Семенова И.В. Сравнительный анализ подходов к организации детского спорта в России и Японии // Современные проблемы физической культуры и спорта: международный опыт и российские реалии: материалы Междунар. науч.-практ. конф. — Казань, 2021. — С. 87–94.
7. Талызов С.Н. Японская модель управления физической культурой и спортом / С.Н. Талызов // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. – 2016. – Т. 1, № 4. – С. 104–106. – URL: <https://fkis74.ru/index.php/fkstdr/article/view/393>
8. Устинова А.В. Составление индивидуальной программы по физкультуре для ребенка в Японии / А.В. Устинова. – Текст электронный // Особенности уроков физической культуры в школах Китайской Народной Республики, Республики Корея и Японии. – URL: <https://files.scienceforum.ru/pdf/2019/5c2b7afda5c26.pdf>.
9. Чекалев Д.К. Физическая культура в системе образования Японии // Актуальные исследования. – 2024. – №21 (203). – Ч. III. – С. 69–71. – URL: <https://apni.ru/article/9435-fizicheskaya-kultura-v-sisteme-obrazovaniya-yaponii>.
10. Diamond A. Executive functions / A. Diamond // Annual Review of Psychology. — 2013. — Vol. 64. — P. 135–168. — DOI: 10.1146/annurev-psych-113011-143713.
11. Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology. – URL: <http://www.mext.go.jp/en>.
12. Miyachi M., Naka T., Oka K., Tanaka T. Physical education, and physical activity in Japanese elementary school children // Journal of School Health. - 2000. - Vol. 70, № 6. - P. 242–244. - DOI: 10.1111/j.1746-1561.2000.tb06471.x.
13. Ogoh H., Ohnaka K. Benefits of physical activity for mental health in children and adolescents // Journal of Physical Therapy Science. - 2014. - Vol. 26, № 5. - P. 805–807. - DOI: 10.1589/jpts.26.805.
14. Okamoto T., Okazaki K. The relationship between daily physical activity and scholastic performance in Japanese elementary school children // Journal of School Health. - 2017. - Vol. 87, № 10. - P. 756–764. - DOI: 10.1111/josh.12548.
15. Schmitt C.F., Immordino-Yang M.H., Corballis M.C. The development of self-organization: The role of embodied cognition and intrinsic motivation // Mind, Brain, and Education. - 2018. - Vol. 12, № 2. - P. 57–70. - DOI: 10.1111/mbe.12160.
16. Suzuki T., Takahashi R. Self-organization skills development in Japanese elementary school sports / Пер. с яп. А. Николаева // International Journal of Physical Education and Sports. – 2019. – Vol. 8, № 3. – С. 129–142.
17. Tanaka T., Nakamura K. Trends in physical fitness and physical activity among Japanese children and adolescents // International Journal of Behavioral Nutrition and Physical Activity. - 2007. - Vol. 4. - Art. № 41. - DOI: 10.1186/1479-5868-4-41.
18. Yamamoto H., Sasaki K., Tanaka R. Physical education in Japanese schools: traditions and modernity: monograph. – Tokyo: Sport nauk, 2017. – 254 p.
19. Yoshioka E., Miyamoto K. The association of physical activity and sedentary behavior with academic achievement in Japanese children: A cross-sectional study // BMC Public Health. - 2015. - Vol. 15. - Art. № 1023. - DOI: 10.1186/s12889-015-2365-9.
20. Todaka E., Doering A. Lifestyle Sports and Public Education in Japan: New Collectivism, Contest(ed) Benefits, and Community Revitalization in Aoshima's Surfing

Bukatsu // Educ. Sci. –2023. –13(11). – 1111. –doi.org/10.3390/educsci13111111.

© Байкова Лариса Анатольевна (larisa.baykova@gmail.com), Нелин Михаил Михайлович (mishanelin@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДИНАМИКА ФОРМИРОВАНИЯ АДАПТАЦИОННОЙ ГОТОВНОСТИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ К СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ ВУЗА В УСЛОВИЯХ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ

DYNAMICS OF THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL STUDENTS' READINESS FOR SOCIOCULTURAL ADAPTATION TO THE UNIVERSITY ENVIRONMENT WITHIN A PEDAGOGICAL SUPPORT SYSTEM

**O. Basherov
M. Pereverzev**

Summary: In the context of the internationalization of higher education and growing academic mobility, the adaptation of international students to the university environment is becoming increasingly important. Its nature and intensity are largely determined by the organization of pedagogical support, which ensures a structured inclusion of students in the academic and sociocultural space of the university.

The aim of this article is to identify the dynamics of the development of international students' readiness for sociocultural adaptation during the formative stage of a pedagogical experiment carried out within a pedagogical support system.

The study was grounded in systemic, axiological, and participatory approaches. The sample included 93 international students at two universities, assigned to one control group (CG) and two experimental groups (EG-1 and EG-2). The baseline, first, and second interim assessments are analyzed across the motivational-value, personal, and activity-related components; Pearson's chi-square test was used for statistical processing.

The findings reveal a stable positive trend that varies depending on the conditions of pedagogical support. Compared with the control group, the experimental groups showed a more pronounced decrease at the threshold level and an increase at the sufficient and advanced levels. The most substantial changes were observed in EG-2, confirming that comprehensive support contributes to the purposeful, stage-by-stage development of readiness.

Keywords: international students, sociocultural adaptation, pedagogical support, readiness for sociocultural adaptation, organizational and pedagogical conditions, mentoring, intercultural competence.

Башеров Олег Игоревич

Аспирант, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал), г. Ялта
olegbasherov@list.ru

Переверзев Марк Владимирович

Доктор педагогических наук, доцент, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал), г. Ялта
pereverzev@ccssu.crimea.ua

Аннотация: Высшее образование интернационализируется, академическая мобильность растёт, и адаптация иностранных студентов к социокультурной среде вуза становится всё более значимой задачей. Её характер и интенсивность во многом задаёт организация педагогического сопровождения, которая делает включение обучающихся в образовательное и социокультурное пространство университета управляемым и последовательным.

Цель статьи – выявить, как формируется адаптационная готовность иностранных студентов к социокультурной среде вуза на формирующем этапе педагогического эксперимента, когда развёрнута система педагогического сопровождения.

Методологическую основу составили системный, аксиологический и participatory подходы. Участвовали 93 иностранных студента двух вузов, разделённые на контрольную (КГ) и две экспериментальные группы (ЭГ-1, ЭГ-2). Разобраны нулевой, первый и второй диагностические срезы по мотивационно-ценностному, личностному и деятельностному компонентам; обработка велась по критерию χ^2 Пирсона.

Динамика формирования готовности оказалась устойчиво положительной и при этом неодинаковой: в экспериментальных группах доля порогового уровня падает сильнее, а число студентов достаточного и продвинутого уровней растёт быстрее. Заметнее всего сдвиг в ЭГ-2, где организационно-педагогические условия реализованы комплексно.

Система педагогического сопровождения формирует адаптационную готовность направленно и поэтапно, а самая выраженная динамика достигается там, где условия реализованы комплексно.

Ключевые слова: иностранные студенты, социокультурная адаптация, педагогическое сопровождение, адаптационная готовность, организационно-педагогические условия, наставничество, межкультурная компетентность.

Введение

Адаптация иностранных студентов к социокультурной среде вуза – одна из ключевых педагогических проблем высшего образования. От её успешности

зависит, включится ли обучающийся в образовательное пространство, будет ли академически активен, удержит ли учебную мотивацию. Сам собой процесс не идёт: он требует целенаправленно организованного педагогического сопровождения [3, с. 21; 9, с. 234].

Насколько удачно пойдёт социокультурная адаптация, во многом решает то, как обучающийся взаимодействует с принимающей средой и насколько глубоко входит в систему социальных и академических отношений [14; 17, с. 80]. Многие дают и специально организованные формы поддержки: наставничество, тьюторское сопровождение [5, с. 247; 6, с. 104].

Дж. Берри в теории аккультурации называет интеграцию самой продуктивной стратегией: она сохраняет культурную идентичность и одновременно включает человека в новую среду [10, с. 7]. Я.Ю. Ким в концепции кросс-культурной адаптации делает упор на другом – на непрерывности самого процесса [13, с. 336].

Наставничество, цифровые образовательные среды, комплексные формы поддержки – их значимость исследователи отмечают постоянно [2, с. 24; 5, с. 247; 11]. Но фокус смещён. Часть работ разбирает итоговые уровни адаптации либо отдельные механизмы поддержки [17, с. 88; 18; 19], а вот динамика формирования готовности при разной конфигурации условий проработана слабо.

Мы понимаем адаптацию как процесс включения студентов в образовательную и социокультурную среду вуза, педагогическое сопровождение – как механизм его организации, а адаптационную готовность – как интегративный и диагностируемый результат [7, с. 59; 8].

Больше всего даёт формирующий этап эксперимента. Сопоставление нулевого, первого и второго срезов показывает, по каким закономерностям перераспределяются уровни в группах, и позволяет оценить влияние организационно-педагогических условий, причём именно промежуточные точки, а не итоговая, показывают, в какой момент сопровождение начинает работать и накапливается ли эффект от среза к срезу.

Цель статьи – проследить динамику формирования адаптационной готовности иностранных студентов на формирующем этапе педагогического эксперимента, когда работает система педагогического сопровождения.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

- показано, что динамика формирования адаптационной готовности неоднородна и зависит от того, какая конфигурация организационно-педагогических условий реализована;
- установлено, что частичная и комплексная реализация организационно-педагогических условий по-разному задаёт интенсивность и направленность формирования адаптационной готовности, а различие — это видно по тому, как перераспределяются её уровни;

— выявлено, что системная реализация педагогического сопровождения даёт кумулятивный эффект: положительная динамика последовательно усиливается на промежуточных этапах эксперимента.

Методология исследования

Исследование эмпирическое. Мы отслеживаем, как формируется адаптационная готовность иностранных студентов, пока работает система педагогического сопровождения.

Экспериментальная работа шла на базе АНО ВО «Московский международный университет» и ОЧУ ВО «Московский университет имени А.С. Грибоедова» (г. Москва). Участвовали 93 иностранных студента программ бакалавриата: КГ (n = 31), ЭГ-1 (n = 30), ЭГ-2 (n = 32).

В ЭГ-1 работало одно условие – программа наставничества «Культурные послы». ЭГ-2 получила целый комплекс: ту же программу «Культурные послы», цифровую адаптационную среду «CulturalConnect» и платформу «LinguaStep». В контрольной группе адаптация шла традиционным порядком.

Разбираем результаты трёх диагностических срезов формирующего этапа. Нулевой задал исходный уровень и подтвердил сопоставимость групп; первый и второй показывали, куда и насколько быстро смещаются изменения.

Оценивали по трём компонентам: мотивационно-ценностному (мотивация к включению в среду), личностному (восприятие внешней информации и социокультурная компетентность), деятельностному (ориентация в среде, академические и коммуникативные умения).

Диагностика опиралась на взаимодополняющие психодиагностические, педагогические и экспертные методы: тестирование, анкетирование, наблюдение, само- и взаимооценку, анализ выполнения адаптационных заданий, экспертную оценку.

Выделены три уровня сформированности адаптационной готовности: пороговый, достаточный и продвинутый. Обобщённый уровень определялся интегральной оценкой по трём компонентам.

Статистику обрабатывали критерием χ^2 Пирсона: он сопоставляет частотные распределения уровней и оценивает значимость различий между группами.

Результаты исследования

Сведённые результаты трёх срезов показывают, как именно формируется адаптационная готовность (таблица 1).

Таблица 1.

Сравнительные результаты нулевого, первого и второго диагностических срезов.

Группа	Кол-во студентов	Обобщённый уровень сформированности адаптационной готовности иностранных студентов к социокультурной среде вуза								
		пороговый			достаточный			продвинутый		
		нулевой срез	первый пром. срез	второй пром. срез	нулевой срез	первый пром. срез	второй пром. срез	нулевой срез	первый пром. срез	второй пром. срез
КГ	31	67,74	64,52	54,84	29,03	32,25	38,71	3,23	3,23	6,45
ЭГ-1	30	70,00	53,33	30,00	30,00	36,67	46,66	0,00	10,00	23,34
ЭГ-2	32	68,75	37,50	18,75	28,12	40,62	37,50	3,13	21,88	43,75
В целом по выборке	93	68,82	51,62	34,41	29,03	36,55	40,86	2,15	11,83	24,73

Таблица 2.

Значения критерия χ^2 Пирсона на нулевом, первом и втором диагностических срезах.

Диагностический срез	Сравниваемые группы	χ^2 эмпирическое значение	χ^2 критическое (df = 2, p = 0,05)	Вывод
Нулевой	КГ – ЭГ-1	0,984	5,991	различия статистически незначимы
Нулевой	КГ – ЭГ-2	0,007	5,991	различия статистически незначимы
Нулевой	ЭГ-1 – ЭГ-2	0,960	5,991	различия статистически незначимы
Первый	КГ – ЭГ-1	1,476	5,991	различия статистически незначимы
Первый	КГ – ЭГ-2	6,877	5,991	различия статистически значимы
Первый	ЭГ-1 – ЭГ-2	2,276	5,991	различия статистически незначимы
Второй	КГ – ЭГ-1	5,378	5,991	различия статистически незначимы
Второй	КГ – ЭГ-2	14,249	5,991	различия статистически значимы
Второй	ЭГ-1 – ЭГ-2	3,026	5,991	различия статистически незначимы

Данные таблицы 1 показывают положительную динамику во всех группах, но направленность и интенсивность её зависят от условий сопровождения.

На нулевом срезе во всех группах преобладает пороговый уровень (по выборке – 68,82 %): большинство обучающихся испытывает выраженные адаптационные затруднения. Распределение уровней по группам сопоставимо.

Первый срез уже даёт положительную динамику, хотя выражена она по-разному. В контрольной группе пороговый уровень снижается с 67,74 % до 64,52 %, в ЭГ-1 падение заметнее – до 53,33 %. Резче всего сдвиг в ЭГ-2: пороговый уровень сокращается до 37,50 %, а про-

двинутый вырастает до 21,88 %.

Второй срез динамику усиливает. Контрольная группа по-прежнему держится на пороговом уровне (54,84 %). В ЭГ-1 пороговый снижается до 30,00 %, а достаточный и продвинутый растут (46,66 % и 23,34 %) – накопительный эффект сопровождения виден невооружённым глазом.

Сильнее всего меняется ЭГ-2: доля порогового уровня падает до 18,75 %, продвинутого – вырастает до 43,75 %. Структура готовности перестроилась существенно, а сами обучающиеся глубоко вошли в среду вуза.

По выборке в целом фиксируется устойчивая поло-

жительная динамика: пороговый уровень снижается с 68,82 % до 34,41 %, достаточный растёт с 29,03 % до 40,86 %, продвинутый – с 2,15 % до 24,73 %.

Различия между группами создаёт не сам факт воздействия, а его системность: в контрольной группе изменения преимущественно компенсаторные, в ЭГ-1 динамику тянет наставничество, а в ЭГ-2 готовность формируется комплексно и охватывает все три компонента, из-за чего сдвиг здесь не сводится к подтягиванию отстающих, а перестраивает саму структуру готовности.

Формирование готовности, судя по таблице 1, идёт закономерно, а наибольшую интенсивность динамика набирает при комплексной реализации организационно-педагогических условий.

Чтобы оценить статистическую значимость различий в распределении уровней между контрольной и экспериментальными группами на разных этапах, применён критерий χ^2 Пирсона (табл. 2).

Статистическая обработка данных уточняет характер выявленных изменений и степень их достоверности.

На нулевом срезе значимых различий между группами нет ($\chi^2_{\text{эмп}} < \chi^2_{\text{кр}}$, $p > 0,05$), и это подтверждает исходную сопоставимость групп. Последующую динамику можно поэтому считать преимущественно следствием педагогического воздействия.

Первый срез уже разводит контрольную группу и ЭГ-2 ($\chi^2_{\text{эмп}} = 6,877 > \chi^2_{\text{кр}} = 5,991$): структура распределения уровней меняется на промежуточном этапе. Между КГ и ЭГ-1 значимых различий нет, а значит, отдельные элементы сопровождения работают постепенно.

Ко второму срезу различия закрепляются: КГ и ЭГ-2 по-прежнему расходятся значимо ($\chi^2_{\text{эмп}} = 14,249 > \chi^2_{\text{кр}} = 5,991$), а вот КГ с ЭГ-1 и экспериментальные группы между собой – нет ($\chi^2_{\text{эмп}} < \chi^2_{\text{кр}}$).

Три среза вместе дают устойчивую закономерность: значимые различия возникают и закрепляются преимущественно там, где условия реализованы комплексно. Это и есть кумулятивный эффект сопровождения.

Достоверность динамики статистика, стало быть, подтверждает: структура уровней сильнее всего меняется при комплексной реализации условий, и различие — это не случайно.

Обсуждение результатов

Динамику разумно читать как результат целенаправленного, системно организованного педагогического

воздействия. Переход от порогового уровня к достаточному и продвинутому означает, что адаптационное поведение обучающихся усложняется: студент перестаёт просто справляться с затруднениями и начинает выстраивать собственные стратегии в новой для себя среде.

Динамика неодинакова по группам, и это существенно: готовность формируется не только временем пребывания в среде, но и тем, насколько педагогически организовано сопровождение.

В контрольной группе динамика скромная и держится на естественном освоении среды: пороговый уровень снижается, достаточный умеренно растёт, а до продвинутого доходят единицы. Без организованной поддержки студент осваивается сам, темпом, который задают случайные обстоятельства: общежитие, однокурсники, удачно подвернувшийся преподаватель. Этого хватает, чтобы выбраться из зоны затруднений, но не хватает, чтобы уйти далеко.

В ЭГ-1 с программой наставничества сдвиг заметнее: коммуникация расширяется, неопределённость падает, студент попадает в систему межличностной поддержки – и на переходе от порогового уровня к достаточному складываются устойчивые стратегии.

В ЭГ-2 динамика качественно иная: пороговый уровень сокращается, но одновременно резко растёт продвинутый. Похоже на синергию наставничества, цифровой навигации и языковой поддержки.

Частичное сопровождение даёт динамику положительную, но небогатую. Комплексное внедрение условий меняет картину сильнее и устойчивее.

Критерий χ^2 Пирсона эту картину поддерживает: значимые различия возникают и нарастают там, где условия реализованы комплексно. Постепенность накопления здесь принципиальна, потому что эффект не возникает разом, а собирается от среза к срезу, и в этом смысле его правомерно называть кумулятивным.

Теоретически результаты подтверждают принятую модель, где адаптация – процесс, сопровождение – механизм его организации, а готовность – интегративный результат. Сопровождение и повышает направленность, управляемость, интенсивность адаптации.

Результаты ложатся в русло современных исследований сопровождения адаптации. Н.В. Ковтун видит в наставничестве вид сопровождения [5, с. 247]; И.А. Гребенникова – необходимое условие успешной адаптации, и обосновывает под него модель и программу [3, с. 21]. Наш вклад точнее: комплексная реализация условий связана с переходом обучающихся на продвинутый уро-

вень.

Данные согласуются с исследованиями о значимости комплексных форм поддержки [1, с. 54; 4, с. 749; 6, с. 109; 12; 16, с. 287] и с зарубежными работами о роли цифровых сред в адаптации [11; 15; 19].

Ограничения очевидны. Итоговый срез сюда не вошёл, а интерпретация держится на обобщённом уровне готовности, тогда как покомпонентный разбор показал бы, какой из трёх компонентов тянет динамику вверх, а какой отстаёт. Работали мы на базе двух московских вузов, так что перенос результатов на иные контексты требует отдельной проверки.

Формирование адаптационной готовности, как видно, закономерно и управляемо, а решает дело системность сопровождения: самая выраженная динамика возникает при комплексной реализации условий. Для проектирования систем сопровождения адаптации в цифровой образовательной среде вуза это существенно.

Выводы

1. Адаптационная готовность иностранных студентов формируется процессуально и поддаётся управлению, а опорой служит педагогическое сопровождение – системный механизм их включения в образовательное и социокультурное пространство университета.

2. Динамика уровней готовности устойчиво положительно: доля порогового уровня последовательно снижается, а число студентов достаточного и продвинутого уровней растёт.
3. Характер и интенсивность формирования готовности зависят от условий сопровождения: в контрольной группе изменения скромные, в экспериментальных – заметно сильнее.
4. Программа наставничества «Культурные послы» сама по себе даёт положительную динамику, но в основном на переходе от порогового уровня к достаточному.
5. Комплексная реализация условий («CulturalConnect», «Культурные послы», «LinguaStep») даёт самую интенсивную динамику: доля студентов продвинутого уровня растёт значительно.
6. Критерий χ^2 Пирсона показал: значимые различия складываются главным образом между контрольной группой и группой с комплексной реализацией условий, причём уже на промежуточных этапах.
7. Педагогическое сопровождение структурирует адаптационный процесс и ведёт формирование готовности поэтапно.
8. Неоднородность динамики задаётся конфигурацией организационно-педагогических условий, и это подтверждает роль системности сопровождения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башеров О.И., Савченков А.В. Linguastep: цифровая платформа для преодоления языкового барьера у иностранных студентов // Управление образованием: теория и практика. – 2025. – № 9–1. – С. 53–61.
2. Башеров О.И., Савченков А.В. Цифровые решения для адаптации иностранных студентов: применение интерактивных карт и мобильных приложений // Психология образования будущего: от традиций к инновациям: материалы IX междунар. науч. конф. – Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2025. – С. 21–26.
3. Гребенникова И.А. Педагогическое сопровождение адаптации иностранных студентов в российском вузе: на примере китайских студентов: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. – Комсомольск-на-Амуре, 2010. – 21 с.
4. Гришина Г.В. Педагогические условия сопровождения адаптации иностранных студентов в российском вузе с учетом возможностей цифровой среды // Pedagogy. Theory & Practice. – 2024. – Т. 9, № 8. – С. 747–753.
5. Ковтун Н.В. Наставничество как вид педагогического сопровождения иностранных студентов в российском университете: дис. ... канд. пед. наук: 5.8.7. – Москва, 2024. – 247 с.
6. Масленникова Н.Н., Муравьева Е.В., Буграев М.К. Tutoring as a form of support for the adaptation of foreign students at the university // Перспективы науки и образования. – 2024. – № 4(70). – С. 101–117.
7. Максимова Н.А. К вопросу о формировании адаптационной готовности у иностранных студентов // Пензенский психологический вестник. – 2023. – № 2(21). – С. 48–60.
8. Чеснова Е., Положенцева И.В. Адаптационная готовность иностранных студентов: влияние тревожности и культурных различий // Журнал прикладных исследований. – 2025. – № 10.
9. Язвинская Т.Н. Социокультурная поддержка иностранных студентов в процессе адаптации к российскому образованию: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. – Чита, 2009. – 234 с.
10. Berry J.W. Immigration, acculturation, and adaptation // Applied Psychology: An International Review. – 1997. – Vol. 46, no. 1. – P. 5–34.
11. Gaitán-Aguilar L., Hofhuys J., Bierwiazzonek K., Carmona C. Social media use, social identification, and cross-cultural adaptation of international students: A longitudinal examination // Frontiers in Psychology. – 2022. – Vol. 13. – Article 1013375.

12. Gehreke L., Lörz M., Schröder M. Effectiveness of peer mentoring in the study entry phase: A systematic review // *Review of Education*. – 2024. – Vol. 12. – Article e3462.
13. Kim Y.Y. *Becoming intercultural: An integrative theory of communication and cross-cultural adaptation*. – Thousand Oaks, CA: Sage, 2001. – 336 p.
14. Lai H., Wang D., Ou X. Cross-cultural adaptation of Chinese students in the United States: Acculturation strategies, sociocultural, psychological, and academic adaptation // *Frontiers in Psychology*. – 2023. – Vol. 13. – Article 924561.
15. Ma H., You Q., Jin Z., Liu X., Chen Z. Exploring the role of generative AI in international students' sociocultural adaptation: A cognitive-affective model // *Frontiers in Artificial Intelligence*. – 2025. – Vol. 8. – Article 1615113.
16. Pekerti A.A., Van de Vijver F.J., Moeller M., Okimoto T.G., Edwards M.R. A peer mentoring social learning perspective of cross-cultural adjustment: The rapid acculturation mateship program // *International Journal of Intercultural Relations*. – 2021. – Vol. 84. – P. 276–299.
17. Sheng L., Dai J., Lei J. The impacts of academic adaptation on psychological and sociocultural adaptation among international students in China: The moderating role of friendship // *International Journal of Intercultural Relations*. – 2022. – Vol. 89. – P. 79–89.
18. Tang L., Zhang C. Global research on international students' intercultural adaptation in a foreign context: A visualized bibliometric analysis of the scientific landscape // *SAGE Open*. – 2023. – Vol. 13, no. 4.
19. Wei X. Sociocultural adaptation of Chinese international students in the United States and its influencing factors // *Frontiers in Psychology*. – 2025. – Vol. 16. – Article 1607241.

© Башеров Олег Игоревич (olegbashеров@list.ru), Переверзев Марк Владимирович (pereverzev@ccssu.crimea.ua).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИССЛЕДОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ МОДЕЛИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ВУЗАХ НА ОСНОВЕ ЧЕЛОВЕКО-МАШИННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ¹

RESEARCH OF AN INNOVATIVE MODEL OF TEACHING IDEOLOGICAL AND POLITICAL DISCIPLINES IN UNIVERSITIES BASED ON HUMAN-MACHINE INTERACTION

Wang Jing
He Bing
Yu Lin
Li Jinni

Summary: The purpose of the article is to develop a model for teaching ideological and political disciplines based on human-machine interaction. To achieve this goal, the following tasks were set: 1) to identify applicable AI technologies; 2) to develop a model for a digital student profile; 3) to test machine learning tools and chatbots; 4) to evaluate the effectiveness of AI in ideological and political education. The methods used were a pedagogical experiment (comparison of groups), questionnaires, and analysis of activity on the platform. The results obtained confirmed the high demand for the tools and the effectiveness of the dashboard for teachers.

Keywords: artificial intelligence, education, teaching model, technology, university, student.

Ван Цзин

Преподаватель, Хэйхэский университет
396333599@qq.com

Хэ Бин

Профессор, Хэйхэский университет
hebing-123@163.com

Юй Линь

Доктор, преподаватель, Хэйхэский университет
yl.000000c@163.com

Ли Цзиньни

Преподаватель, Хэйхэский университет
532857336@qq.com

Аннотация: Целью статьи является разработка модели преподавания идеологических и политических дисциплин на основе человеко-машинного взаимодействия. Для достижения цели были использованы следующие задачи: 1) определить применимые ИИ-технологии; 2) разработать модель цифрового профиля студента; 3) апробировать инструменты машинного обучения и чат-боты; 4) оценить эффективность ИИ в идеологическом и политическом воспитании. **Методы:** педагогический эксперимент (сравнение групп), анкетирование, анализ активности на платформе. **Полученные результаты:** подтверждена высокая востребованность инструментов и эффективность дашборда для преподавателей.

Ключевые слова: искусственный интеллект, образование, модель преподавания, технологии, вуз, студент.

Введение

В современном обществе вопросы формирования гражданской идентичности, патриотизма и устойчивых ценностных ориентиров у молодежи приобретают особое значение. Высшие учебные заведения выступают не только центрами профессиональной подготовки, но и важнейшими институтами социализации. Курс идеологического и политического воспитания (часто реализуемый в рамках курсов «Введение в основные принципы марксизма», «Введение в идеологию Мао Цзэдуна и теоретическую систему социализма с китайской спецификой» и др.) направлен на воспитание ответственного гражданина, осознающего свою роль в развитии страны.

Стремительное развитие цифровых технологий, в частности искусственного интеллекта (ИИ), открывает новые возможности для модернизации образовательного процесса. Внедрение ИИ позволяет перейти от массового информирования к персонализированному сопровождению каждого студента, что делает воспитательную работу более адресной и результативной.

Анализ 46 ведущих китайских вузов показал, что почти все добавили междисциплинарные модули по ИИ, а в Пекине и Чжэцзянском университете (с 2024 года) обучение ИИ стало обязательным – в том числе для школьников.

Актуальность исследования обусловлена цифровой трансформацией образования, потребностью в

¹ Данная статья является одним из промежуточных результатов проекта «Исследование путей реформирования курса идеологической и политической теории в вузах под руководством новой концепции развития» (№ 2023-KYYWF-1124) в рамках Программы фундаментальных научных исследований для провинциальных высших учебных заведений провинции Хэйлунцзян за 2023 год.

объективной оценке знаний и масштабируемостью ИИ-инструментов. Современные студенты – это «цифровое поколение», для которого важны интерактивные сервисы и мгновенный доступ к информации.

Целью статьи является разработка инновационной модели преподавания идеологических и политических дисциплин в вузах, основанной на человеко-машинном взаимодействии.

Методы исследования

Эмпирическая база исследования формировалась с помощью педагогического эксперимента (*сравнение экспериментальной группы, использующей ИИ-инструменты, с контрольной*), анкетирования студентов (для оценки вовлеченности и удовлетворенности) и анализа их активности на образовательной платформе.

Теоретической базой исследования послужили работы по цифровизации образования. В педагогике выделяются два ключевых направления: одни ученые (например, Р.Ю. Зуляр) изучают интерактивные технологии для повышения вовлеченности, другие (например, Н.Н. Кузьмин) – построение индивидуальных траекторий развития [3, с. 15; 2, с. 114]. Также отмечаются работы, в которых ИИ применяется для изучения иностранных языков и политических наук в рамках дистанционного обучения [5, с. 399; 1, с. 45].

Однако, несмотря на прогресс в применении ИИ в STEM-дисциплинах и языковых курсах, вопрос его использования для формирования ценностных ориентаций и патриотизма остается малоизученным. Этот пробел и определяет новизну данной работы, предлагающей модель применения ИИ в гуманитарном воспитании для формирования личностной позиции. В данной работе предлагается модель, которая объединяет преимущества обоих направлений: интерактивность (через чат-бота) и персонализацию (через адаптивную платформу) для решения задач гуманитарного воспитания.

Ключевые технологии искусственного интеллекта, применимые в этой сфере, включают машинное обучение для анализа ответов студентов, выявления пробелов в знаниях и подбора дополнительных материалов. Обработка естественного языка позволяет создавать чат-ботов и виртуальных ассистентов, которые круглосуточно отвечают на вопросы по истории, символике и политическим терминам [4, с. 22]. На практике такие ИИ-решения могут быть реализованы как в рамках единой цифровой экосистемы университета, так и с помощью готовых инструментов.

Вместо стандартного учебника студент получает до-

ступ к платформе, которая предлагает ему модули курса в определенной последовательности. Если же возникают трудности с базовыми понятиями, платформа возвращает его к повторению основополагающих принципов.

Сравнительный анализ подходов выявляет фундаментальный сдвиг в самой философии обучения. Если традиционный метод строится на унифицированной лекции, где обратная связь эпизодична и зависит от субъективной оценки преподавателя, а студент выступает в роли пассивного слушателя, то ИИ-ориентированный подход трансформирует этот процесс. Он предлагает персонализированный контент, который адаптируется под темп и уровень каждого обучающегося, обеспечивая непрерывную и мгновенную обратную связь. Оценка результатов становится объективной благодаря алгоритмам анализа данных, а вовлеченность достигается за счет интерактивного взаимодействия с системой. Наконец, масштабируемость перестает быть проблемой: цифровые технологии снимают ограничения аудиторного времени, предоставляя доступ к образовательным ресурсам 24/7 для неограниченного числа студентов. Таким образом, искусственный интеллект превращает воспитание из процесса массовой трансляции знаний в тонко настроенное индивидуальное сопровождение.

Анализ преимуществ и рисков показывает, что внедрение ИИ несет в себе значительный положительный потенциал. Ключевым преимуществом является персонализация обучения: учет индивидуальных особенностей восприятия информации позволяет повысить эффективность ее усвоения, делая процесс более комфортным для каждого студента. Не менее важна и объективность оценки, поскольку исключение человеческого фактора при первичной диагностике знаний обеспечивает более точное понимание реального уровня подготовки. Наконец, нельзя не отметить фактор доступности: благодаря цифровым технологиям студент получает возможность изучать материалы в удобное для себя время и практически из любого места, что делает образование более гибким.

Предлагаемая модель состоит из трех взаимосвязанных модулей:

1. **Адаптивная обучающая платформа.** После входного тестирования система строит для каждого студента индивидуальный образовательный маршрут и динамически меняет контент, опираясь на результаты промежуточных проверок.
2. **Интеллектуальный ассистент (чат-бот).** Виртуальный помощник с базой знаний по ключевым темам (например, роль конфуцианства, идеи Дэн Сяопина, патриотизм и социализм) отвечает на вопросы студентов и помогает разбираться в сложных терминах.

3. Аналитический дашборд для преподавателя.

Панель мониторинга, которая в реальном времени отображает ключевые метрики: «индекс вовлеченности» студентов, «карту знаний» по темам и уровень активности на учебных форумах.

Результаты

Проведенный эксперимент позволил получить как количественные, так и качественные результаты, подтверждающие эффективность предложенной модели. В частности, студенты экспериментальной группы проводили на образовательной платформе в среднем на 40% больше времени по сравнению с контрольной, а их итоговые баллы по результатам тестирования выросли на 15% против 5% в контрольной группе. Анализ логов чат-бота показал, что 85% студентов обращались к нему за разъяснениями по сложным политическим терминам, что свидетельствует о высокой востребованности инструмента. Качественные данные, полученные в ходе анкетирования, также продемонстрировали положительное отношение к внедрению ИИ: 92% респондентов отметили, что персонализированные рекомендации помогли им лучше понять материал. Преподаватели, в свою очередь, высоко оценили возможности аналитического дашборда, который позволил своевременно выявить студентов с низкой активностью и оказать им адресную поддержку.

Проведенный анализ показывает, что внедрение ИИ-технологий в преподавание курса идеологического и политического воспитания в Китае приводит к комплексным положительным результатам. В первую очередь, отмечается рост показателей вовлеченности студентов, что выражается в увеличении времени их взаимодействия с учебным контентом. Кроме того, за счет адаптивных траекторий обучения повышается качество усвоения базовых понятий, поскольку материал подстраивается под индивидуальный темп и уровень каждого обучающегося. Не менее важным итогом становится формирование у студентов навыков работы с информацией и критического мышления – этому способствует анализ сложных социальных кейсов с помощью интеллектуальных систем.

Выводы

Таким образом, искусственный интеллект является мощным инструментом модернизации системы воспитания в высшей школе, способным сделать процесс формирования гражданской позиции более гибким и эффективным. Оптимальной моделью является гибридная, сочетающая использование ИИ-платформ для рутинных задач (тестирование, информирование) с сохранением ключевой роли преподавателя-наставника для ведения дискуссий на сложные мировоззренческие темы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зуляр Р.Ю. Интерактивные технологии в преподавании политических наук в высшей школе // Вопросы методики преподавания в вузе. 2024. Т. 13. № 1. С. 44–61.
2. Кузьмин Н.Н., Глазунова И.Н., Чистякова Н.А., Байтимерова Л.С. Искусственный интеллект и его роль в построении индивидуальной траектории развития обучающихся в вузах // Управление образованием. 2024. Т. 14. № 3 (1). С. 113–121.
3. Струнин Д.А. Искусственный интеллект в сфере образования // Молодой ученый. 2023. № 6 (453). С. 15–16.
4. Сысоев П.В. Искусственный интеллект в образовании: осведомленность, готовность и практика применения преподавателями высшей школы технологий искусственного интеллекта в профессиональной деятельности // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 10. С. 9–33.
5. Шефиева Э.Ш. Использование Интернет-сервисов в дистанционном обучении, в том числе иностранным языкам, в условиях пандемии коронавируса // Преподаватель высшей школы в XXI веке: материалы 17-й Международной научно-практической конференции. Ростов н/Д, 2020. С. 398–402.

© Ван Цзин (396333599@qq.com), Хэ Бин (hebing-123@163.com),
Юй Линь (yl.0000000@163.com), Ли Цзиньни (532857336@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОКАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СТУДЕНТОВ НА ОСНОВЕ ЦОР

Ван Юйфэн

Аспирант, Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы, г. Уфа
q478183558@gmail.com

A STRUCTURAL AND SUBSTANTIVE MODEL OF EDUCATIONAL AND METHODOLOGICAL SUPPORT FOR STUDENTS' VOCAL DEVELOPMENT BASED ON THE DIGITAL EDUCATIONAL RESOURCES

Wang Yufeng

Summary: The article presents a structural and substantive model of educational and methodological support for the vocal development of students who do not have special vocal training and do not study in the direction of "Vocal art". D.E. Ogorodnov's concept of musical and singing education, which presupposes consistent and accessible development of vocal skills, and V.P. Morozov's resonant technique of voice formation, which ensures careful and effective formation of the singing voice, are used as a theoretical basis. The developed model combines traditional methods with digital educational resources: spectral analysis programs, mobile applications for voice recording and visualization, and online platforms for independent work. The novelty of the research lies in the integration of classical vocal teaching techniques and modern digital tools into a single model aimed at an unprepared audience. The model includes targeted, meaningful, procedural, and evaluative-effective components that provide a systematic approach to vocal development. The results of the pedagogical experiment conducted on a sample of 42 students showed positive dynamics in the experimental group: an increase in intonation accuracy was 23%, sound quality - 18%, awareness of breathing control - 27%, independence in classes - 35%, motivation - 30%. In the control group, which was engaged in the traditional method, the increase in these indicators was lower.

Keywords: vocal development, digital educational resources, structural and content model, vocal pedagogy, digital technologies.

Аннотация: В статье представлена структурно-содержательная модель учебно-методического обеспечения вокального развития студентов, не имеющих специальной вокальной подготовки и не обучающихся по направлению «Вокальное искусство». В качестве теоретической основы использованы концепция музыкально-певческого воспитания Д.Е. Огороднова, предполагающая последовательное и доступное освоение вокальных навыков, и резонансная техника голосообразования В.П. Морозова, обеспечивающая бережное и эффективное формирование певческого голоса. Разработанная модель объединяет традиционные методики с цифровыми образовательными ресурсами: программами спектрального анализа, мобильными приложениями для записи и визуализации голоса, онлайн-платформами для самостоятельной работы. Новизна исследования заключается в интеграции классических вокально-педагогических методик и современных цифровых инструментов в единую модель, ориентированную на неподготовленную аудиторию. Модель включает целевой, содержательный, процессуальный и оценочно-результативный компоненты, обеспечивающие системный подход к вокальному развитию. Результаты педагогического эксперимента, проведённого на выборке из 42 студентов, показали положительную динамику в экспериментальной группе: прирост интонационной точности составил 23%, качества звука - 18%, осознанности управления дыханием - 27%, самостоятельности в занятиях - 35%, мотивации - 30%. В контрольной группе, занимавшейся по традиционной методике, прирост этих показателей был ниже.

Ключевые слова: вокальное развитие, цифровые образовательные ресурсы, структурно-содержательная модель, вокальная педагогика, цифровые технологии.

Введение

Проблема вокального развития студентов, не имеющих специальной музыкальной подготовки, длительное время оставалась на периферии педагогических исследований. Традиционная вокальная педагогика, ориентированная на подготовленных обучающихся, предполагает наличие у студента начальных навыков звукообразования, развитого музыкального слуха и понимания основ голосовой техники. Однако в современной системе высшего образования всё чаще

возникает потребность в развитии певческих навыков у студентов самых разных направлений подготовки. В данном случае возникает проблема отсутствия адаптированных методик и соответствующего учебно-методического обеспечения. В современных условиях цифровая трансформация образования открывает новые возможности для решения этой проблемы. Цифровые платформы, программы спектрального анализа и симуляторы виртуальной сцены служат для оптимизации различных аспектов обучения вокалу. Они расширяют способности учащихся к самостоятельной работе и углублению инди-

видуального вокального анализа. Но на практике в общем музыкальном образовании эти технологии используются мало, что обусловлено неготовностью педагогов. Цель исследования: на основе теоретического анализа и обобщения опыта применения цифровых образовательных ресурсов разработать и апробировать структурно-содержательную модель учебно-методического обеспечения вокального развития студентов невокальных специальностей. Новизна исследования заключается в интеграции классических вокально-педагогических методик и современных цифровых инструментов в единую модель, ориентированную на неподготовленную аудиторию.

Материалы и методы исследования

Теоретической основой исследования послужили научные публикации по проблематике вокальной педагогики, цифровизации музыкального образования и применения информационно-коммуникационных технологий в обучении вокалу. В ходе исследования применялись методы системного и структурно-функционального анализа, метод моделирования использовался для построения концептуальной модели. Для апробации модели был проведен педагогический эксперимент, в котором приняли участие 42 студента, не имеющие специальной вокальной подготовки.

Результаты и обсуждения

Исследование базируется на методическом наследии Д.Е. Огороднова и В.П. Морозова. Это не случайно, так как оба автора разрабатывали свои подходы в расчёте на аудиторию, не обладающую специальными вокальными данными. Концепция музыкально-певческого воспитания Д.Е. Огороднова, сформировавшаяся ещё в 1970-х годах в общеобразовательной школе, изначально была ориентирована на массового ученика и ставила главной задачей бережное воспитание голоса, обогащение его естественного тембра и обучение эстетически красивому вокалу. Её цель состояла в воспитании музыкального слуха путём совершенствования голосового аппарата, что предполагает доступность и постепенность в освоении материала. Учебное пособие Д.Е. Огороднова, неоднократно переиздававшееся (последние издания вышли в 2020 и 2023 годах), адресовано студентам педагогических училищ и вузов, а также преподавателям музыки общеобразовательных школ, что делает его особенно применимым для работы с неподготовленными обучающимися [6].

Резонансная теория искусства пения В.П. Морозова, в свою очередь, представляет собой результат обобщения более чем 40-летнего опыта исследования певцов разных профессиональных и возрастных категорий. Как отмечает автор, главное преимущество резонансной

техники заключается в её охранительном характере, так как ротоглоточная и носовая полости являются резонаторами, и именно их правильное использование, а не форсирование гортани, обеспечивает качественное звукообразование [5]. Для неподготовленных студентов эти положения имеют первостепенное значение, поскольку позволяют формировать певческий голос без риска травматизации голосового аппарата, избегая типичных ошибок, связанных с зажатием гортани и перенапряжением голосовых связок.

Анализ современных исследований позволил выделить несколько типов цифровых образовательных ресурсов, применимых в вокальном обучении неподготовленных студентов. Их наименование и краткая характеристика представлены в таблице 1.

Каждый из представленных в таблице типов ресурсов выполняет специфическую функцию в процессе вокального развития неподготовленных студентов. Программы спектрального анализа и мобильные приложения ориентированы преимущественно на развитие технических аспектов голоса (интонация, звукообразование, самоконтроль), а онлайн-платформы и технологии виртуальной реальности направлены на формирование художественно-исполнительских качеств и сценической культуры. Комплексное использование всех перечисленных ресурсов позволяет обеспечить целостное вокальное развитие студентов, не имеющих начальной подготовки.

Нами была разработана структурно-содержательная модель учебно-методического обеспечения, которая представляет собой целостную систему, включающую четыре взаимосвязанных компонента: целевой, содержательный, процессуальный и оценочно-результативный (табл. 2).

Далее нами были определены организационно-педагогические условия реализации модели, которые представили на рисунке 1.

Для проверки эффективности разработанной модели нами был проведён педагогический эксперимент по общим правилам [3]. В нем приняли участие 42 студента, не имеющие специальной вокальной подготовки и не обучающиеся по направлению «Вокальное искусство». Участники были разделены на две группы: экспериментальную (22 человека) и контрольную (20 человек). В экспериментальной группе обучение осуществлялось на основе предложенной модели с активным использованием цифровых образовательных ресурсов (программы спектрального анализа Praat и Spectrogram, мобильные приложения для аудиозаписи и визуализации голоса, электронные учебные пособия, онлайн-платформы для самостоятельной работы). В контрольной группе обуче-

Таблица 1.

Типология цифровых образовательных ресурсов в вокальном обучении неподготовленных студентов.

Тип ресурса	Примеры	Функциональное назначение	Значение для неподготовленных студентов
Программы спектрального анализа	Praat, Spectrogram	Визуализация звуковых характеристик голоса (частотный спектр, форманты, динамика)	Позволяет студенту не только слышать, но и видеть собственный голос, компенсируя недостаток развитого внутреннего слуха
Мобильные приложения для записи и анализа голоса	Voice Analyst, Singing Voice Monitor, Vocality	Запись голоса, визуализация высоты и силы звука, анализ интонации, самоконтроль в процессе самостоятельной работы	Способствуют повышению точности интонации, улучшению слухового восприятия и ритмической точности; частота использования напрямую связана с улучшением результатов
Онлайн-платформы и дистанционные форматы обучения	Онлайн-курсы по вокалу, вебинары, мастер-классы, дистанционные репетиции	Доступ к систематизированному учебному материалу, интерактивные упражнения, обратная связь от преподавателя в удалённом формате	Позволяют эффективно развивать вокальные навыки и выразительность пения с акцентом на дыхание, звукообразование, интонацию и чистоту звука
Технологии виртуальной реальности	VR-приложения для симуляции сцены, виртуальные концертные залы	Погружение в атмосферу музыкального произведения, имитация публичного выступления, формирование сценической выдержки	Особенно важно для студентов, не имеющих опыта публичных выступлений; позволяет почувствовать себя исполнителем на сцене

Источник: составлено автором по данным [2, 4, 7–11]

Таблица 2.

Структурно-содержательная модель учебно-методического обеспечения вокального развития студентов на основе ЦОР.

Компонент модели	Содержание компонента	Цифровые образовательные ресурсы
Целевой	Цель: вокальное развитие студентов невокальных специальностей (формирование базовых певческих навыков, резонансного звукообразования, музыкального слуха, опыта публичного исполнения)	-
Содержательный	Система знаний: теория голосообразования (резонансная техника В.П. Морозова), вокально-технические упражнения (методика Д.Е. Огороднова), работа над художественным образом. Дополнительно: знания о возможностях ЦОР в вокальной педагогике	Электронные учебные пособия, аудио- и видеозаписи эталонных исполнителей
Процессуальный	Методы: показ, объяснение, слуховой контроль, подражание, визуализация звука, аудиозапись и сравнительный анализ, дистанционное обучение. Формы: индивидуальные и групповые занятия, самостоятельная работа, онлайн-репетиции	Программы спектрального анализа (Praat, Spectrogram), мобильные приложения для записи голоса, онлайн-платформы, технологии виртуальной реальности
Оценочно-результативный	Критерии: чистота интонации, качество звука, дикция, артистизм, осознанность управления голосом. Методы диагностики: слуховой контроль, спектральный анализ, аудиозапись, самооценка	Программы для анализа голоса, системы объективной оценки вокальных навыков

Источник: составлено автором

ние строилось по традиционной методике без применения цифровых инструментов. В обеих группах использовались подходы Д.Е. Огороднова и В.П. Морозова, но в контрольной группе они реализовывались исключительно в традиционной форме (показ, объяснение, слуховой контроль).

Диагностика вокальных навыков осуществлялась на начальном и заключительном этапах эксперимента.

Оценивались следующие показатели: интонационная точность, качество звука (тембральные характеристики), осознанность управления певческим дыханием, уровень самостоятельности в занятиях и мотивация к вокальной деятельности (табл. 3).

Как видим из представленных данных, наиболее значимые изменения в экспериментальной группе были зафиксированы в показателях, связанных с осознанным

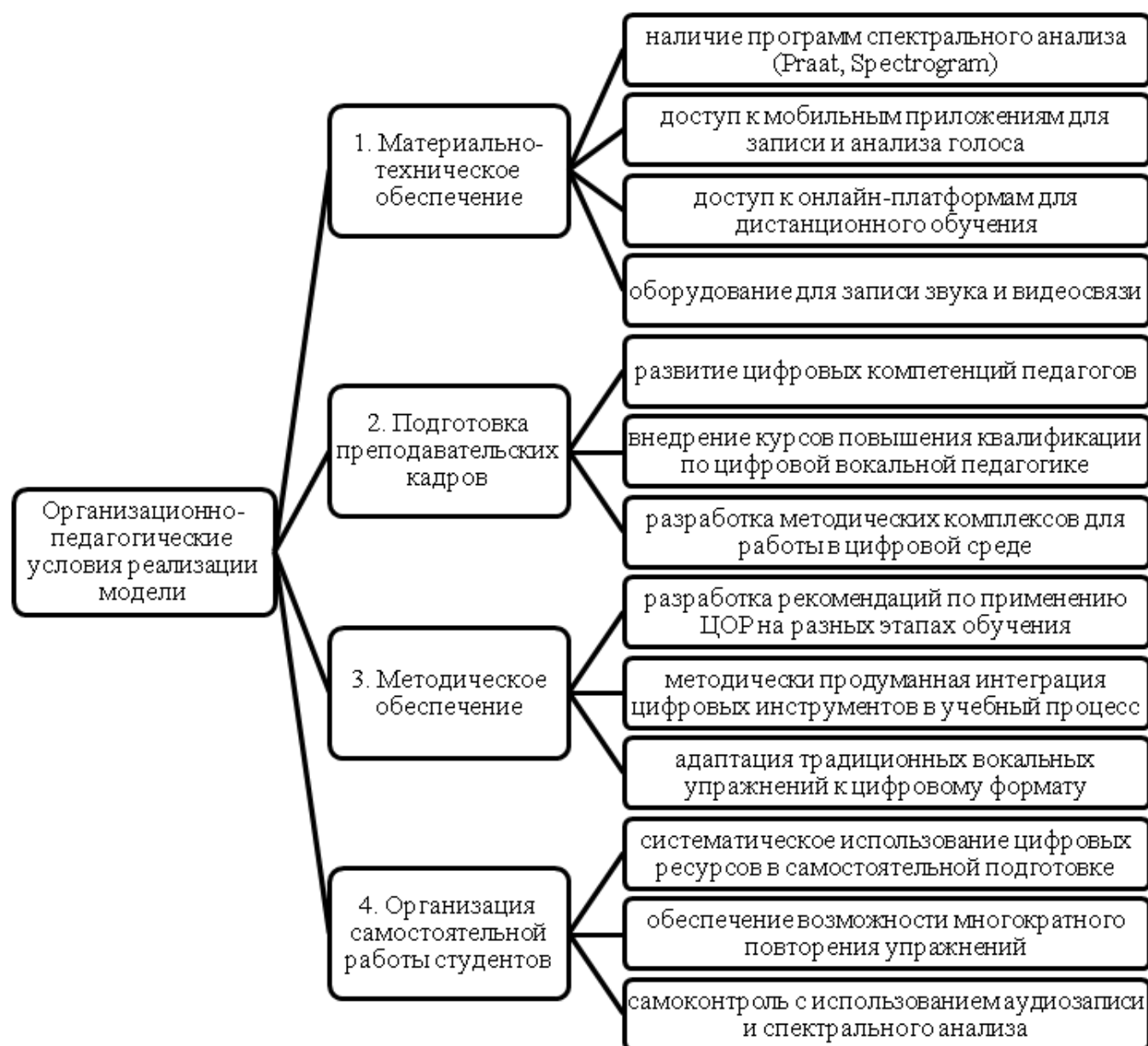

Рис. 1. Организационно-педагогические условия реализации предложенной модели
Источник: составлено автором

Таблица 3.

Сравнительные результаты педагогического эксперимента.

Показатель	Экспериментальная группа (прирост, %)	Контрольная группа (прирост, %)
Интонационная точность	23	9
Качество звука (тембральные характеристики)	18	7
Осознанность управления певческим дыханием	27	10
Уровень самостоятельности в занятиях	35	12
Мотивация к вокальной деятельности	30	8

Источник: составлено автором

контролем собственного голоса. Студенты, использовавшие программы спектрального анализа, могли не только слышать, но и видеть характеристики собственного голоса, то есть более глубоко понимали процессы звукообразования. Как показало исследование, в экспериментальной группе интонационная точность повысилась на 23%, качество звука улучшилось на 18%, осознанность управления певческим дыханием возросла на 27%, самостоятельность в занятиях увеличилась на 35%, а мотивация к вокальной деятельности - на 30%.

В контрольной группе также наблюдались положительные изменения, но менее выраженные. Динамика развития вокальных навыков составила 7-10%, а мотивационный компонент повысился только на 8% (в экспериментальной – на 30%). Уровень самостоятельности повысился на 12% против 35% в экспериментальной группе.

Полученные результаты педагогического эксперимента помогли сформировать ряд выводов о факторах, определяющих эффективность разработанной модели. Главным фактором выступает визуализация звукообразования, которую обеспечивают программы спектрального анализа. Для неподготовленных студентов, не обладающих развитым внутренним слухом, возможность так сказать «увидеть» свой голос становится важнейшим инструментом самоконтроля. Это согласуется с выводами исследований, согласно которым цифровые платформы служат для оптимизации аспектов обучения вокалу, связанных с самостоятельной работой [1].

Вторым фактором мы определили доступность и последовательность методического материала, заимствованная из подходов Д.Е. Огороднова. Он предполагает бережное воспитание голоса и обогащение естественного тембра, что особенно важно для неподготовленных студентов, у которых голосовой аппарат не адаптирован к певческой нагрузке.

В качестве третьего фактора мы выделили охранительный характер резонансной техники В.П. Морозова, которая защищает гортань от перегрузок, что позволяет формировать певческий голос без риска травматизации. Для студентов, не имеющих начальной подготовки, этот аспект приобретает критическое значение.

Дальнейшие исследования в данном направлении могут быть связаны с разработкой конкретных методических рекомендаций по применению цифровых образовательных ресурсов для различных категорий студентов, а также с изучением возможностей технологий искусственного интеллекта для персонализации вокального обучения.

Выводы

Разработанная структурно-содержательная модель учебно-методического обеспечения вокального развития студентов на основе цифровых образовательных ресурсов, объединяющая подходы Д.Е. Огороднова и В.П. Морозова, позволяет эффективно решать задачу вокального развития студентов, не имеющих специальной подготовки. Модель включает целевой, содержательный, процессуальный и оценочно-результативный компоненты, каждый из которых дополнен цифровыми образовательными ресурсами, адаптированными к потребностям неподготовленной аудитории. Результаты педагогического эксперимента, проведенного на выборке из 42 студентов, показали положительную динамику в экспериментальной группе: прирост интонационной точности составил 23%, качества звука - 18%, осознанности управления дыханием - 27%, самостоятельности в занятиях - 35%, мотивации — 30%. В контрольной группе, занимавшейся по традиционной методике, прирост этих показателей был существенно ниже. Следовательно, данная модель может быть внедрена в образовательную практику высших учебных заведений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахмедова Ч.И. Адаптивные процессы академического вокального исполнительства в эпоху цифровой трансформации // *Raqamli transformatsiya davrida pedagogik ta'limni rivojlantirish istiqbollari*. – 2025. - № 12. – С. 9–16.
2. Ван Я. Музыкально-компьютерные технологии в самоподготовке китайских студентов-вокалистов к сценическим выступлениям // *Педагогическое образование в России*. – 2026. – № 1. – С. 155–160.
3. Генералов В.А. К вопросу о проведении музыкально-педагогического эксперимента / В.А. Генералов, Т.Н. Торопова // *Традиции и инновации в современном культурно-образовательном пространстве: материалы XII международной научно-практической конференции, Москва, 23 ноября 2021 года*. – Москва: МПГУ, 2022. – С. 215–218.
4. Лу В. Использование цифровых технологий в процессе обучения вокалу // *Вестник Санкт-Петербургской консерватории*. – 2025. – № 2. – С. 192–198.
5. Морозов В.П. Искусство резонансного пения. Основы резонансной теории и техники. – М.: ИП РАН, 2008. – 592 с.
6. Огороднов Д.Е. Методика музыкально-певческого воспитания: учебное пособие. – СПб.: Планета музыки, 2023. – 224 с.
7. Яненко М.А. Формирование вокально-исполнительской культуры студентов средствами образовательных инновационных технологий // *Вестник*

- Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – № 6. – С. 1680–1687.
8. Ban J., Noor A.R. B.M. Empowering Music Education: Leveraging Digital Audio Technology in the Pursuit of Vocal Mastery – A Case Study of the Modern Popular Singing Course // International Journal of Academic Research in Progressive Education and Development. - 2024. - № 13 (4). – pp. 423–433.
 9. Shi Y. The use of mobile internet platforms and applications in vocal training: Synergy of technological and pedagogical solutions // Interactive Learning Environments. - 2021. - № 31 (11). – pp. 1–12.
 10. Tojakhmedova S.Y. Digital pedagogy in higher education: Redefining teaching and learning in the 21st century // International Journal of Artificial Intelligence. - 2025. - № 5 (6). – pp. 676–680.
 11. Wang X. Digital tools in vocal pedagogy: improving learning efficiency through technological integration // Asia Pacific Journal of Education. – 2026. – №5. - pp. 1–26.

© Ван Юйфэн (q478183558@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДИНАМИКА ПОКАЗАТЕЛЕЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ОБУЧЕНИЯ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

DYNAMICS OF SOCIOCULTURAL ADJUSTMENT INDICATORS OF INTERNATIONAL STUDENTS IN A FOREIGN-LANGUAGE LEARNING CONTEXT

**Yu. Volkov
A. Savchenkov**

Summary: The article traces the dynamics of sociocultural adaptation of international students studying in a foreign language. The topic is relevant because of the need for a scientific grounding of the pedagogical mechanisms that help students overcome the language barrier and enter the sociocultural space of the university. The aim of the work is to assess how the indicators of sociocultural adaptation change at different stages of the pedagogical system's implementation.

The study followed a formative design and relied on baseline, first, and second diagnostic assessments. A total of 103 international students took part and were divided into a control group and experimental groups. A set of methods was used to reveal the motivational–value, personal, and activity-related components of sociocultural adaptation. Statistical processing was carried out using Pearson's chi-square (χ^2) test. The results point to a positive dynamic of sociocultural adaptation indicators in the experimental groups compared with the control group, which confirms the effectiveness of the pedagogical conditions applied.

Keywords: sociocultural adjustment, international students, foreign-language learning environment, language barrier, diagnostic assessment, pedagogical system, experimental study.

Волков Юрий Александрович

Аспирант, ФГБОУ ВО Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск
yuriy-volkov@yandex.ru

Савченков Алексей Викторович

Доктор педагогических наук, профессор,
ФГБОУ ВО Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск
alex2107@mail.ru

Аннотация: В статье прослеживается динамика социокультурной адаптации иностранных студентов, обучающихся на иностранном языке. Тема назрела: педагогические механизмы поддержки студентов при преодолении языкового барьера и вхождении в социокультурное пространство университета нуждаются в научном обосновании. Цель работы — оценить, как меняются показатели социокультурной адаптации на разных этапах реализации педагогической системы.

Исследование носило формирующий характер и опиралось на нулевой, первый и второй диагностические срезы. В экспериментальной работе участвовали 103 иностранных студента, разделённые на контрольную и экспериментальные группы. Диагностика велась комплексом методов, который выявляет мотивационно-ценностный, личностный и деятельностный компоненты социокультурной адаптации. Статистику обрабатывали по критерию χ^2 Пирсона.

Показатели социокультурной адаптации в экспериментальных группах растут заметнее, чем в контрольной, и это подтверждает действенность реализуемых педагогических условий.

Ключевые слова: социокультурная адаптация, иностранные студенты, обучение на иностранном языке, языковой барьер, диагностические срезы, педагогическая система, экспериментальное исследование.

Введение

Актуальность исследования

Современная образовательная среда насыщена цифровыми технологиями, а значит, у адаптации иностранных студентов появляются новые опоры [1]. Но опоры эти надо выстроить. Учёба на иностранном языке ставит студента перед особыми трудностями: языковой барьер, освоение академических и культурных норм, вход в социокультурное пространство университета [2; 3; 4]. Академическая и социальная успешность обучающегося напрямую зависит от того, насколько удачно он войдёт в образовательную и культурную сре-

ду, и уже поэтому социокультурная адаптация заслуживает пристального изучения [5].

Остроты добавляет и то, что комплексный подход тут разработан слабо: цифровые технологии, социальное взаимодействие и преодоление языковых барьеров редко увязывают между собой на всех этапах обучения [6]. Педагогика, психология, социология, культурология указывают на потребность в системном анализе адаптационных процессов и в практических инструментах поддержки [7]. Разрозненные решения существуют давно, а вот собрать их в единую последовательность, работающую от первого дня в чужой стране до выпуска, до сих пор удавалось немногим.

Научная новизна

Новизна работы состоит в последовательном диагностическом анализе социокультурной адаптации, который охватывает нулевой, первый и второй промежуточные срезы. Точек замера три. Так удалось проследить динамику изменений, оценить эффективность внедряемых адаптационных программ и выделить ключевые организационно-педагогические условия успешной интеграции студентов в образовательную среду.

Предложена и авторская система социокультурной адаптации на основе структурно-функциональной модели. Целевой, содержательный, программно-технологический и диагностико-оценочный компоненты связаны в ней между собой и вместе обеспечивают комплексную поддержку студентов [8; 9].

Цель статьи

Цель исследования — оценить динамику показателей социокультурной адаптации иностранных студентов по результатам нулевого, первого и второго диагностических срезов (на этапе промежуточной реализации педагогической системы).

Задачи исследования

Провести нулевой, первый и второй промежуточные срезы, чтобы установить исходный уровень адаптации, динамику изменений и тенденции развития адаптационных процессов; сопоставить результаты и выделить закономерности изменения показателей.

Обоснование выбора методов диагностики

Социокультурную адаптацию оценивали комплексом методов: опросники, анкетирование, тестовые задания, наблюдение, анализ цифровых образовательных инструментов [10; 11]. Такой набор охватывает мотивационно-ценностный, личностный и деятельностный компоненты адаптации [12; 13].

Теоретический и методологический контекст

Понятие социокультурной адаптации

Социокультурная адаптация студентов, обучающихся на иностранном языке, понимается здесь как процесс их интеграции в образовательную и культурную среду: студент осваивает новые нормы и ценности, развивает межличностные навыки, преодолевает языковые барьеры [2]. Ключевые звенья этого процесса: межкультурная компетенция, социальная интеграция и способность результативно действовать в многоязычном и мультикультурном контексте [5]. Заметим: ни один из этих аспектов

не сводится к владению языком, хотя именно язык обычно и называют главным препятствием, а потому свести адаптацию к языковой подготовке значило бы упустить большую часть процесса.

Методологическая основа исследования

Теоретико-методологической базой послужило сочетание системно-деятельностного, аксиологического и личностно-ориентированного подходов [10; 11].

Системно-деятельностный подход рассматривает адаптацию как активное взаимодействие студента с новой культурной и языковой средой, нацеленное на развитие компетенций и самостоятельности [14].

Аксиологический подход учитывает ценностные ориентиры студентов и включает их в образовательную и социокультурную деятельность, отчего адаптационный процесс наполняется смыслом [15].

Личностно-ориентированный подход сосредоточен на индивидуальных особенностях студентов и создаёт условия для диалогового общения, развития межкультурных навыков, роста внутренней мотивации к адаптации [16].

Диагностические подходы к оценке адаптации

Исследование включало три этапа диагностики:

Нулевой срез — определение исходного уровня социокультурной адаптации, выявление начальных барьеров и потребностей.

Первый промежуточный срез — фиксация изменений после внедрения адаптационных программ, оценка эффективности начальной адаптации и кураторской поддержки.

Второй промежуточный срез — анализ динамики мотивационно-ценностного, личностного и деятельностного компонентов на завершающем этапе экспериментальной работы.

Данные нулевого и второго промежуточного срезов обрабатывали по критерию χ^2 Пирсона: он выявляет статистически значимые различия между контрольной и экспериментальными группами.

Эмпирическая часть исследования

Эмпирическая часть решала две задачи: выявить динамику показателей социокультурной адаптации иностранных студентов при обучении на иностранном языке и проверить, работает ли разработанная система адаптации. Работа носила формирующий характер и ох-

Таблица 1.

Распределение студентов по обобщённым уровням социокультурной адаптации (нулевой срез).

Группа	Кол-во студентов	Низкий, абс/%	Средний, абс/%	Высокий, абс/%
КГ	25	16/64	8/32	1/4
ЭГ1	26	16/61,54	9/34,61	1/3,85
ЭГ2	25	15/60	9/36	1/4
ЭГ3	27	17/62,96	9/33,34	1/3,7
Всего	103	64/62,14	35/33,98	4/3,88

ватывала три диагностических среза.

Организация и выборка исследования

Экспериментальная работа велась на базе Автономной некоммерческой организации высшего образования «Московский международный университет» (г. Москва) и Образовательного частного учреждения высшего образования имени А.С. Грибоедова (Московский университет имени А.С. Грибоедова, г. Москва).

В исследовании приняли участие 103 студента, обучающиеся по направлениям бакалавриата 42.03.02 «Журналистика», направленность (профиль) «Теле- и интернет-журналистика»; 38.03.01 «Экономика», направленность (профиль) «Международные экономические отношения»; 40.03.01 «Юриспруденция»; 38.03.04 «Государственное и муниципальное управление»; 38.03.05 «Информационные системы и технологии в управлении бизнесом». Их распределили на контрольную группу (КГ) и три экспериментальные (ЭГ-1, ЭГ-2, ЭГ-3). Представлены результаты срезов 2021–2023 гг.; диагностика выполнялась с помощью стандартных опросников, интерактивных приложений и программ кураторства.

Контрольная группа училась в традиционной образовательной среде, без специально организованной системы адаптации.

В экспериментальных группах внедрялись элементы разработанной системы: они работали на преодоление языкового барьера, расширение коммуникативных практик и включение студентов в социокультурное пространство университета.

Набор условий по группам различался. ЭГ1 сочетала систему с первыми двумя условиями, ЭГ2 брала первое и третье, ЭГ3 работала со всеми тремя; сами организационно-педагогические условия включали кураторскую поддержку, цифровые инструменты и коммуникативные практики.

Выборку формировали по принципу сопоставимости ключевых параметров: языковой компетенции, возрас-

та, периода обучения.

Средства диагностики и параметры оценивания

Уровень социокультурной адаптации диагностировали системой методик, которые определяют состояние мотивационно-ценностного, личностного и деятельностного компонентов [10; 11].

По этим параметрам видно, насколько студент интегрировался в академическую и социокультурную среду, как идёт социальное взаимодействие и продвинулось ли преодоление языкового барьера.

Оценка велась по трём уровням: низкому, среднему и высокому. Так динамика социокультурной адаптации прослеживается на каждом этапе исследования.

Обобщённый уровень адаптации повторяет тенденции по отдельным компонентам: большинство студентов держится на низком уровне, и программы поддержки и сопровождения иностранных студентов явно востребованы. Старт у всех групп общий. Исходное распределение задаёт отправную точку для оценки последующих изменений и делает результаты разных групп сопоставимыми.

На нулевом срезе различия между контрольной и экспериментальными группами статистически незначимы (критерий χ^2 , $p > 0,05$). Выборка по исходным показателям социокультурной адаптации однородна.

Таблица 2.

Значения критерия χ^2 (хи-квадрат) для сравнения групп на нулевом диагностическом срезе.

Сравниваемые группы	χ^2
КГ–ЭГ1	0,039
КГ–ЭГ2	0,091
КГ–ЭГ3	0,01123
ЭГ1–ЭГ2	0,013
ЭГ1–ЭГ3	0,0116
ЭГ2–ЭГ3	0,0482

Первый промежуточный диагностический срез

На первом промежуточном срезе доля студентов со средним и высоким обобщённым уровнем растёт, особенно в ЭГ1 и ЭГ3; в контрольной группе изменения выражены слабее. Траектории контрольной и экспериментальных групп начинают расходиться уже здесь, а ко второму срезу расхождение усилится. Видно и то, что ЭГ1 с ЭГ3 отрываются заметнее ЭГ2, и этот порядок групп сохранится до конца эксперимента.

Второй промежуточный диагностический срез

Принятые меры в ЭГ1 и ЭГ3 работают: доля студентов с низким уровнем адаптации заметно сократилась, а средние и высокие показатели соответственно выросли. В контрольной группе изменения скромнее, что реализованные экспериментальные условия и оправдывает. Разрыв растёт. К концу эксперимента он становится между группами становится не только количественным, но и качественным, затрагивая структуру адаптации в целом.

Анализ данных таблицы говорит о выраженной положительной динамике обобщённого уровня сформированности социокультурной адаптации студентов в ходе экспериментальной работы. По выборке в целом число студентов с низким уровнем сократилось более чем вдвое: с 62,14% на нулевом срезе до 26,21% на втором промежуточном. Доля среднего уровня выросла с 33,98% до 43,69%, а группа высокого уровня прибавила существенно, с 3,88% до 30,10%. Сопоставление контрольной и экспериментальных групп обнаруживает значительную разницу в характере изменений. Контраст резкий. В контрольной группе сдвиги за весь период

оказались фрагментарными: доля низкого уровня снизилась с 64% до 52%, а высокий уровень заметного прироста не дал (с 4% до 8%). В экспериментальных группах картина противоположная: удельный вес высокого уровня вырос в ЭГ1 с 3,85% до 38,46%, в ЭГ2 с 4% до 28%, в ЭГ3 с 3,7% до 44,44%, и всё это на фоне значительного сокращения низкого уровня. Предложенные педагогические воздействия результативнее традиционных подходов к социокультурной адаптации.

Установленная в эксперименте динамика адаптационных процессов даёт основание изучать устойчивость изменений дальше. Сдвиги согласуются между собой по всем компонентам и по обобщённому уровню, а потому динамику правомерно считать целостным процессом, а не суммой разрозненных улучшений. Вопрос лишь в том, сохранятся ли эти сдвиги после того, как сопровождение свернут, и ответить на него сможет только итоговый срез, вынесенный за рамки настоящей статьи.

Чтобы подтвердить достоверность результатов, на этапе второго среза применён критерий χ^2 Пирсона с сопоставлением показателей КГ и ЭГ. Расчёты подтверждают значимость трансформации уровней адаптации и придают выводам статистическую обоснованность.

Критерий χ^2 Пирсона на втором срезе выявил статистически значимые расхождения ($p < 0,01$) между КГ и экспериментальными группами ЭГ1 и ЭГ3. Разработанные педагогические условия, стало быть, работают.

Различия между КГ и ЭГ2 уровня значимости не достигли ($p = 0,063$), хотя положительная тенденция заметна и здесь. Между экспериментальными группами (ЭГ1,

Таблица 3.

Распределение студентов по обобщённым уровням социокультурной адаптации (первый срез).

Группа	Кол-во студентов	Низкий, абс/%	Средний, абс/%	Высокий, абс/%
КГ	25	14/56	10/40	1/4
ЭГ1	26	8/30,77	14/53,85	4/15,38
ЭГ2	25	9/36	12/48	4/16
ЭГ3	27	8/29,63	13/48,15	6/22,22
Всего	103	39/37,87	49/47,57	15/14,56

Таблица 4.

Распределение студентов по обобщённому уровню социокультурной адаптации (второй срез).

Группа	Кол-во студентов	Низкий, абс/%	Средний, абс/%	Высокий, абс/%
КГ	25	13/52	10/40	2/8
ЭГ1	26	4/15,38	12/46,16	10/38,46
ЭГ2	25	6/24	12/48	7/28
ЭГ3	27	4/14,82	11/40,74	12/44,44
Всего	103	27/26,21	45/43,69	31/30,10

ЭГ2, ЭГ3) значимых различий нет ($p > 0,4$): адаптация растёт сопоставимо, как бы ни варьировалась реализация системы. В совокупности данные подтверждают положительное влияние разработанной системы на адаптацию иностранных студентов и обосновывают её дальнейшую апробацию на итоговом срезе.

За положительной динамикой обобщённого уровня стоят изменения в структуре её компонентов: пока шла реализация педагогической системы, положительная динамика прослеживалась по всем ключевым компонентам. Разберём компоненты по отдельности, и станет видно, за счёт чего складывается общий эффект и в какой последовательности разворачиваются изменения.

Мотивационно-ценностный компонент

Мотивация идёт первой. Мотивационно-ценностный компонент меняется отчётливее всего, прежде всего в экспериментальных группах. По ходу работы число студентов с низким уровнем устойчиво снижалось, уступая место среднему и высокому; ко второму диагностическому срезу это проявилось яснее всего. Реагирует этот компонент раньше прочих, и объяснение простое: отношение к обучению и межкультурному взаимодействию перестраивается быстрее, чем личностные и деятельностные характеристики.

Сравнение контрольной и экспериментальных групп выявляет заметные различия. В контрольной доля высокого уровня мотивационно-ценностного компонента выросла незначительно (с 4% до 12%), в экспериментальных же поднялась существенно, до 36–51,85%, при одновременном сокращении низкого уровня. Сильнее всего сдвинулись ЭГ1 и ЭГ2, где высокий уровень охватил почти половину группы. Разница в темпах роста выходит за пределы естественной вариативности и указывает на вклад именно педагогического воздействия: контрольная группа училась в той же языковой среде и по тому же учебному плану, а прибавила в разы меньше.

Реализуемая педагогическая система, судя по этим данным, формирует устойчивую мотивацию, а вместе с ней более осознанное и позитивное отношение студентов к межкультурному взаимодействию в иноязычной образовательной среде. Сдвиг не разовый. Мотивационные показатели держатся на протяжении двух срезов, а значит, перед нами не ситуативный отклик, а закрепляющийся результат систематического сопровождения, и именно опережающий рост мотивационно-ценностного компонента создаёт основу для последующих изменений в личностной и деятельностной сферах.

Личностный компонент

Здесь спешки нет. У студентов экспериментальных

Таблица 5.

Обобщённый уровень сформированности социокультурной адаптации студентов в условиях обучения на иностранном языке (нулевой, первый и второй промежуточные срезы).

Группа	Кол-во студентов	Обобщённый уровень сформированности социокультурной адаптации								
		Низкий (%)			Средний (%)			Высокий (%)		
		нулевой срез	первый пром. срез	второй пром. срез	нулевой срез	первый пром. срез	второй пром. срез	нулевой срез	первый пром. срез	второй пром. срез
КГ	25	64	56	52	32	40	40	4	4	8
ЭГ1	26	61,54	30,77	15,38	34,61	53,85	46,16	3,85	15,38	38,46
ЭГ2	25	60	36	24	36	48	48	4	16	28
ЭГ3	27	62,96	29,63	14,82	33,34	48,15	40,74	3,7	22,22	44,44
Всего	103	62,14	37,87	26,21	33,98	47,57	43,69	3,88	14,56	30,10

Таблица 6.

Значения критерия χ^2 (хи-квадрат) на втором этапе экспериментальной работы.

Сравниваемые группы	χ^2	P-значение	Значимость
КГ–ЭГ1	10,26	0,0059	значимо
КГ–ЭГ2	5,54	0,063	не значимо
КГ–ЭГ3	11,90	0,0026	значимо
ЭГ1–ЭГ2	0,91	0,63	не значимо
ЭГ1–ЭГ3	0,21	0,90	не значимо
ЭГ2–ЭГ3	1,68	0,43	не значимо

групп показатели личностного компонента росли устойчиво и на протяжении всего исследования. По мере реализации системы доля низкого уровня сокращалась, а число обучающихся со средним и высоким уровнями росло: развиваются личностные ресурсы, значимые для адаптации при обучении на иностранном языке. Меняется этот компонент постепеннее мотивационного, что отвечает представлению о нём как о сравнительно устойчивом образовании.

Сопоставление групп выявляет существенные различия: в контрольной изменения минимальны, в экспериментальных доля высокого уровня личностного компонента выросла до 24–44%. Интенсивнее всего динамика в ЭГ1 и ЭГ3, и такое распределение согласуется с результатами по мотивационно-ценностному компоненту, подтверждая, что компоненты адаптации связаны между собой и тянут друг друга.

Целенаправленное педагогическое воздействие, как видно, развивает аналитическое и креативное мышление, рефлексивные и прогностические умения студентов. Рост личностного компонента косвенно поддерживает и другие составляющие адаптации: уверенность в собственных силах снижает тревожность при иноязычном общении. А устойчивые личностные ресурсы делают адаптацию менее зависимой от внешней поддержки и повышают шансы, что она сохранится и дальше. Поэтому личностный компонент, при всей неспешности его роста, и выглядит самым ценным результатом сопровождения: мотивацию можно поднять разовой акцией, а рефлексивные и прогностические умения складываются только в длительной работе.

Деятельностный компонент

Этот компонент замыкающий. Он тоже даёт устойчивую положительную динамику: студенты увереннее работают с информацией на иностранном языке и применяют её в учебно-профессиональных и социокультурных ситуациях. В экспериментальных группах доля среднего и высокого уровней постепенно росла, число студентов с низким уровнем снижалось. Опирается этот компонент на уже достигнутые сдвиги в мотивации и личностной сфере, отчего и развивается позже и постепеннее.

Сравнение групп обнаруживает разный характер изменений. В контрольной группе доля высокого уровня выросла лишь с 4% до 8%, в экспериментальных оказалась заметно выше, от 24% до 40,74%. Наибольшие сдвиги вновь приходятся на ЭГ1 и ЭГ3, и раз картина повторяется по всем трём компонентам без единого исключения, вывода об устойчивости динамики и об эффективности системы это придаёт дополнительную надёжность.

Предложенная педагогическая система, если судить

по этим данным, положительно влияет на формирование деятельностной составляющей социокультурной адаптации студентов при обучении на иностранном языке. Практическая направленность делает деятельностный компонент самым наглядным индикатором адаптации, поскольку проявляется он прямо в учебном и коммуникативном поведении студентов, а более позднее и постепенное его развитие отражает зависимость от уже сформированных мотивации и личностных ресурсов.

Положительная динамика, стало быть, прослеживается по всем ключевым компонентам социокультурной адаптации в экспериментальных группах (ЭГ1, ЭГ2, ЭГ3), а внедряемая педагогическая система свою эффективность подтверждает.

Промежуточные срезы показали положительные изменения во всех экспериментальных группах: уровень мотивационно-ценностного, личностного и деятельностного компонентов здесь выше, чем в контрольной группе.

Сильнее всего сдвинулся мотивационно-ценностный компонент: выросла учебная мотивация, а отношение студентов к межкультурному взаимодействию в иноязычной среде стало осознаннее.

Обсуждение результатов исследования

Внедрение разработанной системы социокультурной адаптации, как показала экспериментальная работа, повышает готовность студентов к межкультурному взаимодействию при обучении на иностранном языке. Первый и второй промежуточные срезы дают несколько основных тенденций. Между собой они согласуются и складываются в единую картину направленного адаптационного процесса.

В экспериментальных группах динамика положительная, и педагогическая система на развитие социокультурной адаптации явно влияет. Доля высокого уровня растёт по всем компонентам, а значит, целенаправленное педагогическое сопровождение, объединяющее организационно-педагогические условия с наставническими технологиями, работает и на мотивационно-ценностные, и на личностные, и на деятельностные компетенции. Любопытнее другое. Результаты ЭГ1, ЭГ2 и ЭГ3 сопоставимы при разной комбинации условий, а из этого следует, что решает дело системность сопровождения, а не отдельно взятый его элемент. Согласуется такой вывод и с представлением об адаптации как о целостном процессе, где отдельные педагогические средства действуют во взаимосвязи и усиливают друг друга.

В контрольной группе изменения незначительны. Традиционные формы адаптации ограничены, и потреб-

ность в более комплексном подходе видна невооружённым глазом. Естественное освоение среды даёт лишь базовый уровень и на высокий уровень сформированности компонентов большинство студентов не выводит.

Сравнение контрольной и экспериментальных групп выявило в последних статистически значимые изменения: реализуемые условия результативны и языковой барьер снижают. Статистика тут важна не сама по себе. Она повышает доверие к наблюдаемой динамике и отделяет эффект педагогического воздействия от естественного хода адаптации.

Зафиксированная динамика обобщённого уровня социокультурной адаптации, стало быть, подтверждает эффективность реализуемой педагогической системы. Приведённые результаты отражают промежуточный этап диссертационного исследования и получены по итогам нулевого, первого и второго диагностических срезов.

Заключение

Промежуточные срезы выявили устойчивую положительную динамику социокультурной адаптации студентов в экспериментальных группах по сравнению с

контрольной. Сильнее всего изменения там, где педагогическая система разворачивалась в комплексе со всей совокупностью организационно-педагогических условий. Динамика направленная, охватывает все три компонента адаптации, и это позволяет видеть в ней результат системного воздействия, а не отдельных мер.

Данные подтверждают результативность разработанной системы: языковой барьер она снижает, а мотивационно-ценностный, личностный и деятельностный компоненты социокультурной адаптации студентов при обучении на иностранном языке формирует. Существенна и очерёдность. Изменения разворачиваются от мотивационно-ценностного компонента к личностному и деятельностному, что выдаёт внутреннюю логику адаптационного процесса и вполне может учитываться при проектировании программ сопровождения.

Дальше предстоит итоговый, третий диагностический срез: он покажет устойчивость и полноту сформированных изменений и уточнит эффективность педагогической системы на завершающем этапе эксперимента. Отдельно придётся разбираться с тем, сохранится ли достигнутый уровень адаптации после того, как целенаправленное сопровождение закончится.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков Ю.А., Фомичева Д.А., Савельева М.Н., Яшина Ю.В. Роль социальных сетей и цифровых платформ в облегчении социокультурной адаптации иностранных студентов в крупных городах России на примере Москвы и Санкт-Петербурга // Управление образованием: теория и практика. – 2025. – № 9–2. – С. 107–118.
2. Волков Ю.А., Башеров О.И., Яшина Ю.В., Фомичева Д.А. Языковой барьер и его влияние на учебный процесс иностранных студентов // Управление образованием: теория и практика. – 2025. – № 1–1. – С. 325–334.
3. Башеров О.И., Голосова О.М., Тростина К.В., Циколенко Л.И. Основные проблемы сопровождения адаптации иностранных студентов к социокультурной среде вуза // Управление образованием: теория и практика. – 2024. – № 2–1 (76). – С. 12–20.
4. Мохова О.Л., Кардович И.К., Овчинникова Н.Д., Белозор А.Ф. Формирование профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыковых вузов в условиях цифровизации образования // Управление образованием: теория и практика. – 2025. – № 10–1. – С. 204–214.
5. Wei X. Sociocultural adaptation of Chinese international students in the United States and its influencing factors // *Frontiers in Psychology*. – 2025.
6. Данилова Л.Н. Комплексный подход к адаптации иностранных студентов в российских вузах // Журнал прикладных исследований. – 2025. – № 7.
7. Soheili F., Lanz M. Psychological adaptation of international students in higher education: a bibliometric analysis // *Current Psychology*. – 2025. – Vol. 44. – P. 10670–10678.
8. Храмова Н.Н., Родионов М.А. Модель мотивационно ориентированной образовательной среды // Вестник Пензенского государственного университета. – 2015. – № 1 (9).
9. Изюмникова С.А. Формирование готовности к информационно-аналитической деятельности с использованием технологий форсайт у будущих педагогов профессионального обучения: дис. ... канд. пед. наук. – 2023. – 204 с.
10. Сидорова Ю.С., Королева И.В. Методы исследования социальной адаптации иностранных студентов // Общество. – 2021. – № 1 (20). – С. 107–110.
11. Ооки К.А., Вачков И.В. Русскоязычные версии кратких шкал адаптации и аккультурационных ориентаций Демес и Гираерт: психометрические характеристики // Консультативная психология и психотерапия. – 2022. – Т. 30, № 3 (117). – С. 129–149.
12. Христидис Т.В., Баковкина О.А. Педагогические условия социально-психологической адаптации студентов-иностранцев в российском вузе // Вестник МГУКИ. – 2025. – № 1 (123).
13. Valenti G.D., Magnano P., Faraci P. Evaluating the Dimensionality of the Sociocultural Adaptation Scale in a Sample of International Students Sojourning in Los Angeles: Which Difference between Eastern and Western Culture? // *European Journal of Investigation in Health, Psychology and Education*. – 2022. – Vol. 12, № 5. – P. 465–477.

14. Жданко Т.А. Системно-деятельностный подход: сущностная характеристика и принципы реализации // *Magister Dixit*. – 2012. – № 4.
15. Ван Ши, Щеглова И.В. Сущностно-содержательные характеристики аксиологического подхода к формированию межкультурной компетенции иностранных студентов (теоретические основы) // *Педагогика. Вопросы теории и практики*. – 2023. – № 7.
16. Чикина Т.Е., Коларькова О.Г. Личностно-ориентированный подход в учебно-воспитательном процессе в период адаптации студентов к вузу // *Russian Journal of Education and Psychology*. – 2022. – Т. 13, № 1–3. – С. 71–78.

© Волков Юрий Александрович (yuriy-volkov@yandex.ru), Савченков Алексей Викторович (alex2107@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЦИФРОВЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Духовникова Ирина Юрьевна

Старший преподаватель, ФГБОУ ВО Тихоокеанский
государственный университет, г. Хабаровск
009657@togudv.ru

DIGITAL EDUCATIONAL RESOURCES AS A TOOL FOR INCREASING STUDENT MOTIVATION

I. Dukhovnikova

Summary: This article examines the use of digital educational resources in the educational process as a tool for enhancing student motivation. The paper presents a list of current challenges in educating today's young people in higher education, identifies the pedagogical potential of digitalization in all areas of university activity, and summarizes pedagogical experience and effective educational practices. Digital educational technologies act as a didactic tool capable of transforming the nature of learning activities: making them more interactive, personalized, and effective. However, pedagogical theory and practice in university education still lack a systematic understanding of which types of digital resources and under which methodological conditions are most effective in influencing students' intrinsic and extrinsic motivation. This article focuses on the conditions under which digital tools complement, rather than replace, traditional teaching methods, enhancing their motivational potential. It is concluded that the integration of digital tools into the traditional educational process of a university is a necessary condition for the formation of sustainable educational motivation and the development of digital competence of future specialists.

Keywords: digital educational resources, digitalization of education, student motivation, engagement in learning, development of digital competencies, interactive forms of learning.

Аннотация: Статья посвящена проблеме применения в образовательном процессе цифровых образовательных ресурсов как инструмента повышения мотивации обучающихся. В работе представлен перечень актуальных проблем обучения современной молодежи в высшей школе, выявлен педагогический потенциал процесса цифровизации всех сфер деятельности вуза, обобщен педагогический опыт и эффективные образовательные практики. Цифровые образовательные технологии выступают как дидактический инструмент, способный трансформировать характер учебной деятельности: сделать её более интерактивной, персонализированной и эффективной. Но до сих пор в педагогической теории и практике вузовского обучения недостаточно систематизированы данные о том, какие именно типы цифровых ресурсов и при каких методических условиях максимально эффективно влияют на внутреннюю и внешнюю мотивацию студентов. В статье особое внимание уделяется условиям, при которых цифровые инструменты не заменяют, а дополняют традиционные методы обучения, усиливая их мотивационный потенциал. Сделан вывод о том, что интеграция цифровых инструментов в традиционный образовательный процесс вуза является необходимым условием формирования устойчивой учебной мотивации и развития цифровой компетентности будущих специалистов.

Ключевые слова: цифровые образовательные ресурсы, цифровизация образования, мотивация студентов, вовлечённость в обучение, формирование цифровых компетенций, интерактивные формы обучения.

Введение

Современный этап развития высшего образования характеризуется цифровой трансформацией всех его компонентов. Внедрение цифровых образовательных ресурсов (ЦОР) стало системной необходимостью, закреплённой в государственных приоритетах государства, например, в проекте «Цифровая образовательная среда». Но на практике наличие технической инфраструктуры и цифрового контента само по себе не гарантирует улучшения качества обучения. Ключевой проблемой остается сохранение и повышение мотивации обучающихся, а также их вовлечённость в учебный процесс. Традиционные методы педагогического воздействия, эффективные для предыдущих поколений студентов, не актуальны для современной молодежи, выросшей в среде мгновенного доступа к информации.

Современные студенты демонстрируют высокий

уровень цифровой грамотности, но низкую способность к рутинным, монотонным формам работы. Возникает объективное противоречие: между образом жизни и когнитивными привычками студентов, и традиционной организацией учебного процесса. ЦОР позволяют преодолеть это противоречие за счет адаптации обучения под привычный для молодежи формат взаимодействия с информацией.

Многочисленные зарубежные и отечественные исследования показывают прямую корреляцию между вовлечённостью и успешностью освоения программы. Низкая мотивация ведет к формальному присутствию на занятиях, списыванию и, в конечном счете, к отчислению. Цифровые ресурсы, встроенные в учебный процесс, способны обеспечить мгновенную обратную связь, элементы соревнования и свободу выбора траектории изучения материала — факторы мотивации [1].

Федеральные государственные образовательные стандарты нового поколения требуют формирования у выпускников компетенции самоорганизации и непрерывного образования, что невозможно без развитой внутренней мотивации. ЦОР, например, онлайн-курсы, тренажеры и проектные цифровые среды, выступают естественной средой для становления этой компетенции, так как требуют от студента проявления инициативы и саморегуляции.

Многие педагоги сталкиваются с проблемой «цифрового разрыва» не в техническом, а в методическом плане: они имеют доступ к платформам, но не обладают готовыми методиками использования ЦОР для повышения именно мотивации.

Обсуждение и результаты

Традиционные лекционно-семинарские модели не удерживают внимание студентов нового поколения. ЦОР способны персонализировать обучение, мгновенно давать обратную связь, превращать рутинное освоение материала в интерактивный процесс, связывать теорию с практикой через симуляции и кейсы [7].

Под ЦОР в вузе понимают любые электронные материалы и сервисы, используемые в учебных целях: от простых тестов до сложных виртуальных лабораторий [3]. Наиболее значимые для мотивации представлены в таблице.

Таблица 1.

Влияние типов ЦОР на мотивацию студентов.

Тип ЦОР	Влияние на мотивацию
Системы управления обучением (LMS)	Структурируют курс, дают прозрачность оценок, снижают тревожность
Интерактивные онлайн-курсы	Позволяют учиться в удобном темпе, моментальная обратная связь
Виртуальные тренажеры и симуляторы	Реалистичный контекст, безопасность ошибки, «эффект присутствия»
Геймифицированные платформы	Элементы соревнования, достижения, рейтинги
Адаптивные системы	Траектория подстраивается под уровень студента, исключая скуку / перегрузку
Социальные и коллаборативные инструменты	Совместное создание контента, реер-обучение, чувство принадлежности

Студент может выбирать последовательность тем, скорость прохождения, форму сдачи задания (видео, инфографика, тест). LMS с открытым доступом к материалам 24/7 даёт ощущение контроля над своим обучением. Адаптивные тесты не слишком лёгкие и не слишком сложные (избегают фрустрации). Мгновенная обратная

связь позволяет видеть прогресс в реальном времени. Например, после ошибки система предлагает подсказку или ссылку на теорию, что превращает неудачу в обучающий момент.

Общие доски, чаты, ресурсы совместного пользования создают ощущение учебного сообщества даже при дистанционном формате. Наличие общедоступного рейтинга (например, за лучшие решения кейсов) стимулирует социальное сравнение и взаимопомощь. Баллы, бейджи, уровни, временные вызовы запускают дофаминовые реакции. Но геймификация эффективна, когда она награждает мастерство, а не просто присутствие [6].

Геймификация учебного процесса становится полноценным цифровым ресурсом современного вуза. Это системный подход, который трансформирует среду обучения, делая её более вовлекающей, интерактивной и ориентированной на результат. Геймификация в образовании — это использование игровых элементов в неигровом контексте для повышения мотивации и вовлеченности студентов. В условиях цифровой трансформации она становится основным инструментом цифровой дидактики. Этот ресурс позволяет повысить мотивацию через систему баллов, значков и рейтингов, персонализировать обучение, используя данные об успехах студента для адаптации траектории обучения, обеспечить мгновенную обратную связь. На практике геймификация реализуется через различные цифровые сервисы и платформы, которые становятся неотъемлемой частью образовательной экосистемы вуза.

Чтобы ЦОР действительно повышал мотивацию, необходимо соблюдать правила педагогического дизайна:

1. Интеграция, а не замена. ЦОР дополняет живое общение с преподавателем, а не замещает его полностью. Лучшие практики – «перевернутый класс» (видеолекция дома, активная работа с ЦОР в аудитории).
2. Обратная связь от системы ≠ обратная связь от человека. Автопроверка хороша для фактов и алгоритмов. Для творческих заданий нужен комментарий преподавателя или peer-review.
3. Доступность и низкий цифровой барьер. Платформа должна работать на любых устройствах, не требовать дорогого ПО. Иначе часть студентов выпадает по техническим причинам, что убивает мотивацию.
4. Персонализация без перегрузки. Слишком много выбора может вызвать паралич решения. Предлагайте 2–3 траектории, а не 20.
5. Регулярное обновление. Актуальные кейсы, новостные врезки в LMS, приглашённые эксперты в вебинарах – поддерживают ощущение «живого знания» [4].

Постоянное нахождение онлайн, push-уведомления,

автоматические дедлайны могут повышать тревожность. Нужны «периоды отключения» и гибкая система переносов [5]. Автоматические тесты провоцируют списывание и мультиаккаунтинг. Проблему решить помогают прокторинг, вариативность вопросов, открытые задания с уникальными ответами. Не у всех студентов есть хороший интернет или современный компьютер. вузу необходимо предоставлять оборудование или офлайн-альтернативы.

Выводы

Цифровые образовательные ресурсы значительно

повышают мотивацию учащихся к обучению за счет увеличения интерактивности, персонализации и мгновенной обратной связи; однако их эффективность зависит от верного методического подхода и грамотного руководства преподавателя, а не от самой технологии.

Геймифицированное обучение, виртуальные эксперименты и динамическая визуализация конкретизируют абстрактное содержание, развивая чувство индивидуальности и компетентности, что соответствует теории самоопределения и, таким образом, пробуждает внутреннее стремление к исследованию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ваганова О.И. (2020). Цифровые технологии в образовательном пространстве / О.И. Ваганова, А.В. Гладков, Е.Ю. Коновалова и др. // Балтийский гуманитарный журнал. Т. 9. № 2(31). С.53–56.
2. Воробьев Н.Б., Бурханова И.Ю., Ершова Е.А., Ершов Д.С. (2022). Технологии развития познавательной активности студентов бакалавриата // Глобальный научный потенциал. № 10(139). С.156–158.
3. Ганичева И.А. (2023). Развитие учебно профессиональной мотивации студентов в условиях цифровой трансформации образования // Человеческий фактор: Социальный психолог. № 4(48). С. 81–87.
4. Готская И.Б., Готская А.И. (2023). Цифровизация и цифровая трансформация вузов: уточнение понятийного ряда, особенности, проблемы // Современное образование: традиции и инновации. № 1. С.12–17.
5. Журтов А.Б. (2021). Информационно-коммуникационные технологии в образовательном процессе современного вуза // Мир науки, культуры, образования. № 1(86). С. 188–189.
6. Конюхов В. Г. (2022). О применении цифровых технологий для повышения познавательной активности студентов // Инновации. Наука. Образование. № 51. С. 149–151.
7. Лазарева Л.В., Стыжкова Н.М. (2023). Как цифровые технологии мотивируют студентов к обучению // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. № 42(4). С. 658–671.
8. Озарчук В.С. (2024). Влияние цифровых образовательных технологий на мотивацию и эффективность студентов, обучающихся по программе военно-профессиональной подготовки в гражданских вузах // Педагогический журнал. Т. 14. № 5А. С. 249–255.
9. Стыжкова Н.М., Лазарева Л.В. (2024). Проблема эффективности использования цифровых технологий для мотивации студентов к обучению // Ярославский педагогический вестник. № 5 (140). С. 138–154.
10. Шибанова Ю.В., Зимина К.А. (2021). Цифровые технологии как средство развития учебной мотивации студентов среднего профессионального образования // Modern Science. № 1–2. С. 335–338.

© Духовникова Ирина Юрьевна (009657@togudv.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ РКИ КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ ТРЕНД

FORMATION OF SOCIO-CULTURAL COMPETENCE IN RCT TEACHING AS A GLOBAL TREND

**E. Kornakova
E. Tutova
V. Shcheglova**

Summary: Russian as a foreign language is gaining new strength on the international plateau, as it is an important element in establishing multicultural humanitarian cooperation, provides an opportunity to get an education and start a career in Russia, and strengthen bilateral ties in various fields of activity. When teaching Russian as a foreign language, it is important to develop socio-cultural competencies that contribute to the creation of a constructive dialogue at the international level. The relevance of socio-cultural competence in recent years has gained wider coverage: starting from its tools, ending with the sphere of relevant impact on subject-subject and public relations, stability, and development of the international community. Social and cultural skills have a strong influence on the formation of personal identity, cultural and social roles, which is also a consequence of the development of emotional and social intelligence. These competencies are a synthesis of linguistic, cultural, social, and psychological tools used in professional and everyday communication, allowing to harmonize international communication, establish friendly relations, avoid interethnic conflicts, predict the vector of negotiations, plan the stages of their development to achieve certain communicative goals, as well as use as sociopsychological and lexicostylistic techniques. ensuring mutual understanding of peoples.

Keywords: socio-cultural competence, Russian as a Foreign Language, learning, emotional intelligence, social intelligence, communicative competence.

Корнакова Екатерина Сергеевна
кандидат филологических наук, доцент,
Институт русского языка, г. Москва
atmiak@inbox.ru

Тутова Екатерина Владимировна
кандидат филологических наук, доцент,
Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы, г. Москва
Tutova_ev@rudn.ru

Щеглова Валентина Михайловна
главный специалист-эксперт,
Представительство Россотрудничества
в Республике Конго, г. Браззавиль, Республика Конго
Valentina_shcheglova@mail.ru

Аннотация: Русский язык как иностранный набирает новую силу на международном плато, так как является важным элементом в налаживании поликультурного гуманитарного сотрудничества, обеспечивает возможность получить образование и начать карьеру в России, укрепить двусторонние связи в различных сферах деятельности. При обучении русскому языку как иностранному важно формирование социокультурных компетенций, способствующих созданию конструктивного диалога на международном уровне. Актуальность социокультурной компетенции в последние годы получила более широкий охват: начиная от ее инструментария, оканчивая сферой релевантного воздействия на субъект-субъектные и общественные отношения, стабильностью и развитием международного сообщества. Социальные и культурные навыки оказывают сильное влияние на становление личностной идентичности, культурные и социальные роли, что является также следствием развития эмоционального и социального интеллектов. Данные компетенции являются синтезом лингвистического, культурного, социального и психологического инструментария, используемого в профессиональной и бытовой коммуникации, позволяющего гармонизировать международное общение, налаживать дружественные связи, избегать межэтнических конфликтов, прогнозировать вектор переговоров, планировать этапы их развития для достижения тех или иных коммуникативных целей, а также использовать в качестве социопсихологического и лексико-стилистического приемов, обеспечивающих взаимопонимание народов.

Ключевые слова: социокультурная компетенция, русский язык как иностранный, обучение, эмоциональный интеллект, социальный интеллект, коммуникативная компетенция.

Введение

Согласно результатам исследований М.М. Абдусаламова и А.А. Хасбулатовой (2023), в методике и практике обучения иностранным языкам, в т.ч. русскому языку как иностранному (далее – РКИ), общепринятым постулатом стало формирование социокультурной компетенции обучающихся, выступающей в роли «обязательного компонента иноязычной комму-

никативной компетенции усваиваемого иностранного языка, выработка которой признана как доминирующая цель и ведущая задача иноязычного обучения на всех уровнях» [1, с. 122]. Данный аспект последние два десятилетия является глобальным трендом, о чем свидетельствуют научные исследования [1, с. 122; 4, с. 170; 14, р. 1; 7, р. 1; 12, р. 2], подтверждающие: социокультурные компетенции в общении способствуют налаживанию международных связей, формированию позитивного облика

страны, адаптации иностранца к среде носителей изучаемого языка, снижению количества коммуникативных конфликтов, повышению аргументативных функций языка, что очень востребовано на рынке труда. Между тем, социокультурную компетенцию общения в поликультурной среде целесообразно формировать сквозь призму развития эмоциональной межкультурной компетенции, т.к. обе компетенции неотделимы друг от друга и являются важной частью "soft skills" (в перев. «мягких навыков»), базирующихся на полилингвизме, поликультурализме, сенситивности, межкультурной эмоциональной компетентности, способности работать с людьми в условиях неопределенности, креативном мышлении и гибком коммуникативном поведении [4, с. 170, с. 187, с. 189] – «одним из востребованных мягких навыков (soft skills) является эмоциональная компетентность, основанная на развитии эмоционального интеллекта» [4, с. 174].

Актуальность социокультурной компетенции обусловлена стремлением использовать иностранный язык (в т.ч. РКИ) для налаживания международных связей [14, р. 1; 1, с. 122], формирования позитивного психологического восприятия кругом собеседников коммуниканта как компетентного лица и в профессиональной среде [7, р. 1], и в бытовом общении.

Методология исследования основана на системном подходе и включает в себя методы общенаучной группы: анализ, синтез, систематизацию и обобщение полученных результатов.

Результаты и обсуждение

По настоящее время определение понятия «социокультурная компетенция» остается многогранным и, как следствие, его теоретическое осмысление и социокультурные аспекты обучения РКИ имеют разные лексико-семантические, педагогические, методологические и методические позиции. Как подчеркивают в своих исследованиях М. Хакимова, С. Мамараджабов, Н. Файзуллаева, Д. Бегматов (Khakimova, Mamarajabov, Fayzullaeva, Begmatov 2026), социокультурная компетенция определяется как способность эффективно и уместно общаться в различных культурных контекстах и оценивается по таким показателям, как межкультурная осведомленность, контекстно-зависимое использование языка, коммуникативная адаптивность и прагматически обоснованный выбор вербальных и невербальных средств общения [10, р. 265].

Модель межкультурной коммуникации, предложенная И. Анужене (Anužienė 2015), рассматривает социокультурную компетенцию как целостную систему знаний, навыков и установок, необходимых для успешной социализации и профессиональной интеграции в современное общество. Социальная компетенция включает в

себя такие компоненты, как самосознание, атрибуция, социальные и поведенческие навыки, социальная перцепция, а культурная компетенция – знание целевой культуры, понимание культурных различий, способность к дипломатичному общению и эмпатия (принятие во внимание различных точек зрения) [7; 14].

Социокультурные компетенции базируются на навыках межличностного общения, фундаментом которых выступает способность ориентироваться в своем и социальном эмоциональном ландшафте. Данный навык определяется как эмоциональный интеллект, который выходит за рамки выстраивания и защиты личных границ и включает в себя богатую палитру разнообразных знаний о культуре человека – именно при таком синтезе знаний и навыков культурная компетенция трансформируется в важнейший компонент эмоционального интеллекта, отражающий способность человека распознавать, понимать и правильно реагировать на культурные особенности и эмоциональные проявления людей разных национальностей [13; 4, с. 187].

Лонгитюдные исследования, посвященные потребностям в совершенствовании "soft skills", «подтверждают значимость социально-эмоционального обучения на всех уровнях образовательной системы, его положительного влияния» [4, с. 187]. Соответственно, социокультурная компетенция должна формироваться в тесной корреляции с эмоциональным и социальным интеллектами.

Социальный интеллект – это способность эффективно взаимодействовать с другими людьми в разных социальных ситуациях – понимать их, контролировать и действовать релевантным образом, грамотно выстраивать субъект-субъектные отношения как при ситуативном, так и продолжительном взаимодействии, даже регулировать на определенном уровне общественные отношения, тем самым, обеспечивать стабильность и развитие международного сообщества [9, р. 275-276]. При этом социальный интеллект формируется под воздействием социокультурных условий [5, с. 7–8], таких как: место жительства, особенности воспитания, содержание обучения и разноплановая деятельность. Например, в русской культуре ценятся: навык понимать подтекст сообщения («читать между строк») и невербальные сигналы высказывания собеседника; умение активного слушания; эмоциональная насыщенность дискурса; коллективистские установки; семейные традиции воспитания; умение адаптироваться к трудностям в нестабильных условиях жизни и др.

Эмоциональный интеллект – это способность распознавать свои и чужие эмоции, управлять ими и влиять на них. Соответственно, эмоционально-социальный интеллект – это сочетание личностных качеств и умствен-

ных способностей, помогающих грамотно распознавать и интерпретировать эмоции человека, формируемые в контексте культуры его народа и ментальных особенностей окружающего общества. Более высокий уровень эмоционального и социального интеллектов способствует улучшению образовательных результатов на различных формах обучения [9, р. 275–276]. Например, семейный коллективизм может влиять на восприятие академического стресса иначе, чем индивидуалистические установки, что, в свою очередь, отражается на коммуникации (ее целях, задачах, коммуникативном поведении), тогда как выражение эмоций, эмпатия и стили взаимодействия различаются в зависимости от культурного контекста: в коллективистских культурах часто делается акцент на эмоциональной сдержанности и групповой гармонии, в то время как в индивидуалистических культурах поощряется эмоциональная открытость и самовыражение [18, р. 16].

Формирование социокультурной компетенции сквозь призму развития эмоционального и социального интеллектов помогает в межкультурном общении прогнозировать результаты коммуникативного поведения собеседника в конкретных обстоятельствах и отвечает за «умение делать последовательные выводы, ... понимание закономерности развития ситуаций взаимоотношения, смысла поступков личностей в определенных ситуациях» [5, с. 21–22] и навык планирования хода общения. Соответственно, формирование социокультурной компетенции при обучении РКИ необходимо строить с помощью междисциплинарного подхода (на основе проблемного обучения). Например, иностранцу будет понятно, почему ему важно принять угощение от русского собеседника: русские отличаются гостеприимством, «хлебосольством», и отказ от угощения может обидеть их – данная тенденция сформировалась из-за религиозных особенностей христиан (щедрый и душевный прием – отличительная черта угодников Божиих, базирующаяся на библейском сюжете об «Авраамовом гостеприимстве» – примере стойкости веры Авраама, к которому дьявол долго не пускал гостей, за что Господь вознаграждал верующего тремя путниками, вошедшими в его дом), а также из-за сложных климатических и территориальных особенностей России, раньше не позволяющих легко и часто путешествовать по стране как местным жителям, так и заморским приезжим, поэтому каждый гость принимался радушно; к тому же, гость приносил новые знания о своих краях и увиденных им любопытных фактах, помогал развитию торговых отношений, способствовал становлению международной дружбы – из данного примера очевидно, что навык гостеприимства формируется сквозь призму развития эмоционального и социального интеллектов, а также социальной и культурной компетенций.

Социокультурные индикаторы русскоязычных ком-

муникантов определяются также их менталитетом, который, исходя из концепции Л.Н. Гумелева, формируется в процессе этногенеза – возникновения и развития этнической общности, происходящей обязательно под влиянием и моно-, и полиэтнических контактов, что в итоге способствует формированию иерархии идей, взглядов, представлений о мире, оценок, вкусов, культурных канонов, способов выражения мыслей [11, р. 1].

Фундаментом социокультурной компетенции выступают знания о «ценностях, верованиях, поведенческих образцах, обычаях, традициях, языке, достижениях культуры, свойственных определенному обществу и характеризующих его» [3, с. 28; 1, с. 123]. Данная компетенция также помогает исключить или снизить влияние стереотипов о русскоязычном населении, которые могут препятствовать налаживанию конструктивного межкультурного диалога.

В процессе обучения указанным выше навыкам происходит социокультурная адаптация обучающегося, что, по мнению Берри и др. (Berry et al. 2006), подразумевает приспособление к жизни в новой культурной среде, включающей в себя способность справляться не только с академическими требованиями, но и с языковыми, а также социальными трудностями, используя целый ряд мультикультурных знаний и навыков в процессе коммуникации – это облегчает интеграцию в принимающую культуру [10; 12, р. 2]. Т.о., при обучении РКИ социокультурная компетенция является одним из главных компонентов коммуникативной компетенции, отвечающих не только за способность конструктивно общаться в аутентичном режиме [1, с. 122; 4, с. 170], но и за навык адаптироваться к естественно-языковой социокультурной моно- или поликультурной среде [4, с. 170], соответствовать ожиданиям и нормам окружающего общества – речь идет в т.ч. о ситуативном и лингвистическом конформизме как социопсихологическом и лексико-стилистическом приеме, а не о психологической характеристике. Данный прием включает в себя как использование определенных вербальных и невербальных средств, так и риторическое оформление дискурса [6, с. 155], определяемое социокультурными и ментальными особенностями собеседников-носителей изучаемого иностранного языка.

Лингвистический конформизм отвечает как за обеспечение взаимопонимания, так и за использование механизмов суггестивного воздействия дискурса, аналогичного литературному приему и создаваемого сквозь призму психологического и культурологического аспектов. Суггестия, при этом, «рассматривается как действенный инструмент незаметного внедрения в сознание специальной идеи, мнения без прямого или непосредственного осознания этого объектом внушения» [2, с. 1086] через ассоциативные цепочки, образы, на-

меки, ритм и звуковые повторы, т.е. путем речевого воздействия на чувства и эмоции человека, что актуально в переговорах и при налаживании профессиональных, социальных и иных контактов для международного сотрудничества как в определенной сфере деятельности, так и в бытовой межкультурной коммуникации.

Для формирования социокультурной компетенции можно использовать упражнения, в основе которых искусственный интеллект (далее – ИИ) с технологией обработки естественного языка (*Natural Language Processing, NLP*) и распознавания речи [17; 16, р. 272], позволяющие формировать культурную осведомленность, развивать культурно-ориентированную лексику, понимать национально-психологические особенности целевого языкового сообщества, комментировать социокультурный контент как на родном, так и на иностранном языках, извлекать социокультурную информацию из соответствующих текстов, составлять социокультурные портреты представителей других культур и интерпретировать вербальное и невербальное поведение в межкультурном контексте [15; 16, р. 272] – все ответы и диалоги нейросеть способна поддерживать, корректировать, задавать уточняющие вопросы. Помимо этого, грамотная речь искусственного помощника является источником аутентичного аудиального материала, а возможности ИИ можно без труда использовать вне учебного учреждения (в т.ч. дома) как дополнительный ресурс освоения социокультурного и языкового материалов по РКИ.

Примеры упражнений могут включать в себя: заполнение пропусков, ролевые тематические диалоги, сбор информации об интересах или увлечениях собеседников, преобразование простых предложений в сложные с помощью таких союзов, как «а», «но», «да», «либо» и др., выполнение заданий, направленных на закрепление пройденного материала, а также творческое преобразование полученной информации [19; 16, р. 272]. Учебные задания, видео и карточки, создаваемые с помощью ИИ, заменяют традиционные таблицы и иллюстрации, предоставляя более гибкий ресурс для изучения и запоминания лексики и социокультурных характерных отличий русскоговорящих людей. Учитывая особенности иностранных студентов, обучающихся РКИ, ИИ с

помощью набора цифровых инструментов, способен генерировать учебный материал, помогающий решать коммуникативные задачи различного уровня сложности, мотивируя обучающихся их выполнять с помощью индивидуальной обратной связи и поэтапного выполнения заданий [8; 16, р. 272].

С учетом того, что языковые модели, в т.ч., обучающие русскому языку, стремительно развиваются, число их параметров и возможностей растет с экспоненциальной скоростью, поэтому трудно прогнозировать, какие учебные материалы релевантно использовать в конкретный период обучения. Соответственно, преподавателю РКИ следует постоянно выполнять мониторинг инструментов и возможностей обучения с применением ИИ перед каждым тематическим блоком (используя материалы, сгенерированные ИИ или ИИ как инструмент коммуникации на занятиях в качестве дополнительных ресурсов). Формирование социокультурной компетенции целесообразно проводить с применением ИИ, т.к. российские разработчики создали нейросеть, обладающую, благодаря технологии эмоционального синтеза, навыками эмоционального интеллекта, т.е. способностями выражать, распознавать и интерпретировать эмоции человека (среди наиболее известных нейросетей можно назвать ассистента «Алису» от компании Яндекс и помощник *GigaChat Audio* от «Сбера», точность распознавания эмоций которых достигает 80%).

Выводы

В процессе иноязычного общения социокультурные компетенции помогают коммуниканту осваиваться и приспосабливаться к иноязычной среде, улучшать межэтнические отношения и являются превентивным способом избегания межэтнических конфликтов, поэтому становление данных компетенций стало глобальным трендом. Формирование социокультурных компетенций в контексте РКИ релевантно выполнять с помощью интеграции искусственного интеллекта (ИИ) в образовательную деятельность и симуляции, способствующих как развитию языковых навыков, так и социокультурных знаний, составной частью которых выступают социальный и эмоциональный интеллекты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдусаламов М.М., Хасбулатова А.А. О социокультурной компетенции в иностранном языке и стадиях ее формирования на разных ступенях школьного обучения // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2023. №3. С. 122–126. <https://doi.org/10.21779/2542-0313-2023-38-3-122-126>.
2. Грищенко Т.Ф., Вариясова Е.В. Суггестия как способ речевого воздействия в религиозном дискурсе // СибСкрипт. 2019. №4 (80). С. 1086–1094. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-1086-1094>.
3. Елизарова Г.В. О природе социокультурной компетенции // Слово, предложение и текст как интерпретирующие системы. *Studia Linguistica* 8. СПб.: Тригон, 1998. С. 25–31.

4. Куприна Т.В., Евтюгина А.А., Минасян С.М., Таранова О.В. Оценка уровня эмоционального интеллекта в межкультурной образовательной среде // Образование и наука. 2022. №8. С. 170–196.
5. Мачнев В.Я. Социальный и эмоциональный интеллект: монография / В.Я. Мачнев, Е.И. Чердымова. Самара: Изд-во Самарского университета, 2022. 148 с.
6. Яковлева Е.В., Агаджанян Р.В. Лингвистический конформизм: модель стилистического приема и ее характеристики // Вестник КГУ. 2016. №2. С. 153–156.
7. Anužienė I. (2015) The Structure of Socio-Cultural Competence (Self) Development. Vocational Training Research and Realities 26(1). P. 1–12. <https://doi.org/10.1515/vtrr-2015-0006>.
8. Askarova D. (2022) Formation of creativity and bookreaders qualities in higher education institution. Sci. Innov.1, 1039–1044.
9. Bangwal D., Kataria N. (2026) Bridging Emotions and Achievement: The Role of Emotional and Social Intelligence in Higher Education Performance through Structural Equation Modelling Approach. Economic Sciences 22(4(S) April):275–285. <https://doi.org/10.69889/4vcrsp41>.
10. Berry J.W., Phinney J.S., Sam D.L., Vedder P. (2006) Immigrant youth: acculturation, identity, and adaptation. Appl Psychol 55(3):303–32.
11. Bogatyreva V.V. Historical aspects of the formation of the Russian mentality // SHS Web of Conferences 164(23). 5 p. <https://doi.org/10.1051/shsconf/202316400082>.
12. Deibes T., Yaseen M., Elkhoully R., Yunis S.M. (2025) Towards inclusive medical education in Egypt: a cross-sectional study of sociocultural adaptation among international students // BMC Medical Education 25(1). 10 p. <https://doi.org/10.1186/s12909-025-08232-1>.
13. Emotional Intelligence: Cultural Competence: Cultural Competence: A Dimension of Emotional Intelligence // Faster Capital. 07 May 2026. URL: <https://fastercapital.com/content/Emotional-Intelligence--Cultural-Competence---Cultural-Competence--A-Dimension-of-Emotional-Intelligence.html> (date: 20.07.2026).
14. Gluchshenko Y., Dalbergenova L., Yessengaliyeva A., Rudik Z., Mikhailova T., Cesur K. (2026) Preparing Future Teachers for a Multicultural World: Sociocultural Competence as the Foundation of Pre-Service English Language Teachers' Professional and Personal Development. Journal of Culture and Values in Education 9(2), 1–36. <https://doi.org/10.46303/jcve.2026.18>.
15. Iroda I. (2022) Issues Improving Socio-Cultural Competence Students in Foreign Language Lessons. Orient. J. Philol. 2, 81–93.
16. Khakimova M., Mamarajabov S., Fayzullaeva N., Begmatov D. (2026) Advancing Sociocultural Competence in Linguistics Education through Global Simulation Enhanced by Natural Language Processing and Speech Recognition Technologies. Digital Technologies Research and Applications. Vol. 05. Iss. 01. P. 265–276. <https://doi.org/10.54963/dtra.v5i1.1964>.
17. Odinokaya M., Rubtsova A., Eremin Y., et al. (2023) Technologies for innovative potential development university students majoring in engineering. In International Conference on Professional Culture of the Specialist of Future; Springer Nature: Cham, Switzerland, pp. 270–296.
18. Olayiwola-Adedola T.O., Naidoo S. (2026) Teachers' Emotional Competence and Its Influence on Learner's Psychosocial Well-Being: A Systematic Review. MDPI Education Sciences 16 (7):1004.
19. Safina M.S. (2014) Formation Socio-cultural Competence in Foreign Language Teaching. Procedia-Soc. Behav. Sci., 136, 80–83.

© Корнакова Екатерина Сергеевна (ammiaek@inbox.ru), Тутова Екатерина Владимировна (Tutova_ev@rudn.ru),
Щеглова Валентина Михайловна (Valentina_sheglova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ В СТРУКТУРЕ ЦЕЛЕЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Левицкая Ирина Александровна

кандидат педагогических наук, доцент,
Кемеровский государственный университет
levitskaya_ia@mail.ru

THE FORMATION OF SOCIAL RESPONSIBILITY AMONG FUTURE TEACHERS WITHIN THE FRAMEWORK OF THE GOALS OF PEDAGOGICAL EDUCATION

I. Levitskaya

Summary: The article analyzes the place and role of social responsibility in the hierarchy of goals of modern pedagogical education. The aim of this article is to analyze how the social responsibility of a future teacher is represented (and should be represented) in the structure of the goals of pedagogical education, and to propose ways to address the identified shortcomings. Based on a comparative analysis of legislative and local regulations in the areas of pedagogical training and scientific approaches (competence, axiological, activity-based), an imbalance has been revealed: social responsibility is declared as the most important goal, but in the structure of competencies and planned learning outcomes it is presented fragmentarily, mostly implicitly. The article examines the problem of integrating the task of fostering social responsibility in future teachers into the core educational program of the consolidated group 44.03.01 "Pedagogical Education". It has been revealed that fostering social responsibility in future teachers requires a special content framework that goes beyond the traditional courses in pedagogy and psychology. The study results propose options for including social responsibility in the target block of the core educational program as a separate meta-competence with specific indicators as part of an empirical test of the study's key provisions at Kemerovo State University.

Keywords: social responsibility of a teacher, goals of teacher education, professional standard, professional competencies of a teacher.

Аннотация: В статье анализируется место и роль социальной ответственности в иерархии целей современного педагогического образования. Цель данной статьи – проанализировать, как социальная ответственность будущего педагога представлена (и должна быть представлена) в структуре целей педагогического образования, и предложить пути устранения выявленных дефицитов. На основе сопоставительного анализа законодательных и локальных нормативных актов направлений педагогической подготовки и научных подходов (компетентностного, аксиологического, деятельностного) выявлен дисбаланс: социальная ответственность декларируется как важная цель, но в структуре компетенций и планируемых результатов обучения она представлена фрагментарно, преимущественно имплицитно. В статье рассматривается проблема интеграции задачи формирования социальной ответственности будущих педагогов в основную образовательную программу укрупненной группы 44.03.01 «Педагогическое образование». Выявлено, что формирование социальной ответственности будущих педагогов требует специального содержательного наполнения, выходящего за рамки традиционных курсов педагогики и психологии. Результатом исследования предлагаются варианты включения социальной ответственности в целевой блок основной образовательной программы в виде отдельной мета-компетенции с конкретными индикаторами в рамках эмпирической проверки основных положений исследования на базе Кемеровского государственного университета.

Ключевые слова: социальная ответственность педагога, цели педагогического образования, профессиональный стандарт, профессиональные компетенции педагога.

Трансформация российского образования в последнее десятилетие сопровождается ростом ожиданий общества в адрес учителя. От педагога сегодня требуется не только предметная и методическая подготовка, но и способность действовать в ситуациях неопределенности, брать на себя ответственность за жизнь, здоровье и благополучие детей, за результаты воспитания, за психологический климат в классе. Эти ожидания нашли отражение в Профессиональном стандарте «Педагог» (2013, ред. 2021) и в обновленных ФГОС ВО [5].

Профессиональная подготовка будущего педагога

регулярно трансформируется в соответствии с актуальными задачами, внешними и внутренними факторами, влияющими на систему высшего и высшего педагогического образования. Перед профессиональным педагогическим сообществом встал вопрос: как обеспечить общность принципов подготовки учителей, способных в будущем обеспечить качественное образование и воспитание подрастающего поколения? «Ядро высшего педагогического образования» стало первым и на данный момент единственным документом, отражающим конкретное содержание подготовки по программам педагогического образования [3].

Документом, обобщающим перечень профессиональных компетенций учителя в современных условиях, является Профстандарт «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)», разработанный Минтруда России. Основная цель профессиональной деятельности педагога – оказание образовательных услуг по основным общеобразовательным программам. Поэтому в Профстандарт педагога включены следующие виды обобщенных трудовых функций: педагогическая деятельность по проектированию и реализации образовательного процесса в ОО, реализующих образовательные программы дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования; педагогическая деятельность по проектированию и реализации ООП [2].

Настоящее исследование направлено на определение места и роли социальной ответственности в иерархии целей современного педагогического образования. Реализуя данную цель, необходимо проанализировать, как социальная ответственность будущего педагога представлена в структуре целей педагогического образования, изучить проблему интеграции задачи формирования социальной ответственности будущих педагогов в основную образовательную программу (ООП) укрупненной группы 44.03.01 «Педагогическое образование» и предложить пути устранения выявленных дефицитов. Конкретизируя, цель включает анализ нормативно-правовой базы (включая ФГОС ВО), с целью выявления степени включения компетенции «социальная ответственность» в образовательные программы; выявление пробелов в теоретических и практических подходах к формированию социальной ответственности в вузах; обоснование необходимости разработки целостной педагогической модели или концепции, направленной на развитие этого качества.

Методология и теоретические основания исследования. Исследование выполнено в рамках компетентного подхода (В.И. Байденко [4], И.А. Зимняя [6], А.В. Хуторской [9]) с дополнениями аксиологического (ценностное принятие ответственности), отраженного в работах В.А. Сластёнина и др. [8] и деятельностного (реализация ответственности в поступке) подходов, определяющего поведенческий аспект формирования социальной ответственности будущего педагога (Л.В. Занков [5], А.Н. Леонтьев [7], Д.Б. Эльконин [10] и др.).

Основные методы исследования: теоретический анализ нормативных документов, контент-анализ формулировок компетенций, моделирование.

В качестве эмпирической базы использованы: ФГОС ВО по направлению 44.03.01 Педагогическое образование (уровень бакалавриат, приказ Минобрнауки № 1211

от 22.02.2018 в действующей редакции); Профессиональный стандарт «Педагог» (Приказ Минтруда № 544н); Примерные основные образовательные программы (ПООП) 5 вузов-участников проекта «Ядро высшего педагогического образования» (МПГУ, РГПУ им. Герцена, НГПУ, ТГПУ, КФУ) и Кемеровского государственного университета, на базе которого проводилась эмпирическая проверка основных положений исследования.

Педагогический смысл социальной ответственностью будущего педагога включает понимание как интегративного качества, включающего: осознание себя субъектом, чьи решения влияют на жизнь других людей (учеников, коллег, родителей); знание правовых и этических границ этой ответственности; реализацию ответственности в поступке; готовность отвечать за последствия своих профессиональных действий (и бездействия); и способность к рефлексии и коррекции поведения при обнаружении ошибок.

Однако, как показывает анализ образовательной практики, социальная ответственность как цель педагогического образования чаще всего присутствует в декларативных разделах программ (миссия, ценности), но не операционализирована в компетенциях, индикаторах и оценочных средствах. В реальной практике профессионального образования педагогов возникает разрыв между риторикой и реальным формированием данного качества.

В рамках исследования мы проанализировали целевой блок ФГОС педагогического образования [1]. Нормативный анализ проводился с целью подтвердить/опровергнуть рабочую гипотезу о недостаточности научно-методического обеспечения системного формирования социальной ответственности.

В любом ФГОС ВО цель подготовки задается через универсальные (УК), общепрофессиональные (ОПК) и профессиональные (ПК) компетенции. Анализ показывает, что прямое понятие «социальная ответственность» в перечне компетенций отсутствует. Однако оно может быть реконструировано через несколько компетенций. В табл. 1 представлены результаты проведенного анализа.

Ключевое наблюдение следующее: ФГОС не содержит слово «ответственность» в формулировках компетенций. Однако ее содержание раскрыто крайне узко и косвенно (лишь ОПК-5 можно условно переформулировать в «способность нести ответственность за результаты»). При этом не уточняется, за какие результаты (учебные, воспитательные, безопасность?), перед кем (учениками, родителями, администрацией, обществом?), в каких формах (юридической, моральной, профессиональной?). Возникает противоречие между реальностью

Таблица 1.

Компетенции ФГОС ВО 44.03.01, релевантные социальной ответственности.

Код	Формулировка (фрагмент)	Индикатор компетенции
УК-2	Способен определять круг задач в рамках поставленной цели и выбирать оптимальные способы их решения.	Предполагает ответственность за выбор и результат.
УК-3	Способен осуществлять социальное взаимодействие и реализовывать свою роль в команде.	Командная ответственность.
УК-5	Способен воспринимать межкультурное разнообразие общества.	Этическая ответственность за уважение к различиям.
УК-10	Способен формировать нетерпимое отношение к проявлениям экстремизма, терроризма.	Предполагает ответственность за гражданскую позицию.
ОПК-1	Способен осуществлять профессиональную деятельность на основе правовых и этических норм.	Непосредственно связана с моральной и правовой ответственностью.
ОПК-5	Способен осуществлять контроль и оценку формирования результатов образования обучающихся.	Косвенное указание на ответственность через результат обучения.
ОПК-8	Способен осуществлять педагогическую деятельность на основе специальных научных знаний	Непосредственно связана с профессиональной компетентностью.

педагогического процесса и необходимостью формирования профессиональных компетенций не только в рамках ФГОС.

Таким образом, цель формирования социальной ответственности задана в ФГОС имплицитно и фрагментарно. Это приводит к тому, что разработчики ООП часто либо игнорируют эту цель, либо декларируют ее в «миссии» и «ценностях» без перевода в измеримые результаты.

Далее мы проанализировали Профессиональный стандарт как источник целевых установок формирования социальной ответственности будущих педагогов [2]. Профстандарт «Педагог» содержит описание трудовых функций, среди которых есть требования, прямо указывающие на социальную ответственность:

- Трудовая функция А/01.6 (Общепедагогическая функция. Обучение): «Осуществление контрольно-оценочной деятельности, в том числе с использованием современных методов оценки» – ответственность за объективность оценки.
- Трудовая функция А/02.6 (Воспитательная деятельность): «Строить воспитательную деятельность с учетом культурных различий детей» – ответственность за инклюзивность.
- Трудовая функция В/03.6 (Развивающая деятельность): «Оказывать адресную помощь обучающимся, в том числе с ограниченными возможностями здоровья» – ответственность за уязвимые группы.

Кроме того, в разделе «Необходимые умения» перечислено: «Принимать решения в педагогических ситуациях с оценкой возможных последствий», что является прямым описанием ответственного поведения педагога.

Однако, как и в ФГОС, эти требования не сведены в единую систему – «социальная ответственность». Целевой блок педагогического образования, если опираться только на профстандарт, оказывается атомизированным: ответственность «размазана» по множеству функций, но нигде не является приоритетной.

Анализ целей в примерных ООП (ПООП) вузов-участников проекта «Ядро высшего педагогического образования» [3] проводился по трем позициям. Во-первых, мы проанализировали структуру и содержание ПООП на предмет наличия/отсутствия дисциплин, модулей, практик, формирующих ответственность будущего педагога. Во-вторых, выявлены методы и технологии, направленные на формирование готовности проявлять ответственное поведение и брать на себя обязательства (кейсы, деловые игры, социальное проектирование). Оценочные средства ПООП изучались с целью понимания, насколько измеряют ли они ответственность.

Проведенный анализ позволил сделать следующие выводы. Дисциплины (обязательная часть) чаще всего косвенно затрагивают анализируемую тему. Дисциплины «Правоведение», «Нормативно-правовые основы образования», «Основы правовой и антикоррупционной культуры» являются теоретической базой освоения знаний нормативно-правовых основ, педагогической этики, прав ребенка. «Педагогика» представлена темами «Профессиональная этика», «Педагогическая культура учителя», но без акцента на личной ответственности за ребенка; «Психология общения» — развивает эмпатию, но не переводит ее в деятельность ответственность; «Безопасность жизнедеятельности» чаще всего является формальным модулем, редко связанным с реальными школьными ситуациями. В ОПОП присутствуют модули по инклюзии, социальной педагогике, педагогической

конфликтологии, способствующие развитию ориентации на благо ученика (не правового, а морального характера), эмпатии, толерантности, умения действовать в ситуациях выбора, принятия уязвимых групп и др.

Таким образом, выявлен дефицит дисциплин, формирующих ответственность будущего педагога, нет дисциплины/темы «Социальная ответственность педагога» или встроенного модуля с практико-ориентированными кейсами (например: «Что делать, если выявлено жестокое обращение в семье ученика?»).

Далее мы проанализировали практическую подготовку будущих педагогов. ФГОС включает следующие виды практической подготовки: учебная (ознакомительная, научно-исследовательская, технологическая (проектно-технологическая) практика), производственная (педагогическая, педагогическая вожатская, научно-исследовательская работа) практика. Практики мы рассматриваем как ключевое звено формирования социальной ответственности, однако ответственность формируется только при условии рефлексии и ситуативных задач. В большинстве ООП практикант выступает ассистентом, не принимая самостоятельных решений. Таким образом, наблюдается дефицит ситуаций профессионального характера, в которых проявляется готовность действовать в сложных ситуациях, брать на себя обязательства. Методической проблемой является отсутствие необходимого/обязательного элемента «Самостоятельное ведение ситуации с моральной дилеммой» (например, выбор между отчетностью и реальной помощью ученику).

Оценочные средства (ФОС), проанализированные как составная часть ОПОП, являются наиболее слабым «звеном» формирования социальной ответственности. Типичными формами контроля, представленными в РП, являются тесты, оценивающие когнитивный уровень (например, знание нормативно-правовых актов, общих опросов педагогики и психологии и др.), задания открытого характера, требующие формулировок ответов на вопросы, и позволяющие определить, насколько сформирована теоретическая база формирования социальной ответственности. Отчеты по практике (преимущественно с описанием «чему научился»), портфолио достижений (не всегда требует фиксации социально-ответственных поступков) не в полной мере позволяют оценить деятельностно-рефлексивный показатель сформированности социальной ответственности будущих педагогов. Авторы исследования выявили так называемый парадокс запроса и реализации: субъекты профессионального образования согласны, что социальная ответственность должна быть целью, но в реальных ООП она отсутствует как измеримый результат.

Проведенный анализ позволил сделать вывод: ни один из типовых ФОС прямо не измеряет поведенче-

ский компонент ответственности в моделируемых или реальных ситуациях. В исследовании выявлена проблема: в учебных планах и рабочих программах отсутствует вертикаль развития ответственности от курса к курсу, а оценка ограничивается наблюдением за поведением студента на практике.

Анализ ПООП ведущих педвузов, участников проекта «Ядро высшего педагогического образования» [3], показал следующее. В разделе «Цели программы» во всех пяти случаях присутствуют формулировки, косвенно отсылающие к социальной ответственности: «Формирование педагога-гуманиста» (МПГУ); «Воспитание учителя, готового к социальному служению» (РГПУ им. Герцена); «Подготовка конкурентоспособного педагога с активной гражданской позицией» (НГПУ). Однако в разделе «Планируемые результаты обучения» (компетенции и индикаторы) социальная ответственность конкретизируется крайне слабо. Лишь в двух программах (РГПУ им. Герцена и КФУ) удалось найти индикаторы, прямо связанные с ответственностью: «Способен анализировать последствия своих педагогических решений для благополучия ученика» (РГПУ); «Готов к самоотчету о профессиональных ошибках и их коррекции» (КФУ). В остальных трех программах индикаторы ограничиваются формальным пересказом формулировок ФГОС («способен нести ответственность за результаты» – без раскрытия, как именно это проверить). Вывод: на уровне целей образовательной программы социальная ответственность декларируется, но не операционализируется. Это ведет к тому, что в реальном учебном процессе она не формируется целенаправленно, а остается «воспитательным побочным эффектом».

Обобщая, можно выделить несколько системных противоречий в целеполагании педагогического образования относительно социальной ответственности.

1. Декларативный – Измеримый характер целей. Социальная ответственность часто включается в миссию, ценности, воспитательную концепцию, но не переведена в язык компетенций и индикаторов, пригодных для оценки.
2. ИмPLICITный - ЭкPLICITный статус. Даже там, где ответственность упоминается (ОПК-6), она не выделена в отдельную значимую цель, а растворена среди десятков других требований.
3. Юридический - Педагогический фокус. В нормативных документах ответственность понимается преимущественно как юридическая (способность отвечать перед законом и администрацией), в то время как педагогическая практика требует моральной и экзистенциальной ответственности (перед учеником и собственной совестью).

Обозначенные противоречия приводят к тому, что в реальных ООП цели формирования социальной от-

ветственности либо отсутствуют, либо формальны, либо сводятся к изучению правовых норм (когнитивный компонент), без развития поведенческого и рефлексивного компонентов.

Для включения социальной ответственности в структуру целей педагогического образования мы считаем целесообразным ввести мета-компетенцию «Социальная ответственность педагога», которая должна быть сквозной (формируется во всех модулях/разделах ООП, а не в одной дисциплине); измеримой (имеет конкретные индикаторы, операционализированные для разных этапов обучения); ценностно нагруженной (включает аксиологический компонент).

В целевом блоке ООП эта мета-компетенция может быть представлена следующим образом (табл. 2).

Встраивание предлагаемой мета-компетенции в профессиональную подготовку будущего педагога возможно несколькими путями. Во-первых, как индикатор достижений универсальной компетенции (добавление УК-х.х. в вариативную часть в структуре ОПОП ВО в соответствии с ФГОС), как индикатор достижений общепрофессиональной компетенции (добавление ОПК-х.х. в вариативную часть в структуре ОПОП ВО в соответствии с ФГОС), либо в профессиональные компетенции, установленные вузом (ПК-х.х.), как интегративный результат (раздел «Выпускник должен демонстрировать», «Планируемый результат обучения») в дополнение к компетенциям).

В рамках эмпирической проверки основных положений исследования на базе Кемеровского государственного университета был реализован вариант введения мета-компетенции «Социальная ответственность пе-

дагога» (как интегративный результат воспитания) как более реалистичный в рамках действующего ФГОС, т.к. в целевом разделе ООП можно прописать социальную ответственность как интегрированный результат воспитания, не меняя формально перечень компетенций.

Решая проблему интеграции задачи формирования социальной ответственности будущих педагогов в основную образовательную программу (ООП) укрупненной группы 44.03.01 «Педагогическое образование», необходимо отметить, что ФГОС задаёт каркас и рамки, отвечая на вопрос, какие компетенции должны быть сформированы. Конкретная программа вуза (ОПОП) детализирует, как именно эти компетенции развивать — через какие модули, дисциплины, практики, проекты и т.п. Как было обозначено ранее, термина «социальная ответственность» в тексте стандарта нет, поэтому его суть необходимо раскрывать через комплекс универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций, ориентирующих будущего педагога на осознанное, этическое и социально значимое поведение в профессии.

Разработанная в рамках исследования концепция задает стратегические ориентиры, однако ее практическая реализация требует конкретизации на уровне педагогических условий (как внешних детерминант, обеспечивающих эффективность процесса) и методов (как способов совместной деятельности преподавателя и студента, направленных на достижение цели). В контексте исследования мы рассматриваем педагогические условия не как локальные обстоятельства, а как факторное пространство, в котором происходит трансформация внешних социально-педагогических требований во внутренний план профессионального сознания будущего учителя.

Таблица 2.

Структура мета-компетенции «Социальная ответственность педагога».

Компонент	Формулировка цели	Индикаторы (1–2 курс)	Индикаторы (3–4 курс)
Когнитивный	Знает правовые и этические границы своей ответственности.	Перечисляет ситуации, в которых педагог обязан сообщить в опеку; называет содержание соответствующей статьи УК/КоАП.	Анализирует сложный кейс с отсылкой к минимум трем нормативным актам.
Ценностно-мотивационный	Принимает ответственность как ценность профессии.	В эссе обосновывает, почему ответственность важнее контроля.	В ролевой игре демонстрирует готовность отвечать за ошибку.
Эмоционально-волевой	Способен сохранять самообладание и проявлять эмпатию в сложных, неопределённых ситуациях, требующих принятия ответственности.	Ситуационная задача с открытым финалом решается с эмпатийной включенностью.	Осуществляет самостоятельное ведение ситуации с моральной дилеммой.
Рефлексивный	Анализирует последствия своих действий и корректирует поведение.	Ведет дневник, фиксируя «за что я сегодня взял ответственность».	Публично защищает отчет «Мои ошибки и уроки».
Поведенческий	Действует ответственно в реальных/моделируемых ситуациях.	Выполняет социальный проект с фиксацией личного вклада.	В подпрактике самостоятельно инициирует решение проблемы ученика.

Проведенный в ходе экспериментальной проверки комплекс мероприятий включал некоторые особенности реализации. Во-первых, включенный в рабочую программу воспитания модуль «Ответственность педагога как ценность» реализуется через кураторские часы, встречи с практикующими учителями и анализ реальных случаев. Кроме того, добавление в раздел «Цели программы» формулировки «формирование социально ответственного педагога, готового к принятию решений в ситуациях морального выбора, несущего личную ответственность за благополучие и развитие каждого ученика» и включение отдельных тем в дисциплины «Педагогика» (раздел «Теория воспитания»), «Профессиональная этика педагога», «Психолого-педагогический практикум по решению профессиональных задач» позволяет расширить и углубить компетенции, установленные стандартом.

Во-вторых, в планируемые результаты (компетенции) внесены следующие индикаторы в описание ОПК (или иной релевантной компетенции):

- анализирует возможные последствия своих педагогических действий для ученика;
- инициирует помощь ученику в ситуации риска, не перекладывая ответственность на других;
- фиксирует и анализирует собственные профессиональные ошибки.

В-третьих, в фонд оценочных средств добавлены задания, проверяющие именно ответственное поведение

(ситуационные кейсы с открытым финалом, рефлексивные дневники, социальные проекты).

Современный профессиональный стандарт педагога и ФГОС ВО 3++ требуют от выпускника не только предметных и методических знаний, но и готовности отвечать за результаты воспитания, жизнь и здоровье детей, принимать решения в ситуациях морального выбора. Однако, как показывает анализ ООП ведущих педагогических вузов, формирование социальной ответственности часто остается декларируемой ценностью, не подкрепленной системным методическим инструментарием.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что социальная ответственность будущего педагога не является в настоящее время системно встроенной в структуру целей педагогического образования. При ее высокой декларативной значимости она остается имплицитной, фрагментарной и слабо операционализированной в ФГОС, профстандарте и примерных ООП.

Для преодоления этого разрыва предлагается ввести мета-компетенцию «Социальная ответственность педагога» (как интегративный результат воспитания); конкретизировать ее через когнитивный, ценностный, поведенческий и рефлексивный компоненты с измеримыми индикаторами; обеспечить целенаправленное формирование через кейс-метод, социальные проекты (например, в рамках обучения служением) и рефлексивные практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования - бакалавриат по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование. Приказ Министерства образования и науки РФ от 22.02.2018 N 121 "Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования - бакалавриат по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование" (с изменениями и дополнениями) <https://base.garant.ru/71897858/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/>
2. Профессиональный стандарт «Педагог» (утв. Приказом Минтруда № 544н). Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 18.10.2013 N 544н "Об утверждении профессионального стандарта "Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)" (с изменениями и дополнениями) <https://base.garant.ru/70535556/>
3. Аналитические материалы проекта «Ядро высшего педагогического образования» (МПГУ, РГПУ им. Герцена, 2022–2024) – URL: <https://mpgu.ru/postuplenie/pilot/preimushhestvo-programm-pilotnogo/> (дата обращения: 20.07.2026).
4. Байденко В.И. Компетенции в профессиональном образовании (к освоению компетентностного подхода) // Высшее образование в России. 2004. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompetentsii-v-professionalnom-obrazovanii-k-osvoeniyu-kompetentnostnogo-podhoda> (дата обращения: 07.08.2026).
5. Занков Л.В. Обучение и развитие / Л.В. Занков. М.: Педагогика, 1975.
6. Зимняя И.А. Ключевые компетенции - новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. 2003. № 5. С. 34–44
7. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. / А.Н.Леонтьев. М.: Политиздат, 1975. 303 с.
8. Сластенин В.А. Педагогика. Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В.А. Сластенин, И.Ф. Исаев, Е.Н. Шиянов; Под ред. В.А. Сластенина. М.: Издательский центр "Академия", 2002. 576 с.
9. Хуторской А.В. Компетентный подход в обучении. Научно-методическое пособие. М.: Издательство «Эйдос»; Издательство Института образования человека, 2013. 73 с.
10. Эльконин Д. Психология игры / Д.Б. Эльконин. Москва: Советский учебник, 2025. 384 с.

© Левицкая Ирина Александровна (levitskaya_ia@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КРИТЕРИИ И УРОВНИ СФОРМИРОВАННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ КАК ФАКТОРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Маевская Ольга Николаевна

Аспирант, ФГБОУ ВО Азовский государственный
педагогический университет им. П.Д. Осипенко

lelya.mayevskaya@mail.ru

CRITERIA AND LEVELS OF ECONOMIC CULTURE DEVELOPMENT IN STUDENTS OF PEDAGOGICAL SPECIALTIES AS FACTORS OF PROFESSIONAL MOBILITY

О. Mayevskaya

Summary: The article discusses the problem of forming the economic culture of students of pedagogical specialties as a factor of their professional mobility in modern socio-economic conditions. The author's system of criteria is substantiated, and three levels of economic culture formation are identified. A positive trend of students' transition from the basic level to the productive and creative levels was established based on the results of the formative stage of the study. It is concluded that a high level of economic culture is a significant factor in the professional mobility of future teachers, expanding their opportunities for adaptation in the labor market and in their teaching activities. The scientific novelty lies in substantiating the relationship between the levels of economic culture and the indicators of professional mobility among students of a pedagogical university.

Keywords: economic culture, professional mobility, students of pedagogical specialties, criteria of formation, levels of economic culture, pedagogical experiment, future teacher.

Аннотация: В статье рассматривается проблема формирования экономической культуры студентов педагогических специальностей как фактора их профессиональной мобильности в современных социально-экономических условиях. Обоснована авторская система критериев и выделены три уровня сформированности экономической культуры. Установлена положительная динамика перехода обучающихся с базового уровня на продуктивный и креативный по итогам формирующего этапа исследования. Сделан вывод о том, что высокий уровень экономической культуры выступает значимым фактором профессиональной мобильности будущего педагога, расширяющим его возможности адаптации на рынке труда и в педагогической деятельности. Научная новизна заключается в обосновании связи между уровнями экономической культуры и показателями профессиональной мобильности студентов педагогического вуза.

Ключевые слова: экономическая культура, профессиональная мобильность, студенты педагогических специальностей, критерии сформированности, уровни экономической культуры, педагогический эксперимент, будущий учитель.

Введение

Современный этап развития российского общества характеризуется существенными трансформациями в сфере экономики, труда и образования. Цифровизация, изменение структуры рынка труда, появление новых профессиональных стандартов — всё это предъявляет к выпускникам педагогических вузов качественно новые требования. Сегодня учитель — это уже не просто транслятор предметных знаний, но и активный участник социально-экономических отношений, способный принимать взвешенные финансовые решения, рационально распределять ресурсы и формировать соответствующие компетенции у своих учеников. В этих условиях экономическая культура будущего педагога перестаёт быть факультативной характеристикой и превращается в значимый фактор его профессиональ-

ной мобильности.

Проблема экономической культуры личности привлекает внимание исследователей уже не одно десятилетие. В трудах С. Мамлеева, А.Ш. Досбенбетовой, Т.И. Катковой экономическая культура рассматривается как сложное интегративное образование, включающее систему знаний, ценностных ориентаций и моделей поведения личности в экономической сфере [1; 2; 3]. Профессиональная мобильность, в свою очередь, активно изучается в работах Н.Н. Демиденко, С.С. Моллаевой, К.С. Крючковой, А.А. Вербицкого, которые подчёркивают её связь с адаптивностью, компетентностью и способностью к непрерывному профессиональному развитию [4; 5; 6; 7].

Однако, несмотря на накопленный научный задел,

остаётся недостаточно изученным вопрос о том, как именно уровни сформированности экономической культуры влияют на профессиональную мобильность будущих учителей. Существующие исследования, как правило, рассматривают эти феномены отдельно: либо диагностируется экономическая культура (А. Гурванбердиева, А., О. Гонина) [8; 9], либо анализируется профессиональная мобильность педагогов (М.В. Долматов, А.В. Хуторской) [10; 11]. Связующее звено между этими понятиями в педагогической науке обозначено пока фрагментарно.

Целью настоящего исследования выступает теоретическое обоснование и экспериментальная проверка системы критериев и уровней сформированности экономической культуры студентов педагогических специальностей, а также выявление её влияния на показатели профессиональной мобильности.

Научная новизна исследования состоит в обосновании авторской системы критериев и уровней сформированности экономической культуры студентов педагогических специальностей, а также в выявлении эмпирически подтверждённой связи между уровнями данной культуры и показателями профессиональной мобильности будущих учителей.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили системный, компетентностный и личностно-ориентированный подходы (А.В. Хуторской, И.Н. Александрова) [11; 12]. Для решения поставленных задач применялся комплекс взаимодополняющих методов.

Теоретические методы (анализ, синтез, сравнение, обобщение) были использованы при изучении научной литературы, уточнении понятийного аппарата и построении авторской модели. Эмпирические методы включали педагогический эксперимент (констатирующий и формирующий этапы), анкетирование, тестирование, экспертную оценку, анализ продуктов деятельности студентов. Для обработки полученных данных применялись методы математической статистики (расчёт средних значений, процентных соотношений, критерий Стьюдента).

Исследование проводилось на базе ФГБОУ ВО «Азовский государственный педагогический университет им. П.Д. Осипенко» в течение 2023–2026 учебного года. В эксперименте приняли участие 90 студентов 1–3 курсов педагогических специальностей. Выборка была разделена на контрольную (45 человек) и экспериментальную (45 человек) группы, сопоставимые по исходным характеристикам.

На констатирующем этапе проводился входной срез

сформированности экономической культуры с использованием авторских диагностических методик. На формирующем этапе в экспериментальной группе была реализована система педагогических условий, включавшая внедрение элементов контекстного обучения (по А.А. Вербицкому) [7], кейс-технологий, проектной деятельности и экономических деловых игр. Контрольная группа обучалась по традиционной программе. По итогам формирующего этапа был проведён контрольный срез.

Результаты исследования

Теоретический анализ позволил нам определить экономическую культуру студента педагогического вуза как интегративное личностное образование, которое проявляется в системе экономических знаний, ценностных ориентаций, моделей поведения и способности к рефлексии собственной экономической деятельности. Исходя из данного определения, мы обосновали четыре критерия сформированности экономической культуры.

Когнитивный критерий отражает объём и глубину экономических знаний студента, владение понятийным аппаратом, способность анализировать экономические явления и процессы. Данный критерий согласуется с позицией Т.И. Катковой, подчёркивающей, что экономическая грамотность является базой для формирования экономической культуры будущего педагога [3].

Ценностно-мотивационный критерий характеризует систему экономических ценностей, установок и мотивов личности, её отношение к труду, ресурсам, финансовой ответственности. Как отмечают С. Мамлеев и А. Ш. Досбенбетова, именно ценностный компонент определяет, насколько экономические знания становятся частью внутренней позиции личности [1; 2].

Деятельностный критерий проявляется в способности студента применять экономические знания в реальных и смоделированных ситуациях: планировать бюджет, распределять ресурсы, принимать экономически обоснованные решения, организовывать соответствующие образовательные ситуации для будущих учеников. Этот критерий перекликается с идеями Н.Н. Демиденко о том, что профессионализм педагога проявляется именно в практической плоскости [4].

Рефлексивный критерий характеризует способность студента к осмыслению собственной экономической деятельности, анализу принятых решений, самооценке и корректировке экономического поведения. Данный критерий опирается на положения С.С. Моллаевой о рефлексии как важнейшем компоненте профессионального развития педагога [5].

На основе выделенных критериев нами были опре-

Таблица 1.

Уровни сформированности экономической культуры студентов педагогических специальностей.

Уровень	Когнитивный критерий	Ценностно-мотивационный критерий	Деятельностный критерий	Рефлексивный критерий
Базовый	Знания фрагментарные, владение терминологией слабое	Ценностные установки неустойчивые, ситуативное отношение к ресурсам	Обучающийся принимает знания только по образцу, нестандартные задачи избегает	Необходимость во внешнем контроле, не способен к самооценке
Продуктивный	Имеет системные знания, уверенно владеет терминологией	Имеет устойчивые ценностные установки, показывает осознанное отношение к ресурсам	Самостоятельно применяет знания в типовых ситуациях	Адекватная самооценка, способен анализировать самостоятельно типовые ситуации
Креативный	Показывает глубокие знания, способен анализировать нестандартные ситуации	Имеет твёрдые убеждения, активная жизненная позиция	Способен творчески применить полученные знания, способен моделировать новые профессиональные ситуации	Развития рефлексия, проявляет способность к саморазвитию

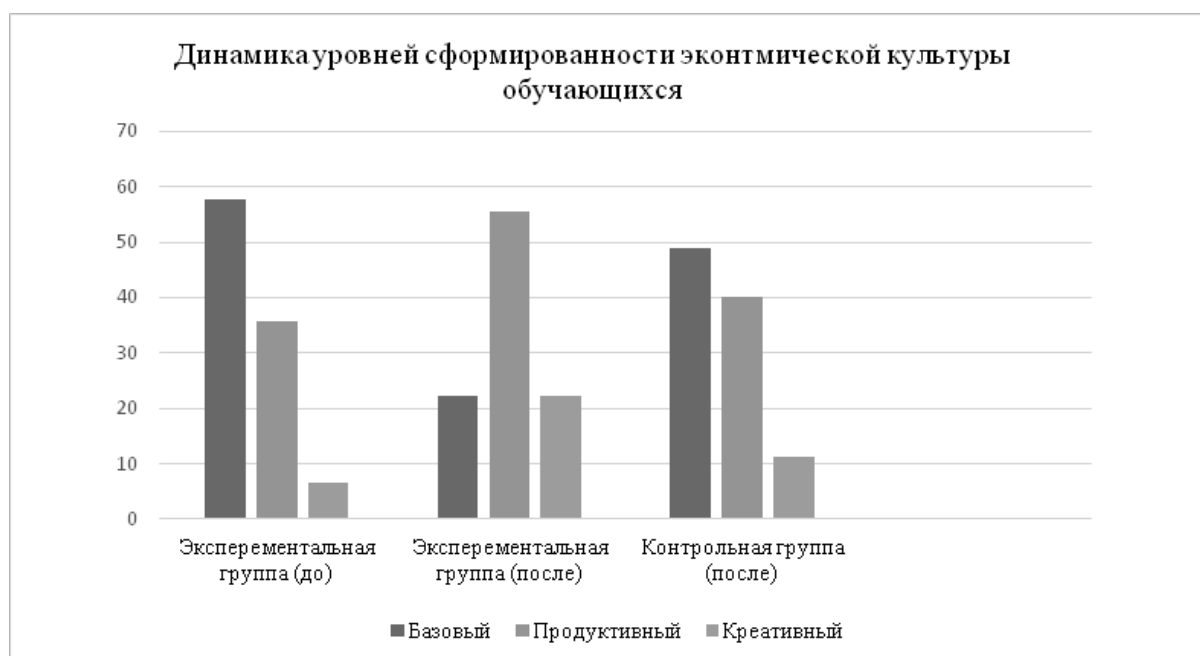

Рис. 1. Динамика уровней сформированности экономической культуры студентов (в %).

делены три уровня сформированности экономической культуры студентов: базовый, продуктивный и креативный. Их краткая характеристика представлена в таблице 1.

Проведённый на констатирующем этапе педагогического эксперимента входной срез показал, что исходное распределение студентов по уровням в экспериментальной и контрольной группах было практически идентичным. Так, в экспериментальной группе базовый уровень выявлен у 57,8 % студентов, продуктивный — у 35,6 %, креативный — лишь у 6,6 %. В контрольной группе показатели составили 57,8 %, 35,5 % и 6,7 % соответственно.

Различия статистически не значимы ($p > 0,05$), что подтверждает сопоставимость групп.

На формирующем этапе в экспериментальной группе была реализована система педагогических условий, включавшая: интеграцию экономического содержания в дисциплины профессионального цикла; использование кейс-технологий, моделирующих реальные экономические и педагогические ситуации; проведение экономических деловых игр и тренингов; систематическую рефлекссию экономической деятельности студентов. В контрольной группе обучение велось по традиционной рабочей программе.

По итогам формирующего этапа был проведён контрольный срез. Полученные данные представлены на рисунке 1.

Как видно из представленных данных, в экспери-

ментальной группе наблюдается существенная положительная динамика. Доля студентов с базовым уровнем сократилась с 57,8 % до 22,2 %, тогда как доля студентов с продуктивным уровнем возросла с 35,6 % до 55,6 %, а с креативным увеличилась с 6,6 % до 22,2 %. В контрольной группе изменения оказались значительно менее выраженными: базовый уровень составил 48,9 %, а креативный 11,1 %. Различия между экспериментальной и контрольной группами по итогам эксперимента статистически значимы ($p < 0,01$).

Особый интерес представлял анализ связи между уровнями сформированности экономической культуры и показателями профессиональной мобильности студентов. Под профессиональной мобильностью мы вслед за К.С. Крючковой, понимаем способность будущего специалиста к адаптации в изменяющихся условиях труда, готовность к освоению новых функций и гибкому реагированию на требования рынка труда [6]. Для оценки профессиональной мобильности использовались адаптированные методики Н.Н. Демиденко и С.С. Моллаевой, [4; 5].

Результаты корреляционного анализа показали, что между уровнем сформированности экономической культуры и показателями профессиональной мобильности существует достоверная положительная связь (коэффициент корреляции Спирмена $r = 0,67$, $p < 0,01$). Студенты, достигшие креативного уровня экономической культуры, демонстрировали значительно более высокие показатели по шкалам «готовность к изменению видов деятельности», «способность к освоению новых компетенций» и «адаптивность в профессиональной среде».

Обсуждение

Полученные результаты в целом согласуются с выводами ряда современных исследователей, однако имеют ряд особенностей, что позволяет говорить о научной новизне проведённой работы. Так, Т.И. Каткова в своих исследованиях отмечает, что экономическая культура будущего педагога формируется преимущественно через когнитивный компонент [3]. Наши данные подтверждают важность когнитивного критерия, однако показывают, что без опоры на ценностно-мотивационный и деятельностный компоненты переход студентов на более высокие уровни оказывается затруднённым. Это близко к выводам А.Ш. Досбенбетова о том, что экономическая культура не сводится к сумме знаний, а представляет собой целостное личностное образование [2].

Результаты корреляционного анализа также находят подтверждение в работах А.А. Вербицкого, который подчёркивает, что контекстное обучение, связывающее теоретические знания с будущей профессиональной деятельностью, существенно повышает профессиональную

мобильность студентов [7]. Наша работа конкретизирует этот вывод: именно экономическая культура, сформированная на продуктивном и креативном уровнях, выступает тем ресурсом, который расширяет адаптационные возможности будущего педагога.

Вместе с тем следует отметить, что в контрольной группе, где обучение велось по традиционной программе, также наблюдалась определённая положительная динамика (снижение доли студентов с базовым уровнем с 57,8 % до 48,9 %). Это, на наш взгляд, объясняется естественным процессом взросления студентов, расширением их жизненного опыта и общим повышением интереса к экономической тематике в обществе. Однако масштаб этих изменений несопоставим с результатами экспериментальной группы, что подтверждает эффективность реализованной нами системы педагогических условий.

Определённым ограничением исследования можно считать относительно небольшой объём выборки (90 человек) и ограниченность исследования рамками одного педагогического вуза. Дальнейшие исследования могли бы быть направлены на проверку выявленных закономерностей в более широкой выборке, а также на изучение долгосрочных эффектов сформированной экономической культуры уже в реальной педагогической деятельности выпускников.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, экономическая культура студентов педагогических специальностей представляет собой сложное интегративное образование, которое может быть охарактеризовано через систему из четырёх критериев: когнитивного, ценностно-мотивационного, деятельностного и рефлексивного. Каждый из этих критериев раскрывается через систему показателей и позволяет достаточно точно диагностировать уровень сформированности экономической культуры.

Во-вторых, выделенные три уровня сформированности экономической культуры (базовый, продуктивный, креативный) дают возможность не только констатировать наличие или отсутствие определённых качеств, но и отслеживать динамику их развития, а также проектировать индивидуальную образовательную траекторию студента.

В-третьих, результаты педагогического эксперимента подтвердили, что целенаправленная реализация системы педагогических условий (интеграция экономического содержания в профессиональные дисциплины, кейс-технологии, проектная деятельность, деловые игры,

рефлексия) обеспечивает достоверный рост показателей сформированности экономической культуры у студентов.

В-четвёртых, установлено, что уровень сформированности экономической культуры является значимым фактором профессиональной мобильности будущего педагога. Студенты с высоким уровнем экономической культуры демонстрируют большую готовность к освоению новых функций, адаптацию в изменяющихся условиях труда и способность к непрерывному профессиональному развитию.

Научная новизна исследования заключается в обо-

сновании авторской системы критериев и уровней сформированности экономической культуры студентов педагогических специальностей, а также в эмпирически подтверждённой связи между уровнями данной культуры и показателями профессиональной мобильности будущих учителей.

Практическая значимость работы состоит в том, что разработанная система критериев и уровней может быть использована преподавателями педагогических вузов при проектировании образовательных программ, а также при организации мониторинга сформированности экономической культуры обучающихся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мамлеев С. Экономическая культура личности как предмет научно-педагогического исследования / С. Мамлеев // Сибирский педагогический журнал. — 2007. — № 10. — С. 210–214. — EDN PXMJNH.
2. Досбенбетова А.Ш. Особенности подготовки учителей к реализации задач формирования экономической культуры школьников / А.Ш. Досбенбетова // Казанский педагогический журнал. — 2012. — № 2(92). — С. 174–181. — EDN PZNAIX.
3. Каткова Т.И. Особенности формирования экономической культуры у студентов педагогических специальностей / Т.И. Каткова, О.Н. Маевская // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. — 2024. — № 12–2. — С. 92–95.
4. Демиденко Н.Н. Психология профессионализма: мотивационно-компетентностный подход: концептуальные положения, принципы, модели / Н.Н. Демиденко. — Тверь: Тверской государственный университет, 2021. — 192 с. — ISBN 978-5-7609-1635-8. — EDN MQQMDG.
5. Моллаева С.С. Психология профессионального развития педагога: ключевые аспекты и подходы / С.С. Моллаева // Психология и образование: опыт, перспективы, инновации: материалы V Всероссийского форума с международным участием, Нальчик, 04–07 октября 2023 года. — Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, 2024. — С. 168–170. — EDN OPBLXB.
6. Крючкова К.С. Готовность обучающихся в системе непрерывного педагогического образования к виртуальной академической мобильности / К.С. Крючкова // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. — 2020. — № 1(42). — С. 82–92. — EDN IBVDGG.
7. Вербицкий А.А. Теория и технологии контекстного образования / А.А. Вербицкий; Московский педагогический государственный университет. — Москва: Московский педагогический государственный университет, 2017. — 268 с. — ISBN 978-5-4263-0384-3.
8. Гурванбердиева А. образование в экономике и экономика образования / А. Гурванбердиева // Матрица научного познания. — 2024. — № 10–1. — С. 193–197.
9. Гонина О.О. Моделирование результатов образования по основной образовательной программе высшего образования на основе компетентностного подхода / О.О. Гонина // Бизнес и дизайн ревю. — 2021. — № 1(21). — С. 15.
10. Долматов М.В. Сущность и соотношение понятий "компетенция" и "компетентность" / М.В. Долматов // Управление устойчивым развитием. — 2018. — № 4(17). — С. 99–102.
11. Хуторской А.В. Метапредметное содержание и ключевые компетенции в образовательных стандартах. Доклад 2002 года / А.В. Хуторской // Вестник Института образования человека. — 2023. — № 2.
12. Александрова И.Н. Технология личностно-ориентированного дидактического обеспечения / И.Н. Александрова // Инновации и традиции в современном образовании: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 25 марта 2016 года / НОУ «Профессиональная наука»; Редакторы: Н.А. Краснова, Т.Н. Плесканюк. — Нижний Новгород: Индивидуальный предприниматель Краснова Наталья Александровна, 2016. — С. 42–54.

© Маевская Ольга Николаевна (lelya.mayevskaya@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РИФМА КАК МНЕМОНИЧЕСКИЙ ПРИЕМ В ОБУЧЕНИИ АНАТОМИИ ЧЕЛОВЕКА

RHYME AS A MNEMONIC TECHNIQUE IN TEACHING HUMAN ANATOMY

O. Murashov
N. Bugero
O. Starynina
D. Yakimova
E. Matveeva

Summary: The article considers rhyme as a verbal mnemonic technique used in teaching human anatomy to medical students. The aim of the study is to develop new rhymed techniques for memorizing the most difficult sections of anatomy and to test their effectiveness in a pedagogical experiment. The theoretical basis includes works by Russian researchers devoted to mnemonics, strategies of information encoding and decoding, and the use of rhymed texts in educational practice. In addition, foreign experience in applying mnemonics in anatomy was taken into account. The research methodology included literature analysis, pedagogical modeling, development of original rhymed texts, formative experiment, and final knowledge assessment. The experiment involved 60 students divided into control and experimental groups. The results showed that the experimental group achieved a higher coefficient of correct reproduction of educational information than the control group, which confirms the effectiveness of rhymed coding of material. The practical significance of the work lies in the possibility of using the proposed techniques in lectures, practical classes, and independent student study.

Keywords: rhyme, mnemonics, human anatomy, memorization, pedagogical experiment, medical education, mnemonic learning.

Мурашов Олег Васильевич

Старший преподаватель,
ФГБОУ ВО Псковский государственный университет
ps60rus@mail.ru

Бугеро Нина Владимировна

Доктор биологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО Псковский государственный университет
bugero@mail.ru

Старынина Ольга Михайловна

Старший преподаватель,
ФГБОУ ВО Псковский государственный университет
starynina.o@pskgu.ru

Якимова Дарья Вячеславовна

ФГБОУ ВО Псковский государственный университет
darya.ybugero@mail.ru

Матвеева Екатерина Дмитриевна

ФГБОУ ВО Псковский государственный университет
ekaterinadmitrievna2020@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается рифма как вербальный мнемонический прием, применяемый в обучении анатомии человека студентов медицинского профиля. Цель исследования состоит в разработке новых рифмованных приемов для запоминания наиболее трудных разделов анатомии и в проверке их эффективности в педагогическом эксперименте. В качестве теоретической базы использованы работы отечественных исследователей, посвященные мнемотехнике, стратегиям кодирования и декодирования информации, а также использованию рифмованных текстов в образовательной практике. Дополнительно учтен зарубежный опыт применения мнемоник в анатомии. Методика исследования включала анализ литературы, педагогическое моделирование, разработку авторских рифмованных текстов, формирующий эксперимент и итоговый контроль знаний. В эксперименте участвовали 60 студентов, разделенных на контрольную и экспериментальную группы. Результаты показали, что в экспериментальной группе коэффициент правильного воспроизведения учебной информации оказался выше, чем в контрольной группе, что подтверждает эффективность рифмованного кодирования материала. Практическая значимость работы состоит в том, что предложенные приемы могут быть использованы на лекциях, практических занятиях и при самостоятельной подготовке студентов.

Ключевые слова: рифма, мнемоника, анатомия человека, запоминание, педагогический эксперимент, медицинское образование, мнемоническое обучение.

Анатомия человека остается одной из наиболее сложных дисциплин в системе медицинского образования. Ее изучение требует не только понимания структуры органов и систем, но и прочного запоминания большого объема терминов, топографических ориентиров, последовательностей ветвления сосудов и нервов, а также пространственных отношений между анатомическими образованиями. Именно поэтому в ме-

тодике преподавания анатомии постоянно возникает вопрос о таких способах обучения, которые позволяют сделать информацию более доступной, осмысленной и долговечной в памяти.

Одним из наиболее продуктивных путей решения этой задачи является мнемотехника. В отечественной педагогической литературе мнемоническое обучение

рассматривается как особая форма смыслового кодирования информации. Т.А. Гридина указывает, что «стратегии кодирования и декодирования при запоминании позволяют не просто удерживать материал в памяти, но и реконструировать его в нужной форме при воспроизведении» [1, с. 130]. О.В. Мурашов, исследуя мнемоническое обучение анатомии человека, подчеркивает, что «эффективность таких приемов возрастает, когда учебный материал переводится в удобную для памяти форму – рифму, образ, ассоциацию или схему» [3, с. 129].

Особая роль принадлежит вербальным мнемотехникам. Т.П. Жуйкова и С.В. Селигеева, рассматривая составление рифмованных текстов как средство развития связной речи, фактически показывают универсальность рифмованной формы как инструмента организации информации [2, с. 129]. В работах А.А. Червяковой и В.В. Лоренц рифма описывается «как средство формирования лексических навыков, а значит, как способ структурирования и закрепления словесного материала» [5, с. 161]. Следовательно, рифма может быть перенесена и в сферу медицинского образования, где требуется не художественная выразительность сама по себе, а точная и удобная для воспроизведения форма анатомических сведений.

Зарубежные исследования подтверждают этот подход. T.V. Khmara и A.B. Khmara показали, что «использование мнемоник, особенно рифмованных, улучшает запоминание анатомического материала студентами медицинского вуза» [6, с. 220]. Claire F. Smith и Scott Border обращают внимание на то, что рифма облегчает запоминание черепных нервов и может служить эффективным учебным инструментом [7]. Zhai Tianjun, Quan Honglei, Chen Yeping и Feng Wei описывают мнемонические приемы для изучения периферической нервной системы, опирающиеся на сочетание текстовых и визуальных опор [8]. Автор научных работ Л. М. Сухорукова рассматривает мнемотехники «как практическое средство помощи студентам-медикам в освоении больших объемов терминологической информации» [4, с. 67].

В связи с этим актуальным становится вопрос о разработке новых, методически выверенных рифмованных мнемоник для изучения анатомии человека, а также о проверке их эффективности в условиях педагогического эксперимента. В настоящей статье представлена попытка данную задачу.

Исследование проводилось в несколько этапов. На первом этапе выполнен анализ отечественной и зарубежной литературы, посвященной мнемотехнике, риф-

мованному кодированию, ассоциативным механизмам памяти и использованию вербальных опор в учебном процессе. Особое внимание уделялось работам, в которых мнемоника рассматривалась не как вспомогательная развлекательная форма, а как когнитивный механизм переработки и воспроизведения информации.

На втором этапе были разработаны новые рифмованные мнемонические тексты, предназначенные для запоминания трудных разделов анатомии человека. При создании текстов учитывались следующие требования: краткость и ритмичность; прозрачная связь между словом-подсказкой и анатомическим термином; возможность визуализации сюжета; отсутствие перегруженности сложными словами; соответствие рифмованной формы логике учебного материала.

На третьем этапе проведен педагогический эксперимент. В нем участвовали 60 студентов первого курса медицинского факультета, изучавших анатомию человека. Студенты были разделены на две группы: контрольную и экспериментальную, по 30 человек в каждой. В контрольной группе обучение строилось в традиционной форме: объяснение материала, повторение терминов, конспектирование и устный опрос. В экспериментальной группе в процессе самостоятельной подготовки и на занятиях систематически использовались авторские рифмованные мнемоники.

Для оценки эффективности применялись входной и итоговый контроль знаний, включавшие тестирование, воспроизведение терминов, по опорным словам, и задания на восстановление последовательностей анатомических структур. Основным показателем служил процент правильных ответов.

В ходе исследования были разработаны рифмованные мнемонические тексты, строго соотнесенные с конкретными анатомическими темами. Такой подход позволил превратить рифму из общей образной формы в точный дидактический инструмент, в котором каждое опорное слово выполняет функцию подсказки для воспроизведения определенного термина, порядка терминов или группы анатомических образований.

Для запоминания двенадцати пар черепных нервов был использован следующий рифмованный текст:

Оля зря гнала бобров,
Тётя фликала без слов.
Яша буйно дул в трубу,
Дядя пел про лунную тропу.

Рис. 1. Мнемотический прием

Данный текст построен по принципу поэлементного кодирования, при котором каждое ключевое слово связано с определенной парой черепных нервов. В этой мнемонике Оля соответствует обонятельному нерву, зря – зрительному, гнала – глазодвигательному, бобров – блоковому, тётя – тройничному, фликала – отводящему, без – лицевому, слов – преддверно-улитковому, Яша – языкоглоточному, буйно – блуждающему, дуа – добавочному, в трубу – подъязычному нерву. Такая форма позволяет студенту быстро восстановить последовательность I–XII пар черепных нервов и использовать рифму как опору при повторении и самоконтроле.

Для запоминания трех ветвей дуги аорты использовался следующий рифмованный текст:

Брат встал,
 Левой сонной дал сигнал,
 Левой подключичной поднял стяг.

Рис. 2. Мнемотический прием

Здесь рифма выполняет функцию мнемонической

опоры для воспроизведения сосудистой последовательности. Слово Брат соотносится с плечеголовным стволом, Левой сонной – с левой общей сонной артерией, Левой подключичной – с левой подключичной артерией. Подобная организация текста облегчает запоминание именно тех сосудов, которые чаще всего вызывают трудности при первичном изучении анатомии сердца и крупных артерий.

Для запоминания костей, соединяющихся с верхней челюстью, была разработана рифма:

Лоб и решето, скулы в ряд,
 Нос и слезы к ней спешат.
 Небо, сошка – все при ней,
 С верхней челюстью дружней.

Рис. 3. Мнемотический прием

Данная мнемоника ориентирована на изучение соединений верхней челюсти с костями лицевого черепа. В ней слова Лоб, решето, скулы, нос, слезы, небо, сошка используются как опоры для воспроизведения соответственно лобной, решетчатой, скуловой, носовой, слезной, небной костей и сошника. Такой способ особенно эффективен при изучении костей лицевого черепа, поскольку позволяет связать перечень соединяющихся структур в единую образную и ритмическую последовательность.

Для первичного освоения основных отделов головного мозга использовалась рифма:

Конь промчался средь мостов,
 Прямо к стволу без лишних слов.
 Сзади мозжечок бежит,
 Впереди большой мозг спит.

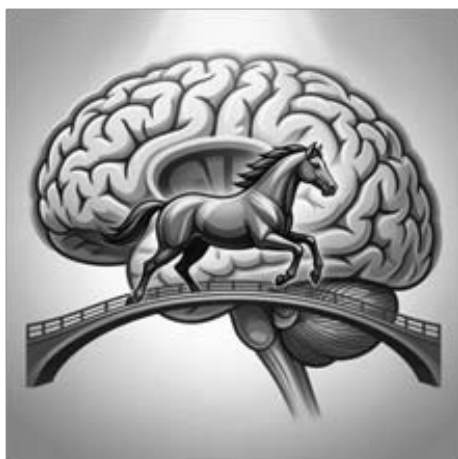

Рис. 4. Мнемотический прием

Мнемоника ориентирована на запоминание ключевых отделов головного мозга и их взаимного расположения. В ней Конь соотносится с конечным мозгом, промчался – с промежуточным мозгом, средь – со средним мозгом, мостов – с мостом, к стволу – с продолговатым мозгом, мозжечок – с мозжечком, большой мозг – с конечным мозгом как наиболее крупным отделом. Такая рифма особенно полезна на начальном этапе изучения центральной нервной системы, когда студенту необходимо сформировать целостную пространственную картину строения мозга.

Предложенные рифмованные мнемоники обладают рядом общих методических достоинств. Во-первых, они основаны на строгой предметной привязке, что исключает случайность и делает каждый текст дидактически направленным. Во-вторых, они кратки, ритмичны и легко воспроизводимы, а значит, удобны для многократного повторения. В-третьих, необычность образов способствует визуализации и усиливает эмоциональную окраску, что, в свою очередь, повышает прочность запоминания. В-четвертых, такие рифмы можно использовать как на занятии, так и в самостоятельной работе студентов, поскольку они не требуют дополнительных технических средств и могут быть усвоены в процессе обычного чтения и повторения.

Полученные результаты согласуются с выводами О.В. Мурашова, который указывал, что мнемоническое обучение анатомии возможно без дополнительных часов и может быть встроено в обычный учебный процесс. Наши данные также подтверждают тезис Т.А. Гридиной о том, что кодирование информации через особую словесную форму повышает продуктивность запоминания [1, с. 129]. Работы Т.П. Жуйковой и С.В. Селигеевой позволяют сделать вывод, что рифмованная структура сама по себе является механизмом организации и удержания материала [2, с. 130].

Сходные идеи обнаруживаются и в зарубежной литературе. T.V. Khmara и A.B. Khmara отмечают, что «рифмованные мнемоники особенно полезны при изучении анатомических терминов, поскольку соединяют семантическую опору с ритмической организацией» [6, с. 221]. Claire F. Smith и Scott Border также подчеркивают, что рифма эффективна там, где требуется запомнить последовательность и иерархию элементов [7]. Zhai Tianjun и соавторы показали, что сочетание вербальной и визуальной мнемоники увеличивает устойчивость запоминания нервных сплетений [8].

Следовательно, предложенные нами рифмы не являются случайными учебными стихами. Они вписываются в общую логику современных исследований мнемотехники, но в то же время отличаются оригинальными сюжетами и конкретной привязкой к российской образовательной практике.

До начала формирующего этапа различия между группами были минимальными. Средний показатель правильных ответов в контрольной группе составил 58,3%, в экспериментальной – 57,9%, что свидетельствует о сопоставимом исходном уровне подготовки. После завершения цикла занятий результаты существенно изменились. В контрольной группе итоговый показатель составил 71,4%, тогда как в экспериментальной группе – 86,7%.

Таблица 1.

Результаты сравнительного педагогического эксперимента.

Показатель	Контрольная группа	Экспериментальная группа
Входной контроль	58,3	57,9
Итоговый контроль	71,4	86,7

Таким образом, прирост в экспериментальной группе оказался более чем в два раза выше, чем в контрольной. Особенно заметный эффект был выявлен в заданиях, где требовалось воспроизвести порядок терминов, составить логическую цепочку или назвать анатомические структуры по косвенной подсказке.

Студенты экспериментальной группы также чаще отмечали, что рифмованный текст помог им не только запомнить материал, но и быстрее восстановить его при ответе. Это особенно важно в анатомии, где затруднение вызывает не только объем информации, но и необходимость точного терминологического воспроизведения.

Рифма как мнемонический прием обладает рядом педагогических преимуществ. Во-первых, она организует информацию ритмически, а ритм сам по себе облегчает удержание материала в рабочей памяти. Во-вторых, риф-

ма создает эффект предсказуемости: студент, услышав первую строку, почти автоматически ожидает продолжение, что усиливает вовлечение в процесс запоминания. В-третьих, рифмованный текст легче превращается в образ, а значит, может служить опорой не только для словесного, но и для визуального кодирования.

Одновременно важно подчеркнуть, что не всякая рифма одинаково полезна. Если текст слишком длинный, перегружен редкими словами или не имеет ясной связи с учебным содержанием, он перестает выполнять мнемоническую функцию. В этом отношении правомерно утверждение Мурашова о том, что мнемоника не должна быть сложнее того, что требуется запомнить. Наши наблюдения подтверждают это положение: наиболее эффективными оказались короткие рифмы с бытовым, фантастическим или эмоционально окрашенным сюжетом.

Зарубежные авторы также подчеркивают, что мнемоника наиболее результативна тогда, когда соединяет слово, образ и действие. Именно поэтому в предложенных нами примерах активно используются животные, бытовые действия, необычные сцены и элементы легкого комизма. Такие конструкции легче включаются в память студентов и лучше удерживаются при повторном воспроизведении.

Педагогическая ценность рифмы состоит и в том, что она создает в аудитории атмосферу краткой интеллектуальной разрядки. Небольшой эмоциональный подъем снижает утомляемость и способствует поддержанию работоспособности в течение всего занятия. Это особенно важно на первых курсах медицинского вуза, где студенты сталкиваются с резким увеличением объема терминологического материала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гридина Т.А. Вербальные мнемотехники как механизм кодирования и декодирования информации / Т.А. Гридина, Н.И. Коновалова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования. Языки и специальность. – 2014. – № 1. – С. 128–134.
2. Жуйкова Т.П. Составление рифмованных текстов как средство развития связной речи / Т.П. Жуйкова, С.В. Селигеева // Приоритетные направления образования. – 2016. – № 1(8). – С. 129–131.
3. Мурашов О.В. Классификация методов и приемов мнемонического обучения анатомии человека в вузе / О.В. Мурашов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2019. – № 193. – С. 127–135.
4. Сухорукова Л.М. Рифма на уроках обучения грамоте / Л.М. Сухорукова // Начальная школа. – 2008. – № 5. – С. 66–67.
5. Червякова А.А. Рифма как средство формирования лексических навыков школьников на среднем этапе обучения / А.А. Червякова, В.В. Лоренц // Материалы XXIII Всероссийской студенческой конференции. – Нижневартовск, 2021. – С. 160–166.
6. Khmara T.V. The use of mnemonic techniques in teaching human anatomy / T.V. Khmara, A.B. Khmara, // Ukrains'kij žurnal medicini, biologii ta sportu. – 2022. – 7(2). – P. 220–230.
7. Smith C.F. Mnemonics, Rhyme, and Anatomy: Seeing the Lighter Side / C.F. Smith, S. Border // PubMed. – 2019.
8. Zhai T. Effective mnemonic techniques for memorizing the peripheral nervous system / T. Zhai, H. Quan, Y. Chen, W. Feng // PubMed. – 2025.

© Мурашов Олег Васильевич (ps60rus@mail.ru), Бугеро Нина Владимировна (bugero@mail.ru),
Старынина Ольга Михайловна (starynina.o@pskgu.ru), Якимова Дарья Вячеславовна (darya.ybugero@mail.ru),
Матвеева Екатерина Дмитриевна (ekaterinadmitrievna2020@gmail.com).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАСТАВНИЧЕСТВО В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Серов Денис Львович

Аспирант, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина
serovd109@gmail.com

MENTORING IN THE SYSTEM OF VOCATIONAL EDUCATION IN THE CONDITIONS OF DIGITAL TRANSFORMATION

D. Serov

Summary: The article provides a comprehensive study of the transformation of the functions of personnel services of federal and regional authorities in the context of the institutionalization of mentoring in the state civil service. The relevance of the study is due to the transition from fragmented adaptation practices to systematic programs for the development of human resources, enshrined in the Civil Service Development Strategy for 2022–2030, and the national project “Personnel”. The goal of the work is to systematize the role of personnel departments at key stages of the life cycle of mentoring programs: design, monitoring and performance evaluation, as well as to develop scientifically based mechanisms for optimizing their activities. The work uses methods of system analysis, regulatory modeling, comparative studies and expert assessments. The results demonstrate the need for HR services to evolve from administrative and distribution functions to a talent management think tank role. The feasibility of introducing digital monitoring platforms, developing validated performance assessment metrics and integrating mentoring into a single digital ecosystem of the civil service is substantiated.

Keywords: mentoring, state civil service, personnel policy, program design, monitoring, performance assessment, competencies of personnel services, digitalization of public administration, talent management, professional socialization.

Аннотация: В статье проводится комплексное исследование трансформации функций кадровых служб федеральных и региональных органов власти в контексте институционализации наставничества на государственной гражданской службе. Актуальность исследования обусловлена переходом от фрагментарных практик адаптации к системным программам развития кадрового потенциала, закрепленным в Стратегии развития госслужбы на 2022–2030 гг. и национальном проекте «Кадры». Цель работы — систематизировать роль кадровых подразделений на ключевых этапах жизненного цикла наставнических программ: проектировании, мониторинге и оценке результативности, а также разработать научно обоснованные механизмы оптимизации их деятельности. В работе использованы методы системного анализа, нормативно-правового моделирования, компаративистики и экспертных оценок. Результаты демонстрируют необходимость эволюции кадровых служб от административно-распределительных функций к роли аналитических центров управления талантами. Обоснована целесообразность внедрения цифровых платформ мониторинга, разработки валидизированных метрик оценки эффективности и интеграции наставничества в единую цифровую экосистему госслужбы.

Ключевые слова: наставничество, государственная гражданская служба, кадровая политика, проектирование программ, мониторинг, оценка эффективности, компетенции кадровых служб, цифровизация госуправления, управление талантами, профессиональная социализация.

В условиях современной трансформации системы государственного управления качество человеческого капитала становится критическим фактором обеспечения суверенитета и технологического развития страны. Институт наставничества на государственной гражданской службе Российской Федерации за последнее десятилетие прошел путь от неформальной традиции «передачи опыта» до стратегического инструмента управления человеческими ресурсами. Указ Президента РФ № 737 от 30.12.2021 «О Стратегии развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2022–2030 годы» прямо закрепляет наставничество как механизм профессионального становления, удержания талантов и обеспечения преемственности управленческих компетенций [1]. Реализация национального проекта «Кадры» дополнительно актуализирует задачу массового внедрения эффективных наставнических практик.

Несмотря на нормативную поддержку, практическая реализация программ сталкивается с системными вызовами: отсутствием единой методологии проектирования, фрагментарностью мониторинга, слабой связью результатов наставничества с кадровыми решениями (аттестацией, формированием резерва) и риском формализации процесса. В этих условиях кадровые службы госорганов выступают центральным звеном, обеспечивающим переход от стихийного закрепления молодых специалистов к управляемому процессу развития компетенций.

Научная проблема заключается в недостаточной разработанности методологических основ деятельности кадровых подразделений именно как *архитекторов и операторов* наставнических программ, а не просто исполнителей приказов.

Цель исследования — проанализировать и систематизировать роль кадровых служб на этапах проектирования, мониторинга и оценки наставнических программ.

Теоретическую основу исследования составляют концепции профессиональной социализации (Э. Шейн), социального научения (А. Бандура) и управления знаниями в организациях. Наставничество на гражданской службе рассматривается не просто как обучение, а как социально-психологический механизм трансляции неявного (tacit) знания, формирования профессиональной идентичности и снижения транзакционных издержек на адаптацию [2, с. 45]. В отличие от корпоративного сектора, госслужба характеризуется жесткой нормативной регламентацией, высокой степенью иерархичности и приоритетом публичных ценностей, что требует специфической адаптации классических моделей наставничества к условиям бюрократической системы [3, с. 112].

Правовую базу исследования составили:

- Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [9].
- Указ Президента РФ № 737 (Стратегия развития госслужбы) [1].
- Методические рекомендации Минтруда России по организации наставничества (2022) [4].
- Ведомственные акты, регламентирующие работу с кадровым резервом.

В работе применен системный подход, позволяющий рассматривать наставничество как элемент единой системы управления персоналом. Использованы методы:

- *Нормативно-правового анализа* — для выявления пробелов в регулировании.
- *Сравнительно-сопоставительный* — для анализа различий в подходах ФОИВ и региональных органов.
- *Моделирование* — для построения идеальной модели взаимодействия кадровой службы с участниками программы.
- *Синтез эмпирических данных* — анализ открытых отчетов, научных публикаций 2019–2024 гг. и практик ведущих образовательных учреждений (РАНХиГС, МГУ).

Проектирование программы наставничества в госоргане представляет собой многоуровневый процесс, в котором кадровая служба выполняет функции архитектора, координатора и методолога. Ошибки на этом этапе делают невозможной дальнейшую оценку эффективности.

Кадровые подразделения должны инициировать процесс с проведения TNA (Training Needs Analysis). Анализ разрывов между требуемыми и фактическими компетенциями молодых служащих проводится на основе:

- Профессиограмм и должностных регламентов.
- Результатов вступительных испытаний и конкурсов.
- Данных входной диагностики (тестирование soft и hard skills).

Современный подход предполагает отказ от унифицированных программ в пользу персонализированных траекторий. Кадровая служба сегментирует наставляемых по группам (например, «аналитики», «правовое обеспечение», «цифровая трансформация», «работа с обращениями граждан») и разрабатывает под каждую группу специфические модули наставничества [5, с. 78].

Эффективность программы на 60–70% зависит от качества наставнического корпуса [6]. Кадровые службы внедряют многоуровневую систему отбора:

1. Формальные критерии: стаж службы (не менее 3–5 лет), отсутствие дисциплинарных взысканий, успешные результаты аттестаций.
2. Компетенционные критерии: наличие навыков обратной связи, эмпатии, коучинга.
3. Психологический профиль: готовность к передаче знаний, отсутствие «синдрома хранителя знаний».

Важной функцией кадровой службы становится организация Школы наставника. Обучение должно включать не только нормативную базу, но и тренинги по возрастной психологии (поколение Z), конфликтологии и цифровой коммуникации.

Кадровая служба разрабатывает локальные нормативные акты (Положение о наставничестве), которые должны четко регламентировать:

- Статус наставника (дополнительная нагрузка или основная функция).
- Механизм заключения Соглашения о наставничестве (трехсторонний: руководитель, наставник, наставляемый).
- Индивидуальные планы развития (ИПР) как основной документ сопровождения.
- Гарантии и компенсации для наставников (надбавки, приоритет в конкурсе на замещение вакансий, знаки отличия).

Мониторинг и оценка традиционно остаются наиболее уязвимыми звеньями. Кадровые службы часто ограничиваются сбором отчетов «для галочки». Необходим переход к сквозной аналитике на основе данных (data-driven HR).

Мониторинг должен быть встроен в ежедневную практику, а не являться финальным событием. Кадровые службы внедряют:

- Регулярные чек-ины: фиксация статусов встреч (раз в 2–4 недели) в единой информационной системе.

- Трекинг выполнения ИПР: контроль достижения промежуточных вех (milestones).
- Анализ вовлеченности: мониторинг активности в корпоративных порталах, посещаемости мероприятий.
- Система раннего предупреждения: выявление признаков «разрыва пары» (снижение активности, жалобы) для оперативного вмешательства HR-менеджера.

Цифровизация процессов (интеграция с ведомственными LMS или ГИС «Управление») позволяет автоматизировать сбор данных и формировать дашборды для руководства в реальном времени [8, с. 56].

Для оценки предлагается адаптировать четырехуровневую модель Д. Киркпатрика к специфике госслужбы [7, с. 134]: (Таб. 1.)

Кадровым службам рекомендуется внедрять смешанные метрики: количественные (процент завершения программ, индекс удержания) и качественные (глубинные интервью, анализ портфолио). Особое внимание следует уделять расчету ROI (возврата инвестиций), даже в условном выражении, сопоставляя затраты на программу с экономией от снижения текучести и ошибок новичков.

Анализ практики выявляет ряд системных барьеров, препятствующих эффективности наставничества:

1. Ресурсные ограничения: дефицит специалистов по HR-аналитике и оценке, особенно в региональных органах. Кадровые службы перегружены операционным документооборотом (приказы, личные дела), что оставляет мало времени на методическую работу.
2. Мотивационные дисбалансы: часто наставничество носит добровольно-принудительный характер. Отсутствие реального влияния на карьеру наставника или материального стимулирования ведет к выгоранию.
3. Институциональная инерция: сопротивление изменениям со стороны линейных руководителей, которые могут рассматривать наставничество как

отвлечение наставника от «реальной работы».

4. Методологическая разрозненность: отсутствие единых стандартов оценки затрудняет межведомственный бенчмаркинг и тиражирование лучших практик.

Комплекс мер по оптимизации:

- Методическая унификация: внедрение типовых методических комплектов (дорожных карт), разработанных при участии РАНХиГС и Минтруда, с возможностью кастомизации под ведомство.
- Развитие цифровых компетенций HR: обучение специалистов кадровых служб работе с HR-дашбордами, основам предиктивной аналитики и цифровой диагностике компетенций.
- Интеграция с кадровым циклом: закрепление статуса наставника в Реестре гражданских служащих. Введение баллов за успешное наставничество как обязательного условия для включения в кадровый резерв управленческого звена.
- Создание профессиональных сообществ: формирование межведомственных сетей обмена практиками (Communities of Practice), что снижает дублирование разработок и повышает качество программ через кросс-опыление идей.

Кадровые службы государственных органов играют системообразующую роль в институционализации наставничества. Они трансформируются из исполнителей кадровых процедур в стратегических партнеров руководства, обеспечивающих связь наставничества с приоритетами развития ведомства. Успех наставнических программ зависит не столько от нормативного закрепления, сколько от качества проектной работы кадровиков, выстроенной системы мониторинга и честной оценки результатов.

Переход от фрагментарной адаптации к управляемому развитию компетенций требует изменения парадигмы HR-функции: от административного сопровождения к аналитике и стратегическому партнерству. Ключевыми направлениями оптимизации являются цифровизация процессов мониторинга, валидизация метрик оценки (адаптация модели Киркпатрика), интеграция наставничества в сквозные кадровые процедуры (аттестация,

Таблица 1.

Уровень	Что оценивается	Инструментарий кадровой службы
1. Реакция	Удовлетворенность участников форматом, релевантностью, качеством взаимодействия.	Анкетирование (NPS), фокус-группы.
2. Обучение	Прирост профессиональных и гибких компетенций.	Входное/выходное тестирование, защита кейсов, экспертные оценки.
3. Поведение	Применение знаний в служебной деятельности.	Метод «360 градусов», анализ качества подготовленных документов, наблюдение на рабочих местах.
4. Результаты	Влияние на организацию.	Снижение текучести (когорты 1–3 года), сокращение срока адаптации, включение в кадровый резерв, качество госуслуг.

резерв) и развитие аналитических компетенций самих специалистов кадровых подразделений.

Перспективы дальнейших исследований связаны с эмпирической верификацией предложенных метрик эффективности на больших выборках, разработкой алгоритмов автоматического подбора пар «наставник-на-

ставляемый» на базе ИИ, а также сравнительным анализом региональных практик в условиях реализации нацпроекта «Кадры». Институционализация наставничества при грамотном сопровождении кадровых служб способна стать одним из наиболее устойчивых механизмов повышения качества государственного управления в долгосрочной перспективе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента РФ от 30.12.2021 № 737 «О Стратегии развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2022–2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 1. Ст. 24.
2. Кибанов А.Я., Дуракова И.Б. Управление персоналом организации: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2021. 634 с.
3. Оболонский А.В. Государственная служба в России: проблемы и перспективы. М.: Дело, 2020. 312 с.
4. Методические рекомендации по организации наставничества в федеральных органах исполнительной власти и органах власти субъектов РФ. М.: Минтруд России, 2022. 48 с.
5. Старовойтов В.В., Петров А.А. Компетентностный подход в системе профессионального развития гражданских служащих // Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. № 3. С. 72–95.
6. Clutterbuck D., Megginson D. Making Coaching Work: Creating a Coaching Culture. London: CIPD, 2020. 256 p.
7. Куприянов А.С., Сидорова Е.В. Оценка эффективности программ развития персонала в государственном секторе // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 94. С. 128–145.
8. Иванов Д.В., Кузнецова Н.П. Цифровая трансформация кадровых служб органов власти: от учета к аналитике // Кадровик. Трудовое право для кадровика. 2024. № 2. С. 51–60.
9. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (ред. от 14.07.2023) // СЗ РФ. 2004. № 30. Ст. 3090.
10. РАНХиГС. Ежегодный доклад о состоянии и развитии государственной гражданской службы в РФ. М., 2023. 184 с.
11. Смирнов А.И. Наставничество как инструмент формирования кадрового резерва в системе госуправления // Социология управления. Профессиональный вестник. 2022. № 4. С. 88–101.
12. World Bank. Government Mentorship Programs: Best Practices and Implementation Guidelines. Washington, DC: World Bank Group, 2021. 72 p.
13. Базаров Т.Ю. Психология управления персоналом в условиях неопределенности. М.: Юрайт, 2023. 256 с.
14. Тейлор С. Наставничество и коучинг в государственном секторе: международный опыт // Вестник государственной службы. 2023. № 1. С. 45–52.

© Серов Денис Львович (serovd109@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОРГАНИЗАЦИЯ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ В РАМКАХ ВНЕШКОЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ORGANIZING PATRIOTIC EDUCATION FOR PRIMARY SCHOOL STUDENTS AS PART OF EXTRACURRICULAR ACTIVITIES

V. Skopa
A. Tyapkina

Summary: The development of civic identity and love for the Motherland is a multi-layered process that requires a systematic approach within the context of supplementary education. Developing such qualities in primary school-age children is particularly important, as it is during this period that fundamental understanding of moral values and national culture is established. Practical implementation includes: organizing leisure programs focused on studying the history and traditions of their region; using interactive methods to encourage children's active participation in cultural and educational projects; introducing local history research as a tool for understanding regional history; and celebrating significant dates and commemorative events through concerts and thematic meetings. Effective education involves combining various forms of extracurricular activities: from collective creative projects to individual research assignments.

Keywords: patriotic education, students, teacher, education, school, morality.

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор, Алтайский
государственный педагогический университет,
(г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

Тяпкина Анастасия Геннадьевна

Алтайский государственный педагогический
университет, (г. Барнаул)

Аннотация: Формирование гражданской идентичности и любви к Родине представляет собой многоуровневый процесс, требующий системного подхода в условиях дополнительного образования. Развитие таких качеств у детей младшего школьного возраста имеет особое значение, поскольку именно в этот период закладываются базовые представления о нравственных ценностях и национальной культуре. Практическая реализация включает: организацию досуговых программ, ориентированных на изучение истории и традиций своего края; использование интерактивных методик, способствующих активному участию детей в культурно-образовательных проектах; внедрение краеведческих исследований как инструмента познания региональной истории; проведение значимых дат и памятных событий через концертные мероприятия и тематические встречи. Эффективное воспитание предполагает комбинирование различных форм внеурочной работы: от коллективных творческих дел до индивидуальных поисково-исследовательских заданий.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, учащиеся, педагог, образование, школа, нравственность.

Актуальная общественная ситуация ставит перед системой образования принципиально новые вызовы, прежде всего в области формирования гражданского мировоззрения. Образовательные учреждения активно пересматривают свою деятельность, расширяя спектр дополнительных курсов и программ, которые служат важнейшим инструментом гармоничного развития и социальной адаптации подрастающего поколения [1]. Современная школьная педагогика определяет внеурочные занятия как целенаправленно организованное воспитательное воздействие, осуществляемое за рамками основного учебного расписания. Её главное назначение состоит в реализации разнообразных интересов и запросов учащихся; вовлечении их в социально значимую работу и управленческую деятельность; рациональном использовании свободного времени вне классных уроков [4]. Такая форма обучения дополняет и расширяет основную программу, привнося в неё прикладные и художественные компоненты. Благодаря такому синтезу достигается полноценное воздействие на становление самостоятельного и добросовестного гражданина.

Образовательные организации всё более активно привлекают возможности внеурочной работы, включая её в учебные планы для младших классов. Это решение опирается на ряд объективных и субъективных обстоятельств:

1. Переориентация на воспитательные результаты. Современная образовательная парадигма ставит во главу угла становление характера и качеств личности учеников, а не только овладение предметными навыками. Этот курс соответствует положениям ФГОС, направленным на развитие гражданского сознания и общественной ответственности.
2. Признание универсальности дополнительного образования. Практика и теория современной педагогики доказывают многофункциональность внеурочного компонента. Он одновременно расширяет знания и способности школьников; облегчает их вхождение в общественную жизнь; укрепляет нравственные основы личности.

3. Целостное становление человека. Продуманно спроектированная система внеурочной деятельности создаёт оптимальные предпосылки для разностороннего развития взглядов, нравственных убеждений и ценностных ориентаций учащихся, что в дальнейшем определяет уровень их социальной активности и гражданской позиции [6, 10].

Основу внеурочной воспитательной работы составляет совместное участие педагога и учащихся: они анализируют актуальные затруднения и противоречия, с которыми встречаются молодые люди в процессе их развития и личностного становления. Из такого конструктивного диалога вырастают эффективные подходы, способствующие становлению критического мышления и навыков самоанализа; утверждению моральных ценностей; пополнению представлений об устройстве социума и природном мире; развитию компетентности в восприятии многообразия социальных явлений и отношений [2, 12]. Такое взаимное обсуждение содействует многостороннему развитию личности ребёнка. Анализ нормативно-правовых документов выявляет следующие ключевые принципы:

- внеурочная деятельность представляет собой неотъемлемый компонент системы образования, содействующий педагогам и ученикам в формировании гражданского мировоззрения;
- расширение спектра образовательных предложений посредством внеурочных программ способствует созданию благоприятной среды для развития патриотического сознания школьников;
- организация комплексного сопровождения учащихся предусматривает поддержку детей на всех этапах становления их гражданской позиции [1, 5].

По сути, главное назначение внеурочной деятельности – создать атмосферу, где дети могут раскрыть творческие способности и следовать своим интересам благодаря свободному выбору направлений занятости. Центральное место при этом занимает знакомство с духовным богатством народа и включение в его культурное наследие, что составляет прочный фундамент полноценного патриотического воспитания. Патриотическое воспитание опирается на основные педагогические принципы – соответствие биологическим закономерностям становления личности, обусловленность историческим и культурным контекстом, признание человеческого достоинства, учёт индивидуальных и возрастных особенностей учащихся [12]. Вместе с тем эта область просвещения имеет собственную систему руководящих идей, раскрывающих её специфику:

- национальное самопознание стимулирует формирование группового самосознания, укрепление связи с родной культурой и её народом, развитие восхищения отечественным творческим наследием; одновременно способствует приня-

тию полиэтнического облика страны; развивает способность сберечь культурную самобытность, испытывать гордость за гражданское принадежности, участвовать в укреплении и охране Российского государства;

- деятельная инициатива и самоконтроль содействуют становлению активной гражданской позиции ученика; развивают навыки критического анализа собственных поступков, принятия самостоятельных выборов; пробуждают чувство ответственности перед социумом, проявляемое в конкретных действиях и манере поведения;
- межкультурное взаимопонимание предполагает воспитание у детей открытости, толерантного отношения к разнообразным мировоззрениям, культурным образцам, творческим традициям, религиозным убеждениям других народностей; развитие умения отличать общечеловеческое от локального в культурном многообразии, интегрировать достижения своего народа в мировую цивилизацию;
- соответствие социально-историческому моменту требует согласования задач, программ и методов просвещения с актуальной общественно-политической обстановкой, в которой реализуется образование; предполагает подготовку молодёжи к отстаиванию национальных интересов и поиску конструктивных путей решения текущих общественных проблем;
- сохранение и передача культурного опыта направлено на воспроизведение нравственного богатства и исторического наследия нации путём его критического переосмысления и применения в современных педагогических форматах;
- преемственность поколений гарантирует трансляцию молодому поколению драгоценных образцов российской государственности и культурного наследия этносов, проживающих в стране [1, 3, 9, 11].

При создании инициатив по патриотическому просвещению важно принимать во внимание особенности мышления и эмоциональной сферы учащихся младших классов. Дети 6–8 лет преимущественно воспринимают мир через зрительные впечатления и практические примеры, интенсивно откликаясь на события, наполненные чувственными переживаниями. Умозрительные понятия и отвлечённые идеи для них ещё недоступны. Ему сложно устанавливать связи между различными уровнями общественной жизни. Осмысление сути и причин социальных процессов превышает его возможности. Исходя из этого, введение школьников в мир национальной культуры и государственной истории следует строить на простых, наблюдаемых фактах, типичных примерах и подлинных происшествиях, связанных логической цепочкой. Этот метод делает материал более понятным и упрощает восприятие информации растущей лично-

стью. К примеру: при знакомстве с историческим путём России целесообразно использовать видео и кинематографические материалы – мультипликационные произведения и тематические ролики, вызывающие активный интерес у детей [12].

Несомненно, патриотическое воспитание представляет собой комплексную и многостороннюю педагогическую задачу. Её решение предполагает искусство раскрывать масштабные исторические явления через отдельные судьбы и поступки, связывать личные деяния человека с историческими изменениями в жизни народа, формировать у молодёжи причастность к значимым событиям национального прошлого, развивать гордость за мощь и величие России. В этом плане внеурочная деятельность обладает мощным воспитательным потенциалом для становления патриотического мировоззрения младшеклассников. Внеклассные программы оказывают значительное влияние на детское сознание. Посредством просмотра мультфильмов и их обсуждения, знакомства с произведениями изобразительного искусства, изучения архивных фотографий у ребят формируется представление о культурном богатстве России, её пути в истории; зарождаются взгляды на нравственные принципы и достойный образ жизни. Результатом становится укрепление почтения и признательности к русской истории [1, 2]. Таким образом, патриотическое направление занимает центральное место в системе образования. Оно содействует формированию честных, добросовестных и ответственных членов общества, помогает им найти своё место в жизни, применять приобретённые навыки и сведения для блага и развития Отечества.

Результативным педагогическим инструментом становления патриотического мировоззрения и убеждений школьников служит апелляция к позитивным образцам гражданственности, воплощённым в деятельности выдающихся государственных деятелей, деятелей культуры, участников освободительных движений. Весьма символично, что французский мыслитель эпохи Просвещения Шарль Монтескье указывал: «Наиболее действенный способ воспитать в ребенке привязанность к родной земле заключается в том, чтобы взрослые сами продемонстрировали такую привязанность» [4]. Огромную роль в становлении соответствующих воззрений и позиций играет организация образовательных ситуаций, провоцирующих столкновение различных позиций, защиту учениками собственного видения проблемы. В ходе таких дискуссионных обменов у молодых людей кристаллизуется личная гражданская позиция, закрепляются и углубляются их мировоззренческие установки. С целью активизации такого взаимодействия педагоги прибегают к применению проблемных заданий и вопросов, порождающих многообразие трактовок и стимулирующих развёртывание краткосрочных аргументированных де-

батов среди учащихся [11, 12].

Умелое использование примеров подлинной гражданской любви в сочетании с привлечением учащихся к различным формам обсуждения и обмена мнениями способствует расширению и углублению понимания текущих социальных вопросов. Именно на этой основе развивается воспитательная работа в российских школах при формировании программ для совершенствования гражданской подготовки подрастающего поколения.

Развитие патриотических чувств берёт начало с воспитания у ребят уважения к членам семьи, боевым ветеранам и труженикам тыла, а также осознания ценности государственных регалий и ратных подвигов. Значительную роль в этом играют празднования, посвящённые павшим защитникам и усопшим согражданам, поскольку именно они вдохновляют молодёжь следовать примеру и продолжить дело своих отцов [10]. На практике это реализуется через систематические экскурсии в военно-мемориальные комплексы, музейные собрания, отражающие традиционный уклад жизни, и учреждения локального культурного значения. Такие посещения способствуют становлению у ребёнка стойкости духа, глубокого признания своей малой родины и народа, осознания собственного долга перед социумом [9]. Важным элементом должны стать семейные обсуждения и школьные уроки, построенные на анализе и обсуждении текстов русской классической прозы и поэзии, демонстрации исторических полотен и театральных представлений, рассматривающих темы кровного родства, национального согласия и верности Родине. Расширить этот спектр позволяет обращение к народному знанию – пословицам, традиционным мелодиям и устному творчеству.

Анализ научных работ в области детской психологии и теории обучения показывает, что патриотические установки не возникают самостоятельно у учащихся начальных классов. Они являются результатом целенаправленного и постоянного влияния со стороны взрослых, осуществляемого через государственные ценности, общественные традиции, произведения искусства и окружающую социальную реальность. Определяющее значение имеет взаимодействие семей, школ и учреждений дополнительного образования [8, 10].

Формирование истинного патриотического сознания предполагает, что знания о его природе и способах проявления не должны оставаться просто информацией, усвоенной школьниками. Они должны приобрести личностный смысл, пройти через внутренний мир ребёнка и перейти в убеждения, которые определяют его деяния и жизненные решения. Отсюда вытекает значение чувственно-переживаемого аспекта патриотического просвещения. Педагогическое влияние при данном методе не может сводиться к красивой форме подачи или

идеализированному изложению материала. Оно должно базироваться на проверенных, задокументированных событиях и сопровождаться выразительными примерами подлинных проявлений гражданского самосознания, способными дотронуться до сердца молодого человека [5]. Техника театрального творчества служит мощным средством для решения этих задач. В данном случае приоритет смещается на изучение педагогом того, насколько восприимчивы дети к историческим событиям и личностям, которые они изучают. Такая методология предъявляет серьёзные требования: участникам необходимо владеть не только сценическими способностями, но и умением рассматривать исторические материалы с разных углов зрения – с точки зрения летописи, человеческой природы, философского размышления. При этом накопленная информация концентрируется и воплощается в форме сценического персонажа. Интеграция интеллектуального и творческого начал благодаря такой деятельности активизирует ассоциативное мышление, расширяет творческий потенциал учащихся и позволяет им средствами символично-образного языка раскрыть не только содержание явления, но и артикулировать собственное отношение к нему [7].

Организация социально значимой деятельности играет существенную роль в формировании деятельностного аспекта гражданского воспитания. Участие в школьных хозяйственных работах, восстановлении оборудования, оформлении образовательных помещений, работа на учебно-демонстрационном участке при школе способствуют возникновению у молодёжи внутреннего побуждения улучшить школьное пространство, закаляют волю, самостоятельность, возвращают ответственное и деятельное отношение к преобразованию действительности.

Существенное значение в становлении гражданско-патриотического поведения придаётся экологической деятельности учащихся на территории своего региона. В этих целях молодёжь задействуется в озеленении местности, уходе за растительностью, поддержании благоустройства скверов и лесопарков, санитарно-гигиеническом обслуживании общественных пространств населённых пунктов. В период летнего оздоровления в лагерных условиях школьники активно участвуют в природоохранных работах: удалении мусорных отходов из

парковых зон, установлении защиты насекомоядных сообществ, восстановлении родниковых источников, изготовлении информационно-экологических пиктограмм и прочих подобных мероприятиях [10].

Значительный потенциал для становления гражданского сознания заключён в туристско-поисковой деятельности учащихся [4, 10]. Ключевую роль здесь играют путешествия и экспедиционные выходы для изучения культурно-исторического и природного богатства края. Эта педагогическая техника даёт возможность непосредственно наблюдать и детально исследовать различные объекты, явления и процессы в естественных или целенаправленно подготовленных условиях. Для примера: в начальной школе результативны походы под названием «Моя улица», «Облик архитектуры в нашем селении», а также целевые визиты к значимым историческим местам: «В гости к истории», посещение музейных площадок, памятников военной славы и монументов выдающимся личностям.

Стержневую роль в структуре гражданского просвещения играет знакомство с военной историей государства. Встреча молодёжи с этим материалом позволяет им ощутить причастность к достижениям и подвигам народа, почерпнуть силу и мотивацию из жизненных путей его величайших представителей, усвоить уроки преданного служения Отечеству, глядя на пример отцов и дедов, и подготовиться к его защите в час испытаний [11].

В целом, внеурочная работа призвана выступить для каждого воспитанника платформой становления гражданина-патриота, движимого стремлением к всестороннему развитию родного государства как независимого, суверенного, демократически организованного субъекта с развитым правовым и социальным механизмом, способного обеспечить собственную безопасность, способствовать консолидации нации и установлению атмосферы межгражданского согласия. В образовательной практике и внешкольной работе необходимо уделить значительное внимание ознакомлению школьников с исторической миссией России, её неоценимым влиянием на прогресс мировой науки, художественной культуры и различных сфер хозяйственной деятельности, раскрыть масштаб её цивилизационного вклада в развитие человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляев А.В. Социально-педагогические основы формирования гражданственности учащейся молодежи: специальность 13.00.01: диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук. Ставрополь, 1997. – 311 с.
2. Выршиков А.Н. Военно-патриотическое воспитание молодежи. Волгоград: ПринТерра, 2008. – 162 с.
3. Детско-юношеский туризм и краеведение в воспитании гражданственности и патриотизма: сборник документов / Северо-Восточное окружное управление Московского комитета образования. Москва, 2001. – 119 с.
4. Крумова А.А. Значение внеурочной деятельности в воспитании младших школьников // Новое слово в науке: перспективы развития. 2015. № 1. – С. 55–56.

5. Кузнецова Л.В. Развитие содержания понятий «гражданственность» и «гражданское воспитание» в педагогике XX в. // Преподавание истории и обществознания в школе. 2006. № 9. – С. 10–18.
6. Лутовинов В.И. Патриотизм: история, современность и будущее России. Москва, 1997. – 214 с.
7. Петров С.Н. Направления героико-патриотического воспитания. Москва: Знание, 1996. – 212 с.
8. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. Санкт-Петербург: Питер, 2012. – 712 с.
9. Скопа В.А. Роль школьного музея в развитии патриотического воспитания молодежи // Обзор педагогических исследований 2025. Т. 7. № 6. – С. 143–148.
10. Следзевский И.В. Основные направления гражданско-патриотического воспитания детей и молодежи в российском образовательном пространстве // Внешкольник. 2007. № 1. – С. 25–28.
11. Ушколова А.И. Историческая реконструкция – основа военно-патриотического воспитания // Дополнительное образование и воспитание. 2014. № 10. С. 17–20.
12. Циулина М. Патриотическое воспитание школьников возможностями социообразовательной среды. Челябинск: Цицеро, 2012. – 202 с.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru), Тяпкина Анастасия Геннадьевна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОММУНИКАЦИОННЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО БРЕНДИНГА

Алексютина Ольга Александровна

кандидат педагогических наук, доцент, ФГБОУ ВО
Брянский государственный университет имени
академика И.Г. Петровского, (г. Брянск)
oaleksyutina@mail.ru

COMMUNICATION TOOLS FOR PLACE BRANDING

O. Aleksyutina

Summary: In the system of modern brand management, alongside product, service, and corporate brands, the place brand plays a significant role; under professional marketing management, it becomes a key competitive asset for specific localities. A territorial brand—understood as a set of unique qualities and values that reflect the distinctiveness and specific consumer characteristics of a given territory—requires a comprehensive approach to promotion. Shaping a positive image of a territory entails planning a communication strategy and selecting and integrating effective marketing tools, tailored to the specific type of territorial brand and the needs of target audiences.

To achieve the research objective and address the study's tasks, the following theoretical and methodological framework was employed: analysis and synthesis of scientific sources regarding the issue under study, and a generalization of leading Russian practices in the field of place branding.

Based on an analysis of secondary empirical data, the article substantiates the relevance of employing an integrated approach to selecting communication tools that foster a loyal audience for a specific location. The study draws upon winning case studies from the 2025 All-Russian «Best Municipal Practice» competition in the category «Increasing the Visibility of a Municipality» («territory branding»).

Keywords: brand, territorial brand, competitive identity, communication strategy, territorial image, geocultural branding, verbal image, visual identity.

Аннотация: В системе современного бренд-менеджмента наряду с товарными, сервисными, корпоративными брендами, важную роль играет бренд территории, который при профессиональном маркетинговом управлении становится важным конкурентным ресурсом на уровне определенных местностей. Территориальный бренд как совокупность уникальных качеств, ценностей, отражающих своеобразие, оригинальные потребительские характеристики данной территории, требует комплексного продвижения. Формирование положительного имиджа территории предполагает планирование коммуникационной стратегии, выбор эффективных маркетинговых средств и их интеграцию в зависимости от специфики избранного типа территориального бренда, а также потребностей целевых аудиторий.

Для достижения цели и решения задач исследования использована следующая теоретико-методологическая база: анализ и синтез научных источников по исследуемой проблеме; обобщение ведущих российских практик в области территориального брендинга.

В статье на основе анализа вторичных эмпирических данных обоснована актуальность применения интегрированного подхода в выборе коммуникационного инструментария, способствующего росту приверженной аудитории к определенной локации. Материалами исследования стали кейсы-победители Всероссийского конкурса «Лучшая муниципальная практика» в номинации «Повышение узнаваемости муниципального образования» («бренд территории») в 2025 г.

Ключевые слова: бренд, территориальный бренд, конкурентная идентичность, коммуникационная стратегия, имидж территории, геокультурный брендинг, вербальный имидж, визуальная айдентика.

В условиях современного рынка бренд, независимо от типа объекта, охвата и специфики позиционирования, является детерминантой конкуренции, формируя лояльность потребителей, снижает их восприимчивость к повышению цены, замедляет появление в определенном рыночном сегменте конкурирующих товаров [1].

Актуальность исследования обусловлена значимостью и углублением категории брендинга в рыночной среде. Исторически бренд эволюционировал от простого идентификатора товара, расширив свои границы до пространства, которое создается и потребителем, и производителем как область отношений по поводу освоения ценностей, охватывая не только сферу потребления, но и культурные, социальные аспекты жизни, и вышел за пределы покупательского поведения целе-

вой аудитории. Наряду с товарными, сервисными, корпоративными брендами, бренд территории становится важным конкурентным ресурсом на уровне стран, регионов и локальных зон, являясь фактором их развития, привлечения инвестиций, материальных, человеческих активов, продвижения территориальных проектов, что, в свою очередь, способствует развитию территории в целом и росту ее общего благосостояния.

Географический бренд – имидж и репутация определенной территории, её узнаваемость, посредством создания уникального привлекательного облика, разработки специализированных проектов, направленных на улучшение комфорта городской среды. Актуальность брендинга территорий повышается в связи с ростом роли коммуникационной политики хозяйствующих субъектов для обеспечения их конкурентных преимуществ.

Территориальный бренд представляет собой совокупность уникальных качеств, непреходящих общечеловеческих ценностей, отражающих своеобразие, неповторимые оригинальные потребительские характеристики данной территории и сообщества, широко известные, получившие общественное признание и пользующиеся стабильным спросом потребителей данной территории [2].

Цель исследования связана с обоснованием использования коммуникационных инструментов в продвижении бренда территории. С точки зрения содержания, брендинг является тактической составляющей бренд-менеджмента, реализующейся в той части маркетингового управления, которая связана с продвижением бренда к потребителю, созданием информационно-коммуникационного пространства, формирующего возможность построения отношений между людьми и брендами с помощью всех систем маркетинговых коммуникаций [3].

Компетентный подход к формированию имиджа территории с использованием маркетинговых коммуникаций способствует повышению ее инвестиционной привлекательности, росту туристического потока, привлечению в города, регионы, сельские поселения людей, готовых развивать конкретную территорию, разрабатывать и реализовывать собственные инициативы федерального и регионального масштаба. Перед субъектами территории встает задача, заключающаяся в управлении формированием положительного бренда территории, что становится необходимым фактором эффективной реализации территориального потенциала [4].

Территориальный бренд является достаточно сложным понятием, которое некорректно рассматривать как политику продвижения крупных компаний коммерческого и некоммерческого сектора, находящихся на соответствующей территории.

Несмотря на то, что понятие «брендинг территорий» вошло в обиход лишь в начале XXI столетия, можно говорить о том, что сам феномен создания брендов определенной местности начал осуществляться намного раньше, хоть и не имел на тот момент научного обоснования.

Концепция брендинга территорий продолжает развиваться и в настоящее время, опираясь на систему базовых категорий, использующихся в системе бренд-менеджмента. В 2007 г. С. Анхольт предложил использовать понятие «конкурентная идентичность». Согласно позиции исследователя, имидж территории не мог возникнуть на пустой почве и для достижения желаемого эффекта был необходим определенный «синтез бренд-менеджмента и публичной дипломатии» [5], для которого было бы характерно привлечение новых инвестиций, увеличение экспортируемой продукции, развитие туристической и торговой отраслей.

Спустя годы исследований, С. Анхольт предложил собственную концепцию оценивания конкурентной идентичности брендов, где рассмотрел ключевые составляющие, которые способствуют формированию ассоциаций и представлений, связанных с определенной территорией. Свою концепцию конкурентной идентичности брендов исследователь представил в виде так называемого шестиугольника (рис. 1).

С. Анхольт стал основоположником комплексного, многофакторного подхода к брендингу территорий в отличие от однофакторных, специализирующихся только, например, на туристическом потенциале рекреационной зоны или историко-культурной составляющей. При этом автор концепции акцентирует внимание на создании аутентичного бренда, предвосхищающего ожидания целевой аудитории, что формирует потребительскую лояльность, в том числе на основе тех положительных представлений и ассоциаций с данной территорией, которые уже сформированы в сознании людей. Также не менее важно при выстраивании стратегии тер-

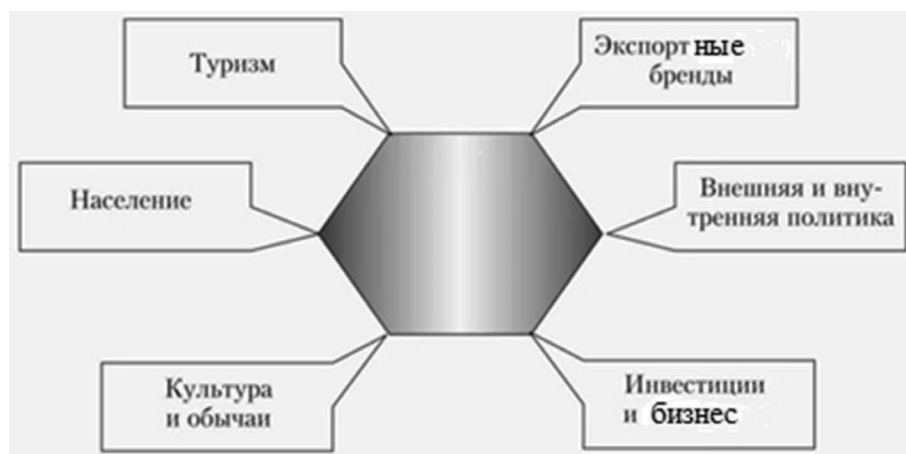

Рис. 1. Модель конкурентной идентичности С. Анхольта

риториального брендинга ставить акценты на наиболее значимых образах, символах, достопримечательностях, которые могли бы иметь весомую ценность для целевой аудитории.

Модель конкурентной идентичности брендов, предложенная С. Анхольтом, оказалась весьма продуктивной и в последующем была использована при разработке стратегии брендинга в разных странах, в том числе, нашла отклик и среди других учёных, которые положили его модель в основу своих исследований. Например, М. Урде также разработал схожую модель идентичности бренда [6]. Он раскрыл сущность идентичности бренда через «историю, визуальные символы, долговечность, список достижений и ключевые ценности». В данной модели визуальная айдентика является одной из составляющих общей идентичности бренда территорий. Остальные элементы воспринимаются через призму уровня осведомленности, знаний и опыта конкретного «пользователя» (потребителя бренда) территории [7].

Исследования в области территориального маркетинга продолжаются, как в зарубежных странах, так и в России. Иностранные исследователи К. Динни и Ф. Го стали основоположниками современного направления в бренд-менеджменте территорий. Согласно их концепции «брендинг мест представляет собой процесс определения ресурсной базы местности с позиции их наиболее ценных активов, в том числе с использованием потенциала и возможностей конкретных личностей» [8].

В исследованиях П.Е. Родькина [9] и Д.Н. Замятина рассмотрены модели создания и функционирования территориальных брендов.

Согласно подходу Д.Н. Замятина, любая местность являет собой некую «геокультуру», представляющую серию культурно-географических образов, интерпретирующих локальные пространства. Геокультура, по мнению автора — процесс и результаты развития географических образов в конкретной культуре, а также «накопление», формирование традиции культуры осмысления этих образов [10]. По мнению Д. Замятина, каждая культура «коллекционирует определенные географические образы». Последние рассматриваются как максимально дистанцированное и опосредованное представление реальности.

Д.Н. Замятин представил алгоритм разработки и формирования геокультурного брендинга.

1. Для начала необходимо создать имиджевый паспорт территории, то есть определить возможные ресурсы субъекта страны, способствующие формированию положительного имиджа, оценить возможности и перспективу их продвижения.

Важную роль играет оценка роли отдельных фактов, событий, имен, которые должны быть значимы не только для конкретной местности, но и за ее пределами. На этом этапе, по мнению эксперта, необходимо разработать карту мест, представляющих наибольшую ценность.

2. На следующем этапе необходимо поработать над текстовым имиджем и создать текстовое описание объектов, представляющих особенную ценность. Данный тип текстов может носить имиджевый или рекламно-презентационный характер, создавая единый образ восприятия территории.
3. Далее необходимо изучить или даже создать определенные региональные мифы, способствующие продвижению территории. В основу мифологической характеристики могут быть положены исторические факты и события, биографии выдающихся людей, связанных с территорией. Например, согласно легенде Международного детского центра «Артек», на горе Аю-Даг живет добрый гном Абсолют, который бережет детский сон [11].
4. Следующий этап – необходимо проработать содержательную составляющую стратегии создания имиджа территории, при этом важно сделать акцент на природных, культурных и исторических особенностях местности.
5. Далее – создание модели, с помощью которой проект имиджевого продвижения данной территории будет представлен широкой аудитории, то есть необходимо проработать определенную программу брендинга, подробно описать все мероприятия, которые планируется провести в рамках реализации проекта. Предлагаемая модель направлена на коммуникационное поддержание проекта и формирование системы его продвижения, интегрирует комплекс вербальных и визуальных элементов, а также символов, помогающих создать единый имиджевый образ территории и закрепить его в сознании целевой аудитории.
6. Заключительный этап – непосредственно осуществление технологии геокультурного брендинга.

Соответственно, высокий уровень знания о территории, ее истории, ценностях усиливает эмоциональную приверженность к определенной местности. Потребитель вносит свой вклад в формирование положительных ассоциаций относительно территории, повышая нематериальные активы капитала бренда и формируя определенную степень лояльности. Взяв за основу этапы покупательской готовности, по Ф. Котлеру, можно их адаптировать применительно к бренду территории:

1. Осведомленность (первый этап познания).
2. Знание (второй этап познания).
3. Благорасположение (первый этап эмоций).
4. Предпочтение (второй этап эмо-

ций). 5. Убежденность (третий этап эмоций). 6. Принятие решения о покупке (этап конативной реакции).

В брендинге территории:

1. Осведомленность о территории.

Аудитория может не владеть никакой информацией о данной территории, может вспомнить наименование или другие сведения относительно продвигаемого объекта. Если в результате первичных исследований выявляется, что достаточная часть целевой аудитории оказывается неосведомленной, задача продвижения заключается в создании необходимой осведомленности. Система коммуникаций должна быть направлена на формирование у целевой аудитории информации о существовании данной территории и как минимум знания ее названия.

2. Знание о территории. Целевая аудитория может быть осведомлена о территории, но не обладать никакими другими знаниями. Система коммуникаций должна быть направлена на формирование у целевой аудитории знания (в самых разных видах: факты, рассказы, впечатления и т.д.), помогающего составить представление о ней.

3. Благорасположение к территории. Если целевая аудитория знает территорию, какие чувства по отношению к ней испытывает: негативное отношение, безразличное отношение, положительное отношение.

В системе коммуникаций необходимо стремиться к тому, чтобы сумма позитивной информации о территории в сознании целевой аудитории была более весомой по сравнению с негативной информацией, что способствует формированию желаемого образа места.

4. Предпочтение территории. Целевая аудитория может испытывать положительные эмоции к местности, но не предпочитать ее перед подобными. В этом случае задача коммуникационной стратегии будет должна быть направлена на формирование предпочтения аудитории. Система коммуникаций будет транслировать уникальные отличительные особенности территории, ценностную значимость и прочие свойства, являющиеся преимуществами данной местности при сравнении с другими локациями, что создает дифференцирующую способность территориального бренда.

5. Убежденность в целесообразности «пользования» территорией.

Целевая аудитория может испытывать предпочтение к территории, но не обладать убежденностью в необходимости совершения определенных действий по отношению к ней. Коммуникационный инструмент

должен способствовать получению недостающей, но необходимой для потребителя информации, подталкивающей аудиторию к заключительному решению.

Целевая аудитория должна быть внутренне готова к практическим действиям, к ответным реакциям по отношению к территориальному бренду, которые планировались изначально.

6. Принятие решения относительно пребывания на данной территории. Достижение данного этапа подтверждает сформированность лояльности относительно конкретной локации, эффективность системы маркетинговых коммуникаций и технологии брендинга.

Говоря о феномене развития конкретных территорий, стоит отдельно рассмотреть функции, которые выполняет территориальный брендинг:

1) Организационная функция: территориальный брендинг помогает организовать, разработать, сформировать определенную стратегию развития региона. При этом обязательно учитываются региональные (или местные) особенности инфраструктуры и экономического сегмента.

Также организационная функция территориального брендинга подразумевает создание определенной бренд-платформы, системы образов, смыслов, определяющих положение компании в условиях рынка, то есть определенного базиса, главного инструмента, на который будет опираться бренд [12].

2) Аналитическая функция:

Территориальный брендинг способствует подробному изучению региона (города, посёлка и т.д.), поскольку анализируется ресурсный потенциал конкретной местности, её исторические, культурные, экономические, политические особенности.

Территориальный брендинг благоприятствует изучению опыта условных конкурентов, помогает выявить уникальные черты, присущие исключительно конкретной местности.

3) Управленческая функция:

Территориальный брендинг объединяет людей по интересам, консолидирует жителей конкретной местности, предпринимателей, инвесторов, администрацию, а также способствует увеличению их мотивации.

Кроме того, территориальный брендинг стимулирует ресурсно-экономическое развитие конкретной местности, поддерживает бизнес и предпринимателей и создает для их деятельности благоприятные условия.

4) Общественная функция:

Территориальный брендинг содействует разрушению стереотипов, негативных воспоминаний и ассоциаций, связанных с той или иной местностью.

Территориальный брендинг способствует укреплению чувства принадлежности к конкретному месту, формирует лояльное отношение к территории у местного населения и туристов.

5) Коммуникативно-информационная функция:

Территориальные бренды помогают формировать новостную повестку, доносить информацию о достопримечательностях, событиях, местных услугах и продуктах.

Территориальный брендинг способствует созданию коммуникационной системы посредством использования различных онлайн-ресурсов, культурных событий и тесному взаимодействию со средствами массовой информации.

Главными целями территориального брендинга являются такие аспекты, как: популяризация внутреннего туризма, создание комфортной городской среды и пространства для реализации возможностей и привлечение инвестиций.

Такой тип брендинга также решает ряд важных задач:

- создание позитивного туристического облика города или региона [13];
- формирование положительных воспоминаний и ассоциаций, связанных с конкретной местностью;
- повышение уровня комфортного проживания местных жителей;
- повышение уровня патриотизма среди жителей региона;
- повышение культурного уровня региона и его местных жителей;
- привлечение инвесторов;
- создание площадок для интересного проведения досуга.

Наиболее распространенными типами брендов, положенными в основу территориального брендинга, являются:

- историко-культурный и этно-культурный, дающий возможность рассматривать историю и культуру через призму регионов, акцентирующий внимание на сохранении исторического и культурного наследия;
- туристический, направленный на раскрытие туристического потенциала с учетом специфики расположения, климата, особых условий рекреа-

ционной зоны;

- духовный, нацеленный на создание образа духовного центра;
- промышленный, трансформирующий имеющийся индустриальный опыт в современную экономику.

Территориальный брендинг может быть реализован на национальном, региональном и локальном уровнях.

Национальный уровень предполагает формирование позитивного, положительного имиджа отдельно взятого государства, что позволяет преодолевать межнациональные и политические стереотипы, налаживать и создавать международные связи и взаимоотношения.

На региональном уровне происходит создание и формирование положительного образа конкретного субъекта страны с целью увеличения его конкурентоспособности, туристической привлекательности, а также уровня патриотических настроений среди местного населения.

Локальный уровень представляет собой формирование бренда конкретного города, поселка или конкретной общественной территории.

Подтверждением растущего интереса к различным аспектам и уровням территориального брендинга может служить совершенствование научных подходов в отношении исследуемого понятия, а также проведение в последние годы мероприятий, посвященных указанной тематике. В частности, обращают на себя внимание инициативы Минэкономразвития России, направленные на повышение узнаваемости муниципальных образований через организацию Всероссийского конкурса «Лучшая муниципальная практика» (номинация «Повышение узнаваемости муниципального образования» («бренд территории»), который поставил своей главной целью перенять успешный опыт и создать условия для активного тиражирования эффективных решений и их применимости на других территориях. В 2025 г. в конкурсе приняли участие 46 регионов. На конкурс поступило 183 заявки в двух категориях: 1) муниципальные округа, городские округа (городские округа с внутригородским делением) и городские поселения; 2) сельские поселения [14]. Анализируя итоговые результаты конкурса, можно выделить основные типы брендов, положенные в основу формирования бренда территорий, а также основные средства коммуникационных стратегий. (Таб. 1.)

Таким образом, важную роль в создании бренда территории играет коммуникационная стратегия, которая является фундаментальным основанием формирования территориального бренда. Постро-

Таблица 1.

Результаты Всероссийского конкурса «Лучшая муниципальная практика» в номинации «Повышение узнаваемости муниципального образования» («бренд территории»), 2025 г.

Наименование бренда территории	Практика	Краткая характеристика	Элементы коммуникационной стратегии	Результаты
г. Тобольск Тюменской области	«Тобольск - ключ к Сибири»	Практика направлена на создание цельного образа Тобольска и Тобольской агломерации. Основной фокус направлен на развитие туристической инфраструктуры. В основу бренда легло уникальное историческое положение Тобольска («ворота» в Сибирь), акцент культурном наследии, духовных центрах и большом туристическом потенциале	• Информация о достопримечательностях, маршрутах, афиша мероприятий были размещены на региональном туристическом портале и сайте бренда города. • Интернет-реклама, наружная реклама, репортажные съемки, спецпроекты на ТВ, информационные туры для блогеров и др.; • Использование слоганов, акцентирующих внимание на разнообразии культурного наследия: «Тобольск – ключ к истории Сибири» (освоение территории, становление Сибири, великие личности); «Тобольск – ключ к сокровищам Сибири» (природа, памятники архитектуры); «Тобольск – ключ к процветанию» (современный бизнес, промышленность, инфраструктурные объекты)	Объем инвестиций в сферу гостеприимства составил 712 млн руб.: на 38,5% вырос туристический поток; на 36% выросло число коллективных средств размещения; на 10% выросло число субъектов малого и среднего предпринимательства; в 2 раза выросло число самозанятых граждан; на 60% вырос оборот общественного питания
Печорский муниципальный округ Псковская область	«Печоры – Кольбель православия»	Практика нацелена на создание цельного образа г. Печоры как духовного центра Псковской области. Бренд фокусируется на уникальном духовном и историческом наследии города и направлен на паломнический туризм. Центральной частью бренда является действующий Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь. Акцент сделан на непрерывной многовековой духовной традиции, притягивающей паломников и туристов	• Большое количество событийных мероприятий с православной направленностью (Корнилиевские православные образовательные чтения, Международный конгресс «Единение»); • Разработка новой линейки сувенирной продукции и открытие новых точек продаж; • Создание центра добровольчества «Путь добра», паломнического центра историко-культурного центра «Истоки».	Объем инвестиций в основной капитал за последние 3 года вырос в 4,7 раза; в 2 раза вырос туристический поток; на 32 % выросло число коллективных средств размещения; на 11 ед. выросло число субъектов малого и среднего предпринимательства; в 3,5 раза вырос оборот общественного питания
Сысертьский муниципальный округ Свердловской области	«Сысерть. Креатив – новое железо». «Бренд города, созданный делами, а не словами»	Практика выстраивается вокруг промышленного города, трансформирующего свое индустриальное наследие (металлургический завод) в современную креативную экономику. Слоган «Креатив – новое железо» – главный принцип всех проектов, запускаемых в муниципальном округе	• Реализация проектов-драйверов, в которых отражаются ценности города, его идентичность и перспективы: Проект «Музей на заводе» и фестиваль «Лето на заводе». - Проект Творческая лаборатория Антихрупкость (соединение действующего фарфорового предприятия и художников/керамистов со всей страны). - Проект Туристско-рекреационный кластер «Большая Сысерть»; • Реализация PR-стратегии через разнообразные каналы коммуникации (СМИ, социальные сети, мероприятия и другие платформы). • Работа с амбассадорами города. Это не только официальные представители – глава города, чиновники, лидеры общественного мнения, но и обычные жители, предприниматели, творческие деятели.	Объем инвестиций в основной капитал с 2020 г. вырос на 3,6 млрд руб.; в 2,5 раза увеличилось количество поисковых запросов, содержащих наименование МО; на 480 ед. выросло число субъектов малого и среднего предпринимательства; количество запущенных проектов составило – 2 ед. федерального масштаба, 16 ед. регионального масштаба, 69 ед. местных инициатив

Наименование бренда территории	Практика	Краткая характеристика	Элементы коммуникационной стратегии	Результаты
Междуреченский муниципальный округ Кемеровской области – Кузбасса	«Междуреченск. Таежная цивилизация»	Практика сконцентрирована формировании уникального образа территории через соединение природного потенциала (экосистема тайги), культурного наследия коренных народов и современных технологий устойчивого развития. Бренд позиционирует создание пространства для гармоничного взаимодействия человека и природы, предлагающего альтернативную модель развития на принципах экологичности и сохранения традиций.	• Разработка визуальной атрибутики; • Брендирование общественного транспорта; • Создание сувенирной продукции с местным колоритом и символикой – авторский парфюм «Запах тайги», линейка таёжной одежды; • «Тайга Такси»; • Серия инвестиционных фильмов и привлечение известных людей (артистов, спортсменов, блогеров, телеведущих), родившихся в Междуреченске	Объем инвестиций в основной капитал с 2021 г. вырос на 27%; на 7 246 чел. выросло число туристов; на 97 ед. выросло число субъектов малого и среднего предпринимательства; в 2 раза вырос оборот общественного питания
Муниципальное образование город Аргун Чеченской Республики	«Образ Аргуна: от наследия к бренду»	Бренд основан на ключевых ценностях: уважении к историческому наследию, индустриальном прошлом, созидательной энергии, открытости, гостеприимстве и стремлении к развитию. Реализация практики началась с комплексного стратегического планирования – разработки пространственной концепции развития до 2035 г., в которой сформирован целостный бренд, интегрированный в туристическую, культурную и экономическую сферы.	• Обустройство туристических маршрутов (культурно-образовательного, делового, природного характера) и создание точек притяжения (гора Джейми-Барс, набережная, музей, турбаза, ипподром); • Разработка айдентики и сувенирной линейки – визуальное воплощение бренда через символику, арт-объекты и продукцию местных производителей; • Использование механизма социального партнёрства для вовлечения населения, акцент сделан на привлечение молодежных креативных идей; • Проведение событийных мероприятий межрегионального и федерального уровня, среди которых – ежегодные агрофестиваль «Дары Чечни», шоу «Летние мелодии» и конноспортивные скачки.	Объем инвестиций в основной капитал по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года вырос на 40 %; на 23 % увеличилось количество поисковых запросов, содержащих наименование МО; на 249 ед. выросло число субъектов малого и среднего предпринимательства; в 5 раз выросло число коллективных средств размещения; в 5 раз выросло количество креативных и гастрономических мероприятий регионального уровня; в 1,5 раза вырос оборот общественного питания

Источник: составлено автором на основании анализа данных Центра Стратегических разработок Минэкономразвития России
 Номинация: муниципальные округа, городские округа (городские округа с внутригородским делением) и городские поселения

ение территориального бренда предполагает планирование коммуникационной стратегии, создание коммуникационной инфраструктуры и комплексное использование коммуникационных инструментов в зависимости от специфики избранного типа территориального бренда, а также потребностей целевых аудиторий [15]. При этом, исходя из данных таблицы, видим, что коммуникационные стратегии при формировании территориального бренда (на примере лучших практик муниципальных округов, городских округов и городских поселений) носят во многом проектный характер. Полученные результаты ограни-

чиваются зачастую периодом реализации проекта, не всегда имеют системного основания, вследствие чего эффективность бренда территории и используемой коммуникационной системы для его продвижения не всегда является оптимальной. Коммуникационная стратегия в разрезе исследуемой проблемы должна представлять собой совокупность коммуникативных подходов, в которых все типы коммуникационных инструментов используются не только для достижения целей, но и работают на перспективу развития данной территории, способствуя росту ее инвестиционной привлекательности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексютина О.А, Левичева Е.В. Интернет-маркетинг в системе продвижения бренда // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2024. – № 4. – С. 6–11.
2. Важенина И.С. Бренд территории: сущность и проблемы формирования / И.С. Важенина // Маркетинг в России и за рубежом. – 2012. – № 2 (88). – С. 91–101.
3. Ильина В.А. Развитие концепций бренда: автореферат дис. ... канд. эконом. наук: 08.00.05/ Ильина Виктория Александровна. – Москва. – 2007. – 25 с.
4. Калиева О.М. Маркетинговое управление формированием бренда территории: автореферат дис. ... докт. эконом. наук: 08.00.05/ Калиева Ольга Михайловна. – Ростов-на-Дону. – 2019. – 44 с.
5. Anholt S. Competitive Identity. The New Brand Management for Nations, Cities and Regions, New York: Palgrave Macmillan, 2003, 134 p.
6. Urde M. Corporate Brands with a Heritage / M. Urde, S.A. Greyser, J.M.T. Balmer // Journal of Brand Management. – 2007. – Vol. 15, No. 1. – P. 4 – 19.
7. Глотов Д.С., Толстяков Р.Р., Гучетль Р.Г. Архитектура бренда территорий университет // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. – 2022. – № 4(86). – С. 57–70.
8. Динни К. Брендинг территорий. Лучшие мировые практики / под. ред. Кейта Динни; пер. с англ. Веры Сечной. – Москва: Манн, Иванов и Фарбер, 2022. – 336 с.
9. Родькин П.Е. Универсальная модель территориального бренда в контексте проблемы его репрезентации // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА им. С.Г. Строганова. — 2021. — № 4–2. — С. 20–29.
10. Замятин Д.Н. Геокультурный брендинг территорий: концептуальные основы //Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2013. – № 5. – С. 11–23.
11. Крым. Артек. Страницы документальной истории / сост: Н.М. Пронина, Н.Д. Оконова. – Москва: Научно-политическая книга, 2020. – 1007 с.
12. Ван Ч., Цзаожигули А. Разработка платформы бренда // Экономика и социум. – 2014. – № 4(13). – С. 30–37.
13. Ершов Е.Г. Региональный туристический бренд как элемент стратегии маркетинга территории: формирование, оценка, использование: автореферат дис. ... канд. эконом. наук: 5.2.3/ Ершов Евгений Геннадьевич. – Белгород. – 2023. – 27 с.
14. Повышение узнаваемости муниципальных образований «Бренд территории». – Текст: электронный. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/download/dfb7c2a0ba65122353179f1d8708731f/sbornik_brend_territorii_2025.pdf.
15. Кобякина О.Е. Коммуникационные стратегии территориального брендинга: автореферат дис. ... канд. филолог. наук: 10.01.10/ Кобякина Ольга Евгеньевна. – Москва. – 2016. – 24 с.

© Алексютина Ольга Александровна (oaleksyutina@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ОТРИЦАНИЯ В ГРАММАТИКЕ КИТАЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ: ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Ань Лишэн

Старший преподаватель, ФГБОУ Тихоокеанский
государственный университет, (г. Хабаровск)
anlisheng@mail.ru

COMPARATIVE STUDY OF NEGATION EXPRESSION MEANS IN CHINESE AND RUSSIAN GRAMMAR: TYPOLOGICAL AND PRAGMATIC ASPECTS

An Lisheng

Summary: The article is devoted to a comparative analysis of the grammatical means of expressing negation in Chinese and Russian, which belong to different typological classes, namely the analytical and synthetic types, respectively. The relevance of the study is determined by the fact that comparison of negation mechanisms in typologically heterogeneous languages makes it possible to identify universal and language-specific parameters of the interaction between morphology, syntax, and pragmatics. The aim of the study is to identify and compare the grammatical means of expressing negation in Chinese and Russian, as well as to describe their pragmatic functions and culturally conditioned strategies of use. The empirical basis of the study consists of corpus data from the Lancaster Corpus of Mandarin Chinese and the Russian National Corpus, as well as teaching grammars, academic descriptions, and contemporary typological research. The methodological framework includes comparative and typological analysis, elements of pragmatic description, and corpus-based methods. The study examines the morphological, syntactic, and pragmatic characteristics of negative markers, the mechanisms of forming negative utterances, and the phenomena of double negation and negative concord. Particular attention is paid to the aspectual conditioning of the choice between the markers 不 and 没有 in Chinese, the features of negative concord in Russian, and the pragmatic strategies of negation mitigation in Chinese communicative culture. The findings show that typological differences between Chinese and Russian are manifested not only in grammatical structure but also in discursive and culturally pragmatic practices, which is important for the further development of the typology of negation and for methods of teaching Russian and Chinese as foreign languages.

Keywords: negation, typology, Chinese language, Russian language, negative markers, double negation, negative concord, aspectuality, pragmatics, comparative linguistics.

Аннотация: Данная статья посвящена сопоставительному анализу грамматических средств выражения отрицания в китайском и русском языках, относящихся к различным типологическим классам (аналитический и синтетический типы). Актуальность исследования обусловлена тем, что сравнение механизмов отрицания в типологически разнородных языках позволяет выявить универсальные и специфические параметры взаимодействия морфологии, синтаксиса и прагматики. Цель работы состоит в выявлении и сопоставлении грамматических средств выражения отрицания в китайском и русском языках, а также в описании их прагматических функций и культурно обусловленных стратегий использования. В статье рассматриваются морфологические, синтаксические и прагматические характеристики отрицательных маркеров, механизмы формирования отрицательных высказываний, феномен двойного отрицания и негативного конкорда. Особое внимание уделяется аспектуальной обусловленности выбора маркеров 不 и 没有 в китайском языке, особенностям негативного конкорда в русском языке и прагматическим стратегиям смягчения отрицания в китайской коммуникативной культуре. Полученные результаты показывают, что типологические различия между китайским и русским языками проявляются как в области грамматической структуры, так и в сфере дискурсивных и культурно прагматических практик, что важно для дальнейшей разработки типологии отрицания и методики преподавания русского и китайского языков как иностранных.

Ключевые слова: отрицание, типология, китайский язык, русский язык, отрицательные маркеры, двойное отрицание, негативный конкорд, аспектуальность, прагматика, сопоставительная лингвистика.

Введение

Отрицание конституирует одну из фундаментальных категорий человеческого мышления и естественного языка, находя универсальную фиксацию во всех известных языковых системах [1]. В своем классическом труде «A Natural History of Negation» Л.

Хорн постулирует необходимость трактовки отрицания не исключительно как логической операции инверсии истинностного значения, но в качестве сложного семантико-прагматического феномена, имплементированного на различных уровнях языковой структуры [1, с. 13]. Способность к отрицанию Л. Хорн связывает с базовыми свойствами человеческого мышления и общения,

поскольку она проявляется в умении отказывать, выражать несогласие, строить ложные высказывания, использовать иронию и различать истину от лжи [1, с. 1].

Сопоставительное исследование отрицания в китайском и русском языках представляет интерес по нескольким причинам: лингвистическим, типологическими и прагматическим. Китайский язык относится к аналитическим, изолирующим языкам и лишен морфологической флексии, тогда как русский представляет собой синтетический, флективный язык с развитой системой словоизменения. Сопоставление способов выражения отрицания в языках столь разного строя позволяет точнее увидеть общие когнитивные основы этой категории и ее типологически своеобразные проявления. Кроме того, заметная асимметрия обнаруживается во взаимодействии отрицания с грамматическими категориями глагола. В китайском языке негативные маркеры 不 (bù) и 没 (有) (méi(yǒu)) выполняют различающую аспектуальную функцию и прямо указывают на характер протекания действия во времени.

Напротив, в русской языковой системе темпорально-аспектуальные значения реализуются преимущественно посредством внутренних морфологических показателей самого предиката, а частица «не» не обладает самостоятельной временной семантикой.

В-третьих, высокая степень актуальности проблематики обусловлена необходимостью изучения прагматической проекции отрицания сквозь призму национально-культурной специфики дискурсивных практик. Функционирование негативных конструкций в китайской лингвокультуре неразрывно связано с реализацией стратегий вежливости и феноменом сохранения лица (面子 miànzi), что продуцирует существенные расхождения и зоны интерференции при их соотнесении с русскими коммуникативными паттернами негативации [6; 7].

Целью настоящего исследования является системное выявление и сопоставительный анализ грамматических средств экспликации отрицания в китайском и русском языках с последующей таксономизацией параметров их структурно-семантической корреляции и типологической дивергенции. Достижение поставленной цели предполагает решение следующего комплекса исследовательских задач:

1. инвентаризация репертуара негативных маркеров, определение их синтаксического дистрибута и сферы действия;
2. дифференциация расхождений на пропозиционном уровне (в рамках высказывания) и комплексный анализ прагматических функций негативации;

3. концептуализация типологических параметров микросистем отрицания в аспекте контрастивной лингвистики применительно к рассматриваемым языковым системам.

Наше исследование сосредоточено на системе грамматических структур, выражающих отрицание в китайском и русском языках. Анализу подвергаются морфосинтаксические и прагматико-дискурсивные свойства операторов отрицания, механизмы построения негативных высказываний на когнитивном и вербальном уровнях.

Эмпирический материал получен путем направленной выборки из корпусных массивов с лексикографической разметкой: Lancaster Corpus of Mandarin Chinese и Национальный корпус русского языка. Корпусные данные сопоставлены со сведениями нормативных описательных грамматик, результаты верифицированы с опорой на современные фундаментальные исследования [9, 10, 11].

Лингвистическая типология традиционно трактует отрицание как бинарную оппозицию утверждению, для выражения которой языки используют специализированные формальные средства – негативные маркеры. В универсально-типологических работах, включая классификацию Дж. Гринберга, отрицание квалифицируется как базовая языковая универсалия: оно фиксируется во всех известных языках мира. Семантико-прагматическая теория разграничивает два типа отрицания. Первый тип – истинностно-функциональный – меняет истинностное значение пропозиции. Второй тип – метаязыковой – направлен на корректировку пресуппозиций или переосмысление отдельных компонентов высказывания, при этом пропозициональное содержание остается нетронутым [1, с. 362]. Такое различие особенно важно для описания отрицательных конструкций в языках с разной грамматической организацией. Метаязыковое отрицание, в частности, реализуется в конструкциях с коррелятивным противопоставлением, ср.: Я не люблю — я обожаю. Для них характерны синтаксический параллелизм и выраженная контрастивная интонация [1, с. 374].

Основные уровни выражения отрицания

В рамках структурно-грамматического подхода обычно выделяют несколько основных типов отрицания.

- Предикатная (вербальная) негативация: сфера действия отрицательного оператора распространяется на предикативный центр высказывания (рус. *Он не читает*; кит. 他不看书 tā bù kàn shū).
- Парциальная (адъективная/номинативная) негативация: отрицание охватывает отдельный конституент предложения, при этом пропозиция в целом сохраняет утвердительный статус (рус. *Не он читал*; кит. 不是他看书 bù shì tā kàn shū).

- Модальная негативация: отрицание затрагивает эпистемическую или деонтическую модальность ситуации (рус. *Он не может читать*; кит. 他不能看书 tā bù néng kàn shū).
- Эксплетивная (плейонастическая) негативация: избыточная реализация отрицательного маркера, не изменяющая истинностного значения высказывания и связанная с идиосинкратическими особенностями устойчивых дискурсивных формул [1, с. 184].

Типологическая спецификация механизмов выражения отрицания Типологическое расслоение языков на аналитические и синтетические типы детерминирует асимметрию стратегий кодирования негативности. В синтетических языках, представителем которых выступает русский, функционирование отрицательных операторов нередко сопряжено с комплексными морфологическими модификациями (включая согласование генитива прямого объекта, а также использование специальных финитных форм глагола).

Напротив, в аналитических языках, к которым относится китайский, механизм негативации реализуется преимущественно на уровне линейно-синтаксической конфигурации через препозитивные адвербиальные частицы, оставляющие морфологическую структуру вершинного глагола неизменной [2, с. 420]. Как отмечают Ч. Ли и С. Томпсон, агглютинативный характер китайской словоформы и отсутствие флективного словоизменения возводят позиционную дистрибуцию негативного маркера и его взаимодействие с аспектуальными операторами в ранг доминантных факторов интерпретации темпорально-модального контура высказывания [2, с. 414].

Эмпирическую базу составили данные *Lancaster Corpus of Mandarin Chinese* (LCMC) и *Национального корпуса русского языка* (НКРЯ), из которых методом сплошной выборки извлечено 1500 контекстов с отрицательными маркерами в каждом языке. Критерии отбора: наличие эксплицитного отрицательного маркера, репрезентация различных типов отрицания (предикатное, частичное, модальное, эксплетивное), жанровая сбалансированность. Параметрический подход лег в основу типологического сопоставления, которое охватывает морфологический, синтаксический и прагматический уровни анализа. Работа с корпусными данными проходила поэтапно: автоматический отбор материала сменялся ручной проверкой, за которой следовала контекстуальная интерпретация. Благодаря этому риск ошибочной классификации спорных случаев удалось существенно снизить.

Категория отрицания описана в научной литературе достаточно подробно, однако по ряду вопросов исследователи так и не пришли к согласию. В китайистике особую дискуссию вызывает статус маркера 不. Т. Эрнст трактует 不 как адвербиальный оператор, который под-

чиняется общим синтаксическим ограничениям на препозитивное наречие [5, с. 685], тогда как Дж.-в. Линь придерживается иной точки зрения: для него 不 представляет собой проективный элемент, напрямую связанный с аспектуальной проекцией глагольной группы и, в противовес 没(有), не допускающий элизии в координированных структурах [6, с. 445]. Выбор между этими позициями определяет характер типологического описания китайского отрицания. Если принять первую точку зрения, отрицание предстает преимущественно линейно-синтаксическим явлением; вторая же указывает на систему с иерархическими ограничениями, которые сближают китайский с языками более выраженного морфологического типа.

Столь же дискуссионной остается применимость концепции метаязыкового отрицания Л. Хорна к китайскому материалу. И. Чжан демонстрирует, что конструкции 不是 (bú shì) способны опровергать пресуппозиции, то есть выполнять функцию, характерную для метаязыкового отрицания [8, с. 140]. Р. Сяо и Т. Макэнери, впрочем, указывают на ограничения такой трактовки: английское метаязыковое отрицание обычно маркируется просодически и синтаксически более автономно, тогда как в китайском оно нередко сливается с истинностно-функциональным отрицанием [7, с. 305]. Это ставит под вопрос универсальность хорновской дихотомии. Подходы к негативному конкорду по-прежнему различаются. Западная типологическая традиция, восходящая к работам Л. Хорна, трактует его как морфосинтаксическое явление: несколько отрицательных элементов в пределах одной клаузы выражают единственное семантическое отрицание. Русская грамматическая традиция склонна описывать то же явление иначе – как стилистическое или эмфатическое усиление, причем синтаксический статус конструкции остается размытым [12, с. 615; 13, с. 183]. Расхождение выходит за рамки терминологии и приобретает типологическое значение, поскольку от избранной интерпретации зависит, какое место отводится русскому языку в кросслингвистических описаниях отрицания. В этих описаниях негативный конкорд выступает полноценным параметром варьирования, а не факультативной стилистической особенностью [14, с. 125]. Таким образом, обращение к этим спорным вопросам позволяет не только точнее выстроить понятийный аппарат исследования, но и избежать механического переноса западных типологических моделей на материал русского и китайского языков.

Средства выражения отрицания в русском языке

В современном русском языке отрицание выражается целой системой средств, где главное место занимает частица не. Она очень гибкая: может присоединяться к разным частям высказывания и тем самым менять смысловой акцент. Например, отрицание может относиться к

сказуемому: *Он не читает книгу*; к подлежащему: *Не он читает книгу*; к прямому дополнению: *Он читает не книгу*; а также использоваться в конструкциях с противопоставлением: *Он не читает, а пишет*.

Негативация в русском языке выражается не только частицей **не**, но и целым рядом других средств: дистрибутивной частицей **ни** (ни капли не пропало; ни ума, ни доброты), неопределенными местоимениями и наречиями с префиксом **ни-** (ничто, никогда, ниоткуда), экзистенциальными предикативными формами с префиксом **не-** (некого, нечего), специализированными предикатами отсутствия (нет, нельзя, невозможно), а также словообразовательными элементами со значением отрицания или отмены состояния (например, бездарный, безрадостный; разлепить, оторвать). Кроме того, отрицание может быть скрыто в семантике глаголов отказа или лишения, таких как отказать, воздержаться, лишить.

Типологически важной особенностью русской грамматики является негативный конкорд (negative concord / double negation as intensification). В его рамках несколько отрицательных компонентов в пределах одной простой клаузы, как в примере *Я никогда ничего никому не говорил*, не нейтрализуют друг друга по законам логической алгебры, а, напротив, складываются в единое усиленное отрицание, охватывающее временные, объектные и актантные параметры.

С точки зрения взаимодействия с видо-временной системой русское отрицание обладает значительной морфологической автономностью: частица *не* присоединяется к финитным формам глагола совершенного и несовершенного вида во всех временных планах без систематического изменения собственной семантики. При этом частица **ни** обычно рассматривается как элемент отрицательной полярности (Negative Polarity Item, NPI), то есть как единица, которая может употребляться только в определенных синтаксических условиях [15, с. 5].

Средства выражения отрицания в китайском языке

В китайском языке отрицание тесно связано с видом и временной характеристикой предиката. Основными средствами здесь выступают **不** (bù) и **没有** (méi(yǒu)), и у каждого из них свой круг значений и контекстов. Частица **不** чаще всего используется для выражения волевого и привычного отрицания: она может обозначать нереализованное намерение (*我不去 wǒ bù qù* — «Я не пойду»), регулярное предпочтение или состояние (*他不喜欢咖啡 tā bù xǐhuan kāfēi* — «Он не любит кофе»), статический признак (*这不重要 zhè bù zhòngyào* — «Это не важно») и проспективную временную перспективу (*明天我不来 míngtiān wǒ bù lái* — «Завтра я не приду»). Иными словами, **不** обычно охватывает незавершенные ситуа-

ции и общие, вневременные утверждения [2, с. 418].

Маркер **没有** связан прежде всего с отрицанием завершенных значений. Его используют, когда нужно сказать об отсутствии завершенного действия (*他没看书 tā méi kàn shū* — «Он не читал [книгу]»), о несуществовании объекта (*没有钱 méi yǒu qián* — «Нет денег») или об отсутствии изменения состояния (*他没有病 tā méi yǒu bìng* — «Он не заболел»). В терминах теории речевых актов **没有** указывает на то, что событие не подтверждено в актуальном плане реальности [6, с. 432].

Наряду с этими основными средствами в китайском языке есть и более периферийные формы отрицания. Запретительный императив **别** (bié – 别走开 bié zǒu kāi – «Не уходи!»), архаично-книжное **无** (wú – например, 无声 wúshēng – «беззвучный») и экзистенциальные конструкции с **没有**, выражающие полное отсутствие, принадлежат к этой группе [4, с. 512]. Типологическая специфика китайского языка обнаруживается в способе задания области действия отрицания: позиция маркера непосредственно перед отрицаемым элементом определяет семантический фокус высказывания. В предложении *他不看完这本书 tā bù kàn wán zhè běn shū* отрицание охватывает фазовый результат, то есть завершение чтения, тогда как конструкция *他没看这本书 tā méi kàn zhè běn shū* отвергает само событие в качестве свершившегося факта. Русский язык решает подобные задачи иначе: дифференциация смыслов нередко определяется просодией, логическим ударением и коммуникативным членением на тему и рему, что порождает потенциальную семантическую двусмысленность. Фраза «Он не читал всю книгу» иллюстрирует эту особенность, поскольку допускает две взаимоисключающие трактовки: человек либо вовсе не приступал к чтению, либо прочитал лишь фрагмент.

Типологические различия двойного отрицания и их коммуникативные эффекты

Китайский язык, как и русский, допускает употребление нескольких отрицательных элементов в пределах одного придаточного предложения, однако их функция и смысл в этих языках различаются. В русском языке действует **негативный конкорд**: несколько отрицательных элементов вместе усиливают одно общее отрицание. В китайском языке, напротив, повторное отрицание чаще не усиливает, а, наоборот, снимает отрицательный смысл и может передавать утверждение, смягчение высказывания или риторическое выделение.

Типологические исследования фиксируют шесть основных моделей сочетания отрицательных маркеров в современном китайском языке: **不+不**, **不+没有**, **没有+不**, **没有+不是**, **不是+不**, **不是+没有**. Прагматический диапазон этих моделей простирается от деинтенсифика-

ции категоричности высказывания до выражения необходимости и контрастного выделения смысла. Конструкция 不是不知道 (bú shì bù zhīdào, буквально «не то, чтобы он не знал») служит инструментом коррекции пресуппозиций и уточнения понимания ситуации собеседником, тогда как модель 不能不 (bù néng bù) передает субъективно или объективно обусловленную необходимость действия – например, 我们不能不学习中文 (Wǒmen bùnéng bù xuéxí zhōngwén) означает «Мы не можем не учить китайский» [16, с. 7].

Типологическое различие здесь принципиально: китайские конструкции с несколькими отрицаниями нередко порождают утвердительный смысл, русское же двойное отрицание воспринимается как усиленное отрицание.

Системное различие подтверждается на материале кванторных конструкций. Когда сопоставляются предложения вроде «Никто не сказал», обнаруживается специфика когнитивной репрезентации пропозиции: для китайского языкового сознания, как показали Гао Юэ и Н.В. Николаева, эквивалентный смысл выражается конструкцией 谁都没有说 («Каждый/все не сказали»), где универсальный квантор соединяется с предикативным отрицанием, однако эффект многократного отрицания при этом не возникает [17, с. 139]. Китайская грамматика вследствие этого исключает модель негативного конкорда. Для русского языка такая модель выступает структурообразующей, поскольку местоименные и адвербиальные элементы распределяются в ней комплементарно между утвердительным и отрицательным контекстами.

Типологическая дистанцированность верифицируется данными широкомасштабных кросс-лингвистических исследований. В работе Чо Гёнсук, посвященной сопоставлению механизмов негативации в шести языках (английский, французский, русский, корейский, японский, китайский), продемонстрировано, что русский и китайский языки относятся к различным таксономическим группам по способам выражения кванторного и адвербиального отрицания. Русская система характеризуется наличием специализированного инвентаря средств в указанных сферах, в то время как китайская парадигма не располагает релевантным корпусом специализированных формальных показателей [18, с. 15].

Прагматика отрицания и стратегии общения

Прагматическая реализация отрицания в китайском и русском языках во многом зависит от ситуации общения, но работает в них по-разному. В китайском языке снятие неоднозначности отрицательных конструкций во многом опирается на просодию: важную роль играют длительность звучания, паузы и интонация высказывания [7, с. 308]. В русском языке, напротив, основная

нагрузка чаще ложится на сами языковые средства: частицы не, ни, кванторные местоимения и другие морфосинтаксические маркеры делают смысл более явным и уменьшают роль интонации.

Своеобразие китайской коммуникации связано с ориентацией на социальную гармонию (hexie) и сохранение «лица» собеседника (面子 miànzi). Поэтому отказ или несогласие там часто выражаются косвенно, с помощью более мягких формулировок. Конструкции, снижающие категоричность высказывания, часто заменяют прямое отрицание в китайском языке. Среди них выделяются выражения с метаязыковым оператором 不是 (bú shì – «не то, чтобы...»), в том числе 不是不行 (bú shì bù xíng, буквально «не то чтобы нельзя»), градуальные смягчающие средства 有点困难 (yǒudiǎn kùnnan, «несколько затруднительно»), тактика отложенного ответа 再说吧 (zàishuō ba, «обсудим это позднее») [7, с. 140]. Препозитивный маркер 不是 выполняет двойную функцию: он выделяет нужный смысл и одновременно корректирует предпосылки адресата, что соответствует стремлению избежать прямой конфронтации и сохранить «лицо» собеседника [7, с. 10].

Русская коммуникативная традиция относится к прямому несогласию или отрицанию значительно спокойнее, считая их вполне допустимыми элементами речевого взаимодействия. Способы смягчить отказ существуют и здесь: модальные выражения неуверенности («Возможно, но...»), ограничительные частицы («Не совсем так»), формулы неопределенного согласия («Посмотрим»). Однако избегать прямого отрицания русскоязычному говорящему совершенно необязательно. Для русской лингвокультуры в целом важен баланс между кооперативными принципами Г. Грайса и стратегиями вежливости: нередко на первый план выходит точность и ясность сообщения, а не намеренное размывание смысла ради сохранения межличностной мягкости.

Практическое значение этих наблюдений тоже очевидно. В типологии они помогают точнее описывать различия между языками в том, как выражается отрицание, включая аспектуальную обусловленность выбора маркеров в китайском языке и негативный конкорд в русском. Для преподавания особенно важно различать китайскую модель логического снятия двойного отрицания (不是不知道 → «все знают») и русскую модель негативного конкорда (никто ничего не сказал → усиленное отрицание). Русскоязычным изучающим китайский язык полезно и простое правило выбора между 不 и 没有: незавершенное или общее действие обычно выражается через 不, а завершенное действие или отсутствие чего-то — через 没有. В переводе важно учитывать и культурно-прагматические различия: китайские смягчающие конструкции, такие как 有点困难, не стоит переводить буквально, потому что в русском языке отказ

обычно смягчается иначе. Наконец, для корпусной лингвистики такие результаты могут стать основой для автоматического распознавания разных типов отрицания.

Заключение

Сопоставительный анализ показывает, что отрицание в китайском и русском языках различается не только по форме, но и по своему типологическому устройству. Это обусловлено различием грамматического строя двух языков. В русском языке отрицание выражается совокупностью средств: частицами не и ни, приставками, а также конструкциями со значением отсутствия. В китайском языке основную роль выполняют препозитивные маркеры 不 [bù] и 没(有) [méi(yǒu)], которые не изменяют морфологическую форму глагола, а маркируют отрицание на уровне синтаксической организации высказывания. Наиболее отчетливо это различие проявляется в соотношении отрицания с аспектуально-темпоральными характеристиками предиката: 不 обычно используется для выражения воли-тивного или хабитуального отрицания незавершенных ситуаций, тогда как 没(有) специализирован на отрицании завершенных действий; в русском же языке отрицание не находится в столь жесткой зависимости от морфологической формы глагола. Двойное отрицание в русском и китайском языках функционирует принципиально по-разному. Русский язык использует негативный конкорд: несколько отрицательных элементов в одном высказывании складываются в единое отрицательное значение, а не взаимно уничтожаются. Китайский язык часто следует иной логике, при которой два отрицания снимают друг друга. Конструкции вроде 不是不知道 («Не то, чтобы он не знал») или 不能不 («нельзя не») служат для смягчения высказывания, выраже-

ния необходимости либо утверждения через двойную отрицательную форму.

Прагматика отрицания теснейшим образом связана с культурными особенностями коммуникации. Китайская речевая практика выстраивает отрицательные конструкции вокруг стратегий вежливости и концепции сохранения «лица» (面子 miànzi), что объясняет распространенность косвенных, смягченных способов выразить отказ или несогласие: говорящий избегает прямолинейных формулировок, способных поставить собеседника в неловкое положение. Русская коммуникативная норма, напротив, допускает прямое выражение несогласия без особых оговорок, поскольку ценность точности и определенности высказывания зачастую перевешивает соображения этикетной мягкости.

Сопоставительный анализ обнаруживает за внешними различиями общие когнитивные основания категории отрицания: оба языка оперируют сходными мыслительными операциями отвержения, исключения, противопоставления. Языковая реализация этих операций, однако, зависит от типологического строя и культурной традиции конкретного языка. Русское отрицание в значительной мере опирается на сегментные средства (частицы, приставки, отрицательные местоимения) и развитую систему кванторных элементов, что придает его выражению более эксплицитный характер.

В китайском языке, напротив, важную роль в интерпретации отрицательных конструкций нередко играет интонация. Таким образом, отрицание следует рассматривать как семантико-прагматическую категорию, универсальные основания которой получают различное языковое оформление в зависимости от строя и коммуникативных норм языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хорн Л.Р. Естественная история отрицания. Чикаго: University of Chicago Press, 1989. (англ.)
2. Ли Ч.Н., Томпсон С.А. Мандаринский китайский язык: функциональная справочная грамматика. Беркли: University of California Press, 1981. (англ.)
3. Волков К.В. Типология В.М. Солнцева и синтаксическая асимметрия китайского и русского языков в аспекте перевода // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 4. С. 92–102. (рус.)
4. Чао Юаньжэнь. Грамматика разговорного китайского языка. Беркли: University of California Press, 1968. (англ.)
5. Эрнст Т. Отрицание в мандаринском китайском языке // Natural Language and Linguistic Theory. 1995. Т. 13. С. 665–707. (англ.)
6. Линь Цзяван. Аспектуальный выбор и отрицание в мандаринском китайском языке // Linguistics. 2003. Т. 41, № 3. С. 425–459. (англ.)
7. Сяо Р., Макэрни Т. Отрицание в китайском языке: корпусное исследование // Journal of Chinese Linguistics. 2008. Т. 36, № 2. С. 274–320. (англ.)
8. Чжан Я. Bushi как оценочное отрицание в мандаринском китайском языке // Buckeye East Asian Linguistics. 2023. Т. 7. С. 132–143. (англ.)
9. Бэсьен Х., Дэвидсон Д., Бэйтс Д. Моделирование со смешанными эффектами с перекрёстными случайными эффектами для испытуемых и элементов // Journal of Memory and Language. 2008. Т. 59. С. 390–412. (англ.)
10. Люй Шусян. Восемьсот слов современного китайского языка. Пекин: 商务印书馆, 1982. (кит.)
11. Ши Ювэй. Симметрия и асимметрия утверждения и отрицания. Пекин: 北京语言文化大学出版社, 2001. (кит.)
12. Виноградов В.В. Русский язык: грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1947. (рус.)
13. Русская грамматика / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. Т. 2. (рус.)
14. Мьестамо М. Стандартное отрицание: отрицание повествовательных вербальных главных предложений в типологической перспективе. Берлин; Нью-

- Йорк: Mouton de Gruyter, 2005. (англ.)
15. Тискин Д. Ни: негативный конкорд в русском языке // Acta Linguistica Petropolitana. 2017. Т. 13, № 3. С. 1–17. (англ.)
 16. Чжон Ынджон. Структурные модели и прагматические эффекты двойного отрицания в современном китайском языке // Китаеведение. 2021. № 88. С. 1–22. (кор.)
 17. Гао Юэ, Николаева Н.В. «Двойное отрицание» в русском языке: лингводидактический и лингвокультурологический аспекты // Наука и школа. 2020. № 2. С. 137–142. (рус.)
 18. Чо Ёнсук. Типологическое сравнение отрицания в шести языках: английском, французском, русском, корейском, японском и китайском // Исследования языка. 2005. Т. 21, № 1. С. 1–26. (кор.)

© Ань Лишэн (anlisheng@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КРИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС-АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА НА ПРИМЕРЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ Д. ТРАМПА НА ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕЕ ООН (2025 Г.)

CRITICAL DISCOURSE-AN ANALYSIS OF POLITICAL DISCOURSE BASED ON THE EXAMPLE OF D. TRUMP'S SPEECH AT THE UN GENERAL ASSEMBLY (2025)

**L. Babayan
E. Tutova**

Summary: This article provides a critical discourse analysis of the speech of the President of the United States of America, Donald Trump, at the United Nations General Assembly in September 2025. The theoretical and methodological basis of the research is T. van Dijk's approach, which involves the analysis of political discourse at three interrelated levels: macrostructural (global themes and semantic dominants), superstructural (compositional and genre organization of the text) and microstructural (linguistic means and discursive strategies). The paper reveals how the speaker uses all twelve discursive strategies identified by T. van Dijk to construct an ideological opposition of «friends and foes». It is established that these strategies do not function in isolation, but as a single rhetorical mechanism that ensures the implementation of the «ideological square». The main communicative goal of the analyzed discourse is the naturalization of the ideology of «America First» through semantic inversion, militarization of language and sacralization of politics. Based on the analysis of this speech, five sections were identified: introduction, threat identification, assessment, ultimatum and warning, and epilogue. The identified linguistic patterns create a methodological basis for further comparative analysis of political discourse in the United States of America and can be applied in the study of populist communication strategies in other national contexts.

Keywords: discourse analysis, critical discourse analysis, political discourse, Donald Trump, UN.

Бабаян Лудмила

*Аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, (г. Москва)
lyudmilababayan11@mail.ru*

Тутова Екатерина Владимировна

кандидат филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, (г. Москва)

Аннотация: В данной статье проводится критический дискурс-анализ выступления президента Соединенных Штатов Америки Дональда Трампа на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций, состоявшегося в сентябре 2025 года. Теоретико-методологическую основу исследования составляет подход Т. ван Дейка, предполагающий анализ политического дискурса на трёх уровнях: макроструктурном (глобальные темы и смысловые доминанты), суперструктурном (композиционно-жанровая организация текста) и микроструктурном (языковые средства и дискурсивные стратегии). Выявлено, каким образом оратор использует все двенадцать дискурсивных стратегий, выделенных Т. ван Дейком, для конструирования идеологической оппозиции «свои - чужие». Установлено, что данные стратегии функционируют не изолированно, а как единый риторический механизм, обеспечивающий реализацию «идеологического квадрата». Главной коммуникативной целью анализируемого дискурса является натурализация идеологии «America First» через семантическую инверсию, милитаризацию языка и сакрализацию политики. На основе анализа указанной речи было выделено пять разделов: вступление, идентификация угрозы, оценка, ультиматум и предупреждение, эпилог. Выявленные лингвистические паттерны создают методологическую базу для дальнейшего сравнительного анализа политического дискурса в Соединенных Штатах Америки и могут быть применены при исследовании стратегий популистской коммуникации в других национальных контекстах.

Ключевые слова: дискурс-анализ, критический дискурс-анализ, политический дискурс, Дональд Трамп, ООН.

Политический дискурс представляет собой текст и разговоры профессиональных политиков или политических институтов, таких как президент, премьер-министр и другие члены правительства, парламент или политические партии, как на местном, национальном, так и на международном уровнях [5]. Политический дискурс служит не только средством передачи информации, но и инструментом формирования общественного мнения, легитимации власти и конструирования социальной реальности [13]. Следовательно, политический дискурс одновременно представляется как инструмент и арена власти. Раскрыть эту двойственную природу языка в политике позволяет критический анализ дискурса.

Анализ выступления Д. Трампа на Генеральной Ассамблее ООН (2025) показывает, как язык становится средством проведения геополитической стратегии. Речь выходит за рамки простого информирования о достижениях или политических позициях, реализуя то, что ван Дейк [9] определяет как «идеологический квадрат», дискурсивный механизм поляризации мира на морально противоположные лагеря. Его функционирование обеспечивается четырьмя взаимосвязанными операциями, которые представлены в таблице 1.

Для систематического анализа политического текста Т. ван Дейк предлагает исследовать речь на трех взаи-

Таблица 1.

Идеологический квадрат по Т. Ван Дейку.

Показатель	Позитивные свойства / действия	Негативные свойства / действия
Мы (In-group)	Акцент на достижениях, добродетелях, спасении	Оправдание, эвфемизмы, игнорирование ошибок
Они (Out-group)	Игнорирование успехов, обесценивание мотивов	Демонизация, гиперболизация угроз, криминализация

Источник: составлено автором по данным [9].

Рис. 1. Уровни анализа политического текста по Т. Ван Дейку.

Источник: составлено автором по данным [9]

мосвязанных уровнях (рис. 1).

Основой методологии Т. ван Дейка на уровне микро-структурного анализа является концепция 12 дискурсивных стратегий, с помощью которых осуществляется позитивная самопрезентация «Наших» (In-group) и негативная репрезентация «Других» (Out-group) [3]. Применение методологии Т. ван Дейка к анализу политического дискурса открывает широкие возможности для сравнительного исследования. В частности, сопоставление дискурсивных стратегий, используемых представителями различных политических сил, позволяет выявить не только универсальные приемы политической коммуникации, но и специфические идеологические паттерны, характерные для той или иной политической традиции. Анализ речи президента Д. Трампа на Генеральной Ассамблее ООН (2025 г.) [2] представляет особый интерес, так как в ней концентрированно представлены все двенадцать дискурсивных стратегий, выявленных Т. ван Дейком, а также специфические приемы популистской риторики: семантическая инверсия и сакрализация политики (рис. 2).

Для систематизации примеров стратегий были составлены таблицы 2–6, где каждый приём соотнесён с основными тематическими блоками и приведены язы-

ковые маркеры и их дискурсивная интерпретация. Наиболее универсальными приёмами, охватывающими все домены, являются «Негативная лексикализация» и «Гипербола» (табл. 2).

Приемы «Движение сострадания» и «Очевидный альтруизм» сконцентрированы на образах «своих» (союзники, коренные жители) и служат для моральной легитимации (табл. 3).

В таблице 4 представлены такие приемы как «Очевидный ход за честность» и «Негативное сравнение».

Обобщение и конкретизация преобладают в миграционном и экологическом дискурсе, что указывает на стратегию дегуманизации через статистику и стереотипизацию (табл. 5).

В следующей таблице представим такие приемы, как «Аллитерация», «Предупреждение», «Нарушение норм и ценностей», «Пресуппозиция» (табл. 6).

Обратимся к следующему уровню анализа. Макроструктура отвечает на вопрос: «О чем этот текст в целом?» Она выявляет глобальные темы и идеологическую основу дискурса. Глобальной темой данного выступления

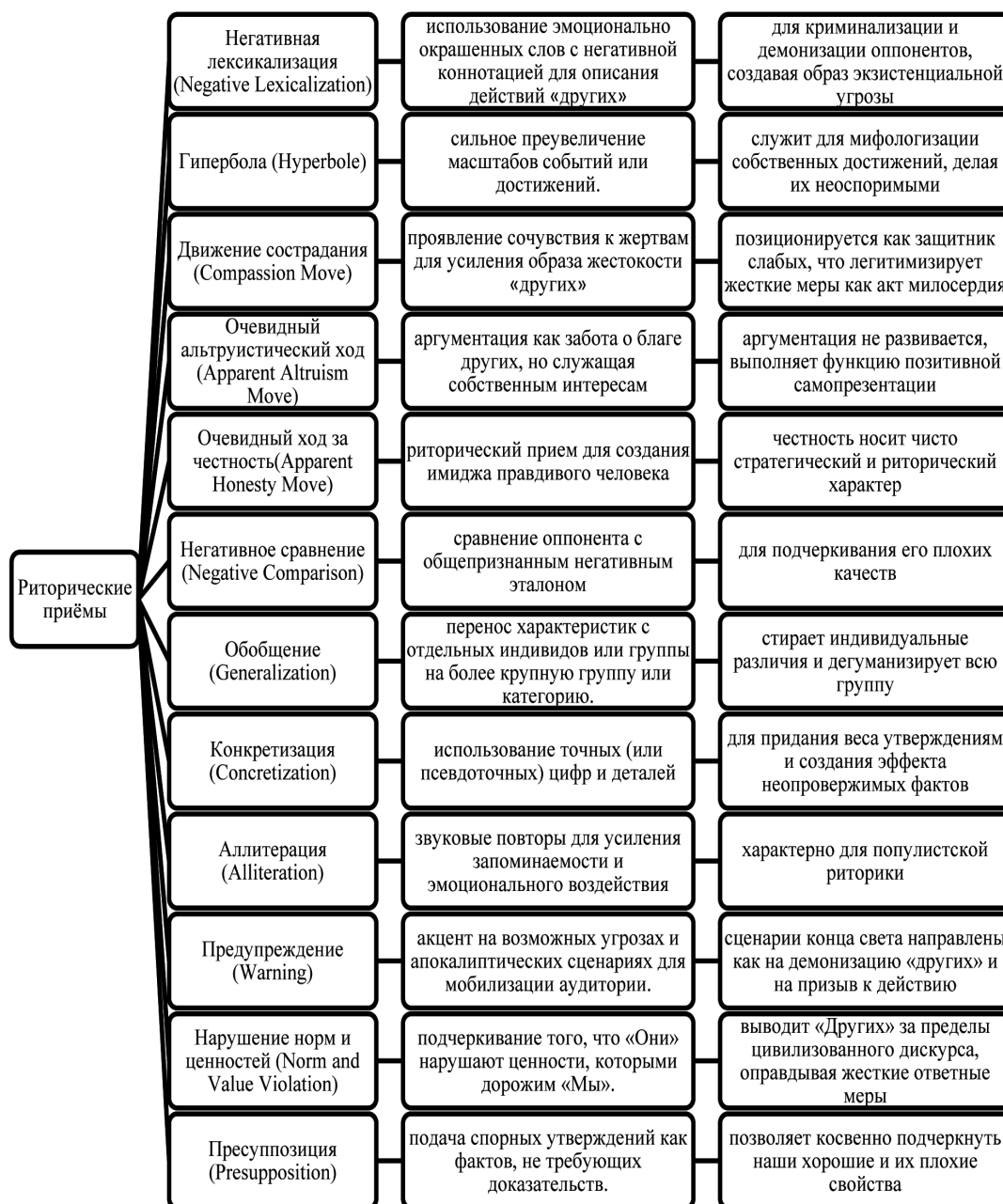

Рис. 2. Риторические приёмы в выступлении Д. Трампа на Генеральной Ассамблее ООН (2025)
Источник: составлено автором по данным [3-12]

является возрождение американского величия, национального суверенитета и «здорового смысла» через решительный разрыв с некомпетентными глобалистскими институтами (ООН), либеральной повесткой («зеленая» энергетика, открытые границы) и слабым предыдущим руководством, в то время как глобальной макротемой (смысловая доминанта) выступает только сильная, прагматичная и суверенная Америка под текущим лидерством, которая способна спасти не только себя, но и «увядающий» свободный мир от экзистенциальных угроз

хаоса, преступности и идеологического обмана.

Реализация «Идеологического квадрата» Ван Дейка происходит с помощью разделения на «Наших» хороших действий/свойств: «Мы спасаем жизни (останавливая опасные пути миграции), мы обладаем неисчерпаемыми ресурсами («чистый, красивый уголь»), мы возвращаем безопасность на улицы, мы чтим жертвы предков и защищаем традиционные ценности» и «Других» плохих действий/свойств: Предыдущая админи-

Таблица 2.

Примеры применения риторических приёмов «Негативная лексикализация» и «Гипербола» в выступлении Д. Трампа на Генеральной Ассамблее ООН (2025) и их тематическая реализация.

Приём	Внутренние оппоненты (администрация, демократы)	ООН / международные институты	Внешние враги (Иран, ХАМАС, картели)	Мигранты / границы	Экологическая политика	Союзники / другие страны (Европа, Бразилия, НАТО)
Негативная лексикализация	«weakness, lawlessness, radicalism, disasters, incompetent, corrupt» – криминализация и демонизация предыдущей администрации, создание образа экзистенциальной угрозы.	«corrupt, waste, empty words»- делегитимизация ООН как аморальной и преступной, а не просто неэффективной.	«sponsor of terror, atrocities, ransom, murderous, savage, bloodthirsty, animals, torture, maim, mutilate, thug» -лишение политического статуса, дегуманизация (animals), оправдание крайних мер.	«infiltrate, so called asylum seekers, repaid kindness with crime» описание мигрантов как враждебных агентов (infiltrate) и неблагодарных преступников.	«scam, fake, evil, insane, suicidal energy ideas» - вывод сторонников экологов из рациональной дискуссии, маркировка как мошенников или сумасшедших.	«inexcusably (NATO), plundered, broken (экономика), censorship, repression, weaponization, judicial corruption (Бразилия)» – криминализация действий союзников; глаголы plundered/ broken создают образ насилия над экономикой.
Гипербола	«greatest economy in history, golden age»- мифологизация достижений через абсолютные суперлативы.	«no United Nations... no nothing» - абсолютизация угрозы (конец света без ООН), мобилизация через страх.	«blow you out of existence, enemies of all humanity, totally obliterating»- гиперболизация военной мощи, создание образа тотального врага.	«unprecedented invasion, millions and millions, nobody's ever seen» - преувеличение масштабов миграции как экзистенциальной угрозы.	«death of Western Europe, greatest con job, destroys everything, total destruction» - апокалиптические сценарии, оправдывающие отказ от «зелёных» соглашений.	«death of Western Europe, destroying large part of free world» - перенос внутренних культурных войн на глобальный уровень, мобилизация консервативной базы.

Источник: составлено автором

Таблица 3.

Примеры применения риторических приёмов «Движение сострадания» и «Очевидный альтруистический ход» в выступлении Д. Трампа.

Приём	Внутренние оппоненты	ООН / международные институты	Внешние враги (Иран, ХАМАС, картели)	Мигранты / границы	Экологическая политика	Союзники / другие страны
Движение сострадания	«workers wages rising fastest» - оратор позиционирует себя как защитника простых рабочих, легитимизируя политику.	—	«parents want dead bodies back, young soldiers killed» - детализация страданий родителей и солдат как эмоциональный якорь, делающий критику оратора морально приемлемой.	«deplete social safety net, ancestors gave everything» – сострадание к коренным налогоплательщикам и предкам, что оправдывает закрытие границ как защиту «истинного народа».	—	«worry about Europe, love Europe, hate to see devastation, ancestors gave everything for homelands» – патерналистская критика маскируется под искреннюю заботу; апелляция к жертвам предков легитимизирует жёсткую политику.
Очевидный альтруистический ход	—	«too bad I had to do UN's job» – «сожаление» маскирует критику ООН и самохвальство.	—	«humanitarian act» – семантическая инверсия: депортации переупаковываются в «спасение» мигрантов.	«stop ruining countryside with windmills, provide abundant affordable energy» – критика ветряков подаётся как забота о союзнике, а не лоббирование нефтегаза.	«making NATO stronger, encourage to defend citizens, help nations but fair and reciprocal» – требования к НАТО и протекционизм подаются как помощь и справедливость.

Источник: составлено автором

Таблица 4.

Примеры применения риторических приёмов «Очевидный ход за честность» и «Негативное сравнение» в выступлении Д. Трампа.

Приём	Внутренние оппоненты	ООН / международные институты	Внешние враги (Иран, ХАМАС, картели)	Мигранты / границы	Экологическая политика	Союзники / другие страны
Очевидный ход за честность	«I speak my mind, not politically correct» – противопоставление «прямоты» лицемерию элит, иммунизация от критики.	«I didn't think of it at the time» – критика ООН подаётся как позднее горькое осознание, а не спланированная атака.	«I'm really good at this stuff» – утверждение компетентности в военных вопросах как «неудобная правда».	«you know what that means» – намёк на жёсткие меры оставлен недосказанным, усиливая страх.	«it's not politically correct to say, but true» – готовность к критике служит доказательством искренности.	«fake news doesn't write about it, I'm here to tell truth» – образ прагматичного реалиста, говорящего «неудобную правду» о Европе.
Негативное сравнение	«laughingstock» – предыдущее состояние страны приравнивается к потере достоинства, текущее – к единственно возможной силе.	«escalator stopped, mahogany vs plastic» – сравнение ООН со сломанным механизмом и обманом, снижение статуса.	«giving in to ransom demands» – любые переговоры с ХАМАС приравниваются к уступке террористам.	«failed experiment of open borders» – либеральная миграция сравнивается с научным провалом, обречённым на катастрофу.	«joke, bankrupt» – зелёная энергетика редуцируется до шуток и банкротства, дискредитация без дискуссии.	«Sharia law» (Евropa), «others have failed» – интеграция в Европе приравнивается к введению шариата; «другие» как предупреждение.

Источник: составлено автором

Таблица 5.

Примеры применения риторических приёмов «Обобщение» и «Конкретизация» в выступлении Д. Трампа.

Приём	Внутренние оппоненты	ООН / международные институты	Внешние враги (Иран, ХАМАС, картели)	Мигранты / границы	Экологическая политика	Союзники / другие страны
Обобщение	—	«many things in UN happen like that» – на основе одного эпизода делается вывод о системном кризисе всей организации.	«some of this body – encouraging Hamas» – действие нескольких членов ООН обобщается как поддержка терроризма.	«millions from prisons, mental institutions; all so called asylum seekers – criminals» – тотальное обобщение, дегуманизация всей группы.	«all environmentalists want to stop factories, kill cows; all predictions made by stupid people» – редукция сложных дебатов до абсурда, создание образа иррационального врага.	«countries that cherish freedom fading fast because of immigration and green energy» – сложные процессы в разных странах сводятся к единой причине.
Конкретизация	«\$1 trillion vs \$17 trillion, four months, zero» – конкретные цифры создают эффект неопровержимой фактологичности, даже при риторическом преувеличении.	«\$372 million, 624,000 migrants» – псевдоточные суммы и числа создают иллюзию строгого учёта.	«7 bombers, 14 bombs, 12 days, 38 bodies, 5 7 thousand soldiers» – насыщение числами создаёт эффект «документальности» и полного контроля оратора.	«50% in Germany, 53% Austria, 300,000 children, 1,700 career criminals» – проценты и числа подавляют критическое мышление, создавая иллюзию статистической доказательности.	«37% reduction, 54% increase, 2030, 1990 standard, 1,300 heat deaths» – даты и проценты создают видимость аналитического подхода, даже при тенденциозной интерпретации.	«250th anniversary, 2026 World Cup, 2028 Olympics, July 4, 1776, 39 seconds» – гипердетализация служит «якорем реальности» в субъективных историях.

Источник: составлено автором

Таблица 6.

Примеры применения риторических приёмов «Аллитерация», «Предупреждение», «Нарушение норм и ценностей», «Пресуппозиция».

Приём	Внутренние оппоненты	ООН / международные институты	Внешние враги (Иран, ХАМАС, картели)	Мигранты / границы	Экологическая политика	Союзники / другие страны
Аллитерация	«weakness, lawlessness» – ритмическая структура делает лозунги хлесткими, легко запоминающимися.	«empty words» – повторение шипящих и гласных превращает фразу в афоризм.	«savage drug cartels» – аллитерация усиливает эмоциональный заряд, вызывая шок и гнев.	(не выражена)	«green scam, climate change, clean beautiful coal» – сочетания с аллитерацией превращают сложные концепции в легко тиражируемые лозунги; оксюморон «clean coal» ритмически приятен.	«blood, sweat, tears; fight, fight, fight» – классический триколор и повтор создают сакральный ритм, связывая абстрактное с физическими жертвами.
Предупреждение	—	«only action solves wars» – скрытое предупреждение: если ООН продолжит «пустые слова», она станет опасной иллюзией.	«blow you out of existence, jail or further» – недосказанная угроза позволяет воображению дорисовать самые суровые последствия.	«going to jail or further, you know what that means» – намёк на внесудебные меры усиливает страх и демонизирует нарушителей.	«your country will fail, death of Europe, heading to total destruction» – апокалиптические прогнозы создают срочность (urgency), оправдывая радикальный разрыв с соглашениями.	«your countries are going to hell, before it's too late, need strong borders and traditional energy» – условное предупреждение предлагает «ключ к спасению», монополизируя право определять путь.
Нарушение норм и ценностей	«guns of war shattered the peace I forged» – предшественники обвиняются в нарушении мира, что выводит их за рамки легитимного дискурса.	«UN supposed to stop invasions, not create/finance them» – обвинение в выполнении противоположной миссии полностью делегитимизирует институт.	«refuse to release hostages or accept ceasefire» – отказ от прекращения огня подаётся как нарушение норм человечности.	«repaid kindness with crime» – апелляция к норме взаимности: мигранты нарушают закон гостеприимства, что оправдывает их изгнание.	«carbon footprint is a hoax, evil intentions, crazy rules» – экологическая повестка обвиняется в мошенничестве и несправедливости (наказание малых, игнорирование больших).	«Brazil interferes in US rights and freedoms» – экономические тарифы обосновываются защитой демократических ценностей, выводя конфликт в моральную плоскость.
Пресуппозиция	«economic calamity we inherited» – утверждение, что предыдущее состояние было катастрофой, подаётся как данность без доказательств.	—	«world's number one sponsor of terror» – статус Ирана пресуппонируется как общепризнанный факт, блокируя дискуссию.	«crisis of uncontrolled migration, infiltrate» – пресуппозиция о злом умысле мигрантов и неконтролируемости процесса.	«brutal green policies» – аксиома, что «зелёные» политики жестоки, не требующая обоснования.	«taken advantage of by the world» – пресуппозиция о хищнической эксплуатации США; «most persecuted religion – Christianity» – аксиома для консервативной аудитории.

Источник: составлено автором

страция принесла «катастрофу» и «беззаконие»; ООН коррумпирована, некомпетентна и финансирует «вторжение»; мигранты и картели являются «животными» и «угрозой»; «зеленая» повестка – это «мошенничество» (scam) и «афера» (con job).

При этом происходит сокрытие плохих действий «Наших», к примеру, репрессивных мер (массовые депортации, применение армии внутри страны, выход из климатических соглашений), которые риторически переупаковываются в «гуманитарные акты» и «защиту

суверенитета». Экологические издержки добычи ископаемого топлива игнорируются, в то же время сокрытие хороших действий «Других» полностью обесценивая или игнорируя законные основания для запроса убежища, реальные гуманитарные миссии ООН, научный консенсус по климату и сложность глобальных экономических цепочек.

Суперструктура описывает формальную, схематическую организацию текста, которая управляет вниманием аудитории и выстраивает аргументацию от частного к возвышенному. На основе анализа было выделено пять разделов:

1. Вступление, для установления контакта, разрушение формальных барьеров и позитивная самопрезентация. В выступлении это было представлено в виде неформального начала, а также глобального заявления о наступлении «золотого века» (golden age) и контраст с прошлым кризисом.
2. Идентификация угрозы, для создания ощущения кризиса и мобилизация аудитории через страх. В выступлении она реализуется демонстрацией экзистенциальных угроз, введение образа «двуглавого монстра» (миграция и «зеленая» энергетика), который разрушает страны, делегитимизацией институтов (ООН обвиняется не просто в бездействии, а в активном финансировании хаоса и коррупции).
3. Оценка, с помощью которой происходит легитимация оратора как единственного эффективно «менеджера» и спасителя. Реализуется через переход к перечислению конкретных достижений с использованием стратегии конкретизации (7 прекращенных войн, \$17 трлн инвестиций, 0 нелегальных пересечений за 4 месяца, возвращение 30 000 детей), сложные геополитические и социальные проблемы редуцируются до простых, решенных задач, подчеркивая полный контроль оратора над ситуацией.
4. Ультиматум и предупреждение, с помощью демонстрация силы и перекладывания ответственности за будущие негативные сценарии на оппонентов. Использовались прямые угрозы врагам и жесткие экономические меры, патерналистское,

но жесткое предупреждение союзникам (Европе) (если вы не откажетесь от «зеленого обмана» и открытых границ, вы «потерпите крах» (going to fail)).

5. Эпилог, эмоциональная кульминация, перевод дискурса из плоскости прагматичной политики в плоскость морального и исторического императива. Трамп использует риторическое крещендо, апеллирует к грядущим триумфам (250-летие США, Олимпиада), возвышает перечисление предков («солдаты, фермеры, рабочие... патриоты»), которые строили нации «с потом, кровью, жизнью и смертью», далее идет защита границ, традиций и «священного долга» (sacred duty) перед будущими поколениями. Завершение позитивной, объединяющей визионерской нотой («bright, beautiful planet»).

Проведенный анализ доказал высокую эвристическую ценность методологии критического дискурс-анализа Т. ван Дейка для исследования современного политического дискурса. Трехуровневая модель в сочетании с расширенным набором из 12 дискурсивных стратегий позволила описать поверхностные языковые особенности текста и вскрыть механизмы воспроизводства идеологии, властных отношений и социального неравенства. Глобальная смысловая доминанта текста строится на жесткой реализации «Идеологического квадрата» ван Дейка, конструируя в дискурсе оппозицию «Мы» и «ОНИ». При этом стратегически замалчиваются негативные аспекты собственной политики и позитивные аспекты деятельности оппонентов. На микроструктурном уровне установлено, что 12 выделенных стратегий не используются хаотично, а функционируют как единый риторический механизм. Наиболее эффективными инструментами воздействия в данном тексте оказались пресуппозиция и обобщение для подачи спорных идеологем как неоспоримых аксиом, не требующих доказательств, негативная лексикализация и дегуманизация для лишения оппонентов морального и правового статуса, семантическая инверсия или переосмысление. Главной коммуникативной целью анализируемого дискурса является натурализация идеологии изоляционизма и протекционизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Lakoff G. Don't Think of an Elephant! Know Your Values and Frame the Debate: The Essential Guide for Progressives. — White River Junction: Chelsea Green Publishing, 2004. — 144 p.
2. US President Donald Trump address to the United Nations General Assembly. — 23 September 2025. — Full Transcript.
3. van Dijk T.A. Critical Discourse Analysis // The Handbook of Discourse Analysis / Ed. by D. Schiffrin, D. Tannen, H.E. Hamilton. — Oxford: Blackwell, 2001. — pp. 466–485.
4. van Dijk T.A. Discourse and Context: A Sociocognitive Approach. — Cambridge: Cambridge University Press, 2008. — 267 p.
5. van Dijk T.A. Discourse and Power. — London, UK: Macmillan Education UK, 2008. — 308 p.
6. van Dijk T.A. Discourse and the Denial of Racism // Discourse & Society. — 1992. — Vol. 3, № 1. — pp. 87–118.
7. van Dijk T.A. Discourse, Power and Access // Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis / Ed. by C. Caldas-Coulthard, M. Coulthard. — London: Routledge, 1996. — pp. 84–104.

8. van Dijk T.A. *Elite Discourse and Racism*. – Newbury Park: SAGE Publications, 1993. – 321 p.
9. van Dijk T.A. *Ideology and Discourse Analysis* // *Journal of Political Ideologies*. – 2006. – Vol. 11, № 2. – pp. 115–140.
10. van Dijk T.A. *Principles of Critical Discourse Analysis* // *Discourse & Society*. – 1993. – Vol. 4, № 2. – pp. 249–283.
11. van Dijk T.A. *Racism in the Press*. – London: Routledge, 1991. – 276 p.
12. van Dijk T.A. *Society and Discourse: How Social Contexts Influence Text and Talk*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 287 p.
13. Wodak R. *The Discourse-Historical Approach* // *Methods of Critical Discourse Analysis* / R. Wodak, M. Meyer (Ed). – London: SAGE, 2009. – pp. 87–121.

© Бабаян Лудмила (lyudmilababayan11@mail.ru), Тутова Екатерина Владимировна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОЛИЦИИ В МАССМЕДИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ И МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

CONCEPTUALIZATION OF POLICE IN THE MASS MEDIA DISCOURSE AND MASS LITERATURE

**D. Bagretsov
V. Nesterova**

Summary: The article is devoted to the study of the process of linguistic modeling of the Russian Police image and their conceptualization. The processes taking place in the public consciousness inevitably find their reflection in media discourse and in mass literature as well. The authors analyze the influence of constructed images on the formation of public opinion regard to law enforcement agencies as a social institution. This determines the relevance of the study, the results of which are to study the factors influencing the perception of the Police and their activities in the digital society and the influence of these factors on modern socio-political processes. All aspects of the modern picture of the world in the field of public order protection produced by the mass media and fiction need analytical understanding and should be considered while planning work to create a meliorative image of an Internal Affairs officer. Analysis of examples from literature in combination with newspaper material analysis allows to obtain a more complete picture of modern reality, draw accurate conclusions, and consider possible ways to solve problems in the law enforcement field as well.

Keywords: police, conceptualization, image, modeling, newspaper discourse, Mass Media discourse, argumentation, mass literature.

Багрецов Дмитрий Николаевич

кандидат филологических наук, старший преподаватель,
Уральский юридический институт МВД России
bagretsov75@yandex.ru

Нестерова Валерия Евгеньевна

кандидат филологических наук, доцент,
Уральский юридический институт МВД России
karaelan@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена изучению процесса лингвистического моделирования образа российской полиции и ее концептуализации. Процессы, происходящие в общественном сознании, неизбежно находят свое отражение в медиадискурсе, а также в массовой литературе. Авторами анализируется влияние конструируемых образов на формирование общественного мнения относительно правоохранительных органов как социального института. Это определяет актуальность исследования, результаты которого заключаются в изучении факторов, влияющих на восприятии полиции и ее деятельности в цифровом обществе, и влияние этих факторов на современные социально-политические процессы. Все аспекты современной картины мира в сфере охраны общественного порядка, продуцируемые массмедиа и художественной литературой, нуждаются в аналитическом осмыслении и должны учитываться в планировании работы по созданию мелиоративного образа сотрудника органов внутренних дел. Анализ примеров из художественных произведений в сочетании с анализом газетного материала позволяет получить более полную картину современной действительности, сделать точные выводы, а также рассмотреть возможные способы решения проблем в правоохранительной сфере.

Ключевые слова: полиция, концептуализация, образ, моделирование, газетный дискурс, массмедиаальный дискурс, аргументация, массовая литература.

Введение

По мнению большинства лингвистов, язык следует рассматривать не только как средство коммуникации, но и в качестве инструмента речевого воздействия, способного управлять коммуникативными процессами и формировать ценностные мотивации, ориентации, смыслы. О.С. Иссерс полагает, что «новые формы коммуникации обусловили появление новых дискурсивных практик, которые, будучи общественными практиками, участвуют в формировании социального мира» [6]. В связи с этим множество исследований посвящено изучению приемов речевого поведения, наиболее эффективных в плане стратегий говорящего, а также выбору адекватного способа вербального воздействия на адресата в конкретной коммуникативной ситуации.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что ключевой категорией в рамках реализации комму-

никативных стратегий и тактик, способствующих моделированию образа института, является категория оценки и оценочности. На наш взгляд, наиболее точное определение понятию «ценность» дает В.И. Карасик, который рассматривает ценность как совокупность наиболее значимых для определенной культуры смыслов и культурных доминантов, находящихся отражение в ценностной картине мира и детерминирующие мировосприятие народа, его менталитет [7]. Основным способом выражения системы ценностей в медийном дискурсе и художественной литературе выступает категория языковой оценки, которая рассматривается лингвистами как «общественно закрепленное отношение носителей языка («хорошо» – «плохо», «законно» – «незаконно», «друг» – «враг») к внеязыковому объекту, к фактам языка и речи» [14]. В связи с этим, оценивая тот или иной объект, языковая личность всегда опирается на идеальные представления об этом объекте, который может быть признан позитивно ценным, негативно ценным, ценностно нейтральным [5].

В современном социуме массовая литература и средства массовой информации (СМИ) играют важную роль в формировании общественного мнения и представлений о различных социальных институтах, одним из которых является полиция. Правоохранительные органы, выступая защитниками или, наоборот, истребителями тех или иных ценностей, либо сами начинают восприниматься обществом как ценность, либо обесцениваются гражданами и воспринимаются в качестве агрессоров и разрушителей общепринятых ценностей и норм. Тексты, посвященные деятельности органов правопорядка, подразделяются на моделирующие мелиоративный образ полиции и резко критикующие деятельность силовых структур посредством вербализации различных компонентов, представляющих общепринятые ценности.

Результаты и обсуждение

На современном этапе развития общества значительным прагматическим потенциалом обладают СМИ благодаря своей способности влиять на деятельность политических и социальных институтов. Все СМИ создают единое медиапространство, а массмедийный дискурс включает в себя сообщение, канал распространения информации, а также экстралингвистические факторы, такие как получатель медиасообщения, обратная связь, культурообусловленные способы кодирования и декодирования информации, социально-исторический и политико-идеологический контекст [3]. Таким образом, можно утверждать, что существует определенная корреляция между политико-социальными процессами и лингвистическими особенностями медийных сообщений.

Конструированием медиаобраза полиции занимались такие российские и зарубежные ученые, как Т.В. Агапова [1], Э.В. Будаев, А.П. Чудинов [2], А.И. Золотайко [4], О.И. Михневич [8], Д.Г. Передня [9], Л.А. Пушкина [10], А.Л. Ситковский [12], А. Ciabuca [15], G. Lovell [16], G. Mullis [17], G. Schultz [18], W. Wayne [Wayne 19].

Ссылки на нормативные правовые акты и употребление юридической терминологии являются эффективным средством аргументации юридической компетентности / некомпетентности сотрудников полиции и легитимности / нелегитимности применения законодательства в случае совершения лицом противоправного деяния. Так, в контексте «<...>, правонарушители были установлены в ходе организованной проверки. Они были привлечены к административной ответственности по статье о невыполнении правил поведения при чрезвычайной ситуации или угрозе ее возникновения (статья 20.6.1 КоАП РФ). Кроме того, в отношении женщины был составлен протокол за самоуправство (статья 19.1 КоАП РФ)» [24] адресант не создает конкретный образ полиции, однако его интенция убедить аудиторию в законности проводимого мероприятия актуализируется посредством обо-

рота организованная проверка, что также подкрепляется за счет ссылок на Кодекс об административных правонарушениях РФ.

Во фрагменте «В ходе проведения оперативно-профилактической операции «Алкоголь-табак» 9 ноября полиция пресекла деятельность незаконного производства и незаконного хранения алкогольной продукции. <...> Установлено, что к этой противоправной деятельности причастен 52-летний петербуржец. В отношении него возбуждено уголовное дело <...>» [21] юридическая терминология оперативно-профилактическая операция, незаконное производство, незаконное хранение, противоправная деятельность, возбуждено уголовное дело позволяет дать положительную оценку действиям сотрудников полиции, оперативно и грамотно выполняющих свои служебные обязанности по пресечению и раскрытию противоправных деяний.

Тактические действия сотрудников полиции подвергаются резкой критике в оппозиционных газетах. Так, во фрагменте «... Подозрительно добрыми были в этот день (полиция), либо приказ был не хватать всех подряд, как в январе. Может, дождя испугались? Нам же лучше» [23] ирония в адрес стражей порядка не подкрепляется конкретными аргументами, а основывается лишь на предположениях и догадках, отражающих предвзятое отношение граждан. Наречие *подозрительно* свидетельствует о недоверии народа к полицейским, а риторический вопрос *Может, дождя испугались?* направлен на дискредитацию профессиональных качеств правоохранительных органов. Утверждение *Нам же лучше* способствует реализации семантической категории «свой-чужой», где участники митинга относятся к категории «свой», а полиция занимает позицию «чужой».

Медiateкст «Россия – это и мы тоже» [26] начинается с диалога между молодым полицейским и возмущенными его неуважением и безразличием гражданами: *Когда мы подошли к полицейским заборам у Манежки, увидели двух пожилых женщин, одна из которых ходит с костылем и просто хочет через площадь пройти к метро. — Ну вы что, не видите, в каком я состоянии? Мне нужно туда пройти, почему вы не пускаете? — пытается она убедить охранявшего проход молодого полицейского, который никак не реагирует на ее слова. Из-за женщины уже собралась небольшая толпа, которая пытается за нее вступить. — Вот чтобы у вас так же мама мучилась, как вы ее мучаете, — не сдерживается уже вторая пенсионерка и обращается к силовикам. Полицейский отвечает на это «спасибо», пенсионерки уходят.* Данный диалог можно рассматривать как типичный пример формирования ложных установок относительно сотрудников правоохранительных органов, так как, интенция адресанта направлена на репрезентацию равнодушного и даже глумливого полицейского, нарушающего

конституционные права граждан и демонстрирующего явное неуважение к старшему поколению. Однако, если рассмотреть эту ситуацию под другим углом, то можно заметить, что, во-первых, сотрудник, выполняя приказ от вышестоящего руководства, четко следит за соблюдением общественного порядка в месте проведения несанкционированного митинга; во-вторых, перекрытие территории необходимо для обеспечения безопасности мирного населения, и отказ полицейского пропустить женщин через ограждение, где их жизни и здоровью может угрожать опасность, свидетельствует о профессиональном выполнении своих служебных обязанностей; в-третьих, спокойное «спасибо» в ответ на провокационное заявление «Вот чтобы у вас так же мама мучилась, как вы ее мучаете» свидетельствует о стрессоустойчивости офицера полиции, что является одним из основополагающих профессиональных качеств любого сотрудника ОВД. Далее в статье мы встречаем контекст: *На этой акции полиция почему-то не выхватывает из толпы каждого, кто подвернется под руку, она даже не глушит особо лозунги митингующих призывами разойтись и «не мешать проходу граждан». Это становится поводом для обсуждения среди собравшихся людей — все гадают, почему на этот раз полиция так себя ведет и стоит ли видеть в этом какой-то подвох.* Перлокутивный эффект по убеждению адресатов в том, что полицейские применяют исключительно силовые методы подавления и подчинения, усиливается в контексте за счет употребления разговорных слов *гадают, подвох*, неопределенного наречия *почему-то* и идиоматического выражения *кто подвернется под руку*.

Таким образом, помимо коммуникативных стратегий и тактик, содержащих в себе положительную или отрицательную оценку действиям ОВД, одним из распространенных механизмов формирования общественного мнения и отношения к правоохранительным органам в газетном дискурсе выступает неаргументированная концептуализация, которая базируется на репрезентации полиции, основываясь на стереотипном мышлении и ложных установках, существующих в конкретном социуме.

В современной массовой литературе можно встретить разные подходы к изображению сотрудников органов внутренних дел, а концептуализация образа правоохранительных органов также происходит зачастую посредством стереотипизации.

В исследовании коллектива авторов А.Н. Мищенко, Е.А. Нахимовой Н.А. Сегал изучаются характеристики образа сотрудника полиции в художественной литературе, исходя из визуального портрета, а также положительных и отрицательных черт характера (грубость, невежливость, смелость, замкнутость, сила, отвага, хитрость, воспитанность, раздражительность, требовательность, добродетельность). Так, ученые полагают, что использо-

вание автором произведения тропов и стилистических фигур создают «образность и «живую» картину» [11].

В исследовании, проведенном В.Н. Устюжаниным, Л.В. Марченко, О.А. Поповой, представлена, с одной стороны, критическая концепция полицейского, освещающая ключевые недостатки полицейских, а с другой стороны, идеализирующая и диалектическая концепции, репрезентирующая стражей правопорядка как людей с определенным набором положительных и отрицательных качеств [13].

Рассмотрим конструирование образа сотрудника правоохранительных органов в литературе в соответствии с историческими периодами. Так, в советский период массовая литература культивировала образ сотрудника органов госбезопасности и внутренних дел как воплощение служения обществу, где центральной идеей выступала не просто служба, но и помощь людям в качестве основополагающей цели. Это время характеризовалось стремлением литературных произведений подчеркнуть идейную мотивацию, высокие моральные качества сотрудников, их полную преданность делу и неизменную готовность идти на жертвы ради высшей цели – блага человека и общества: *Сейчас лучших коммунистов партия направляет для работы в органах НКВД. От депо рекомендовали вас. Степан согласился сразу. Он не кокетничал, не говорил о том, что работа незнакома. Нет. Партия рекомендует – значит, так нужно»* [27]. Авторы того времени стремились показать, что служба в органах – это не только тяжелый труд, но и миссия, наполненная глубоким смыслом. Сюжеты многих произведений рисовали картину, в которой герои сталкивались с трудностями, моральными дилеммами и выбором между личным и общественным, но всегда находили в себе силы оставаться верными идеалам справедливости и человечности. Главными качествами, присущими сотрудникам, являлись честь, преданность долгу и способность к самопожертвованию.

Эпоха 90-х вызвала в детективной литературе (особенно в поджанре полицейского детектива) существенные изменения не только на уровне сюжета и конфликта, но прежде всего в образе главного героя. Литературные произведения того времени рисуют картину тотального морального разложения. Правоохранитель, по сути, вынужден становиться частью системы, в которой коррупция является механизмом выживания. Многие авторы показывают, как некоторые сотрудники органов, дабы бороться с преступностью, сами переходят грань, применяя методы преступного мира и становясь похожими на тех, с кем они ведут борьбу. Яркий пример – роман Ч. Абдуллаева «Стандарт возмездия», где герои – сотрудники органов частным порядком договариваются о внесудебном возмездии (речь идет об убийстве) тем, кого считают преступниками: *Что бы мы ни делали, мы обя-*

заны всегда помнить о наших погибших товарищах. Мы обязаны не только помнить, но и отвечать ударом на удар. Ввести некий «стандарт возмездия» для любого, кто посягнет на жизнь наших товарищей [1]. Отметим, что основная идея романа вынесена в заглавие. Жестокость становится основным модусом действия, а мораль и закон оказываются на втором плане.

Подобные тенденции в ходе социальной стабилизации были успешно преодолены. В современном детективе образ полицейского прошел значительные трансформации, отражая изменения в общественном восприятии правоохранительных органов, а также новые вызовы, с которыми сталкивается полиция на рубеже XX–XXI веков. Этот персонаж уже не идеализированный герой, всегда правый и неуязвимый, как в классическом детективе прошлого. Сегодняшние авторы стремятся к более реалистичному и многогранному изображению полицейских, пытаются раскрыть их внутренний мир, мотивации, сомнения и сложности профессии. Один из ярких трендов – это подчеркивание человечности полицейских, их подверженности ошибкам и эмоциональному выгоранию.

Писатели уделяют значительное внимание психологическим аспектам работы в полиции, включая стресс, переживаемый при расследовании особенно тяжких преступлений: *Сейчас полицейский станет всех рубить в капусту, а начнет с самого наглого и мозглявого, – предупредил Служкин. Тем временем Полицейский поднял в тюрьме бунт, все там погнул и сломал, и убежал, повиснув на шасси вертолета* [22]. Рассказывая о рутинной, порой монотонной работе детективов, они отходят от стереотипов и показывают, что успех часто достигается упорным трудом, анализом огромного количества данных и нестандартным мышлением.

Еще одна важная черта – глубокая социализация персонажей. Полицейские представлены не только как профессионалы, но и как личности с семейными проблемами, жизненными целями и увлечениями за пределами службы, страхами и переживаниями: *Вот только самый честный и простодушный полицейский, воспитанный на громких звездно-полосатых идеалах, рано или поздно поймет – на улицах есть не только тьма и свет* [25]. Это придает им объемность и способствует лучшему эмпатийному восприятию со стороны читателя.

Акцентируя внимание на взаимодействии с обществом, авторы часто поднимают вопросы доверия между населением и полицией, профессионализма, коррупции, а также тем, как социальные, экономические и культурные изменения влияют на методы расследования.

Выводы

В заключение стоит подчеркнуть, что всестороннее изучение медийного и художественного образов полиции и ее представителей позволяет сконструировать модель, приближенную к современной действительности, определить стереотипы и национально-специфические особенности сотрудников полиции в русской языковой культуре, а также выявить наиболее значимые черты профессиональной личности стражей порядка.

Все проанализированные в статье тексты содержат дополнительные оценочные значения, направленные на оказание манипулятивного воздействия на сознание адресата посредством реализации различных коммуникативных стратегий и тактик, языковых средств и приемов.

СМИ, в частности газетные издания, не только репрезентируют мелиоративный и пейоративный образы правоохранительных органов, но и зачастую дают лишь неаргументированную и субъективную оценку действиям офицеров полиции, основанную на укоренившихся в обществе стереотипах (пейоративные образы стражей порядка, распространенные в массовой культуре и общественном сознании) и ложных установках (необоснованные убеждения, связанные зачастую с историческими событиями и явлениями, а также инцидентами с участием полицейских), что способствует только концептуализации института полиции, но не способно сформировать ценностную модель его образа.

Анализ примеров моделирования образа полиции, репрезентированного в газетном дискурсе, дополняется и обогащается благодаря примерам, представленным в художественных произведениях, что способствует формированию более глубоких и масштабных выводов, помогает лучше понять причины возникновения проблемы и возможные последствия ее развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапова Т.В. Информационная политика в системе мероприятий по формированию позитивного имиджа правоохранительных органов РФ: на материалах Управления на транспорте МВД России по Центральному федеральному округу: дис. ... канд. полит. наук / Т.В. Агапова. – Москва, 2011. – 177 с.
2. Будаев Э.В. Зооморфные метафоры как средство дегуманизации образа белорусской милиции в российских СМИ / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов // Политическая лингвистика, 2022. – № 5 (95). – С. 8–21.
3. Добросклонская Т.Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации / Т.Г. Добросклонская // Вестник Московского университета. – Сер. 10. – Журналистика, 2006. – № 2. – С. 20–33.
4. Золотайко А.И. Метафорическое моделирование образа правоохранительных органов в неинституциональном полицейском интернетдискурсе США и

- Великобритании: дис. ... канд. филол. наук / А.И. Золотайко. — Екатеринбург, 2020. — 246 с.
5. Ивин А.А. Ценность / А.А. Ивин // Новый философский словарь / сост. А.А. Грицанов. Мн.: Изд-во В.М. Скаун, 1998. — С. 819–821.
 6. Иссерс О.С. Люди говорят: дискурсивные практики нашего времени / О.С. Иссерс. — Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012. — 275 с.
 7. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке / В.И. Карасик // Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002. — С. 166–205.
 8. Михневич О.И. Метафорический образ правоохранительных органов в оппозиционном дискурсе (на материале подкастов А. Невзорова) / О.И. Михневич // Политическая лингвистика, 2022. — № 5 (95). — С. 163–171.
 9. Передня Д.Г. Образ работников полиции в газетах и массовом сознании россиян / Д.Г. Передня // Социальные исследования, 2016. — №2. — С. 32–42.
 10. Пушкина Л.А. Медиаобраз сотрудника Полиции в США / Л.А. Пушкина // Современная медиасреда: традиции, актуальные практики и тенденции. Взгляд молодых исследователей: Межвузовский сборник научных работ студентов, магистрантов и аспирантов 18-й международной конференции студентов и аспирантов «Медиа в современном мире. Молодые исследователи» и финалистов XII международного «Конкурса научных работ студентов, магистрантов, аспирантов и соискателей» Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ. науч. ред. А.А. Малышев. — Санкт-Петербург, 2019. — С. 120–126.
 11. Сегал Н.А. Образ полицейского в художественной литературе: семантико-прагматический аспект / Н.А. Сегал, А.Н. Мищенко, Е.А. Нахимова // Политическая лингвистика, 2023. — №1. — С. 97–104.
 12. Ситковский А.Л. Формирование «медийного образа» сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации: учебное пособие / А.Л. Ситковский, Д.Г. Передня, О.В. Филимонов, Ю.В. Латов. — Москва: Академия управления МВД России, 2019. — 72 с.
 13. Устюжанин В.Н. Образ полицейского в рассказе рубежа XIX–XX вв. (на материале отечественной литературы) / В.Н. Устюжанин, Л.В. Марченко, О.А. Попова // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2022. — Т. 15. — № 10. — С. 3089–3093.
 14. Хидекель С.С. Оценочный компонент лексического значения слова / С.С. Хидекель, Г.Г. Кошель // Иностранные языки в школе, 1981. — № 4. — С. 7–10.
 15. Ciabuca A. Identifying Strategies to Market Police Image in the Media / A. Ciabuca // Ovidius University Annals Economic Sciences Series. — Vol. 14, 2014. — P. 291–296.
 16. Lovell J.S. Media Power & Information Control: a Study of Police Organizations & Media Relations / J. S. Lovell // National Criminal Justice Reference Service, 2002 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.ncjrs.gov/pdffiles1/nij/grants/197060.pdf>
 17. Mullis J. The Impact of the Media on Public Opinion of the Police / J. Mullis // Department of Criminal Justice California State University. — California, 2009. — 75 p.
 18. Schultz J. Media Coverage of Law Enforcement and Effects of the Image Created / J. Schultz // Dominican University of California, 2019 [Электронный ресурс]. — URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/21555071.pdf>
 19. Wayne W.L. The Media Representations of Police Image: Research Notes on the Hong Kong's Occupy Movement / W. L. Wayne // Sage Open Journal. — Vol. 5, 2015 [Электронный ресурс]. — URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2158244015607935>
 20. Абдуллаев Ч. Стандарт возмездия. — Москва: ООО «Издательство АСТ», 2000. — 400 с.
 21. Гусарова Н. Во Всеволожском районе накрыли подпольный цех по производству алкоголя / Н. Гусарова [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.mk-lenobl.ru/social/2024/11/11/vo-vsevolzhskom-rayone-nakryli-podpolnyy-cekh-po-proizvodstvu-alkogolya.html>
 22. Иванов И. Географ глобус пропил. — Москва: ООО «Издательство АСТ», 2014. — 448 с.
 23. И сам себя сковал наручниками [Электронный ресурс]. — URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/04/22/i-sam-sebia-skoval-naruchnikami>
 24. Кирсанов С. Двух жителей Татарстана задержали за призыв проходить в ТЦ без QR-кода / С. Кирсанов [Электронный ресурс]. — <https://rg.ru/2021/11/04/reg-pfo/zaderzhany-zhiteli-tatarstana-prizyvavshie-prohodit-v-tc-bez-qr-koda.html>
 25. Лукьяненко С. Ночной дозор. — Москва: ООО «Издательство АСТ», 2023. — 325 с.
 26. Россия — это и мы тоже [Электронный ресурс]. — URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/04/22/rossiia-eto-i-my-tozhe>
 27. Хруцкий Э.А. Комендантский час. — Эксмо-Пресс, 2020. — 320 с.

© Багрецов Дмитрий Николаевич (bagretsow75@yandex.ru), Нестерова Валерия Евгеньевна (karaelan@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВНУТРИВИДОВАЯ И МЕЖВИДОВАЯ ВАЛЕНТНОСТЬ ЦЕННОСТИ ДОБРО В РУССКОЙ ПАРЕМИКЕ

Бай Сяотин

Аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный
университет, (г. Казань)
baixt2021@163.com

INTRASPECIFIC AND INTERSPECIFIC VALENCE OF THE VALUE OF GOOD IN RUSSIAN PAREMICS

Bai Xiaoting

Summary: In the article, based on Russian proverbs, the axiological valence of the value of "good" is examined, distinguishing between two types of valence: intraspecific (associative links with other moral and ethical values, such as family, truth, conscience, love, homeland) and interspecific (combinations of the value of "good" with different types of values: religious, utilitarian-practical, existential, economic, cognitive). It is established that the value of "good" in proverbs is not abstract and moral in nature, but rather concrete, everyday, and social. The proposed methodology can be extended to the analysis of other axiological concepts in the Russian linguistic worldview.

Keywords: axiology, proverb, value, intraspecific valence, interspecific valence.

Аннотация: В статье на материале русских пословиц исследуется аксиологическая валентность ценности добро, при этом различаются два типа валентности: внутривидовая (ассоциативные связи с другими морально-нравственными ценностями, например, семья, правда, совесть, любовь, родина) и межвидовая (сочетания ценности добро с разными видами ценностей: религиозными, утилитарно-практическими, бытийными, экономическими, познавательными). Установлено, что ценность добро в паремиях имеет не отвлечённо-моральный, а конкретный, бытовой, социальный характер. Предложенная методика может быть распространена на анализ других аксиологических концептов в русской языковой картине мира.

Ключевые слова: аксиология, пословица, ценность, внутривидовая валентность, межвидовая валентность.

Введение

В лингвоаксиологии остаётся открытым вопрос об измеримых параметрах устойчивости и направленности связей между ценностными концептами в паремийном фонде. Традиционный семантический анализ фиксирует факт наличия таких связей, но не позволяет дифференцировать их по типу и семантической глубине. Решение этой проблемы предлагает понятие аксиологической валентности [2, с. 8], разработанное в работах Т.Г. Бочиной применительно к русской паремике. В настоящей статье это понятие уточняется и разворачивается в двухкомпонентную типологию на материале ценности добро: внутривидовая валентность (соединение с ценностями того же аксиологического типа: семья, правда, совесть) и межвидовая валентность (связи с ценностями иных типов: Бог, труд, пища, имущество, память, воля и др.) [1, с. 78]. Такой подход позволяет не просто перечислить аксиологических «партнёров» добра, но реконструировать иерархию и структурную роль этой ценности в русской языковой картине мира.

Термин валентность (от лат. Valentia – «сила») восходит к химии, где обозначает «способность атома соединяться с определённым числом других атомов» [4, с. 135]. В аксиологии валентность получает новое измерение: речь идёт не о грамматических или семантических связях, а о ценностно-смысловой сочетаемости. Ценность добро в паремиях не существует изолированно –

она проявляет себя только через соединение с другими ценностными концептами.

Цель данного исследования – выявить и описать внутривидовую и межвидовую аксиологическую валентность ценности добро на материале русских пословиц и поговорок. Задачи исследования: проанализировать связи ценности добро с другими ценностями в рамках внутривидовой и межвидовой валентности; определить, какой тип валентности преобладает и что это говорит о характере ценности добро в русской языковой картине мира. Материалом исследования послужил «Большой словарь русских пословиц и поговорок» под редакцией В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной, Е.К. Николаевой.

В русской аксиологической традиции ценность добро традиционно осмысливается как высшая ценность, определяющая жизнь человека и общества. Как отмечает Г.В. Валеева, сложность и разноплановость учений русских мыслителей показывают, что добро является главной, высшей ценностью в иерархии ценностей человека. От осознания и восприятия добра будет зависеть жизнь человека и общества в целом. Семья, отечество, религия, любовь, красота, истина, увенчанные высшей, положительной ценностью – добром, данные нам «в веках» и укоренённые в самобытности русского народа, – это всё то, что должно нравственно развивать и направлять человека на его пути «полноты жизни» [3, с. 37]. Добро как высшую ценность понимает также и Н.О.

Лосский, отрицавший мнение о небытийственности зла, которое пребывает в мире исключительно по вине человека. Следуя по пути добра, человек живет полной жизнью, следуя по пути зла, человек теряет истинное бытие. Зло, таким образом – это недостаток добра, не имеющее онтологического существования. Абсолютная мера добра – Бог. «Бог есть само Добро во всеобъемлющем значении этого слова: Он есть сама истина, сама Красота, Нравственное Добро, Жизнь и т.д.» [6, с. 319]. Русский философ В.С. Соловьев, рассматривая добро как ценность и как единственно возможную и подлинную основу жизни отмечал: «От века даны твердыни и устои жизни: семья, живым, личным отношением связывающая наше настоящее с прошедшим и с будущим; отечество, расширяющее и наполняющее нашу душу содержанием души народной с ее славными преданиями и упованиями; наконец, Церковь, окончательно избавляющая нас от всякой тесноты, связывая и личную, и национальную жизнь с тем, что вечно и безусловно.» [9, с. 84]. По убеждению мыслителя, добро как вечная и абсолютная сущность не зависит от человека, но именно в человеке, в силу его причастности к всеобщему, оно реализуется. Следовательно, нравственное совершенствование человека предполагает осознание добра в качестве жизненной цели и высшего ценностного ориентира.

В научном плане концепт «добро» исследовался и как самодостаточная этическая категория. Установлено, что для русского человека добро – это соблюдение человеком духовно-нравственных заповедей, что, как следствие, приносит мир в душу и гармонию в отношениях с другими людьми [5].

Однако философские и этические исследования ценности добро сосредоточены на его сущности, а не на реальных связях с другими ценностями. Для понимания места ценности добро в аксиологической иерархии недостаточно знать, что оно занимает «высшее» положение. Необходимо различать внутривидовые (с однородными моральными ценностями) и межвидовые (с ценностями иных сфер) связи ценности добро. Различение двух типов валентности придаёт анализу как широту (охват различных сфер), так и глубину (содержательное проникновение в структуру связей).

Материалы и методы исследования

Для такого анализа пословицы и поговорки представляют собой особенно богатый материал: они устойчивы, авторитетны и аксиологически насыщены. Сам характер паремий отражает эти свойства: *Пословица в век не сломится; Пословица – мудрость народа; Пословица не по лесу ходит, а всё по людям* и т. д. [7, с. 702]. Л.Б. Савенкова, сгруппировав пословицы и поговорки по девяти ценностным типам, установила их частотность [8, с. 138–139]. При этом ценность добро занимает пятое место по ко-

личеству паремий (483 единицы) в иерархии морально-нравственных ценностей [там же], что подтверждает её принадлежность к числу базовых нравственных ориентиров. Однако, как справедливо отмечает исследовательница, ни одна ценность не существует изолированно – каждая из них находится в тесной взаимосвязи с другими.

Анализ ценности добро в паремиях позволяет обратиться к живой, повседневной ценностной картине мира. Понятие аксиологической валентности, вслед за Т.Г. Бочинной, понимается в данной работе как способность лексемы, обозначающей ценность, вступать в семантические и синтаксические связи с другими аксиолексемами [2, с. 8]. При систематизации валентностных связей выделяют два вида: внутривидовую (взаимодействие ценностей одного вида) и межвидовую (соотнесенность ценностей разных видов) [1, с. 78]. Таким образом, концепт «добро» можно рассматривать не изолированно, а как узел в ассоциативно-вербальной сети ценностных отношений.

Результаты и обсуждение

1. В соответствии с предложенным пониманием аксиологической валентности проанализируем внутривидовые связи ценности добро – её сочетаемость с аксиолексемами морально-нравственной сферы *семья, любовь, правда, родина и совесть*.

Семья – главное пространство действия ценности добро: *В семье и смерть добро, на чужбине и жизнь худо*. Здесь добро и худо различаются не по моральным качествам, а по их локации.

Взаимосвязь ценностей добро и семья особенно ярко проявляется в противопоставлении *добрая жена и злая / худая жена*, где аксиолексемы выражают не столько частную оценку (черта характера), сколько общую. Ценность добро здесь не абстракция, а практическая сила: *Добрая жена – венец мужу своему и беспечалие; а злая жена – люта́я печаль, истощение дому*. Добрая жена создает дом, злая – разрушает. Ценность добро в семье не ограничивается моралью, оно включает и быт: *Добрая жена да жирные щи – другого добра не ищи* – здесь этика и материя нераздельны. Аксиологический синтез добра и семьи вступает в причинно-следственную связь с интеллектуальной ценностью ум: *Добрая семья прибавит разума-ума* – это житейская мудрость, передаваемая в семье. При этом ценность добро не идеализируется: *И в доброй семье не без выплавка (не без уroda)*. Дефект возможен, но ценность не рушится.

Связь ценности добро с аксиолексемой **любовь** относится к внутривидовой, обе ценности – морально-этические, однако в паремиях добро и любовь оказываются несовместимы: *В любви добра не жди и От любви отвратились, и с добрыми людьми не спросились* (отказ от люб-

ви ведёт к утрате связи с добром).

Связь «добро – **правда**» образует этический фундамент русской языковой картины мира. Добро, не основанное на правде, немислимо. Пословицы фиксируют взаимную импликацию этих ценностей: *В ком добра нет, в том и правды мало; Где добра нет, там не ищи правды; Где нет правды – ложь всю душу вытянет*. Одновременно правда выступает условием обретения ценности добро: *Кто правдой живёт, тот добро наживет*. Таким образом, добро и правда образуют неразрывную пару, в которой отсутствие одного автоматически исключает другое. Это не просто соседство, а моральный абсолютизм: добро истинно ориентировано, правда аксиологически заряжена.

Добро выступает критерием **родины**: *где добро – там и рай, там и подлинная родина*. Таким образом, ценность добро оказывается выше кровно-родственных связей, а родина понимается не как биологическая данность, а как этическое пространство.

Совесть в русских пословицах представляет собой ценность добро, интериоризованное человеком. Внутривидовая ассоциация морально-нравственных ценностей здесь почти достигает тождества: *Добрая совесть всего дражайше*.

Пословицы *Добрая совесть – глаз Божий* и *Совесть добрая есть глас Божий* относятся к сфере морали, а не религиозных догм: совесть функционирует как внутренняя регулятивная инстанция. Одновременно ценность добро выполняет защитную функцию: *Добрая совесть не боится клеветы; Добрая совесть не боится лжи*. Следовательно, добро в русской паремике обладает не только внешним, но и внутренним измерением – это состояние души, которое само по себе является защитой.

2. В отличие от внутривидовых, межвидовые связи ценности добро – это ее сочетаемость с аксиолексемами, принадлежащими к другим ценностным типам: религиозному, утилитарно-практическому, бытийному, экономическому, познавательному.

Связь с религиозными ценностями (Бог):

Сопряженность ценности добро с религиозными ценностями фиксируется в пословицах, где Бог выступает гарантом воздаяния за добрые дела: *За добро Бог плательщик; Кто добро творит, того Бог благословит; Кто добро творит, того Бог отплатит*. Ценность добро здесь не сакрализуется, а вступает в причинно-следственную связь с божественным: его совершение – условие получения высшей санкции.

Связь с утилитарно-практическими ценностями (труд, память, помощь):

В сфере **труда** ценность добро выступает целью дея-

тельности: *Для добра трудиться – есть чем похвалиться; Кто любит о добре трудиться, тому есть чем похвалиться; О добре трудиться – есть чем похвалиться*. В сфере **памяти** фиксируется асимметрия: *Добро скоро забывается, а худое в памяти сохраняется; И добро и худо – всё отпоянется*, при этом пословица *Сделав добро, не помни* предписывает не помнить и не напоминать о сделанном добре. В сфере **помощи** вербальное добро (такать) уступает практическому действию: *Добро такать, а лучше помогать*. Таким образом, ценность добро в паремиях деятельностно, антирефлексивно, ориентировано на результат, а не на словесное выражение.

Связь с бытийными ценностями (воля):

Аксиолексемы **добро** и **воля** в русских пословицах демонстрируют преимущественно конфликт между этими ценностями: *Дал муж жене волю – не к добру; В своём добре воли нет* – ценность добро ограничивает свободу; лишь исключение *Всяк в своём добре волен* указывает на возможную совместимость.

Связь с экономическими ценностями (пища, своё, имущество):

Межвидовая валентность ценности добро с экономическими ценностями включает три линии: отождествление добра с **пищей** и хлебом: *Всё добро за хлебом; Где хлебно и тепло, там жить добро; Добро за готовым хлебом на печи лежать; От добра добра, от хлеба хлеба не ищут*. Можно выделить оппозицию «своё – чужое» добро, где чужое не приумножает благосостояния: *Чужим добром не разбогатеешь*, а также переосмысление богатства, где добрая жена ценится выше **имущества**: *Не тот богат, у кого много добра, а тот, у кого жена добра*. Таким образом, ценность добро в экономической сфере предстаёт как конкретное благо, социально маркированное, но не абсолютное.

Связь с познавательными ценностями (ум):

Пословица *Учись добру, так худое и на ум не пойдёт* учит добру как противоядию от зла. Варианты пословицы *Живи всяк своим добром (умом) да своим горбом* сближают понятия «добро» и «ум», но в данном контексте «добро» означает скорее личное достояние или способность, а не моральную ценность.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что ценность добро в русской паремике обладает высокой аксиологической валентностью, однако характер её связей существенно различается. Внутривидовая валентность (с семьёй, правдой, совестью, любовью и родиной) демонстрирует внутреннюю согласованность моральных категорий, тогда как межвидовая валентность (с религиозными ценностями: Бог; с утилитарно-практическими ценностями: труд, память, помощь; с бытийными ценностями: воля; с

экономическими ценностями: пища, своё, имущество; с познавательными ценностями: ум) раскрывает проникновение добра в неэтические сферы жизни. Примечательно, что межвидовая валентность количественно и семантически преобладает: добро в пословицах чаще выступает как практическое, материальное, социально ориентированное благо, чем как отвлечённая нравственная категория.

Таким образом, аксиологическая валентность выступает эффективным инструментом для реконструкции ценностной иерархии, демонстрируя, что ценность добро в русской языковой картине мира – это сложный комплекс взаимосвязанных добродетелей, ориентированных на коллективное выживание и благополучие. Как говорится: *Добро сделав (сделавши), не бойся!* Потому что *Добро помни твёрдо!*

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочина Т.Г. Внутривидовая валентность бытийных ценностей в русской паремике // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47. № 5. С. 77–81. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1202
2. Бочина Т.Г. Коммуникативная валентность гедонистических ценностей в традиционной русской аксиосфере // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2023. № 6 (67). С. 7–13.
3. Валеева Г.В. Нравственные ценности «добро» и «зло» в контексте современного российского общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 6-1 (56). С. 36–38. EDN TRLFLL.
4. Валентность // Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. А–Й. С. 135. URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/03/ma113502.htm> (дата обращения: 01.05.2026).
5. Варнаева А.Е. Добро как традиционная национальная ценность в русском языковом сознании (на материале пословиц русского народа) // Язык и ментальность в диахронии: сборник научных трудов по итогам IV Всероссийского научного семинара для молодых ученых с международным участием, посвященного 90-летию со дня рождения В.В. Колесова, Владимир, 27 сентября 2023 года. Владимир: Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, 2024. С. 208–218. EDN DKQSSM.
6. Лосский Н.О. Бог и мировое зло. М.: Республика, 1994. 432 с.
7. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. М.: ОлмаМедиаГрупп, 2010. 1024 с.
8. Савенкова Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 2002. 240 с.
9. Соловьев В.С. Оправдание добра. М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. 656 с.

© Бай Сяотин (baixt2021@163.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

УСЛОВИЯ ДЕСЛЕНГИЗАЦИИ СЛЕНГОВОЙ ЕДИНИЦЫ И ИЗБИРАТЕЛЬНОСТЬ ЛИТЕРАТУРНОЙ НОРМЫ

Бедняков Евгений Евгеньевич

аспирант, ФГБОУ ВО Российский государственный
гуманитарный университет, (г. Москва)
evgefuse@gmail.com

THE CONDITIONS OF DESLANGIZATION OF A SLANG UNIT AND THE SELECTIVITY OF THE LITERARY NORM

E. Bednyakov

Summary: The purpose of the study is to derive the conditions under which a slang unit enters the literary norm from the functional-genetic nature of the unit. The tasks of the study include the genetic qualification of slang units by the environment of their origin, the comparison of this qualification with the actual destiny of a word, the explanation of the middle of the scale and of the exceptions, and the assessment of the role of media recirculation. The study tests the hypothesis that the destiny of a unit is predetermined by its original pragmatic task rather than by its expressiveness. The material comprises diachronic evidence on the destiny of Russian and English slang units, from nineteenth-century school vocabulary and the argot of itinerant traders to familiar English clippings and the lexicons of twentieth-century youth subcultures. The methodology combines functional-genetic reconstruction of a unit and a diachronic verification test. The study establishes that instrumental genesis substantially raises the probability of deslangization, whereas a simulative dominant restricts the path of a unit into the norm. The findings replace the static description of slang with a dynamic model of its functional phases and provide a theoretical foundation for applied tasks, including translation.

Keywords: deslangization of slang units, diachronic verification, functional phases, instrumental genesis, literary norm, media recirculation, nominative lacuna, primary slang, simulative slang.

Аннотация: Цель исследования – вывести из функционально-генетической природы сленговой единицы условия ее перехода в литературную норму. Задачи исследования: генетическая квалификация сленгизмов по среде их возникновения, сопоставление квалификации с реальным исходом слова, объяснение середины шкалы и исключений, оценка роли медийной рециркуляции. Проверяется гипотеза о том, что судьба единицы предопределена ее исходной прагматической задачей, а не степенью экспрессивности. Материалом послужили диахронические данные о судьбе русских и английских сленгизмов, от школярской лексики XIX века и офенского арга до фамильярных усечений английской разговорной речи и лексиконов молодежных субкультур XX века. Методология соединяет функционально-генетическую реконструкцию единицы и диахронический верификационный тест. В результате установлено, что инструментальный генезис существенно повышает вероятность десленгизации, тогда как симулятивная доминанта ограничивает путь единицы в норму. Значимость выводов определяется тем, что они заменяют статическое описание сленга динамической моделью его функциональных фаз и создают теоретическое основание для прикладных задач, включая переводческие.

Ключевые слова: десленгизация сленговых единиц, диахроническая верификация, инструментальный генезис, литературная норма, медийная рециркуляция, номинативная лакуна, первичный сленг, симулятивный сленг, функциональные фазы.

Значимость вопроса выходит за пределы описания субстандарта. Избирательность нормы, принимающей одни нелитературные единицы и отвергающей другие, принадлежит к центральным сюжетам теории литературного языка, однако обсуждается там преимущественно в терминах престижа и кодификации, то есть внешних по отношению к самой единице обстоятельств. Если удастся показать, что исход предопределен внутренним свойством лексемы, ее исходной прагматической задачей, теория нормы получит недостающий внутренний критерий, а лексикография инструмент прогнозирования. Одновременно прояснится и давний парадокс субстандарта, сочетание высокой словообразовательной продуктивности сленга с ничтожной долей его вклада в общий словарь.

Отправной точкой служит функционально-генетическая дихотомия сленга, согласно которой социально-

маркированный сленг произведен от профессионального и воспроизводит его внешнюю форму при утрате инструментального содержания. Однако сама по себе дихотомия еще ничего не говорит о том, какая единица приживется в словаре. Без ответа остается главная диахроническая загадка, избирательность нормы, принимающей одни сленгизмы и отвергающей другие.

Разногласия лексикологов о природе сленга цифровая среда лишь обострила. Работы, посвященные исследованию языка интернета, показали, что сеть порождает новые режимы неформального письменного бытования языка. В условиях развития сетевых технологий письменная коммуникация перестает ограничиваться преимущественно официальной и литературной сферами, приобретая характеристики неформального письменного языка (informal written language) массового, повседневного и архивируемого. Как подчеркивает в

своих исследованиях канадский лингвист Гретхен Маккаллох, «изменилось то, что теперь письмо существует как в формальной, так и в неформальной версии точно так же, как устная речь существовала всегда». [10, р. 8]. Исследования, посвященные языку интернет-коммуникации, свидетельствуют о том, что цифровая среда формирует самостоятельную прагматическую экосистему мобильной коммуникации [13, р. 9]. Корпусные исследования зафиксировали превращение ярлыка «тиктового сленга» в метаязыковую категорию массового сознания [7, р. 292–308], рециркуляцию городских контактных вариантов в цифровой среде [6, р. 413–416] и восхождение значительной части модного лексикона к афроамериканскому английскому [8, р. 259]. Отдельные наблюдения касаются ускоренной ротации платформенно-маркированной лексики под воздействием алгоритмов модерации онлайн контента и рекомендаций. Данная специфика algospeak получила отражение в обобщении эмпирических наблюдений Э. Стин, К. Юрченко и Д. Клуг. Авторы подчеркивают, что под воздействием алгоритмов модерации простые лексические замены быстро теряют эффективность, вследствие чего пользователи вынуждены непрерывно можифицировать существующие языковые практики: «Создатели контента постоянно развивают алгоспик, выходя за пределы простой замены слов... их алгоритмическая грамотность играет ключевую роль в осознании необходимости расширять и обновлять репертуар алгоспика [10 Р. 234–237]. Так же как отмечают А. Бхандари и С. Бимо в современных соцсетях (в частности TikTok) процессы самопрезентации подвержены трансформации: формируется «алгоритмизированное Я», при котором конструирование идентичности пользователя опосредованно не столько социальными связями, сколько рефлексивным взаимодействием с рекомендательными алгоритмами платформы [4]. Не менее значимыми представляются наблюдения К. Кэлхун и А. Фассета, касающиеся устойчивости эвфемистических замен, переживших породившую их техническую нужду: «Меметическая культура TikTok привела к тому, что самоцензура превратилась из вынужденной меры в полностью игровую практику, пережившую свою первоначальную цель» [6, Р. 23]. Все эти данные требуют теоретической рамки, которой пока не существует.

Цель статьи состоит в том, чтобы вывести из функционально-генетической природы единицы условия десленгизации. Проверяемая гипотеза связывает вероятность вхождения единицы в норму с ее исходной, инструментальной либо симулятивной, природой. Изложение движется от описания материала и процедур к диахронической верификации.

Материал исследования образует диахронический корпус сведений о судьбе сленговых единиц, разбитый на четыре группы. Русская часть охватывает лексемы

школьного обихода XIX века (шпаргалка, провалиться, срезаться), чья история прослежена по академическим описаниям русской лексики [1, С. 94] и данным Национального корпуса русского языка [2], а также единицы офенского и уголовного арг (клевый, стремный), этимология которых устанавливается по лексикографическим источникам [3, С. 489]. Английская часть включает фамиллярные усечения, закрепившиеся в норме (mob, movie, fan, pub), датируемые по историческим словарям [12], и массив субкультурных лексем XX века, вышедших из употребления вместе с породившими их группами, от жаргона стилиг до клубных социолектов. Критерием включения единицы служила документированность двух точек ее траектории, среды возникновения и итогового статуса.

Ядро методологического аппарата образует диахронический верификационный тест. Каждой единице материала приписывается генетическая квалификация, после чего она сопоставляется с реальным исходом, вошло ли слово в норму или выпало из узуса. Расчет здесь простой. Будь генезис безразличен для судьбы слова, исходы распределились бы случайно; если же связь существует, инструментальные единицы должны закрепляться в норме заметно чаще симулятивных.

Чем такой тест мог бы быть опровергнут? Двумя картинками. Первая выглядела бы так, что заведомо симулятивные слова массово оседают в нейтральном слое нормы; вторая так, что инструментальные единицы гибнут при вполне живом денотате. Оба контрольных вопроса задавались каждой группе материала. Отдельно оговору порядок работы. Генетическая квалификация присваивалась по сведениям о среде возникновения слова и только потом сверялась с данными об исходе, иначе разметку легко подогнать под известный результат. Там, где среда допускала двойное прочтение, единица уходила в переходную зону и в основной подсчет не попадала.

Выдвинутая гипотеза поддается проверке на материале перехода сленговых единиц в литературную норму. Русские лексемы шпаргалка, провалиться, срезаться родились внутри закрытого школярского обихода, однако обслуживали реальную деятельность, учение, экзамен, списывание, и потому несли полноценное денотативное содержание; именно оно обеспечило им путь в общий словарь [1]. Сложнее устроена траектория офенских и уголовных по происхождению клевый и стремный. Родившись инструментально, оба слова пережили свою среду и нормализовались лишь частично, в разговорном регистре, чего и следовало ожидать по предложенному критерию, если учесть смену функции по дороге. Ту же закономерность подтверждают английские фамиллярные усечения mob, movie, fan и pub, закрепившиеся в норме благодаря номинативной незаменимости при сохранении денотата. У симулятивных единиц исход

противоположный. Лексиконы стиляг, хиппи и клубных субкультур почти целиком ушли вместе со своими группами и следа в норме не оставили; денотативного ядра, в котором норма нуждалась бы, у них не было. Итоги теста сведены в таблицу 1.

Случайным такое распределение исходов не назовешь, и выдвинутая гипотеза находит в нем опору. Инструментальное происхождение заметно повышает шансы слова на десленгизацию; там же, где верх берет симулятивная работа, дорога в норму обычно закрыта. Сам тест подводит к модели, в которой сленг похож на лабораторию. Пока лаборатория связана с живым делом, она продуктивна и подпитывает литературный язык. Стоит связи оборваться, и на месте лаборатории остается текущий слой слов-однодневок.

Здесь легко заподозрить круг в рассуждении, поэтому уточню, за что именно норма принимает слово. Не за экспрессивность и не вопреки ей. Слово нужно норме тогда, когда оно закрывает номинативную лакуну, то есть называет вещь, у которой нейтрального односложного имени попросту нет. У предмета, именуемого шпаргалкой, другого имени не было; *movie* коротко назвал новый вид зрелища. А симулятивное слово по самому своему устройству дублирует уже названное, ему нечего предложить норме, кроме знака принадлежности, который норме не нужен. Так что отбор, производимый нормой, вершится не по вкусу, а по функции.

Без оговорок тест был бы слишком хорош. Одна касается середины шкалы. Слово может родиться в деле, а потом пережить свое ремесло и доживать век в чисто сигнальном режиме; для таких случаев критерий действует с поправкой на момент перехода, и шанс войти в норму сохраняется у слова ровно до тех пор, пока живо его денотативное ядро. Из этой самой середины происходят клевый и стремный. Другая оговорка касается исключений на симулятивном полюсе. Кое-что из лексики с исходно групповой меткой все же просачивается в широкий разговорный обиход, а значит, рядом с генетическим фактором работают и иные механизмы нормализации, в первую очередь медийная рециркуляция.

Подрывают ли середина шкалы и подобные исключения саму дихотомию? Скорее наоборот. Они показывают, что перед нами не застывшие классы, а фазы одной траектории, по которой слово движется только в одну сторону, от инструментальности к симуляции.

Предсказательную силу модели удобно оценить на лексике цифровых платформ, где функциональные фазы сменяются в ускоренном темпе. Корпусные данные об энрегистрации так называемого тиктокового сленга [7, р. 292–308] и о его восхождении к афроамериканскому английскому [8, р. 256] согласуются с сигнальной трактовкой вторичного типа, ведь массовое сознание вешает ярлык особого языка именно на знаки генерационной принадлежности. Показателен и ускоренный износ платформенной лексики, описанный Э. Стин: «Многие участники заметили, что со временем алгоритм TikTok учится распознавать истинный смысл алгоспика и, в свою очередь, модерировать контент... в результате многие варианты письменного алгоспика стали повсеместными и легкими для обнаружения системой модерации, что сделало их менее эффективными» [12, Р. 11]. Дихотомия превращает это описание в объяснение, ведь быстрее всего стирается именно слой без денотативного якоря, то есть симулятивный. Самое же любопытное дают эвфемистические замены, которые продолжают жить после того, как вызвавшее их цензурное давление исчезло [5 Р. 23]. На таких словах переход из инструментальной фазы в сигнальную виден в реальном времени, тогда как на историческом материале тот же процесс приходится восстанавливать по косвенным следам. Переводческие следствия модели заслуживают систематического разбора, но это тема отдельной работы.

Остановлюсь еще на одном сюжете, на том, как модель уживается с механизмом медийной рециркуляции. Энрегистрация, закрепление за набором форм статуса опознаваемого «языка» в массовом сознании, ускоряет обе фазы траектории сразу. Она стремительно распространяет единицу за пределы исходной группы, и она же обесценивает ее сигнальную работу, поскольку знак, известный всем, перестает отличать своих. Корпусные данные о судьбе тиктокового лексикона [7, р. 292–308;

Таблица 1.

Диахронический верификационный тест: генезис единицы и ее исход.

Единица	Среда возникновения	Генетическая квалификация	Диахронический исход
шпаргалка, провалиться, срезаться	школярский обиход XIX века	инструментальная: номинация реальных учебных практик	полная десленгизация, вхождение в общий словарь
клевый, стремный	офенское и уголовное арг	инструментальная в исходной среде, затем сигнальная	частичная нормализация в разговорном узусе
mob, movie, fan, pub	фамильярные усечения английской разговорной речи	инструментальная: компрессия при сохранении денотата	полная десленгизация, нейтральный статус
лексиконы стиляг, хиппи, клубных субкультур	закрытые молодежные сообщества XX века	симулятивная: маркировка принадлежности	выход из употребления вместе с группой

7, р. 256] показывают этот двойной эффект в действии, где медийное признание «языка поколения» по времени совпадает с началом его износа. Для модели отсюда следует уточнение. Медийная рециркуляция не отменяет генетический фактор, а сжимает время его действия, отчего современный материал позволяет наблюдать за годы то, что в историческом материале растягивалось на десятилетия.

Ограничения исследования требуют оговорки. Диахронический тест охватил ограниченное число слов и только два языка. Квалификация генезиса отдельной лексемы, как ни выстраивай процедуру, сохраняет долю толкования. Что отсюда следует для продолжения работы? Дихотомию стоит проверить количественно, на больших диахронических корпусах и на материале

третьих языков, а для лексики без документированной истории понадобятся формальные процедуры генетической атрибуции, которых пока нет.

Итак, условия десленгизации поддаются описанию. Слову инструментального происхождения дорога в литературную норму открыта заметно шире, чем симулятивному, а середину шкалы покрывает поправка на момент смены функции. Главное же приобретение видится в смене самой оптики. Вместо неподвижной картины субстандарта предложена модель функциональных фаз, одинаково работающая и на материале позапрошлого века, и на лексике сегодняшних платформ. Для практики, от лексикографического прогнозирования до перевода, отсюда следует привычка просчитывать судьбу и передачу слова по его доминирующей функции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анищенко О.А. Зубрить, долбить и «разводить клопов» (О старой школьной лексике) / О.А. Анищенко // Русская речь. – 1999. – № 3. – С. 93–97.
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 12.07.2026).
3. Виноградов В.В. История слов / В.В. Виноградов. – М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1999. – С. 489
4. Bhandari, A. Why's Everyone on TikTok Now? The Algorithmized Self and the Future of Self-Making on Social Media / A. Bhandari, S. Bimo // Social Media + Society. – 2022. – Vol. 8. – № 1. – P. 5.
5. Calhoun K. "They Edited Out Her Nip Nops": Linguistic Innovation as Textual Censorship Avoidance on TikTok / K. Calhoun, A. Fawcett // Language@Internet. – 2023. – Vol. 21. – P. 23.
6. Ilbury C. The Recontextualisation of Multicultural London English: Styling the 'Roadman' / C. Ilbury // Language in Society. – 2024. – Vol. 53. – № 3. – P. 413–416.
7. Ilbury C. 'TikTok Slang': Lexical Variation and Change in Social Media / C. Ilbury // Sociolinguistic Approaches to Lexical Variation in English / ed. by R.J. Sandow, N. Braber. – Abingdon: Routledge, 2025. – P. 292–308.
8. Ilbury C. 'Gen Z Language? Y'all Mean AAVE': The Appropriation of African American Vernacular English as 'TikTok Language' / C. Ilbury // Journal of Sociolinguistics. – 2026. – Vol. 30. – P. 256.
9. Klug D. How Algorithm Awareness Impacts Algospeak Use on TikTok / D. Klug, E. Steen, K. Yurechko // Companion Proceedings of the ACM Web Conference 2023. – New York: ACM, 2023. – P. 234–237.
10. McCulloch G. Because Internet: Understanding the New Rules of Language / G. McCulloch. – New York: Riverhead Books, 2019. – P. 8.
11. Oxford English Dictionary [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.oed.com> (date of access: 12.07.2026).
12. Steen E. You Can (Not) Say What You Want: Using Algospeak to Contest and Evade Algorithmic Content Moderation on TikTok / E. Steen, K. Yurechko, D. Klug // Social Media + Society. – 2023. – Vol. 9. – № 3. – P. 11.
13. Yus F. Smartphone Communication: Interactions in the App Ecosystem / F. Yus. – London: Routledge, 2021. – P. 9.

© Бедняков Евгений Евгеньевич (evgefuse@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КАТЕГОРИЯ ОЦЕНКИ В ТЕКСТАХ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ ГЕРМАНИИ И РОССИИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ И РУССКОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ)

Боровкова Марина Владимировна

кандидат филологических наук, доцент, Уральский
государственный юридический университет
им. В.Ф. Яковлева
mborovkova@rambler.ru

CATEGORY OF EVALUATION IN THE TEXTS OF COURT DECISIONS IN GERMANY AND RUSSIA (BASED ON GERMAN-LANGUAGE AND RUSSIAN-LANGUAGE TEXTS)

M. Borovkova

Summary: The article presents a comparative analysis of the category of evaluation in the texts of court decisions in Germany and Russia. The enduring interest in this topic is primarily since every individual and society as a whole constantly encounter the process and results of evaluation. The study of evaluation allows us to understand the mechanisms of thinking, identify its universal features, and the specificity of the evaluative worldview of different legal systems. It has been revealed that, despite common semantic parameters, Russian-language texts are characterized by explicitness, personalization, and a high frequency of ethical vocabulary (250 instances) and verbs of subjective attitude (330 instances). German-language texts, on the contrary, demonstrate implicitness, depersonalization, and a predominance of passive constructions. The differences are determined by national legal cultures and linguistic traditions. The research results can be used in legal linguistics, legal translation, and intercultural professional communication of lawyers.

Keywords: evaluation, the text of the judicial decision, legal text, value, evaluative words.

Аннотация: Статья посвящена сопоставительному анализу категории оценки в текстах судебных решений Германии и России. Неугасающий интерес к этой теме связан прежде всего с тем, что каждый человек и общество в целом постоянно сталкиваются с процессом и результатами оценивания, играющими особое значение в праве. Изучение оценки позволяет понять механизмы мышления, выделить её универсальные черты и специфику оценочной картины мира различных систем права. Выявлено, что при общих семантических параметрах русскоязычные тексты характеризуются эксплицитностью, персонализацией и высокой частотностью этической лексики (250 случаев) и глаголов субъективного отношения (330 случаев). Немецкоязычные тексты, напротив, демонстрируют имплицитность, деперсонализацию и преобладание пассивных конструкций. Различия обусловлены национальными правовыми культурами и языковыми традициями. Результаты исследования могут быть использованы в юрислингвистике, юридическом переводе, межкультурной профессиональной коммуникации юристов.

Ключевые слова: оценка, текст судебного решения, юридический текст, ценность, оценочные слова.

Введение

В современной научной парадигме категория оценки представляет собой объект междисциплинарных исследований, что обусловлено многоаспектностью и универсальностью этой категории. Постоянное участие человека в качестве субъекта и объекта оценки подчеркивает актуальность изучения данного феномена. Особая сложность и многогранность понятия оценки, а также недостаточная его изученность в специальных текстах, а, в частности, в текстах судебных решений, подчеркивают необходимость дальнейших исследований. Цель статьи – определить лингвостилистические особенности категории оценки в немецкоязычных и русскоязычных текстах судебных решений, выделить универсальные характеристики категории оценки и специфику оценочной картины мира различных лингвокультурных юридических общностей. В соответствии с целью исследования были определены

следующие задачи:

- Проанализировать научные труды по исследуемой категории оценки.
- Проанализировать немецкоязычные и русскоязычные тексты судебных решений.
- Установить и описать универсальные характеристики и частные особенности категории оценки в текстах судебных решений Германии и России.
- Сопоставить полученные результаты, на их основе охарактеризовать сходства и различия лингвостилистической реализации категории оценки в русском и немецком языках.

Теоретическая значимость

Определение особенностей реализации категории оценки в текстах судебного решения как особом типе текстов обогащает теоретическую базу юрислингвистики, когнитивной лингвистики. Сопоставительный анализ

немецкоязычных и русскоязычных текстов расширяет представление о типологических сходствах и различиях категории оценки рассматриваемого типа текста в разных правовых культурах и играет важную роль для контрастивных лингвокультурологических исследований, теории межкультурной коммуникации.

Практическая значимость

Результаты исследования могут найти свое практическое применение при разработке учебных курсов по юрислингвистике, юридическому переводу, стилистике текста, а также в практике перевода и лингвистической экспертизе судебных текстов. Выявленные лингвистические особенности категории оценки в текстах судебных решений Германии и России помогут юристам и переводчикам в процессе интерпретации исследуемого типа текста избежать смысловых и судебных ошибок.

Материалы и методы исследований

Теоретической и методологической основой исследования являются научные труды российских и зарубежных ученых, посвященные вопросам категории оценки, а также труды исследователей, изучающих особенности текстов права. Выбор методов исследования был обусловлен поставленными целью и задачами: методы анализа, синтеза и обобщения научно-теоретических концепций и подходов, метод контролируемой выборки, метод систематизации, описательный, типологический и сопоставительный методы, метод когнитивно-дискурсивного анализа.

Анализ, синтез и обобщение научно-теоретических концепций и подходов позволили выделить ключевые идеи и систематизировать существующие подходы к категории оценки в лингвистике. Метод контролируемой выборки использовался для отбора репрезентативных образцов текстов конкретных судебных решений России и Германии. Метод систематизации позволил структурировать собранный материал. Дескриптивный метод применялся для детального описания содержания и структурных особенностей текстов судебных решений и категории оценки в них. Типологический и сопоставительный методы позволили выявить универсальные характеристики и частные различия в использовании оценочных понятий в культурных и юридических общностях России и Германии. Метод когнитивно-дискурсивного анализа помог понять, как в текстах судебных решений России и Германии выражается и конструируется категория оценки, какие смысловые, языковые и культурные особенности при этом проявляются.

В качестве материала исследования привлекаются немецкоязычные и русскоязычные тексты судебных решений, размещенные на сайтах Федерального Консти-

туционного суда Германии и Конституционного суда РФ.

Результаты и обсуждения

Над изучением категории оценки трудились многие известные учёные как прошлых лет, так и современности: проблеме оценочной модальности и логике оценок были посвящены работы Н. Арутюновой [2], А. Ивина [5] и др.; вопросы функциональной природы оценки рассматривались в научных трудах Е.М. Вольф [3], М.А. Мининой [9] и др.; о семантико-прагматических особенностях реализации оценочного значения писали Н. Арутюнова [2], Т. Маркелова [7], Н.Д. Марова [8] и др.; оценку как тип языкового значения и соотношения эмоционального и оценочного компонентов в структуре значения описывали И. Арнольд [1], И. Стернин [12], В. Телия [13], В. Шаховский [14] и др.; языковые средства выражения оценки освещались в трудах И.И. Просвиркиной [11], Т. Вендиной [4], А.С. Яковлевой [15], М.Н. Крыловой [6] и др. Наиболее важным подходом к категории оценки для нашего исследования считаем ее рассмотрение в работах Н.Д. Маровой [8]. Н.Д. Марова относит оценку к универсальным видам ментальной деятельности, присущей каждому тексту и непосредственно связанной с понятием ценности. Автор понимает под оценкой «выделение таких качеств и черт явления, которые определяют ценность этого явления для некоторой ситуации и в некотором отношении» [8]. Для оценки характерен род ценностей, который образуют объекты, обладающие признаками предпочтительности, значимости, важности для определенной ситуации или для определенного индивида (коллектива, общности) [8]. Такого рода ценность Н.Д. Марова, вместе с Н.Н. Мироновой [10], называют эвалютивной ценностью, а текстоменталию, выражающую эти процессы — эвалютивом. Оценка как эвалютив требует выдвижения, с одной стороны, категории нормы оценки, с другой стороны, выбор ценности. Акт оценки является по существу дифференциацией объектов по степени ценности, в результате которого производится выделение в объектах признаков ценности, анти-ценности, не-ценности. Таким образом, оценка, по мнению Н.Д. Маровой, есть приписывание явлению определенной меры или степени ценности. Ценность оцениваемого объекта есть признак его значимости не самого по себе, а для некоторой системы отношений, в которую он попадает. Оценка устанавливает меру ценности текста и качества его соответствия нормам, требованиям и предпочтениям субъекта восприятия в некотором отношении и для некоторой ситуации. Автор утверждает, что оценка всегда претендует на логическую или эмоциональную силу убеждения, апеллируя к норме или чувству меры. Эта функция нормизации ценностных признаков является одной из важнейших функций оценки. Оценка по своей природе ортодоксальна, императивна и экзоцентрична.

В соответствии с концепцией Маровой Н.Д. [8] су-

ществуют особые парадигмы оценки, позволяющие дифференцировать категорию оценки в тексте: объект, предмет, цель, содержание, формы выражения, способ действия. Каждая парадигма создает в рамках ментальной процедуры оценочной деятельности свою собственную сферу семантических характеристик. Объектом оценки может стать любой объект, который квалифицируется как носитель ценности, важный для некоторой ситуации или для индивида. Предметом оценки становится внешняя по отношению к данному объекту семантическая область таких признаков, которые оказываются системой оценок, привлекаемой для определения степени ценности данного объекта. Содержанием оценки являются признаки эвалюативной ценности объекта. Цель оценки – формирование картины эвалюативно ценностных признаков объектов, попадающих в её семантическую область. Формой выражения оценки становятся языковые средства, указывающие на семантику ценности или оценочного процесса по установлению ценности объекта оценки. Оценка призвана гипостазировать, преувеличивать некоторые стороны объекта.

Несмотря на пристальное внимание к категории оценки как языковой категории и обстоятельство её описания, обращает на себя внимание и тот факт, что оценка как объект лингвистического исследования рассматривалась преимущественно на материале текстов художественной литературы. Однако, будучи категорией универсальной, она присутствует в текстах различного содержания, разных жанров и стилей. В связи с этим в последнее время ученые в области лингвистики, изучающие категорию оценки, обратились к текстам профессиональной направленности. Особый интерес категория оценки представляет как оценочная категория в тексте судебного решения. Судебное решение — это институциональный текст, который традиционно позиционируется как образец объективности, беспристрастности и формальной логики. Однако, как показывает анализ, категория оценки является не периферийным, а системообразующим элементом судебного дискурса. Более того, способы ее языковой объективации, стратегии маскировки или, напротив, акцентуации, а также аксиологическая база, на которую эта оценка опирается, обнаруживают глубокие национально-культурные различия. Категория оценки в судебном дискурсе — важнейший инструмент, через который проявляется правовая ментальность, система ценностей и стратегии легитимации судебной власти. Сравнительное изучение языковых механизмов оценки позволяет глубже понять национальные правовые культуры.

Опираясь на теорию Н.Д. Маровой, обратимся к текстам судебных решений России и Германии и продемонстрируем результаты анализа экспликации категории оценки в этих текстах в двух правовых системах.

В текстах судебных решений правовых систем Германии и России выделяем универсальные семантические сферы оценки: объектом оценки выступает, как правило, какой-то поступок, действие субъекта, факт, которому дается правовая оценка с точки зрения предмета оценки. Предметом оценки выступает норма права. Цель оценки — приписать объекту эвалюативно ценностные признаки относительно нормы права, которые проявляются в сфере формы выражения языковыми средствами с семантикой оценочности, ценности рассматриваемого поступка, действия субъекта. А способ действия оценки появляется в ее оценочности относительно нормы права, позиции судьи семантикой справедливости/несправедливости, правильной правовой квалификацией/неправильной правовой квалификацией и т.п.

К частным специфическим чертам проявления категории оценки относим ее культурологические особенности в двух разных правовых системах, языковые традиции предопределяют выбор различных языковых средств выражения оценки.

Русскоязычные тексты судебных решений характеризуются высокой степенью лексической эксплицитности оценки. Оценка может быть персонализирована. Оценочные суждения часто формулируются с использованием:

- этической лексики, не имеющей прямого закрепления в гипотезе нормы: «действовал недобросовестно»; «злоупотребил правом»; «поведение истца носило неразумный характер»; «пренебрег интересами общества»;
- модальных слов: «очевидно», «несомненно», «безусловно», «абсолютно ясно»;
- глаголов, выражающих субъективное отношение: «считать», «отметить», «подчеркнуть»;
- модальных конструкций: «следует признать», «предположительно».

Немецкоязычная судебная традиция демонстрирует принципиально иную стратегию: оценка имплицирована в логическую структуру умозаключения, деперсонализирована, что находит свое отражение в следующих языковых конструкциях:

- преобладание пассивных и безличных конструкций предложений: «Es ist davon auszugehen, dass...» (Следует исходить из того, что...); «Die Klage ist als unbegründet zurückzuweisen» (Иск подлежит отклонению как необоснованный);
- оценка через квалификацию факта юридическим термином: вместо «ответчик поступил неосторожно» — «Die erforderliche Sorgfalt wurde außer Acht gelassen» (Необходимая заботливость была оставлена без внимания); вместо «сделка несправедлива» — «Das Rechtsgeschäft ist sittenwidrig gem. § 138 BGB» (Сделка является противоречащей добрым нравам согласно § 138 ГГУ);

- минимизация личных форм: «Unter Abwägung der beiderseitigen Interessen ist festzustellen, dass die Voraussetzungen des § 242 BGB vorliegen. Ein Verstoß gegen Treu und Glauben kann nicht angenommen werden» (BGH, Urteil vom 15.06.2023). В данном заключении оценка обезличена и представлена как результат взвешивания интересов;
- наличие модальных глаголов с оценочной коннотацией: «scheinen» (казаться), «annehmen» (предположить), «behaupten» (утверждать); модальных частиц: «wohl» (наверное), «wohl eher» (скорее всего).

В таблице представлен частотный анализ языковых средств оценки в рассматриваемом типе текста на материале 80 стр.

Таблица 1.

Частотный анализ языковых средств оценки в текстах судебных решений Германии и России.

Средство оценки	Немецкий язык	Русский язык	Соотношение
Модальные глаголы	210	150	+60 немецкоязычный текст
Модальные частицы	200	180	-20 русскоязычный текст

Средство оценки	Немецкий язык	Русский язык	Соотношение
Лексические оценки	220	250	+30 русскоязычный текст
Глаголы субъективного отношения	170	330	-160 немецкоязычный текст

Заключение

Проведенный анализ позволяет утверждать, что несмотря на то, что категория оценки в текстах судебных решений на немецком и русском языках универсальна в своей дифференциации в соответствии с концепцией Н.Д. Маровой, имеет, однако, и свою национальную специфику. Различия обусловлены национальными языковыми традициями и правовой культурой. Российский судебный дискурс характеризуется большей степенью субъективности и экспрессивности, в то время как немецкий стремится к предельной объективации и формализации оценки, что находит свое отражение в языковых средствах экспликации категории оценки. Дальнейшие исследования в этой области могут быть проведены на материале текстов судебных решений, создаваемых с привлечением искусственного интеллекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И. Семантика, стилистика, интертекстуальность. — Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 1999. — 444 с.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. — Москва: Наука, 1988. — 341 с.
3. Вендина Т.И. Семантика оценки и ее манифестация средствами словообразования / Т.И. Вендина // Славяноведение. — 1997. — № 4. — С. 41–48.
4. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. — 2-е изд., доп. — Москва: Эдиториал УРСС, 2002. — 280 с.
5. Ивин А.А. Логика оценок и норм: философские, методологические и прикладные аспекты: монография / А.А. Ивин. — Москва: Проспект, 2016. — 318 с.
6. Крылова М.Н. Сравнительные конструкции как средство выражения оценочности в современном русском языке / М.Н. Крылова; сост. и отв. ред. М.В. Ягодкина // Ефремовские чтения: Концепция современного мировоззрения: материалы 11-й международной конференции. — Санкт-Петербург: ЛЕМА, 2008. — С. 160–163.
7. Маркелова Т.В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке: монография / Т.В. Маркелова; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования Московский гос. ун-т печати им. Ивана Федорова. — Москва: Московский гос. ун-т печати им. Ивана Федорова, 2013. — 297, [1] с.
8. Марова Н.Д. Парадигмы интерпретации текста / Н.Д. Марова. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т; Ин-т иностр. яз., 2006. — Ч. 2. — С. 208–503.
9. Минина М.А. Психолингвистический анализ семантики оценки: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Марина Александровна Минина. — Москва, 1995. — 15 с.
10. Миронова Н.Н. Дискурс-анализ оценочной семантики / Н.Н. Миронова. — Москва, 1997. — С. 29.
11. Просвирина И.И. Языковые средства выражения оценки в современном дискурсе / И.И. Просвирина // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. — 2020. — № 2. — С. 23–27. — DOI: <https://doi.org/10.12737/2587-9103-2020-23-27>.
12. Стернин И.А. Эмоция и оценка в семантике слова [Электронный ресурс] / И.А. Стернин, Д.Ю. Просовецкий // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. — 2018. — № 4. — С. 75–96.
13. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. — Москва, 1986. — 143 с.
14. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций / В.И. Шаховский. — Москва: Гнозис, 2008. — 416 с.
15. Яковлева А.С. Использование экспрессивно-синтаксических средств для выражения категории оценки в публичной политической речи (на примере политических речей Отто фон Бисмарка) / А.С. Яковлева // Вестник Тюменского государственного университета. — 2006. — № 7. — С. 124–128.

© Боровкова Марина Владимировна (mborovkova@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ СЕРИАЛА DRIVE TO SURVIVE НА ПОПУЛЯРНОСТЬ «ФОРМУЛЫ-1» НА АМЕРИКАНСКОМ РЫНКЕ

Гаврилин Владислав Максимович

Аспирант, Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы
ст.punk100@yandex.ru

THE IMPACT OF THE DRIVE TO SURVIVE SERIES ON THE POPULARITY OF FORMULA 1 IN THE AMERICAN MARKET

V. Gavrilin

Summary: The paper explores the impact of the documentary series «Drive to Survive» on the popularization of the Formula 1 World Championship. The relevance of the work is driven by the transformation of sports competitions into a media product and the increased role of digital platforms in the promotion of sports series and brands.

The aim of the study is to identify the extent and mechanisms of the documentary series' impact on audience growth and fan engagement. The paper analyzes the features of storytelling, the personalization of athletes, and the dramatization of sports events as key tools for attracting an audience.

The study is based on content analysis, comparative analysis, and statistical data. The research findings indicate that the «Drive to Survive» series is an effective sports marketing tool that helps expand the Formula 1 audience and strengthen its position in the global media market.

Keywords: media, streaming, sports content, Formula 1.

Аннотация: В работе исследуется влияние документального сериала «Drive to Survive» на популяризацию чемпионата мира по автогонкам в классе «Формула-1». Актуальность работы обусловлена трансформацией спортивных соревнований в медиaproдукт и возросшей ролью цифровых платформ в популяризации и продвижении спортивных серий и брендов.

Целью исследования является выявление степени и механизмов воздействия документального сериала на рост аудитории и вовлеченность фанатов. В работе анализируются особенности сторителлинга, персонализации спортсменов и драматизации спортивных событий как ключевых инструментов привлечения аудитории.

Методологическую основу составляют контент-анализ, сравнительный анализ и изучение статистических данных. В результате исследования установлено, что сериал «Drive to Survive» выступает эффективным инструментом спортивного маркетинга, способствующим расширению аудитории Формулы-1 и усилению ее позиций на глобальном медиарынке.

Ключевые слова: медиа, стриминг, спортивный контент, «Формула-1».

Введение

В 21 веке мы можем наблюдать трансформацию медиамодели в спортивной индустрии. Еще до недавнего времени основным способом распространения контента и привлечения новых зрителей являлось радио, газеты и телевидение. С ростом популярности Интернета, социальных сетей и стриминговых платформ они стали одними из главных способов распространения контента [14, с.13].

Особое значение приобрела способность создавать вовлекающий и виральный медиаконтент, выходящий за рамки спортивного непосредственно спортивного события. Одним из наиболее показательных кейсов подобной трансформации стал документальный сериал «Formula 1: Drive to Survive», выпускаемый компанией Netflix с 2019 года.

Перед запуском проекта «Формула-1» столкнулась с рядом проблем, таких как стареющая аудитория, снижение популярности на американском рынке и ограниченной привлекательностью для молодых зрителей. В 2017 году, после покупки «Формулы-1» американской компанией Liberty Media, руководство гоночной серии поставило задачу увеличить популярность бренда. Для этого компания

сделала ставку на цифровизацию, развитие социальных платформ и сотрудничество со стриминговыми сервисами.

Сериал «Drive to Survive», вышедший в 2019 году, предложил зрителям не только спортивный аспект серии, но и рассказал о конфликтах внутри команд, психологическом давлении и приоткрыл завесу закулисной жизни пилотов, способствовал повышению их медиаприсутствия на американском рынке.

Целью настоящего исследования является анализ влияния сериала «Drive to Survive» на рост медиапопулярности «Формулы-1».

Объект исследования — медиакommunikации спортивных брендов в цифровой среде.

Предмет исследования — влияние документального сторителлинга на вовлеченность и рост аудитории «Формулы-1».

Гипотеза исследования заключается в том, что релизы новых сезонов «Drive to Survive» способствовали росту цифровой популярности «Формулы-1», увеличению вовлеченности аудитории в США и усилению присутствия чемпионата в медиaprостранстве.

Спорт как специализированное медиапотребление в условиях цифровой трансформации

В современном мире спорт в большей степени функционирует не только как само соревновательное событие, но и как медиапродукт, интегрированный в средства массовой коммуникации. Развитие стриминговых платформ и социальных сетей привело к трансформации потребления и распространения спортивного контента. Раньше взаимодействие с аудиторией осуществлялось путем теле-радио трансляций и непосредственного посещения спортивного события. Сейчас же спортивные организации и команды предоставляют зрителям сложную медиасистему, включающую цифровые платформы, социальные сети, закулисный контент, документальные форматы и интерактивные практики вовлечения аудитории. В том числе и личные блоги спортсменов или людей причастных к спорту, что формирует у пользователя чувство большей сопричастности к спорту, его доступности и открытости. [6, с.385].

Внедрение новых цифровых и информационных технологий в спорт способствуют изменению способов взаимодействия между субъектами спортивной индустрии и аудитории, формируя новые модели медиапотребления [4, с.235]. В условиях возросшей конкуренции за внимание зрителя и необходимостью привлечения новой аудитории спорт все чаще оказывается включенным в логику цифровой медиасреды, где устойчивость интереса аудитории зависит не только от качества соревнования, но и от способности спортивного продукта поддерживать постоянную коммуникацию со зрителем.

А.В. Прохоров и С.А. Попов считают, что медиатизация спорта представляет собой процесс трансформации спортивной сферы под влиянием медиалогии, при котором меняются способы репрезентации соревнований, взаимодействия с болельщиками и распространения спортивного контента [6, с.385]. То есть спорт представляется уже не как объект журналистского освещения, а как самостоятельный медиапродукт, функционирующий в условиях платформенной экономики внимания.

Такую же позицию занимает С.Н. Ильченко, заявляя, что электронные медиа существенно расширили пространство спортивной коммуникации, превратив спортивное событие в мультимедийный продукт, существующий одновременно в телевизионной, цифровой и социальной среде [4, с.235]. На сегодняшний день спортивные организации и команды вышли за рамки традиционной модели, предлагая аудитории медиаконтент до и после спортивного события.

Несмотря на расширение медиавозможностей, спортивный контент все еще сохраняет ряд специфических особенностей, которые отличают его от массового кон-

тента, такого как: сериала, художественные фильмы или развлекательные шоу. Спортивный же контент все еще требует от зрителя наличие определенного уровня подготовки и знаний. Для полноценного восприятия соревнования зрителю зачастую необходимо понимать правила, структуру турнира, особенности регламента, значение статистических показателей и соревновательный контекст. В связи с этим, можно охарактеризовать спортивное зрелище как специализированную форму медиапотребления, предполагающую определенный порог входа для новой аудитории.

В особенности эта проблема становится наиболее заметной в технических видах спорта, которые предполагают высокий уровень предварительных знаний. Одним из ярких примеров стал чемпионат «Формула-1». Несмотря на мировую известность чемпионат длительное время ограничивался преимущественно высококачественной спортивной аудиторией. Сложность технических регламентов, стратегическая специфика гонок, высокий уровень профессиональной терминологии, а также элитарный имидж автоспорта объективно повышали барьер для массового зрителя.

Однако цифровая медиаструктура стимулирует спортивные организации к расширению аудитории. Как отмечают Т.В. Захарова, А.В. Фирер, А.В. Сотникова и П.А. Шелкунов, медийное освещение способно существенно влиять на общественное восприятие спортивных проектов, формируя новые модели вовлеченности и повышая уровень интереса к спортивной тематике [7, с.165]. В условиях цифровизации роль медиакommunikаций возрастает, поскольку именно медиа становятся ключевым инструментом популяризации спорта среди массовой аудитории.

Также стоит отметить психологический аспект медиапотребления. Массмедиа способны формировать эмоциональную вовлеченность аудитории через механизмы идентификации, сопереживания и эмоциональной близости [5, с.63; 14, с.215]. Для спорта такие механизмы имеют особое значение для спорта, поскольку зачастую интерес аудитории формируется не только через понимание соревновательной составляющей, но и через эмоциональную связь с отдельными спортсменами, командами и их историями. Как отмечает В. Горохов у людей присутствует постоянная тяга к соперничеству, в то время как спорт позволяет им стать участником события поддерживая ту или иную команду [2, с.73]

В условиях платформизации медиaprостранства спортивные организации все чаще вынуждены конкурировать за внимание аудитории с развлекательным контентом. Как отмечает С.В. Водопетов, на сегодняшний день происходит переход от классической модели к интерактивным экосистемам, где пользователь одно-

временно является потребителем, создателем и распространителем информации. При этом происходит переход от системы, в которой пользователь выбирает интересующий его канал потребления к системе, в которой сама среда создает условия для потребления контента [1, с.74; 3, с.133]. Это означает, что устойчивое расширение спортивной аудитории становится возможным лишь при адаптации спортивного контента к логике современного медиапотребления.

Таким образом, можно рассматривать современный спорт как специализированную форму медиапотребления с высокой лояльностью аудитории, но одновременно сталкивающаяся с ограничениями масштабирования вследствие высокого порога вхождения. Основной задачей спортивных организаций становится адаптация специализированного контента под массового зрителя, не обладающего необходимыми знаниями, но потенциально готового вовлечься в спортивную медиасреду.

Drive to Survive как инструмент медиатрансформации «Формулы-1»

Формат сериала и особенности повествования. Первый сезон сериала «Formula 1: Drive to Survive» вышел в 2019 году. В нем повествовалось о сезоне «Формулы-1» 2018 года. Центральным элементом серий стало: конфликты между пилотами, соперничество команд, психологическое давление, закулисная жизнь чемпионата, персональные истории спортсменов. Такая структура повествования и объяснения правил помогают аудитории быстрее понять спорт и начать следить за гонками. Важным элементом проекта стала сериализация повествования. События чемпионата подавались как единый нарратив с героями, антагонистами, конфликтами и драматургическими арками.

Контентные механики сериала. Контент-анализ сериала позволяет выделить несколько ключевых медиамеханик, обеспечивших его эффективность.

Персонализация. Сериал сделал пилотов центральными персонажами повествования. Зритель получил возможность наблюдать за их личными переживаниями, внутренними конфликтами и повседневной жизнью. Пилоты перестали восприниматься исключительно как спортсмены и превратились в эмоционально близких персонажей. Это особенно важно для новой аудитории, не обладающей глубокими знаниями о «Формуле-1».

Конфликтность. Сериал активно использует драматургические механики, акцентируя внимание на конфликтах внутри команд, борьбе за контракты и соперничестве пилотов.

Низкий порог вхождения. «Формула-1» всегда была

техническим видом спорта. Благодаря сериалу часть аудитории может вовлечься в чемпионат не через технический аспект, а через персонажей и их историю.

Сериализация спорта

Чемпионат начал восприниматься как продолжительный сериал с последовательным развитием событий.

Американизация медиамодели «Формулы-1». Особое значение сериал имел для американского рынка. До запуска «Drive to Survive» «Формула-1» уступала по популярности главным американским гоночным сериям NASCAR и IndyCar. Однако Netflix адаптировал «Формулу-1» под американскую логику сферы развлечений. Сериал акцентировал внимание на драме, личных историях и эмоциональном вовлечении, что сделало чемпионат значительно более привлекательным для американской аудитории.

Впоследствии это привело к: росту телевизионных рейтингов; увеличению посещаемости этапов в США; запуску Гран-при Майами и Лас-Вегаса; росту интереса рекламодателей; расширению аудитории среди молодежи и женщин.

Анализ медиапоказателей «Формулы-1» в США

Телевизионная аудитория. Одним из ключевых показателей роста популярности «Формулы-1» после запуска Drive to Survive стали телевизионные рейтинги. В исследование взят временной отрезок с 2012 по 2024 год. Права на трансляцию «Формулы-1» принадлежали FOX в 2012 году, с 2013 по 2017 года NBC, с 2017 года ESPN [9].

Таблица 1.
Средняя аудитория гонок «Формулы-1» в США.

Год	Средняя аудитория «Формулы-1» в США
2012	414 тысяч
2013	366 тысяч
2014	477 тысяч
2015	512 тысяч
2016	482 тысячи
2017	538 тысячи
2018	554 тысячи
2019	671 тысяча
2020	608 тысяч
2021	949 тысяч
2022	1,21 миллион
2023	1.11 миллионов
2024	1.10 миллионов

Одним из самых популярных видов автоспорта в США является «Наскар». С 2012 года аудитория телепросмо-

тра гонок в свою очередь упал с 5,8 миллионов до 2,89 миллионов. Если до выхода сериала Drive to Survive просмотры «Формулы-1» были почти в 12 раз ниже, чем у «Наскар», то к 2024 году популярность национального соревнования всего в два раза превосходит «Формулу-1». Наиболее существенный рост наблюдался после 2020 года, когда сериал уже успел сформировать устойчивую базу зрителей.

При этом важно отметить, что рост популярности «Формулы-1» нельзя объяснить исключительно сериалом. Существенную роль также сыграли: пандемия COVID-19, развитие социальных сетей «Формулы-1», борьба Макса Ферстаппена и Льюиса Хэмилтона.

Посещаемость этапов «Формулы-1». Еще одним важным показателем роста популярности «Формулы-1» является посещаемость американских этапов. На момент 2026 года в США проходит три этапа, однако мы рассмотрим только Гран-при Остина, поскольку он присутствует в календаре с 2012 года по сегодняшний день. Также, необходимо отметить, что методология подсчета болельщиков на этапе держится в секрете и организаторы могут трижды посчитать одного человека, если он придет не три дня соревнований. Также с 2024 года данные о посещении Остина не публикуются.

Таблица 2.
Посещаемость Гран-При США в Остине с 2012 по 2023 год.

Год	Количество посетителей (за все выходные)
2012	265,499
2013	250,324
2014	237,406
2015	224,011
2016	269,889
2017	258,000
2018	263,160
2019	268,000
2020	Не проводился из-за пандемии COVID-19
2021	400,000
2022	440,000
2023	432,000

Эти данные, с сочетанием с расширением географии «Формулы-1» в США показывают, что чемпионат приобрел большую популярность после выхода сериала.

Google Trends и поисковый интерес. Для оценки динамики популярности «Формулы-1» также могут быть использованы данные Google Trends [11].

Анализ поискового интереса показывает, что по-

сле 2019 года наблюдается устойчивый рост запросов, связанных с «Формулой-1», особенно на американском рынке. Особенно заметны пики интереса в периоды: выхода новых сезонов «Drive to Survive», Гран-при США и темам связанными непосредственно с сезоном и пилотами. Практически все запросы выросли в сравнение с 2013 годом.

Полученные данные подтверждают гипотезу о том, что сериал выступал дополнительным драйвером медиавнимания к чемпионату. (Рис. 1., Рис. 2.)

Как видно на графике поисковых запросов в США интерес к «Формуле-1» растет с каждым годом после выхода первого сезона сериала в 2019 году. Также можно отметить всплески интереса к спорту после выхода каждого нового сезона «Drive to Survive».

Обсуждение результатов. Результаты позволяют сделать вывод, что сериал «Drive to Survive» внес серьезный вклад в развитие заинтересованности «Формулой-1» на американском рынке. При этом сериал не стоит рассматривать исключительно как рекламный проект, сколько способ изменить восприятие американской аудитории к спорту.

Если ранее чемпионат позиционировался преимущественно как элитарное техническое соревнование, то после запуска сериала «Формула-1» стала восприниматься как эмоциональный сериализованный медиапродукт.

Особую роль сыграли механизмы вовлечения аудитории. Сериал раскрыл гонщиков не как обезличенных спортсменов, а как личностей. Также, теперь новые зрители могут начать следить за чемпионатом через драматургические события, а не через технические знания. Короткие эмоциональные эпизоды, конфликтность и персонализированное повествование обеспечили высокую совместимость контента с социальными платформами.

«Drive to Survive» демонстрирует более широкий тренд современной спортивной индустрии: спорт все чаще функционирует как непрерывный медиапродукт, а не исключительно как соревнование.

Стоит отметить, что рост популярности «Формулы-1» в США нельзя связывать исключительно с сериалом «Drive to Survive». На динамику также повлияло развитие социальных сетей, конкуренция между командами и пилотами, маркетинговая система Liberty media и увеличение числа Гран-при в США.

Заключение

В результате исследования было доказано, что сериал «Formula 1: Drive to Survive» оказал влияние на

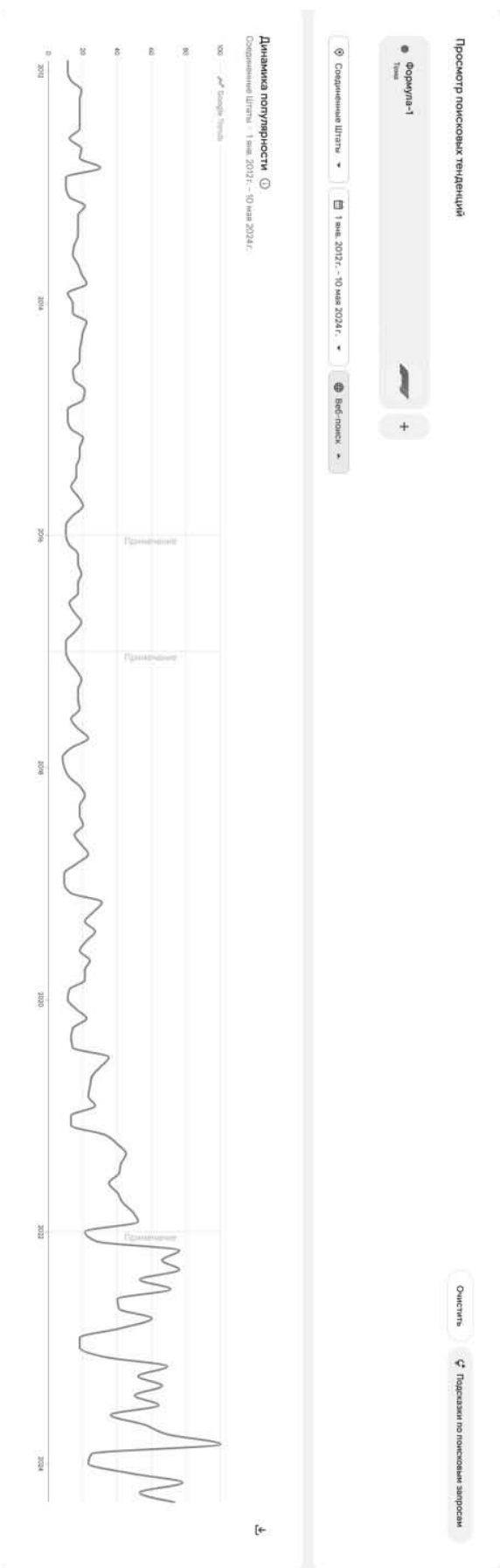

Рис. 1. Поиск по запросу «Формула-1» в Гугл в США

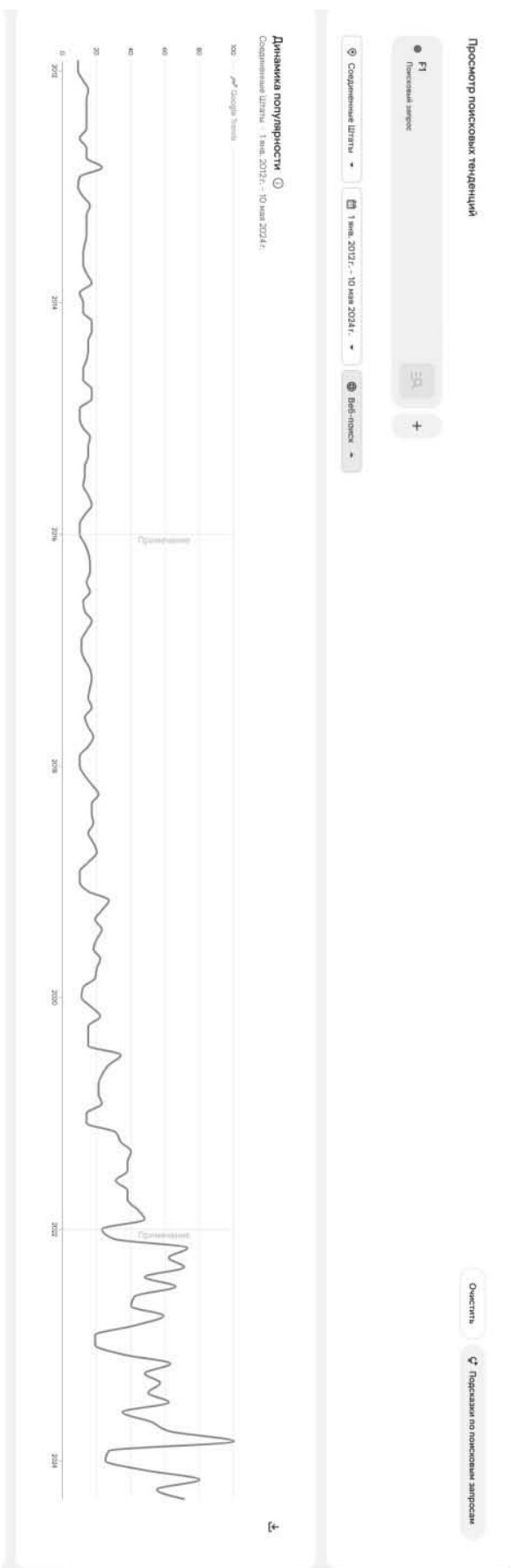

Рис. 2. Поиск по запросу F1 в Гугл в США

медиапопулярность «Формулы-1». Основной причиной успеха стало не просто создание медиаконтента, а использование механизмов эмоционального сторителлинга, персонализации и сериализации спорта. Данные результаты позволяют предположить, что документальные сериалы и стриминговые платформы могут высту-

пать эффективным инструментом медиатрансформации и для других спортивных дисциплин. Также этот кейс демонстрирует, что спортивные организации стремятся привлекать новых зрителей не только непосредственно через сам спорт, а еще и через эмоционально вовлекающий медианарратив.

ЛИТЕРАТУРА

1. Водопетов С.В. Управление эффективностью коммуникации в условиях платформизации медиапространства // Меди@льманах. 2025. № 4 (129). С. 73–79. DOI: 10.30547/mediaalmanah.4.2025.7379
2. Горохов В. Национальные идентичности в глобальной спортивной культуре: вызовы Сочи-2014 для Олимпийской команды России // Журнал социологии и социальной антропологии. Спортивные мегасобытия в политике, обществе и культуре. 2013. Т. 16, № 5. С. 71–85.
3. Дорошук Е.С. Цифровые технологии спортивных медиа в современном информационном поле / Е.С. Дорошук, И.И. Рамазанов // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 9–3(111). – С. 132–135. – DOI 10.23670/IRJ.2021.9.111.096. – EDN UKXXUB.
4. Ильченко С.Н. Спорт и электронные медиа: аспекты коммуникативного взаимодействия / С.Н. Ильченко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2009. – № 4. – С. 232–236. – EDN LSPXAR.
5. Огородников А.А. Вирусный контент как механизм диджитал брендинга / А.А. Огородников // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. – 2025. – Т. 16, № 5–2(72). – С. 63–71. – EDN ZJZIUM.
6. Прохоров А.В. Направления медиатизации в спорте / А.В. Прохоров, С.А. Попов // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2024. – № 3(54). – С. 382–388. – DOI 10.34680/2411–7951.2024.3(54).382–388. – EDN ZLNBER.
7. Роль медийного освещения в формировании общественного восприятия социокультурных проектов в области спорта и физической культуры в условиях цифровизации / Т.В. Захарова, А.В. Фирер, А.В. Сотникова, П.А. Шелкунов // Перспективы науки. – 2025. – № 6(189). – С. 165–167. – EDN YMZYJ.
8. Boyle R., Haynes R. Power Play: Sport, the Media, and Popular Culture. Edinburgh University Press, 2009.
9. ESPN Press Room U.S. Formula 1 telecasts on ESPN platforms reach nearly 30 million fans in 2024 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: ESPN Press Room U.S. — Дата обращения: 25.05.2026.
10. Formula-1. Global fan and audience statistics of Formula 1 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://formula1.com/> — Дата обращения: 18.05.2026.
11. Google Trends. Аналитика поисковых запросов «Formula-1» и «F1» в США за 2012–2025 гг. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://trends.google.com/trends/> — Дата обращения: 18.05.2026.
12. Green M., Brock T. The Role of Transportation in the Persuasiveness of Public Narratives // Journal of Personality and Social Psychology. 2000.
13. Horton D., Wohl R. Mass Communication and Para-Social Interaction // Psychiatry. 1956. Vol. 19. P. 215–229.
14. Jenkins H. Convergence Culture: Where Old and New Media Collide. New York: NYU Press, 2006.

© Гаврилин Владислав Максимович (cm.punk100@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

RDS КАК МЕДИАФЕНОМЕН: ОТ НИШЕВОГО УВЛЕЧЕНИЯ К НОВОМУ ТИПУ СПОРТИВНОГО МЕДИА

RDS AS A MEDIA PHENOMENON: FROM A NICHE HOBBY TO A NEW TYPE OF SPORTS MEDIA

**V. Gavrilin
S. Vodopetov**

Summary: The article examines the Russian Drift Series (RDS) as a distinct media phenomenon of contemporary motorsport and analyzes the transformation of its communication model in the digital media environment. Unlike traditional forms of motorsport, RDS has formed an alternative system of media consumption based on direct interaction with the audience through digital platforms, visual spectacle, and community engagement. The aim of the study is to identify the specifics of the drift media model and determine the potential for its adaptation in other niche sports. The research employs comparative analysis, content analysis, and analysis of RDS digital platforms.

Keywords: drift, mediatization of sport, media convergence, motorsport, sports media, digital communication, media consumption.

Гаврилин Владислав Максимович

Аспирант, Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы, (г. Москва)
st.punk100@yandex.ru

Водопетов Сергей Вячеславович

Кандидат политических наук, доцент, Российский
университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
(г. Москва)
vodopetov@mail.ru

Аннотация: В статье исследуется Российская дрифт серия (RDS) как особый медиафеномен современного автоспорта и анализируется трансформация коммуникационной модели в условиях цифровой медиасреды. В отличие от традиционных видов автоспорта RDS сформировала альтернативную систему медиапотребления, базирующуюся на прямом взаимодействии с аудиторией через цифровые платформы, визуальную зрелищность и вовлеченность сообщества. Цель исследования — выявить специфику медиамодели дрифта и определить потенциал ее адаптации в других нишевых видах спорта. В работе используется сравнительный анализ, контент-анализ и анализ цифровых платформ RDS.

Ключевые слова: дрифт, медиатизация спорта, медиаконвергенция, автоспорт, спортивные медиа, цифровая коммуникация, медиапотребление.

Введение

Современный спорт все чаще рассматривается не только в контексте самого спортивного события, но и особенностями медиапроизводства, распространения контента и механизмами вовлечения аудитории. В условиях цифровизации индустрия спорта трансформируется из традиционного телевизионного вещания в многоплатформенную систему медиакommunikation, основанную на цифровых сервисах, социальных сетях и прямом взаимодействии с аудиторией [3, с.133]. Как отмечают А.В. Прохоров и С.А. Попов, блоги и колонки мультимедийных СМИ, которые ведут сами спортсмены, формируют у аудитории «чувство большей сопричастности к спорту, его доступности и открытости» [9, с. 385].

Медиатизация спорта играет ключевую роль в трансформации спортивной индустрии, изменяя как форму спортивного потребления, так и механизм формирования лояльности аудитории, и ее вовлечение в спортивные события [4, с.232; 11 с.256]. Д. Роу вводит понятие «медиаспортивного культурного комплекса», подчеркивая неразрывную связь спортивных соревнований, медиапроизводства, рекламы и зрительских практик [10, с. 3–5]. В цифровую эпоху этот комплекс приобретает новые формы, что можно проследить на примере Россий-

ской дрифт серии (RDS), где спортивное событие и его медиаверсия существуют в симбиозе. В современных реалиях спорт все чаще рассматривается в качестве медиапродукта, развитие которого определяется способностью адаптироваться к логике цифровых платформ, алгоритмическому распространению контента и меняющимся практикам медиапотребления [1, с.424]. Особенно это проявляется в нишевых видах спорта, которые обладают ограниченным доступом к крупным телевизионным контрактам и массовой аудитории. Развитие цифровой среды позволило отдельным видам спорта выстраивать самостоятельное медиаприсутствие, основанное на прямой коммуникации с аудиторией, онлайн-трансляциях, пользовательском контенте и социальных платформах [7, с.208]. Как отмечают Б. Хатчинс и Д. Роу, современная спортивная медиасреда развивается в направлении сетевой модели, в которой производство и распространение контента осуществляется не только традиционными вещателями, но также спортивными организациями, спортсменами и фанатскими сообществами [12, с.204-218].

В контексте цифровой трансформации медиапотребления исследователи отмечают переход от «текстоцентричной» к «данноцентричной» парадигме, где ключевую роль играют не столько содержательные характеристики контента, сколько его способность инте-

гироваться в алгоритмические экосистемы платформ [2, с. 73]. В этих условиях спортивные организации, в том числе нишевые, вынуждены управлять не только производством контента, но и системой метапараметров – поведенческих метрик, алгоритмических паттернов и цифровых следов, определяющих видимость и вовлечённость аудитории.

В случае с дрифтом, который официально стал спортивной дисциплиной под эгидой Международной Автомобильной Федерации (ФИА) в 2017 году, процесс привлечения новой аудитории становится особенно важным. Президент Федерации Жан Тодт отметил, что дрифт — увлекательный вид спорта, который вызывает большой интерес у молодежи и стремительно набирает популярность. В отличие от традиционного автоспорта дрифт демонстрирует модель прямой медиакommunikации, в которой особое значение приобретают прямые трансляции, виральный контент и персонализированное взаимодействие между спортсменами и зрителями.

Актуальность исследования обусловлена возрастающим значением цифровых платформ в развитии нишевых видов спорта, а также необходимостью научного осмысления новых моделей спортивной медиакommunikации, формирующихся вне классической телевизионной логики. Кейс RDS был выбран по причине того, что серия стала примером спортивного проекта в России, который смог расширить количество поклонников без традиционной модели спортивного вещания, основанной преимущественно на телевидении и продаже медиаправ.

Объект исследования — процессы медиакommunikации в современном спортивном пространстве.

Предмет исследования — медиамеханизмы популяризации RDS GP.

Медиатизация спорта в условиях цифровой среды

Сейчас профессиональный спорт все чаще принято рассматривать не только как непосредственно само соревнование, но и как особую форму медиапроизводства, существование которой тесно связано с логикой функционирования средств массовой коммуникации [4, с.235; 3 с.382]. Развитие спортивных индустрий во многом определяется изменениями медиасреды, включая особенности распространения контента, модели монетизации и характер взаимодействия с аудиторией [10, с.69]. Как подчеркивают А.В. Прохоров и С.А. Попов, средства массовой коммуникации не просто отражают спортивную повестку, но и формируют её общественное восприятие, интерес и оценку [9, с. 382].

Развитие цифровых технологий, стриминговых сервисов и социальных сетей привело к переходу от тради-

ционной медиамодели через телевидение к цифровой платформенной среде, в которой ключевую роль играют прямые коммуникации со зрителем, пользовательский контент и алгоритмические механизмы распространения информации [5, с.26]. Современное спортивное медиапотребление все чаще выходит за рамки просмотра исключительно соревнования, включая закулисный контент, персональные медиа спортсменов и цифровые формы взаимодействия [3, с. 133].

Медиаконвергенция играет важную роль в этой трансформации, объединяя различные каналы распространения контента в единую цифровую среду. В результате трансформации спортивные организации вынуждены конкурировать за аудиторию не только спортивными результатами, но и в медиапространстве. Особое значение это имеет для нишевых видов спорта, которые не получали достаточного освещения в традиционной телевизионной модели. Отсутствие крупных медиаконтрактов и недостаточный интерес со стороны вещателей долгое время препятствовали их развитию, однако цифровая среда существенно снизила барьеры входа в медиапространство [8].

Согласно концепции Г. Дженкинса, медиаконвергенция представляет собой не только технологическое объединение платформ, но и изменение характера взаимодействия между производителями контента и аудиторией, при котором зритель становится активным участником медиапроцесса [13, с.132]. Как подчеркивают И.В. Кирия и А.А. Новикова, медиа представляют собой технически опосредованную коммуникацию, которая предполагает не только передачу, но и производство символических форм [5, с. 27–28]. В случае с RDS таким посредником выступают цифровые платформы (социальные сети, видеохостинги, собственная OTT-платформа), которые не просто транслируют соревнования, но и формируют особую медиасреду вокруг дрифта.

Однако, несмотря на большие медиавозможности, спортивный контент продолжает сохранять ряд особенностей, отличающих его от традиционного медиаконтента. В отличие от массовых развлекательных программ спортивное событие требует определенного уровня подготовленности зрителей, включая понимания правил, особенностей регламента и контекста серии [4, с.232; 10]. Особенно заметно это проявляется в технически сложных автоспортивных сериях, где важную роль играют стратегия, технические особенности техники и соревновательный контекст.

Вместе с этим для спортивных организаций приобретает все большее значение создание контента, который был бы интуитивно понятен зрителю [7, с.213]. Алгоритмическая логика современных платформ делает преимущественными те форматы, которые способны

привлекать внимание зрителя без необходимости длительного погружения в контекст. В данном отношении дрифт демонстрирует выгодные отличия от традиционных видов автоспорта. Высокая визуальная выразительность, короткая продолжительность соревновательных эпизодов, эмоциональная насыщенность и интуитивная понятность происходящего снижают порог вхождения для новой аудитории.

Таким образом, медиапривлекательность дрифта формируется не только спортивной составляющей, но и соответствием логике современного цифрового медиапотребления, что создает предпосылки для формирования альтернативной модели спортивной коммуникации, ориентированной на прямое взаимодействие со зрителем и меньшую зависимость от традиционных телевизионных механизмов распространения контента.

Одним из ключевых факторов, объясняющих успех нишевых видов спорта в цифровой среде, является платформизация медиапотребления. Как показывает С.В. Водопетов, современный пользователь проводит в медиапространстве в среднем 4,5 часа в день, причём лишь 29% цифрового потребления связано с целевым выбором конкретных сайтов, тогда как 71% приходится на платформенное потребление – социальные сети, мессенджеры и видеохостинги, где контент ранжируется алгоритмами [2, с. 73–74]. Именно в этой среде RDS выстраивает свою коммуникацию, что подтверждает успешность ориентации на платформенные, а не традиционные телевизионные каналы.

Альтернативная модель спортивной медиакоммуникации на примере RDS. Российская дрифт серия появилась в 2010 году, после объединения локальных дрифт-соревнований со всей России. Изначально аудиторией RDS были энтузиасты и поклонники дисциплины. Первые трансляции соревнований проходили в социальной сети «ВКонтакте», а также были доступны обзоры этапов на видеохостинге YouTube. К 2025 году RDS GP сообщил о показателях в 43,2 тысяч посетителей непосредственно на автодромах, 7,6 миллионах суммарных просмотрах на телеканале «Матч ТВ» и 50,5 миллионах просмотров в социальных сетях.

Параллельно с этим начинают развиваться и независимые медиапроизводители, блогеры, команды и сами гонщики. В отличие от традиционных видов спорта, RDS с момента становления развивался в условиях цифровой среды, позволяющей участникам самостоятельно формировать информационную повестку. Одним из наиболее популярных блогов, посвященных дрифту является канал Артема Зарубина. На его канале появлялись видеоблоги о поездке гонщика Григория Чивчяна на мировой чемпионат по дрифту в Японии, обзоры от пилота RDS Аркадия Цареградцева, а также документальные

фильмы, посвященные гонкам и сезонам. Контент подобного формата позволял аудитории наблюдать не только за непосредственно спортивной составляющей соревнований, но и за процессом подготовки автомобилей, организацией этапов, повседневной деятельностью пилотов и закулисной стороной соревнований. Как подчёркивают исследователи, именно мультимедийность и трансмедийность становятся ключевыми принципами работы цифровых спортивных медиа, позволяя создавать многоплановый контент, выходящий за рамки простой трансляции соревнований [3, с. 135]. В результате интерес к дисциплине формировался не исключительно вокруг спортивного результата, но и вокруг участников, команд и культуры дрифта в целом. Зрители регулярно взаимодействуют с видеоблогами пилотов, техническими обзорами автомобилей, развлекательными форматами и пользовательским контентом, формируя устойчивое цифровое сообщество вокруг дисциплины.

Развитие собственной цифровой инфраструктуры позволило серии не только контролировать распространение контента, но и формировать дополнительные механизмы монетизации через подписочные сервисы, партнёрские интеграции и эксклюзивный контент. Таким образом, медиамодель российского дрифта постепенно трансформировалась от локального спортивного сообщества к самостоятельной цифровой экосистеме, объединяющей соревнования, медиапроизводство, блогеров, спортсменов и аудиторию в рамках единого коммуникационного пространства.

Одной из отличительных особенностей дрифта по сравнению с другими гоночными дисциплинами — формат соревнования. Уже на уровне первичного просмотра соревнование обладает высокой степенью визуальной понятности: зритель способен интуитивно воспринимать происходящее через динамику движения, угол заноса, синхронность прохождения трассы, плотность борьбы и визуальные эффекты, включая дым от шин и близость автомобилей. Все это дает возможность создавать потенциально виральный контент, который привлечет к соревнованию большую аудиторию, поскольку Алгоритмическая логика современных платформ ориентирована на распространение коротких, эмоционально насыщенных и визуально выразительных форматов контента. Таким образом каждый заезд может рассматриваться как самостоятельный медиапродукт вне контекста всей трансляции целиком. Подобная особенность существенно снижает порог вхождения зрителей и способствует расширению аудитории посредством социальных сетей и алгоритмических рекомендаций.

В результате медиапотребление дрифта выходит за рамки просмотра исключительно спортивного соревнования, трансформируясь в устойчивую медиасреду, в которой особое значение приобретают элементы культуры,

автомобильной идентичности и участия в сообществе.

Таким образом мы можем выделить основные факторы и ключевые этапы развития дрифта в России. (Таб. 1.)

Экономическая устойчивость медиамодели дрифта и трансформация механизмов монетизации

Значимым отличием RDS от традиционных видов спорта является его экономическая модель. Классические спортивные дисциплины получают основную часть доходов от продажи медиаправ [11, с.45;10, с 74]. RDS долгое время был ограничен в присутствии на телевидении. Вместо этого развитие дисциплины сопровождалось поиском альтернативных механизмов монетизации, ориентированных на прямое взаимодействие с аудиторией. Существенное значение приобрели онлайн-трансляции, платный доступ к отдельным событиям, спонсорские интеграции, продажа атрибутики, а также коммерциализация персональных медиа спортсменов и контент-мейкеров. Гонщики нередко выполняют функции самостоятельных медиапроизводителей, поддерживая собственные цифровые платформы, взаимодействуя с подписчиками и формируя персонализированные медиабренды.

В 2020 году, из-за ковидных ограничений на посещение спортивных мероприятий, серия запустила собственную платформу RDS TV и стала первой в России, кто начал продавать контент за деньги. По словам руководителя серии Дмитрий Добровольского, основным доходом организации по-прежнему являются зрители [6]. В 2023 году он заявил, что если придется провести сезон без спонсоров, то RDS может это сделать.

В 2021 году серия заключила соглашение с национальным спортивным вещателем «МатчТВ».

В 2022 году RDS выпустил первый сезон документаль-

ного сериала «Шинная борьба», который рассказывала о событиях прошедшего сезона.

Согласно медиакиту RDS 2022 года за 2021 год с 2016 по 2019 год количество зрителей на трибунах выросло с 21 тысячи до 51 тысяч. Во время пандемии Covid-19 соревнования посетило 27.700 человек, однако уже к 2021 году цифра вернулась к результату в 50 тысяч. В 2023 году за спортом наблюдало 77% мужчин, 96% от всех зрителей следят за событиями, а 58% регулярно посещают этапы. 17% от всех посетивших мероприятия пришли с семьей.

Чарльз Трейлор и Ричард Джеймс в своей работе MSSC (Motivation Scale for Sport Consumption) выделяют такие факторы мотивов спортивного потребления как: Достижения, получение знаний, эстетическое удовольствие, драма и положительное эмоциональное напряжение, эскапизм, семейная мотивация, физическая привлекательность участников, мастерство участников и социальное взаимодействие.

1. Эстетическое удовольствие

Одним из главных факторов привлекательности дрифта является его высокая визуальная выразительность. В отличие от многих технически сложных автоспортивных дисциплин, дрифт обладает относительно низким порогом восприятия: зрителю не требуется глубокое знание технических аспектов для понимания происходящего. Динамика движения автомобиля, зрелищность прохождения поворотов, дым от шин, близость автомобилей друг к другу и высокая эмоциональная насыщенность создают визуальный продукт, хорошо адаптированный к современным цифровым платформам. Именно этот фактор позволил дрифту эффективно распространяться через короткие видеоролики в социальных сетях и видеохостингах. Таким образом, эстетическая составляющая стала одним из ключевых факторов первичного привлечения аудитории.

Таблица 1.

Этапы развития RDS в медиaprостранстве.

Этап	Период	Описание
Зарождение	2000	Стихийные мероприятия и первые попытки объединения дрифт-движения в России
Основание и структурирование RDS	2010	Появление идеи у Дмитрия Семенюка и Тимофея Кошарного; первый этап RDS; создание единых регламентов.
Рост популярности	2010–2016	Увеличение количества участников и зрителей, проведение первых значимых соревнований («Кубок чемпионов» 2016).
Институциональное признание	2017	Признание дрифта РАФ и ФИА как официального вида спорта; запуск Межконтинентального кубка ФИА.
Цифровая трансформация	2020	Запуск платной OTT-платформы RDS TV; самостоятельное производство и монетизация контента.
Международное признание (RDS)	2020–2021	ФИА выбирает RDS официальным промоутером Межконтинентального кубка.
Стабильность и рост	2023- н.в.	Консолидация позиций, высокие зрительские показатели (50–70 тыс. посетителей за сезон).

2. Социальное взаимодействие

Одной из особенностей развития RDS стало формирование вокруг серии устойчивого цифрового сообщества. Первоначально аудитория формировалась из автомобильных энтузиастов, объединённых общим интересом к дрифту, тюнингу и автомобильной культуре. Использование социальных сетей, YouTube, прямых трансляций и пользовательского контента позволило превратить зрителей из пассивных потребителей информации в участников медиасреды. Как отмечают Е.С. Дорошук и И.И. Рамазанов, цифровые спортивные медиа строятся на принципах двусторонней коммуникации и просьюмеринга, когда аудитория одновременно является и потребителем, и создателем контента [3, с.133]. Важным инструментом такого вовлечения становится управление так называемыми media data – системой метаданных, поведенческих метрик и алгоритмических паттернов. На семантическом уровне media data позволяет отслеживать ключевые слова, тональность обсуждений и ассоциативные связи, что формирует восприятие бренда или персоны в цифровой среде [2, с. 76]. В случае RDS это проявляется в целенаправленном продвижении образов пилотов через блоги, документальные фильмы и пользовательский контент, что усиливает идентификацию аудитории с участниками чемпионата. Аудитория получила возможность обсуждать соревнования, взаимодействовать с пилотами, создавать собственный контент и распространять материалы о серии. Таким образом, популярность RDS связана не только с просмотром соревнований, но и с принадлежностью к определённому сообществу. Согласно концепции активной аудитории, развиваемой в современной теории медиа, потребитель контента не является пассивным реципиентом, а активно интерпретирует сообщения и вступает в диалог с их производителями [5, с. 31–32].

3. Идентификация с участниками

Развитие блогов гонщиков, персональных социальных сетей и документального контента позволило аудитории узнавать спортсменов за пределами гоночной трассы. Проекты вроде «RDS GP: Шинная борьба» усилили данный эффект, показывая не только результаты соревнований, но и личные истории участников, подготовку автомобилей и внутреннюю сторону чемпионата. В результате пилоты стали не только спортсменами, но и медиаперсонами, вокруг которых формировалась аудитория. Также можно отметить тот факт, что на любительском уровне дрифт является не дорогой дисциплиной относительно других видов автоспорта.

4. Эскапизм

RDS смогла адаптировать спортивный контент под современные модели медиапотребления. Помимо прямых

трансляций соревнований серия развивала дополнительные форматы: интервью, обзоры, документальные проекты и короткие видеоматериалы. Это позволило расширить контакт аудитории с брендом RDS: зритель взаимодействовал с серией не только во время проведения этапов, но и в течение всего сезона.

5. Познавательный мотив

Несмотря на визуальную доступность дрифта, дисциплина обладает значительным техническим содержанием. Интерес аудитории поддерживается через изучение особенностей автомобилей, настроек техники, стратегии пилотов и специфики судейства. Дополнительный контент — технические обзоры, интервью с участниками и материалы о подготовке автомобилей — снижает барьер входа для новых зрителей и одновременно повышает вовлечённость опытной аудитории.

6. Драматизм соревнования

Соревновательная составляющая также играет значительную роль в привлечении аудитории. Формат дрифта предполагает непосредственное противостояние пилотов, высокую эмоциональную напряжённость и возможность неожиданного результата.

7. Спортивное мастерство

Значимым фактором является восприятие спортивного мастерства участников. В дрифте зритель оценивает не только итоговый результат, но и качество исполнения: точность траектории, контроль автомобиля, сложность технических элементов и способность пилота принимать решения в условиях высокой нагрузки.

8. Физическая привлекательность участников

Важным элементом эстетического восприятия дрифта является визуальная привлекательность самих автомобилей как части спортивного продукта. В отличие от ряда традиционных спортивных дисциплин, где основным объектом внимания является спортсмен, в автоспорте значительную роль играет образ техники. Дизайн автомобилей, индивидуальная окраска, технические решения и визуальная идентичность машин формируют дополнительный уровень эмоционального восприятия соревнования. Для аудитории дрифта автомобиль становится не только инструментом достижения спортивного результата, но и элементом культуры и самовыражения участников.

9. Семейная мотивация

Семейным фактором является то, что каждый этап RDS это не только просмотр заездов, но и выставочная

программа. Этот фактор выражается через совместное посещение соревнований, вовлечение членов семьи в автомобильную культуру и формирование устойчивого интереса к дисциплине внутри социальных групп.

Таким образом, анализ RDS через модель MSSC показывает, что вовлечение аудитории формируется не одним фактором, а совокупностью мотивационных механизмов. В отличие от традиционной модели спортивного потребления, ориентированной преимущественно на просмотр соревнования, цифровая модель дрифта объединяет эстетическое восприятие, социальное участие, идентификацию с участниками и получение дополнительного знания. Это позволяет рассматривать RDS как пример медиапродукта, где спортивное событие становится центром более широкой коммуникационной экосистемы.

Потенциал адаптации медиамодели дрифта в иных автоспортивных дисциплинах

Анализ медиамодели дрифта позволяет поставить вопрос о возможности ее адаптации в иных автоспортивных дисциплинах, особенно тех, которые испытывают ограничения в доступе к массовой телевизионной аудитории. Развитие цифровых платформ создаёт условия, при которых устойчивое медиаприсутствие может формироваться не только за счёт крупных вещательных контрактов, но и посредством прямого взаимодействия с нишевыми сообществами.

Наиболее перспективным представляется применение отдельных элементов дрифт-модели в дисциплинах, обладающих выраженной визуальной составляющей и потенциалом цифровой репрезентации. К подобным видам соревнований могут быть отнесены ралли-кросс, гонки на время, симрейсинг, а также отдельные направления единоборств. Для данных дисциплин использование коротких видеоматериалов, livestream-трансляций, персонализированного контента спортсменов и активного взаимодействия с цифровыми сообществами может стать альтернативой ограниченному телевизионному охвату.

Вместе с тем прямой перенос медиамодели дрифта на крупнейшие автоспортивные соревнования представляется ограниченным. Такие серии, как Formula 1, NASCAR или FIA World Endurance Championship, уже встроены в институционализированную систему продажи медиаправ и функционируют в рамках иной экономической логики [12, с.123]. Их финансовая устойчивость в большей степени определяется международными телевизионными контрактами, а медиапотребление предполагает значительно более высокий уровень контекстуального вовлечения аудитории.

Однако отдельные элементы медиастратегии дрифта уже демонстрируют влияние на крупные соревно-

вания. Рост значения short-form content, активизация персональных медиа спортсменов, развитие behind-the-scenes narratives и ориентация на цифровые сообщества свидетельствуют о постепенной трансформации медиакоммуникации в современном автоспорте. Успех отдельных цифровых проектов, направленных на расширение аудитории автоспорта, подтверждает возрастающую значимость платформенного медиапотребления.

Таким образом, дрифт может рассматриваться не только как самостоятельная спортивная дисциплина, но и как своеобразная экспериментальная медиамодель, демонстрирующая возможности развития нишевого спорта вне традиционной телевизионной инфраструктуры.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что дрифт в современной медиасреде представляет собой не только спортивную дисциплину, но и самостоятельный медиакоммуникационный феномен, развитие которого происходило в условиях цифровой трансформации спортивного потребления. В отличие от традиционных автоспортивных серий, опирающихся преимущественно на систему телевизионного вещания и продажи медиаправ, дрифт сформировал альтернативную модель медиаприсутствия, основанную на прямом взаимодействии со зрителем, высокой степени визуальной зрелищности и вовлечённости сообщества.

Установлено, что успешность медиамодели дрифта обусловлена сочетанием нескольких факторов: низким порогом вхождения аудитории, высокой адаптивностью к платформенной логике цифровых медиа, визуальной привлекательностью контента, а также значительной ролью пользовательского участия в распространении информации. Особое значение приобретает способность дисциплины формировать устойчивые цифровые сообщества, готовые к долгосрочному взаимодействию и экономической поддержке медиапродукта.

Полученные результаты позволяют предположить, что отдельные элементы медиастратегии дрифта могут быть адаптированы и в других нишевых автоспортивных дисциплинах, испытывающих ограничения в доступе к традиционным телевизионным каналам распространения. В условиях дальнейшей цифровизации спортивной индустрии значение подобных моделей спортивной коммуникации, вероятно, будет возрастать.

Перспективы дальнейших исследований связаны с эмпирическим анализом показателей цифровой вовлечённости аудитории, сравнением моделей монетизации различных автоспортивных дисциплин, а также изучением влияния платформенных алгоритмов на трансформацию современного спортивного медиапотребления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вартанова Е.Л. Медиасистема России: учеб. пособие. — М.: Аспект Пресс, 2019. — 424 с.
2. Водопетов С.В. Управление эффективностью коммуникации в условиях платформизации медиапространства // Меди@льманах. 2025. № 4 (129). С. 73–79. DOI: 10.30547/medialmanah.4.2025.7379.
3. Дорошук Е.С., Рамазанов И.И. Цифровые технологии спортивных медиа в современном информационном поле // Международный научно-исследовательский журнал. — 2021. — № 9–3(111). — С. 132–135.
4. Ильченко С.Н. Спорт и электронные медиа: аспекты коммуникативного взаимодействия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. — 2009. — № 4. — С. 232–236.
5. Кирия И.В., Новикова А.А. История и теория медиа. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. — 423 с.
6. Наш основной доход – это зрители. Почему успешен чемпионат по дрифту [Электронный ресурс] // Ведомости. — 2023. — 3 ноября. — URL: <https://www.vedomosti.ru/sport/autosport/articles/2023/11/03/1004141-pochemu-uspeshen-chempionat-po-driftu> (дата обращения: 17.06.2026).
7. Полуэхтова И.А. Медиапотребление в цифровой среде: трансформация аудитории // Медиаскоп. — 2016. — № 4.
8. Почему нишевый спорт становится фаворитом рекламодателей [Электронный ресурс] // Финансовый университет при Правительстве РФ: [сайт]. — 2026. — 15 января. — URL: <https://www.fa.ru/university/structure/university/uso/press-service/press-releases/pochemu-nishevyy-sport-stanovitsya-favoritom-reklamodateley> (дата обращения: 17.06.2026).
9. Прохоров А.В., Попов С.А. Направления медиатизации в спорте // Ученые записки Новгородского государственного университета. — 2024. — № 3(54). — С. 382–388.
10. Billings A.C. Sport, Media, and Mega-Events. — London: Routledge, 2014. — 216 p.
11. Boyle R., Haynes R. Power Play: Sport, the Media, and Popular Culture. — Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. — 256 p.
12. Evens T., Lefever K. The Struggle for Platform Leadership in the European Sports Broadcasting Market // Digital Media Sport: Technology, Power, and Culture in the Network Society / под ред. B. Hutchins, D. Rowe. — New York: Routledge, 2013. — С. 123–146. Rowe D. Sport, Culture, and the Media. — Maidenhead: Open University Press, 2004. — 250 p.
13. Henry Jenkins Convergence Culture: Where Old and New Media Collide. — New York: New York University Press, 2006. — 336 p.

© Гаврилин Владислав Максимович (cm.punk100@yandex.ru), Водопетов Сергей Вячеславович (vodopetov@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА И ДИСКУРСИВНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТОВ «ТАУБА» (ПОКАЯНИЕ) И «САЛЯТ» (МОЛИТВА) В ИСЛАМСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Давлетмурзаева Умият Дабиевна

Кандидат филологических наук, доцент, Дагестанский гуманитарный институт, (г. Махачкала)
devletmurzaeva2013@yandex.ru

LINGUOCULTURAL SPECIFICS AND DISCURSIVE REPRESENTATION OF THE CONCEPTS "TAUBA" (REPENTANCE) AND "SALAT" (PRAYER) IN THE ISLAMIC LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD

U. Davletmurzaeva

Summary: The goal of this article is to analyze such concepts as "tauba" (repentance) and "salat" (prayer) from the perspective of linguoculturology within Islamic discourse. This study is particularly relevant given the insufficient research on the group of concepts within Islamic discourse compared to numerous studies on the Orthodox one. The paper identifies the interconceptual link between repentance and prayer through an analysis of Quranic texts, hadiths, and spiritual poetry of the peoples of Dagestan (including the works of Ali-Gadji from Inho). The study establishes that the concepts of tauba and salat have distinct functions in Islamic discourse: tauba acts as a cognitive marker of a return to the внедрение natural state of the soul, while salat serves as a tool that fixes this state through verbal expression and practical actions. Special attention is paid to studying the issue from an ethnopoeitic perspective, reflecting the integration of fundamental concepts into the linguistic worldview. The implementation of these concepts occurs through the use of syntactic parallelism, metaphorical modeling and linguistic diglossia. The results of the conducted research have shown that the examined concepts constitute a solid discursive foundation, through which spiritual and moral values are successfully actualized even in the context of globalization and digitalization of the communicative space.

Keywords: Islamic discourse, concept "tauba", concept "salat", linguoculturology, linguistic worldview, conceptual analysis, ethnopoeitics, Ali-Gadji from Inho, linguistic diglossia.

Аннотация: Целью статьи является анализ таких концептов как «тауба» (покаяние) и «салят» (молитва) с позиции лингвокультурологии в исламском дискурсе. Данное исследование особенно актуально в условиях недостаточной изученности группы концептов исламского дискурса, по сравнению с многочисленными исследованиями православного. В работе определяется межконцептуальная связь таких понятий как покаяние и молитва, путем анализа коранических текстов, хадисов и духовной поэзии народов Дагестана (в том числе работ Али-Гаджи из Инхо). Исследование определяет, что такие понятия, как тауба и салят обладают отличными функциями в исламском дискурсе, а именно: тауба выступает в роли когнитивного маркера возвращения к естественному состоянию души, а салят служит инструментом, фиксирующим это состояние через выражение в речи и практические действия. Особое внимание уделяется изучению вопроса в этнопоэтическом аспекте путем отражения интеграции фундаментальных понятий в языковую картину мира. Внедрение таких концептов происходит с помощью приемов синтаксического параллелизма, метафорического моделирования и диглоссии. Результаты проведенного исследования показали, что рассмотренные понятия составляют прочную дискурсивную основу, благодаря которой духовно-нравственные ценности успешно актуализуются даже в контексте глобализации и цифровизации коммуникативного пространства.

Ключевые слова: исламский дискурс, концепт «тауба», концепт «салят», лингвокультурология, языковая картина мира, концептуальный анализ, этнопоэтика, Али-Гаджи из Инхо, языковая диглоссия.

Введение

В современной когнитивной лингвистике и лингвокультурологии религиозный дискурс рассматривается как важнейший источник формирования национальной и конфессиональной языковой картины мира. Если концептосфера православного мировоззрения достаточно подробно изучена в трудах В.И. Постоваловой, Л.Г. Пановой, А.А. Бувевича, то исламский концептуальный аппарат в русскоязычной науке представлен фрагментарно.

Опираясь на утверждение П.А. Магомедовой о необходимости интеграции лингвосемиотического, лингвокультурологического и теоконцептологического по-

ходов при анализе исламского религиозного дискурса [1, с. 39], цель настоящего исследования целесообразно сформулировать следующим образом: определить лингвокультурные характеристики и актуализацию концептов «тауба» (покаяние) и «салят» (молитва) в исламском дискурсе. Кроме того, нашей задачей является установление способов их отражения в аварской духовной поэзии как локальной этнопоэтической системе.

Этимологическое ядро и концептуальная структура

Следует отметить, что понятие концепта в лингвокультуре ислама выполняет две различные функции: оно

не только является прямым отражением конкретных реалий, но и выступает в роли модели духовной практики. Согласно этимологическому анализу, ядро понятия ТАУБА (араб. توبة) происходит от корня, означающего «возвращение», «обращение». С когнитивной точки зрения, понятие тауба выражается не с помощью статичного чувства вины, а в качестве динамического понятийного ряда, переходящего от периферии (грех/забвение) к центру (Божественная норма/фитра). В рамках коранического дискурса актуализация понятия осуществляется через атрибутивные модификаторы, в частности сочетание тауба насух, означающее искреннее покаяние. Примечательно, что показателем искренности намерений в данном случае является не эмоциональный компонент, а непосредственно прагматика последующих речевых и поведенческих действий.

Концепт САЛЯТ (араб. صلاة) этимологически связан с корнем, означающим «связь», «контакт», «приближение». В языковой картине мира мусульманина *саяят* концептуализируется как «ось координат», выстраивающая хаотичное пространство мирской жизни вокруг сакрального центра.

Интерконцептуальная связь в исламском дискурсе

Анализ прецедентных текстов ислама (Корана и Сунны) показывает, что концепты ТАУБА и САЛЯТ находятся в отношениях синергетической взаимозависимости. В дискурсе они образуют бинарную оппозицию «очищение — фиксация».

Тауба выступает как экзистенциальное «обнуление» сознания, снятие когнитивного и духовного диссонанса. Однако в исламской герменевтике одного лишь вербального признания ошибки недостаточно. *Саяят* вступает в роль дискурсивного и поведенческого «якоря». Значение очищения, которое передается концептом, *саяят*, в хадисном дискурсе выражается посредством метафоры со словом вода, например: «Молитва удаляет грехи, как вода смывает грязь» [2]. В указанной фразе собственно молитва выполняет в большей степени перформативную роль, фиксирующую покаянный статус верующего, чем связанную с ритуалом.

Тезисы, рассмотренные выше, свидетельствуют о становлении фиксированной концептуальной метафоры в исламском дискурсе, что подразумевает интерпретацию покаяния как пути, а функция молитвы – это способ для его преодоления. Если тауба не предшествует *саяяту*, последний обретает лишь формальный характер и лишается признака сосредоточенности хушу. А тауба без *саяята*, напротив, остается лишь внутренним душевным порывом, не нашедшим внешнего воплощения.

Региональная адаптация: этнопоэтика и языковая диглоссия

Отдельного внимания заслуживает процесс внедрения общепринятых понятий ислама в региональные языковые картины мира Дагестана. Хочется выделить работы Али-Гаджи из Инхо (XIX в.) – выдающегося аварского поэта, которому удалось эффективно передать художественные понятия ислама, основываясь на национальной культурной традиции.

В его духовной поэзии концепты ПОКАЯНИЕ (*тауба*) и МОЛИТВА (*дугла*) обретают специфическую этнопоэтическую форму. Исследование текстов поэта позволяет выделить несколько механизмов их репрезентации:

Языковая диглоссия и концептуальный синтез.

Али-Гаджи мастерски использует арабские религиозные термины (*таубу*, *истиғфар*, *дугла*) в органичном синтаксическом обрамлении аварской лексики. Это создает уникальный сплав, где исламский концепт наполняется локальным культурным кодом, становясь понятным и близким носителю национальной картины мира.

Метафорическое моделирование экзистенциального страха. В философской элегии «Хъахлэб рас» («Седой волос») концепт покаяния актуализируется через сложную цветовую метафорику. Противоборство черного и белого цветов символизирует молодость и старость, греховную беспечность и осознание бренности. Поэт пишет:

*«Раклалъ цлакъ яхI гъабун дун вугониги,
яхI-къо реххун тана къванцил расаца.
рокъов жанив вахчун черх цунаниги,
Къватлив чIвазавуна ботIрол караца»* [4, с. 71]

Хотя в сердце сохраняю я мужество, / Выдержка покинула мои волосы на висках. / Хоть тело берег, спрятав его дома, / Волосы на голове меня разоблачили [3, с. 42].

Здесь «седой волос» выступает когнитивным маркером, запускающим процесс *таубы*. Внешний физический знак становится триггером для внутренней рефлексии и обращения к Всевышнему.

Синтаксический параллелизм как ритмическая организация концепта. В качестве художественного приема, выражающего состояние, возникающее во время индивидуального разговора с Богом (муноджат), автор применяет внутреннюю рифму и синтаксический параллелизм. Это сближает строки произведения с такими традиционными понятиями в исламском фольклоре, как *зикра* или *плача*.

*«Гъобол чIалгIарасул чIваги хIалилат,
Рокъоб хIал гъечелъул дун хIинкъун вуго.
Гъалмагъ рихарасул хваги халилат,
Бахчараб бихъизе дун нечон вуго»* [4, с. 72].

Тот, кому надоест гость, пусть останется без жены, Страшно мне от того, что нет настроения. Пусть умрет любимая у того, кто возненавидит друга, Боюсь, что тайное станет явным.

Использование указанных выше приемов способствует тому, что молитва становится не просто сакральным, но и эмоционально-лирическим понятием. А это, в свою очередь, выступает связующим звеном между богословским дискурсом и живым восприятием религии.

Трансформация концептов в современном цифровом дискурсе

Развитие цифровых технологий в значительной степени повлияло на расширение понятийного содержания концептов ТАУБА и САЛЯТ в современном дискурсе ислама. Это также способствует формированию совершенно нового, в содержательном и формальном аспектах, формата религиозной коммуникации. Новым местом для общения религиозных групп стали цифровые онлайн-платформы, например, социальные сети, мобильные приложения, популярности набирают онлайн-проповеди. Анализ этого процесса в свете современных лингвистических учений позволяет фиксировать изменение собственно идейного содержания передачи указанных смыслов между реципиентами. Так, традиционная передача смысловой нагрузки концепта *таубы* предусматривает физический или зрительный контакт собеседников, однако в современных условиях цифровизации появилась возможность актуализации посредством технологий. Некоторые традиционные метафоры и понятия, например «*ржавчина на сердце*», «*свет веры*», могут заменяться более современными аналогами интернет-дискурса. Отмечается также тенденция к комбинированию современных и консервативных выражений, что повлекло за собой возникновение таких гибридных форм и концептов, как «*«духовный Wi-Fi» (связь с Аллахом)*», «*духовное выгорание*», «*перезагрузка души*», «*очистка кэш-памяти сердца через истиграф*» и т.д. В онлайн-проповедях исследователи фиксируют следующие фразы: «*Наши сердца забиты информационным мусором, и тауба – это кнопка «очистить историю» для души*».

Популяризации формата коротких видео (Reels, Shorts, TikTok) сделала очевидным несовместимость традиционного понятия хушу и современного феномена «*быстрой духовности*», основанного на клиповых видеороликах. Важно отметить, что концепт хушу, предполагающий переживание продолжительной концентрации, сфокусированности на душевной гармонии, заменяется быстрым покаянием «*на ходу*», что, в свою очередь, приводит к появлению гибридных словосочетаний: «*лайк как садака джария*», «*3-минутное покаяние*», «*молитва на бегу*». Отмеченный нами процесс может обеднить сакральный смысл покаяния, поскольку указанные при-

меры выражают поверхностные действия та, где должно быть подлинное внутреннее переживание хушу.

Следует обратить внимание и на растущую популярность цифровых приложений с функцией напоминания о времени для молитвы. Примерами таких приложений являются Muslim Pro, Azan и др., они кардинально меняют способ реализации религиозной практики, вступают в конфликт с традиционными исламскими концептами. Например, в консервативном религиозном дискурсе ислама лексема *азан* (призыв к молитве) имеет значение «*звуковой сигнал, вызывающий к душе с целью ее пробуждения*». Однако телефонные звуковые сигналы-напоминания в значительной степени трансформировали идейное содержание и, как следствие, отражение данного концепта в сознании реципиента, теперь это практическая техническая функция, сакральность и духовность которой не очевидны. Обеднение смысла привело к появлению нового понятия «*автоматизированной религиозности*», предполагающее механическое выполнение рутинных действий, не требующих глубинного осознания внутренних переживаний.

Вместе с тем современные исследователи религиозного дискурса предупреждают об опасности, которую несут клиповый характер мышления и раздробленность цифрового общения для самого понятия хушу. Однако, на постоянное развитие понятийного поля ислама указывает адаптация языка современных проповедческих практик, которые применяют психологическую и публицистическую лексику для описания душевных состояний.

Заключение

В результате проведенного лингвокультурологического анализа удалось выяснить, что такие традиционные понятия как «*тауба*» и «*салят*» в дискурсе ислама представляют собой не обособленные языковые единицы, а многомерные когнитивные образования, задающие особую языковую картину мира. При этом *тауба* представляет собой векторную модель возвращения к исходному состоянию души, а *салят* выступает в роли повторяющегося коммуникативного взаимодействия с Трансцендентным.

Высокую степень адаптивности данных понятий показывает анализ региональной литературы, в частности поэзия Али-Гаджи из Инхо. Путем применения таких методов как этнопоэтический параллелизм, метафоризация и языковая диглоссия, универсальные исламские понятия естественно встраиваются в локальный культурный контекст. Для более глубокого анализа изменения этих концептов в цифровой медиасфере целесообразно применять методы дискурс-анализа и корпусной лингвистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Магомедова П.А. Опыт семантико-когнитивного моделирования религиозной картины мира в разноструктурных языках (на примере концепта ХАРАМ) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 3. С. 38–45.
2. Сахих Муслим. Сборник хадисов. Пер. и комм. Н.О. Кныша. — М.: Умма, 2021. Т. 1. 640 с.
3. Али-Гаджи из Инхо. Избранные произведения духовной поэзии / Подстрочный пер., вступ. ст. и комм. Т.С. Сулеймановой. — Махачкала: ИД «Эпоха», 2021. 214 с.
4. Инхоса Пали-хIажи. Асарал. Библиотека Рисалат. Махачкала, 2013. С.71–74
5. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческой фактора в языке. М.: Наука, 1992. С. 8–37.
6. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — М.: Гнозис, 2004. 390 с.
8. Магомедова П.А. Репрезентация концепта ВЕРА/ИМАН в русскоязычном религиозном (исламском) дискурсе // Вестник науки и образования. 2022. № 14 (104). С. 38–45.
9. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. — М.: Академический Проект, 2004. 990 с.
10. Шейхов Г.Н. Концепт «покаяние» и «молитва» в исламском дискурсе // Наследие мусульманских богословов в укреплении духовно-нравственных ценностей и гражданской идентичности: сб. ст. V Междунар. науч.-образ. конф. — Махачкала: ДГИ, 2025. С. 112–118.
11. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики дискурса // Вопросы языкознания. 2011. № 4. С. 3–18.
12. Ибн Каййим аль-Джаузия. Болезни сердец и их лечение (Мадаридж ас-саликин). — М.: Умма, 2021. 432 с.

© Давлетмурзаева Умият Дабиевна (devletmurzaeva2013@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА КИТАЙСКОЙ РЕКЛАМЫ

Еничева Александра Игоревна

старший преподаватель, ФГБОУ ВО Тихоокеанский
государственный университет
010290@togudv.ru

PRAGMATIC FEATURES OF THE CHINESE ADVERTISING LANGUAGE

A. Enicheva

Summary: The paper examines advertising as a multi-layered discourse that influences linguistic structure, cultural space, and everyday communicative acts. The analysis covers linguistic devices used in advertising messages (metaphor, metonymy, parallelism, pun, etc.), as well as the universal characteristics of advertising text at different linguistic levels. The main part of the article focuses on the specifics of Chinese advertising: it examines types of advertising media, structural elements of advertising text, and its functional features (information-communicative, stimulating, competitive-strategic functions, brand reputation building, and loyalty formation). The most detailed analysis concerns the pragmatic means of creating Chinese advertising, including rhetorical devices (quotation, pun, metaphor, personification, antithesis, parallelism, chiasmus, synesthesia, use of statistical data) and non-rhetorical strategies (personal pronouns, colloquial speech, persuasive strategies).

Keywords: advertising discourse, Chinese advertising, pragmatic means, rhetorical devices, persuasive impact, structure of advertising text, emotional impact, linguistic characteristics.

Аннотация: В работе рассматривается реклама как многослойный дискурс, оказывающий влияние на языковую структуру, культурное пространство и повседневные коммуникативные акты. Анализируются лингвистические приемы, используемые в рекламных сообщениях (метафора, метонимия, параллелизм, каламбур и др.), а также универсальные характеристики рекламного текста на разных языковых уровнях. Основная часть статьи посвящена специфике китайской рекламы: рассматриваются типы рекламных медиа, структурные элементы рекламного текста и его функциональные особенности (информационно-коммуникативная, стимулирующая, конкурентно-стратегическая функции, создание репутации бренда и формирование лояльности). Наиболее подробно анализируются прагматические средства создания китайской рекламы, включая риторические приемы (цитирование, каламбур, метафору, олицетворение, антитезу, параллелизм, хиазм, синестезию, использование статистических данных) и нериторические стратегии (личные местоимения, разговорная речь, убеждающие стратегии).

Ключевые слова: рекламный дискурс, китайская реклама, прагматические средства, риторические приемы, персуазивное воздействие, структура рекламного текста, эмоциональное воздействие, лингвистические характеристики.

Введение

Слово «реклама» (лат. *reclamare* – выкрикивать) в буквальном смысле означает любой тип или форму публичного сообщения, целью которого является привлечь внимание аудитории к конкретному товару или услуге.

Многие исследования рекламы разделяют компоненты рекламных объявлений, концентрируются на одном или нескольких из них и игнорируют остальные. Существуют также исследования, которые описывают визуальные образы в рекламе, полностью игнорируя вербальную составляющую. Дискурс, особенно столь многослойный, как рекламный, неизменно предоставляет исследователю обширный материал и открывает широкие возможности для изучения. Как отмечает Г. Кук, «невозможно исчерпать все характеристики жанра и дать исчерпывающие ответы на все связанные с ним вопросы» [11].

Рекламу принято рассматривать как форму дискурса, поскольку она повлияла не только на языковую структуру и уклад жизни, но и на содержание повседневных

коммуникативных актов. Реклама пронизывает собой все культурное пространство современного общества. Печатные объявления размещаются на страницах газет и журналов, а видеоролики и аудиосообщения систематически прерывают теле- и радиопередачи.

В контексте эмоционального воздействия реклама может влиять на отношение к бренду, одновременно повышая вероятность совершения покупки потребителем. Положительные эмоциональные реакции – будь то счастье, ностальгия или воодушевление – способны формировать у потребителя устойчивое позитивное отношение к рекламируемому продукту. И, что особенно важно с практической точки зрения, такая реклама заметно повышает как вероятность, так и непосредственное намерение совершить покупку по сравнению с сообщениями, вызывающими нейтральные и отрицательные эмоции [9].

Язык рекламы представляет собой особый тип дискурса, структурированный с целью персуазивного воздействия на потребителя. В языке рекламы используются разговорная лексика, метафоры, жаргонизмы и нарративные конструкции, которые оказывают зна-

чимое влияние на процесс разработки рекламных сообщений. В частности, использование метафорических элементов способствует повышению эффективности персуазивного воздействия за счет увеличения запоминаемости информации в рекламном сообщении. Убедительное повествование вовлекает целевую аудиторию и способствует формированию позитивного отношения к рекламируемому продукту [9]. Чем качественнее составлен рекламный текст, тем легче он поддается восприятию и тем выше его персуазивный эффект [9].

С лингвистической точки зрения ряд исследователей занимались анализом того, как используется язык в текстах рекламных сообщений. Например, Г. Лич занимался анализом лингвистических приемов, используемых в рекламных сообщениях, такие как параллелизм, метафора, метонимия, каламбуры, рифмы и омофоны [13]. Г. Кук сфокусировал свое внимание на изучении параллелизма и метафоры [11]. Объектом внимания Г. Майерса были такие приемы как аллитерация, ассонанс, рифма, эллипсис и каламбуры [14].

К числу наиболее значимых факторов, отражающих лингвистический и стилистический выбор, относятся: формирование текстовых рекламных сообщений, целевая аудитория, использования персуазивных техник и тип рекламы. До создания рекламного сообщения можно выделить предполагаемых адресатов (женщины, мужчины, подростки, специалисты и т.п.). В связи с этим многие рекламодатели задействуют обширный арсенал лингвистических приемов при конструировании рекламного сообщения для воздействия на целевую аудиторию. Альтернативный способ воздействия на адресата включает акцентирование на новизне продукта, посредством адъективного описания, использования метафор, цитирования знаменитостей и ссылок на статистические данные.

На основе проведения ряда исследований рекламных текстов выделяют ряд универсальных лингвистических характеристик текста рекламы. Орфографический уровень включает использование прописных букв, намеренные ошибки в написании, фонологический уровень – повтор, рифму, ритм и аллитерацию, лексический уровень – слоганы и броские, запоминающиеся фразы, грамматический уровень – императивные конструкции, превосходную степень прилагательных, структурную простоту и эллипсис, семантический уровень – метафоры, каламбуры, метонимию, прагматический уровень – речевые акты убеждения.

Основные результаты

В настоящее время в Китае существует множество типов рекламных медиа, каждый из которых обладает своими характеристиками. Например, наружная реклама обладает высокой плотностью размещения, но и значи-

тельной стоимостью. Совокупность этих характеристик обуславливает ее низкую эффективность, даже несмотря на то, что она остается наиболее распространенным типом рекламы на территории КНР. Печатная реклама пользуется достаточной популярностью, но вместе с тем она ориентирована главным образом на старшее поколение покупателей. Интернет-реклама в настоящее время занимает лидирующие позиции, однако существует ряд ограничений в доступности такого типа рекламы, в связи с неравномерностью технологического развития в некоторых регионах Китая.

Любой рекламный текст обладает определённой структурой, характер которой обусловлен совокупностью факторов. К числу таких факторов относятся: целевая аудитория (адресат), специфика рекламируемого продукта, а также тип рекламы. В зависимости от указанных факторов количество структурных элементов также может варьироваться.

Структура рекламного текста, согласно большинству исследователей, включает пять основных элементов: заголовок (обозначает проблему и решение), основной текст (аргументация, преимущество продукта, мотивация на приобретение продукта), справочная информация (адрес, телефон), эхо-фраза (закрепляет основную идею в конце текста) [6].

В целом структура текста рекламы КНР соответствует структуре, указанной выше, однако обладает рядом отличительных черт [6]. В тексте китайской рекламы выделяют три вида заголовка: прямой, вопросительный и сложный. Рекламный слоган служит для оказания максимального воздействия на адресата для дальнейшей покупки рекламируемого продукта или услуги. Визуальная составляющая также играет огромную роль. Персонажами рекламы часто становятся знаменитости или мультипликационные герои. Также характерной чертой является сочетание современных и традиционных графических элементов. Основной текст носит только информативный характер. Он лишен эмоциональной окраски и представляет собой перечисление функциональных характеристик и свойств рекламирования продукта. Справочный блок – это завершающая часть текста рекламы, содержащая в себе все необходимые данные для обратной связи: адрес, номер телефона, идентификаторы в социальных сетях, QR-коды и т.п.

Размер рекламного объявления в печатных СМИ напрямую зависит от его содержания. Правила размещения учитывают совокупный объем текста и иллюстраций, что позволяет рекламе занимать как целую страницу, так и двухстраничный разворот.

Анализ функциональных особенностей рекламного текста на китайском рынке позволяет выделить следую-

щие ключевые функции [6]:

1. Информационно-коммуникативная функция. Основной задачей является передача потребителю релевантной информации о продукте (марка, свойства, цена), что напрямую связано с понятием узнаваемости бренда. Реклама выступает как наиболее эффективное средство для быстрой и экономной трансляции этих данных [8].
2. Стимулирующая функция. Рекламное сообщение призвано привлекать внимание и поддерживать в памяти целевой аудитории информацию о товаре, тем самым мотивируя к совершению покупки в конкретной торговой точке.
3. Конкурентно-стратегическая функция. В условиях высокой конкуренции на внутреннем и международном рынках реклама становится инструментом формирования положительного имиджа продукции. Это позволяет предприятиям успешно конкурировать, вытесняя неэффективных участников и стимулируя внедрение инноваций [2], [8].
4. Создание репутации бренда. Реклама создает индивидуальный, искусственно сконструированный образ товара, используя для этого визуальные и текстовые средства. Ее воздействие на массовое сознание исследователи сравнивают с влиянием мифов или искусства [3].
5. Формирование лояльности. Конечная цель эффективной рекламы – формирование у потребителя устойчивой приверженности к бренду, что достигается через убеждение в необходимости повторных покупок и выделение товара на фоне конкурентов.

Таким образом, главная функция рекламного дискурса заключается в выстраивании долгосрочной коммуникации с потребителем посредством передачи информации о продукте или услуге.

Как отмечалось ранее, результативность рекламного текста, выраженная в положительном воздействии на целевую аудиторию и увеличение продаж, обусловлена не только его структурой, но и удачным синтезом всех компонентов: изображений, индивидуального образа и (при наличии) звукового сопровождения. Вместе с тем в научной среде преобладает точка зрения, согласно которой приоритетное значение имеет именно вербальный компонент [4].

В данной статье будут рассмотрены прагматические средства создания текстов рекламы в КНР.

Прагматика представляет собой раздел лингвистики, которая исследует отношение между знаковыми системами и их пользователями, устанавливая тесную взаимосвязь между контекстом и языком. В результате многолетнего развития прагматика трансформировалась в

научную дисциплину, изучающая процессы порождения и интерпретации смысла высказывания в контексте, а также закономерности и принципы дискурса.

Язык рекламы использует прагматические принципы для привлечения внимания, стимулирования интереса и побуждения к покупательскому поведению.

Аудитория, ориентированная на визуальные образы, в общем случае проходит следующий процесс от знакомства с рекламой до совершения покупки: привлечение внимания, стимулирование интереса, пробуждение желания, усиление запоминания, побуждение к действию. Роль рекламы заключается в ускорении этого процесса и убеждении аудитории совершить покупку. В процессе убеждения только живой язык обладает эмоциональной силой и заставляет аудиторию неосознанно принять продукт через чувственный опыт, побуждая их купить продукт. Следовательно, в быстром темпе жизни реклама должна обладать значительными характеристиками, чтобы в первую очередь привлечь внимание аудитории.

С точки зрения привлечения внимания, китайская текстовая реклама уделяет больше внимания смыслу (коннотации), эстетике и юмору. Этот смысл и эстетика достигаются с помощью различных приёмов в китайском языке.

При анализе текстов китайской рекламной продукции были выявлено, что наиболее часто используемые риторические приёмы в китайской коммерческой рекламе включают: использование цитат, каламбуров, метафоры и метонимии, олицетворения, иронии, противопоставления, антитезы, параллелизма, повтора, хиазма, синестезии (опущение) и использование числовых данных. Ниже приведена характеристика каждого из них.

Цитирование в китайской рекламе представляет собой риторический прием, направленный на привлечение внимания аудитории за короткое время и эффективного распространения информации о продукте. В рамках данного приема язык рекламы должен быть очень понятным и обладать чертами разговорной речи. К числу типичных языковых средств, реализующих этот прием относятся идиомы, поговорки, пословицы и крылатые выражения.

Цитаты знаменитостей отличаются высокой степенью распространенности и обладают значительным уровнем узнаваемости в массовом сознании. При включении таких высказываний в рекламное сообщение у адресата возникает эффект дежавю, что способствует быстрому запоминанию достигая эффекта вторичной рекламы за счет многократного воспроизведения.

Цитирование в китайской рекламе делится на пря-

мое цитирование, косвенное цитирование и особое цитирование. Прямое цитирование предполагает дословное воспроизведение исходного текста без каких-либо лексико-синтаксических изменений. Косвенное цитирование заключается в замене отдельных лексических единиц оригинального текста с целью адаптации заимствованной конструкции с характеристиками рекламируемого продукта. Особое цитирование формально представляет собой прямое воспроизведение исходного текста, однако фактический смысл оказывается противоположным по исходному значению. Например: *千里江铃一日还, 跨越万里只为你* (реклама машины). Данное предложение отсылает китайского потребителя к строчке из знаменитого произведения китайского поэта Ли Бо «千里江陵一日还», что подсознательно вызывает эффект узнавания и доверия.

Каламбур представляет собой риторический прием, основанный на использовании семантических и фонетических факторов с целью намеренного придания высказыванию одновременного функционирования на поверхностном и глубинном смысловых уровнях. Поверхностный смысл выводится непосредственно из языковых единиц высказывания и является вторичным по своему коммуникативному статусу. Глубинный смысл, напротив, имплицитно заложен в языковой структуре, выявляется посредством аналитической интерпретации и рассматривается в качестве первичного. Применение каламбура в рекламном дискурсе придает языку рекламы юмористические, живые характеристики, способствует привлечению внимания аудитории, вызывает ассоциативные связи и обеспечивает долговременное запоминание. Например: *爱在心相*. (реклама бумажных салфеток).

Метафора и метонимия часто используются в китайской рекламе. Метафора основана на сходстве между двумя объектами, тогда как метонимия основана на смежности между частями. Например: *最亮的星 · 献给来自星星的你*. (реклама одного из жилых комплексов в Kumaе).

Олицетворение и метафора — два часто используемых риторических приёма в китайском языке, но первый используется чаще из-за характера товаров и услуг. Олицетворение может наделять вещи жизненной силой, сделать язык живым и облегчить восприятие продуктов и услуг. Например: *海尔 · 真诚到永远*. (реклама фирмы Haier)

Ирония представляет собой риторический прием, при котором высказывание содержит смысл, противоположный буквальному значению использованных слов. Корректное использование иронии в рекламе не только привлекает внимание покупателя, но и эффективно передает сообщение бренда. Например: *熬夜对身体不好, 我建议通宵!* (реклама доставки еды).

Антитеза представляет собой риторическую фигуру, которая выражает противоположные, сходные или семантически связанные значения посредством использования фраз или предложений, характеризующихся равным количеством слогов (или иероглифов), идентичной синтаксической структурой и симметричным расположением смысловых компонентов. Данный риторический прием усиливает экспрессивный потенциал языка, делая предложения благозвучными и повышая запоминаемость текста. Например: *水润溜不掉, 光彩弹出来!* (реклама косметического средства).

В текстах китайской рекламы часто используется параллелизм. Согласно В.И. Горелову — это «...фигура речи, для которой характерна полная или частичная тождественность структур двух или более синтаксических единиц, следующих одна за другой» [2]. Для достижения данной композиционной модели используются фразы или предложения, размещенные смежно.

Параллельные предложения в рекламе обычно подходят для перечисления преимуществ или функций продуктов или услуг. Параллельные предложения ритмичны, легко запоминаются и обладают высокой убедительностью. Они могут усилить выражение и энергетику текста и углубить центральную мысль.

В силу ограниченного объема слов (иероглифов) в тексте китайской рекламы преимущественно используются параллельные конструкции на уровне слов или словосочетаний. Параллельные предложения обычно не используются в данном типе дискурса.

Хиазм представляет собой стилистический прием, при котором языковые фрагменты, содержащие одни и те же лексические единицы, соединяются в обратном порядке следования. Благодаря такой перестановке слов достигается выразительностью передаваемого смысла. Например: *万家乐, 乐万家* — (реклама одной из китайских фирм).

Благодаря хиазму этот слоган не только содержит название бренда, но и передает идею о том, что бренд приносит радость. Например: *多喝水没事 · 没事多喝水* (реклама китайского бренда питьевой воды).

Синестезия представляет собой риторический троп, основанный на использовании образных языковых средств для осуществления переноса ощущений. Данный прием обеспечивает объединение всех органов чувств человека, а также их сочетаемость. Например: *短信银行, 指尖上的便捷金融* (реклама одного из китайских банков).

Статистические данные представляют собой способ количественной репрезентации и описания явлений,

опирающиеся на конкретные числовые показатели. В отличие от простого перечисления, статистическое описание не ограничивается самым значением, а обеспечивает более широкую характеристику объекту. Статистические данные используются в тексте современной рекламы для повышения убедительности сообщений, даже несмотря на то, что аудитория скептически относится к достоверности таких данных. Например: 乐比叮 无农药, 驱蚊率100% (реклама одного из средств против комаров).

Помимо риторических приемов, рассмотренных выше, прагматические приемы китайской рекламы так же включают нериторические прагматические стратегии, к которым относятся использование личных местоимений, разговорной речи, а также убеждающих стратегии.

Вывод

Проведенный анализ прагматических особенностей языка китайской рекламы позволяет сделать вывод о том, что китайский рекламный дискурс представляет собой многослойное коммуникативное явление. В условиях цифровой трансформации китайских медиа язык рекламы сохраняет высокую адаптивность.

Эффективность китайской рекламы обусловлена комплексным взаимодействием традиционных риторических приемов и универсальных прагматических механизмов. Перспективы дальнейшего исследования видятся в сравнительном анализе риторических стратегий, используемых в текстах рекламы на китайском языке и других языках, а также в изучении динамики языковых приемов в контексте развития новых цифровых форматов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев Г.А. Рекламный маркетинг / Г.А. Васильев, В.А. Поляков. - М.: НИЦ ИНФРА-М, 2013. - С. 42.
2. Горелов В.И. Стилистика современного китайского языка / В.И. Горелов. - М.: Просвещение, 1979. - 192 с.
3. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов / Т.Г. Добросклонская. - М.: УРСС Эдиториал, 2005. - 288 с.
4. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ / Т.Г. Добросклонская. - М.: Флинта Наука, 2008. - 203 с.
5. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение / В.Н. Комиссаров. - М.: ЭТС, 2002. - 424 с.
6. Лобанова Т.Н. Реклама в КНР: попытка продать «между строк» // Культура и наука дальнего востока. - 2017. - № 2. - С. 62-70.
7. Троенко В.О. Реклама как инструмент конкурентной борьбы // Молодой ученый. - 2019. - № 42. - С. 161-163.
8. Чабанюк Т.А. Теория и практика рекламы / Т.А. Чабанюк. - Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВПО «КнАГТУ», 2013. - 62 с.
9. Уэллс У. Реклама. Принципы и практика / У. Уэллс, С. Мориарти, Дж. Бернетт. - СПб.: Питер Пресс, 2008. - С. 7-49.
10. Baek T.H., Yoo C.Y. The role of language in advertising: does the language of an ad influence consumer responses? // Journal of Advertising Research. - 2018. - Т. 58. - №. 4. - С. 388-403.
11. Cook G. The discourse of advertising. - Routledge, 2001.
12. Escalas J.E. Narrative processing: Building consumer connections to brands // Journal of consumer psychology. - 2004. - Т. 14. - №. 1-2. - С. 168-180.
13. Leech G.N. English in advertising: A linguistic study of advertising in Great Britain // (No Title). - 1966.
14. Myers G. Words in Ads, London: Edward Arnold // Search In. - 1994.

© Еничева Александра Игоревна (010290@togudv.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕДИАОБРАЗ ЖЕНЩИН-ВОЕННОСЛУЖАЩИХ АРМИИ США (НА МАТЕРИАЛЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ И КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ)

Ермакова Нигина Николаевна

Старший референт, лингвистический центр, Военный
университет им. князя А. Невского
nikulya271090@mail.ru

THE MEDIA IMAGE OF FEMALE SERVICE MEMBERS IN THE U.S. ARMY (AS EXEMPLIFIED IN NATIONAL PRESS AND CREOLIZED TEXTS)

N. Ermakova

Summary: This study examines the U.S. military community from a gender perspective. The research object covers the media image of female service members within the digital space of the Anglo-Saxon linguistic culture. The research subject encompasses gender asymmetry in official and unofficial registers of military institutional discourse. Illustrative materials include publications from specialized U.S. Armed Forces periodicals (*Army Times*, *Stars and Stripes*) issued between 2020 and 2025. Additionally, thematic creolized texts were analyzed to deliver contrastive assessment of female service members' media representation. We have studied 15 relevant articles and 50 gender-marked memes focused on the military community and its personnel. The purpose of the study is to substantiate the thesis of the conflict between the US Army doctrine of comprehensive inclusivity (DEI) and military society's androcentricity.

Keywords: U.S. Armed Forces, institutional discourse, creolized text, meme, gender stereotype, female service members.

Аннотация: Исследование посвящено военному социуму США в гендерном аспекте. Объект исследования – медиаобраз женщин-военнослужащих в сетевом пространстве англосаксонской лингвокультуры. Предметная область исследования – феномен гендерной асимметрии в феноменах официального и неофициального регистров военного институционального дискурса. В качестве иллюстративного материала исследования использованы материалы военных новостных изданий и тематические полимодальные тексты. Исследуемый период охватывает 2020–2025 гг. Суммарно обследовано 15 тематических публикаций и 50 гендерно маркированных КТ о военном социуме и его представителях. Целью исследования ставится обоснование тезиса о конфликте доктрины всеобъемлющей инклюзивности в армии США (DEI) и андроцентричности военного социума.

Ключевые слова: вооруженные силы США, военный социум, институциональный дискурс, креолизованный текст, гендерный стереотип, женщины-военнослужащие.

В фокус внимания настоящего исследования помещен профессиональный образ мира военнослужащего армии США в аспекте гендерной стереотипизации. В исследовании проблематизируется вопрос патриархальной традиции армии США. Предпринятая работа нацелена на описание культуры военного социума США в синхроническом ракурсе. Иллюстративный материал извлекается методом сплошной выборки из источников двух типов. Литературный стандарт военного дискурса проиллюстрирован на материале публикаций профильных изданий *Army Times* и *Stars and Stripes*, изданных в период с 2020–2025 гг. Социолектный субстандарт военного дискурса изучен на уровне креолизованных текстов (КТ). Ко второй группе источников отнесены полимодальные тексты, не подверженные институциональной цензуре. КТ соотносятся с профессиональным социолектом военного дискурса. Источниковой базой послужили американские порталы: Pinterest.

com, Instagram.com¹, Facebook.com² и др. ресурсы.

Профессиональный образ мира представителя «униформированного мира» опирается на постулаты воинского этоса, традиции, исторический контекст. Армейская культура вбирает в себя субкультурные константы тотального по своей природе института. А.С. Романов и Б.Л. Бойко приходят к выводу о том, что константы института представляют собой «необходимые, устойчивые паттерны мышления и поведения (речевого и неречевого)» [3, с. 90–91]. Одной из важнейших социокультурных характеристик тотального по своей природе института выступает патриархальность. Именно поэтому гендерный фактор, обусловленный исторически и демографически, играет исключительно важную роль в интерпретации военной культуры. Гендер является социокультурным конструктом, аккумулирующим нормативные представления о маскулинности и феминности. Поскольку воору-

¹ Instagram (принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской организацией) официально запрещен и заблокирован на территории Российской Федерации. Доступ к соцсети ограничен Роскомнадзором с 21 марта 2022 г.

² Facebook (принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской организацией) официально запрещен и заблокирован на территории Российской Федерации. Доступ к соцсети ограничен Роскомнадзором с 21 марта 2022 г.

женные силы США преимущественно состоят из мужчин, андроцентричность может быть более важным и более рельефным признаком воинской культуры, нежели воинский этос. Эта «гегемония маскулинности», полагают Р.У. Коннел и Дж.У. Мессершмидт, представляет собой нормативное мерило / критерий, в соответствии с которым оцениваются мужчины [10, с. 832].

Период с 2015–2024 гг. озаглавлен политикой инклюзивности в рамках политики гендерного паритета DEI (diversity, equality, inclusiveness). Вследствие культурных реформ в армиях стран-союзниц по НАТО произошли значительные изменения. Они отразились на этническом и гендерном составе вооруженных сил. Расширился диапазон военных специальностей, доступных для женщин. В стремлении восполнить дефицит квалифицированных кадров (talent pool) Пентагон принимает смелые и неоднозначные решения, бросающие вызов институциональным ценностям [4, с. 87]. Начиная с 2016 г. американки получают право служить в наземных боевых родах войск, включая силы специального назначения (Green Berets, Army Rangers, SEALs и др.) (М. McKenzie, 2015; А.С. Романов, 2021; Ю.П. Субачев, Е.Г. Субачева, 2025; Е.В. Бабушкина, 2026). По данным правозащитной организации «Коалиция женщин-военнослужащих» (Women in the Service Coalition), по состоянию на 2026 г. в боевых подразделениях СВ служат 4594 женщины [18]. Несмотря на активную интеграцию женщин в армию и политкорректность официоза, процесс противоречив. Более того, приход к власти в 2026 г. новых политических элит во главе с республиканцем Д. Трампом наметил новый тренд в кадровой политике Пентагона. Сторонники консервативной кадровой политики в армии США, включая действующего военного министра П. Хегсета, убеждены в том, что традиционно образ воина соотносится с мужчиной (traditional macho warrior) и в меньшей степени с женщиной. Эталонный воин, включают Л. Луиз и Е. Сангтер, наделен такими профессиональными качествами, как стоицизм, патриотизм, выносливость, хладнокровие, решимость [15, р. 30].

В соответствии с воззрениями апологетов феминизма, сексизм находит выражение как в социальных практиках, так и в феноменах языка. Сексизм, по мысли А.В. Кириловой, постулирует примат мужской картины мира, низводя женщин до статуса маргинального объекта [1, с. 11, 15–16]. Гендерный стереотип как частный случай социального стереотипа – конвенциональное, упрощенное суждение о моделях поведения и социальных ролях мужчин и женщин. Андроцентричность военного социума США закрепляет статусные роли мужчин и женщин в профессиональной среде. Здесь необходимо подчеркнуть связь патриархальности института и гендерного фактора. На внутриинституциональном уровне, заключают А.С. Романов и Е.В. Бабушкина, статус братьев и сестер по оружию не одинаков. «Если официальный

дискурс и правовой инструментарий декларируют равенство возможностей на пути восхождения по карьерной лестнице», то реальные социальные и коммуникативные практики предлагают альтернативную картину [2, с. 4071].

В рамках настоящего исследования предпринята попытка продемонстрировать контраст медиаобразов сестер по оружию, портретируемых американскими СМИ и тематическими КТ. Выделены 4 тематические группы поликодовых текстов: «Равные и неравные» (Equals VS Unequals), «Гендерные стереотипы о женщинах-военнослужащих» (Female Warriors Gender Stereotypes), «Физическая подготовка» (Physical Fitness), «Боевые навыки» (Combat Skills). Обратимся к анализу иллюстративного материала. По замыслу исследования, новостные сюжеты с положительной репрезентацией соратниц по оружию, сопровождаются парой контрастирующих КТ. Последние отражают альтернативное восприятие гендерного аспекта с точки зрения мужской половины военного социума. Полимодальные тексты, как правило, анонимны, однако мы исходим из предположения об институциональной принадлежности авторов КТ. Допущение подкрепляется выбором источников, детализацией и характером освещаемых аспектов службы, спецификой армейского юмора, субъективно-оценочным характером ракурса восприятия гендерной асимметрии.

Equals VS Unequals

Банерджи А., автор публикации *Purple Heart recipient with prosthetic arm made for veterans is a playable character in Call of Duty* («Кавалер «Пурпурного сердца» с протезом руки стала персонажем видеоигры Call of Duty»). Центральная фигура статьи, Даниэль Грин, предстает в различных амплуа: ветерана боевых действий, кавалера почетного военного ордена, матери, общественного деятеля, а с некоторых пор и героя популярной видеоигры [9].

В публикации *8 female soldiers who changed the course of US military history* («8 женщин-военнослужащих, изменивших ход военной истории США»), приуроченной к Международному женскому дню, Д. Грейсик повествует о подвигах женщин на войне. Подчеркивая стойкость, несокрушимость воли и уникальный опыт первых женщин в армии США, автор прибегает к метафорам *trailblazers* – ‘первопроходцы’ и *barriers breakers* – ‘разрушители преград’. Метафорические проекции указывают, с одной стороны, на прогрессивные преобразования в армии, а с другой – резонируют с подлинно демократическими ценностями равных возможностей в дихотомии полов [12].

На внешнем контуре военного дискурса образ женщин-военнослужащих представлен в положительном ключе, однако на уровне повседневного узуса военнослужующих наблюдается иная расстановка акцентов.

Рассмотрим пару тематических КТ, в которых авторы в юмористической форме выражают скепсис в вопросе профессиональной подготовки мужчин и женщин-военнослужащих. (Рис. 1., Рис. 2.)

На рис. 1. запечатлен конфликт ожидаемого и реального [19]. Борьба за равные права, включая право женщин-военнослужащих занимать должности в боевых формированиях Сухопутных войск, имеет и обратный эффект. На фото запечатлен строевой смотр. Иконический компонент включает фото трех женщин в защитной амуниции, стоящих в строю. Лица участниц привычного для армейских будней мероприятия особого восторга не выражают. Вербальный компонент представлен фразой: *"Women: We should be allowed in the infantry!"* Фрагмент сопровождается саркастическим комментарием *"women in the infantry"* – «женщины в пехоте». Стилистика подачи материала отмечена отсутствием саркастических колкостей автора. Он просто констатирует факт: «вы этого хотели, вы это получили».

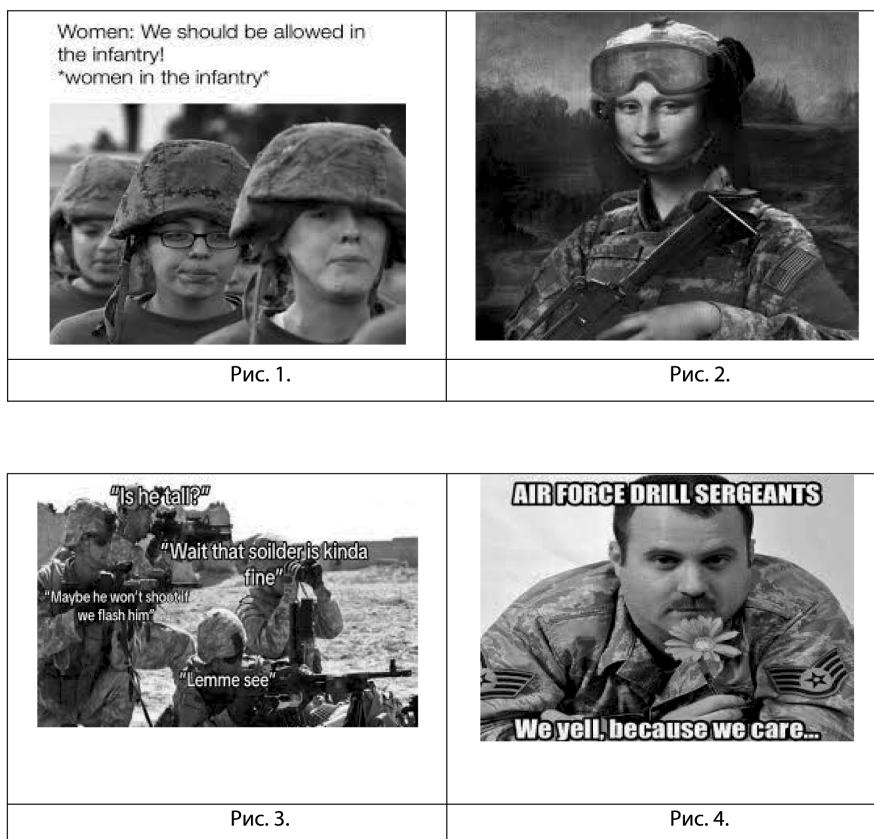
На рис. 2. изображен известный всему миру шедевр Леонардо да Винчи «Мона Лиза» [17]. КТ построен на аллюзии к всемирно известному полотну, ставшему символом женской загадки, таинственности. Леонардо использовал технику sfumato, благодаря чему лицу модели придана особая мягкость и загадочность. Вместо привычного одеяния на Джаконде мы видим полевой пиксельный кумуфляж, штурмовую винтовку М-16, за-

щитное снаряжение на голове. На левом предплечье шеврон с государственным флагом США. В сознании целевой аудитории возникает диссонанс, обусловленный эклектичностью образа: символ женственности и красоты противоречит образу воина. В гротескной форме автор КТ выражает протест против службы женщин в боевых родах войск. По авторскому замыслу, образ женщины на передовой нелеп и противоестественен.

Gender Stereotypes

(Рис.3., Рис. 4.) На рис. 3. все действующие лица – мужчины в полной боевой экипировке [21]. По всей видимости, боевые действия разворачиваются на Ближневосточном ТВД (Ирак, Афганистан), на что указывает пустынная местность, руины зданий на заднем плане. Четверо американских бойцов изготовлены к бою. Создается впечатление, что буквально через несколько секунд начнется огневое поражение противника. Абсурдность эпизода заключена в противоречии между вербальным и графическим компонентами КТ. Вместо отдачи команд, адресант становится свидетелем абсурдного для коммуникативной ситуации полилога: *"Is he tall?"* – «А он высокий?», *"Wait this soldier is kind fine"* – «Погоди, а этот солдатик вроде ничего», *"Maybe he won't shoot if we flash him"* – «Может, он и стрелять-то не станет, если ослепить его», *"Lemme see"* – «Ну-ка, дай поглазеть».

Персонаж рис. 4. поражает романтикой поэтического

образа, который никак не вяжется с военной службой [7]. Перед аудиторией предстает усатый сержант с розовой герберой в правой руке. Вербальный компонент креолизованного текста гласит: "AIR FORCE DRILL SERGEANTS. We yell because we care..." – «Сержанты-инструкторы по строевой подготовке BBC. Мы на вас орем, потому что нам не все равно...». В представленном фрагменте в пародийной форме автор КТ демонстрирует манеру речевого поведения, не свойственную мужскому.

Combat Skills

Одним из непримиримых противников присутствия женщин в боевых наземных воинских формированиях выступает действующий глава Пентагона (U.S. War Minister) США Пит Хегсет. По глубокому убеждению, ветерана Национальной гвардии СВ, американки не должны служить в спецназе, артиллерии, пехоте, бронетанковых войсках [18]. По мнению Хегсета, присутствие женщин в боевых формированиях не сделало ВС США «более эффективными и смертоносными, а только усложнило ведение боевых действий» [5]. Непопулярная в либерально-демократическом лагере позиция нередко подвергается критике.

В публикации *Pentagon orders review of 'effectiveness' of women in ground combat roles* («Пентагон распорядился провести проверку «эффективности» участия женщин в наземных боевых действиях») А. Адамс затрагивает вопрос профессиональной подготовки. По заявлению замминистра обороны по вопросам боеготовности личного состава Э. Тата, «наши стандарты для должностей в боевых подразделениях будут элитными, единообразными и гендерно нейтральными, поскольку вес баула за плечами военнослужащего не зависит от того, мужчина вы или женщина» [Ibid.].

Американский обозреватель Т. Нури, автор статьи *Female troops bristle at Pentagon's review of combat roles* («Женщины-военнослужащие встали на дыбы, отреагировав на пересмотр Пентагоном их участия в боевых действиях»), пишет о женщинах-рейнджерах. По данным армии США на начало 2025 г., по крайней мере 154 американок были удостоены чести носить престижный черно-золо-

той знак рейнджера. На протяжении большей части своей истории школа предназначалась исключительно для подготовки мужчин. Ситуация изменилась в 2015 г., когда доступ в военное учебное заведение стал открыт для женщин. Это решение автор описывает как важнейшее в истории армии США – 'groundbreaking transformation of the American military' [18]. Тавтологичное, на наш взгляд, атрибутивное словосочетание подчеркивает значимость реформ, с одной стороны, а с другой – придает эмоциональную выразительность за счет плеоназма, дублирования смысла. В переносном значении глагольное словосочетание *to break ground* (досл. 'закладывать фундамент, производить строительные работы') может быть осмыслено как процесс претворения в жизнь новых практик, смелых решений.

В приводимых примерах публицистический дискурс вновь демонстрирует положительное отношение к профессиональным навыкам и боевой эффективности американок в бою. Обратимся к альтернативной точке зрения на актуальный вопрос. (Рис.5., Рис. 6.)

Представленный на рис. 5. креолизованный текст визуально разделен на две части [6]. В левой части рисунка изображены две американки в полевой форме одежды. Убранство на заднем фоне (традиционный восточный орнамент на ковре, настенный декор, предметы обихода) указывает, по всей видимости, на Ближний Восток. Обняв друг друга за плечи, женщины позируют перед камерой. На лицах сияет улыбка, в руках американок стаканы с молочным коктейлем, из которых торчат соломинки. На фрагменте справа вниманию зрителя представлен изнурительный марш в полной боевой выкладке в условиях пустыни. Надпись под креолизованным текстом гласит: "AFGHANISTAN. Individual experience may vary" – «Афганистан. Личный опыт может быть разным». В приводимом примере автор недвусмысленно намекает на то, что служба для мужчин и женщин вовсе не означает одно и то же.

На рис. 6. вербальный компонент представлен парой предложений: "FEMALE MARINE INFANTRY. PROOF THAT EVEN OUR WOMEN ARE HARDER THAN ARMY INFANTRY." – «Женщины-морские пехотинцы. Доказательство того,

Рис. 5.

Рис. 6.

что даже наши женщины круче, чем пехота Сухопутных войск» [11]. Несмотря на официальные заявления военных чиновников о равных стандартах, в профессиональной среде женщина-боец все еще воспринимается как отклонение от нормы. В особенности сказанное относится к элитной Морской пехоте США. Критерием оценки выбрано качество *harder* (жестче, круче, выносливее) – традиционная маскулинная добродетель в военной среде. Наречие *even* является ключевым маркером скрытого сексизма. Оно сигнализирует о том, что способность женщин быть «жестче» (*harder*) выступает аномалией.

Physical Fitness

В статье *Be fearless, take the tough jobs and mentor others: Army leaders offer insights to fellow female soldiers* («Будьте отважными, занимайте ответственные должности и становитесь наставниками для других: командиры СВ дают рекомендации коллегам-женщинам») американский публицист Д. Стенси приводит высказывание генерал-лейтенанта Л.Ричардсон, главкома Северного командования армии США:

“Be competent. Learn all you can about your unit and your command, about your job and about your Army,” said Lt. Gen. Laura Richardson, commanding general of U.S. Army North. “Be fit – mentally, spiritually, and physically – and be competitive because winning matters. We cannot afford any weak links in our organization. The Army is a team sport, and we need everyone on the team to be successful.” – «Будьте компетентны. Изучите по максимуму все о своей части, и своем командовании, о своей работе и о своей армии», – заявила генерал-лейтенант Л. Ричардсон. «Интеллектуально, духовно и физически вы должны быть в форме. Будьте конкурентоспособны, потому что победа имеет значение. Мы не можем позволить себе слабые звенья в нашей организации. Армия – это командный вид спорта, и нам нужно, чтобы все в команде были успешны» [20].

Приводимый фрагмент обращает на себя внимание по нескольким причинам. Во-первых, спортивная метафора *the Army is a team sport* указывает на особенности американского национального характера. Во-вторых,

военная профессия описывается через понятийную сферу спорта. Метафора раскрывается через номинативные единицы *to be fit* – ‘быть в хорошей физической форме’, *competitive* – ‘конкурентоспособный’, *winning matters* – ‘победа имеет значение’. Кроме того, в иллюстрации присутствует артефактная метафора (*weak link*), подводящая к логичному выводу о том, что цепь сильна настолько, насколько сильно ее слабейшее звено.

Далее обратимся к анализу креолизованных текстов, тематика которых посвящена спорту в вооруженных силах США. (Рис.7., Рис. 8.)

На рис. 7. изображены три американки, облаченные в боевое снаряжение. Женщины позируют перед камерой, непринужденно улыбаются, беззаботно позируют перед камерой на фоне военной базы [22]. Вербальный компонент КТ представлен фразой *“WE DON’T ALWAYS FAIL PFT’S. BUT IF WE DO, IT’S BECAUSE WE CAN’T DO WOOK-UPS.”* – «Мы не всегда заваливаем нормативы по физической подготовке. Но если это и происходит, так только потому, что мы не можем проснуться вовремя ...».

Визуально рис. 8. разделен на два фрагмента, отражающие гетеростереотипы восприятия морских-пехотинцев-женщин в глазах гражданских и военных [13]. На фрагменте КТ слева изображена невероятно атлетичная воительница, работающая со штангой. Обнаженный рельефный торс, стальные мышцы рук, агрессивный образ и волевой взгляд буквально завораживают. Вербальный компонент представлен фразой: *“how civilians see female Marines”* – ‘вот так морских пехотинцев-женщин воспринимают гражданские’. На фрагменте справа изображена сцена преодоления полосы препятствий в лесной глуши. Одна из участниц испытания безуспешно пытается преодолеть барьер средней высоты. На помощь несчастной приходит ее напарница. Сцена дополнена графически: *“how I see them”* – «а вот так вижу их я».

Подведем краткий итог. Институциональная культура военного социума США находит выражение в социальных и коммуникативных практиках. При этом некоторые из этих практик подвержены цензуре. Военный дискурс

Рис. 7.

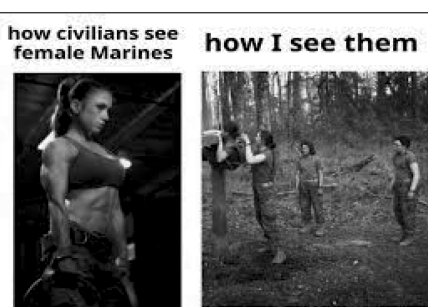

Рис. 8.

в свою очередь имеет официальный и неофициальный уровни реализации. На уровне текстов публицистического жанра медиаобраз женщин-военнослужащих получает одобрительную оценку, наделяется положительными атрибутами профессионализма, равных прав, возможностей и компетенций. Однако на уровне социо-

лекта, частным проявлением которого в настоящем исследовании послужили тематические креолизованные тексты, эта оценка может существенно расходиться и даже противоречить официально одобряемой институтом политике инклюзивности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кирилина А.В. Гендер и язык. Московский гос. лингвистический ун-т, Лаборатория гендерных исследований. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — 192 с.
2. Романов А.С., Бабушкина Е.В. Профжаргон американского военнослужащего в гендерном аспекте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2023. — Т. 16, вып. 11. — С. 4070–4075.
3. Романов А.С., Бойко Б.Л. Дуализм профессионального сознания представителей военного социума США в контексте социально-психологического феномена military-civilian gap // Modern humanities success = Успехи гуманитарных наук. — 2022. — № 3. — С. 90–92.
4. Субачев Ю.П., Субачева Е.Г. Парадигма политкорректности в военной рекламе (на материале рекламной продукции США и Великобритании) // Вестник Военного университета. — 2021. — № 2. — С. 45–52.
5. Adams M. Pentagon orders review of 'effectiveness' of women in ground combat roles / M. Adams // Stars and Stripes. — 2026. — January 7. — URL: <https://www.stripes.com/theaters/us/2026-01-07/pentagon-review-women-in-combat-20331932.html> (дата обращения: 10.02.2026).
6. Afghanistan. Individual experience may vary [Электронный ресурс] // Facebook.com. — URL: <https://www.facebook.com/militarymemeset/posts/1112250508914077/> (дата обращения: 15.03.2026).
7. Air Force Drill Sergeants [Электронный ресурс] // Facebook.com. — URL: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=987042311434898&id=309944675811335&set=a.309949065810896> (дата обращения: 17.04.2026).
8. Baldor L.C. Soldier becomes first woman to compete in Best Ranger Competition // Military Times. — 2025. — Apr. 15. — URL: <https://www.militarytimes.com/news/your-army/2025/04/14/soldier-becomes-first-woman-to-compete-in-best-ranger-competition/> (дата обращения: 10.02.2026).
9. Banerjee A. Purple Heart recipient with prosthetic arm made for veterans is a playable character in Call of Duty // Stars and Stripes. — 2025. — October 22. — URL: <https://www.stripes.com/living/entertainment/2025-10-22/danielle-greene-call-of-duty-pack-open-bionics-19507671.html> (дата обращения: 10.02.2026).
10. Connell R.W., Messerschmidt J.W. Hegemonic masculinity: Rethinking the concept // Gender & Society. — 2005. — Issue 19. — P. 829–858.
11. Female marine infantry [Электронный ресурс] // Imgflip.com. — URL: <https://imgflip.com/i/4xi08> (дата обращения: 17.04.2026).
12. Gresik D. 8 female soldiers who changed the course of US military history // Military Times. — 2020. — Mar. 9. — URL: <https://www.militarytimes.com/off-duty/2020/03/09/8-female-soldiers-who-changed-the-course-of-us-military-history/> (дата обращения: 10.02.2026).
13. How civilians see female marines [Электронный ресурс] // Reddit.com. — URL: https://www.reddit.com/r/USMC/comments/bmpwvc/saw_this_on_my_facebook_feed/ (дата обращения: 16.04.2026).
14. Lehrfeld J. Triple-tabbed soldier completes Ranger, Sapper, and Jungle courses // Military Times. — 2024. — Aug. 27. — URL: <https://www.militarytimes.com/news/your-army/2024/08/27/triple-tabbed-soldier-completes-ranger-sapper-and-jungle-courses/> (дата обращения: 10.02.2026).
15. Louise R., Sangster E. Selling the military: a critical analysis of contemporary recruitment marketing in the UK. — London: ForcesWatch and Medact, 2019. — 52 p.
16. MacKenzie M. Beyond the band of brothers: The U.S. military and the myth that women can't fight / M. MacKenzie. — Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2015. — xi, 220 p.
17. Mona Lisa [Электронный ресурс] // Pinterest.com. — URL: <https://ru.pinterest.com/pin/442126888388951003/> (дата обращения: 17.04.2026).
18. Noury T. Female troops bristle at Pentagon's review of combat roles // Military Times. — 2026. — Jan. 15. — URL: <https://www.militarytimes.com/news/your-military/2026/01/15/female-troops-bristle-at-pentagons-review-of-combat-roles/> (дата обращения: 10.02.2026).
19. The Salty — Ladies, if some of you think you should be an infantryman, then we get to roast [Электронный ресурс] // Facebook.com. — URL: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1956221874481664&set=a.722934456297798&id=100057437501223> (дата обращения: 17.04.2026).
20. Stancy D. Be fearless, take the tough jobs and mentor others: Army leaders offer insights to fellow female soldiers // Military Times. — 2020. — Aug. 25. — URL: <https://www.militarytimes.com/news/your-army/2020/08/25/be-fearless-take-the-tough-jobs-and-mentor-others-army-leaders-offer-insights-to-fellow-female-soldiers/> (дата обращения: 10.02.2026).
21. These women getting drafted memes are hilarious #memes #funny [Электронный ресурс] // Instagram.com. — URL: <https://www.instagram.com/p/CyphfMUONj9/> (дата обращения: 17.04.2026).
22. We don't always fail PFT's, but when we do, it's because we can't do wook-ups — Female Marine [Электронный ресурс] // Quickmeme.com. — URL: <https://www.quickmeme.com/meme/3ryex3> (дата обращения: 19.04.2026).

© Ермакова Нигина Николаевна (nikulya271090@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТАФОРИЧНОСТЬ И СИМВОЛИЗМ ОБРАЗОВ В РОМАНАХ АЛЕССАНДРО БАРИККО «ШЕЛК» И «МОРЕ-ОКЕАН»

Кучина Наталья Владимировна

Аспирант Литературного института
имени А.М. Горького, (г. Москва)
nataliek@mail.ru

METAPHORS AND SYMBOLISM IN THE NOVELS "SILK" AND "OCEAN SEA" BY ALESSANDRO BARICCO

N. Kuchina

Summary: The article reveals the metaphorical images of silk and the sea in Alessandro Baricco's novels "Silk" and "Ocean Sea", identifies common features in the writer's early novels written in the 90s of the 20th centuries. There are examples of the use of allegory, synesthesia, and comparison. During the analysis, it becomes clear that graphic means, tropes, and figures of speech can be used together in one short sentence, which creates a special rhythm of narration and contributes to achieving high imagery of the text, helping the reader to form visual and sound associations. Literary tropes also convey the multiplicity of philosophical meanings of the sea element and silk fabric.

Metaphors are analyzed to reveal the hidden meaning of what is written. The sea is presented as a comprehensive metaphor of life and death, as a path of purification and initiation, a container of truths and higher forces, while it is an allegory of the diversity of human lives and the change of generations, the futility of revenge, since existence is relative and cyclical, like ebbs and flows. Silk is an allegory of the sensitivity and insecurity of the human soul, a symbol of the interweaving of human destinies and the interpenetration of different cultures, like the interweaving of fabric threads. Also, with the help of numerous and diverse associations with the sea and silk, the writer reveals the essence of human character and the worldview of the characters.

Keywords: metaphoricity, imagery, symbolism, synesthesia, metonymy, literary tropes, Italian literature, postmodernism, Alessandro Baricco.

Аннотация: В статье раскрывается метафоричность образов шелка и моря в романах Алессандро Барикко «Шелк» и «Море-Океан», выявляются общие черты, объединяющие ранние романы писателя, написанные в 90-е годы 20 века. Приводятся примеры использования таких художественных средств, как аллегория, синестезия и сравнение. При проведении анализа становится видно, что в одном коротком предложении могут быть использованы вместе графические средства, тропы и фигуры речи, что создает особый ритм повествования и способствует достижению высокой образности текста, помогая читателю формировать зрительные и звуковые ассоциации. Также с помощью литературных тропов передается множественность философских смыслов морской стихии и шелковой ткани.

Для выявления скрытого смысла написанного анализируются метафоры. Море представляется как всеобъемлющая метафора жизни и смерти, как путь очищения и инициации, вместившее истин и высших сил, при этом оно является аллегорией разнообразия человеческих жизней и смены поколений, тщетности мести, так как существование относительно и циклично, подобно приливам и отливам. Шелк является аллегорией чувствительности и незащищенности человеческой души, символом сплетения людских судеб и взаимопроникновения различных культур подобно переплетениям нитей ткани. Также с помощью многочисленных и разнообразных ассоциаций с морем и шелком писатель раскрывает сущности человеческого характера и мироощущение персонажей.

Ключевые слова: метафоричность, образность, символизм, синестезия, метонимия, литературные тропы, итальянская литература, постмодернизм, Алессандро Барикко.

Алессандро Барикко – писатель, создатель школы писательского мастерства, литературный и музыкальный критик, режиссер и сценарист, философ по образованию. Его поэтике свойственно смешение различных техник, философские составляющие, множественное использование литературных тропов. Барикко показывает все многообразие символических систем и форм, действий, мировоззрений, предоставляя читателю возможность научиться ориентироваться в их ярком смешении, увидеть ситуации с различных точек зрения. Литературные произведения Барикко принадлежат к постмодернизму, а языку постмодернизма присуща высокая образность, символизм, метафоричность, многозначность понятий и использование широкой гаммы тропов для выражения идей писателя или поэта, создания системы образов. Илья Петрович Ильин писал, что постижение действительности наиболее доступно «интуитивному» «поэтическому мышлению» с его ассоциатив-

ностью, образностью, метафоричностью и мгновенными откровениями инсайта» [5, 204].

По мнению Маттио Марино, Алессандро Барикко принадлежит к числу самых известных и влиятельных итальянских авторов - постмодернистов первых десятилетий двадцать первого века. Его постмодернистские тексты затрагивают темы переопределения ценностей двадцатого века, когда ориентиры западного сознания претерпевали изменения в связи со сложностьюприятия инаковости культур [8, 183]. Раскрывают эти темы многочисленные литературные тропы, особенная метафоричность образов и символизм. «Во всех произведениях Барикко активно употребляет речевые тропы, в особенности метафоры, которые наряду с присутствием в отдельных фрагментах текста, также есть и в смысловых блоках, когда один персонаж или целая история, сцена или ситуация, служат изображению определенного, отдельного понятия» [6, 123].

Два основных произведения Алессандро Барикко, посвященных концепции инаковости – романы «Шелк» и «Море-Океан». В свойственном постмодернизму ироничном ключе автор раскрывает западные дискурсы о не западных культурах, показывает невозможность взаимопонимания и диалога культур. С помощью литературных приемов он обращает внимание читателя на соответствующие философские концепции, исторический контекст и социальные различия, связанные с культурной принадлежностью, языком, классом, полом, сексуальностью, этнической принадлежностью.

Название романа «Шелк» задает тон повествованию: узоры шелковой ткани переплетают восточный с западным миром, иллюзию идеала вечной любви — со стабильностью размеренной семейной жизни. Весь текст наполнен двойными смыслами, сама нить повествования является метафорой: путешествия перекликаются с переходом от кокона к шелку, многие определения относятся к семантическому полю шелка, ассоциируясь с многоцветием и невесомостью:

«Восхитительные ткани, дивные шелка опоясали паланкин. Тысячецветье оранжево-бело-охряно-серебряного. Ни щелочки в волшебном гнезде, только шелестящее колыхание цветов, разлитых в воздухе, непроницаемых, невесомых, невесомее пустоты» [2, 49].

«В южном урочище, меж лимонных и оливковых деревьев, из дерева и железа соорудили огромную вольеру, казалось повисшую в воздухе, точно вышивка» [2, 49].

В «Море-Океане» шелковая ткань является аллегорией ранимости человеческой души, ее незащитности перед окружающим миром:

«Душа — не все алмаз, а часто шелковая вуаль, — о, я это понимаю, — представь себе прозрачную шелковую вуаль: ее ничего не стоит повредить, достаточно нечаянного взгляда или руки, женской руки — да-да, — рука медленно тянется к вуали, сжимает ее, напрасное усилие: вуаль вспорхнет, как при порыве ветра, и пальцы скомкают ее так, словно это и не пальцы... словно это и не пальцы, а... мысли. Вот эта комната — что та рука, а дочка — что подбитая ветром шелковая вуаль» [1, 69].

Шелковая нить сама по себе отличается от всех прочих видов материалов в одном аспекте – «увидеть ее не было никакой возможности» [1, 70], но из неосознанного и невидимого получается ценная ткань, приятная на ощупь, обволакивающая, гладкая, обладающая чудесным блеском, который исходит из самой основы нити. Эта особая ткань способна подарить душевный покой и гармонию, чувство защищенности:

«В комнате тотчас воцарилась неотразимая тишина шелкового мира, которого мирные пажити лучились тихой радостью, а крошечные человечки, повиснув в воздухе, неторопливо мерили пределы бледно-голубого неба» [1, 70].

В романах экзотические мотивы шелка связываются с

представлением о вселяющих страх и сомнения переменах в жизни, а не о стабильной реальности. Сомнения сопровождают любовную историю Эрве Жонкура и девушки без восточного разреза глаз из романа «Шелк». Страх перед изменениями отображен в немых переживаниях и поступках жены Эрве, Элен, и японского феодала Хара Кэя (он увез свою наложницу и казнил мальчика, который «был любовным посланием» для француза; хрупкая женщина окутала мужа обманом, написав письмо-подделку от японки). Шелк также символизирует хрупкость существования: Барон Кервол сравнивает душу своей дочери Элизевин «с прозрачной шелковой вуалью», которую легко повредить одним неосторожным движением.

Применение синестезии также помогает достижению художественной образности текстов Барикко. В литературоведении синестезия считается «особой формой метафоры» и воплощает «сложность и многогранность чувственного восприятия мира» [4]. Она формирует особое авторское мироощущение, совмещение универсального и личного восприятия мира. Такому авторскому подходу к формированию образности можно найти множество примеров в тексте романа «Шелк». Жилище феодала предстает как «обитель» [2, 25] («la dimora»), окружающий его пейзаж сравнивается с водной гладью, наполненной совершенно неосознанной субстанцией – тишиной, в которой утопает обитель («утопала в озере тишины» [2, 25], «sembrava annegata in un lago di silenzio»), сама тишина благодаря этому становится видимой частью природного ландшафта. Благодаря определению цвета шелкового шарфа как «вечерней зари» [2, 10] («una sciarpa di seta color tramonto»), достигается не только синергия шелка как материала с закатом как природным явлением, но и Востока, где восходит солнце, с Западом, где оно заходит.

Глазам, то есть органу зрения, приписывается качество, принадлежащее сфере слуха, и они становятся «безмолвными» и вобравшими в себя семантику времени – «отдаленными на столетия» [2, 34] («con occhi perfettamente muti, lontani secoli»). Через призму особого писательского восприятия чувства получают доступ к свойствам осязаемых предметов, счастье оказывается «простым, неуязвимым» [2, 38] («piccola, inattaccabile felicità»). Умением улыбнуться писатель одаряет не только губы и рот, но и «каждый уголок лица» [2, 33] («ogni angolo del suo volto sorride»).

Вода меняет плотность и становится тягучей «словно масло» [2, 26] при описании одной из наиболее чувственный сцен, когда японка совершает обряд омовения, слегка прикасаясь руками. Шелковая вуаль ее кимоно и вода ласкали тело француза. Сама она описывается как ценный зверек, а ее волосы, которые Хара Кэй медленно поглаживал, когда она лежала у него на коленях, сравниваются с шерсткой. При этом японец смотрел на губы говорящего француза, «точно это были последние строки

прощального письма» [2, 18]. А сам рассказ о европейском укладе жизни был подражанием «меланхолично-сухой описи уцелевших после пожара вещей» [2, 17]. И даже птицы, выпущенные из клетки, не просто парили в небе, но они «будто старательно пытались заштриховать его крыльями» [2, 24].

Эпитеты в «Шелке» также относятся к индивидуальному авторскому восприятию и порождают размышления у читателей по поводу их возможной трактовки. Африка характеризуется как «усталая» [2, 8], и это может быть отсылкой к колонизации и попыткам создать там новый мир за счет местного населения. Конец света «невидимый» [2, 20], но при этом разоренная и сожженная дотла японская деревня доступна для зрения, а именно она становится концом света в восприятии Эрве. Создается впечатление, что автор старается показывать невозможность понять и принять мир отличный от мира конкретного человека, инаковость ощущений каждого индивида. Для усиления некоторых эпитетов используется аллитерация, но она видна лишь на языке оригинала: «il suono dorato di mille minuscoli campanelli» («золотистый перезвон тысячи маленьких колокольчиков» [2, 46]).

Эпитет и олицетворение дают прочувствовать бесконечность момента, которым Эрве Жонкуру хотелось бы наслаждаться вновь и вновь: он «бережно остановил Время» [2, 46] на столько, на сколько ему хотелось («E, con cura, fermò il Tempo, per tutto il tempo che desiderò»). Для еще большего акцента на глубине и силе ощущений, схожих с состоянием нирваны, писатель использует анафору слова «время» и графическое выделение с помощью заглавной буквы.

В «Шелке» своя особая семиотика, в ней отражена специфика восточной культуры, которую тяжело как сравнить, так и сопоставить с западной. Японские поэзия и каллиграфия несут смысловую пустоту, стремясь передать переживание, красоту мгновения, момент жизни, а не раскрыть определенную идею [3, 144]. Сама Япония является страной культуры высокого контекста (по классификации Эдварда Холла), где очень важны ритуалы, жесты, существует строгая организация всех процессов согласно правилам, следование всем предписаниям этикета для каждой конкретной ситуации [7]. Барикко удалось уловить суть данного культурного образца, он передал волшебство мгновения, намеренно лишенного смысла, чтобы иметь возможность насладиться определенным моментом. А символизм в «Шелке» обладает истинно японским флером.

Уже в третьей главе становится известно, что к Праздничной мессе, в первое воскресенье апреля, Эрве Жонкур всегда возвращается в Лавильдьё. Мотив возвращения проходит через все повествование, само название города Lavilledieu (в переводе с французского «город,

где обитает Господь») задает траекторию обязательного движения домой из любой части света. Даже в тот раз, когда герой не успевает вовремя довести яйца шелкопряда, пока не вылупились личинки, он все же возвращается. Месса, к которой он стремится успеть, служит здесь символом его мира. Так же, как и клетка с птицами символизирует то, что прекрасная наложница Хара Кэя никогда не сможет вырваться на свободу и останется в своем мире, в своей яркой золотой клетке.

Птицы в Японии того времени были символом власти и богатства, чем больше экзотических видов из разных стран – тем могущественней и богаче их хозяин. В то же время птицы – символ верности, восточные мужчины в знак признательности за верность дарили женам не драгоценности, а дорогих красивых птиц. Поэтому Хара Кэя так просто прочитал чувства своей женщины к чужестранцу, когда она выпустила подаренных птиц, в знак счастья и знак желания принадлежать не только ему. Но при этом он был спокоен. Он знал, что птицам тяжело удержаться от соблазна вернуться и уже на следующий день они все были за створками клетки, как и женщина-девочка осталась с ним. Клетки с птицами являются символом невозможности выбора жизненного пути:

«Всего было два шатра. У одного из них Эрве Жонкур подметил пустой паланкин: с четырех углов свисали небольшие клетки с птицами. К решеткам клеток привязаны маленькие золотые колокольчики. Они легонько позванивали от дуновения ночного ветерка» [2, 46].

Летающие птицы также намекают на клетку иллюзий, которые держат Эрве и его возлюбленную в рабстве, в их условно определенных идентичностях мужского и женского пола, западного и восточного, буржуазного и аристократического [8, 201]. Эрве Жонкур был вынужден уехать из деревни, так и не дождавшись от девушки знака, и попытался воскресить эмоции от встречи, подняв в небо большую стаю диких птиц и напугав их выстрелами. Но это было только облако дыма, которое чернело без причины и вызывало лишь замешательство и недоумение, вместо «яркого фейерверка» из клетки, как при их встрече:

«внезапно небо над чертогом окропилось сотнями взлетевших птиц; будто исторгнутая из земли, невиданная стая разлеталась повсюду, ошеломленная и обезумевшая, щебеча и галдя, — крылатый залп, цветное облако, выпущенное в яркий свет, звонкий фейерверк испуганных звуков, бегущая музыка, полет в небеса» [2, 32].

Еще одна попытка запечатлеть мгновение счастья – постройка вольеры для птиц у себя в саду для жены Элен. Однако она не поняла предназначения этого сооружения, ведь была абсолютно свободна в своих чувствах и счастлива с мужем всегда, а не лишь в одно мгновение, ей не нужно было для этого смотреть на улетающих птиц. И этот символ чужих чувств остался пустым.

Символична покупка заброшенного дома Жана Бербека, соседа, что когда-то умолк, не заговорил до самой смерти и умер в одиночестве, всеми покинутый. Эрве понял этого странного человека:

«Видно, жизнь иногда поворачивается к тебе таким боком, что и сказать-то больше нечего» [2, 37].

У Жонкура появилось нечто глубоко сокровенное, о чем он мог только молчать, и это стало символом его душевного состояния, его тоски по тому, что он никогда не сможет испытать. В произошедшем было слишком много недосказанности, слишком сильное стремление к неизведанности, в котором проявилось его мужество, дремавшее ранее. Он был опустошен, испытал доселе неизведанные эмоции и пережив события последней своей поездки. Этот дом он оставил нетронутым и запущенным, созвучным ноющей боли своей души, и проводил там часы в уединении и воспоминаниях и только спустя время поведал свою историю Бальдабью.

Его душевная болезнь началась с еще одного символа – маленького листка бумаги с начерченными незнакомкой сверху-вниз японскими иероглифами с просьбой вернуться к ней во что бы то ни стало. И он возвращался вновь и вновь к загадочной и манящей женщине пока жена не освободила его от этих пут. Элен написала эротическое прощальное послание как бы от лица японки, тем самым взяв на себя его немощь и боль. Его исцеление стоило ей жизни, она внезапно и необъяснимо, с точки зрения врачей, заболела воспалением мозга, и ее не смогли вылечить, она стремительно угасла. Зато Эрве удалось выпустить свои воспоминания на свободу и вернуть в сердце любовь к жене, благодаря листкам бумаги с теми же непонятными ему знаками:

«Письмо напоминало каталог миниатюрных птичьих лапок, составленный с невменяемым усердием...» [2, 52].

И, несомненно, сам шелк – символ. Символ неосознанности и ускользающей действительности. Барикко использует для его характеристики слово «nulla» («ничто»). Быть может, из-за этой эфемерности материала такая настоящая, осязаемая, искренняя Элен так и не решилась надеть подарок, привезенный из Японии:

«В подарок жене он привез шелковую тунику, которую стеснительная Элен так ни разу и не надела. Возьмешь ее в руки – и кажется, держишь в руках воздух» («stringere il nulla») [2, 20].

Символично, что в последнем путешествии в Японию «ничто» превратилось и вовсе в «конец света». Непонятный и манящий мир преобразовался и окончательно оформился в нечто потустороннее, к чему человек из другого мира не имел никакого отношения. И эту трансформацию, точку в истории, Барикко обозначает так:

«Эрве Жонкур окаменело смотрел на эту гигантскую погасшую жаровню. Позади у него был путь длиною в восемь тысяч верст. А впереди – пустота. Он вдруг увидел

то, что считал невидимым. Конец света» [2, 42].

Концепция небытия необходима для понимания вымышленного образа Японии и японского языка, переданного в «Шелке». Изображение пространства важно, так как Япония представляет собой своего рода декорацию или сценарий. А внешнее окружение довольно анонимно. Что касается топонимики, путешествие Жонкура начинается с вымышленного мыса Терая, затем движется с запада на восток, через настоящие японские префектуры Исигава, Тояма, Ниигата и Фукусима, заканчиваясь в Сиракаве, где находятся феодальные владения Хара Кея. Сиракава была местом расположения знаменитого барьера на Осю Кайдо и фактической границы между регионами «настоящей Японии» и северными регионами. Что еще более важно, Фукусима действительно была одним из главных центров японского шелководства [9].

Схожие наблюдения о символизме образов можно сделать, обратившись к роману «Море-Океан». Море в произведениях Барикко – это не только всемогущая стихия, но и венец мироздания, квинтэссенция мира, живой изменчивый катализатор для осознания своего предназначения и начертания жизненных ориентиров, место для размышлений. Писатель мифологизирует образ моря, в котором живет сильное библейское начало:

«— Я, знаете, полагал, что адмиралы плавают по морям...

— А я – что священники служат в церквях.

— Видите ли, Бог – он повсюду.

— Море тоже, падре. Море тоже» [1, 177].

Одна из метафор океана – море-чудовище, дьявол, поднимающий на поверхность все самое грязное и отвратительное из человеческой души. Вторая часть романа под названием «Морское чрево» описывает это «озаренное ледяным светом, торжествующее, прекрасное и необъятное чудовище». Люди, оказавшиеся во власти стихии, перестают быть собой, океан подавляет их:

«мы, покинутые землей, стали морским чревом, и морское чрево – это мы, и в нас оно дышит и живет» [1, 146].

Но основной метафорой романа «Море-Океан» является жизнь с точки зрения причастности к морю, подобно тому, как аллегория человеческого существования является основной метафорой романа «Море-Океан». В «Морском чреве» Томас вспоминает слова старика Дарелла, слова человека, который «хоть чему-то его научил»:

«...есть три сорта людей: те, кто живет у моря; те, кого тянет в море; и те, кто из моря возвращается. Живыми» [1, 159].

Естественно, данная метафора порождает множество высказываний, звучащих излишне торжественно и афористично с пафосом знания высшей истины при отсут-

ствии философского исследования и попытки прийти к обоснованным выводам, таким как: «Адамса искорежила собственная жизнь» [1, 108]. Эти высказывания можно охарактеризовать скорее как эмоциональную субъективную оценку произошедших событий, подобные изречения автор усиливает итерацией и графическим выделением слов-предложений для большего воздействия на сознание читателя:

«Узревший истину не знает покоя. Спасается только тот, кто никогда не был в опасности. Даже если сейчас на горизонте вдруг вырастет корабль, и примчится к нам по быстрой волне, и подхватит нас за миг до нашей смерти, и унесет отсюда прочь, и мы вернемся живыми, живыми — нас все равно уже не спасти. На какую бы землю мы ни ступили, нам не уцелеть. Увиденное сохранится в наших глазах, сделанное — в наших руках, услышанное — в нашей душе. Дети ужаса, познавшие суть вещей, вернувшиеся из морского чрева, умудренные морем, — мы навсегда останемся безутешными.

Безутешными.

Безутешными» [1, 162].

В романе идея причастности к морю реализуется в разделении персонажей на группы: все постояльцы гостиницы – те, кто живут на берегу в данный момент времени, Томас и Савиньи – те, кого притягивало море, и они прошли через опасности, которые таятся внутри моря, познав трагичность человеческого бытия, приблизившись к его разгадке. В третьей части показывается последствия близости к морю для каждого из персонажей: кто-то нашел в нем спасение или вдохновение (Элизевин, падре Плюш), кого-то море привело к гибели физической (Анн Деверия, Томас) или духовной (Савиньи), кто-то посвятил ему оставшуюся жизнь (Плассон, Бартальбум).

Море — это еще и пространство. В наибольшей степени метафоричность его связана даже не с художником, пытающимся изобразить его, а с профессором Бартальбумом, который стремится к научному непредвзятому представлению о море, чтобы доказать его предельность:

«Бартльбум самоотверженно погрузился в бесчувственную неподвижность, сделавшись на время холодно-непогрешимым оптическим прибором. Бартльбум почти не дышал. В круге, строго обрамленном его взглядом, воцарилась ирреальная тишина лаборатории» [1, 83].

Именно в профессорском номере на окне сидит таинственный ребенок по имени Дуд, который непрерывно созерцает море и видит его иначе, чем ученый взрослый, которому море кажется «никогда не меняющимся». На подобное рассуждение мальчик, подобно оракулу, ответил профессору:

«А вы славный. Надеюсь, до отъезда вы малость помнеете» [1, 75].

Разговор с Дудом стал началом ироничного и радикального оспаривания образа моря как монотонной, монолитной стихии. Созерцая море изо дня в день, Бартальбум понимает, что каждая новая волна отличается от другой, каждая визуально совершенна, каждая уходит прочь, уступая место другим волнам. Это аллегорический образ рождения и жизни, как и очаровательный ребенок Дуд, чье имя на голландском обозначает «смерть, мертвец». Маттио Марино пишет в своем исследовании, что волны представляют собой колыбель, в которой качают младенца под названием научное наблюдение, которое парадоксально из-за неувимости циклического движения моря, его невозможно свести к абсолютному совершенству научных измерений [8]. Но море не дает ответов ни на один вопрос, как пишет в своей молитве Падре Плюш:

«сколько на море не смотри,
ответа все одно не жди» [1, 182].

Образы моря переменчивы, один из них – душа мира. Бог есть в романе, но он только сила, иногда способная удержать море, защитить человека или использовать его в своих целях. Океан — это всеобщая душа. Потому что море, с одной стороны – неповторимо, совершенно, с другой – может приобретать любые качества, свойственные человеку: «Оно и мудрое, и нежное, и сильное, и непредсказуемое. Но главное – море *зовет*» [1, 126]. Суть моря отражена с помощью приема синестезии, авторские эпитеты и сравнения, относящиеся к морю разнообразны, индивидуальны, ярки по звучанию. Благодаря им море становится не просто стихией, оно приобретает одушевленность: «Море невозмутимо выводило свои хоралы» [1, 121] («Il mare continuava imperturbabile a recitare i suoi salmi»). И даже приближается к божественному:

«до скончания века, которое и будет концом моря, если у моря будет конец, у Него, Святого, Единого и Нераздельного, Моря-Океана, Ему же ХВАЛУ И СЛАВУ воссылаем, ныне и присно и во веки веков» [1, 151].

Смелое сравнение с новым символом веры опровергает бытовое представление людей о море как о «чудодейственном огромном резервуаре с водой для лечения», оно предстает в новом облике – величественном, при этом лишенным необходимых атрибутов веры, связанных с институтом церкви:

«На мгновение все невольно переводят взгляд на океан, ожидая увидеть очерк церкви — вполне понятный, но безрассудный порыв: ни церквей, ни крестов, ни тропинок там не было: в море вообще нет дорог, нет указателей и пояснений» [1, 96].

Другой образ – беспощадная стихия, несокрушимое орудие Бога как всемирный потоп из Ветхого Завета. Именно таким ощущает море барон Кервол, ведь он никогда его не видел. Его вера и неведение породили в нем страх и преклонение. Барикко отвергает этот об-

раз, «убийственное море, утробу смерти и тлена», когда на берег прибывает ялик с деревянной статуей святого, лик которого «хранит божественный покой и ангельскую кротость», как будто говоря о невидимой сильной связи между истинным Богом и морем-океаном.

Море выступает как аллегория бытия, а белые пустые картины художника Плассона – как неуловимость бытия. По поводу особого ощущения моря у Барикко Клаудио Пеццин написал так: «его видение подразумевает «море» как совершенство, берущее свое начало от сотворения мира, как Эдем («тот самый рай»), как место истины, как нечто рожденное из пустого / ничего не содержащего первоначала, как будто быть, и Не существовать» [10, 36].

Море воплощается и как образ любви. Элизевин постигает тайны любви и освобождается от всех своих страхов благодаря Томасу. Оказалось, что морем для девушки стал мужчина, а не сама вода: «Я уже вошла в море» [1, 174], говорит она Падре Плюшу. У каждого свое море, и оно способно излечить душу человека, как морская вода залечивает раны. Море – это мысли человека. От чистоты мыслей и просветленности меняется море: оно может быть мелкое и грязное, чистое и бескрайнее, бушующее и тихо плещущееся, непредсказуемое и таинственное.

Таверна «Альмайер», расположившаяся «по соседству с концом моря» является символом поиска душевного покоя и уединения, местом, где можно найти свою «внутреннюю дорогу». Но этот уголок суши окружен морем, как любой человек окружен трудностями, волнениями внешнего мира. И все же эпитеты, найденные автором, показывают это место как «красивое, тихое, легкое, страстное и окончательное», как чувства, способные родиться в душе. Человек там способен переродиться, отвергнув все, что было в прошлом:

«Здесь ты прощаешься с собой. Твое «я» постепенно сходит с тебя» [1, 190].

Места этого «почти нет», оно «замерло на краю земли» – данные определения отсылают к «Шелку» и Японии. Видно сходство состояния отрешенности и даже отречения от всего, что было в другой привычной жизни, и пересмотр ценностей. Как и прежние чувства Эрве к Элен остались в привычной обстановке, так и чувства Анн Девериа к Андре Савиньи преобразовались в воспоминания:

«Здесь испаряется явь и все становится памятью. Даже ты со временем перестал быть желанным и превратился в отблеск воспоминаний. Твои письма долетали до меня, словно весточки из того мира, которого больше нет» [1, 189].

Таверна одушевлена, что передается с помощью приема олицетворения, таверна отдыхает (riposare) по ночам, как и ее постояльцы, она сама выбрала место для своего пребывания:

«Словно некогда вдоль берега моря прошел пестрый караван таверн на любой вкус, и от каравана отбилась одна утомленная таверна; она пропустила своих спутниц и решила обосноваться на этом взгорье, поддавшись собственной слабости и склонив голову в ожидании конца» [1, 88].

При помощи стилистических фигур на страницах книги передается особая авторская ирония, а благодаря яркой синестезии создаются связанные образы понятий, не являющихся тождественными. «Смех» становится, как вода, океаническим («una risata oceanica»), вавилонским и апокалиптическим («babelica, apocalittica»), содержит в себе семиотическую функцию разъединения человечества и знаков приближающегося конца света. Неодушевленные предметы олицетворяются с человеком, камень может стать свободным («la pietra liberata»), облака спешат домой («hanno fretta di tornare a casa»), море одаривается физическими признаками человека – у него появляются руки, которыми он сдавливает, душит «la stritolera con le sue mani», у него появляются глаза: «Но нет, старик стоит как стоял, пристально глядя перед собой. В морские глаза» [1, 228].

Так же нестандартны авторские сравнения: книга – «бумажная кровать» («un letto di carta», книжный лист – «простыня» («le lenzuola»), проступающие от влаги пятна на потолке – «черно-белые тропические цветы» («macchie di umidità, sul soffitto, come fiori tropicali disegnati in bianco e nero»), наука – «дикий животный» («un animale strano»), жемчужины – четки страсти («rosario del desiderio»). Прием синекдохи призван передать ироничное отношение Барикко к персонажу, профессору Бартальбуму:

«Серый халат наполнен Бартальбумом» [1, 75].

«Пара женских сапожков прошла по бывшей лаборатории Бартльбума и остановилась неподалеку от нее. Дама обернулась» [1, 85].

Одним из самых длинных является определение взгляда Анн Девериа, которая смотрит на спящую в ее кровати девочку без имени. Автор использует множество эпитетов и сравнений, чтобы прийти к неожиданному сравнению со взглядом Богородицы. Предложение отягощено многосоюзием, избыточностью прилагательных, номинативных определений, знаками тире и курсивом, таким образом автор добивается эффекта торжественности самой аллюзии к образу Матери Божьей:

«Анн Девериа бросила на нее взгляд, но взгляд, для которого «бросить» — чрезмерное слово, удивительный взгляд, живой и мягкий, бескорыстный и непритязательный, взгляд как прикосновение — глаз и образа, — взгляд не берущий, но обретающий — в полной тишине сознания, единственный по-настоящему спасительный взгляд, не замутненный сомнением, не опороченный знанием — сама невинность, ограждающая нас от ра-

нящего воздействия извне на наше чувство-зрение-чувство, ибо это и есть чудесное предстояние перед всем сущим — зримое постижение целого мира — без тени сомнения и даже восторга — только — зримое — постижение — мира. Так взирают глаза Богородиц под церковными сводами, точно ангел, сошедший с золоченых небес в час Благовещения» [1, 89].

Сравнения писателя неповторимы в своей лапидарности и красочности. Барикко отождествляет мгновения, когда Томас ждет удобного момента для осуществления мести, с иглами («istanti come aghi»), постояльцев таверны, вынужденных оставаться внутри здания из-за густого тумана, с рыбками в аквариуме («pesci in un acquario»), прыжок из воды сумасшедшего, испугавшегося холодного моря, с криком и силой дикого зверя («come un urlo e la forza da animale»), ощущение восторга падре Плюша с тем, как будто бы он выбросился из окна («come se si fosse appena buttato da una finestra»). Тщательно подобраны эпитеты для сравнения больных и врачей красноречиво говорят о некомпетентности эскулапов:

«...прозрачные, возвышенные, снедаемые недугом божественной медлительности больные и врачи — подвальные мыши, занятые поисками симптомов, анализов, признаков и показаний, неусыпно следящие за кривой болезни в ее угловатом увиливании от силков небывалого врачевания» [1, 95].

Кроме этого, в тексте есть и другие тропы, например метонимия: суденышко «Адель», перемещающееся только вверх и вниз по реке перевозит «богатство и нищету» («portando ricchezze e miserie»), изумленный решительностью Элизевин падре Плюш «перебирает в руках свое

изумление» («rigirando tra le mani il suo stupore»), гиперболой изображены новые доселе невиданные ощущения Элизевин, когда «в глаза ей хлынет море» («negli occhi avrebbe ricevuto il mare»), а ритуал крестного знамения Барикко приравнивает к ничему не значащему жесту («un gesto da niente»).

Рассмотрев два романа Алессандро Барикко «Шелк» и «Море-Океан», мы установили, что эти тексты пронизаны символизмом. Автор раскрывает философские понятия и затрагивает непростые темы взаимоотношений между людьми различных культур. Но это происходит имплицитно: на первый план выходит красота художественного слова, а скрытые смыслы возможно уловить лишь при более глубоком анализе текстов. Множественные смыслы несут в себе слова «шелк» и «море». Барикко наполняет привычные понятия новой многообразной эстетикой.

Высокой образности автор достигает при помощи использования большой гаммы тропов, таких как аллегория, сравнение, гипербола, олицетворение, эпитет, метонимия, анафоры, оксюморона, применяет синестезию и аллитерацию. Метафоры, как и другие выразительные средства, играют особую роль в создании поэтического языка произведений Алессандро Барикко, они восстанавливают подлинный смысл используемого слова. Именно обилие метафор, связанных с шелком и морем, становится связующей нитью не только внутри отдельного произведения, но и объединяет работы писателя, помогает выразить философские смыслы, создать индивидуальную систему образов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барикко А. Море-Океан // Барикко А. Шелк и другие истории - Иностранка, Азбука-Аттикус; Москва, 2017. - 544С., С. 63–232.
2. Барикко А. Шелк // Барикко А. Шелк и другие истории - Иностранка, Азбука-Аттикус; Москва, 2017. - 544 С., С. 5–62.
3. Барт Р, Империя знаков / Пер. с франц. Я.Г. Бражниковой. Москва, Праксис, 2004. - 144 С.
4. Заиченко А.А., Синестезия — феноменология, виды, классификации/ Информатика, вычислительная технология и инженерное образование, №3 (5), 2011 / Электронный журнал южного федерального Университета / <https://ivtio.sfedu.ru/5.htm> (дата обращения 10.09.2023)
5. Ильин И.П., Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. / Москва, Интрада, 1996. - 253 С.
6. Лутеро Т., Лексико-грамматические ресурсы функциональной эквивалентности в переводе художественного текста с итальянского языка на русский / диссертация, 2017. - С.180
7. Hall E.T., Understanding Cultural Differences: Germans, French and Americans / Intercultural Press, 1990. - 196 P.
8. Marino M., Weaking the exotic in silky seas. Exotic imagery in Alessandro Baricco's novels «Oceano Mare» and «Seta» / Bangor University, United Kingdom, 2012. - 23 P. / <https://www.ajol.info/index.php/issa/article/view/75123/65714> (дата обращения 23.12.2023)
9. Palumbo F.D., Telling stories about the «Land of the Rising Sun» // Contemporary Italian literature re-inventing Japan, Mutual images, Vol. 3, Autumn, 2017. - 133 P., P. 5-25
10. Pezzin C., Alessandro Baricco / Sommacampagna, Cierre Edizioni, 2001. - 114 P.

© Кучина Наталья Владимировна (nataliek@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВРЕМЯ КУЛЬТУРЫ В ПЕРЕВОДЕ: КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ПЕРЕВОДЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В АНГЛИЙСКИХ ПЕРЕВОДАХ РОМАНА И.С. ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ»

Леонов Максим Вадимович

Соискатель, ассистент, ФГБОУ ВО Байкальский
государственный университет, (г. Иркутск)
leonovmaksimvad@yandex.ru

CULTURAL TIME IN TRANSLATION: CULTURAL-HISTORICAL DYNAMICS OF TRANSLATION CHOICES IN ENGLISH TRANSLATIONS OF I.S. TURGENEV'S NOVEL FATHERS AND SONS

M. Leonov

Summary: The article examines how the cultural time of the receiving culture shapes translation choices in English versions of I. S. Turgenev's *Fathers and Sons*. The material includes selected fragments from Chapter VI in six translations: Eugene Schuyler (1867), Constance Garnett (1895; the working text used in the corpus is a later reprint), C. J. Hogarth (1921), Richard Hare (1947), Richard Freeborn (1991), and Nicolas Pasternak Slater with Maya Slater (2022). The study combines comparative translation analysis with the concepts of translation norms, retranslation, and domestication/foreignization. It shows that shifts in register, pragmatic force, euphemisation, and cultural framing correlate with changing target-culture expectations and reflect the historical dynamics of translation norms.

Keywords: cultural time, translation norms, retranslation, domestication, foreignization, Turgenev, English translations.

Аннотация: В статье рассматривается, как историческая норма принимающей культуры влияет на переводческие решения в английских версиях романа И.С. Тургенева «Отцы и дети». Материалом служат фрагменты главы VI в переводах Ю. Скайлера (1867), К. Гарнетт (1895; анализируется позднейшее издание текста перевода), Ч. Дж. Хогарта (1921), Р. Хэйра (1947), Р. Фриборна (1991), Н. Пастернака Слейтера и М. Слейтер (2022). В центре внимания находятся не общие различия между переводчиками, а конкретные места, где меняются регистр, степень речевой прямоты, эвфемизация и культурное пояснение. Показано, что перевод главы VI фиксирует смену англоязычных ожиданий: от ранней объяснительности и сглаживания резкости к большей готовности сохранять разговорную энергию, телесную лексику и чуждость тургеневского диалога.

Ключевые слова: время культуры, художественный перевод, переводческие нормы, ретрансляция, доместикация, форенизация, Тургенев.

Введение

Роман И.С. Тургенева «Отцы и дети» строит конфликт поколений не как отвлечённый спор идей, а как столкновение речевых привычек, культурных авторитетов и моделей поведения. Глава VI особенно показательна: в ней аристократически-гуманитарный код Павла Петровича сталкивается с научно-утилитарной логикой Базарова. Для анализа перевода этот фрагмент важен потому, что выбор английского регистра, степени прямоты и объёма пояснения сразу меняет распределение сил в диалоге.

Научная проблема связана с тем, что различия между переводами классического текста часто описываются как частный выбор переводчика: один «точнее», другой «свободнее», третий «современнее». Для главы VI романа «Отцы и дети» такой подход недостаточен. Повторяются не отдельные случайные замены, а целые способы обращения с русским текстом: ранние версии поясняют и смягчают, средние ищут литературную управляемость, поздние чаще оставляют резкость и культурную неров-

ность. Следовательно, сопоставление переводов позволяет говорить о норме эпохи, а не только об индивидуальной манере.

Цель исследования. Показать, каким образом нормы целевой англоязычной культуры разных периодов отражаются в переводческих решениях при передаче ключевых реплик главы VI романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» и как эти решения репрезентируют «время культуры» перевода.

Задачи исследования:

- уточнить рабочее понимание понятия «время культуры» применительно к художественному переводу и соотнести его с категориями переводческих норм, ретрансляции, доместикации и форенизации;
- выявить на материале шести английских переводов повторяющиеся типы сдвигов прагматики, регистра, эвфемизации и культурной адаптации и описать их как проявления историко-культурной динамики.

Методы исследования. В работе применяются сопоставительный текстовый анализ, прагматико-стилистический комментарий и элементы дескриптивного перевода: внимание сосредоточено на повторяющихся решениях, которые можно интерпретировать как следствие переводческих норм определённой эпохи.

Теоретическая значимость статьи состоит в уточнении применимости категории «время культуры» к художественному переводу как исторически обусловленному процессу. Работа демонстрирует, как данная категория может быть использована для анализа микроуровня текста — отдельных реплик, иронических замен, сниженной лексики и прагматического оформления конфликта.

Практическая значимость исследования связана с возможностью использовать полученные результаты в курсах по теории и практике художественного перевода, в сопоставительном анализе переводов русской классики, а также при подготовке корпусного анализа ретрансляций литературного текста.

Научная новизна заключается в том, что «время культуры» рассматривается не как общая характеристика эпохи, а как наблюдаемый в тексте набор повторяющихся решений, соотносимых с нормами целевой культуры.

Перевод классического произведения всегда создается из определенной исторической позиции. Переводчик работает не только со словарем оригинала: он соотносит текст с тем, что в его культуре считается литературно допустимым, разговорно приемлемым, нуждающимся в пояснении или, напротив, оставляемым как знак чужого мира. Поэтому один и тот же тургеневский диалог в разные периоды может быть оформлен как сдержанная викторианская проза, учебно прозрачный текст, академически выверенная версия или более резкая современная реплика.

В статье термин «время культуры» обозначает не календарную дату перевода, а совокупность ожиданий целевой культуры: как передавать сниженное слово, можно ли оставлять русскую реалию без пояснения, где проходит граница между литературной плавностью и речевой грубостью, допустима ли синтаксическая неловкость [7]. В главе VI эти вопросы особенно заметны, поскольку спор Базарова и Павла Петровича строится не только на тезисах, но и на регистре, иронии и несовпадении коммуникативных кодов [11].

Такое понимание связано с представлением о культуре как о памяти, которая не хранит текст в неизменном виде, а каждый раз перенастраивает его чтение [7]. Английский читатель 1860-х годов, конца XIX века, послевоенного периода и начала XXI века встречает не «один

и тот же» готовый Тургеневский роман, а текст, заново помещенный в систему жанровых ожиданий, речевых ограничений и представлений о русской литературе.

Дополнительную опору для понятия «время культуры» дают исследования, опубликованные в журнале БГУ. В.Е. Глызина, Н.Е. Горская и Е.С. Белоусова рассматривают перевод временных указателей как задачу, связанную с культурной трактовкой времени; М.В. Паюнена показывает язык как фактор социальных перемен и индикатор состояния культурной среды [5; 8]. Для анализа главы VI это существенно: в переводе меняется не только набор английских слов, но и способ языковой организации социальной и ценностной реальности.

Категория переводческой нормы позволяет отличить повторяющуюся историческую тенденцию от отдельного переводческого вкуса. Если несколько версий одного периода сходно смягчают физиологическую лексику, расширяют русскую реплику пояснением или переводят разговорный выпад в более книжный регистр, такие решения уже нельзя объяснить только индивидуальной привычкой. Они показывают, каким в данной культуре представлялся приемлемый перевод классики: плавным, приличным, понятным, экзотически маркированным или приближенным к речевой шероховатости оригинала [10].

Теоретический поворот второй половины XX века важен для данной темы потому, что смещает вопрос с «совпадает ли перевод с оригиналом» на «какую культурную работу выполняет перевод». У.С. Басснетт и А. Лефевра перевод рассматривается как переписывание, зависящее от литературных, идеологических и институциональных условий принимающей культуры [1; 6]. Применительно к Тургеневу это означает: английская версия не просто передает реплики Базарова, а заново определяет допустимую резкость этих реплик и степень их культурной понятности.

Оппозиция доместикизации и форенизации помогает описать, в какую сторону перевод смещает тургеневский диалог. Доместицирующее решение делает реплику привычнее для английского читателя: заменяет неудобную телесность более нейтральной сатирой, сглаживает русский культурный оттенок, добавляет объяснение. Форенизирующее решение, напротив, оставляет сопротивление текста: непривычную номинацию, резкую физиологическую деталь, странность русской полемики [3]. В главе VI эти стратегии проявляются не как отвлечённые установки, а как конкретные лексические выборы.

Теория ретрансляции нужна здесь потому, что новые английские версии «Отцов и детей» появляются не в пустом месте. Каждый следующий перевод вступает в отношения с уже существующими решениями: может по-

вторить каноническую формулу, отказаться от прежнего эвфемизма, усилить разговорность или вернуть культурную странность, ранее сглаженную ради читабельности. В работах А. Бермана, И. Гамбье и Ш. Тахир-Гюрчаглар ретрансляция описывается как поле взаимодействия исходного текста, прежних переводов, издательских задач и нового читательского горизонта [2; 4; 9].

Поэтому диахронический анализ не должен ограничиваться перечнем отличий. Важно установить, какие отличия повторяются и какую культурную функцию они выполняют. В дальнейшем сопоставлении переводчик, дата издания, серия и предполагаемый читатель рассматриваются как условия, которые помогают объяснить выбор регистра, степень пояснения и допустимость резкости в передаче главы VI.

Материалом исследования служат фрагменты главы VI романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» и их передачи в шести англоязычных переводах: Eugene Schuyler (1867), Constance Garnett (1895; в работе используется позднейшее издание текста перевода), C.J. Hogarth (1921), Richard Hare (1947), Richard Freeborn (1991), Nicolas Pasternak Slater & Maya Slater (2022). Выбор именно этого ряда обусловлен его диахронической репрезентативностью: переводы охватывают более полутора столетий англоязычной рецепции Тургенева и позволяют проследить смену норм литературного английского и ожиданий читателя.

Чтобы проследить «время культуры» в конкретном материале, недостаточно сопоставить русскую строку и английский эквивалент. Нужно учитывать, в какой ситуации перевод появился: был ли Тургенев новым русским автором, уже признанным классиком, объектом учебного чтения или текстом, который современный издатель стремится заново оживить для читателя. Именно поэтому в статье отдельно учитываются переводчик, тип издания и предполагаемая аудитория. Эти параметры объясняют, почему один перевод охотно использует риторику, другой делает фразу литературно гладкой, третий выбирает учебную прозрачность, а четвёртый возвращает диалогу телесность и резкость.

Юджин Скайлер — американский дипломат и один из первых посредников между Тургеневым и англоязычной аудиторией. *Ego Fathers and Sons* (New York: Leypoldt & Holt, 1867) выходит в момент, когда русская проза ещё нуждается в представлении и доверительной рамке. Поэтому показательна формула на титульном листе — “with the approval of the author”: она подтверждает не только авторизацию, но и право нового текста войти в чужую литературную среду. В таком контексте объяснительность, риторическая развёрнутость и смысловые замены оказываются не случайной свободой, а способом культурного ввода [12].

Версия Констанс Гарнетт относится к иной стадии рецепции. К концу XIX века русская литература уже начинает восприниматься как часть большого европейского чтения, а не как редкая дипломатико-литературная новинка. Норма Гарнетт связана с плавной повествовательностью и устойчивой читабельностью: синтаксис выравнивается, резкие места чаще входят в общий английский литературный регистр, а русская культурная специфика сохраняется без постоянного подчёркивания собственной чуждости [13].

Перевод Ч. Дж. Хогарта 1921 года появляется в серийной издательской рамке, рассчитанной на массовое обращение классики. Для него характерна книжная архаизация и стремление встроить конфликт романа в более объяснимую историко-идеологическую схему. Поэтому в отдельных местах Хогарт не столько сохраняет резкость реплики, сколько переводит её в регистр доктринального спора. Этот слой важен тем, что показывает перераспределение культурной нагрузки: живой укол диалога может стать более отвлечённой формулой [14].

Ричард Хэйр работает уже в послевоенной ситуации, где от классического перевода ожидается ясность без викторианской тяжеловесности. Его версия занимает промежуточное положение: она не стремится к грубой модернизации, но и не перегружает реплики книжной архаикой. Для анализа главы VI это существенно, поскольку Хэйр нередко сохраняет давление диалога, одновременно удерживая его в пределах литературной нормы середины XX века [15].

Фриборн переводит Тургенева в условиях устойчивой академической инфраструктуры. *Oxford World's Classics* задаёт другой тип ожиданий: текст должен быть не только читаемым, но и филологически ответственным, пригодным для учебного и исследовательского обращения. Поэтому у Фриборна заметно стремление сохранить социальную маркированность, разговорную фактуру и культурную дистанцию, не превращая роман в архаический музейный экспонат [16].

Перевод Н. Пастернака Слейтера и М. Слейтер создаётся уже после полутравековой англоязычной истории романа. В этой ситуации новый перевод должен не столько впервые представить Тургенева, сколько вернуть читателю слышимость реплики и плотность сценического столкновения. Формат NYRB Classics поддерживает такую задачу: диалог становится более энергичным, сниженная лексика передаётся прямее, а культурная неоднозначность не спешит сглаживаться ради старой нормы «классической» плавности [17].

Для сопоставления выбраны четыре признака, которые в главе VI особенно чувствительны к норме эпохи: ироническая номинация, оценочная формула пользы,

телесно сниженная лексика и прагматическая рамка во-проса-нападения. Эти признаки удобны тем, что они не требуют гадать о намерениях переводчика: сдвиг виден прямо в слове, синтаксисе и типе речевой ситуации.

В разделе рассматриваются четыре микрофрагмента главы VI. Каждый из них проверяет перевод на отдельную зону чувствительности: сможет ли английский текст передать иронию этнонима, не сгладит ли базаровскую формулу полезности, что сделает с физиологически резким словом и как оформит короткий отпор «Что это, допрос?». Такой подбор материала позволяет видеть не случайную пестроту вариантов, а повторяемые решения, связанные с тем, какой уровень резкости и чуждости был допустим в разные периоды англоязычного чтения Тургенева.

В исходном тексте Павел Петрович употребляет форму «германцы» вместо нейтрального «немцы», причём автор специально уточняет, что такая замена сделана ради иронии, оставшейся незамеченной в диалоге. Перевод этого места важен тем, что он требует одновременно передать предметный смысл, социальную «позу» говорящего и авторскую ремарку о коммуникативном провале иронии [11].

Оригинал. «Говорят, германцы в последнее время сильно успели по этой части. — Да, немцы в этом наши учителя, — небрежно отвечал Базаров. Слово „германцы“, вместо „немцы“, Павел Петрович употребил ради иронии, которой, однако, никто не заметил» [11].

Schuyler (1867). "I have heard it asserted that the Dutch have made great progress in these sciences in the last few years." "Yes, the Germans are our masters in that respect," carelessly replied Bazarof. "Paul Petrovitch had employed the word Dutch with an ironical intention; but without producing much effect" [12].

Garnett (1895). "They say the Teutons of late have had great success in that line." "Yes; the Germans are our teachers in it," Bazarov answered carelessly. "The word Teutons instead of Germans, Pavel Petrovitch had used with ironical intention; none noticed it however" [13].

Hogarth (1921). "Well, I am told that the Germanics have made great strides in that department?" "True," was Bazarov's careless reply. "In fact, the Germans are, in the same respect, our masters." The narrator adds that Pavel Petrovich used the term "Germanics" instead of "Germans" ironically, but no one noticed it [14].

Hare (1947). "They say the Teutons have lately had great success in that line." "Yes, the Germans are our teachers in it," Bazarov answered carelessly. "Pavel Petrovich had used the word 'Teutons' instead of 'Germans' with an ironical intention, which, however, no one noticed" [15].

Freeborn (1991). "They say the Teutons have been very successful recently in that sort of thing." "Yes, the Germans are our teachers," Bazarov answered casually. "Pavel

Petrovich had used the word Teutons rather than Germans for the sake of an irony which, however, no one seemed to have noticed" [16].

Slater & Slater (2022). "They say that the Teutons have recently made great advances in the field." "Yes, the Germans are our masters there," Bazarov replied carelessly. "Pavel Petrovich had used the word 'Teutons' instead of 'Germans' for ironical effect, but nobody had noticed" [17].

У Скайлера необычность создаётся заменой Dutch при сохранении Germans в ответе Базарова. Формально сохраняется разрыв между двумя номинациями, но культурная логика меняется: вместо тонкого различия «германцы / немцы» возникает почти другое этническое поле. Гарнетт, Хэйр, Фриборн и Слейтеры выбирают Teutons / Germans; эта пара передаёт книжно-иронический оттенок и остаётся распознаваемой для английского читателя. Хогартовское Germanics / Germans звучит более искусственно и сильнее выделяет речевую позу Павла Петровича. В результате видно, что позднейшие версии меньше нуждаются в свободной смысловой подмене и чаще пытаются сохранить сам механизм неслышанной иронии [12–17].

Реплика Базарова о превосходстве химика над поэтом является одной из наиболее сжатых формул его утилитарного мышления. Здесь сталкиваются не только «наука» и «искусство», но и две модели культурной ценности: эстетическая, связанная с традиционным гуманитарным воспитанием Павла Петровича, и практико-полезностная, связанная с языком нового поколения [11].

Оригинал. «Порядочный химик в двадцать раз полезнее всякого поэта, — перебил Базаров» [11].

Schuyler (1867). "A good chemist is twenty times more useful than the best poet," interrupted Bazarof [12].

Garnett (1895). "A good chemist is twenty times as useful as any poet," broke in Bazarov [13].

Hogarth (1921). "A good chemist is worth a score of your poets," remarked Bazarov [14].

Hare (1947). "A decent chemist is twenty times more useful than any poet," interrupted Bazarov [15].

Freeborn (1991). "A good chemist's twenty times more useful than a poet," said Bazarov [16].

Slater & Slater (2022). "A decent chemist is worth twenty poets," Bazarov interrupted [17].

Почти все переводы сохраняют количественную гиперболу «в двадцать раз / twenty times», но по-разному настраивают её полемическую силу. У Скайлера "the best poet" делает отрицание искусства особенно резким: химик оказывается полезнее даже лучшего поэта. У Гарнетт и Хэйра "any poet" звучит как общее снятие эстетической ценности. Хогарт с формулой "a score of your poets" переводит спор в более персональный выпад против мира Павла Петровича. Фриборн разговорно сжимает фразу

через “chemist’s”, а Слейтеры дают почти афористическое “worth twenty poets”. Меняется не тезис Базарова, а способ его звучания: от декларации до быстрой реплики в живом споре.

Реплика Базарова «Искусство наживать деньги, или нет более геморроя!» соединяет физиологически сниженную лексику с презрительной сатирой, а затем переходит к абстрактному спору о «науке вообще». Такая комбинация делает фрагмент особенно показательным с точки зрения границ речевой допустимости [11].

Оригинал. «Искусство наживать деньги, или нет более геморроя! ... Значит, вы верите в одну науку? — Я уже доложил вам, что ни во что не верю; и что такое наука — наука вообще? Есть науки, как есть ремесла, звания; а наука вообще не существует вовсе» [11].

Schuyler (1867). “The art of gaining money, and of curing one’s corns!” ... “You then believe in science only?” ... “There are sciences as there are trades and professions; there is no science in the meaning you give the word” [12].

Garnett (1895). “The art of making money or of advertising pills!” ... “Then you believe in science only?” ... “what is science—science in the abstract? There are sciences, as there are trades and crafts; but abstract science doesn’t exist at all” [13].

Hogarth (1921). “Er—I take it then that you decline to recognise art, but believe only in science?” ... “I have told you that I believe in nothing at all. What after all, is science—that is to say, science in the mass? A science may exist, even as a trade or a profession may exist; but about science in the mass, there is no such thing” [14].

Hare (1947). “The art of making money or of advertising pills!” ... “So, you believe in science only?” ... “abstract science just doesn’t exist” [15].

Freeborn (1991). “The art of making money, or no more haemorrhoids!” ... “And what’s this thing called science, science in general? There are sciences as there are trades and vocations. But science in general doesn’t exist at all” [16].

Slater & Slater (2022). “The Art of Making Money and The Art of Curing Hemorrhoids!” ... “What is science, anyway—science in the abstract? There are sciences, in the same way as there are trades and professions, but science as such doesn’t exist” [17].

Скайлер заменяет «геморрой» на corns и тем самым переносит телесную резкость в более безобидную область. Гарнетт и Хэйр выбирают advertising pills: физиология исчезает, но остаётся сатирический намёк на коммерческую псевдонаучность. У Хогарта этот участок сглажен ещё сильнее: вызывающая деталь почти выпадает, а диалог быстрее переходит к вопросу об искусстве и науке. Фриборн и Слейтеры возвращают прямой медицинский эквивалент haemorrhoids / hemorrhoids. Для поздних переводов такая конкретность уже не разрушает литературность, а работает как часть речевого пор-

трета Базарова. Параллельно меняется и философская часть реплики: от “in the meaning you give the word” и “science in the mass” перевод движется к более прозрачным “science in general”, “science in the abstract”, “science as such”.

Короткая реплика Базарова «Что это, допрос?» выполняет в оригинале функцию резкого разговорного отпора. Именно поэтому выбор английского эквивалента задаёт не только словарь, но и общий сценарий ситуации: это может быть бытовая колкость, юридическая процедура или политически окрашенное обвинение [11].

Оригинал. «Что это, допрос? — спросил Базаров» [11]. Schuyler (1867). “Is this a political inquisition?” asked Bazarov [12].

Garnett (1895). “What’s this, an examination?” asked Bazarov [13].

Hogarth (1921). “What is this?” suddenly countered Bazarov. “Is it an examination in tenets?” [14].

Hare (1947). “What is this, a cross-examination?” asked Bazarov [15].

Freeborn (1991). “What’s this—a cross-examination?” asked Bazarov [16].

Slater & Slater (2022). “What is this, an interrogation?” demanded Bazarov [17].

У Скайлера “political inquisition” резко расширяет масштаб сцены: бытовой отпор Базарова превращается в политически окрашенную ассоциацию. Гарнетт выбирает спокойное examination и тем самым снижает давление реплики. Хогарт, наоборот, уточняет её как “examination in tenets”, то есть переводит разговор в проверку убеждений. Хэйр и Фриборн с cross-examination сохраняют ощущение нажима вопросами, но удерживают его в бытово-юридической рамке. У Слейтеров interrogation и глагол demanded дают более прямую сценическую энергию. Поэтому один короткий вопрос показывает разные нормы конфликтности: раннее объясняющее расширение, срединную юридикацию и современную прямоту.

Четыре фрагмента складываются в общую картину. Ранний перевод чаще поясняет, риторизирует и смягчает неудобную резкость; версии конца XIX — середины XX века стремятся к литературной плавности и контролируемой конфликтности; поздние переводы охотнее сохраняют устную динамику, телесную конкретность и культурную неровность. Тем самым «время культуры» обнаруживается не в декларациях переводчиков, а в микрорешениях: в выборе этнонима, степени эвфемизма, силе глагола и допустимости разговорного давления.

Сопоставление шести английских переводов главы VI показывает, что различия между версиями нельзя свести к шкале «точнее — свободнее». Каждый перевод по-своему регулирует дистанцию между русским спором и

англоязычным читателем. Категория «время культуры» оказывается продуктивной именно на микроуровне: она объясняет, почему одна и та же реплика Базарова или Павла Петровича получает разную меру прямоты, книжности, пояснения и конфликтности.

Наиболее чувствительными зонами оказались четыре типа мест: ироническая номинация «германцы / немцы», формула пользы «химик / поэт», телесно сниженная реплика о геморрое и вопрос «Что это, допрос?». У Скайлера заметно стремление ввести русский текст в понятную англоязычную рамку, поэтому появляются расширения и смысловые замены. Гарнетт, Хогарт и Хэйр по-разному удерживают классическую читабельность: через сглаженность, книжность, юридическое или идеологическое кадрирование. Фриборн усиливает филологическую точность и контроль над маркированностью, а Слейтеры чаще возвращают разговорную энергию и телесную конкретность оригинала.

Ретрансляция в данном материале не выглядит линейным движением от ошибки к исправлению. Скайлер решает задачу первого культурного ввода; Гарнетт и другие канонизирующие версии закрепляют Тургенева в английской традиции; академические переводы сопровождают роман более ответственным отношением к контексту и речевой маркированности; современный перевод стремится заново услышать сценическую резкость диалога. Поэтому меняются не только слова, но и способ присутствия Тургенева в принимающей культуре.

Дальнейший анализ следует расширить за пределы главы VI: к заглавию, паратекстам, социальным реалиям, крестьянской речи, сценам с Фенечкой и Одинцовой, а также к финалу романа. Это позволит проверить, сохраняются ли выявленные типы сдвигов в других смысловых зонах и где влияние «времени культуры» оказывается сильнее: в лексике, комментарии, синтаксисе диалога или в общей рамке представления Тургенева.

ЛИТЕРАТУРА

1. Басснетт С., Лефевр А. (ред.). Перевод, история и культура. Лондон: Pinter Publishers, 1990. VIII, 133 с.
2. Берман А. Повторный перевод как пространство перевода // *Palimpsestes*. 1990. № 4. С. 1–7.
3. Вентури Л. Невидимость переводчика: история перевода. Лондон; Нью-Йорк: Routledge, 1995. XII, 353 с.
4. Гамбье И. Повторный перевод: возвращение и обходной путь // *Meta*. 1994. Т. 39, № 3. С. 413–417.
5. Глызина В.Е., Горская Н.Е., Белоусова Е.С. Способы перевода обстоятельств времени и некоторых указателей времени с английского языка на русский // *Baikal Research Journal*. 2013. № 6. С. 26–26. URL: <https://brj-bgu.ru/reader/article.aspx?id=18669>.
6. Лефевр А. Перевод, переписывание и манипулирование литературной славой. Лондон; Нью-Йорк: Routledge, 1992. VIII, 176 с.
7. Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 3. Таллинн: Александра, 1992. 528 с.
8. Паюнена М.В. Язык как фактор социальных перемен // *Baikal Research Journal*. 2014. № 4. С. 31–31. URL: <https://brj-bgu.ru/reader/article.aspx?id=19317>.
9. Тахир Гюрчаглар Ш. Повторный перевод // *Энциклопедия переводоведения*. Т. 1 / под ред. И. Гамбье, Л. ван Дорслара. Амстердам; Филадельфия: John Benjamins, 2010. С. 233–236.
10. Тури Г. Дескриптивное переводоведение и за его пределами. Амстердам; Филадельфия: John Benjamins, 1995. VIII, 311 с.
11. Тургенев И.С. Отцы и дети // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. Т. 7. М.: Наука, 1981. С. 7–188.
12. Тургенев И. Отцы и дети / пер. с рус. с одобрения автора Юджина Скайлера. Нью-Йорк: Leypoldt & Holt, 1867. VIII, 248 с.
13. Тургенев И. Отцы и дети / пер. с рус. Констанс Гарнетт. Лондон: William Heinemann, 1895. 358 с.
14. Тургенев И. Отцы и дети / пер. с рус. К. Дж. Хогарта. Лондон; Торонто: J.M. Dent & Sons; Нью-Йорк: E.P. Dutton & Co., 1921. IX, 276 с.
15. Тургенев И. Отцы и дети; Рудин / пер. Ричарда Хэра. Лондон: Hutchinson International Authors, 1947. 287 с.
16. Тургенев И. Отцы и дети / пер., ред., вступ. статья и примеч. Ричарда Фриборна. Оксфорд: Oxford University Press, 1991. 261 с.
17. Тургенев И. Отцы и дети / пер. Николаса Пастернака Слейтера и Майи Слейтер. Нью-Йорк: New York Review Books, 2022. 224 с.

© Леонов Максим Вадимович (leonovmaksimvad@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА КАК НОСИТЕЛИ КУЛЬТУРНОГО КОДА: ОТ СИМВОЛА ЭПОХИ ДО ЗАПРЕТА В ИМЕНОСЛОВЕ

Лукина Юлия Владимировна

Кандидат политических наук, доцент, Дипломатической
академии МГИМО МИД России, (г. Москва)
yulka@mail.ru

PRECEDENT NAMES AS CARRIERS OF CULTURAL CODE: FROM A SYMBOL OF THE ERA TO A BAN IN THE NAME REGISTER

Iou. Loukina

Summary: The article deals with precedent names that preserve the cultural code of a linguistic and cultural community. The author describes the mechanisms through which a proper name acquires symbolic meaning. Attention is paid to names with negative connotations related to politics, religion, history, and crime: factual material demonstrates how such names disappear from the naming practices of different countries. A separate section of the article examines the functioning of precedent names in proverbs, sayings and set expressions. The author concludes that a precedent name serves as a marker of a moral value or contraxiologeme and acts as a means of transmitting ideas about the world from one generation to another.

Keywords: precedent name, eponym, cultural code, linguistic consciousness, connotation.

Аннотация: Статья посвящена прецедентным именам, в которых закрепляется культурный код лингвокультурного сообщества. Автор описывает механизмы, благодаря которым имя собственное приобретает символическое значение. Внимание уделяется именам с отрицательной коннотацией, связанным с политикой, религией, историей и уголовной хроникой: на фактическом материале показано, как такие имена вытесняются из именослова разных стран. Отдельный раздел статьи посвящен функционированию прецедентных имен в пословицах, поговорках и устойчивых выражениях. Делается вывод о том, что прецедентное имя выступает маркером нравственной ценности или контраксиологеми и служит средством передачи представления о мире от поколения к поколению.

Ключевые слова: прецедентное имя, эпоним, культурный код, языковое сознание, коннотация.

Настоящая статья посвящена прецедентным именам, их употреблению и причинам их полного избегания в повседневной жизни. Цель статьи состоит в том, чтобы показать, как прецедентные имена закрепляются в языковом сознании носителей и как влияют на речевую практику, прежде всего на выбор личных имен и на образование устойчивых выражений. Материалом исследования послужили лексикографические источники, данные официальной статистики, а также публикации в англоязычных и российских СМИ. В работе применяются описательный и сопоставительный методы; при оценке динамики популярности имен и частотности идиом используются элементы корпусного и количественного анализа.

Ранее в лингвистике рассматривались такие явления, как прецедентный текст, прецедентное высказывание и символ прецедентного текста [5, 6, 11]. Учеными-лингвистами были предприняты попытки рассмотрения и систематизации феноменов, которые, используя термин Ю.Н. Караулова, были названы прецедентными. Определяя это понятие, он указывал на особую значимость в познавательной и эмоциональной сути понятия, выделяя «сверхличностный характер» [5].

Значительный вклад в разработку проблемы внесли представители российской школы когнитивной лингви-

стики: В.В. Красных, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, Д.В. Багаева, Е.А. Нахимова. [7, 9, 2] Именно их работы привлекли широкое внимание к данному феномену.

Также стоит упомянуть ученых, которые внесли весомый вклад в исследование данного феномена: Э.Г. Аветяна, Е. Бейтса, В. Гумбольдта, Э. Кассирера, А.Н. Леонтьева, А.Ф. Лосева, Ч.С. Пирса, Ж. Пиаже, П. Рикера, Ф. де Соссюра, А. Соломника, Р. Титоне, и других. [1, 3]

В наше время активно развивается политическая лингвистика, которая находится на стыке политологии и лингвистики. Она отражает современные реалии, новые способы ведения войн: «отмены» наций, людей, ведения информационных войн [4, 8]. В СМИ часто используется для усиления эффекта напечатанного материала, навешивания ярлыка на какое-либо событие или человека (чаще всего отрицательного, с сарказмом, иногда нейтрального). Оно применяется как оскорбление, при этом «обидчик» не боится быть привлеченным к суду за это. Один из ярких случаев произошел, когда З. Бжезинский напечатал статью в 2004 году в Wall Street Journal [16], называя В.В. Путина «Moscow's Mussolini», рассуждая о том, что тогда российский режим напоминал ему о разновидности государственного капитализма, схожего по его понятию с итальянским фашизмом. Необходимо обратить внимание на временность - темпоральность

того, что фамилии лидеров стран, партий часто используются, если речь идет о том, что будет или происходит сейчас [9].

В каждом языке существуют имена собственные, которые впоследствии становятся именами нарицательными. Например, те, которые используются в юмористической ситуации. Возьмем слова «доктор Айболит» или «Пилюлькин» – тот, кто всех лечит, предан своей профессии. Антропонимы (греч. *anthropos* — человек и *onoma* — имя) – это все те имена собственные, которые могут идентифицировать определенного человека: фамилия, имя, отчество, прозвище, псевдоним.

Особую группу составляют имена собственные, перешедшие в разряд нарицательных, так называемые эпонимы (от древнегреческого ἐπώνυμος, буквально «давший имя»). Это происходит в процессе деонимизации или эпонимизации. Между ПИ и эпонимами проходит тонкая грань. Отличительная разница заключается в характере закрепления в языке и функции слова. В случае с эпонимом имя собственное становится нарицательным и начинает обозначать предмет, какое-либо явление и открытие в какой-то отдельной ситуации. Заглавная буква упраздняется, слово используется в повседневной речи: Понци - человек-мошенник, без угрызений совести. В 1920-х годах Чарльз Понци придумал финансовую пирамиду. Был образован эпоним «схема понци», означающий финансовую аферу.

Что касается ПИ (ономастического прецедента), здесь имя собственное или слово используется как значимый образ или предмет, выражающий ценности и идеалы конкретного общества.

Пример: «Скрудж» – скряга. «Жюльен Сорель» (главный герой романа «Красное и чёрное» Стендаля) – классическое ПИ. Его имя стало нарицательным, означает честолюбивого, расчётливого юношу из низших слоев общества, пробивающего себе путь «наверх», используя женщин.

Прецедентная ситуация характеризуется наличием инварианта восприятия, набора признаков, одинаково понимаемых членами сообщества. Показателен пример имени *Иуда*, которое для большинства носителей культуры символизирует предательство. В инвариантность этой ситуации входят ее различные признаки – вы доверяете человеку, а он вас предает, доносит, и более того, может получить за это награду, но его может настигнуть возмездие. Такие признаки приобретают универсальность в обществе.

ПИ существуют в сферах политики, религии, философии, искусства, литературы и др. Обратим внимание на имена людей, чей след в мировой истории навсегда окра-

шен мрачной палитрой красок (как *Адольф Гитлер*). Имя стало отрицательно прецедентным – символом жестокого беспредела, преступных деяний в масштабах человечества. Проследим антипопулярность этих ПИ у родителей, дающих имена своим детям. Политическая сфера имеет наибольшее число негативно окрашенных ПИ:

— Имя на датском означало «благородный волк», но тиран и диктатор *Адольф Гитлер* исключил это имя из списка для любого разумного родителя. В последние годы только 100 раз имя Адольфо было дано в США и несколько человек называли Адольфус. В 2025 году этим именем были названы 5 детей. В Германии и Австрии им не называют, хотя легально оно не запрещено. ЗАГСы придерживаются политики не разрешать называть детей этими именами, если только родители не убедят, что называют, например, в честь известного художника Адольфа Бендера. В Чехии в 1939 году люди 128 раз использовали имя, в 1965–20 раз, в 1998 г. - 4 раза, далее статистика по имени в стране отсутствует (12). В России использование в шутку этого имени приводит к печальным последствиям. В Нижнем Тагиле 15 июня 2026 года задержали студента колледжа и завели на него административное дело, он, ожидая заказанную им пиццу, оставил свое имя как Адольф Гитлер [10].

— *Изида* или *Исида* (*Isis*) – до 2014 года имя было популярно, исторически связано с древнеегипетской богиней плодородия и материнства. После создания организации ИГИЛ (признана экстремистской и запрещена в России, США и многих других странах, на английском языке она пишется как *ISIS*) родители в США и Великобритании не называют своих детей этим именем. ВМО исключила *Isis* из своего списка имен, которые они дают в алфавитном порядке ураганам, заменив его на *Ivette*. [22] В поп-культуре телеканал FX, снявший сериал про шпионов *Archer*, провел ребрендинг своего центрального агентства, называвшегося *ISIS* (*International Secret Intelligence Service*) [20]. Бизнес-организация - приложение *Isis Wallet* - стала называться *Softcard*. В Англии *Isis Education Group* была переименована в *Oxford International Education Group*. [25]

— Имя *Ариен* (*Aryan* - ариец) ранее означало «благородный», имеет индоиранские корни, но идеология нацизма исказила его. Имя ассоциируется с нацизмом, символом расового превосходства. Им запрещено называть в Германии, Новой Зеландии и Португалии. В Англии и Уэльсе оно используется у 0,048% людей, в США – 0,016% [13].

— *Бенедикт* - непопулярное имя в США (на позиции #1804) [14], ассоциируется с предателем Бенедиктом Арнольдом (во времена революции в Америке в 1780 году он предал Американскую континентальную армию).

- *Бенито* (Муссолини) – культ личности, агрессивный авторитаризм, фашизм. Стоит на #3788 месте. В 2014 году в Италии родители назвали своего сына Бенито в честь дедушки. Фамилия семьи была Муссолини. Родители были вызваны повесткой в суд [23].
- *Генгхиз/ Ченгиз* (*Genghiz Khan / Genghis*) - в англоязычных странах оно ассоциируется с исторической личностью завоевателя, честолюбивым, непреклонным и жестоким правителем с глобальными амбициями, разрушающим империи с безжалостным прагматизмом. В 2024 году по популярности в США это имя стояло на #11939 месте. [21]
- *Квислинг* (фамилия) – предатель, который сотрудничает с врагом (Квислинг Видкун), многие сменили эту фамилию в Норвегии.
- *Наполеон* – человек небольшого роста с большими амбициями, приносящими проблемы для населения. При этом человек не осознает своей политической слепоты. На данный момент это имя можно считать совсем не популярным. В 1908, 1912 годах во Франции люди 23 раза называли своих сыновей этим именем, а в 1925 году всего 11 раз, с 1935 по 2024 - 0 раз [26].
- *Осама Бен Ладен* - после трагедии в Америке 11 сентября 2001 года имя означает зло, человека, основавшего террористическую организацию.
- *Пол Пот* (*Pōl Pōt*) (его настоящее имя *Салот Сар*) - ни один родитель в Камбодже не назовет ребенка именем человека, устроившего геноцид. Оно используется для обозначения массового террора, геноцида. В русском есть слово «*полпотовщина*» - эпоним, обозначающий периоды разрушительных крайностей, хаоса, уничтожения культурных и экономических институтов из-за того, что кто-то решил проводить крайне радикальные реформы.
- *Петен*, Анри Филипп – (*фр. Pétain*) человек, который с одной стороны сделал много хорошего, а с другой стороны закончил как предатель. Во Франции это имя избегают, хотя оно является традиционным.
- *Салазар* – запрещено в Португалии. Антониу ди Салазар был одиозным диктатором страны, вызывающим отвращение и неприязнь.
- *Франсиско* (Франко) – в Испании родители не называют своего сына Франсиско, если их фамилия Франко. ПИ ассоциируется с военным госпереворотом, жестокостью, авторитаризмом, фашизмом.
- *Эфялът* (*Ephialtes*) – имя ассоциируется с историческим предателем в Древней Греции. Также в современном мире лингвистически это имя переводится как «кошмар» и «ночной демон».

Приведенные примеры обнаруживают общую закономерность: имя политической фигуры, связанной с массовым насилием, диктатурой или предательством,

практически полностью уходит из именника. Политические ПИ демонстрируют, таким образом, самый жесткий механизм табуирования.

Религиозная сфера. Имя может выпадать из употребления не только из-за поступков его носителя, но и из-за сакрального статуса самого имени.

- Библейские имена, такие как *Иуда* Искарот (предатель) и *Каин* (братоубийца, завистник, изначально зло) запрещены в Испании, Германии, части Швейцарии для защиты детей от буллинга. В Англии и Уэльсе на пике популярности (2001 год) имя использовали всего лишь 0,063% людей [18].
- *Иисус*. Почти никто в Америке не называет своего сына *Иисусом*, так как это считается святотатством, за исключением американцев латиноамериканского происхождения. В Мексике это распространённое имя (*Хесус*) и всегда находится на пике популярности. В 2021 году родители дали это имя 3179 раз, в Пуэрто-Рико в 2023 году 18 раз [24]. В Новой Зеландии закон запрещает называть ребенка Иисусом Христом - имя звучит как священный титул, может оскорбить чувства верующих и навредить ребенку.
- *Сэди* (Сьюзан Дениз Аткинс, внутри своей коммуны она носила кличку «Сэди Мэй Глатц» – в контексте дела секты Чарльза Мэнсона) — это ПИ. Она являлась главной убийцей актрисы Шэрон Тейт, которая была в положении, и супружеской пары Ла Бианка в 1969 году. В лингвистике и культуре оно символизирует бездумную, фанатичную преданность деструктивному лидеру и абсолютную жестокость.
- *Язид* (Калиф) – является запрещенным именем среди мусульман шиитов в южной части Ирака, в Иране, Ливане. Означает убийцу.
- *Иоанн* (*Джон*) – в семье монархов Великобритании стараются не называть мальчиков этим именем из-за действий Иоанна (Джона) Безземельного, короля, потерявшего английские владения во Франции и вынужденного под давлением баронов подписать Великую хартию вольностей. Это имя ассоциируется с позором, является именем неудачника для монаршей особы.

Этот блок примеров доказывает, что в религиозной сфере действуют два разнонаправленных механизма. С одной стороны, имена предателей и убийц табуируются так же, как имена диктаторов. С другой стороны, имя может избегаться из-за своей святости. Прецедентность здесь напрямую зависит от конфессиональной и национальной традиции.

Перейдем к именам, получившим прецедентность в связи с громким уголовным делом и событием из мира спорта.

- *Майра* (Myra) – имя непопулярное у поколения среднего и старшего возраста населения Шотландии и Северной Ирландии. Ассоциируется с детоубийцей Майрой Хиндли.
- *Кейтлин* (Caitlyn) – ассоциация с трансгендерами в США, оно стало культурным символом. Имя стало прецедентным после того, как бывший олимпийский чемпион Брюс Дженнер объявил в 2015 году, что «она [он] теперь трансгендер». Еще в те времена американцы придерживались консервативных взглядов и не одобряли движение ЛГБТ. Имя в его четырех версиях (Caitlin, Caitlyn, Katelynn, Kaitlynn) резко потеряло популярность. Люди перестали давать его своим детям. Оно и так до этого понемногу теряло позиции, а из-за поступка Б. Дженнера стало противоречивым [17, 19]. Согласно данным, опубликованным Social Security Administration на площадке X [сеть заблокирована в РФ], имя с 588 позиции самых популярных имен в 2016 году выпало из топ-1000 [15].

Примеры показывают, что для табуирования имени не нужны исторический масштаб и десятилетия: достаточно одного резонансного события, широко освещенного в СМИ, чтобы имя за один-два года потеряло популярность. Это подтверждает темпоральный критерий прецедентности. Обратимся к литературной сфере, где источником прецедентности выступает не реальное лицо, а художественный текст.

- *Альфонс* (сленг для сутенера из книги «Месье Альфонс») – человек, проживающий за счет своих дам, не имеющий своих средств, в Польше не называют детей этим именем, в восточной Европе избегают его.
- *Лолита* – нимфетка. После публикации романа В. Набокова имя резко потеряло популярность. Роман был опубликован в США в 1958 году. К 1974 году оно выпало из рейтинга 1000 популярных имен. Имя связано с определённым текстом.

Литературные примеры доказывают, что художественный текст способен влиять на имя не слабее, чем исторические события. Различается лишь источник ассоциации: историческая память или культурный текст.

Пословицы и поговорки, в которых используются ПИ и прецедентный текст, исторические и мифологические прецеденты:

- *If the mountain will not come to Mohammed, then Mohammed must go to the mountain* – «Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе». Происхождение: из легенды о пророке Магомете. Значение: если ситуация или человек отказываются идти вам навстречу, вы должны адаптироваться к обстоятельствам самостоятельно.

- *To rob Peter to pay Paul* – «Ограбить Петра, чтобы заплатить Павлу». Это отсылка к исторической практике в Англии: средства, предназначенные на ремонт собора Святого Петра, использовали для финансирования собора Святого Павла. Значение: взять у одного человека, чтобы отдать другому, т.е. решение одного краткосрочного долга за счет нового.
- *Meet your Waterloo* («Встретить свое Ватерлоо»): означает потерпеть сокрушительное поражение. Выражение отсылает к битве при Ватерлоо 1815 года, где Наполеон Бонапарт потерпел свое финальное поражение.
- *Pyrrhic victory* («Пиррова победа»): победа, которая наносит победителю настолько сокрушительный урон, что она равносильна поражению. Названа в честь царя Пирра Эпирского, который понес невосполнимые потери, побеждая римлян в битве при Аускуле в 279 году до н.э.

Следует подчеркнуть, что идиомы с именами собственными не часто употребляются в повседневной устной и письменной речи.

- *Don't be a Quisling* («Не будь Квислингом»): термин, синонимичный слову «предатель» (Видкун Квислинг, норвежский офицер и политик, который сотрудничал с нацистской Германией во время Второй мировой войны).
- *Draconian laws* («Драконовские законы», в русском «драконовские цены» – заоблачные): относится к крайне суровым, жестоким, непомерным или строгим правилам и наказаниям. Названы в честь Дракона (Драконта), законодателя в Афинах VII века до н. э., который кодифицировал законы города, введя смертную казнь почти за каждое правонарушение.

Библейские прецеденты:

- *As wise as Solomon* – «Мудр как Соломон» (основано на образе библейского царя Соломона, прославившегося своим высшим судом и мудростью). Это человек с блестящим интеллектом, принимающий здравые решения.
- *As patient as Job* – «Терпелив как Иов». Происхождение: отсылает к библейскому персонажу Иову, который перенес огромные трагедии, но никогда не терял веры. Означает спокойствие и выносливость.
- *As old as Methuselah* – «Стар как Мафусаил» (из еврейской Библии, где Мафусаил дожил до рекордного возраста в 969 лет). Значение: гиперболическое описание невероятно старого человека или предмета.

Литературные и фольклорные прецеденты:

- To carry coals to Newcastle* – «Возить уголь в Ньюкасл».

Ньюкасл – известный исторический центр угледобычи в Англии; привозить туда уголь бессмысленно. Значение: совершение чего-то абсолютно излишнего или пустая трата усилий на задачу, которая уже выполнена. В русском языке есть похожая фраза: «Ездить в Тулу со своим самоваром». Идиомы, основанные на именах, устойчивые выражения с личными именами целесообразно группировать не по алфавиту, а по механизму их образования. Проанализировав, выделим четыре основные модели:

- Первая модель строится на аллитерации: имя и характеристика начинаются с одного звука, что делает выражение легко запоминающимся и придает ему шуточный оттенок. Сюда относятся *Chatty Cathy* (болтливая женщина, трещотка), *Dumb Dora* (недалекая женщина), *Gloomy Gus* (угрюмый, вечно недовольный человек) и *Negative Nancy* (пессимист, все критикующий).
- Вторая модель использует рифму между именем и определением: *Handy Andy* (мастер на все руки), *Plain Jane* (девушка с заурядной внешностью), *Joe Blow* (обычный, ничем не примечательный человек). Рифмованная структура выполняет ту же мнемоническую функцию, что и аллитерация.
- Третья модель отсылает к реальному лицу: *Typhoid Mary* (разносчик болезни или неприятностей, по имени Мэри Мэллон, бессимптомной носительницы брюшного тифа), *Smart Aleck* (самодовольный всезнайка, по прозвищу мошенника XIX века), *Peeping Tom* (вуайерист, по имени персонажа легенды о леди Годиве), *Jack the Lad* (самоуверенный беззаботный молодой человек, прославившийся побегами из тюрьмы).
- Четвертая модель опирается на вымышленного персонажа, литературного, фольклорного или би-

блейского: *Doubting Thomas* (скептик, требующий доказательств, по имени апостола Фомы), *Simple Simon* (доверчивый простак из детского стихотворения), *Joe Cool* (человек, старающийся выглядеть невозмутимым и модным, по имени альтер-эго *Снупи* из комикса *Peanuts*), *Mary Sue* (нереалистично идеальный главный герой).

Отметим, что модели могут совмещаться: в *Chatty Cathy* аллитерация поддержана отсылкой к говорящей кукле 1960-х годов, а в *Gloomy Gus* созвучие сочетается с именем персонажа комиксов. Особняком стоят выражения *Average Joe* и *Joe Six-Pack*, где работает не созвучие, а сама частотность имени: Джо выступает как обозначение типичного представителя общества, подобно русскому Иван Иванович.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что ПИ закрепляется в языковом сознании носителя как своеобразный знак, отсылающий к той или иной нравственной ценности или, напротив, к тому, что общество ценностью не признает. Само слово, называющее такую ценность, принадлежит к абстрактной лексике и обладает семантикой особого, двойственного устройства. В его смысловой структуре сосуществуют два значения, отличающиеся друг от друга уровнем отвлеченности: одно опирается на денотат, то есть вырастает из чего-то физически осязаемого, существующего в реальности, тогда как второе восходит к сигнификату, представляющему собой чистую идею, которую люди формируют мысленно и воспринимают в качестве своего рода образца, нормы. Язык не только фиксирует и отражает общие представления, но и одновременно служит каналом, по которому они передаются от старших поколений к младшим, обеспечивая тем самым преемственность культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аветян Э.Г. Смысл и значение. Ереван, 1979.
2. Багаева Д.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Красных В.В. Прецедентные тексты и проблема восприятия русского текста в иноязычной аудитории. Сборник: Актуальные проблемы языкознания. Сб. работ молодых ученых филологического факультета МГУ им.М.В.Ломоносова, 1998, М., 169-179с
3. Бейтс Е. Интенции, конвенции и символы // Психоллингвистика. М., 1984. - С. 50–102.
4. Будаев Э.В. Современная политическая лингвистика / Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2006. – С. 267
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
6. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. 1994, №1.
7. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? 2003, Место ИТДГК «Гнозис», М., - С.375.
8. Лукина Ю.В. Роль политической лингвистики в обострившихся международных отношениях. В сборнике: Новый мир. Новый язык. Новое мышление. Сборник материалов VIII международной научно-практической конференции (филология, педагогика и межкультурная коммуникация). М., 2025. - С. 536–541.
9. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в президентском дискурсе, Политическая лингвистика. - Вып. 2 (22). - Екатеринбург, 2007. - С.44-48
10. Студенту в Нижнем Тагиле дали пять суток за заказ пиццы на имя Гитлера, Коммерсант, 2026: // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8740792>
11. Супрун А.Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. 1995, № 6. - С. 17-29.
12. Adolf Behind the name: //URL <https://www.behindthename.com/name/adolf/top/czechia>
13. Aryan Behind the name; //URL <https://www.behindthename.com/name/aryan/top/england-wales>
14. Benedict The bump: // URL <https://www.thebump.com/b/benedict-baby-name>
15. Berk C., Caitlyn Jenner 'Killed the Name Caitlyn' After Transitioning to a Woman, Social Security Data Reveals, AOL 2016: // URL: <https://www.aol.com/>

- entertainment/caitlyn-jenner-killed-name-caitlyn-215936422.html
16. Brzezinski Z., Moscow's Mussolini, WSJ opinion, 2004: //URL: <https://www.wsj.com/articles/SB109563224382121790>
 17. Caitlyn plunges in popularity as baby name on Social Security's list, CBS news, 2017: //URL: <https://www.cbsnews.com/news/caitlyn-baby-name-unpopular-social-security-administration-list/>
 18. Cain Behind the name: URL// <https://www.behindthename.com/name/cain/top/england-wales>
 19. Don't call me Caitlyn: Baby name plunges in popularity, Associated press, 2016://URL:<https://eu.jacksonville.com/story/news/nationworld/2017/05/12/don-t-call-me-caitlyn-baby-name-plunges-popularity/15754771007/>
 20. Fitzpatrick M., Women named Isis face backlash over Islamic State acronym, CBC news, 2014: // URL: <https://www.cbc.ca/news/world/women-named-isis-face-backlash-over-islamic-state-acronym-1.2799385>
 21. Genghis Baby center: //URL <https://www.babycenter.com/baby-names/details/genghis-591895>
 22. 'Isis' dropped from UN hurricane name list, Environment, Agence France-Press, 2015: // URL: <https://www.rappler.com/environment/90295-isis-dropped-un-hurricane-name-list/>
 23. Italian parents who named their son Benito Mussolini receive court summons, the Journal, 2018: //URL: <https://www.thejournal.ie/benito-mussolini-italy-4035803-May2018/>.
 24. Jesus Behind the name: URL // <https://www.behindthename.com/name/jesus/top/puerto-rico?type=sample>
 25. Language school ditches 'Isis' name, 2015, BBC, //URL: <https://www.bbc.co.uk/news/education-32381814>
 26. Napoleon Behind the name: URL// <https://www.behindthename.com/name/napoleon/top/france?type=percent>

© Лукина Юлия Владимировна (yulka1u@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ В ГОРОДСКИХ НОМИНАЦИЯХ

PRECEDENT IN URBAN NOMINATIONS

**O. Nikitina
T. Ivanova**

Summary: This article examines the specific functioning of precedent phenomena in urban nominations. The relevance of this study stems from the fact that the names of intracity objects always reflect the preferences of a linguistic personality, influence their linguistic taste, and shape their linguopragmatic and sociocultural potential. Precedent texts and names themselves constitute a person's background knowledge, possess general cultural significance, are part of the historical memory of an ethnic group, and knowledge of them is considered an indicator of an individual's education. Performing nominative, identifying, and expressive functions, representing aesthetic values, possessing additional semantic load and evaluative value, and characterized by playful techniques, they always maintain the interest of city residents. The authors of the article present a classification of precedent phenomena using signs in the city of Saratov as an example. The article's source material includes names taken from Saratov city information websites, periodicals, and a card index of commercial city designations compiled by the authors over the years. An analysis of the verbal-semantic and extralinguistic levels of the designations allows us to identify various precedent phenomena that, in modern linguistic conditions, generate risk or, conversely, contribute to its elimination. The inclusion of precedent names is regarded as a manifestation of the creative individuality of the authors who create city designations, their desire and ability to depart from linguistic templates and clichés. However, sometimes variants of designations are used, which do not always facilitate unambiguous perception and increase the gap between the addresser and the addressee. The authors describe precedent names that lose their common meaning, focusing on variations in occasional word usage during the transformation of precedent names, and cases of their distortion in city designations.

Keywords: commercial nomination, linguoecology, precedent names, riskiness.

Никитина Ольга Вячеславовна

Кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО
Саратовская государственная юридическая академия
wetlinaow@mail.ru

Иванова Татьяна Владимировна

Кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО
Саратовская государственная юридическая академия
tania.iwanova@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена специфике функционирования прецедентных феноменов в городских номинациях. Актуальность исследования обусловлена тем, что наименования внутригородских объектов всегда отражают предпочтения языковой личности, влияют на ее языковой вкус, формируют лингвопрагматический и социокультурный потенциал. Прецедентные тексты и имена сами по себе являются фоновыми знаниями человека, обладают общекультурным значением, входят в понятие исторической памяти этноса, а владение ими считается показателем образованности личности. Выполняя номинативную, идентифицирующую и экспрессивную функции, репрезентируя эстетические ценности, обладая дополнительной смысловой нагрузкой и оценочностью, характеризуясь игровыми приемами, они всегда поддерживают интерес горожан. Авторами статьи представлена классификация прецедентных феноменов на примере вывесок г. Саратова. В качестве источника материала статьи использованы наименования, взятые с информационных сайтов г. Саратова, из периодической печати, а также созданная авторами в разные годы картотека коммерческих номинаций города. Анализ вербально-семантического и экстралингвистического уровней номинаций позволяет выявить различные прецедентные феномены, которые в современных языковых условиях порождают рискогенность или, наоборот, способствуют ее устранению. Включение прецедентных имен расценивается как проявление творческой индивидуальности авторов-создателей городских номинаций, их желания и способности отойти от языковых шаблонов и штампов. При этом иногда используются варианты номинаций, не всегда способствующие однозначному восприятию и увеличивающие разрыв между адресантом и адресатом. Авторы описывают прецедентные имена, теряющие свое узальное значение, уделяют внимание вариантам окказионального словоупотребления при трансформации прецедентных имен, случаям искажения их в городских номинациях.

Ключевые слова: коммерческая номинация, лингвоэкология, прецедентные имена, рискогенность.

Городские номинации представляют собой особое лингвистическое явление, в котором отражаются эпоха, национально-культурные традиции, предпочтения языковой личности, ее творческий потенциал. Творческая индивидуализация номинации как реализация интенций имядателя уйти от стереотипности в сторону вариативности и неповторимости порождает различные приемы сознания подобных наименований (например, приемы регионального имени, оценочных номинаций, ассоциаций и языковой игры).

Активно используемый ранее прием создания номинаций на основе иностранных слов или латиницы в настоящее время остается дискуссионным, поскольку законодательные документы однозначно указывают на ограничение использования иностранных слов в рекламе недвижимости или информации, предназначенной для потребителей и размещенной в публичном пространстве, если есть аналоги на русском языке¹. В связи с этим актуализируется интерес к другим способам

¹ См.: Федеральный закон от 01.06.2005 N 53-ФЗ (ред. от 22.04.2024) «О государственном языке Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Федеральный закон от 24.06.2025 N 168-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

творческой индивидуализации, среди которых особое место занимает прием прецедентного феномена. Изучение обозначенного научного явления применительно к городским наименованиям представляется актуальным, т.к. позволяет не только обосновать правомерность этого подхода к формированию коммерческих номинаций, но и описать стереотипный образно-ассоциативный комплекс, значимый для жителей г. Саратова. Внимание к прецедентным феноменам, порождающим рискогенность (т.е. возможность недостижения целей коммуникации) или способствующим ее устранению, имеет практическое значение, т.к. позволяет создать базу продуктивных коммерческих имен.

Понятие «прецедент», изначально широко используемое в сфере юриспруденции, активно распространяется и в культурно-языковом пространстве в значении «феномен первичного образа» [Ковалев 2004: 273].

В языкознании понятие «прецедентность» соотносится с изучением слов (имен), выражений и текстов, которые не только легко узнаются и воспроизводятся носителями языка, но и обладают высокой эмоциональной нагрузкой. Интерес к таким языковым единицам, заложенный еще в работах Ю.Н. Караулова [Караулов 1987] и Г.Г. Слышкина [Слышкин 2000], не утрачивается и в современной научной парадигме.

Под прецедентными феноменами в современной лингвистике принято понимать группу вербальных или вербализуемых феноменов, которые являются хорошо известными представителям национально-лингвокультурного сообщества, постоянно возобновляются в их речи, входят в когнитивную базу данного сообщества [Красных 1997: 9]. Они всегда отражают национальные культурные традиции в оценке и восприятии исторических личностей, памятников литературы, произведений живописи и архитектуры.

Среди научных публикаций выделим теоретические работы, в которых наблюдается освоение и уточнение терминологического аппарата. Рассуждая о сущности, их структуре и особенностях функционирования прецедентных единиц, ученые единодушно выделяют в составе прецедентных феноменов прецедентный текст, прецедентную ситуацию, прецедентное высказывание и прецедентное имя [Захарченко 1997: 83; Красных 2002: 47–49].

Н.А. Голубева, систематизируя прецедентные явления, обуславливает существование категории прецедентных единиц, под которыми понимаются «лингвокогнитивные знаки, вербальные носители прецедентов в широком смысле» [Голубева 2008: С. 57]. Поясняя свою мысль, исследователь указывает: «ПЕ (прецедентные единицы) номинируют ПФ (прецедентные феномены) и ПСФ (прецеденты с определенной степенью феноменологичности)» [Голубева 2008: С. 57]. Последними ученый

считает производные номинативные знаки, которые фиксируют работу «лингвистической памяти».

К приему прецедентного феномена относят и прецедентный знак, под которым имеют в виду «графический элемент, минимальную единицу передачи информации (букву, знак препинания и проч.)» [Высотская 2012: 134].

Практический ракурс изучения прецедентных феноменов связан с исследованием целесообразности их использования в отдельных сферах коммуникации: политической [Нахимова 2018] и судебной [Станиславский 2025].

Продолжая практический вектор изучения прецедентных феноменов, в настоящей статье обратимся к прецедентным именам как способу создания номинаций, объединяющих оценочный, прагматический и эстетический потенциал личности. В городских номинациях Саратова представлены разные виды наименований:

- прецедентные имена, называющие исторических деятелей, писателей, композиторов: гостиница *Андерсен*, кафе *Ремарк*, бар *Маяковский*, ритуальное агентство *Рюрик*, салон цветов *Вивальди*, кофейня *Чехов*, салон красоты *Мерлин Монро*;
- прецедентные имена, включающие названия известных литературных произведений и персонажей: универмаг *12 стульев*, зоомагазины *Айболит*, *Умка*, продуктовые магазины *Теремок*, *Золотой петушок*, *Колобок*, *Куручка Ряба*, ателье вышивки *Обломов*, бар *У Швейка*, кафе *Емеля*, *Буратино*, *В сетях Русалки*, парикмахерский салон *Багира*, бистро *Синьор Помидор*, тир *Робин Гуд*, кафе-бистро *Фигаро*, магазин отделочных материалов *Старик Хоттабыч*, оптово-розничная база строительных материалов *Левша*;
- прецедентные имена, представляющие собой наименования людей, характеризующие ту или иную историческую эпоху, но вышедшие из активного словоупотребления: спортивный клуб *Гладиатор*, продуктовый магазин *Ратник*, магазин пива *Кардинал*, гостиница *Барин*;
- прецедентные имена, обозначающие мифологических героев: агентство по туризму *Пандора*, магазин сантехники *Нептун*, салон-парикмахерская *Галатhea*, студия красоты *Исида*;
- прецедентные имена, включающие названия отечественных (чаще советского периода) и зарубежных фильмов: ресторан *Мимино*, ресторан-клуб *Джентльмены удачи*, строительный магазин. *С легким паром*, театральное кафе *Пятый элемент*;
- прецедентные имена, включающие названия песен: киоск фастфудной продукции *Трололо*;
- прецедентные имена, в основу которых положены афоризмы, фразеосочетания: салон красоты *Нота bene*, свадебный салон *Совет да любовь*, трактиры *Тары-бары*, *Ёлки-палки*.

Как считают исследователи, в большинстве случаев прецедентные имена «в процессе рекламной номинации часто теряют свое узусное значение» [Романова 2016: 141]. В последнее время прецедентное имя в название коммерческих организаций «включается не в качестве носителя определенной информации о некой эталонной ситуации или лице, обладающем определенным набором личностных характеристик, а как «созвучное» концепции предприятия» [Рязанова 2006: 129], которая обычно представлена в небольших информационных сообщениях на официальных сайтах коммерческих заведений. Так, названием ретро-бара *Чапаяв* подчеркиваются лишь созданный в заведении антураж, «атмосфера героического прошлого нашего государства», с отдельными предметами, похожими на музейные экспонаты. Название ресторана *Али-баба* не указывает на семантическую связь с самим героем известных восточных сказок, а способствует только ассоциации с миром Востока, его гостеприимством, изобилием традиционных ярких узоров в бытовом убранстве.

Использование приема прецедентного феномена следует расценивать как проявление творческой индивидуальности авторов-создателей городских номинаций, их желания и способности отойти от языковых шаблонов и штампов. В целом творческое начало несколько не мешает восприятию, напротив, способствует воспитанию культурного вкуса городского населения. Прецедентные имена сами по себе являются фоновыми знаниями человека, входят в понятие исторической памяти этноса, а владение ими считается показателем образованности личности. Выполняя номинативную и экспрессивную функции, репрезентируя эстетические ценности, они поддерживают интерес горожан.

Например, название продуктового магазина *Сары Тау* напоминает об истории происхождения названия города. По одной из легенд Саратов получил свое имя по тюрко-татарскому названию Соколовой горы «сары тау» (в переводе – «желтая гора»). Вполне мотивированной в этом плане становится номинация современного торгового центра *ТАУ Галерея*, замысел которой имядателями позиционируется как «новая легенда города, новая сказка, которую обретут жители Саратова». В лингвокультурном пространстве Саратова подобные номинации представляются особенно важными, не рискогенными, поскольку создают местный колорит и знакомят горожан и туристов с особенностями жизни и быта саратовцев.

Однако использование прецедентного имени не всегда способствует однозначному восприятию и может увеличить разрыв между адресантом и адресатом. Речь идет о номинациях, рискогенность которых повышается. Так, название бистро *Бенди* одни носители языка могут воспринимать как имя титульного мультипликационно-

го персонажа из серии известных молодому поколению мультфильмов о Бенди, созданных американской анимационной студией «Джоуи Дрю», другие будут ассоциировать это название с вариантом хоккейной игры. И в первом, и во втором случае название может быть рассчитано только на конкретную целевую аудиторию: либо любителей мультипликации, либо знатоков известной игры.

Опыт общения авторов статьи со студенческой аудиторией показывает, что некоторые наименования, связанные с прецедентными именами, в условиях «культурного провала» становятся непонятными представителям младшего поколения. Часто вызывает затруднение осмысление названий салона красоты *Бегущая по волнам* (название романа А. Грина), кафе *Баязет* (название романа В. Пикуля), ресторана *Мимино* (название советского фильма известного режиссера Г. Данелии), продуктового магазина *Фрея* (имя предводительницы валькирий, небесных дев-воинов на крылатых конях в мифологии), парикмахерского салона *Миледи* (имя героини романа А. Дюма «Три мушкетера»), салона цветов *Вивальди* (фамилия знаменитого итальянского композитора). В наименовании парикмахерской *Севильский цирюльник* вполне понятным аудитории оказалось устаревшее слово «цирюльник», но прилагательное к нему «севильский» уже известно далеко не каждому (Севилья – город, где происходит действие комедии П. Бомарше).

Стоит указать на довольно спорные с точки зрения рискогенности примеры окказионального словоупотребления при трансформации прецедентных имен и высказываний. Название автомойки *Чистота спасет мир* привлекает своей творческой оригинальностью, так как перефразирует известный афоризм и одновременно отражает спектр услуг предприятия, но при этом, к сожалению, меняет представление о первичном афоризме писателя Ф.М. Достоевского «Красота спасет мир».

К недопустимым следует отнести случаи искажения в городских номинациях прецедентных имен. Так, вывески Саратова предлагают три варианта имени сказочного героя – сауна Аладин, кафе Алладин, гостиница Аладдин. С орфографической точки зрения верный вариант представлен только в названии гостиницы, в двух других допущены орфографические ошибки.

Ошибочные с точки зрения орфографии и грамматики номинации свидетельствуют не только о языковой безграмотности их создателей, но и о нарушении Федерального закона «О государственном языке РФ», согласно которому при использовании русского языка как государственного (а сфера городских номинаций сюда относится) не допускается употребление слов и выражений, не соответствующих нормам литературного языка.

Наряду с прецедентными именами в коммерческих

наименованиях г. Саратова используются прецедентные знаки:

- буква Ъ («ер»): продуктовые магазин *Купецъ*, рестораны *Русский векъ*, кондитерская *Отъ Прачкина*, магазин мебели *Фабрикантъ*, антикварный магазин *Антикваръ*, пекарня *Припекъ*, магазин товаров для праздника *Шар Шарычъ*, барбершоп *Баринъ*;
- восклицательный знак (пунктограмма): магазин продуктов *Классно!*, аптека *Будь здоров!* магазин подарков *Очень!*;
- хеш-символ (знак решетки): *#ДЕШЕВЛЕ.NET*, *Щи#Борщи*;
- цифровые обозначения: торгово-производственная компания *Шкаф19*, производственно-торговая компания *Стулья 64*, садовый магазин *Полив 64*, магазин мебели для кухни *Купимебель – 64*, магазин цветов *Цветы 24*.

Приведенные в вывесках прецедентные знаки являются средством визуального воздействия на адресата, позволяют эргономическим единицам выполнять прагматическую функцию привлечения внимания потенциального потребителя. Исследователи считают прецедентные знаки носителями особых кодов: «ретрокодов» и «ксенокодов», несущих помимо основного назначения «дополнительную информацию о своей архаичности или иноязычности» [Шмелева 2019: 53].

Если оценивать их использование с учетом русской языковой культуры, то включение элемента дореформенного русского алфавита (буквы «ѣ») представляется наиболее удачным вариантом, поскольку обращает нас к русской традиции, истории языка, его развитию. Однако следует обратить внимание на нетрадиционное использование знака «ѣ» в середине сложного слова, например магазин хозяйственных товаров *ЭКОНОМЪБЫТ*.

Хеш-символ в городских номинациях появился в связи с цифровизацией общения. Пользователям социальных сетей он нужен для того, чтобы объединить группу сообщений по одной теме, обычно его размещают перед главным словом. Однако поскольку хеш-символ не был присущ русской типографике и не получал своего применения вплоть до конца XX века, то и для городских номинаций не стал традиционным. Его использование в качестве разделительного знака между самостоятельными словами противоречит графической системе русского языка и может способствовать повышению рискогенно-

сти, если воспринимается людьми старшего поколения.

Использование цифровых обозначений в номинациях в определенной степени можно считать оправданным. Они вносят смысловые оттенки и дополняют информацию об объекте номинации. Так, цифра 64, известная каждому саратовцу как обозначение региона, содержит указание на то, что продукция выпущена саратовским производителем, цифра 24 в названии ориентирует покупателя на круглосуточную торговлю товарами. Однако рискогенными можно считать номинации типа *Шкафы 19*, кальянная *К4*. Первая, возможно, будет понятна только специалистам, так как используется для названия металлических боксов, имеющих 19-дюймовые крепления для установки в них различного оборудования; вторая требует дополнительных разъяснений: название кальянной *К4* связано, скорее всего, с указанием места нахождения заведения – ул. Набережная Космонавтов, д.4.

Долгое время при создании коммерческих наименований г. Саратова использовались прецедентные знаки, например, буквы латинского алфавита, расположенные в разных частях слова (продуктовый магазин *Берѣзка*, ночной клуб *Зажигалка*, бар *КефуR*); знак & (амперсанд), заимствованный из английского языка (киоск фастфудной продукции *Мясо&Тесто*, магазин корпусной мебели *Стол&Стулья*, ресторан *N&B*, магазин одежды *Дубленки&Кожа*, отель *X&O*, багетная мастерская *Арт&Шок*, студия *Маникюр&Педикюр*). Однако в настоящее время в связи с законодательными изменениями подобные наименования стали рискогенными, не отвечающими принципам языковой политики, вследствие этого непродуктивными.

Таким образом, прецедентные феномены становятся неотъемлемой частью языкового ландшафта современного города. Прецедентные имена и знаки позволяют выполнять прагматическую функцию и сами по себе отражают культурные процессы, происходящие в обществе, динамику культурной памяти – одной из ключевых проблем современного гуманитарного знания. Однако при использовании прецедентных феноменов имядатели должны учитывать определенные факторы: прецедентные имена могут привлечь к себе внимание только в том случае, если они всегда остаются узнаваемыми адресатом, не приводят к созданию когнитивного диссонанса у потребителей, не вызывают у них неожиданных ассоциаций, т.е. использование прецедентного имени должно стать коммуникативно целесообразным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голубева Н.А. Прецедент и прецедентность в лингвистике / Н.А. Голубева // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. № 3-2. С. 56-61.
2. Высотская И.В. О прецедентном знаке / И.В. Высотская // Вестник НГУ. Серия: История, филология, 2012. Т.11, выпуск 6: Журналистика. С. 134–141.

3. Захарченко И.В. Прецедентное имя, прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И.В. Захарченко, В.В. Красных, Д.Б. Гудков // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. 1997. Вып. 1. С. 82–103.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. М.: Наука, 1987. 261 с.
5. Ковалев Г.Ф. Прецедентное имя собственное в тексте рекламы / Г.Ф. Ковалев // Феномен прецедентности и преемственность культур / под общ. ред. Л.И. Гришаевой, М.К. Поповой, В.Т. Титова. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. С. 273–289.
6. Красных В.В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований / В.В. Красных // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Филология, 1997. Вып. 2. 124 с.
7. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В.В. Красных. М.: МГУ, 2002. 284 с.
8. Нахимова Е.А. О классификации и дифференциации видов прецедентных феноменов в политической коммуникации / Е.А. Нахимова // Политическая лингвистика. 2018. № 1. С. 41–46.
9. Романова Т.П. Актуализация компонентов коммерческого послания в рекламной номинации / Т.П. Романова. Вопросы ономастики. 2016. Т. 13. № 1. С. 140–150.
10. Рязанова М.С. Прецедентные имена в рекламе / М.С. Рязанова. Известия УрГУ. 2006. № 50. Филология. С. 129–156.
11. Слышкин Г.Г. От текста к символу. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г.Г. Слышкин. М.: Academia. 2000. 128 с.
12. Станиславский Р.А. Прецедентные тексты в судебной речи (на материале защитительных речей дореволюционных и современных ораторов) / Р.А. Станиславский, С.А. Станиславская // Фундаментальные и прикладные исследования молодых ученых: сборник научных трудов XV Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Новокузнецк, 07–25 апреля 2025 года. Новокузнецк: Кемеровский государственный университет, 2025. С. 736–740.
13. Шмелева Т.В. Поликодовость городского ономастикона / Т.В. Шмелева. Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6. № 1. С. 51–66.

© Никитина Ольга Вячеславовна (wetlinaow@mail.ru), Иванова Татьяна Владимировна (tania.iwanova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

БИНАРНАЯ ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ/ЧУЖОЙ» В РОМАНЕ М. ПАВИЧА «ПЕЙЗАЖ, НАРИСОВАННЫЙ ЧАЕМ»

Николич Милица

младший научный сотрудник, Московский
государственный лингвистический университет
m.nikolich@linguanet.ru

THE BINARY OPPOSITION "SELF/OTHER" IN M. PAVICH'S NOVEL "A LANDSCAPE PAINTED WITH TEA"

M. Nikolich

Summary: The article is devoted to the study of the binary opposition "self/other" in the context of the main character's transformation from the Serb Atanas Svilar to the Russian Afanasy Fedorovich Razin in M. Pavich's novel "A Landscape Painted with Tea". The study focuses on the role of M. Pavich's authorial myth and the chronotope of the Holy Mountain as the source of Atanas's change, as well as the Russian cultural space that emerges because of his transformation. It is concluded that Russian culture is conceptualized as "self" in relation to the hero's identity and plays a key role in preserving his connection with his lost essence. In turn, the materialistic civilization of the Western world is presented as "other" and hostile space. It embodies the hero's break with the Byzantine-Holly Mountain tradition and leads to his moral degradation.

Keywords: Russian culture, the western world, The Holly Mountain, authorial myth, self/other, self-discovery.

Аннотация: Статья посвящена исследованию бинарной оппозиции «свой/чужой» в контексте трансформации главного героя из серба Атанаса Свилара в русского Афанасия Федоровича Разина в романе М. Павича «Пейзаж, нарисованный чаем». Основное внимание в работе уделено роли авторского мифа М. Павича и хронотопу Святой Горы в романе как истоку изменения Атанаса, а также русскому культурному пространству, которое появляется в результате его трансформации. В итоге установлено, что русская культура осмысливается как «своя» по отношению к личности героя и играет ключевую роль в сохранении связи с его утраченной сущностью. В свою очередь, чужим и враждебным пространством оказывается материалистическая цивилизация западного мира. Она олицетворяет разрыв героя с византийско-святогорской традицией и приводит его к моральной деградации.

Ключевые слова: русская культура, западный мир, Святая Гора, авторский миф, свой/чужой, самопознание, трансформация.

Настоящая работа посвящена природе восприятия русской культуры как своей или чужой в контексте трансформации главного героя Атанаса Свилара из серба в русского Афанасия Федоровича Разина в романе Милорада Павича «Пейзаж, нарисованный чаем» (1988).

Вопрос о разделении людей на категории «свой» и «чужой» представляется особо актуальным в современном мире, в котором межкультурная коммуникация стала повседневным явлением, а собственная культурная идентичность осмысливается во взаимоотношениях с иной [Ильинская, Бирженюк, Ременюк, 2023, с. 169–170]. В этом плане, ключевое влияние оказали теории диалога культур М.М. Бахтина и Ю.М. Лотмана, в основу которых лежит идея о том, что «личность может существовать, если ей предшествует другая личность, тексту – другой текст и культуре – другая культура» [Панова, 2009, с. 57]. Такая тенденция стала одним из ключевых аспектов постмодернистской картины мира, в том числе поэтики Милорада Павича. Писатели создают разные культурологические модели с помощью мифологии (нередко, авторских мифов), архетипов, фантастики и истории. В связи с тем, что оппозиция «свой/чужой» является фундаментальной характеристикой мифологического мира, а в постмодернистских текстах миф «заменяется более широким понятием культуры» [Слащёва, 1997, с. 52],

данная оппозиция будет рассматриваться нами по отношению к культурным средам, которые в определенной мере влияют на личность и деятельность главного героя в «Пейзаже, нарисованном чаем».

Необходимо отметить, что «свое/чужое» воспринимается писателем как противостояние «двух миров: «своего» маркируемого положительно, и «чужого», маркируемого отрицательно», между которыми стоит незыблемая граница [Слащёва, 1997, с. 47–48]. К тому же, Е.В. Шатко пишет, что для «ряда персонажей характерна перцепция знакомого пространства как некоего «своего» центра, тогда как неизведанное представляется чуждым, и, как следствие, враждебным» [Шатко, с. 145, 2024]. Соответственно, под чужим имеется в виду не просто иная культура, но та, которая обладает негативной коннотацией и представляет угрозу для личности героя. Кроме того, «что есть «свое» или «чужое» определяется во многом менталитетом и укоренено в сознании на глубинном архетипическом уровне» [Ильинская, Бирженюк, Ременюк, 2023, с. 170]. Восприятие героев Павича внешнего и внутреннего миров в значительной мере сопряжено с культурным наследием их народа и семейными историями.

В «Пейзаже, нарисованном чаем» Павич воплощает сербско-русский культурный диалог сквозь призму

смены национальности главного героя-серб Атанаса Свилара. На развитие сюжета также влияет западная культура, поскольку герой отправляется в Америку, откуда возвращается «обладателем двух процентов мирового дохода от применения ядерной энергии в мирных целях» [Павич, 2002, с. 26], и русским Афанасием Федоровичем Разиным. Вопрос о природе восприятия и роли русской культуры в романе возникает, так как после трансформации из серба в русского прослеживается моральная деградация героя в силу его сомнительной деятельности. При этом, Павич разделял панславистские взгляды и неоднократно отмечал свою приверженность к России: «Я родился и всю жизнь прожил на Балканах, а потому говорю вещи, важные прежде всего для русских, сербов, греков» [Шарый, 1999].

Ответ на данный вопрос необходимо искать в самой причине трансформации героя, которая кроется в авторском мифе Павича об одиночках и общинниках. История мифа представлена лишь в первой части романа, но он пронизывает весь «Пейзаж, нарисованный чаем». Например, в романе наблюдаются элементы мифологического устройства текста, такие как циклическая структура, нелинейность, безвременность, роковая судьба и использование бинарных оппозиций. Также миф актуализируется в современности на основе пути самопознания сербского архитектора Атанаса Свилара, который ощущает «сорок пятый год своей жизни, как запах чужого пота» [Павич, 2002, с. 12]. Он понимает, что его жизнь не удалась как в личном, так и в профессиональном планах. Свилар не смог осуществить ни один из своих проектов, а невозможность удовлетворить творческий порыв превратилась в сенную лихорадку, которая каждый год возвращается. Желая найти лекарство от своей болезни, Атанас добирается до сербского монастыря Хиландара. Ему предстоит пройти сквозь «зеркало времени», так как проблема неудачи и «пустоты» в его жизни коренится не в «фактах здешнего мира, а в вопросах высшего порядка» [Пијановић, 1998, с. 213].

В этом плане герой не случайно оказывается в Хиландаре. В сербском монастыре он сталкивается с коллективным прошлым своего народа, с судьбой отца и с самим собой. Коллективное, семейное и личное героя воплощает сад рядом с Хиландаром, посаженный его отцом Костом Свиларом, укрывавшимся от немцев в монастыре во время Второй мировой войны. Первые буквы названий растений отражают имя Атанаса. В этом приеме Е. Маричевич узнает византийский прием нотарикон (расшифровка слов и имен как аббревиатур или наоборот), который отражает идею о том, что человек – маленькая вселенная [Маричевић, 2025, с. 32]. Все «мысли, желания, поступки» героя «здесь проросли, расцветали и никли вместе с цветами или сорняками» [Павич, 2002, с. 89–90]. Подходя к саду, он «ощутил сильный запах – словно бы застарелой мочи», что указывает не только на текущее

внутреннее состояние Атанаса, но и предвещает его будущие «дурные поступки» [Павич, 2002, с. 89–90].

Путь героя на Святую Гору сопровождается мифологической историей о том, какую роль сыграли славяне в возобновлении двух укладов жизни афонских монастырей. После победы над иконоборцами, запретившими иконы в храмах и прогнавшими монахов-пустынников, греки решили заселить опустевшие монастыри славянами, благодаря чему возобновился двойной образ монашеской жизни: «И тогда грекам пришлось впустить на Атос варваров для создания новых монастырей. <...> Так возникли на руинах прежних греческих монастырей новые, славянские: русский Русикон, сербский Хиландар, болгарский Зограф и другие» [Павич, 2002, с. 55]. Святая Гора, таким образом, становится панславистским пространством – важным местом культурного взаимодействия славянских народов, в первую очередь сербов и русских. В образе Афона в романе заложена идея Павича о том, что славяне также являются преемниками византийского наследия наравне с греками. В частности, Хиландар представляет собой колыбель сербской письменности и культурной идентичности. Й. Делич отмечает, что все герои писателя «бродят» по территориям «между Хиландаром Саввы и Немани и церкви Святого Саввы Сербского» [пер. наш – М.Н.], [Делић, 1991, с. 296]. Церковь святого Саввы была построена в 1727 году в Сибири сербским графом и послом Российской империи Саввом Рагузинским, который оставил значительный след в укреплении сербско-русских связей в XVIII веке. Этот культурный диалог, которым Милорад Павич особо интересовался, писатель воплотил в образе Атанаса. Во второй части романа раскрывается тайна его происхождения: биологическим отцом героя оказывается русский математик Федор Алексеевич Разин, а не Коста Свилар. Таким образом, будучи одновременно сербом и русским, Атанас становится не только воплощением сербско-русского диалога, но и носителем византийско-святогорского культурного кода.

Кроме истории о иконоборчестве, миф рассказывает и о том, как формировались два уклада жизни монахов-одиночек (пустынников, которые живут и действуют каждый сам по себе) и общинников (общежителю, которые живут и действуют вместе с братьями) на Афоне. По правилам, общинники становятся хорошими музыкантами, строителями, солдатами и актерами, поскольку перечисленные профессии предполагают работу в обществе. В отличие от них, одиночки преуспевают в областях риторики, грамматики, метафизики, живописи, языкознания, земледелия и др., не требующих командной работы. В романе прослеживается идея о том, что разделение монахов на два уклада применимо ко всему человечеству – все люди по своей натуре либо одиночки («каждый молчит сам по себе»), либо общинники («разделяют общую тишину») [Павич, 2002, с. 12].

История об одиночках и общинниках напрямую касается Атанаса. Его неудача заключается в том, что он, будучи одиночкой, не сможет быть успешным архитектором, так как данная профессия принадлежит общинникам. При этом внутренний конфликт героя Павич поднимает на уровень отношений между поколениями. Поколение Атанаса было одиночками и в мире, в котором преобладают общинники, терпело лишь неудачи. При этом принадлежность того или иного уклада строго предопределена, но существовал лишь «один-единственный и безмерно дорогой» способ, чтобы «общиннику превратиться в одиночку или, напротив, отказаться от обличья одиночки и облачиться в ризы общинника» [Павић, 2002, с. 68]. Необходимо было «покинуть монастырь, уйдя вместе с новообращенными, на Святую гору переселившись русскими, сербами или болгарскими, изменить имя, перенять их варварский язык и в их монастыре поискать выход в некое время с иными тональностью, ритмом и укладом, дабы здесь начать все сначала. Короче говоря, греки становились болгарскими, армяне – сербами или русскими, русские – греками, чтобы отказаться от прежнего чина и уклада. Иного пути не было» [Павић, 2002, с. 68].

Обращает на себя внимание то, что между перечисленными вариантами перехода в мифе нет примера перехода из серба в русского или наоборот. Исходя из логики романа, в котором трансформация героя подкрепляется внедренными историями и подсказками в тексте, такое отсутствие не является случайным. Делается вывод, что отсутствие варианта перехода из русских в сербов и наоборот объясняется близостью культур двух народов. К тому же монахов, переходивших из одного уклада жизни в другой, называли «транвеститами», чем подчеркивается неестественность их трансформации – они искусственным путем переняли национальные характеристики чужого для них народа, отрекаясь от своего исконного образа.

Согласно правилам укладов жизни афонских монахов, Атанас принимает решение стать общинником – он покидает родной город Белград, уезжает в Вену и принимает русское имя и фамилию. При этом русская идентичность героя мотивируется национальностью его биологического отца, а не логикой мифа, чем не исключается его сербское происхождение. Соответственно, русское не представляется чужим для Атанаса, о чем свидетельствует и образ русского математика во внедренном рассказе в роман – «Потешная история о Федоре Алексеевиче Разине». Неспособность математика влиться в коммунистический режим показывает, что он по своей природе был одиночкой. Таким образом, через русское происхождение отца и его природы одиночки герой сохраняет связь с святогорским мифом и своим исконным образом.

Принимая фамилию и национальность отца, Атанас

все же не перенял менталитет русского народа, но мир вокруг него стал преимущественно русским. Например, во второй части романа прослеживаются многочисленные интертекстуальные связи, в первую очередь с русской литературной классикой «золотого века». В тексте встречаются прямые упоминания писателей (А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского), отсылки и цитаты из их произведений, факты из их биографий, а также поэтические влияния. Например, внешний вид любимой Атанаса, Витачи Милут, напоминает Амалию Ризнич, одесскую красавицу и знакомую Пушкина, которая была замужем за сербского негоцианта Йована Ризнича: «У нее был профиль гречанки, который вдруг мне напомнил нарисованный рукой Пушкина профиль Амалии Ризнич на полях рукописи «Евгения Онегина». «Вылитая Амалия Ризнич, – подумал я» [Павић, 2002, с. 31].»

О том, что русское воспринимается как «свое» в романе, подтверждается также образом юного, «страшно одинокого» советского солдата, который воплощает Красную армию, освободившую Белград от немецкой оккупации во Второй мировой войне. Это имеет особое значение, поскольку одиночки сильно привязаны к местам. Так, для Косты, который сам был общинником, губительным оказалось то, что игуменом монастыря был одиночка. Он предал Косту и его соратников, чтобы спасти монастырь. В случае Атанаса речь идет о его родном городе – Белграде. Ключи к разгадке личности героя находятся в карте города, сделанной на основе мест его любовных встреч: «И как ни странно, понемногу на плане города, на который он наложил карту своих любовных приключений, стало проявляться что-то похожее на ответ, на букву или цифру» [Павич, 2002, с. 20]. Один из ключей разгадки – слово язык (одиночки склонны к изучению иностранных языков), которое прозвучит во время любовной встречи Атанаса с женой русского офицера, эмигранта. К нему он ходил тайком, чтобы учить русский язык, запрещенный немцами во время оккупации. Если русская культура воспринимается героем как своя, возникает резонный вопрос – что представляется чужим и враждебным для него?

В момент принятия решения поменять уклад жизни, Атанас «поставил перед собой цель: полюбить все, что он до сих пор не любил! Тем самым он перешел, как он сам утверждает, на сторону своих врагов, и дела его сразу пошли на лад» [Павић, 2002, с. 27]. По словам Пияновича, после становления общинником герой «перешагнул из истории в будущее, из византийско-святогорской в материалистическую цивилизацию» [Пијановић, 1998, с. 224]. В романе речь идет о переезде на Запад, куда Атанас добирается благодаря изучению европейских языков во Второй мировой войне. Первая часть романа заканчивается описанием его архитектурного проекта на немецком языке, что иллюстрирует момент перехода к врагам. В отличие от русского языка, немецкий язык они

с друзьями невольно учили во время оккупации Белграда во Второй мировой войне. Тем более, что Коста, которого Атанас считал отцом большую часть своей жизни, погиб от рук немецких солдат. Однако знание языка врага открыло ему дорогу в Европу, а затем в Америку, где он открыл фирму «ABC Engineering & Pharmaceuticals – California» сомнительного производства, заработав большое состояние.

Характерно, что на выпускной встрече одноклассник назовет героя не русским, а «американским гостем», иронично отмечая тот факт, что Атанас был на приеме у президента СФРЮ вместе с американской делегацией. Такой же статус героя подчеркнет Й. Делич, называя его «американцем русского имени и происхождения» [Делић, 1991, с. 166]. Следовательно, подчеркивается принятие Атанасом западной культуры, которая в силу исторических обстоятельств и уклонном на материализм является чужой и враждебной для него. В результате проблема «свое/чужое» превращается в вопрос Востока/Запада, темой которой Павич мог вдохновиться у Ф.М. Достоевского. Все же «своя», восточная культура, для героя представляла стагнацию, невозможность профессионального развития, а западная – прогресс. Однако в этом кроется постмодернистский парадокс, что подтверждает мотив поезда в романе – на поезде Атанас «убегает» из Белграда в Вену. С одной стороны, поезд воспринимается как начало новой жизни. С другой, учитывая интертекстуальную связь между судьбой Анны Карениной с Витачей (например, мать героя читает «Анну Каренину», Витача покидает семью и уезжает с любовником, мотив ревности разрушает отношения Витачи и Атанаса), он также ассоциируется со смертью.

Переезд в Америку и смена уклада жизни действительно привели героя к моральной смерти. Однако, несмотря на предопределенность мифа и материалистического мировоззрения западного мира, Павич не лишает своего героя ответственности за собственные поступки. Атанас осознанно принимал решения, а после долгих колебаний открыл «красивую дверь в Лос-Анджелесе», позволив, чтобы его «обманули» и «эта неудачная деловая операция стала его самым крупным финансовым выигрышем» [Павић, 2002, с. 117–118]. Речь идет о производстве яда для растений, который способен уничтожить «все живое на метр под землей, на которую они попали. Но они попали не только в землю, но и в кровь людей

<...> пострадавшие не догадывались потребовать компенсации еще и за три поколения своего будущего потомства. Вот как глубоко проникала его отравка» [Павић, 2002, с. 117]. Осознав масштаб своего производства и нанесенного ущерба, Атанас затеял новый проект – покупка «белых пчел», душ нерожденных детей. Речь идет о своеобразной пародии на деятельность Чичикова из «Мертвых душ». Настоящие причины покупки белых пчел остаются в романе нераскрытыми, но читатель понимает, что они связаны с деятельностью его фирмы, в которой предвидится экологическая катастрофа, способная уничтожить все человечество. В связи с этим вспоминаются слова Павича о том, что в современное время дети «самый бездоленный класс», потому что мы их «эксплуатируем, наперед продаем и ставим под взаим, потому что уничтожаем их природу, в которой они должны жить, потому что мы выпили их воду, уничтожили их леса, пронзили небо...» [пер. наш – М.Н.][Шомло, 1990, с. 36-37]. Современный человек, по мнению писателя, стал угрозой даже для сатаны, продолжая идею И.В. Гёте из «Фауста» о том, что дьявол свою связь с Богом сохраняет посредством человека. Поэтому сатана вмешивается в деятельность и личную жизнь Атанаса, отнимая у него самое ценное – его любимую женщину. Потеряв Витачу, «он забросил все свои дела, опустил, пресытился победами, глаза его потускнели, словно всю жизнь глядели против ветра...» [Павић, 2002, с. 249]. В конце герой умирает в одиночестве как серб Атанас Свилар, не успев построить ни одного оригинального здания, а лишь копии.

Подводя итоги, можно заключить, что русская культура воспринимается как «своя» по отношению к идентичности Атанаса в романе «Пейзаж, нарисованный чаем». Принятие национальности и фамилии своего биологического отца, русского математика, позволило Атанасу сохранить связь с утраченной природой одиночки и византийско-святогорским культурным кодом. Тем не менее, осознанное решение Атанаса стать общинником и последующий переезд на Запад оказываются для него губительными. Причина этой трагедии кроется в разрыве с его византийско-святогорскими корнями и собственной природой одиночки. Западный материализм и коллективистский уклад жизни общинников вступают в неразрешимое противоречие с его внутренней сущностью, что в итоге приводит героя к моральной деградации и смерти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Делић Ј. Хазарска призма. – Београд: Просвета, 1991. – 320 с.
2. Ильинская Е.А., Бирженюк Г.М., Ременюк Н.Р. Бинарная оппозиция «свой – чужой» в культурологическом дискурсе // Общество: философия, история, культура. – № 4. – Краснодар: Издательский дом «Хорс», 2023. – С. 169–174.
3. Марићевић Е. Метаморфозе Милорада Павића. Павићу, књига дубоке радости тумачења: монографија. – Нови Сад: Матица Српска, 2025. – с.450
4. Павич М. Пейзаж, нарисованный чаем/ прев. Л. Савельева. – СПб: Азбука, 2002. – 276 с.

5. Панова Л.Н. М.М. Бахтин и Ю.М. Лотман: диалог о диалоге // Теория и история культуры. М.: Вестник МГУКИ. — №6 (32), 2009. — С. 57–60.
6. Пијановић П. Павић. — Београд: Филип Вишњић. —1998, 407 с.
7. Попович Т. А.С. Пушкин — Сокровенный герой прозы М. Павича // Болдинские чтения-2014. — Нижний Новгород: ООО «БегемотНН», 2014. — С. 62–71.
8. Слащёва М.А. Мифологическая модель мира в постмодернистской прозе Милорада Павича М.: Вестник Московского университета. — Сер. 9. «Филология». — №3// ред. М.Л. Балашова. — М.: Изд. Московского университета 1997. — С.43-53.
9. Шарый А. «Хазарский выпуск Экслибриса «Милорад Павич. Лексикон XXI века»» [Электронный ресурс] // Программы радио Свобода. Поверх барьеров, 1999. — Режим доступа: <https://archive.svoboda.org/programs/OTB/1999/OBI.15.asp> (дата обращения: 20.06.2026).
10. Шатько Е.В. Образ мира в творчестве Милорада Павича // Национальная картина мира в литературах Центральной и Юго Восточной Европы. К 90-летию В.А. Хорева (по материалам IV Хоревских чтений)/ Отв. ред. д.ф.н. И.Е. Адельгейм. Серия «Современные литературы стран Центральной и Юго-Восточной Европы», 2024. — С. 137–150.
11. Шомло А. Хазари, или обнова византијског романа: разговори са Милорадом Павићем. — Београд: БИГЗ, Српска књижевна задруга, Народна књига, 1990. — с.191.

© Николич Милица (m.nikolich@linguanet.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВОЕННЫЙ СОЦИУМ США И ЕГО КУЛЬТУРА

US MILITARY COMMUNITY AND ITS CULTURE

A. Romanov
V. Seredenko

Summary: Conducted within the anthropological research paradigm, this study examines the phenomenon of stereotyping in relation to subcultural constants and axiological dominants of the US military society. The research object is the axiosphere of the US military community as manifested in the linguistic and speech culture of American servicemen. The subject of inquiry comprises functional criteria of ethnocultural axiological stereotyping of linguistic means and speech forms within the communicative usage of this socio-professional group.

Keywords: US armed forces, military society, army subculture, values.

Романов Александр Сергеевич

Доктор филологических наук, доцент, Военный университет им. князя А. Невского
ichi210@mail.ru

Середенко Владимир Михайлович

Кандидат филологических наук, Военный университет им. князя А. Невского
research2021@mail.ru

Аннотация: Работа выполнена в русле антропологической парадигмы исследований и посвящена феномену стереотипизации в аспекте субкультурных констант и аксиологических доминант военного социума США. В качестве объекта исследования выступает аксиосфера военного социума США, являющаяся в феноменах языковой (речевой) культуры американского военнослужащего. Предметом исследования избраны функциональные критерии этнокультурной аксиологической стереотипизации языковых средств и речевых форм в коммуникативном узусе социально-профессиональной группы американских военнослужащих.

Ключевые слова: вооруженные силы США, военный социум, армейская субкультура, ценности.

Армия как социальный институт – ответ общества на потребность в обеспечении безопасности. Гражданское общество, таким образом, выступает порождающей культурой по отношению к институту вооруженных сил. В американской лингвокультуре феномен антагонизма между порождающей гражданской культурой и ее военным кластером известен как «military-civilian gap» [3, с. 59], [4, с. 90]. «В социальном отношении военная субкультурная среда относительно герметична. А.С. Романов и Б.Л. Бойко приходят к выводу о том, что субкультурные константы военного социума «тесно переплетены с базовыми ценностными ориентациями, или аксиологическими доминантами воинской профессии» [Там же]. Дуализм профессионального сознания выражен в том, что военнослужащий принадлежит одновременно двум «мирам», живущим по различным «правилам игры». Не случайно в профессиональном военном жаргоне жизнь гражданского человека имеет особые наименования: *Fort Living Room, the Real World, 1st Civilian Division* и др. [4, с. 91].

К. Лэнг выделяет ряд системообразующих признаков, присущих институту (Lang, 1965). Во-первых, вооруженные организации характеризуются коллективизмом. Ср., например, расхожие в армейской среде устойчивые фразы: *two is one, one is none, all to the last man, leave no man behind, to be in the same boat*. Эта уникальная черта соотносится с мерой контроля, осуществляемого организацией по отношению к различным аспектам личной жизни военнослужащих. Во-вторых, силовым ведомствам присуща иерархичность (*chain of command*), порождающая авторитарную идеологию. И, наконец,

в-третьих, порядок подчиненности, направленный на своевременное и надлежащее исполнение приказов, неразрывно связан с дисциплиной и контролем.

Ю. Ханнерз справедливо указывает на то, что военный социум как неотъемлемая часть общества по своему составу неоднороден и представляет собой мозаику узкоспециальных сообществ. Последние имеют четкие границы и характеризуются внутренней однородностью [7, с. 73]. Вслед за Р.Р. Лестером в качестве важных критериев институциональной дифференциации выделим отнесенность к тому или иному виду вооруженных сил и роду войск, этническую и гендерную принадлежность военнослужащих, правовой статус, воинское звание и занимаемая должность (офицерский, сержантский и рядовой составы), прохождение службы на определенном ТВД, наличие боевого опыта и т.д. [10, с. 27]. Затрагивая гендерный аспект военного социума США, подчеркнем его андроцентричность.

Ракурс мировосприятия GI, по К.О. Дунивин, патриархален и восходит к традиционной культурной парадигме воинствующей маскулинности (*the combat masculine-warrior paradigm*), подразумевающей мужские нормы, ценности, образ жизни [6, с. 533]. Армейская субкультура США пропитана духом андроцентризма, имеющего глубокие исторические и традиционные корни. Так как вооруженные силы США преимущественно состоят из мужчин, патриархальность может быть более важным и более рельефным признаком воинской культуры, нежели воинский этос [3, с. 52]. Несмотря на инициативы DEI (*diversity, equity and inclusion* – «разнообразие, равенство, инклю-

живность»), женщины по-прежнему сталкиваются с гендерными стереотипами и предрассудками андроцентричной и консервативной среды. Эту тенденцию Е.В. Бабушкина объясняет тем, что укоренившиеся в армии США «социальные практики и нормы во многом обусловлены традицией, историей, демографией» [1, с. 117]. К ярким примерам институционально маркированной гендерной асимметрии отнесем такие номинативные единицы профессионального социолекта, как *Uncle Sam* – ‘персонафикация федерального правительства США, «дядюшка Сэм», *Mr Army* – ‘образ идеального военного’, *a band of brothers* – ‘отряд братьев по оружию’, *grab a pair / put your big boy pants on* – ‘мужаться, взять себя в руки’.

Военнослужащие поощряют консервативную, назидательную идеологию, которая отражена в этике и обычаях. Например, в каждой военной академии родов войск ВС США кодекс чести гласит: *“We don’t lie, cheat or steal nor tolerate those among us who do”* – «В нашей академии нет места лжецам, плутам и ворам». Традиционно, воинская культура подразумевает назидательный тон. Бросающая вызов традиционализму модель военной организации постмодерна основана на принципе эгалитаризма и поощряет социально гетерогенный состав военнослужащих, разнообразие норм и ценностей, универсальные законы и социальные практики [6, с. 534–535], [3, с. 54–55].

Субкультурная общность военнослужащих, по Э.Х. Шейну, имеет трехуровневую структуру. Первый уровень представлен артефактами, характерными для членов военного сообщества. Речь идет, например, о предметах обмундирования, воинских званиях, знаках отличия и различия военнослужащих, «диагностирующих пятна» военного подъязыка и др. отличительных признаках. Второй уровень армейской институциональной / корпоративной культуры соотнесен с ее аксиологическим каркасом. Социально маркированные ценностные ориентации выступают в роли официальных норм, правил и предписаний. Третий уровень воинской культуры вбирает в себя фундаментальные, глубоко укоренившиеся убеждения, регламентирующие профессиональную деятельность института [13, р. 25–39].

Воинская культура обладает набором отличительных, уникальных признаков. К этим признакам относятся *институциональность*, некоторая степень *социальной герметичности*, универсальность единых для всех военнослужащих *правил и предписаний*, *иерархичность* и *дисциплинарный контроль*. Кроме того, отличительной особенностью воинской культуры выступает социальная изолированность военнослужащих [5, р. 1].

Воинская культура подлежит усвоению в процессе вторичной социализации. Приобщение к ценностям института вооруженных возможно благодаря вторичной социализации личности в профессиональной среде. По

мнению первого главного старшины ВМС США в отставке А. Нольфа, вооруженные силы могут быть метафорически уподоблены некоей воронке, в которую попадают совершенно различные категории американцев: черные и белые, толстые и худые, благонадежные и люди с криминальным прошлым, христиане и мусульмане... Первостепенной задачей курса базовой боевой подготовки военнослужащих является выхолащивание всего того, что делает новоиспеченного GI «уникальным», непохожим на других. Для каждого новобранца существуют единые требования, стандарты подготовки и обучения. Ко всем военнослужащим без исключения применяются дисциплинарные практики обезличенного, а потому уничижительного характера. В результате такой работы с личным составом формируется универсальный тип личности, которому претят индивидуализм, уникальность, чувство превосходства, эгоизм. *“The outflow is a “re-manufactured” perfect model of: Confidence, Capability, Loyalty, Integrity, Courtesy, Obedience, Courage, Readiness, and Team Spirit.”* – «На выходе вооруженные силы получают «переплавленную» идеальную модель уверенного в себе, компетентного, верного, добропорядочного, учтвого, дисциплинированного, мужественного, боеготового военнослужащего, пропитанного духом коллективизма» [12].

С лингвистической точки зрения важнейшим компонентом военного социума выступает его профессиональный дискурс. Последний представлен феномена литературного стандарта и социолектного субстандарта. Антиномия официального и неформального регистров армейского идиoma построена на антитезе декларируемого и реального. Канцелярский, бюрократический язык декларативно-риторического официоза принадлежит высокому стилю и имеет преимущественно письменную форму бытования. Этот декларативный по своей природе регистр выражает социально значимые интересы института вооруженного насилия, его стратегические цели, потребности, профессиональные и морально-этические требования, предъявляемые к индивиду в военной среде. В разговорно-речевой среде социально-группового диалекта официальные формулировки корпоративных / институциональных ценностей не приветствуются, представляются избыточными.

Функционально-речевая дифференциация профессионального идиoma (на примере социолекта представителя военной субкультуры США) зиждется на антиномии образующих субъязык регистров (вариантов) функционирования: официального и неформального. При этом оппозиция двух вариантов имеет аксиологическую природу, где сниженный стандарт является производным от стандарта высокого (официального). Отметим, что существование низкого в отсутствие высокого невозможно. Возвышенное предполагает ту или иную форму аксиологической десублимации в сниженной, разговорной форме общения номинативных единиц профжаргона (Романов, 2021).

Профессиональный образ мира обусловлен не только социальной функцией вооруженной борьбы, но и воинским этосом. Ценностные коннотации, вербализованные в теле языкового знака и выраженные в символах, выступают важнейшим фактором усиления этно- и социокультурной специфики языка социальной группы. Имеющие аксиологическую природу коннотации – неотъемлемый компонент профессиональной языковой картины мира. «Ментальность военнослужащего», по С. Хантингтону, есть мировосприятие, преломленное через призму «консервативного реализма» [8, р. 79]. Концептосфера социально-профессиональной общности военнослужащих охватывает такие ключевые концепты, как «единоначалие, порядок подчиненности, иерархичность, долг, мужество, лидерство, жертвенность, приоритет социальных / групповых интересов перед личными и др. Характерной приметой военного социума выступают глубинные связи с историческим наследием» [3, с. 57].

Культура военного социума ассоциируется с воинским этосом, мужеством, жертвенностью, преданностью воинскому долгу, субординацией и сплоченностью воинского коллектива (см., например, Exum, Coll & Weiss, 2010; Weiss et al., 2011). Наиболее ярко аксиологические доминанты обнаруживают себя в номинативных единицах бюрократического регистра

военного подъязыка. Показательны в этом отношении официально декларируемые ценностные ориентиры воинских формирований, девизы видов вооруженных сил, родов войск и служб. Обратимся к иллюстративному материалу. *"This We'll Defend"* – «На страже свободы США» (Сухопутные войска), *"Semper Fortis"* ("Always Strong") – «Всегда сильны» (Военно-морские силы), *"Semper Fidelis"* / *"Semper Fi"* ("Always Faithful") – «Всегда верны» (Морская пехота), *"Aim High... Fly-FightWin"* – «Ставить перед собой высокие цели... Летать, сражаться, побеждать» (Военно-воздушные силы), *"Semper Paratus"* ("Always Ready") – «Всегда готовы» (Береговая охрана), *"Semper Supra"* ("Always Above") – «Всегда на высоте» (Космические силы). [4, с. 91].

Подведем краткий итог. Граница между гражданским и армейским мирами одной культуры протекает, в том числе и в пространстве языкового и культурного поля. Профессиональная картина мира военнослужащего биполярна и отражает две социальные грани одной реальности: *Civvy Street* и *Service Life*. В коллективном сознании *G.I.* мир гражданский, несмотря на свою крайнюю неоднородность, олицетворяет материнскую, порождающую культуру. Вооруженные силы ассоциируются с особым социокультурным измерением, живущим согласно официальным нормативно-правовым регуляторам и неписаным законам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабушкина Е.В. Аксиологический ракурс медийной стереотипизации военного социума: гендерный аспект (на языковом материале национальной прессы США): дис. ... к-та филол. наук: 5.9.8. – М.: Военный университет, 2021. – 195 с.
2. Бойко Б.Л. Основы теории социально-групповых диалектов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Б.Л. Бойко. – М., 2009. – 56 с.
3. Романов А.С. Стереотипизация субкультурных констант в аксиологии социально-группового диалекта (на материале ценностей и реалий военной службы в языковой культуре США): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2021. – 470 с.
4. Романов, Бойко. Дуализм профессионального сознания представителей военного социума США в контексте социально-психологического феномена *military-civilian gap* // Успехи гуманитарных наук. 2022. № 3. С. 90–93.
5. Abraham T., Cheney A.M., Curran G.M. A Bourdieusian Analysis of U.S. Military Culture Ground in the Mental Help-Seeking Literature / T. Abraham, A.M. Cheney, G.M. Curran // American Journal of Men's Health. The Author(s). – 2015. – P. 1–8.
6. Dunivin K.O. Military Culture: Change and Continuity / K.O. Dunivin // Armed Forces and Society. – 1994. – Vol. 20. – Issue. 4. – P. 531–547.
7. Hannerz U. Cultural Complexity: Studies in the Social Organization of Meaning / U. Hannerz. – New York, Columbia University Press, 1992. – 347 p.
8. Huntington S. The Soldier and the State / S. Huntington // – Cambridge, MA: Belknap Press, 1957. – 534 p.
9. Lang K. "Military organizations." In J. G. March (ed.), Handbook of Organizations. – Chicago, Rand McNally, 1965. – P. 838–878.
10. Lester R.R. A Parametric Description of Modern Military Culture for Civilian Mental Health Practitioners to Better Serve Those Who Serve: a doctoral paper presented to the faculty of the graduate school of professional psychology office of graduate studies university of Denver [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://digitalcommons.du.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1042&context=capstone_masters (дата обращения: 18.04.18).
11. Levin W.C. Sociological Ideas / W.C. Levin. – Belmont C.A., Wadsworth Publishing Company, Military Medicine. – 1991. – Vol. 172. – 342 p.
12. Nolf A. What personality types go into each of the branches of the US military [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.quora.com/What-personality-types-go-into-each-of-the-branches-of-the-US-military> (дата обращения: 09.09.2026).
13. Schein E.H. Organizational culture and leadership / E.H. Schein. – John Wiley & Sons, 2010. – 437 p.
14. Wilson J.Q. Bureaucracy: What Government Agencies Do and Why They Do It. New York, Basic Books, 1991. – 1st ed. – 464 p.

© Романов Александр Сергеевич (ichi210@mail.ru), Середенко Владимир Михайлович (research2021@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОСНОВЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ВЕЖЛИВОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ РЕЧЕВЫХ КУЛЬТУР)

RELIGIOUS FOUNDATIONS OF THE LINGUISTIC CATEGORY OF POLITENESS (BASED ON RUSSIAN AND ENGLISH SPEECH CULTURES)

**E. Rossinskaya
Neda Kameh Khosh**

Summary: The aim of this study is to identify the religious foundations of English and Russian communicative behavior, which constitute the linguistic category of politeness. This interdisciplinary research includes an analysis of works on politeness theory, comparative pragmatics of Russian and English, and the foundations of Protestant and Orthodox anthropology and soteriology. The empirical portion of the study consists of survey data from speakers of Russian Orthodox culture. The study utilized questionnaires, comparative linguistic and cultural analysis, and religious anthropology. The novelty of this research lies in its examination of politeness from the perspective of theological categories, namely, kenosis and the legal and organic theories of atonement. This explains the different communicative behaviors of representatives of Orthodox and Protestant cultures. The results demonstrate that politeness is closely linked to the Orthodox value system, which is based on self-effacement, compassion, and sincerity. Protestant culture, by contrast, relies on distancing strategies, rooted in the legal theory of atonement for sinfulness and, consequently, increased autonomy, responsibility, and distancing.

Keywords: category of politeness, pragmatics, kenosis, legal and organic theories, communicative behavior.

Россинская Екатерина Александровна

Кандидат филологических наук, доцент, Московский педагогический государственный университет;
Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы, (г. Москва)
Московский международный университет;
Московский институт психоанализа
erossinskaya@yandex.ru

Неда Камех Хош

Кандидат филологических наук, старший преподаватель,
Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы, (г. Москва)
kamekh-khosh-n@rudn.ru

Аннотация: Цель исследования – определить религиозные основы английского и русского коммуникативного поведения, которые составляют лингвистическую категорию вежливости. Исследование носит междисциплинарный характер и включает анализ работ по теории вежливости, сопоставительной прагматике русского и английского языков, основ протестантской и православной антропологии и сотериологии. Эмпирическую часть исследования составляют данные опроса носителей русской православной культуры. В исследовании использованы методы анкетирования, сопоставительного лингвокультурологического и религиозно – антропологического анализа. Научная новизна заключается в том, что вежливость рассматривается с точки зрения теологических категорий, а именно, кенозиса, юридической и органической теорий искупления греховности, что предопределяет различное коммуникативное поведение представителей православной и протестантской культур. Полученные результаты доказывают, что вежливость тесно связана в православной системой ценностей, в основе которых лежат самоумаление, соучастие, искренность. Протестантская культура, напротив, опирается на стратегии дистанцирования, что уходит корнями в юридическую теорию искупления греховности и, как следствие, повышенную автономность, ответственность и дистанцирование.

Ключевые слова: категория вежливости, прагматика, кенозис, юридическая и органическая теории, коммуникативное поведение.

Конец 20 века знаменуется активным интересом к прагматике, а именно, к национально-специфическим особенностям коммуникативного поведения народов. Сам термин «коммуникативное поведение» был введен в 1898 [1, С. 279–282], и с тех пор на протяжении последующих десятилетий появились исследования, посвященные специфике коммуникативного поведения американцев [2], [3], [4] финнов [5], французов [6] и др.

В рамках коммуникативного поведения вслед за И.А. Стерниным можно выделить речевой этикет, который включает в себя использование стандартных речевых

формул в стандартных коммуникативных ситуациях, что, в целом, отражает категорию вежливости [7].

Многие лингвисты отмечают, что ядром категории вежливости являются инвариантные свойства этой категории, а именно общение, в процессе которого говорящие стремятся не нанести друг другу ущерба своей речью [8], [9], [10]. «Вежливость включает в себя все то, что способствует гармоничному, бесконфликтному общению, несмотря на тот факт, что какие-то из ее элементов могут не являться (на определенном этапе или в конкретной коммуникативной ситуации) нормой, закре-

пленной этикетом» [9, С. 17]. Как отмечает Г. Почепцов, это достигается путем повышения оценки денотативной ситуации, то есть улучшение позиций собеседника [11].

В рамках категории вежливости необходимо выделить связанные понятия - «такт» и «этикет». О.С. Иссерс определяет «такт» как стратегию коммуникативного поведения, цель которого – не нанести ущерб личностной сфере собеседника в процессе коммуникации [12]. Дж. Линч определяет такт как стратегию дистанцирования, соблюдения личных границ собеседника [13]. Речевой этикет определяется как принятые правила поведения в соответствии с распределением социальных ролей в различных ситуациях общения которые, с одной стороны, регулируют, а с другой стороны, обнаруживают, показывают отношения членов общества по таким примерно линиям: свой – чужой, вышестоящий – нижестоящий, старший – младший, далекий – близкий, знакомый – незнакомый, приятный – неприятный [14, С. 72]. Таким образом, правила этикета способствуют бесконфликтному общению между малознакомыми людьми.

Разграничивая данные понятия, можно согласиться с мнением О.К. Клименко, которая вслед за Т. Лариной определяет вежливость как национально-специфическую коммуникативную категорию, содержанием которой является система ритуализованных стратегий коммуникативного поведения (языкового и неязыкового), направленных на гармоничное, бесконфликтное общение и соблюдение общественно принятых норм при интеракционной коммуникации (установлении, поддержании и завершении межличностного контакта) [15].

Если опираться на данное определение, то важно рассмотреть глубинный пласт данной категории – ценностно - нормативную систему, которая с древних времен регулирует не только этическое, но и коммуникативное поведение. Такой системой является религия. И если две эти жизненно образующие системы питают и осмысляют друг друга, можно проследить специфику их взаимодействия в данном конкретном языковом сообществе.

Религия и вежливость имеют общий функционал. Так, Э. Дюркгейм рассматривает религию как социальный институт, способствующий сплоченности и интеграции [16]. В рамках данного подхода религия выступает как форма социального функционирования. Развивая эту мысль, исследователи рассматривают религию как систему коммуникаций [17]. Это позволяет говорить о коммуникативной функции религии. Действительно, являясь сложной социальной системой, религия представляет собой отношения, связи, построенные на осмысленном взаимодействии, при чем общение осуществляется как в религиозном, так и в не религиозном контексте. При этом религия служит базовой социальной системой, ко-

торая оказывает влияние на все надстроечные социальные институты.

Речевой этикет, как часть национальной культуры, необходимо рассматривать как продолжение религиозных традиций. Как справедливо отмечают И.М. Невлева et al, религия и культура тесно связаны между собой [18]. «Все без исключения проявления религии включены в реальную культуру» [19, С. 89]. Именно религия способствует закреплению в обществе тех или иных культурных традиций, которые, в свою очередь, образуют картину миру с ее многоуровневой структурой.

В контексте православия все вышесказанное позволяет рассматривать христианские заповеди как источник некоторых этикетных норм. В этом отношении заслуживает внимания стих из Евангелия: «и как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними» (Лк 6:31) [20]. Как отмечают исследователи, данное правило является универсальным, оно возникло независимо в разных религиозных течениях иудаизм, христианства и ислама, отражая общую нравственную интуицию. В современном контексте данное золотое правило нравственности рассматривается с позиций многих гуманитарных дисциплин: в психологии - как основа эмпатии и ненасильственного общения, в педагогике как принцип воспитания уважения и толерантности, в межкультурном общении – как универсальный язык взаимопонимания [21]. Все это закладывает универалистский фундамент коммуникативного поведения, который можно рассматривать как ядро категории вежливости, закреплённое во всех социальных системах.

Рассмотрение вежливости как категории предполагает наличие периферийных участков, на которых можно заметить ярко выраженные различия, обусловленные специфическими естественными, историческими, культурными и религиозными факторами.

С точки зрения православной религии, Бога нельзя познать только через личностные взаимоотношения и личную любовь. Бытие означает жизнь, а жизнь означает общение [22]. Православная личность определяется через кенотическое отречение от собственной воли [23, С. 56], где «кенотическая любовь» проявляется через самоотречение, добровольное самоумаление ради ближнего [24]. Парадоксальным в православии является познание своей уникальности через встречу с другим лицом или лицами, при чем наполненность жизнь каждого индивида основывается на принципе диалогичности человеческой жизни. Это значит, что фундаментальной основой существования личности в православии является диалог с Творцом и с другими людьми [24, С 54–55]. Это еще раз подтверждает тезис о том, что русскоязычная языковая культура основывается на принципе сохранения солидарности, и это проецируется в коммуникативном поведении.

Еще одним аргументом, характеризующим русскую языковую культуру как культуру сохранения солидарности, служит принятое в православии отношение к греховности. Органическая теория спасения в православии основана на исцелении и спасении человеческой природы, что позволяет рассматривать ее как сопереживание ближнему, который нуждается в помощи. Данная теория контрастирует с западной юридической теорией в богословии, которая предполагает искупление греха и личную ответственности [25].

Важной религиозной основой, во многом определившей специфику русскоязычного коммуникативного поведения, является кенозис, который определяется как истощение или опустошение, уничижительное состояние. В христианской антропологии кенозис рассматривается как ключевое для реализации личности. Фактически, кенозис на примере Иисуса Христа предполагает добровольный отказ от выставления напоказ своих заслуг ради любви к ближнему [26].

В коммуникативном поведении христиан данная стратегия выражается как отказ от доминирования, преуменьшение собственных достижений и, напротив, преувеличенное внимание к заслугам собеседника. Кенотический пример Христа определяет аскезу послушания, повиновения.

Православный кенозис во многом определил отношение к успеху. Православие всегда порицала земное преуспеяние и считала, что оно мешает духовному росту человека и отдаляет человека от Царства Божия. Как отмечает Е.В. Караханян [27], чем больше человек унижает себя в мире земном, тем выше он поднимается в духе. Перенос религиозных понятий во многом определил дух, а, следовательно, и коммуникативные стратегии общества, что проявилось в категории вежливости.

Принятие православия на Руси в конце X века знаменует новое понимание мироустройства, что отразилось в новом поведении человека. Еще в 4 веке в трактате «К юношеству» Василий Великий заложил основы поведения в различных жизненных ситуациях, которые впоследствии легли в основу «Домостроя» священника Сильвестра [28]. «Следует сберегать душевную чистоту и телесное беспристрастие, имея походку кроткую, голос тихий, слово благочинно; при старших молчание, перед мудрейшими – послушание, к равным себе и к младшим – искреннюю любовь; нечестивых людей избегать, «не засиживаться в беседах, не дерзить, не бесчинствовать смехом, избегать прекословия...» [Цит. по 28]

Это вполне согласуется с современными требованиями проявления вежливости в России, а именно, проявление таких внутренних качеств как скромность, послушание уважение.

Православная основа домостроя исключает любое проявление неискренности и предполагает помогать нуждающимся, больным и голодным, не хвалиться добрыми поступками, прощать обиды [29]. Характерно, что одной из главных идей Домостроя заключалась в наставлении хозяину дома в воспитании домочадцев, что означало беспрекословное подчинение воле отца, но, с другой стороны, данное подчинение предполагало полную ответственность отца за своих домочадцев. Уже тогда вежливость была важным компонентом воспитания. В одной из глав книга предписывала обучать детей приличному поведению в чужом доме: не кашлять, не сморкаться, вежливенько стоять и по сторонам не оглядываться» [29].

Анализ концепта вежливости, свойственный русской православной культуре, позволяет выделить Е.А. Зацепиной выделить следующие особенности: проявление воспитанности, отсутствие грубости, учтивое обращение, готовность оказать услугу [30].

Специфика концепта «вежливый», в сопоставлении с концептом «культурный» приводит к выводу о том, принцип «вежливости» в русском коммуникативном сознании присутствует, но доминантой является все же концепты «культурный и воспитанный». Анализ структуры концептов показывает важную особенность. В русском понимании вежливости центральное место отводится субъекту, его внутренним качествам, уровню образованности, воспитанности [31], [32], [9].

В отличие от православной культуры, протестантская этика базируется на личной вере и прямом отношении человека с Богом. Это во многом определяет специфику вежливости в протестантских странах. Как отмечает В.Н. Новикова, в первую очередь, акцент ставится на уважительном отношении к собеседнику, стремлении в прямоте и деловитости [33]. В коммуникации эти установки транслируются посредством негативной вежливости, через стратегии дистанцирования, хеджирования и пр. [34]. В отличие от православной вежливости, которая в большей мере является «вежливостью сохранения солидарности», западноевропейская вежливость рассматривается как «вежливость сохранения дистанции» [35].

Англосаксонская коммуникативная культура базируется на идее мирского аскетизма, что предполагает отказ от излишеств, добрые дела, добросовестный труд. Как отмечает, Е.В. Тимофеев, жизнь для протестанта – «вечная борьба с грехом, отказ от своего я» [36]. Понятие о грехе, по нашему мнению, во многом определил основу коммуникации протестантского общества. Еще Ансельм Кентерберийский писал, что согрешивший человек не может избежать наказания за грех и должен возместить ущерб. Если грех прощается без наказания, человек остается неуправленным. Такая трактовка отношения

между человеком и Богом позволяет осмысливать их в категориях судебных отношений и, таким образом, закладывает представление об ответственности и личных границах как о юридической норме [37].

Подобную трактовку можно найти в работах основателя протестантизма – Мартина Лютера. Говоря о свободе христианина, М. Лютер выделяет главенство внутренней свободы по отношению к свободе тела. Вместе с этим М. Лютер отмечает, что «у души не ничего другого, ни на небе, ни на земле, внутри чего она жила и была праведной... кроме святого Евангелия, Слова Божия» [38, С. 116]. Это ведет к отрицанию посредничества церкви, человек остается один на один с Богом. Таким образом, происходит автономизация внутреннего мира человека, что во многом определяет современное коммуникативное поведение [38, С. 115–117].

Дальнейшее развитие идеи автономности личности получили развитие в работах Ч. Тейлора и Х. Арендта. Как отмечает О.Б. Давыдов, многочисленные философские и телеологические дискуссии привели в протестантской культуре появлению современного автономного Я, не вовлеченного в жизненный мир, самостоятельно выбирающего направления и определяющего свои цели... Жизнь становится собственным проектом автономного субъекта [39].

Все это говорит о некоторой гипертрофии субъективной автономии, которая послужила основой собственно осмысления и, как следствие, коммуникативного поведения представителей данной религиозной культуры, где общая солидарность уходит на второй план по отношению к индивидуальной свободе и ответственности.

Рассмотрим, как данные религиозные основы определили светские этические нормы поведения. Развернутому анализу этикетных норм в западноевропейском обществе посвящены работы Н. Элиаса, который метафорически сравнивает цивилизацию с дорогами и улочками разных времен. Движение по ухабыстым дорогам среди разбойников в старые времена предполагают постоянную готовность взяться за оружие, сражаться и защищать свою жизнь от нападения. В современном мире движение на дорогах сопряжено с интенсивностью движения, но все это внешнее регулирование основывается на том, что каждый человек должен регулировать свое поведение. Таким образом, автор подводит к мысли о том, что индивиды представляют смертельную опасность друг для друга, и для противодействия этой опасности необходимы самоконтроль и дистанцирование. Сопоставляя различные этикетные нормы со времен средневековья, автор задается вопросом, почему некоторые нормы средневековья, такие, например, как поедание мяса из одного котелка или распивание вина из одного кубка сейчас представляются отталки-

вающими и неприемлемыми для современного человека. С точки зрения ценностных установок, которые уходят корнями в религиозные традиции, отталкивающим в средневековых нормах поведения является именно отсутствие той незримой стены аффектов, которая отделяет людей друг от друга. Сегодня эта стена ощутима не только при физических контактах, но и в коммуникативном поведении, что, как уже упоминалось, приводит к различным тактикам коммуникативного дистанцирования [40, С. 241–242].

Все это требует от протестанта дисциплинированности, ответственности и уважения к собеседнику. В общении данный дух протестантизма транслируется через стратегии негативной вежливости.

Сопоставительный анализ религиозных основ вежливости подтверждает разнонаправленные векторы при общении: в российской культуре акцент направлен на говорящего, что позволяет определить русскую коммуникативную культуру как субъектно-ориентированную. Протестантская культура, напротив, направлена на адресата, что определяет ее как адресно-ориентированную [40].

При общении эта особенность ярко проявляется в употреблении чрезмерной вежливости (*overpoliteness*), которая рассматривается как норма в англо-саксонской коммуникативной культуре. Данное утверждение находит подтверждение при рассмотрении проблемы извинения и ее культурной специфики. Как утверждает М.Ю. Рябова, существует значительная разница между употреблением слов извинений в русской и английской коммуникативной культурах, что позволяет глубже понять их специфику [42]. Слово *"sorry"* англичане используют каждый раз, когда сталкиваются (независимо от того, кто оказался виновником столкновения), просят или задают вопрос, если задела кого-то, просят повторить, что не услышали, когда хотят прервать беседу и удалиться и т.д. То же самое относится к выражению благодарности. Такое множественное использование слов *"sorry"* and *"thank you"* позволяет согласиться с мнением К. Фокса, что эти выражения не есть выражения искренней благодарности [43], а скорее являются экспрессивным актом, основной функцией которого – «восстановить баланс или гармонию между коммуникантами, достичь равновесия» [42, С. 136].

В русской коммуникативной культуре формулы извинений напротив сохраняют свою содержательную ценность. Рассматривая извинения в русском языке, А.Ю. Чернышова и Чан Ваньцзюнь выделяют светскую и религиозную культуры извинений, где для светской характерны тактики умаления вины, обидчика, а для религиозной, напротив, усугубления, что основано на рече-поведенческой тактике покаяния на исповеди [44].

Данная особенность вновь возвращает нас к религиозным истокам категории вежливости в русском речевом дискурсе. Тот факт, что в русском языке слова извинения и благодарности имеют более ограниченное употребление по сравнению с другими языками, является, на наш взгляд, еще одним подтверждением в пользу содержательности и более глубокого характера данных речевых конструкций в противовес *overpoliteness* западной культур.

Различное отношение к успеху христианской и протестантской культурах определило две противоположные стратегии в речевом поведении: принижение успеха и прославление трудолюбия, бережливости и, как следствие, финансовой состоятельности. В ответ на благодарность русский человек скорее всего скажет, «не за что, не стоит» и т.д.. Напротив, представитель западной культуры с радостью примет благодарность, отмечая при этом значимость собственных действий.

Принижение собственных достижений ярко выражается в такой речевой стратегии как ответ на вопрос «Как дела?». Хорошо известно, что представители англо-саксонской культуры дадут ответ, который свидетельствует о их самом наилучшем состоянии. В России, напротив, сохраняется традиция прибедняться. Данная традиция уходит корнями еще к язычеству, где считалось, что злые духи могут обратить внимание на предмет похвалы, позавидовать и отнять. Причем после принятия православия данный обычай удерживаться от хвастовства наложился на православные представления о скромности, а хвастовство по-прежнему считалось грехом. В силу большей содержательности русских речевых стратегий данный вопрос воспринимается многими русскими как проявление искреннего интереса, в то время как в европейском сообществе вопрос «*How do you do?*» порой вовсе не требует ответа [45, С. 16].

Сопоставление русских и западных речевых стратегий еще раз убедительно доказывает [35], что вежливость в русской культуре направлена больше на сохранение солидарности, а в западной – на сохранение дистанции.

Сопоставление религиозных основ, определивших речевые стратегии вежливости, приводит нас к исследованию В.В. Леонтьева [46], который отмечал дуальную модель русского мышления, в основе которого православный принцип двухполюсного ценностного поля. Данная система русского православия находит отражение в существовании четкое разграничение загробной жизни на рай или ад. В западной религиозной мысли существует такое понятие, как «чистилище», то есть определенная нейтральная зона между двумя полюсами.

Рассмотрим, как данное различие определяет рече-

вые стратегии вежливости. Как справедливо отмечает Т. Ларина, в русской культуре в силу отсутствия четко выраженной нейтральной зоны между добром и злом, положительным считается то, что не предполагает грубости [8]. Это значит, что вежливость в русской культуре многие определяют как «человек, которые не грубит, не ругается, не перебивает».

Более того, если в европейском речевом этикете существует ряд нейтральных речевых стратегий, которые можно использовать в целом ряде ситуаций, то в русском этикете в силу их множества, достаточно сложно выбрать одну нейтральную [45].

Для подтверждения результатов исследования был проведен опрос студентов 1–4 курсов, обучающихся в РУДН имени Патриса Лумумбы и МПГУ. Всего в опросе приняли участие более 150 студентов. Студентам было предложено дать развернутый ответ на вопросы: (Таб. 1.)

1. Что для вас значит быть вежливым?
2. Как вы относитесь к проявлениям чрезмерной вежливости?
3. Как вы обычно реагируете на слова благодарности?
4. Как вы обычно реагируете на вопрос «Как дела?»

45% участников опроса отмечают, что быть вежливым – значит «Не грубить, не перебивать, не быть слишком прямолинейным», что можно интерпретировать как кенотическое православное самоограничение. Характерно, что большинство студентов описывают вежливость через отрицательные формулировки – «Не перебивать, не быть и т.д.». Помощь окружающим отметили 22% студентов. Активные действия как проявление вежливости свидетельствуют о том, что данная категория не является формальной, а основана на групповой солидарности. 19 % студентов определяют вежливость через отказ от эгоцентризма, возвращая нас к тезису, что проявление личности возможно только через взаимодействие с другими. Использование вежливых слов отмечают лишь 6 % опрошенных. Все это подтверждает тезис о том, что русская вежливость, которая уходит корнями в православные традиции, является нравственной, аскетичной установкой, в основе которой лежит кенезис, и кенотическая любовь к ближнему – готовность к самоумалению, самоотречению ради ближнего.

В отношении в чрезмерной вежливости подавляющее большинство описывает ее как неискреннюю, наигранную, что подтверждает мысль о том, что православие заложило в категорию вежливости подлинно нравственные основы. Чрезмерная вежливость воспринимается как лишенная внутреннего содержания и, напротив, способствует созданию дистанции там, где ожидается сближение.

Анализ ответа на вопрос «Как вы обычно реагируете

Таблица 1.

Данные опроса о проявлении категории вежливости среди студентов 1–4 курсов РУДН и МПГУ.

Вопрос	Доминирующая категория ответов	Процент
Что значит быть вежливым?	Не грубить; Не быть слишком прямолинейным; Не перебивать;	45%
	Помогать окружающим (открывать двери, уступать место и т.д.);	22%
	Уважать других людей и их чувства; Не думать только о себе;	19%
	Быть доброжелательным, дружелюбным, щедрым, добрым;	8%
	Говорить вежливые слова.	6%
Как вы относитесь к проявлениям чрезмерной вежливости?	Чрезмерная вежливость кажется наигранной и неискренней.	97%
	Воспринимаю индифферентно	3%
Как вы обычно реагируете на слова благодарности?	Не за что	45%
	Да ладно, ерунда	21%
	Обращайся	19%
	Пожалуйста	15%
Как вы обычно реагируете на вопрос «Как дела»?	Нормально. Все хорошо.	85%
	Отлично. Лучше всех.	15%

Составлено автором на основе опроса.

на слова благодарности?» позволяет интерпретировать ответы следующим образом. 45% респондентов отмечают реакцию через занижение собственных заслуг («не за что, ерунда»), что также соотносится с религиозной формой кенезиса – принижения, самоотречения. Ответ 19% респондентов («обращайся») демонстрирует коллективную солидарность и только 15% в опрошенных признают собственные заслуги проявляя реакцию, типичную для протестантской культуры – «Пожалуйста». Это, отчасти, можно объяснить тем, что в опросе принимали участие студенты института иностранных языков, которые уже частично сформировали вторичную языковую личность и в некоторых ситуациях модифицируют свое речевое поведение согласно установкам изучаемого иностранного языка.

На вопрос «Как вы обычно реагируете на вопрос «Как дела?»» 85% дали ответ «нормально». Данный ответ вряд ли можно расценивать как информативный, это, скорее, готовность к общению, установление контакта, причем нейтральность здесь можно трактовать и как занижением собственных достижений, что вновь согласуется с религиозным кенезисом. 15% опрошенных указали

реакцию «отлично» - что вновь указывает на заимствование коммуникативных норм изучаемого языка. Также нужно принять во внимание возрастные ограничения респондентов, так как опрос проводился среди аудитории, средний возраст которых – 21 год.

Все вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы. В категории вежливости можно выделить центр и периферию. В центральной части представлены установки, которые являются общими для многих культур. Вместе с тем, на периферийных участках проявляются некоторые особенности, закрепленные культурной, религиозной, исторической спецификой данного языкового коллектива. Рассмотрение религиозных основ проявления вежливости приводят нас к выводу о том, что такие религиозные основы как кенезис, различное отношение к греху – юридическая и органическая теория), автономизация своего я через умаления роли Творца в протестантизме и, напротив, диалогичность как условие развития личности в православии – все это отразилось в коммуникативных стратегиях проявления вежливости в русском и в английском языковых сообществах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стернин И.А. О понятии коммуникативного поведения / Стернин И. А // Kommunikativ– funktionale Sprachbetrachtung. Halle. – 1989. – S. 279–282.
2. Очерк американского коммуникативного поведения / Под ред. И.А. Стернина, М.А. Стерниной. – Воронеж, 2001.

3. Американское коммуникативное поведение / Под ред. И.А. Стернина, М.А. Стерниной. — Воронеж, 2001.
4. Sternina M., Sternin I. Russian and American Communicative Behavior / Sternina M., Sternin I. —Voronezh, 2003.
5. Русское и финское коммуникативное поведение / Под ред. И.А. Стернина, И.П. Лысаковой. Вып. 1. — Воронеж, 2000; Вып. 2. — СПб., 2001; Вып. 3. — Воронеж, 2002; Вып. 4. — Воронеж, 2004.
6. Русское и французское коммуникативное поведение. Вып. 1 / Под ред. И.А. Стернина, Р.А. Ермаковой. — Воронеж, 2002
7. Ю.И. Прохоров, И.А. Стернин. Русские: коммуникативное поведение / Ю.И. Прохоров, И.А. Стернин. https://thelibrary.ru/books/iosif_abramovich_sternin/russkie_kommunikativnoe_povedenie-read.html. (дата обращения: 07.07.2026).
8. Ларина Т.В. Категория «вежливость» как отражение социально-культурных отношений (на примере английской и русской коммуникативных культур) / Ларина Т.В. // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2003. № 4. — С. 137–147)
9. Ларина Т.В. Вежливость как предмет лингвистического изучения / Ларина Т.В. // Коммуникативное поведение. Вып. 17. Вежливость как коммуникативная категория / Научный редактор И.А. Стернин. —Воронеж, Издательство «Истоки», 2003. — С. 10–22.
10. Ерзинкян Е.Л. Лингвистическая категория вежливости. Семантика и прагматика / Ерзинкян Е.Л. — Ереван, Издательство ЕГУ, 2018. — 412 стр.
11. Почепцов Г.Г. Предложение / Почепцов Г.Г. // Теоретическая грамматика современного английского языка. — М.: Высшая школа, 1981. — С. 164–281.
12. Иссерс О.С. Бестактный вопрос как коммуникативная проблема русской речевой культуры / Иссерс О.С. // Русский язык за рубежом. — 2003. — № 5. DOI: 10.37632/PI.2023.300.5.003. https://gefest.rads-doi.org/public/dir_files/articleFile/48875.pdf. (дата обращения 10.07.2026).
13. Leech G.N. Principles of Pragmatics / Leech G.N. — London; New York, 1983. —250 p.
14. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: Нормативный и социокультурный контекст / Формановская Н.И. — М., 2002. — 236 с.
15. Клименко О.К. Категория вежливости и речевой этикет в русском языке / Клименко О.К. // Русский язык в современном обществе: Функциональные и статусные характеристики. — 2005. — №2005. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-vezhlivosti-i-rechevoy-etiket-v-russkom-yazyke> (дата обращения: 09.07.2026).
16. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни / Дюркгейм Э. // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. — М.: Антология, 1998. — 432с.
17. Багаева К.А., Цырендоржиева Д.Ш. Социальные функции религии и специфика их реализации в условиях современности / Багаева К.А., Цырендоржиева Д.Ш. // Вестник БГУ. — 2023. — №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-funktsii-religii-i-spetsifika-ih-realizatsii-v-usloviyah-sovremennosti> (дата обращения: 09.07.2026).
18. Невлева И.М., Сережко Т.А., Кохан Ж.С. Традиционная культура: религиозно-этические основы / Невлева И.М., Сережко Т.А., Кохан Ж.С. // НОМОТНТИКА: Философия. Социология. Право. — 2017. — №17 (266). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnaya-kultura-religiozno-eticheskie-osnovy> (дата обращения: 21.07.2026).
19. Бабаева А.В. Место и роль религии в культуре / Бабаева А.В. // JSRP. — 2013. — №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-i-rol-religii-v-kulture> (дата обращения: 21.07.2026).
20. Евангелие от Луки. Глава 6. (Лк 6:31). <https://azbyka.ru/biblio/?Lk.6&r>. (дата обращения: 21.07.2026).
21. Варюхин В. Золотое правило этики: путешествие через века и культуры / Варюхин В. <https://proza.ru/2026/05/11/916>. (дата обращения: 21.07.2026).
22. Митр. Иоанн Зизиулас. Бытие как общение. Очерки о личности и церкви / Митр. Иоанн Зизиулас. — М.: Свято-Филаретовский институт, 2006. — 360 с.
23. Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви / Лосский В.Н. — М., 1991. — 199 с.
24. Павлова Л.П. (монахиня Лонгина) Богословский взгляд на понятие личности в антропологии Архим. Софрония (Сахарова): дис. ... кандидата теологии. Санкт-Петербург, 2023 / Павлова Людмила Петровна. [disser_pavlova.pdf](https://disser.pavlova.pdf). (дата обращения: 21.07.2026)
25. Сизов С.Е. Философские истоки органической теории спасения в православном богословии / Сизов С.Е. // Вестник Томского государственного университета. — 2021. — №462. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskie-istoki-organicheskoy-teorii-spaseniya-v-pravoslavnom-bogoslovii> (дата обращения: 16.07.2026).
26. Думитраке Ю.К. Кенозис как философское понятие/ Думитраке Ю.К. // Дискуссия. — 2014. — №10 (51). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kenozis-kak-filosofskoe-ponyatie> (дата обращения: 16.07.2026).
27. Караханян Е.В. Понятие успеха в российской культуре / Караханян Е.В. // Вестник Башкирского университета. — 2008. —Т. 13. №2 (363) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-uspeha-v-rossiyskoy-kulture> (дата обращения: 21.07.2026).
28. «Домострой» священника Сильвестра (<https://tulaeparhia.ru/publikatsii/5688-3/>) (дата обращения: 21.07.2026)
29. Ковыневыва М. Домострой: нормы семейной жизни на Руси / Ковынева М. (<https://www.culture.ru/materials/254777/domostroi-normy-semeinoi-zhizni-na-rusi?ysclid=mcxse3eo990766139>) (дата обращения: 21.07.2026).
30. Зацепина Е.А. К изучению концепта вежливость / Е.А. Зацепина // Коммуникативное поведение. Том Выпуск 17. — Воронеж: Издательство Истоки, 2003. — С. 57–61. — EDN OYZFRX.
31. Раренко М.Б., Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. — 512 с.
32. Козлова Л.А. Сопоставительная прагматика: речевые акты в этнокультурном дискурсе. Учебное пособие. — Барнаул, ФГБОУ ВО «АлтГПУ», 2021. — 175 с.
33. Новикова В.Н. Протестантская этика как основа воспитательных традиций шведского народа / Новикова В.Н. // Теория и практика общественного развития. — 2012. — №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protestantskaya-etika-kak-osnova-vospitatelnyh-traditsiy-shvedskogo-naroda> (дата обращения: 10.07.2026).
34. Россинская Е.А., Россинский А.Г., Неда Камех Хош. Teaching Strategies to Form Oral Speech Competencies in English / Россинская Е.А., Россинский А.Г., Неда Камех Хош // Proceedings of SOCIONT 2022 — 9th International Conference of Education and Education on Social Sciences 13-14th June 2022 Online Conference.

- Рр.129-136. ISBN: 978-605-06286-6-1.
35. Ратмайр Р. Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры / Ратмайр Р. – М., 2003. – 272 с.
 36. Тимофеев Е.В. Специфика этики и аксиологии протестантизма: потенциал к внутриконфессиональному диалогу / Тимофеев Е.В. // Манускрипт. – 2019. – №1.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-etiki-i-aksiologii-protestantizma-potentsial-k-vnutrikonfessionalnomu-dialogu> (дата обращения: 15.07.2026).
 37. Искушение = Atonement: Atonement: Материалы Второго междунар. симп. христиан. философов. Почему бог стал человеком = Cur Deus homo / Ансельм Кентерберийский; Пер. с лат. Егора Начинкина. – Санкт-Петербург: Высш. религиоз.-филос. шк., 1999. – 287, [1] с.; 20 см.; ISBN 5-900291-14-6.
 38. Лютер М.О свободе христианина / Лютер М. // Составление, вступ. статья, пер. с нем., коммент., примеч. Ивана Фокина. — Издательство «АРС», 2013—728 стр. ISBN 978-5-905551-05-5.
 39. Давыдов О.Б. Коммунитаристский проект общества: философская критика и обоснование. Дис. ...док. фил. наук. 09.00.11. На правах рукописи / Давыдов Олег Борисович. Владивосток, 2017. Диссертация_Давыдов.pdf (дата обращения: 15.07.2026).
 40. Элиас Н.О процессе цивилизации: социогенетические и психогенетические исследования. Т.1.: изменения поведения в высших светских кругах запада / Н. Элиас // Культурология. – 2001. – № 1(17). – С. 25–77.
 41. Власян Г.Р. Различные подходы к определению лингвистической вежливости / Власян Г.Р. // Вестник НВГУ. – 2010. – №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razlichnye-podhody-k-opredeleniyu-lingvisticheskoy-vezhlivosti> (дата обращения: 10.07.2026).
 42. Рябова М.Ю. Категория вежливости в этикетной коммуникации: семантика извинения / М.Ю. Рябова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2016. – № 3. – С. 131–138. – DOI 10.17238/issn2227-6564.2016.3.131.
 43. Фокс К. Англия и англичане. То, о чем умалчивают путеводители / Фокс К.М., – 2012. – 512 с),
 44. Чернышева А.Ю. Извинения в русской и китайской коммуникативных культурах / А.Ю. Чернышева, В. Чан // Лингвокультурологические исследования развития русского языка в условиях полиэтнической среды: опыт и перспективы: Труды и материалы Международной конференции, Казань, 01–04 октября 2018 года / Под общей редакцией Е.А. Горобец, О.Ф. Жолобова, М.О. Новак. Том 1. – Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2018. – С. 182–185.
 45. (Русский речевой этикет: Учебно-метод. пособие / НГТУ; Сост.: Н.С. Конищева, О.В. Гундяева. – 2005. – 59 с.
 46. Леонтьев В.В. «Темная сторона» вежливости: историко-прагматический анализ номинаций ее субъектов в русской лингвокультуре / В.В. Леонтьев // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2018. – № 54. – С. 132–162.

© Россинская Екатерина Александровна (erossinskaya@yandex.ru), Неда Камех Хош (kamekh-khosh-n@rudn.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПТА «СЕРАЯ ЗОНА» В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ И СПОСОБЫ ДИСКУРСИВНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Су Ливэй

Доцент, Инженерный университет Ракетных войск НОАК,
(Сиань, Китай)
990619491@qq.com

THE EVOLUTION OF THE CONCEPT OF THE "GRAY ZONE" IN ENGLISH-LANGUAGE MILITARY-POLITICAL DISCOURSE AND WAYS OF DISCURSIVE COUNTERACTION

Su Liwei

Summary: The article shifts the issue of the 'gray zone' from military-political description to philological analysis. The object of the research is English-language military-political discourse, in which the expression gray zone has gradually changed from a metaphor of an uncertain space into a stable term of strategic communication. The article examines the stages of the conceptual evolution of the term, its metaphorical structure, evaluative meaning and translation difficulties. It argues that countering gray-zone practices requires not only political and military measures but also discursive counteraction: terminological clarification, exposure of euphemisms, construction of an alternative interpretive frame and development of critical media literacy.

Keywords: gray zone, English-language discourse, military-political terminology, concept, metaphor, critical discourse analysis, translation.

Аннотация: Статья переводит проблематику «серой зоны» из области военно-политического описания в поле филологического анализа. Объектом исследования выступает англоязычный военно-политический дискурс, в котором выражение gray zone постепенно превратилось из метафоры неопределённого пространства в устойчивый термин стратегической коммуникации. Рассматриваются этапы концептуальной эволюции термина, его метафорическая структура, оценочная нагрузка и переводческие трудности. Показано, что борьба с практиками серой зоны включает не только политические и военные меры, но и дискурсивное противодействие: уточнение терминов, разоблачение эвфемизмов, формирование собственной рамки описания и развитие критической медиаграмотности.

Ключевые слова: серая зона, англоязычный дискурс, военно-политическая терминология, концепт, метафора, критический дискурс-анализ, перевод.

Введение

Термин «серая зона» стал одним из наиболее заметных выражений современного военно-политического языка. Он используется для обозначения действий, которые находятся между миром и войной, правом и силой, открытым конфликтом и скрытым давлением. Однако для филологических наук важно не только то, какие практики описывает данный термин, но и то, как сама языковая форма создаёт определённый способ восприятия конфликта.

Выражение gray zone является метафорой. Оно переносит представление о цветовой неопределённости на сферу международной политики. Такая метафора не нейтральна: она помогает говорить о конфликте как о пространстве неясности, где трудно определить виновника, правовой статус действия и допустимый ответ. Поэтому анализ концепта «серая зона» требует внимания к семантике, прагматике, оценочности и переводческой интерпретации.

Цель статьи состоит в описании эволюции концепта «серая зона» в англоязычном военно-политическом дис-

курсе и в выявлении способов дискурсивного противодействия. В отличие от международно-политического подхода, где акцент делается на военных и институциональных мерах, филологический подход рассматривает термин как инструмент смыслового управления. Материалом анализа выступают научные и экспертные тексты, в которых gray zone используется для описания современных конфликтов [1; 2].

Концепт «серая зона» как дискурсивная единица

В лингвистическом отношении «серая зона» представляет собой концепт, объединяющий пространственную метафору, правовую неопределённость и оценку угрозы. Слово zone задаёт образ ограниченного пространства, а прилагательное gray указывает на размытость, промежуточность и недостаток ясности. В результате возникает смысловая модель, в которой конфликт описывается не как событие с чёткими границами, а как поле постепенного давления.

Подобные метафоры обладают сильным прагматическим эффектом. Они позволяют экспертному сообществу упростить сложную реальность, выделить в ней повторяю-

шийся признак и предложить аудитории удобную рамку понимания. Но одновременно метафора может скрывать конкретных акторов, ответственность и цели действия. Когда конфликт называется «серой зоной», внимание смещается с субъекта политики на состояние неопределённости.

Именно поэтому термин нуждается в критическом анализе. В дискурсе безопасности слова редко являются только описательными единицами. Они распределяют роли, задают допустимые реакции и формируют эмоциональный фон. Термин «серая зона» может мобилизовать тревогу, оправдывать расширение мер безопасности или, наоборот, маскировать агрессивное поведение как неоднозначное и трудно квалифицируемое [3].

Этапы эволюции термина

На первом этапе выражение *gray zone* функционировало как образ неопределённой области между двумя ясными состояниями. Оно использовалось в разных сферах — праве, экономике, этике, управлении — для обозначения ситуации, где правила не дают однозначного ответа. В этом употреблении термин был преимущественно метафорическим и не имел строгой военно-политической специализации.

На втором этапе, после распространения исследований о гибридной войне, «серая зона» стала связываться с конфликтами ниже порога войны. В экспертной литературе она начала обозначать действия, которые не запускают автоматический военный ответ, но постепенно меняют баланс сил. Здесь термин получает стратегическую функцию: он описывает не просто неопределённость, а намеренное использование неопределённости в политических целях [1; 4].

На третьем этапе понятие вошло в язык стратегической коммуникации. Оно стало использоваться для обозначения кибератак, информационного влияния, экономического принуждения, поддержки прокси-акторов, правовых манипуляций и давления на общественное мнение. Таким образом, концепт расширился: он стал обозначать не один вид действия, а целый режим конфликтного поведения.

На современном этапе *gray zone* функционирует как термин-пакет. Он собирает разные практики под одним названием и тем самым создаёт ощущение единой угрозы. Такое обобщение удобно для политики безопасности, но с филологической точки зрения оно требует осторожности. Чем шире термин, тем выше риск смысловой расплывчатости и манипулятивного использования.

Перевод и смысловые сдвиги

При переводе выражения *gray zone* на русский и

китайский языки возникают несколько трудностей. Во-первых, необходимо сохранить метафору цвета, поскольку именно она передаёт идею промежуточности. Во-вторых, важно не превратить термин в слишком нейтральное описание. В английском военно-политическом дискурсе *gray zone* несёт оценочную нагрузку: речь идёт не о простой неопределённости, а о потенциально опасной стратегии.

Русский вариант «серая зона» достаточно точно передаёт цветовую и пространственную метафору. Однако он может ассоциироваться также с административной, экономической или правовой неопределённостью. Поэтому в научном тексте необходимо уточнять контекст: «серая зона конфликта», «действия в серой зоне», «серозонные практики». Такие уточнения помогают отделить военно-политический смысл от бытового или юридического употребления.

Китайская передача термина также требует комментария, поскольку буквальная калька может не сразу раскрывать связь между метафорой и стратегическим поведением. В переводе важно объяснить, что «серость» означает не слабость и не нейтральность, а режим действия, рассчитанный на неопределённость ответа. Поэтому переводческая стратегия должна соединять сохранение образа и раскрытие функции термина [5].

Смысловой сдвиг возникает тогда, когда термин начинает восприниматься как объективное название реальности, а не как продукт определённого дискурса. Филологический анализ напоминает, что термин не только описывает практику, но и участвует в её политическом осмыслении. Кто называет ситуацию «серой зоной», тот предлагает аудитории определённый способ видеть угрозу и выбирать ответ.

Текстовые маркеры и нарративная структура

В англоязычных экспертных текстах концепт *gray zone* обычно сопровождается устойчивым набором лексических маркеров: *below the threshold*, *ambiguity*, *coercion*, *deniability*, *competition*, *escalation*, *resilience*. Эти слова формируют не случайный словарь, а повторяющуюся семантическую сеть. Через неё конфликт описывается как процесс постепенного давления, в котором решающее значение имеет не отдельный удар, а накопление малых действий.

Особое место занимает выражение *below the threshold of war*. Оно задаёт вертикальную модель: существует условная граница войны, а действия серой зоны располагаются ниже неё. Такая пространственная метафора создаёт ощущение управляемости конфликта, но одновременно скрывает тот факт, что последствия «ниже порога» могут быть стратегически значительны.

ми. Поэтому филологический анализ должен выявлять не только термин, но и встроенную в него модель пространства.

Другой важный маркер — *deniability*, то есть возможность отрицания ответственности. В дискурсе серой зоны это слово связывает действие и субъект не напрямую, а через режим сомнения. Смысловый эффект состоит в том, что аудитория видит действие, но не всегда получает ясную фигуру автора. Такая грамматика неопределённости усиливает политическую сложность ответа и становится частью самой стратегии.

Нарративная структура текстов о серой зоне обычно строится по схеме: неопределённая угроза — недостаточность традиционных средств — необходимость новой устойчивости. Эта схема формирует не только аналитическое описание, но и практическую программу. Она убеждает читателя, что прежние категории мира и войны устарели, а значит, государству нужны новые инструменты наблюдения, интерпретации и реагирования.

Жанровые различия употребления термина

Значение выражения *gray zone* меняется в зависимости от жанра. В официальных доктринальных документах термин стремится к нормативной определённости: он должен помочь классифицировать угрозы и распределить ответственность между институтами. Поэтому такие тексты часто используют сдержанный стиль, перечни признаков, операциональные определения и формулы готовности к реагированию.

В аналитических докладах исследовательских центров термин получает более широкую интерпретацию. Здесь важны сценарии, типологии, прогнозы и рекомендации. *Gray zone* описывается как пространство стратегического соперничества, где решающее значение имеют не только действия противника, но и слабость собственных институтов. В этом жанре термин выполняет диагностическую функцию.

В медийных текстах «серая зона» часто приобретает эмоционально-оценочную окраску. Она может использоваться для создания ощущения скрытой угрозы, неопределённости и постоянной опасности. Заголовки и краткие комментарии обычно усиливают метафоричность термина, тогда как сложные юридические и политические различия уходят на второй план. Поэтому медийное употребление требует особенно осторожного анализа.

В научных статьях термин должен проходить процедуру концептуального уточнения. Исследователь обязан показать, какие действия он относит к серой зоне, где проходят границы понятия и чем оно отличается от

гибридной войны, информационной операции или дипломатического давления. Без такой процедуры термин превращается в удобную, но слишком широкую метку. Именно здесь филологический анализ помогает восстановить точность научного языка.

Дискурсивное противодействие

Противодействие серой зоне обычно описывается в военных и политических терминах: укрепление обороны, санкции, разведка, кибербезопасность, дипломатические меры. Однако в условиях информационного общества не менее важным становится дискурсивное противодействие. Оно направлено на то, чтобы не позволить противнику навязать собственную рамку описания событий.

Первым направлением является терминологическая ясность. Необходимо различать гибридную войну, серую зону, информационную операцию, прокси-конфликт и экономическое принуждение. Если все эти явления обозначаются, одним словом, аналитика теряет точность. Чёткая терминология позволяет определить субъект действия, цель, механизм и возможный ответ.

Вторым направлением является разоблачение эвфемизмов. Практики серой зоны часто описываются мягкими словами: поддержка, консультация, защита, помощь, стабилизация. Филологический анализ показывает, как эвфемизм снижает восприятие угрозы или переводит ответственность в размытое поле. Поэтому критическое чтение официальных текстов и медийных сообщений становится частью безопасности.

Третьим направлением является формирование собственной интерпретационной рамки. Нельзя ограничиваться опровержением чужих сообщений; необходимо предлагать последовательный язык описания событий. Такая рамка должна соединять факты, правовую оценку, понятные метафоры и устойчивую систему аргументов. Только в этом случае аудитория получает альтернативу навязанному дискурсу.

Четвёртым направлением выступает медиаграмотность. Она позволяет обществу различать факт, интерпретацию, оценку и эмоциональную манипуляцию. Если аудитория понимает, как работают метафоры угрозы, эвфемизмы и повторяющиеся нарративы, она становится менее уязвимой перед информационным давлением. Поэтому филологическое образование может иметь практическое значение для стратегической устойчивости.

Пятым направлением можно считать переводческую стандартизацию. Если один и тот же термин передаётся в разных документах по-разному, возникает путаница, которая снижает качество анализа. Для научного и экс-

пертного употребления целесообразно фиксировать основные эквиваленты: *gray zone* — «серая зона», *gray-zone tactics* — «тактика серой зоны», *below the threshold* — «ниже порога открытой войны», *deniability* — «отрицаемость ответственности». Такая работа сближает переводоведение и прикладную лингвистику.

Шестым направлением является создание собственных аналитических корпусов. Сравнение официальных заявлений, докладов аналитических центров, медиатекстов и научных публикаций позволяет увидеть, как термин меняет значение в разных жанрах. В политическом заявлении он может выполнять мобилизационную функцию, в академической статье — классификационную, а в медийном тексте — эмоционально-оценочную. Корпусный подход делает эти различия наблюдаемыми.

Практическое значение филологического подхода

Филологический подход к концепту «серая зона» имеет практическое значение для международной коммуникации. Во-первых, он помогает избежать терминологической расплывчатости. Когда один термин обозначает кибердействия, информационные кампании, экономическое давление и прокси-конфликты одновременно, возникает риск аналитической перегрузки. Уточнение значения позволяет различать типы угроз и выбрать адекватный ответ.

Во-вторых, такой подход важен для подготовки переводчиков, аналитиков и специалистов по стратегической коммуникации. Они должны понимать, что перевод военно-политического термина не ограничивается под-

бором словарного соответствия. Необходимо учитывать жанр текста, адресата, оценочную нагрузку и возможные политические последствия выбранной формулировки.

В-третьих, анализ серой зоны показывает связь между языком и безопасностью. Современный конфликт часто начинается с борьбы за название события. Если одна сторона навязывает свою терминологию, она получает преимущество в интерпретации. Поэтому способность критически читать термины и создавать собственный язык описания становится элементом гуманитарной и политической устойчивости.

Заключение

Эволюция концепта «серая зона» показывает, что военно-политические термины не являются нейтральными обозначениями. Они формируют картину конфликта, распределяют роли участников и задают возможные реакции. Выражение *gray zone* прошло путь от общей метафоры неопределённости к устойчивому термину стратегического дискурса, описывающему действия ниже порога открытой войны.

Филологический подход позволяет увидеть скрытую работу языка в сфере безопасности. Он показывает, что борьба с серой зоной включает не только институциональные и военные меры, но и работу с терминами, метафорами, переводом и интерпретационными рамками. Дискурсивное противодействие становится необходимым элементом общей стратегии, поскольку современный конфликт начинается не только с действия, но и с его названия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маззар М. Дж. Освоение серой зоны: понимание меняющейся эпохи конфликта / М. Дж. Маззар. — Карлайл: Институт стратегических исследований, 2015. — 146 с.
2. Брэндс Х. Парадоксы серой зоны / Х. Брэндс. — Филадельфия: Институт исследований внешней политики, 2016.
3. Фэркло Н. Критический дискурс-анализ: критическое изучение языка / Н. Фэркло. — Лондон: Longman, 1995. — 265 с.
4. Хоффман Ф. Г. Конфликт в XXI веке: становление гибридных войн / Ф. Г. Хоффман. — Арлингтон: Институт политических исследований Потомака, 2007. — 72 с.
5. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живём / Дж. Лакофф, М. Джонсон. — Чикаго: Издательство Чикагского университета, 1980. — 242 с.
6. Чилтон П. Анализ политического дискурса: теория и практика / П. Чилтон. — Лондон: Routledge, 2004. — 226 с.
7. Водак Р. Методы критических дискурсивных исследований / Р. Водак, М. Мейер. — 3-е изд. — Лондон: SAGE, 2015. — 272 с.

© Су Ливэй (990619491@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБРАЗ РОССИИ В МАТЕРИАЛАХ WEIBO АГЕНТСТВА «СИНЬХУА» (2020–2025)

Фэн И

аспирант, Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы
1042238041@rudn.ru

RUSSIA'S NATIONAL IMAGE IN XINHUA'S WEIBO COVERAGE (2020–2025)

Feng Yi

Summary: The article examines the image of Russia constructed by the Chinese news agency Xinhua on the Weibo social network between 2020 and 2025. The object of the study is the Russia-related publications of Xinhua's official account. The subject of the study is the specific features of the media construction of Russia's national image amid the transformation of the digital media environment and international political communication. The aim of the study is to identify the key characteristics, mechanisms, and trends in the formation of Russia's image in Chinese official media. The methodological basis comprises content analysis, thematic analysis, quantitative analysis, sentiment analysis and comparative analysis. The theoretical framework draws on framing theory and agenda-setting theory. The findings show that Xinhua constructs a predominantly positive and multidimensional image of Russia. The greatest attention is devoted to Russian–Chinese political cooperation, international diplomacy, historical memory, economic interaction, and humanitarian contacts. The practical significance of the study lies in the applicability of its results to research on international communication, media discourse and national-image-building strategies in new media. It is concluded that social platforms are becoming an important instrument of the political and symbolic representation of the state in the contemporary information space.

Keywords: national image, Russia, China, Xinhua News Agency, social media, media framing.

Аннотация: Статья прослеживает образ России, который китайское агентство «Синьхуа» выстраивает в социальной сети Weibo с 2020 по 2025 год. Изучены публикации официального аккаунта агентства, связанные с Россией. Работа сосредоточена на том, как конструируется российский национальный образ, пока меняются и цифровая медиасреда, и международная политическая коммуникация. Цель — выявить ключевые характеристики, механизмы и тенденции формирования образа России в китайских официальных медиа. Применены контент-анализ, тематический и количественный анализ, анализ эмоциональной окраски текста, сравнительный анализ. Теоретическую опору дают теория фрейминга и теория установления повестки дня. Результаты показывают, что «Синьхуа» строит преимущественно позитивный и многомерный образ России. Больше всего внимания достаётся российско-китайскому политическому сотрудничеству, международной дипломатии, исторической памяти, экономическому взаимодействию и гуманитарным контактам. Прослежена и внутренняя динамика этого процесса: от сбалансированной пандемийной повестки 2020 года через культурный и гуманитарный поворот середины периода к дипломатическому пику 2025 года с максимальным за шесть лет числом материалов о России. Результаты применимы в исследованиях международной коммуникации, медиадискурса и стратегий формирования национального имиджа в новых медиа. Вывод: социальные платформы становятся важным инструментом политической и символической репрезентации государства в современном информационном пространстве.

Ключевые слова: национальный образ, Россия, Китай, агентство «Синьхуа», социальные медиа, медиафреймирование.

Национальный образ определяется как «проекция объективного состояния государства в общественном мнении, отражающая совокупность впечатлений, установок и оценок, которые общественность формирует в отношении той или иной страны» [1]. Корни концепции уходят к липпмановской «псевдосреде»: медиа не отражают реальность напрямую, а конструируют «картины в головах людей» [2]. Идея прижилась. С тех пор медиаконструирование национального образа так и осталось одной из центральных тем международной коммуникации [3], а между «взглядом другого» и «самонарративом» исследователи раз за разом обнаруживают зазор, который на международном образе России виден, пожалуй, отчётливее, чем на любом другом [4].

С 2020 по 2025 год китайско-российские отношения заметно углубились: стратегическое сотрудничество расширялось, а международная информационная среда за эти годы существенно изменилась. Внимание к тому,

как образ России подан в китайском медиапространстве, от этого только выросло [5]. Восприятие зарубежных стран китайской аудиторией складывается во многом с подачи «Синьхуа», самого авторитетного официального агентства страны [6].

Медиакоммуникация ушла от одноплатформенной модели к матричной, многоплатформенной [7], и каждая площадка теперь живёт по своей коммуникационной логике и работает со своей аудиторией [8]. Аккаунт «Синьхуа» в микроблоге Weibo обращён к внутренней аудитории, а потому удобен как окно в официальные дискурсивные стратегии конструирования образа России [9]. Само становление платформенного общества перестроило логику институциональных медиа в многоканальной среде [10]. Мы разбираем национальный образ России, который складывается в публикациях официального аккаунта «Синьхуа» в Weibo в 2020–2025 годах, и его поэтапную эволюцию. Теория здесь нужна

двойная. Понятие фрейма восходит к работе Гофмана об организации опыта [11], а рабочим инструментом служит теория фреймов Р. Энтмана [12] в связке с теорией установления повестки дня М. Маккомбса и Д. Шоу, которая раскрывает воздействие медиа на общественное восприятие через отбор и акцентирование тем [13]. Эта теория пригодилась и в изучении роли медиаинститутов при конструировании национального образа на международной арене [14]; в таком ракурсе мы и смотрим на образ России и закономерности его эволюции в материалах «Синьхуа».

Период пандемии (2020–2021)

В 2020 году «Синьхуа» опубликовало 195 материалов, связанных с Россией. Эмоциональная структура вышла самой сбалансированной за все шесть лет: 80 позитивных публикаций (41,0%) и 78 нейтральных (40,0%) — вместе более четырёх пятых годового объёма. Рекорд нейтральных объясняется пандемийной повесткой: изрядную их часть составляли фактологические сводки об эпидемиологической обстановке, где выраженная эмоциональная окраска попросту неуместна.

Образ России в этот период держится на трёх измерениях. Во-первых, Россия представлена как ответственная страна в противодействии пандемии: публикации с высокой вовлечённостью освещали телеобращения Путина, выделение средств на временные госпитали, разработку вакцины. Во-вторых, она изображается надёжным стратегическим партнёром Китая; устойчивое освещение получило сотрудничество в энергетике, космосе и контроле над вооружениями. В-третьих, Россия предстаёт великой державой, которая ведёт диалог на равных: самая популярная публикация года сообщала о телефонном разговоре Путина и Трампа по вопросам пандемии, нефтяного рынка, космоса и стратегической стабильности. Подобное фреймирование закрепляет за Россией статус самостоятельного и весомого участника мировой политики.

К 2021 году пандемия пошла на спад, и публикации о России в Weibo сократились до 99. Позитивных материалов стало 62,6%, нейтральных 19,2%. Доля позитивных прибавила больше 21 процентного пункта к 2020 году, а нейтральных резко упала с 40,0% до 19,2%. Сдвиг говорит сам за себя: агентство перешло от объективной фиксации к активному конструированию образа. Два самых популярных поста периода вообще не были привязаны к событиям, в обоих приводились высказывания сотрудников МИД. Хуа Чуньин отметила, что Китай и Россия «всегда были плечом к плечу»¹, Чжао Лицзянь охарактеризовал отношения как «закалённые испытаниями» и «прочные как скала»². Оба высказывания работали на один нарратив: Россия здесь надёжная опора и близкий партнёр Китая.

Культурный и гуманитарный поворот (2022–2023)

В 2022 году число публикаций о России выросло до 112, а позитивные материалы сохранили преобладание — 50,9% годового объёма. «Россия» с 248 упоминаниями уверенно удерживала первую строчку частотного списка, оставаясь центральным субъектом собственного медийного портрета.

В 2023 году картина переменялась резко: публикаций о России стало 58, меньше, чем в любой другой год периода. Зато доля позитивных материалов достигла 72,4% — максимум за шесть лет, нейтральных осталось 15,5%. Тематика ушла от политики далеко: в топе ключевых слов появились «панда», «Дин Дин», «детёныш». Сдвиг разительный. Серия публикаций о рождении детёнышей у панды Дин Дин в России оказалась одним из самых популярных типов контента года, а культурные и гуманитарные сюжеты вышли на первый план, потеснив официальную повестку.

Многосторонняя дипломатия и политическая повестка (2024)

В 2024 году число публикаций о России восстановилось до 136, а сам образ стал многообразнее. Тематический репертуар заметно расширился: наряду с двусторонним сотрудничеством выросла доля материалов о внутривнутриполитической жизни России, культуре и спорте, и такие публикации регулярно входили в десятку самых популярных за год.

В марте 2024 года Владимир Путин переизбрался на президентский пост с 87,19% голосов. «Синьхуа» осветило результат позитивно: процитировало его выступление в предвыборном штабе и подало итог выборов как естественное выражение народной поддержки.

Главная особенность частотного списка 2024 года: выход слова «БРИКС» на второе место (254 упоминания). Такого за весь период не было. Россия в том году председательствовала в БРИКС и принимала саммит в Казани; хештег «Саммит БРИКС председателя Си» (23 упоминания) возглавил рейтинг года. Заметная часть материалов проходила через призму многостороннего формата, и Россия представала там лидером сотрудничества Глобального Юга и активным участником многосторонних институтов.

Дипломатический подъём (2025)

В 2025 году структура публикаций о России отчётливо изменилась. Общее число выросло до 245 — максимум за шесть лет. Доля позитивных материалов составила 58,8%, нейтральных 10,6%; в абсолютных числах

позитивные публикации (144) также достигли пика за весь период.

Заметный пласт годовой повестки составили публикации к 80-летию Победы во Второй мировой войне. Историческая память подавалась как общее достояние двух стран: материалы о памятных мероприятиях, архивных документах и юбилейных торжествах фреймировали Россию хранителем исторической истины, а общее отношение к итогам войны — одной из опор двусторонних отношений.

По частотности упоминаний личностей Владимир Путин вернулся на первое место, а Си Цзиньпин активно присутствовал в материалах о России, чего за весь период не случалось ни разу. Среди хештегов первенство с 42 упоминаниями взял «Визит председателя Си в Россию» (#习主席俄罗斯之行#). Визит занял доминирующее положение в годовом объёме публикаций; второй по значимости темой стали встречи МИД с российской стороной.

Нарративный фокус в 2025 году сместился с самой России на дипломатию высшего уровня между Пекином и Москвой. Государственный визит Си Цзиньпина есть высшая форма дипломатического одобрения, и он неявно сигнализировал: Китай готов публично углублять стратегическое партнёрство с Россией.

Заявление Ван И на пресс-конференции в рамках «двух сессий» — «китайско-российские отношения являются константой в меняющемся мире»³ — дало авторитетную характеристику природы этих отношений.

Персонализированные нарративы тоже достигли пика. Самая популярная публикация сообщала, что на Петербургском международном экономическом форуме Путин признался: его внучка изучает китайский язык, а дочь начала учить его ещё в начале 2000-х годов⁴. Через личные симпатии лидера близость китайско-российских отношений утверждалась убедительнее любых официальных формул.

К 2025 году конструирование национального образа России средствами Weibo «Синьхуа» стало самым многоуровневым и системным за весь период. Исторические нарративы наделили китайско-российские отношения моральной легитимностью, которая выходит за рамки текущей политической конъюнктуры.

Заключение

Шесть лет подряд Weibo «Синьхуа» последовательно представлял Россию стратегическим партнёром. Стабильность эта была какой угодно, только не статичной: её поддерживала непрерывная корректировка

дискурсивных стратегий вслед за меняющейся повесткой. Пандемия дала для укрепления образа партнёра официальные одобрения и нарративы китайско-российского сравнения. В середине периода политические сюжеты уступили место культурным и эмоциональным. А к 2025 году конструирование образа достигло пика: дипломатические рамки высшего уровня плюс персонализированные нарративы, где симпатии лидера к чужой стране работали на образ отношений не хуже совместных коммюнике.

Редакционная линия в отношении России не менялась: стратегический партнёр и близкий союзник. Менялись инструменты, и подбирались они под обстоятельства — от пандемийной фактологии и официальных цитат до культурных сюжетов и дипломатических рамок высшего уровня. Именно способность перестраиваться и обеспечила устойчивость общего образа на протяжении всех шести лет.

Отдельный вывод касается самой платформы. Истории о внучке Путина, учащей китайский, или о детёнышах панды Дин Дин стабильно собирали больше откликов, чем официальные заявления МИД. Персонализированный контент живёт в Weibo по иным законам, нежели традиционный политический дискурс [15], и редакционная политика агентства год от года это учитывала.

У работы есть границы. Один аккаунт на одной платформе — выборка узкая. Реакция аудитории фиксировалась только через лайки и репосты, а это не даёт полного представления о том, как читатели воспринимали материалы. Картину обогатило бы и расширение географии платформ, и более глубокое изучение аудиторных реакций.

Примечания

¹ Информационное агентство «Синьхуа» (официальный аккаунт в микроблоге Weibo). Публикация в Weibo. URL: <https://weibo.com/1699432410/KePiEBLkG> (дата обращения: 10.04.2026).

² Информационное агентство «Синьхуа» (официальный аккаунт в микроблоге Weibo). Публикация в Weibo. URL: <https://weibo.com/1699432410/Kh792hP7W> (дата обращения: 10.04.2026).

³ Информационное агентство «Синьхуа» (официальный аккаунт в микроблоге Weibo). Публикация в Weibo. URL: <https://weibo.com/1699432410/PhpOSjAnD> (дата обращения: 10.04.2026).

⁴ Информационное агентство «Синьхуа» (официальный аккаунт в микроблоге Weibo). Публикация в Weibo. URL: <https://weibo.com/1699432410/PxfYFDD8T> (дата обращения: 10.04.2026).

ЛИТЕРАТУРА

1. Лю С. Размышления о роли СМИ в конструировании национального образа // Обзорение международной журналистики. – 2002. – № 2. – С. 61–66. (На кит. яз.)
2. Lippmann W. Public Opinion. – New York: Harcourt, Brace & Co., 1922. – 427 p.
3. Шестопап Е.А. Имидж России в мировом информационном пространстве. – Москва: Аспект Пресс, 2020. – 248 с.
4. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – New York: PublicAffairs, 2004. – 191 p.
5. Сунь Ч. От «конструирования другими» к «самоконструированию» // Путеводитель по журналистским исследованиям. – 2023. – Т. 14. – № 2. – С. 50–53. (На кит. яз.)
6. Shambaugh D. China Goes Global: The Partial Power. – New York: Oxford University Press, 2013. – 409 p.
7. Ли Х. Исследование путей и стратегий медиаматричной коммуникации // Коммуникации Юго-Восточного Китая. – 2018. – № 2. – С. 24–26. (На кит. яз.)
8. Jenkins H. Convergence Culture: Where Old and New Media Collide. – New York: New York University Press, 2006. – 308 p.
9. Юй Гомин. Микроблог: новая форма коммуникации, несущая в себе огромную энергию // Новости и письмо. – 2010. – № 2. – С. 59–61. (На кит. яз.)
10. Van Dijck J., Poell T., De Waal M. The Platform Society: Public Values in a Connective World. – New York: Oxford University Press, 2018. – 232 p.
11. Goffman E. Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience. – New York: Harper & Row, 1974. – 600 p.
12. Entman R.M. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm // Journal of Communication. – 1993. – Vol. 43. – No. 4. – P. 51–58.
13. McCombs M.E., Shaw D.L. The Agenda-Setting Function of Mass Media // Public Opinion Quarterly. – 1972. – Vol. 36. – No. 2. – P. 176–187.
14. Kunczik M. Images of Nations and International Public Relations. – Mahwah N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1997. – 346 p.
15. McCombs M. Setting the Agenda: The Mass Media and Public Opinion. – Cambridge: Polity Press, 2004. – 184 p.

© ФЭн И (1042238041@rudn.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КРОСС-КУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ РЕКЛАМНОГО МЕДИАТЕКСТА В СИСТЕМЕ МЕДИАКОММУНИКАЦИЙ СТРАН ЮЖНОЙ АЗИИ

Хассан Деван Мехеди

Старший преподаватель, Российский государственный
гуманитарный университет, (г. Москва)
dmehedih@gmail.com

CROSS-CULTURAL ADAPTATION OF ADVERTISING MEDIA TEXT IN THE MEDIA COMMUNICATIONS SYSTEM OF SOUTH ASIAN COUNTRIES

Hassan Dewan Mehedi

Summary: The media communications of South Asian countries form a multilingual and multi-confessional environment: the advertising media text operates there across several languages, scripts, and value registers at once. The subject of the study is the mechanisms of cross-cultural adaptation of such a text as it is transferred into the media space of India, Pakistan, Bangladesh, and Sri Lanka. The global advertising template diverges from the local communicative expectations of the audience. Hence the question: which textual levels are reconfigured during adaptation, and which of them carries the main load. The answer rests on a four-level author's model covering the linguistic, visual-semiotic, value-pragmatic, and genre-platform levels; the model is tested on an author's corpus of advertising media texts from the regional media market for 2023–2026. The reconfiguration is shown to run not through surface translation but through the value-pragmatic level: adaptation draws on the calendar of religious festivals, family and status frames, and the system of politeness address. The linguistic level gravitates steadily towards mixed code and register switching, whereas the visual layer preserves the recognisability of the global brand. The resulting typology describes cross-cultural adaptation of the advertising media text in the region as a recording of value orientations under a recognisable global shell, which refines the boundary between translation and transcreation in media linguistics.

Keywords: advertising media text, cross-cultural adaptation, media communications, South Asian countries, polycode text, transcreation, cultural code, code-switching.

Аннотация: Медиакоммуникации стран Южной Азии образуют полиязычную и поликонфессиональную среду: рекламный медиатекст работает здесь сразу на нескольких языках, письменностях и ценностных регистрах. Предмет работы — механизмы кросс-культурной адаптации такого текста при переносе в медиaproстранство Индии, Пакистана, Бангладеш и Шри-Ланки. Глобальный рекламный шаблон расходится с локальными коммуникативными ожиданиями аудитории. Отсюда вопрос: какие уровни текста перестраиваются при адаптации и какой из них несёт основную нагрузку. Ответ строится на авторской четырёхуровневой модели, которая охватывает языковой, визуально-семиотический, ценностно-прагматический и жанрово-платформенный уровни; модель проверена на авторском корпусе рекламных медиатекстов регионального медиарынка за 2023–2026 гг. Установлено, что перестройка идёт не по поверхностному переводу, а по ценностно-прагматическому уровню: адаптация опирается на календарь религиозных праздников, семейные и статусные фреймы, систему обращений вежливости. Языковой уровень устойчиво тяготеет к смешанному коду и переключению регистров, тогда как визуальный слой удерживает узнаваемость глобального бренда. Полученная типология описывает кросс-культурную адаптацию рекламного медиатекста в регионе как перекодирование ценностных ориентиров под опознаваемой глобальной оболочкой; тем самым уточняется граница между переводом и транскреацией в медиалингвистике.

Ключевые слова: рекламный медиатекст, кросс-культурная адаптация, медиакоммуникации, страны Южной Азии, поликодовый текст, транскреация, культурный код, переключение кода.

Введение

У рекламного медиатекста в системе медиакоммуникаций положение особое. Он разом информирует о товаре и встраивает бренд в ценностную картину аудитории. Понятийный аппарат для его описания сложился в медиалингвистике: медиатекст здесь понимается как многоуровневое единство вербального и невербального компонентов, а его форматно-жанровое разнообразие описывается через систему устойчивых признаков [10]. Рекламный сегмент добавляет к ним поликодовость, совместную работу языкового, изо-

бразительного и звукового рядов; её прослеживают на материале цитатных отсылок к артефактам культуры [4]. В медиaproстранстве стран Южной Азии эта поликодовость усложняется ещё и числом одновременно задействованных языков и письменностей.

Языковая дробность региона (Индия, Пакистан, Бангладеш, Шри-Ланка, Непал) высока: только в Индии государственный статус закреплён более чем за двумя десятками языков, а фактическое число используемых в рекламе идиомов заметно выше. По отраслевым обзорам медиарынка региона за 2025 г. аудитория социаль-

ных платформ Южной Азии превысила 400 млн пользователей, а контент на региональных языках прирастает в несколько раз быстрее англоязычного. Глобальный рекламодатель, который входит в такую среду, вынужден перенастраивать сообщение под локального адресата глубоко, далеко за пределами простого перевода. Сам сдвиг от перевода к перенастройке описан понятием адресатной адаптации медиатекста [7].

Что именно при этом перенастраивается, литература решает неоднородно. Часть работ сводит адаптацию рекламного текста к переводческой операции с поправкой на культурные реалии: Е. А. Яшкина, например, описывает её как подбор эквивалентов, которые сохраняют прагматический эффект оригинала в межкультурном пространстве [2]. Другая линия смещает акцент на маркетинговую стратегию целиком. По наблюдению Е.А. Емельяничевой, адаптация под разные культурные и языковые рынки затрагивает не отдельный слоган, а всю конфигурацию сообщения, включая выбор канала и тональности [3]. А какой уровень текста при адаптации оказывается ведущим, специализированная литература пока не решила: согласия здесь нет.

Задача работы двойная. Сначала упорядочить уровень кросс-культурной адаптации рекламного медиатекста применительно к южноазиатским медиакommunikациям, затем определить, который из них несёт основную адаптационную нагрузку. Рабочее предположение простое: основную нагрузку принимает ценностно-прагматический уровень сообщения, а языковая поверхность при нём остаётся подчинённой.

Материалы и методы исследования

Материалом послужил авторский корпус рекламных медиатекстов, размещённых в медиaprостранстве Индии, Пакистана, Бангладеш и Шри-Ланки в 2023–2026 гг.: печатная, телевизионная и цифровая реклама, включая форматы социальных платформ и потокового видео. В корпусе 214 единиц. Каждая отобрана по одному признаку: у сообщения должны быть и локализованная, и исходная (глобальная) версия, поэтому текст можно сопоставлять до адаптации и после неё. Отбор охватывал коммерческую рекламу товаров повседневного спроса, телекоммуникационных услуг и финансовых продуктов.

Ведущим методом стал сопоставительный лингвостилистический анализ парных версий; к нему добавлены компонентный анализ значения и приёмы дискурс-анализа при описании ценностных фреймов. Слои сообщения разводил поликодовый разбор: отдельно вербальный ряд, отдельно графический и изобразительный. Аудиторную составляющую описывал транснациональный подход к изучению медиааудитории, который снимает привязку адресата к одной национальной

территории [13]. Рыночный контекст южноазиатских и сопредельных медиасистем привлекался по обзорным работам о состоянии медиарынка Азии [12].

Языковой и визуальный вклады разграничены по модели описания коммуникации в медиаполе двух культур, которую предложила А.Р. Газетдинова [14]. Количественные соотношения по корпусу приводятся как авторские частотные показатели. На генеральную совокупность региональной рекламы они не переносятся.

Результаты и обсуждение

Южноазиатская система медиакommunikаций ставит рекламный медиатекст в особые условия. Полиязычность держится уже на уровне отдельного рынка. Традиционные и цифровые носители сосуществуют, а аудитория быстро сдвигается к мобильному потреблению контента на региональных языках. Упомянутые выше обзоры за 2025 г. дают по региону свыше 400 млн пользователей социальных платформ, причём прирост контента на региональных языках устойчиво опережает англоязычный сегмент. Рекламное сообщение здесь изначально проектируется многоверсионным: глобальный макет идёт с набором локализаций, которые различаются между собой языком, графикой и ценностной настройкой.

В основании кросс-культурной адаптации рекламного медиатекста лежит представление о культурном коде: это упорядоченная система смыслов, которую распознают внутри конкретного сообщества. М.Ю. Гудова и М. Юань показывают, что в кросс-культурной медиапродукции коды выстраиваются иерархически, и поверхностные, легко считываемые знаки надстраиваются над глубинными ценностными основаниями [8]. Локализация, если продолжить эту логику, задевает разные ярусы кода с разной силой. Реклама работает и как канал продвижения национальных культурных кодов, о чём применительно к российскому материалу пишет Е.Д. Фурманов [5]. В южноазиатском случае направление обратное. Глобальный бренд встраивает свой знак в уже сложившуюся местную кодовую иерархию.

Переводческий взгляд на адаптацию рекламы держится за этнокультурные характеристики исходного текста. У Л.В. Хриченко сохранность коммуникативного эффекта при переносе аутентичного рекламного текста прямо зависит от того, понят ли этнокультурный слой [6]. Южноазиатский материал показывает, что перевод адаптацию редко исчерпывает: слоган, буквально перенесённый на хинди, урду или бенгали, денотат сохраняет, но коннотативную опору теряет, если местные ассоциативные связи проигнорированы. Региональный рынок отвечает на это приёмом транскреации, то есть пересоздаёт сообщение с прежней коммуникативной задачей и новым образным наполнением.

Поликодовая природа рекламного медиатекста определяет адаптационную нагрузку между каналами. О.М. Куницына разбирает комплексное воздействие коммуникативных сигналов поликодового медиатекста и отмечает: вербальный и изобразительный ряды способны нести несовпадающие, а иногда и встречные сигналы [9]. Южноазиатская реклама пользуется этим свойством целенаправленно. Изображение удерживает глобальную эстетику бренда, вербальный ряд переключается на местный языковой регистр. А само формирование языковой нормы в такой смешанной среде становится предметом медиатекста, как показывает А.Н. Бертякова на материале межкультурной коммуникации [11].

Ярче всего встраивание рекламы в национальный символический ресурс видно на индийском сегменте. А.Н. Морева описывает, как медиатизация йоги и киноиндустрии Болливуда формирует узнаваемый национальный бренд Индии в глобальной коммуникации [1]; рекламные медиатексты подключаются к этому ресурсу и заимствуют его образность вместе с эмоциональным тоном. Сопоставимый механизм переключения регистра в транскультурном дискурсивном пространстве прослежен Л.С. Тороповой на материале англоязычных СМИ восточноазиатских стран [15]. Южноазиатская реклама работает с несколькими адресатными группами сразу и удерживает двойную адресацию внутри одного сообщения.

Корпусный материал складывается в четыре уровня, на которых идёт кросс-культурная адаптация рекламного медиатекста в южноазиатских медиакоммуникациях: языковой, визуально-семиотический, ценностно-прагматический, жанрово-платформенный. Порядок здесь не случаен: глубина перестройки нарастает от простой замены языковой оболочки к переналадке ценностных ориентиров сообщения. Между этими четырьмя уровнями адаптационные операции распределились в корпусе неравномерно.

Языковой уровень собирает сразу несколько решений: выбор языка и письменности, переключение кода, подбор регистра. Одноязычная локализация в рассмотренном корпусе уступает смешанному коду: английский сочетается с хинди (разговорное «хинглиш»), с урду или с бенгали в пределах одного слогана. Доля сообщений со смешанным кодом в корпусе составила 0,61. Полностью переведённые на региональный язык версии тяготеют к сегменту товаров повседневного спроса, а англо-местный микс закреплён за телекоммуникациями и финансовыми продуктами. Переключение кода работает здесь распределителем: оно разводит сообщение между городским билингвальным адресатом и региональным монопольным.

Графику стоит разобрать отдельно: письменность в регионе несёт не только фонетическую, но и идентифи-

кационную нагрузку. Один и тот же бренд выпускает наружную и цифровую рекламу в латинице для городской билингвальной аудитории, а для регионального адресата переходит на местную графику: деванагари для хинди, насталик для урду, бенгальское письмо. Восприятие от этого сдвигается. Латинская запись маркирует глобальность и современность, местная работает на укоренённость и обращённость к «своим». Параллельный выпуск в двух графических версиях зафиксирован в корпусе у 0,29 сообщений, преимущественно в сегментах телекоммуникаций и потребительских финансов.

В корпусе визуально-семиотический уровень оказался самым консервативным. Логотип, фирменная палитра, композиционная схема глобального макета сохраняются в подавляющем большинстве адаптированных версий; локализация добивается только до предметного окружения, типажей персонажей и бытовых деталей. Чаще всего это замена фотомодели на узнаваемый местный типаж, введение регионального костюма или предмета обихода. Изобразительный ряд удерживает опознаваемость бренда и тем самым страхует переключения на других уровнях.

Основную адаптационную нагрузку несёт ценностно-прагматический уровень. Здесь перестраивается сама мотивировка обращения к товару, а заодно и тон: реклама начинает апеллировать к другой системе ценностей. Устойчивее всего работает привязка кампании к календарю религиозных и сезонных праздников. Дивали, Ид аль-Фитр, Понгал, Дурга-пуджа, бенгальский Новый год становятся смысловым центром заметной части кампаний, а товар вводится в сценарий дарения, семейного застолья или обновления. К праздничному календарю в корпусе привязано 0,44 сообщений, и глубина переработки исходного текста в этой группе наибольшая. Рядом работает семейный и статусный фрейм: сообщение адресовано члену расширенной семьи, а выгода товара сформулирована через заботу о родителях, детях и репутации дома. Третий механизм — система обращений вежливости. Локализованные версии вводят почтительные формы и возрастную иерархию адресации; в глобальном оригинале их нет, поскольку он настроен на равное неформальное обращение. Совмещение всех трёх механизмов и даёт глубоко адаптированное сообщение.

Конфессиональная разметка ценностного уровня по странам региона расходится. В пакистанском и бангладешском сегментах праздничный и семейный фрейм чаще выстраивается вокруг исламского календаря и связанных с ним норм застолья и дарения; индийский сегмент опирается на индуистские и региональные праздники, причём межконфессиональные кампании там заметны. Рекламный медиатекст в таких условиях обходит конфессионально маркированные детали, способные сузить адресата, и держится общих для аудитории

семейных ценностей. Осторожность и сама превращается в адаптационный приём: сообщение калибруется под конфессиональный состав конкретного рынка.

Жанрово-платформенный уровень отвечает за подстройку сообщения под медианоситель. Мобильное потребление в регионе доминирует: по отраслевым данным за 2025 г., свыше девяноста процентов доступа к социальным платформам приходится на смартфоны. Реклама уходит поэтому в короткие вертикальные виде-оформаты, в формат сообщений мессенджеров, в интеграции с локальными платформами регионального языка. Адаптация меняет хронометраж, дробит сообщение на серию касаний, добавляет интерактивные элементы. Платформенная логика подтягивает за собой языковую: короткий вертикальный ролик чаще выходит в смешанном коде, а длинный праздничный — в проработанной местной версии.

Контраст между буквальным переносом и транскреацией виден на типовом слогане бытовой техники. Английская формула «Made for you», переведённая на хинди напрямую, сохраняет обращение к отдельному потребителю и звучит для местного уха сухо-нейтрально. Транскреированная версия адресует то же самое семье, добавляет праздничную коннотацию, а продукт подаёт как вклад в общий дом. Денотативное ядро сообщения при этом на месте. А коннотативная и адресатная рамка сменилась целиком. Успешность локализации решает именно такая замена; подбор словарных эквивалентов остаётся вспомогательным.

Четыре уровня складываются в устойчивую асимметрию, и она воспроизводится по всему корпусу. Визуальный слой перестраивается меньше всех: он удерживает глобальную оболочку бренда. Максимум приходится на ценностно-прагматический уровень, где переопределяется мотивировка потребления. Языковой уровень посередине: по форме подвижен, но ценностной перенастройке подчинён, ведь выбор кода и графики сам адресует сообщение определённой ценностной группе. Картина складывается в пользу той линии в литературе, которая читает адаптацию рекламы как стратегическую переналадку сообщения, а переводческую составляющую считает частным случаем более широкой операции.

Рабочее предположение о ведущей роли ценностно-прагматического уровня корпус подтверждает: глубина

переработки концентрируется именно здесь, а остальные три уровня либо удерживают узнаваемость бренда, либо обслуживают адресацию. Разграничение перевода и транскреации получает тем самым опору в распределении адаптационных операций по уровням сообщения.

Заключение

Кросс-культурная адаптация рекламного медиатекста в южноазиатских медиакоммуникациях идёт сразу на четырёх выделенных уровнях, и перестройка распределена между ними неравномерно.

Ценностно-прагматический уровень принимает на себя основную нагрузку. Перекодируется мотивировка обращения к товару: календарь религиозных праздников, семейный и статусный фрейм, система обращений вежливости вытесняют глобальную установку на индивидуального неформального адресата. Вокруг праздничного календаря выстроено около 0,44 сообщений корпуса, и глубина переработки в этой группе наибольшая. Смысл региональной адаптации сводится к замене ценностных ориентиров при удержании опознаваемой глобальной оболочки.

Языковой уровень подвижен по форме, но по функции подчинён. Адресные группы размечают смешанный код и переключение письменности: язык, возраст, степень урбанизации задают границы между ними.

Устойчивее всех визуальный слой: логотип, палитра и композиция глобального макета сохраняются, а локализация сдвигается на предметное окружение и типаж. Жанрово-платформенный уровень подстраивает сообщение под мобильное потребление, а оно в регионе доминирует: свыше девяноста процентов доступа к платформам идёт со смартфонов.

Для медиалингвистики типология уточняет границу между переводом и транскреацией рекламного медиатекста. Перевод обслуживает языковую поверхность, транскреация — ценностное ядро. В южноазиатском материале ведущей оказывается вторая операция, и отсюда понятно, почему буквальный перенос слогана в регионе регулярно даёт коммуникативный сбой. Рекламный медиатекст работает здесь узлом, в котором глобальная бренд-оболочка сшивается с локальной ценностной иерархией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Морева А.Н. Медиатизация йоги и Болливуда в формировании национального бренда Индии в глобальной коммуникационной стратегии // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2026. Т. 26. № 2. С. 90–96.
2. Яшкина Е.А. Особенности адаптации рекламного текста в межкультурном пространстве // Казанская наука. 2023. № 10. С. 258–260.
3. Емельяникова Е.А. Адаптация маркетинговых стратегий для различных культурных и языковых рынков // Экономика и бизнес: теория и практика.

2025. № 10 (128). С. 121–127.
4. Ежова Е.Н. Артефакты культуры в поликодовом рекламном тексте: типы цитатности // Медиалингвистика. 2023. Т. 10. № 2. С. 179–208.
5. Фурманов Е.Д. Реклама как ресурс продвижения национальных культурных кодов // Общество: философия, история, культура. 2025. № 10 (138). С. 428–437.
6. Хриченко Л.В. Реклама. Этнокультурные характеристики — важность их понимания при переводе аутентичных рекламных текстов // Форум. 2021. № 3 (23). С. 15–18.
7. Пром Н.А. Адресатная адаптация медиатекста // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2021. № 4. С. 136–148.
8. Гудова М.Ю., Юань М. Иерархия культурных кодов в философско-экзистенциальной интерпретации кросс-культурной медиапродукции // Общество: философия, история, культура. 2022. № 12 (104). С. 15–19.
9. Куницына О.М. Анализ комплексного воздействия коммуникативных сигналов поликодового медиатекста // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. № 10 (878). С. 51–57.
10. Добросклонская Т.Г., Смольская Н.Б. Медиатекстология: системный подход к изучению форматно-жанрового разнообразия современной медиаречи // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 4. С. 118–135.
11. Бертякова А.Н. Медиатекст как пространство формирования языковой нормы в межкультурной коммуникации // Русский язык за рубежом. 2021. № 6 (289). С. 10–14.
12. Чжао Л. Современное состояние рынка СМИ в Юго-Восточной Азии // Научный аспект. 2023. Т. 3. № 1. С. 306–310.
13. Поляков А.К., Аббасов Г.А. Транснациональный подход к изучению аудитории медиа // Коммуникология. 2023. Т. 11. № 3. С. 135–146.
14. Газетдинова А.Р. Языковая и визуальная коммуникация в медиаполе двух культур // Libri Magistri. 2025. № 2 (32). С. 53–60.
15. Торопова Л.С. Языковой знак *charm offensive* в транскультурном дискурсивном пространстве англоязычных СМИ западных и восточноазиатских стран // Современное педагогическое образование. 2021. № 6. С. 168–174.

© Хассан Деван Мехеди (dmehedih@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРИНЦИПЫ ОТБОРА, ОПИСАНИЯ И СИСТЕМАТИЗАЦИИ НОВОЙ ЛЕКСИКИ В ЭЛЕКТРОННЫХ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ РЕСУРСАХ

Хуэй Ланьсинь

Аспирант, Южный Федеральный Университет,
(г. Ростов-на-Дону)
khuei@sfedu.ru

PRINCIPLES OF SELECTION, DESCRIPTION, AND SYSTEMATIZATION OF NEW VOCABULARY IN ELECTRONIC LEXICOGRAPHIC RESOURCES

Hui Lanxin

Summary: The article examines the principles of selection, description, and systematization of new vocabulary in electronic lexicographic resources. The relevance of the study is determined by the active renewal of the lexical system of the modern language and the need for the prompt recording of new lexical units in the digital environment. Special attention is paid to the criteria for including new words in an electronic dictionary, among which frequency of use, regular occurrence in different sources, semantic stability, communicative significance, and the degree of consolidation of a unit in the language are particularly important. The article considers the main parameters of the lexicographic description of new vocabulary, including grammatical characteristics, definition, stylistic marking, information about the sphere of use, frequency data and contextual examples. It is shown that an electronic lexicographic resource makes it possible to present new vocabulary not only in alphabetical order, but also within a multilevel system of thematic, semantic, word-formation, chronological and frequency-based relations. The conclusion is drawn that electronic lexicography serves as an important tool for scholarly observation of the dynamics of the modern language.

Keywords: new vocabulary, neologism, electronic lexicography, electronic dictionary, frequency, lexicographic description.

Аннотация: В статье рассматриваются принципы отбора, описания и систематизации новой лексики в электронных лексикографических ресурсах. Актуальность исследования определяется активным обновлением словарного состава современного языка и необходимостью оперативной фиксации новых лексических единиц в цифровой среде. Особое внимание уделяется критериям включения новых слов в электронный словарь, среди которых значимыми являются частотность употребления, регулярность фиксации в разных источниках, семантическая устойчивость, коммуникативная значимость и степень закреплённости единицы в языке. Рассматриваются основные параметры лексикографического описания новой лексики, включая грамматическую характеристику, толкование, стилистическую маркировку, сведения о сфере употребления, частотные данные и контекстные примеры. Показано, что электронный лексикографический ресурс позволяет представлять новую лексику не только в алфавитном порядке, но и в многоуровневой системе тематических, семантических, словообразовательных, хронологических и частотных связей. Делается вывод о том, что электронная лексикография выступает важным инструментом научного наблюдения за динамикой современного языка.

Ключевые слова: новая лексика, неологизм, электронная лексикография, электронный словарь, частотность, лексикографическое описание.

Обновление словарного состава представляет собой один из значимых показателей развития современного языка. В условиях цифровизации особенно заметным становится появление новых лексических единиц, новых значений уже существующих слов, заимствований и терминологических новообразований. Эти процессы связаны не только с развитием технологий, но и с изменением способов коммуникации, расширением медиасреды и усилением роли электронных текстовых массивов. Актуальность исследования определяется необходимостью научного осмысления принципов фиксации новой лексики в электронных лексикографических ресурсах. В отличие от печатного словаря, электронный ресурс позволяет оперативно обновлять словарные статьи, учитывать частотность употребления, фиксировать контекстные примеры и отражать динамику распространения лексической единицы. В современ-

ной отечественной неологии такие ресурсы рассматриваются как закономерный этап развития словарей новой лексики, поскольку они сочетают традиционные принципы лексикографического описания с возможностями цифровой обработки языкового материала [1].

Особое значение имеет вопрос о критериях отбора новой лексики. Новая единица не может быть включена в словарь только на основании факта ее появления в речи. Для лексикографического описания необходимо учитывать степень ее распространенности, устойчивость значения, регулярность употребления в разных источниках и коммуникативную значимость. Важную роль играют также контекстные примеры, поскольку именно они позволяют определить, является ли слово случайным речевым образованием или уже входит в активное употребление. Например, лексема *нейросеть*

может рассматриваться не только как технический термин, но и как общеупотребительная единица, функционирующая в разных типах современного дискурса. Электронные неографические ресурсы позволяют систематизировать новую лексику по ряду параметров: типу единицы, сфере употребления, грамматическим признакам, хронологии появления и частотности. Такая организация материала делает электронный словарь не только справочным источником, но и инструментом анализа языковой динамики [2].

Объектом исследования является новая лексика, представленная в электронных лексикографических ресурсах. Предмет исследования составляют принципы ее отбора, описания и систематизации. Цель статьи заключается в выявлении основных лингвистических и лексикографических подходов к фиксации новой лексики в электронных словарях и базах данных. Для достижения поставленной цели используются описательный метод, лексико-семантический анализ, контекстуальный анализ, элементы частотного анализа и метод лексикографического моделирования. Практическая значимость исследования состоит в возможности применения его положений при разработке и совершенствовании электронных словарей новой лексики.

Для конкретизации исследовательского материала целесообразно учитывать не только общие теоретические положения электронной лексикографии, но и параметры, представленные в современных электронных неографических ресурсах. В статье данные ресурсы рассматриваются не как объект полного сравнительного анализа, а как иллюстративная база для выявления принципов отбора, описания и систематизации новой лексики. Это позволяет соотнести заявленные методы исследования с реальными способами представления новых лексических единиц в электронных словарях и базах данных. (Таб. 1.)

Представленные ресурсы позволяют соотнести заявленные методы исследования с конкретными параметрами

электронного описания новой лексики: формой единицы, толкованием, грамматическими признаками, контекстом, частотностью и хронологией фиксации.

Изучение новой лексики в современной лингвистике опирается на представление о словарном составе как об открытой и динамической системе. Новые слова, новые значения, заимствования и речевые новообразования отражают изменения в социальной, технологической и коммуникативной практике общества. В отечественной неологии и неографии новая лексика рассматривается не только как результат номинации новых реалий, но и как показатель активных процессов в семантике, словообразовании и функционировании языка [3].

Важное значение для данного исследования имеет разграничение языковых неологизмов и речевых новообразований. Как показывают работы по академической неографии, в словари новых слов могут попадать как уже закрепляющиеся единицы, так и слова, связанные с конкретным периодом или актуальным коммуникативным событием [4]. Поэтому при описании новой лексики необходимо учитывать не только факт появления слова, но и степень его устойчивости, регулярность употребления, семантическую определенность и сферу функционирования.

Электронная лексикография существенно расширяет возможности описания новой лексики. Если печатный словарь фиксирует результат лексикографической обработки в относительно завершённом виде, то электронный ресурс позволяет представлять лексическую единицу как динамический объект. В работах, посвященных ресурсу «Новое в русской лексике», подчеркивается, что цифровой формат обеспечивает поиск по разным параметрам, обновление словарных данных и включение дополнительной информации о слове [1]. Ресурс neolex.iling.spb.ru показывает, что электронная неография может совмещать функции словаря, базы данных и исследовательского инструмента [2].

Особое место в теоретическом осмыслении новой

Таблица 1.

Электронные лексикографические ресурсы как материал исследования.

Электронный ресурс	Значение для исследования	Анализируемые параметры
«Новое в русской лексике»	Отражает академический подход к фиксации новых слов	Отбор единиц, толкование, контекстные примеры, хронологические сведения
neolex.iling.spb.ru	Показывает поисковые возможности цифровой неографии	Поиск по единицам, грамматическим признакам, источникам и времени фиксации
Электронный словарь неологизмов Института немецкого языка им. Лейбница	Позволяет сопоставить параметры электронного описания новой лексики	Форма слова, значение, сфера употребления, сочетаемость, контекст
Национальный корпус русского языка	Используется как дополнительный источник проверки употребления	Частотность, контекст, жанровое распределение, динамика употребления

Источник: составлено автором.

лексики занимают частотность и контекст. Частотные показатели позволяют определить степень распространенности единицы, а контекстные примеры выявляют ее значение, сочетаемость и стилистическую характеристику. Это особенно важно для слов, возникающих под влиянием актуальных инфоповодов: такие единицы могут быть кратковременными, но при этом демонстрировать продуктивные словообразовательные и семантические модели [5]. Это особенно важно для единиц, возникающих под влиянием актуальных инфоповодов: такие слова могут быть кратковременными, но при этом демонстрировать продуктивные словообразовательные и семантические модели.

Лексикографическое описание новой единицы предполагает учет ее грамматических, семантических, словообразовательных и стилистических признаков. Исследования в области неологической лексикографии показывают, что особую сложность представляют единицы с нестабильной формой, вариантным написанием или неустоявшимся грамматическим поведением [6]. В терминологии цифрового общества эта проблема проявляется особенно отчетливо, поскольку новые наименования быстро выходят за пределы специальной сферы и начинают функционировать в массовой коммуникации [7].

Таким образом, теоретическая база исследования формируется на пересечении лексикологии, неологии, неографии, корпусной лингвистики и электронной лексикографии. Новая лексика в электронном ресурсе должна рассматриваться не как простой перечень новых слов, а как многоуровневый материал, требующий отбора, описания и систематизации с учетом частотности, контекста, семантики, грамматики и динамики употребления.

Отбор новой лексики для электронного лексикографического ресурса должен основываться не на единичной фиксации слова, а на совокупности лингвистических признаков. Новая единица может появиться в отдельном тексте как индивидуальное речевое образование, однако для словарного описания важна ее повторяе-

мость, смысловая определенность и способность функционировать за пределами одного контекста. Поэтому первичным критерием выступает не сам факт новизны, а степень закрепления лексемы в современной речевой практике.

Одним из значимых параметров является частотность. Она позволяет установить, насколько активно слово используется в корпусах, электронных СМИ и других текстовых массивах. Однако частотный показатель не должен рассматриваться изолированно: кратковременный рост употребления может быть связан с отдельным информационным поводом, тогда как регулярное функционирование в разных жанрах свидетельствует о более устойчивом положении единицы в языке. Для систематизации критериев отбора новой лексики целесообразно выделить несколько основных параметров, представленных в таблице 2.

На практике указанные критерии могут применяться при анализе конкретной новой единицы. Так, лексема *маркетплейс* демонстрирует достаточно высокую степень закрепления в современной речи: она регулярно встречается в медиатекстах, деловой коммуникации и повседневном употреблении, имеет относительно устойчивое значение и образует типичные сочетания: *крупный маркетплейс*, *продавать через маркетплейс*, *выход на маркетплейс*. В электронном словаре такая единица может быть описана с указанием происхождения, сферы употребления, грамматических характеристик, частотных данных и контекстных примеров.

После отбора новая единица должна получить лексикографическое описание. В электронном ресурсе оно может быть более гибким, чем в печатном словаре, поскольку цифровой формат позволяет дополнять словарную статью новыми сведениями и уточнять параметры описания по мере накопления языкового материала. В исследованиях, посвященных электронным словарям неологизмов, подчеркивается значимость комплексного описания новой единицы: ее формы, значения, грамматических признаков, сочетаемости и контекстного употребления [8].

Таблица 2.

Основные критерии отбора новой лексики для электронного лексикографического ресурса.

Критерий	Лексикографическое значение
Частотность	Показывает степень распространенности единицы
Регулярность употребления	Позволяет отличить устойчивое слово от случайного образования
Семантическая определенность	Даёт основание для формулирования словарного толкования
Сфера функционирования	Помогает установить тематическую и стилистическую принадлежность
Контекстная представленность	Подтверждает реальное употребление слова в текстах
Вариативность формы	Позволяет фиксировать конкурирующие написание или грамматические варианты

Источник: составлено автором.

В структуру электронной словарной статьи могут входить заголовочное слово, грамматическая характеристика, толкование, стилистическая помета, сведения о происхождении, сфера употребления, частотные данные и контекстные примеры. При наличии орфографической вариативности новая единица должна описываться с указанием основного и возможных дополнительных вариантов написания, например *кешбэк / кэшбэк*, а также с учетом их частотности и нормативного статуса.

В электронном ресурсе целесообразно фиксировать несколько репрезентативных контекстов из разных источников. Языковые примеры должны сопровождаться указанием источника и даты употребления, поскольку для новой лексики хронологический параметр имеет принципиальное значение. Он помогает проследить, как слово появляется, распространяется и меняет сферу функционирования.

Таким образом, отбор и описание новой лексики в электронных ресурсах должны сочетать количественные и качественные параметры. Частотность показывает степень распространения слова, а контекстный и семантический анализ позволяют определить его значение, сферу употребления и лексикографический статус. Такой подход обеспечивает более точное представление новой лексики в электронной словарной системе.

Систематизация новой лексики в электронном лексикографическом ресурсе должна учитывать не только форму представления словарного материала, но и внутренние связи между лексическими единицами. В отличие от печатного словаря, где основным способом организации обычно выступает алфавитный порядок, электронный ресурс позволяет сочетать несколько классификационных принципов. Такая модель особенно важна для новой лексики, поскольку ее значение, сфера употребления и частотность могут изменяться по мере закрепления в языке.

Базовым остается алфавитный принцип, обеспечивающий быстрый доступ к словарной статье. Однако в электронной среде он должен дополняться тематической, семантической, словообразовательной и хронологической систематизацией. Тематический принцип позволяет распределять новые единицы по сферам употребления, например лексика цифровой экономики, медиакоммуникации или профессиональной деятельности. Семантический принцип помогает выявить отношения между словами, включая синонимические, родо-видовые и ассоциативные связи. Словообразовательная систематизация показывает, какие модели образования новых слов становятся продуктивными в определенный период.

Систематизация новой лексики может быть показана на примере единицы цифровой след. В электронном ресурсе

она может быть представлена одновременно в нескольких классификационных зонах: тематически — в группе лексики цифровой коммуникации; семантически — в ряду единиц, связанных с данными и интернет-активностью пользователя; функционально — как терминологизированная единица, вышедшая за пределы специального дискурса; хронологически — как лексема, активизировавшаяся в условиях расширения цифровых сервисов. Этот пример показывает, что электронная систематизация не ограничивается алфавитным расположением материала, а позволяет отразить разные аспекты функционирования новой единицы.

Особое значение имеет хронологический и частотный аспект. Для новой лексики важно фиксировать не только сам факт появления единицы, но и динамику ее употребления: первоначальную фиксацию, период активного распространения, возможное снижение частотности или переход в общеупотребительный словарь.

Электронная систематизация предполагает также связь словарной статьи с корпусным материалом. В современной лексикографии подчеркивается, что интеграция электронного словаря с корпусом позволяет соотносить элементы словарной статьи с реальными примерами употребления и тем самым уточнять семантическое и грамматическое описание единицы [9]. Для новой лексики это особенно существенно, поскольку контексты употребления часто становятся основанием для уточнения значения и определения сферы функционирования слова.

Таким образом, систематизация новой лексики в электронных ресурсах должна быть многоуровневой. Она включает алфавитную организацию, тематическое распределение, семантические связи, словообразовательные модели, хронологические данные и частотные показатели. Такой подход позволяет представить новую лексику не как простой перечень слов, а как динамическую часть лексической системы, отражающую изменения в языке и коммуникации.

Проведенное рассмотрение показывает, что новая лексика является важным объектом современной лингвистики, поскольку отражает не только внутренние процессы развития словарного состава, но и изменения в социальной, технологической и коммуникативной практике. В условиях цифровой среды особое значение приобретает электронная лексикография, которая позволяет фиксировать новые единицы более оперативно и представлять их в более гибкой системе описания.

Отбор новой лексики для электронных лексикографических ресурсов должен основываться на совокупности критериев. Наиболее значимыми являются частотность употребления, регулярность фиксации в разных источни-

ках, семантическая устойчивость, коммуникативная значимость и степень закреплённости единицы в языке. При этом частотный показатель не может рассматриваться изолированно: он должен соотноситься с контекстом, сферой употребления и динамикой распространения слова.

Описание новой лексической единицы в электронном ресурсе предполагает комплексный подход. Помимо заголовочной формы и толкования, необходимо учитывать грамматические признаки, стилистическую характеристику, сферу функционирования, варианты написания, частотные данные и контекстные примеры. Именно примеры употребления позволяют уточнить значение слова, выявить его сочетаемость и определить реальное место новой единицы в современной коммуникации.

Систематизация новой лексики в электронных лекси-

кографических ресурсах должна быть многоуровневой. Алфавитный принцип сохраняет значение для поиска, однако он должен дополняться тематической, семантической, словообразовательной, хронологической и частотной классификацией. Такая организация материала позволяет представить новую лексику не как разрозненный перечень слов, а как динамическую часть лексической системы.

Таким образом, электронные лексикографические ресурсы выступают не только справочным инструментом, но и средством научного наблюдения за развитием языка. Перспективы дальнейшего исследования связаны с уточнением критериев отбора неологизмов, совершенствованием методов частотного и контекстного анализа, а также с разработкой более гибких моделей электронного описания новой лексики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Егоров И.М., Приемышева М.Н., Ридецкая Ю.С. Лексикографический ресурс «Новое в русской лексике» как цифровой этап в развитии отечественной академической неогрaфии // *Terra Linguistica*. 2023. Т. 14. № 3. С. 28–40.
2. Ридецкая Ю.С. Неогрaфический цифровой ресурс neolex.iling.spb.ru: поисковые возможности и перспективы развития // *Verba. Северо-Западный лингвистический журнал*. 2024. № 1 (11). С. 37–47.
3. Приемышева М.Н. Русская академическая неогрaфия в начале XXI в.: к проблеме новых объектов описания // *Коммуникативные исследования*. 2024. Т. 11. № 4. С. 667–682.
4. Меркулова И.А. Какие они, слова нашего времени? // *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики*. 2024. № 3 (54). С. 48–58.
5. Козловская Н.В., Павлова А.С. Слова одного месяца в зеркале оперативной неогрaфии // *Verba. Северо-Западный лингвистический журнал*. 2024. № 1 (11). С. 8–20.
6. Ридецкая Ю.С. Особенности описания префиксоидов в неологической академической лексикографии // *Вопросы лексикографии*. 2023. № 29. С. 28–51.
7. Маринова Е.В. Русская терминология цифрового общества: грамматические особенности в фокусе неологии и неогрaфии // *Русистика*. 2024. Т. 22. № 2. С. 225–241.
8. Смолоногина Е.А., Ситникова И.О. Параметры лексикографического описания новой лексики современного немецкого языка в электронном словаре неологизмов Института немецкого языка им. Лейбница // *Научный диалог*. 2022. Т. 11. № 2. С. 140–158.
9. Егорова А.Ю. Структура словарных статей электронного двуязычного словаря и его интеграция с корпусом // *Вопросы лексикографии*. 2025. № 37. С. 96–118.

© Хуэй Ланьсинь (khuei@sfnu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ ТРЕНДОВ КОРОТКИХ ВИДЕО НА ФОРМЫ И ОСОБЕННОСТИ ДЛИННОГО ВИДЕОКОНТЕНТА НА ПРИМЕРЕ ПЛАТФОРМЫ YOUTUBE¹

Цао Инфэй

Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы
qq1104539764@outlook.com

THE INFLUENCE OF SHORT-FORM VIDEO TRENDS ON THE FORMS AND FEATURES OF LONG-FORM VIDEO CONTENT ON THE EXAMPLE OF THE YOUTUBE⁵ PLATFORM

Cao Yingfei

Summary: Short vertical clips have turned into the prevailing model of video consumption: according to YouTube⁶, by mid-2025 the Shorts format was gathering over 200 billion views per day, against no more than 70 billion a year earlier. The joint presence of short clips and multi-minute publications on a single platform creates a tension between the logic of rapid engagement and the logic of holding the viewer in prolonged viewing, while the question of whether the short format displaces the long one or reshapes it from within remains open. The aim of the work is to identify the mechanisms by which short-video trends alter the dramaturgy, editing rhythm and compositional segmentation of long-form content on YouTube⁷. Typological and structural-functional analysis of formats is used, along with a comparison of engagement parameters based on open platform statistics for 2024–2026. It is shown that the pressure of short clips manifests not in trimming the running time of long videos but in transferring into them clip-style retention techniques — a condensed opening, the splitting of narration into self-contained segments, the visual marking of semantic transitions. The leading role of Shorts as a channel of primary discovery of an author indicates that the short and long formats form co-subordinate links of a single attention funnel, in which the long video keeps the function of in-depth retention while borrowing the tools of capture from the short one.

Keywords: short-form video, long-form video content, YouTube⁸ video hosting, clip-thinking, digital video formats, audience engagement, transformation of media consumption.

Аннотация: Короткие вертикальные ролики стали преобладающей моделью видеопотребления: по данным YouTube², к середине 2025 г. формат Shorts набирал свыше 200 миллиардов просмотров в сутки против не более чем 70 миллиардов годом ранее. Короткие ролики и многоминутные публикации живут на одной площадке, и логика быстрого вовлечения сталкивается тут с логикой удержания зрителя в длительном просмотре. Вытесняет ли короткий ролик длинное видео или перестраивает его изнутри, пока не ясно. Цель работы — выявить механизмы, которыми тренды коротких роликов меняют драматургию, монтажный ритм и композиционное членение длинного контента на YouTube³. Используются типологический и структурно-функциональный анализ форматов, а также сопоставление параметров вовлечения с опорой на открытую статистику платформы за 2024–2026 гг. Показано, что хронометраж длинного видео под давлением коротких роликов не урезается: в него переносят приёмы клипового удержания, то есть уплотняют завязку, дробят повествование на самостоятельные сегменты, визуально маркируют смысловые переходы. Shorts при этом опережающе работает каналом первичного обнаружения автора, а значит, форматы соподчинены: они образуют звенья единой воронки внимания, где длинное видео удерживает зрителя вглубь и заимствует у короткого ролика инструменты захвата.

Ключевые слова: короткое видео, длинный видеоконтент, видеохостинг YouTube⁴, клиповизация, форматы цифрового видео, вовлечение аудитории, трансформация медиапотребления.

1 YouTube — видеохостинг, принадлежащий компании Google LLC. Доступ к сервису на территории Российской Федерации ограничен: с августа 2024 г. применяется замедление трафика.

2 YouTube — видеохостинг, принадлежащий компании Google LLC. Доступ к сервису на территории Российской Федерации ограничен: с августа 2024 г. применяется замедление трафика.

3 YouTube — видеохостинг, принадлежащий компании Google LLC. Доступ к сервису на территории Российской Федерации ограничен: с августа 2024 г. применяется замедление трафика.

4 YouTube — видеохостинг, принадлежащий компании Google LLC. Доступ к сервису на территории Российской Федерации ограничен: с августа 2024 г. применяется замедление трафика.

5 YouTube is a video hosting service owned by Google LLC. Access to the service in the territory of the Russian Federation is restricted: traffic throttling has been applied since August 2024.

6 YouTube is a video hosting service owned by Google LLC. Access to the service in the territory of the Russian Federation is restricted: traffic throttling has been applied since August 2024.

7 YouTube is a video hosting service owned by Google LLC. Access to the service in the territory of the Russian Federation is restricted: traffic throttling has been applied since August 2024.

8 YouTube is a video hosting service owned by Google LLC. Access to the service in the territory of the Russian Federation is restricted: traffic throttling has been applied since August 2024.

Введение

К июню 2025 г. раздел Shorts набирал более 200 миллиардов просмотров в сутки; в начале 2024-го было около 70 миллиардов. Ежемесячная аудитория формата перевалила за два миллиарда пользователей. За цифрами стоит смена самого способа смотреть: то, что заходило как периферийное дополнение, стало каналом, через который зритель впервые попадает на площадку. А YouTube⁹ исторически строился вокруг длинного горизонтального видео. Отсюда и вопрос, ради которого написана работа: что делается с устройством длинного видео, когда рядом, в общей ленте, живёт короткий ролик? Обостряет вопрос и теснота. К 2025 г. на платформе лежит свыше двадцати миллиардов роликов, за сутки заливают ещё двадцать миллионов, и в такой давке за внимание дерётся каждый формат, причём не только со своим братом по типу. Короткий ролик перехватывает зрителя раньше, чем длинное видео успеет начаться. На той же странице, в том же приложении, одним движением большого пальца.

Проблему чаще всего сводят к вытеснению: короткие ролики растут, спрос на длинные публикации падает, авторы урезают хронометраж. Схема простая и потому соблазнительная. Наблюдения её осложняют: сопоставление популярности разных длительностей показывает, что аудитория от продолжительного просмотра не отказывается, а перераспределяет внимание между типами материала в зависимости от того, где и как смотрит [5]. Систематизация причин, по которым короткий ролик популярен, подводит к тому же: силён он скоростью вовлечения и алгоритмической раздачей [1], а вовсе не тем, что отнимает время у длинного. Тезис о вытеснении плохо уживается с устойчивостью длительных форматов, и затруднение это принципиальное: две части картины не сходятся, пока мы смотрим на длительность. Развязать узел можно, лишь сместив фокус: с объёма контента на его внутреннее строение.

А.М. Шестерина связывает влияние видеоблогинга с переносом его выразительных приёмов в телевизионный контент [3]. К.А. Онуприенко описывает, как устойчивые телевизионные жанры меняются при переходе на новые технологические платформы [4]. Теоретическую рамку для таких наблюдений дают работы, где онлайн-видео разобрано как обособленный сегмент медиао-

трасли со своей логикой производства и дистрибуции [6]. Направление влияния тут схвачено верно. Но смотрят все на одну и ту же пару, «видеоблогинг — телевидение», где новая форма давит на старую извне; а что происходит, когда обе формы живут на одной платформе и делят одну ленту рекомендаций, проработано куда слабее.

Цель работы — выявить механизмы, которыми тренды коротких роликов меняют драматургию, монтаж и композицию длинного видео на YouTube¹⁰. Материалом служит сама платформа: среда, где оба формата соперничают за внимание в общей ленте. Занимает нас не столько факт заимствования, сколько его адрес: какие именно приёмы короткого ролика мигрируют в длинное видео, на каком участке хронометража оседают и как после этого перераспределяются функции между двумя форматами, формально разными, а на деле всё теснее срастающимися.

Материалы и методы исследования

Единицей рассмотрения служит формат: устойчивое сочетание хронометража, композиции, монтажного ритма и способа размещения в системе рекомендаций. Отдельный ролик берётся лишь как частное его проявление, иначе анализ рассыпался бы в бесконечную россыпь примеров. Опираемся на типологический и структурно-функциональный анализ форматов видеоконтента YouTube¹¹, а сопоставляем короткий и длинный по четырём параметрам: завязка, сегментация повествования, плотность визуальных акцентов, модель удержания зрителя.

Эмпирическую опору дают открытые количественные показатели платформы за 2024–2026 гг.: суточные просмотры Shorts, доля YouTube¹² в телесмотрении, правки в правилах подсчёта просмотров, допустимая длительность короткого ролика. Привлекаем их как внешний фон: они фиксируют масштаб и динамику тренда, но сами по себе о строении контента не говорят ничего. Источник цифр: официальные публикации YouTube¹³ и материнской компании Alphabet, на них в тексте даны прямые отсылки. Форматные сдвиги истолкованы содержательно, через положения профильных российских работ по сетевому видео.

Мера осторожности тут необходима. Измерить ауди-

9 YouTube — видеохостинг, принадлежащий компании Google LLC. Доступ к сервису на территории Российской Федерации ограничен: с августа 2024 г. применяется замедление трафика.

10 YouTube — видеохостинг, принадлежащий компании Google LLC. Доступ к сервису на территории Российской Федерации ограничен: с августа 2024 г. применяется замедление трафика.

11 YouTube — видеохостинг, принадлежащий компании Google LLC. Доступ к сервису на территории Российской Федерации ограничен: с августа 2024 г. применяется замедление трафика.

12 YouTube — видеохостинг, принадлежащий компании Google LLC. Доступ к сервису на территории Российской Федерации ограничен: с августа 2024 г. применяется замедление трафика.

13 YouTube — видеохостинг, принадлежащий компании Google LLC. Доступ к сервису на территории Российской Федерации ограничен: с августа 2024 г. применяется замедление трафика.

торные реакции по отдельным каналам в открытом доступе почти невозможно: платформа раскрывает агрегированные показатели, а сопоставимых срезов по жанрам и длительностям не даёт. Поэтому количественные данные оценивают лишь направление и порядок величин, а о строении контента судим качественно, с поправкой на неоднородность раскрываемой статистики. Ограничение — это существенное, и снять его силами внешнего наблюдателя нельзя: сопоставимые срезы есть у самой платформы, но наружу она их не отдаёт.

Результаты и обсуждение

Алгоритмическая лента Shorts раздаёт материал тем, кто на канал не подписан, а низкий порог входа быстро наращивает охват. Первичное обнаружение автора: вот на что работает короткий ролик прежде всего. К. С. Тесов, характеризуя короткие видео как маркетинговый инструмент, подчёркивает их роль в захвате внимания и переводе случайного зрителя к целевому действию [9]; в развлекательном сегменте та же логика родила форматы подачи, рассчитанные на мгновенное считывание и серийное потребление [10]. Дальше вмешалась арифметика платформы. В марте 2025 г. просмотром стал считаться любой запуск ролика, метрика охвата сделалась ещё чувствительнее к первым секундам контакта, и отбор качнулся в пользу предельно плотной завязки. Формат при этом расширяли в ту же сторону: с октября 2024 г. короткий ролик может длиться до трёх минут при вертикальной или квадратной ориентации. Места для истории прибавилось; требование мгновенного захвата осталось прежним. Закрепляет приём и массовость: короткие ролики ежемесячно публикует около семи-десяти процентов каналов, загружающих контент, так что для большинства авторов Shorts стал не выбором, а условием присутствия. Через этот фильтр, первый и самый жёсткий, зритель проходит раньше, чем доберётся до длинных публикаций канала. Отработан фильтр плох — основной работы автора никто не увидит.

Длинное видео всё чаще открывается уплотнённой завязкой, и функция у неё та же, что у первого кадра Shorts: удержать зрителя в первые секунды, пока он не смахнул ролик обратно в ленту. На уровне драматургии и монтажа приёмы переносятся вполне отчётливо. А.И. Маркова, разбирая способы создания качественного контента о кино на YouTube¹⁴, отмечает растущую роль монтажного ритма и жанровой узнаваемости как условий удержания [8]. Сопутствующий инструментарий приходит оттуда же: частые склейки, экранные подписи, вынесение ключевой реплики в первые секунды. Всё

это отрабатывалось в коротких роликах под жёстким лимитом времени, а затем переключалось в длинное видео вместе с привычкой. Появились и производные формы, выросшие из короткого ролика, но развёрнутые до полноценной длительности: показателен феномен «реакций», где исходный микроповод растягивают в длинный ролик включённым комментарием ведущего [13]. Сырьём короткий ролик тут служит, но не заменой. И вот что любопытно: заимствуют именно вход. Чем плотнее конкуренция за первые секунды, тем охотнее длинное видео перенимает технику мгновенного захвата, а развёрнутая часть живёт по прежним законам, будто две половины одного ролика собирали разные люди из разных эпох платформы.

Стриминговые и хостинговые площадки переопределяют само понятие длительного просмотра, помещая его в один интерфейс с короткими роликами [11]. Достается, выходит, и устойчивым экранным формам, переключавшимся на платформу. Близкий процесс на российском материале описывает А.А. Кисляк: короткие ролики перестраивают контент, перенесённый из телевидения [2]. Видно это и на новостях. К.В. Чобанян показывает, как характеристики телевизионных видеонОВОСТЕЙ подстраиваются под логику социальных платформ, вплоть до дробления сюжета и правки длительности [12]. Уступка тем показательнее, что новостной сюжет изначально стоял на жёсткой внутренней структуре и дроблению сопротивлялся упорнее прочих жанров; поддался и он. Историческую перспективу выстраивает Т.В. Эль-Бакри, прослеживая развитие аудиовизуального контента в условиях цифровизации медиасистем [7]. В изоляции, словом, длинное видео на YouTube¹⁵ не развивается: сосед давит постоянно, и давление это старше, чем кажется.

Есть, однако, область, короткому ролику недоступная. Образовательный и просветительский сетевой контент разворачивает материал последовательно, а в формат до минуты такое не уместается в принципе [14]. Социологи фиксируют запрос на продолжительный просмотр как альтернативу телевидению и кинотеатру, особенно там, где нужно погружение [15]. Косвенно подтверждает и статистика платформы: к маю 2025 г. YouTube¹⁶ обеспечивал порядка 12,5% всего телесмотрения в США, а ежедневный объём просмотра на экранах телевизоров превысил миллиард часов. Одними короткими роликами такое не объяснить. Переезд на телеэкран важен именно длинному видео: большой экран и расслабленный домашний сценарий дают ему среду, где глубина удержания раскрывается полнее, чем в мобильной ленте. Короткий ролик оказывается тут гостем: геометрия и

14 YouTube — видеохостинг, принадлежащий компании Google LLC. Доступ к сервису на территории Российской Федерации ограничен: с августа 2024 г. применяется замедление трафика.

15 YouTube — видеохостинг, принадлежащий компании Google LLC. Доступ к сервису на территории Российской Федерации ограничен: с августа 2024 г. применяется замедление трафика.

16 YouTube — видеохостинг, принадлежащий компании Google LLC. Доступ к сервису на территории Российской Федерации ограничен: с августа 2024 г. применяется замедление трафика.

темп у него рассчитаны на телефон в руке, а не на диван и три метра до экрана. Сценарии потребления, стало быть, разошлись: мобильная лента одному, «диванный» просмотр другому. Уже одно это ограничивает прямую конкуренцию. Ключевые параметры двух форматов сведены ниже (табл. 1).

Различие между форматами лежит не столько в длительности, сколько в том, как распределены коммуникативные функции. Короткий ролик специализируется на захвате внимания незнакомого зрителя; длинное видео удерживает его и превращает случайного в постоянного. Похоже, оттого давление коротких трендов и не выливается в простое сокращение хронометража: урезав длинное видео, его лишили бы собственной функции, а вместе с ней и смысла. Разделение по функции оказывается устойчивее формального признака длительности. Оно и решает, какие приёмы формат способен позаимствовать у соседа, не потеряв себя: захват заимствуется свободно, потому что он лежит на входе и середины не трогает, а вот саму модель удержания перенять нельзя, не превратившись в другой формат.

Точнее назвать происходящее перенастройкой входа. У короткого ролика длинное видео заимствует технику захвата: уплотнённую завязку, ранний визуальный крючок, маркировку смысловых переходов. Середина остаётся сегментно-развёрнутой; ролик до минуты её структурно не вмещает. Дробится и внутреннее строение публикации. Собирают её всё чаще из относительно самостоятельных блоков, и каждый удерживает зрителя локально, отчасти воспроизводя на протяжённом отрезке логику пролистываемой ленты. Производству так тоже удобнее: блок выстраивают и переснимают автономно, цена переработки фрагмента падает, длинный проект становится управляемее. Есть и побочный эффект, о котором говорят реже. Сквозная драматур-

гическая арка слабеет: вместо единого нарастающего действия зрителю предлагают череду локальных кульминаций, и внимание держат короткими интервалами. Приученный лентой к тому, что интерес обновляется каждые несколько секунд, зритель получает привычный ритм даже там, где материал по замыслу требовал терпения. Режиссёрская логика постепенного нарастания уступает место логике поминутного удержания.

Складывается модель соподчинения. Короткий и длинный формат образуют единую воронку внимания: Shorts работает верхним, охватным уровнем и переводит случайного зрителя к каналу, а длинное видео удерживает его ниже, превращая интерес в лояльность. Платформенные данные о том, что сочетание короткого и длинного контента ускоряет рост канала примерно на сорок процентов, с такой трактовкой согласуются, но строго её не доказывают: ускоряться канал может и просто оттого, что вообще активен, а не оттого, что форматы как-то по-особому взаимодействуют. Оговорка существенная, и снять её на открытых данных нельзя. В логике воронки короткий ролик забирает себе работу, прежде принадлежавшую внешним источникам трафика (поиску, рекомендациям, ссылкам), и механизм привлечения зрителя встраивается внутрь самой платформы. Меняется и экономика производства: дешёвый короткий ролик отвечает за привлечение аудитории, дорогое длинное видео берёт на себя удержание, и усилия распределяют уже не по жанровому предпочтению, а планируя канал целиком.

Отдельного разговора заслуживает расхождение метрик вовлечения. Средняя вовлечённость коротких роликов на YouTube¹⁸ держится около шести процентов и превосходит показатели конкурирующих площадок; длинное видео уступает по частоте реакций, зато выигрывает по глубине сессии и времени удержания. Отсюда и односторонность переноса. Длинному видео

Таблица 1.

Сопоставление коммуникативных параметров короткого и длинного видеоформатов на YouTube¹⁷.

Параметр	Короткий формат (Shorts)	Длинный формат
Типичный хронометраж	до 3 минут, преимущественно 30–60 с	от нескольких минут до нескольких часов
Основная функция	первичное обнаружение, охват	углублённое удержание, лояльность аудитории
Драматургия завязки	захват внимания в первые секунды	уплотнённая завязка с обещанием развития темы
Монтажный ритм	высокая частота смен, дробление	чередование плотных и развёрнутых сегментов
Способ дистрибуции	алгоритмическая лента незнакомым зрителям	рекомендации и подписки
Модель просмотра	серийное пролистывание	сессионное погружение

Источник: составлено автором.

17 YouTube — видеохостинг, принадлежащий компании Google LLC. Доступ к сервису на территории Российской Федерации ограничен: с августа 2024 г. применяется замедление трафика.

выгодно заимствовать механику быстрого вовлечения, а обратное движение (растянуть короткий ролик до полноценной длительности) упирается в природу ленты, рассчитанной на быстрое пролистывание. Правила подсчёта, поменявшись в 2025 г., сопоставление ещё и запутали: расширенная метрика охвата Shorts учитывает любой запуск ролика, длинному видео важен досмотр, и сводить эти величины к общему знаменателю нужно очень осторожно. За различие метрик стоит различие пользовательских состояний. Короткий ролик смотрят, пролистывая, и реакция там ставится почти рефлекторно; длинное видео требует осознанного выбора и даёт сигналы более редкие, но весомые. Лайк под роликом, промелькнувшим в ленте между двумя другими, и лайк под сорокаминутным разбором, досмотренным до конца, попадают в одну графу отчёта, хотя стоят за ними несопоставимые по цене зрительские решения. Одноимённые показатели меряют разные по природе действия зрителя, и прямое их сравнение способно ввести в заблуждение.

Гипотезу прямого вытеснения длинного видео коротким картина не поддерживает; складывается она скорее в пользу интегративной трактовки. Тренды коротких роликов перестраивают длинный контент изнутри, через драматургию, монтаж и сегментацию, но не отменяют его: ниша, где он сидит, короткому ролику структурно недоступна. Подкрепляет нишу и поведение алгоритмов. Система рекомендаций вознаграждает суммарное время просмотра, а основной вклад в него по-прежнему даёт длинное видео, и формат остаётся экономически выгодным даже при взрывном росте Shorts. Успех платформы пока считает минутами, а не запусками. Возможно, дальнейшее сближение размоет границу: допустимую длительность Shorts уже подняли до трёх минут, и это только первый шаг. Пока же захват и удержание распределены между форматами, и на таком распределении держится вся платформенная экосистема видео.

Заключение

Длительность длинного видео тренды коротких роликов не сокращают. Они перестраивают его внутреннее устройство, и заимствуется прежде всего вход: уплотнённая завязка, ранний визуальный акцент, явная маркировка переходов между смысловыми частями. Сама длительность остаётся за длинным видео, в ней и состоит его функциональное преимущество. Правила первых секунд диктует короткий ролик, но дальше власть его не идёт: в развёрнутой середине по-прежнему действуют

законы последовательного изложения и постепенного удержания.

Второе устойчивое следствие — сегментация повествования. Длинное видео всё чаще строят как цепочку относительно автономных блоков; каждый удерживает зрителя локально и отчасти воспроизводит на протяжённом отрезке логику пролистываемой ленты, целостности материала не разрушая. Так оно и соперничает за внимание, не отказываясь от глубины. Меняется заодно и зрительская практика: длинное видео смотрят не целиком, а выборочно, отрезками, перескакивая по таймкодам к нужному блоку. От фрагментарной модели короткого ролика это отличается уже не так сильно, хотя сам материал по-прежнему рассчитан на связанное прочтение от начала до конца.

Соотношение форматов описывает модель воронки внимания. Короткий ролик даёт охватный уровень, где зритель обнаруживает автора; длинное видео работает уровнем удержания, где складывается лояльная аудитория. Разделив захват и удержание, понимаешь, почему рост коротких форматов уживается с сохранением длительного просмотра. Оно же проясняет и взаимодополняемость: канал без коротких роликов теряет верхний уровень обнаружения, а канал из одних роликов лишается уровня, на котором аудитория закрепляется и начинает возвращаться сама, без подсказки алгоритма.

Косвенно подкрепляют вывод и сами цифры платформы. Свыше 200 миллиардов суточных просмотров Shorts к середине 2025 г. соседствуют с долей YouTube¹⁹ около 12,5% всего телесмотрения в США и более чем миллиардом часов ежедневного просмотра на телеэкранах; с представлением о линейном вытеснении такое соседство уживается плохо. Показатели относятся к разным устройствам и сценариям. Растут они одновременно, а значит, форматы расширяются не за счёт друг друга: каждый осваивает свою нишу зрительского внимания, и рост одного из другого не вычитается.

Граница между форматами при этом подвижна. Разрешённые Shorts три минуты сближают короткий ролик с непродолжительным длинным видео и размывают прежнее деление по хронометражу. Чем дальше идёт процесс, тем заметнее различие смещается с длительности на коммуникативную функцию: захват внимания против удержания остаётся осью, вдоль которой выстраивается видеоекосистема платформы. Сохранится ли разделение, когда форматы сблизятся ещё сильнее? Ответа пока нет, и следить за этим стоит.

18 YouTube — видеохостинг, принадлежащий компании Google LLC. Доступ к сервису на территории Российской Федерации ограничен: с августа 2024 г. применяется замедление трафика.

19 YouTube — видеохостинг, принадлежащий компании Google LLC. Доступ к сервису на территории Российской Федерации ограничен: с августа 2024 г. применяется замедление трафика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малинин И.И., Карякин Д.И. Феномен коротких видео в интернете: причины популярности, тенденции в производстве и способы использования для продвижения // Дискурс-Пи. 2025. Т. 22. № 1. С. 191–208.
2. Кисляк А.А. Короткое видео на российских платформах: трансформация телевизионного контента в VK Видео, Яндекс Видео и Rutube // Litera. 2025. № 6. С. 205–216.
3. Шестерина А.М. Тенденции влияния видеоблогинга на современный телевизионный контент // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2021. № 3 (41). С. 118–123.
4. Онуприенко К.А. Трансформация традиционных телевизионных жанров на новых технологических платформах // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2021. № 3 (42). С. 99–108.
5. Атякшева О.Ю., Батаева Е.В. Статистическое изучение популярности форматов видеоконтента // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 109–5. С. 21–23.
6. Коваленко Е.И. Онлайн-видео: теоретические подходы к изучению сегмента медиаотрасли // Медиаскоп. 2023. № 4.
7. Эль-Бакри Т.В. Развитие аудиовизуального контента в России и за рубежом в условиях цифровизации медиасистем в 2000–2020 гг. // Медиаскоп. 2024. № 2. С. 1.
8. Маркова А.И. Жанровое своеобразие информации о кино как способ создания качественного видеоконтента на видеохостинге YouTube // Студенческая наука и XXI век. 2021. Т. 18. № 1–2 (21). С. 470–472.
9. Тесов К.С. Короткие видео как инструмент маркетинга: Rutube, «VK Клипы», «Дзен», «Моменты» в «Одноклассниках» // Интернет-маркетинг. 2023. № 3. С. 214–224.
10. Саксыков А.А. Цифровидение в развлекательной индустрии: новые форматы и возможности // Научный аспект. 2023. Т. 6. № 12. С. 669–679.
11. Горина Н.Л. Стриминговые видеоплатформы как феномен современных экранных искусств // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 3. С. 75–82.
12. Чобанян К.В. Трансформация характеристик телевизионных видеонОВОСТЕЙ на платформах VK и Telegram // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2024. Т. 49. № 5. С. 3–26.
13. Уварова Л.Н., Мухамедзянов Д.Р. Психологический феномен популярности просмотра «реакций» на площадках видеохостинга // Мир педагогики и психологии. 2025. № 4 (105). С. 540–545.
14. Стерликов Д.А. Особенности образовательного и просветительского сетевого видеоконтента в России // Неофилология. 2024. Т. 10. № 4. С. 1007–1016.
15. Амелин А.В., Коноплин Ю.С., Луцкая Е.Е., Пржиленская И.Б. Перспективы развития цифровых видеосервисов как альтернативы кинотеатрам и телевидению: социологический аспект // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 8. С. 22–27.

© Цао Инфэй (qq1104539764@outlook.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ЗЕРКАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕДИАДИСКУРСОВ РОССИИ И КИТАЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА

Цинь Инъюэ

Северо-восточный университет
3011959017@qq.com

RUSSIAN-CHINESE RELATIONS IN THE MIRROR OF CONTEMPORARY MEDIA DISCOURSES OF RUSSIA AND CHINA AND THEIR INFLUENCE ON THE PUBLIC PERCEPTION OF THE STRATEGIC PARTNERSHIP

Qin Yingyue

Summary: The media discourses of Russia and China assemble the public representation of the bilateral partnership out of different sets of thematic frames and deliver it with unequal intensity of coverage. The link between media representation and mass perception, meanwhile, is postulated far more often than it is tested on a shared body of material. The aim of the study is to determine which frames prevail in the Russian and Chinese segments of the media coverage of Russian-Chinese relations, and how the configuration of these frames relates to the dynamics of public perception of the strategic partnership. The material is a corpus of publications from leading Russian and Chinese outlets for 2019–2026, compiled by the author; content analysis with frequency counting of frames, framing analysis and critical discourse analysis were applied. Mass perception was assessed from the published measurements of VCIOM and FOM. The Russian segment rests on the frames of economic interaction and foreign-policy coordination: together they account for over half of the coded units. The Chinese segment is shifted towards historical continuity and humanitarian-cultural rapprochement, while in intensity of coverage the Russian corpus exceeds the Chinese one by more than twofold. Aligning the frequency profiles with the growing share of Russians who assess the relations as friendly (from 60% in 2014 to 72% in 2024) shows that a positive trend in perception coexists with the asymmetry of the two media images, and that perception responds primarily to the dominant of its own national segment.

Keywords: media discourse, country image, Russian-Chinese strategic partnership, framing, content analysis, public perception, media communication, narrative.

Аннотация: Медиадискурсы России и Китая собирают публичное представление о двустороннем партнёрстве из разных наборов тематических фреймов и подают его с неодинаковой интенсивностью. Связь между медийной репрезентацией и массовым восприятием при этом чаще постулируется, чем проверяется на едином материале. Цель работы – установить, какие фреймы преобладают в российском и китайском сегментах медиапокрытия российско-китайских отношений и как конфигурация этих фреймов соотносится с динамикой общественного восприятия стратегического партнёрства. Материалом послужил сформированный автором корпус публикаций ведущих российских и китайских изданий за 2019–2026 гг.; применялись контент-анализ с частотным подсчётом фреймов, фреймовый и критический дискурс-анализ. Массовое восприятие оценивалось по опубликованным замерам ВЦИОМ и ФОМ. Российский сегмент держится на фреймах экономического взаимодействия и внешнеполитической координации: вместе они дают свыше половины закодированных единиц. Китайский смещён к исторической преемственности и гуманитарно-культурному сближению, а по интенсивности освещения российский корпус превосходит китайский более чем вдвое. Совмещение частотных профилей с ростом доли россиян, оценивающих отношения как дружественные (с 60% в 2014 г. до 72% в 2024 г.), показывает: положительная динамика восприятия уживается с асимметрией двух медиаобразов, а откликается восприятие прежде всего на доминанту собственного национального сегмента.

Ключевые слова: медиадискурс, образ страны, российско-китайское стратегическое партнёрство, фрейминг, контент-анализ, общественное восприятие, медиакommunikация, нарратив.

Введение

За последние два десятилетия национальные СМИ России и Китая пишут о двусторонних отношениях всё больше и почти всегда доброжелательно. Содержательно, впрочем, два сегмента расходятся, и расходятся заметно. Каждый опирается на свои тематические

доминанты, на свой набор устойчивых нарративов, да и подаёт материал с разной плотностью. Эволюцию медийного взаимодействия двух стран описывают как переход от взаимного цитирования и совместных проектов к более самостоятельным редакционным траекториям [7]; отсюда и вопрос о том, насколько согласованы образы, которые выстраиваются по обе стороны границы.

Тезис о том, что медийная картина партнёрства прямо задаёт его массовое восприятие, в специализированной литературе живёт скорее на правах допущения. Проверок на общем материале почти нет, а те, что есть, разрознены. Нарратив стратегического партнёрства как рамку формирования образа России изучают преимущественно на китайском материале [2]; встречное направление (образ Китая в российском медиапространстве) разбирают по отдельным изданиям и в другой методологической логике. Сетевые медиа в двустороннем сотрудничестве оценивали по пользовательским данным: замер выявил расхождение между декларируемой значимостью медиаканалов и их реальным вкладом в информированность аудитории [8]. Единого ответа на то, как соотносятся два медиаобраза и как их конфигурация связана с восприятием партнёрства, в исследовательском поле пока нет.

Отдельную группу образуют работы о том, как партнёрство воспринимают конкретные аудиторные сегменты. Социологический разбор представлений китайской студенческой молодёжи о стратегическом партнёрстве показывает: оценки аудитории складываются из тематически специализированных фрагментов, а не из единого медиапотока [5]. Работа строится на предположении, что российский и китайский медиасегменты собирают образ партнёрства вокруг несовпадающих фреймовых доминант, а положительная динамика общественного восприятия с такой асимметрией уживается. Задача сводится к тому, чтобы установить частотную структуру фреймов в двух сегментах и соотнести её с опубликованными замерами восприятия.

Материалы и методы исследования

Эмпирическую основу составил авторский корпус публикаций за 2019–2026 гг. Российский сегмент собран из материалов федеральных информационных агентств и общественно-политических изданий; китайский включает русскоязычные и переведённые версии публикаций центральных китайских медиа, адресованных внешней аудитории. Отбор шёл по ключевым тематическим маркерам двусторонних отношений. Единицей кодирования служил тематический фрагмент (абзац или связанная группа абзацев), поэтому в одном тексте фиксировалось сразу несколько фреймов. Корпус модельный: он воспроизводит структуру медиапокрытия, но на исчерпывающую полноту генеральной совокупности не претендует, да и не мог бы.

Процедур было три. Контент-анализ с частотным подсчётом фреймов, фреймовый анализ (выделение устойчивых интерпретативных рамок), критический дискурс-анализ отдельных высказываний. Кодировочная сетка включала семь индуктивно выделенных фреймов: внешнеполитическая координация, экономическое

взаимодействие, научно-технологическое сотрудничество, гуманитарно-культурное сближение, историческая преемственность, личная дипломатия лидеров, прагматическая асимметрия интересов. Подачу новостей о взаимодействии сторон и о фигурах лидеров интерпретировали с опорой на описанные в литературе стратегии новостного нарратива [4] и на сопоставительные наблюдения над российским, китайским и западным сегментами дискурса [10]. Массовое восприятие партнёрства оценивалось по опубликованным результатам мониторинговых опросов ВЦИОМ и ФОМ за 2014–2026 гг.; эти ряды служили внешним контуром сопоставления. Неравную наполненность двух сегментов и преобладание в китайской части текстов, изначально написанных для внешней аудитории, при интерпретации учитывали.

Результаты и обсуждение

Плотнее всего изучен образ России в китайском медиапространстве: здесь предметное поле гуще. Одна из самых цитируемых работ этого направления фиксирует устойчивость положительной репрезентации России в китайских СМИ и её опору на ограниченный набор повторяющихся тем [3]. Современный срез, по наблюдениям Р. Д. Шемякина, сдвигается от политико-дипломатической тематики к экономической и энергетической [9]. У Ч. Чжана освещение отношений в китайской прессе выглядит как сочетание протокольной тональности официальных сообщений с устойчивым акцентом на исторической преемственности связей [15].

А вот встречное направление, репрезентация Китая в российском медиадискурсе, разработано менее ровно. Го Лицзюнь описывает образ Китая в российском культурно ориентированном сегменте сразу через две категории: культурную дистанцию и одновременное притяжение [1]. Ц. Ван прослеживает, как за последнее десятилетие этот образ смещался: Китай-поставщик потребительских товаров уступил место Китаю как технологическому и политическому партнёру [12].

Ещё один пласт работ посвящён взаимодействию самих медиасистем. Я.А. Левченко разбирает репрезентацию сотрудничества в гибридном медиадискурсе российских и китайских СМИ, где переплетаются институциональные и сетевые каналы [6]. О состоянии цифровой медиакommunikации, включая совместные проекты и обмен контентом, пишет М. Хоу [11]. Ю. Вэй связывает роль российских СМИ в формировании общественного мнения в Азиатско-Тихоокеанском регионе с набором адресных коммуникативных стратегий [13]. А границу между информированием и целенаправленным продвижением позиций в освещении двусторонних отношений специально проблематизирует М. Сюй [14].

Перечисленные наблюдения не отвечают на вопрос

о количественном соотношении фреймов в двух сегментах. Для его прояснения выполнен частотный контент-анализ собранного корпуса. Кодированию подверглись 1240 тематических фрагментов российского сегмента и 560 китайского; распределение по семи фреймам приведено в относительных долях от числа закодированных единиц каждого сегмента (табл. 1).

Доминанты в двух профилях расставлены по-разному. Расхождение видно сразу. Первые два места в российском сегменте заняли экономическое взаимодействие (27,3%) и внешнеполитическая координация (24,8%); вместе они дают свыше половины закодированных единиц. На гуманитарно-культурное сближение и историческую преемственность вместе приходится всего 17,6%. Китайский профиль переставляет акценты: экономический фрейм (19,1%) и внешнеполитический (18,4%) удерживают высокие позиции, но часть веса уходит гуманитарно-культурному сближению (21,6%) и исторической преемственности (17,3%); в сумме эти два фрейма дают 38,9%, вдвое с лишним больше российского значения.

Асимметрия видна и на лексико-семантическом уровне, в наборе опорных формул. Российский словарь тяготеет к прагматике и координации: «поворот на Восток», «стратегическое взаимодействие», «взаимовыгодное сотрудничество»; партнёрство здесь описано через функцию и результат. Китайский чаще воспроизводит формулы устойчивости и преемственности: «всеобъемлющее партнёрство», «традиционная дружба», «дружба, передаваемая из поколения в поколение». Акцент здесь смещён на длительность и надёжность связи. Общее ядро двух словарей одно: «стратегическое партнёрство». Частотность этой формулы по обе стороны остаётся близкой, и работает она как общая опорная рамка.

Неравная наполненность сегментов сама по себе результат. По числу закодированных единиц российский корпус превосходит китайский в 2,21 раза при сопоставимых временных рамках и сходной процедуре отбора. Разрыв означает, что российское покрытие плотнее и

дробнее: партнёрство подаётся через большее число частных информационных поводов, чаще экономических и внешнеполитических. Китайское покрытие компактнее, и тяготеет оно к обобщающим рамкам исторической дружбы и культурного сближения.

По личной дипломатии лидеров профили двух сегментов практически сходятся: 12,5% против 13,0%. Единственная такая позиция во всей сетке. Объяснение лежит на поверхности: саммиты и государственные визиты обе медиасистемы освещают по общему протоколу, событийная канва задана самими мероприятиями, редакционного варьирования она почти не допускает. Прагматическая асимметрия интересов, наоборот, разведена по сегментам предельно резко: 8,2% в российском против 2,8% в китайском. За цифрами стоит разная допустимость сдержанных и проблематизирующих формулировок в двух сегментах.

Научно-технологическое сотрудничество осталось на периферии фреймовой структуры: 9,6% в российском сегменте и 7,8% в китайском. Вес скромный, и с реальной интенсивностью соответствующего направления двусторонних связей он расходится сильно. Разрыв между предметной насыщенностью сотрудничества и его медийной проявленностью объясним: техническая проблематика плохо конвертируется в новостной формат и уступает место более событийным экономическим и внешнеполитическим поводам. По временной оси доля этого фрейма к концу рассматриваемого периода в обоих сегментах слегка растёт. Но прироста, сопоставимого с динамикой экономического блока, здесь не видно.

Вместе периферийные фреймы (научно-технологический и прагматическая асимметрия) дают в китайском сегменте около одной десятой закодированных единиц, не больше. Ядро китайской подачи остаётся позитивным и устойчивым. Сдержанные или узкоспециальные темы допускаются в нём по минимуму. В российском сегменте те же два фрейма весят заметно больше, и картина освещения выходит дифференцированное, менее гомо-

Таблица 1.
Частотное распределение тематических фреймов в российском и китайском сегментах медиапокрытия российско-китайских отношений.

Фрейм	Российский сегмент, %	Китайский сегмент, %
Внешнеполитическая координация и многополярность	24,8	18,4
Экономическое и торговое взаимодействие	27,3	19,1
Научно-технологическое сотрудничество	9,6	7,8
Гуманитарно-культурное сближение	11,2	21,6
Историческая преемственность и традиционная дружба	6,4	17,3
Личная дипломатия лидеров	12,5	13,0
Прагматическая асимметрия интересов	8,2	2,8

Источник: составлено автором.

генной: место для проблематизирующих и уточняющих формулировок в ней остаётся.

Совмещение частотных профилей с динамикой массового восприятия даёт несимметричную связь. По данным ВЦИОМ, доля россиян, называющих отношения с Китаем дружественными и добрососедскими, поднялась с 34% в 2005 и 2009 гг. до 60% в 2014 г., прошла через 55% в 2022 г. и 64% в 2023 г. и достигла 72% в 2024 г. В 2025 г. Китай назвали страной с наиболее прочными и дружественными отношениями с Россией 65% опрошенных, а по замеру ФОМ в мае 2024 г. дружественной страной его считали 70% респондентов. Рост положительных оценок пришёлся на период, когда российское покрытие держало преимущественно экономико-политическую фреймовую структуру.

Полученное распределение подсказывает, на что опирается положительная динамика восприятия в российском случае: на фрейм прагматической выгоды и внешнеполитического сближения. Гуманитарно-культурная составляющая, ведущая в китайской подаче, остаётся здесь скорее на подхвате. Судя по совмещению профилей, массовое восприятие откликается в первую очередь на ту фреймовую доминанту, которая преобладает в своём национальном сегменте, и к конфигурации зарубежного сегмента почти не чувствительно.

Сопоставление само по себе причинной зависимости не устанавливает. Опросные и корпусные ряды сняты на разных уровнях наблюдения, и их согласование говорит лишь о совместимости динамик. Устойчивость положительного восприятия, по-видимому, держится на длительном преобладании благожелательной рамки в обоих сегментах, а содержательное различие между ними этому не мешает.

Заключение

Частотный анализ собранного корпуса показал: доминанты у российского и китайского медиасегментов не совпадают. В российском покрытии первенствуют эконо-

мическое взаимодействие и внешнеполитическая координация, вместе они дают свыше половины закодированных единиц. В китайском тяжелее весит блок исторической преемственности и гуманитарно-культурного сближения, и он подбирается к двум пятым всего покрытия.

Различие касается и объёма освещения. Российский сегмент оказался плотнее китайского более чем вдвое; с российской стороны логика подачи дробная, поводовая, с китайской обобщающая, рамочная. Профили сошлись в одной точке, на личной дипломатии лидеров, – её освещение в обеих системах задано протоколом саммитов и редакционному варьированию поддаётся плохо. Совпала и опорная формула «стратегическое партнёрство»: частотность у неё по обе стороны остаётся близкой.

Профили, наложенные на мониторинговые замеры восприятия, дали содержательный результат. Доля россиян, оценивающих отношения с Китаем как дружественные, выросла к 2024 г. до 72%, а в 2025 г. 65% опрошенных закрепили за Китаем статус самой дружественной страны; оба сдвига пришлись на период, когда в российском сегменте устойчиво преобладала экономико-политическая рамка, а гуманитарная оставалась на вторых ролях. Массовое восприятие, если судить по совмещению рядов, отзывается прежде всего на доминанту собственного национального сегмента и к содержанию зарубежного покрытия остаётся малочувствительным. Благожелательный образ, который выстраивает китайская сторона вокруг исторической дружбы, адресован китайской и внешней аудитории; с российской он резонирует слабее.

Картина уточняет ходовое допущение о прямой зависимости восприятия от медиаобраза. Связь есть, но замкнута она внутри национального контура: аудитория каждой стороны читает партнёрство через доминанту своего сегмента, и различие двух образов параллельному росту благожелательных оценок в обеих странах не мешает. Устойчивость партнёрства в общественном сознании держится, стало быть, не на единстве медийной картины, а на совместимости двух её самостоятельных версий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Го Лицзюнь. Образ Китая в российском культурно ориентированном медиадискурсе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2021. № 4. С. 104–108.
2. Керимов А.А., Заикин А.А. Нарратив «стратегическое партнёрство»: формирование образа России в контексте российско-китайского сотрудничества // Социально-политические науки. 2025. Т. 15. № 5. С. 278–285.
3. Кошкарлова Н.Н., Мукушев И.О. Образ России в китайских СМИ // Политическая лингвистика. 2021. № 3 (87). С. 87–100.
4. Ли Я., Чу Ю. Дискурсивная стратегия новостных сообщений о китайских лидерах в российских СМИ // Русский язык за рубежом. 2021. № 5 (288). С. 70–80.
5. Леденева В.Ю. Китайская студенческая молодежь о российско-китайском стратегическом партнёрстве: социологический анализ восприятия // Социология. 2024. № 11. С. 45–52.
6. Левченко Я.А. Анализ репрезентации сотрудничества России и Китая (на материале текстов гибридного медиадискурса российских и китайских СМИ) // Вестник Пятигорского государственного университета. 2024. № 3. С. 116–122.

7. Лю С. Эволюция медийного взаимодействия России и Китая: от симбиоза к самостоятельным траекториям // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2025. № 4 (113). С. 68–77.
8. Лю С., Блохин И.Н., Гурушкин П.Ю., Громова Т.М. Пользовательская оценка значения сетевых медиа в российско-китайском сотрудничестве // Litera. 2025. № 1. С. 94–105.
9. Шемякин Р.Д. Современный образ России в китайских СМИ // Дипломатическая служба. 2023. № 4. С. 347–355.
10. Хубежова З.А., Шарков Ф.И. Российско-китайский дискурс в современных условиях (на примере Russia Today, China Daily, BBC) // Коммуникология: электронный научный журнал. 2022. Т. 7. № 2. С. 114–120.
11. Хоу М. Анализ текущей ситуации китайско-российского сотрудничества в области СМИ на примере цифровой медиакommunikации // Культура Мира. 2024. Т. 12. № 41 (6). С. 204–213.
12. Ван Ц. Эволюция образа Китая в российских СМИ: исторический контекст и современные перспективы // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 1–2 (100). С. 127–130.
13. Вэй Ю. Российские СМИ в формировании общественного мнения в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Litera. 2025. № 3. С. 127–139.
14. Сюй М. СМИ и политическая пропаганда в отношениях Китая с Россией // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. Т. 14. № 11 (116). С. 3586–3592.
15. Чжан Ч. Освещение отношений России и Китая в китайской прессе // Теории и проблемы политических исследований. 2023. Т. 12. № 3А–4А. С. 130–138.

© Цинь Инюэ (3011959017@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИМПЕРАТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В ПОВЕСТИ М.А. БУЛГАКОВА «СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ»

Ян Синъюэ

Аспирант, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, (г. Москва)
yuxuoe@gmail.com

FUNCTIONAL-SEMANTIC FEATURES OF IMPERATIVE SENTENCES IN THE BULGAKOV'S NOVEL "HEART OF A DOG"

Yang Xinyue

Summary: Philology is to convey the accuracy and clarity of ideas through language, and imperative sentence can make us understand the narrative process more clearly, determine the communicative intention of the speaker, reflect the character, motivation, and various emotional connotations. At present, be it character dialogue or narrative process, there is still a lot of space to study the functional semantic features of imperative sentences in Bulgakov's literary works. This dissertation takes Bulgakov's novella "Heart of a Dog" as an example to explore the functional semantic features of Russian imperative. The author uses contextual analysis method, functional semantic analysis method, deductive and quantitative methods to analyze the various expressions and linguistic features of imperative semantics in literary texts, as well as the personalized language styles in Bulgakov's works. This dissertation proves the expressive force and functional semantic features of imperative sentences in Heart of a Dog in conveying the speaker's subjective will and giving the text the implied additional meaning, explains how Bulgakov reflects the author's creative intention and vivid artistic expression, and constructs the vivid character images in Heart of a Dog using imperative sentences.

Keywords: imperative sentence, literary works, "Heart of a Dog", Bulgakov, functional-semantic features.

Аннотация: В настоящее время недостаточно изученными остаются формы повелительного наклонения в текстах М.А. Булгакова, в частности, в произведении «Собачье сердце». В связи с этим целью статьи является определение функционально-семантических особенностей императива в данной повести. В первой части автор статьи пытается выявить роль и функции императива в художественном тексте Булгакова. Во второй части представлен функционально-семантический потенциал императива как наиболее универсальной формы выражения волеизъявления в повести «Собачье сердце». В ходе исследования применялся метод контекстуального и функционально-семантического анализа, дедуктивный метод и количественный метод. Используя формы повелительного наклонения как средства воплощения авторского замысла и средства обеспечения художественной выразительности, М.А. Булгаков в повести «Собачье сердце» передает собственное отношение к персонажам, раскрывает их психологические качества и создает дополнительные коннотации в их характеристике. Уникальное использование Булгаковым повелительных высказываний в повести свидетельствует о его высоком мастерстве, литературно-творческой одаренности и креативном мышлении.

Ключевые слова: повелительное наклонение, художественный текст, повесть «Собачье сердце», Булгаков, функционально-семантический анализ.

Введение

Ю.М. Лотман определял художественный текст как «сложно построенный смысл» [7], где все элементы являются смысловыми. Это означает, что каждая языковая единица (в том числе слово, грамматическая конструкция, стилистический прием) участвует в формировании общего смысла произведения и служит инструментом для выражения творческой идеи автора. Возможность выражения абстрактной мысли автора и реализации его творческой идеи в художественном тексте обеспечивается конкретными языковыми единицами. С помощью разных средств выражения реализуется творческий замысел автора, знание передается читателям, а также проявляются личные взгляды на мир и общественно-политические убеждения писателя.

По мнению В.С. Храковского и А.П. Володиной, с помощью разных семантических значений форм императива отражаются «импульс каузации, заинтересованность и субординация» [10] говорящего. Е.И. Беляева выдвигает три прагматических признака, обуславливающих выражение различий между директивами: «а) облигаторность выполнения действия для адресата; б) бенефактивность действия для одного из коммуникантов; в) приоритетность положения говорящего или адресата» [1].

Таким образом, императив, выражающий волеизъявление говорящего, является функционально-семантическим знаком, с помощью которого передается многообразие оттенков значения высказывания, в том числе и переносные смыслы. Основным предназначением повелительного наклонения в художественном тексте становится развитие сюжетных линий и создание экспрес-

сивного языкового образа.

М.А. Булгаков (1891-1940) — талантливый русский писатель советского периода. Через диалоги героев и повествование в повести «Собачье сердце», построенное на внутреннем монологе собаки, М.А. Булгаков представляет своеобразие речи персонажей, передает их сложные душевные переживания и ценностные ориентации, раскрывает неповторимую судьбу личности, делится своими мыслями о России, описывает наиболее актуальные проблемы своего времени.

В повести «Собачье сердце» широко встречаются различные формы императива, содержащие лексический компонент, значение грамматической категории и выражающие коммуникативное намерение говорящего, открытую или неосознанно скрытую им интенцию, отношение к адресату и происходящим событиям. В связи с этим для выявления места и роли повелительного наклонения в создании литературно-художественных образов героев мы сосредоточимся на изучении всех форм императива, найденных в данной повести.

Основные результаты исследования

Всего нами выделено и проанализировано 250 слов в форме императива, из них – 234 в прямом значении (побуждение) и 16 в косвенном (транспозиция).

Следует отметить, что при поиске необходимых нам слов и высказываний в повести «Собачье сердце» мы учитывали также эллиптические структуры, в которых наблюдается пропуск форм повелительного наклонения. Например:

- 1) Доктор Борменталь, умоляю вас, (**выпейте**) мгновенно эту штучку, и если вы скажете, что это...
- 2) И за хвост её – (**схватил**) цап!

Данные примеры показывают, что пропуск форм императива акцентирует внимание на описываемом в предложении факте, не создает смысловую неполноту предложений, поскольку междометие «цап» и наречие «мгновенно» начинают функционировать в качестве императивов.

Перейдем к анализу полифункциональности употребленных в монологической речи Шарика-пса форм императива, которые являют собой сокровенные мысли Шарикова и способствуют диалогизации монолога. В приведенном ниже монологе первичная функция (прямое значение) императива ослабляется и даже утрачивается, в то же время повелительное высказывание приобретает более сложные значения.

- 1) Спасибо, конечно, – мечтательно подумал он, валься прямо на острые стекла: – **прощай, москва!**

Обращение Шарика к Москве как к некоммуника-

бельному объекту исполняет роль «коммуникативной метафоры» [5], в этом случае форма императива не несет значения побуждения, а является образом передачи душевного состояния собаки – потеря надежды в период отчаяния.

Учитывая широкий контекст и отношения между персонажами, мы выделили следующие побудительные значения прямого употребления императива в повести «Собачье сердце».

Таблица 1.

Прямое употребление форм императива в повести М.А. Булгакова «Собачье сердце».

Значение форм императива	Количество
Требование	101
Просьба	53
Приказ	28
Совет	23
Разрешение	8
Запрещение	8
Предупреждение	7
Пожелание	4
Приглашение	2

Выделенные значения показывают, что преимущественным является употребление форм императива со значением требования, просьбы и приказа. Это свидетельствует о том, что большая часть диалогов и монологов в повести «Собачье сердце» происходит между профессором и ассистентом, начальством и подчиненными. Приведем примеры прямого употребления форм императива.

- 1) Да что вы все... То не плевать. То не **кури**. Туда не **ходи**... (запрещение)

Жалоба Шарикова демонстрирует его мир ценностей – соблюдение социальных норм для него не представляет никакого интереса и считается посягательством на свободу личности. В отличие от разрешения, запрещение выражает отрицательную оценку ситуации говорящим. Действие, называемое формой императива, например, соблюдение Шариковым некоторых правил, не является объективной реальностью, иными словами, бессмысленно обращаться к некурящему человеку с волеизъявлением «Не кури!».

- 2) **Будьте любезны**, – змеиным голосом обратился Филипп Филиппович к Швондеру, ... (пожелание)

Типичная этикетная формула *будьте любезны* преимущественно является социально маркированной и имеет семантику вежливого обращения. Но в контексте она использована только для привлечения внимания собеседника, утрачивает категорию вежливости и полу-

чает неуважительный подтекст. Противостоя взглядам Швондера как политического активиста и представителя нового общества, интеллигент профессор Преображенский упорно противодействует не только уплотнению квартир, но и взглядам действующей власти. В этом наблюдается центральная смысловая оппозиция «новое/старое».

3) **Скажи** ему, что пять часов, чтобы прекратил, и **позови** его сюда, пожалуйста. (приказ)

Форма императива со значением приказа всегда говорит об иерархических отношениях (например, между хозяевами и слугами) и символизирует ситуативную социальную установку героев.

Повесть «Собачье сердце» характеризуется не только большим количеством повелительных высказываний в своих прямых значениях, но и разнообразием косвенных употреблений форм императива. Приобретая значение условия, уступки и т. д., они отличаются по смыслу от прямого употребления и теряют семантику побуждения.

Таблица 2.

Косвенное употребление форм императива в повести М. А. Булгакова «Собачье сердце».

Косвенное употребление форм императива	Количество
Непрямые употребления форм императива в составе фразеологических единиц	9
Уступительный императив	3
Драматический императив	2
Императив долженствования	1
Условный императив	1

Сопоставим:

1) **Боишься** – **получай**. (императив долженствования)

Императив долженствования обуславливает «особый оттенок облигаторности – оттенок вынужденности» [11]. Часто именно через императив долженствования говорящий дает свою отрицательную оценку происходящему. В приведенном выше повелительном высказывании очевидна характерная черта Шарика-пса – обижать слабых и бояться сильных.

2) **Такой кабак мы сделали с этим гипофизом, что хоть вон беги** из квартиры. (уступительный императив)

В художественном тексте уступительный императив обычно употребляется с частицей *хоть* и обладает яркой эмоционально-экспрессивной окраской.

3) **Вот, доктор, что получается, когда исследователь вместо того, чтобы идти параллельно и ощупью с природой, форсирует вопрос и приподнимает завесу: на, получиай** Шарикова и **ешь** его с кашей. (драматический императив)

Драматический императив придает высказыванию большую эмоциональность и в данном конкретном случае выражает значение неожиданности и нежелательности превращения милейшего пса в отвратительного человека.

4) **Надень**-ка она *фланелевые*, **попробуй**, он и **заорёт**: *до чего ты неизящна!* (условный императив, совет)

В этом предложении сочетаемость глагола *надень* с частицей *-ка* опровергает утверждение Юй Минсю о том, что «условный императив не сочетается с частицей *-ка*» [13].

Нами также отмечен императив в составе фразеологических единиц, он тоже придает высказыванию большую эмоциональность и экспрессивность.

5) **Почему электричество, которое, дай бог памяти, тухло в течение 20 лет два раза, в теперешнее время аккурратно гаснет раз в месяц?** (ФЕ, выражающая желания)

Фразеологическая единица *дай бог памяти* выражает желание, даже усилие Филиппа Филипповича вспомнить частоту отключения электроэнергии.

6) **Вот, доктор, ...: на, получиай Шарикова и ешь** его с кашей. (ФЕ, выражающая досаду)

7) **А впрочем, я не психиатр, чёрт меня возьми**. (ФЕ, выражающая досаду)

Вышеперечисленные ФЕ передают эмоциональное отношение говорящего к определенному лицу или явлению, а адресатом пожелания зла в них может быть не только слушающий, но и сам говорящий. Во фразеологизмах, выражающих досаду, исполнители действия, в отличие от высказываний с прямым употреблением форм императива, могут выполнять роль дополнения в предложении.

В художественном тексте императив несет в себе экспрессивно-эмоционально-оценочные оттенки, отражает личностные диспозиции персонажей и изменение «семантического и/или эмоционально-психологического содержания сообщения» [6]. Этикет речи служит показателем не только культурного уровня человека, но и его социально-экономического статуса. Ниже рассмотрим примеры, в которых повелительные высказывания создают смысловое напряжение между оппозициями «верх/низ» и «человеческое/животное».

1) **Вот все у вас как на параде**, – заговорил он, – *салфетку – туда, галстук – сюда, да «извините», да «пожалуйста-мерси», а так, чтобы по-настоящему, – это нет.* (просьба)

2) **Именно: когда профессор приказал ему: «Не бросай** **объедки на пол» – неожиданно ответил: «Отлезь, гнида».** (приказ, требование)

Приняв человеческий облик, П. П. Шариков наследует гены Клим Чугункина, что определяет его качества и поступки, а также перенимает все худшие черты хули-

гана – он ворует, пьет, бесчинствует в квартире Преображенского и впадает в общий тон ненависти необразованных к образованным. Мерзкий лексикон и убогие взгляды Шарикова вскрывают истину, что после очеловечивания он превратился в безнравственное человекоподобное существо и является типичным представителем “варварских масс”.

3) Шариков подумал и добавил слово, которое Борменталь машинально отметил в мозгу, как новое: – **Благоволите**. (просьба)

Шариков пытается говорить грамотно, старается адаптироваться к новому окружению и использовать принятые в социуме коммуникативные коды. Шариков олицетворяет «простого человека, претерпевающего страдания ввиду действующей бюрократической системы. В процессе своего превращения в человека он вынужден приспособиться к общественным нормам и социальным стандартам, несмотря на то что он остается необразованным и грубым внешне» [12].

4) Вы про кого говорите? – спросил он у Шарикова с высоты, – **позвольте** узнать. (требование)

5) Он повернулся на стуле, преувеличенно вежливо склонил стан и с железной твердостью произнес: – **Извините**. У меня расстроены нервы. (требование)

6) Шариков, сто тридцать рублей. **Потрудитесь** внести. (требование)

«Если рассматривать формирование высказывания как акт определенного типа коммуникации (сообщение, приказ, просьба и пр.), то выбор проявляется в осознанном отборе языковой личностью того или иного средства / приема» [4]. Выделенные формы императива в вышеприведенных высказываниях носят прагматические оттенки контактной вежливости и выполняют прагматическую функцию – смягчение сообщения о намерениях говорящего и обеспечение достижения необходимого коммуникативного эффекта. Привычка использования таких форм императива профессором Преображенским демонстрирует порядочный высокоморальный характер и коммуникативную харизму интеллигенции. В сравнении нравственного уровня профессора и Шарикова явно проявляется благородство профессора.

Как полагают А.К. Мамедов и Э.Д. Коркия, «личность – феномен социального проявления. Выражением социального проявления выступает язык, носителем которого является языковая личность – индивидуальный речедеятель» [8]. Через формы императива в диалогической и монологической речи легко раскрываются качества и морально-этические ценности персонажей, их эмоционально-психологическое состояние и социальные параметры, позволяющие понять характер их коммуникативной потребности. Рассмотрим внутренний монолог некоего бездомного Шарика-пса.

7) В Обухов? **Сделайте** одолжение. Очень хорошо из-

вестен нам этот переулок. Фить-фить! Сюда? С удово... Э, нет, **позвольте**. Нет. Тут швейцар. А уж хуже этого ничего на свете нет. (просьба, требование)

С помощью изменения семантики форм императива передаются волнение и колебание собаки. Бездомная собака способна проявлять осторожность и следовать инстинкту самосохранения.

8) Вы, однако, **смотрите**, – предостерегающе и хмуро сказал Филипп Филиппович, грозя пальцем, – всё-таки, **смотрите**, не **злоупотребляйте!** (предупреждение, совет)

9) **Снимайте** штаны, голубчик, – скомандовал Филипп Филиппович и поднялся. (приказ)

Следует отметить, что императивная форма глагола со значением зрительного восприятия **смотрите** употребляется не только для привлечения внимания адресата, но и добавляет в высказывание характер предписания, предупреждения. В повелительных высказываниях наблюдается харизматичная личность Преображенского, он как лидер имеет над большими властью, а его медицинский авторитет позволяет ему диктовать условия представителю советской власти. И даже жилтоварищество – представители городского слоя общества – безропотно прислушиваются к его словам.

При анализе коммуникативно-прагматических функций императива легко раскрывается позиция говорящего, так как прагматика, как обозначает А.Н. Тихонов, является наукой об отношении знаков к их интерпретаторам [9].

10) И – боже вас **сохрани** – не **читайте** до обеда советских газет. (совет)

11) Вы первый, дорогой Иван Арнольдович, **воздержитесь** от употребления самого этого слова. (требование)

Искренние советы и требование Преображенского к Борменталю вырастают «на почве солидарности и сочувственного отношения к интересам других людей» [2], с помощью которых Преображенский обозначает собственные позиции и интересы. Все контрреволюционные рассуждения профессора свидетельствуют о том, что, по его мнению, революция оказала негативное воздействие на общественное сознание и право людей на комфорт. Он высмеивает большевистский режим, но и не отождествляет себя с новым политическим устройством.

12) И не **соблазняйте**, даже и не **говорите**, – профессор заходил по комнате, закачав дымные волны, – и слушать не буду. (запрещение)

13) А бросать коллегу в случае катастрофы, самому же выскочить на мировом значении, **простите**... (требование)

14) На преступление не **идите** никогда, против кого бы оно ни было направлено. **Доживите** до старости с чистыми руками. (совет)

Особое внимание нужно уделить ночной беседе Преображенского с Борменталем, в которой происходит нравственный выбор профессора. Императивная форма *простите* в контексте приобретает оттенок несогласия. Будь то семантика запрещения или совета, все приведенные выше высказывания говорят о разногласии между собеседниками и сопровождаются вторичным прагматическим значением предупреждения из-за неравенства, основанного на власти авторитета говорящего. Тем не менее, в этом противостоянии проявляется не только буржуазная мораль, но и «взгляды двух разных поколений русской интеллигенции: Преображенский еще отчасти несет в себе комплексы старой интеллигенции о ее вине перед народом, о познании народом некой исконной истины, недоступной просвещенному разуму» [3].

Семантика повелительного высказывания также анализирует об отношении между говорящим и адресатом.

15) **Шейте**, доктор, мгновенно кожу, – затем оглянулся на круглые белые стенные часы. (приказ)

16) Зина, – крикнул Филипп Филиппович, – **подавай** обед. (приказ)

Формы императива со значением приказа в высказываниях Преображенского указывают не только на его лидирующее положение, но и на услужливость и соблюдение субординации Борменталю и Зине во взаимоотношениях с ним. Но следует отметить, что профессор Преображенский не всегда говорит с подчиненными с приказной интонацией.

17) Доктор Борменталь, умоляю вас, **оставьте** икру в покое. И если хотите послушаться доброго совета: **налейте** не английской, а обыкновенной русской водки. (просьба, совет)

Посредством императива выражаются различные типы слабого побуждения (выполнение действия, переданного императивом, полностью зависит от воли адресата), которые говорят нам о дружбе между начальником и подчиненным.

18) (Спор между доктором Борменталем и Шариковым)
– Нет, уж вы меня по имени и отчеству, пожалуйста, **называйте!** – отозвался Борменталь, меняясь в лице. (требование Борменталю)

– Ну и меня **называйте** по имени и отчеству! – совершенно основательно ответил Шариков. (требование Шарикову)

Выбор императивных высказываний с различными значениями является показателем социального статуса говорящего. Став человеком, Шариков не считает себя неполноценным и не смущается в разговорах с Борменталем. Он употребляет использованный Борменталем императив со значением требования *называйте*, не подчиняется авторитетам, борется за свои права и требует к себе уважения. Он просит Борменталю называть его по

имени и отчеству, что является стремлением к человеческому образу жизни, и это возвышает его над другими, выделяет его из толпы. Таким образом, Шариков считает себя пролетарием, выбор его революционных имени и отчества становится политическим актом.

19) Ну вот-с, – гремел Филипп Филиппович, – **зарубите** себе на носу, кстати, почему вы стерли с него цинковую мазь? (ФЕ, приказ)

20) **Держите** себя прилично. (требование)

Часто «говорить о других» приравнивается к «говорить о себе». В данных примерах профессор Преображенский использует невежливое повелительное высказывание *зарубите себе на носу* и позволяет себе сказать фразу *держите себя прилично*, все это выдает его презрительное отношение к Шарикову, его перфекционизм и гордыню.

Заключение

М.А. Булгаков в повести «Собачье сердце» посредством образного языка создает неповторимый мир, описывает характерные черты и систему ценностей своих героев. Большую роль в речи персонажей исследуемой повести играет повелительное наклонение. Оно имеет, прежде всего, побудительную семантику, но и также передает особенности душевного переживания героев, поскольку императив как языковое средство позволяет автору создать несколько семантических уровней и добавить к уже имеющемуся высказыванию скрытый смысл, подтекст.

Рассматривая форму императива как средство раскрытия художественного образа, при описании профессиональной и повседневной жизни героев автор использует 250 форм императива (235 прямых употреблений и 15 косвенных). С помощью форм повелительного наклонения, отображающих социальные и личные отношения персонажей, их коммуникативное взаимодействие, М.А. Булгакову удалось формировать цельные типичные образы ключевых героев текста, продемонстрировать эмоциональные колебания Шарикова, его неуправляемый характер и неуважительное поведение, дружбу между профессором и ассистентом (и в то же время их профессиональную иерархию), душевные переживания и нравственный выбор Преображенского, его высокий уровень воспитанности и харизматичную личность и т.д.

При описании коммуникативного поведения персонажей с помощью умелого использования императива раскрываются ключевые конфликты повести «Собачье сердце»: превращение Шарика-пса в человекоподобное существо – Полиграфа Шарикова, конфликт образованного Преображенского и невоспитанного хама Шарикова, конфликт интеллигента Преображенского и активиста коммунистической партии Швондера, недо-

понимание между Преображенским и Борментом как представителями разных поколений интеллигенции, столкновение Бормента и Шарикова-пролетария. Раскрываются острые проблемы раннего советского времени и общий художественный замысел М.А. Булгакова – выявление этического конфликта на фоне глобальных политических и социальных изменений в России.

Таким образом, использование повелительного наклонения в качестве одного из средств художественной изобразительности не только обогащает речь персонажей в семантическом и стилистическом плане, но и играет первостепенную роль в интерпретации образов героев и воплощении авторского замысла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляева Е.И. Грамматика и прагматика побуждения: английский язык / Е.И. Беляева. — Воронеж: ВГУ, 1992. — 168 с.
2. Вельский А.В. Экспериментальная фонетика и психология речи: Побудительная речь. М., 1953. С. 81–147.
3. Голубков М.М. М.А. Булгаков // Литературная учеба. М., 2003. № 2.
4. Жирова И.Г. Структура высказывания и система языковых коммуникативных средств: на материале современных художественных произведений М., 2020. №3. С. 85–98.
5. Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис [Текст]. М., 1986.
6. Кухаренко В.А. Интерпретация текста: учебник — 2-е изд., перераб. М., 1988.
7. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 285 с.
8. Мамедов А.К., Коркия Э.Д. Коммуникативный статус личности: методология исследования. Краснодар, Общество: социология, психология, педагогика. 2018. №2. С. 33–40
9. Тихонов А.Н., Хашимов Р.И. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. М., 2014.
10. Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив. / Отв. ред. В. Б. Касевич. — М.: Едиториал УРСС, 2002. — 272 с.
11. Цейтлин С.Н. Конструкции с формами повелительного наклонения в неимперативном употреблении // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л., 1990.
12. Чемуриева Л.М. Фантастические символы и их роль в повести М.А. Булгакова «Собачье Сердце». СПб., 2023.
13. Юй Минсю. Непрямые употребления форм императива в современном русском языке: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01. М., 2021.

© Ян Синьюэ (yxuoe@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Aleksyutina O. – Candidate in Pedagogical Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, Bryansk

An Lisheng – Senior Lecturer, Pacific National University, Khabarovsk

Artamonova Ya. – Doctor of Political Sciences, Candidate of Sociological Sciences, Professor, Moscow Technical University of Communications, and Informatics

Babayan L. – graduate student, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

Bagretsov D. – Candidate of Philological Sciences, Lecturer, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Bai Xiaoting – graduate student, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan

Basherov O. – Postgraduate student, Humanities and Education Sciences Academy (branch), V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Yalta

Baykova L. – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Ryazan

Bednyakov E. – Postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow

Belanovskaya Yu. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Berlov A. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Moscow Psychological and Social University

Borovkova M. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Bruz V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, State University of Education

Bugero N. – Doctor of Biological Sciences, Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Pskov State University

Cao Yingfei – Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Chernov A. – Candidate of Psychological Science, Associate Professor, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Our authors

Davletmurzayeva U. – Candidate of Philogenetic Sciences, Associate Professor, Dagestan Humanitarian Institute, Makhachkala

Dugarova E. – Senior Lecturer, Dorzhi Banzarov Buryat State University

Dukhovnikova I. – Senior teacher, FSBEI HE Pacific National University, Khabarovsk

Enicheva A. – Senior Lecturer, Pacific National University

Ermakova N. – Senior Assistant, Linguistic Center, Prince A. Nevsky Military University

Ermolaev A. – postgraduate student, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, Yakutsk

Fadeev Yu. – Candidate of Military Sciences, Associate Professor, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Feng Yi – postgraduate student, Peoples' Friendship University of Russia

Gavrilin V. – Postgraduate Student, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

Grigorieva N. – Doctor of Science, Professor, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Hassan Dewan Mehedi – Senior Lecturer, Russian State University for the Humanities, Moscow

He Bing – Professor, Heihe University

Hui Lanxin – Graduate student, Southern Federal University, Rostov-on-Don

Ivanova T. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Saratov State Law Academy

Khanova I. – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow

Klimenko M. – Candidate of Law, Associate Professor, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

Kokareva O. – Candidate of Historical Sciences, associate Professor, Moscow City University

Kornakova E. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Institute of the Russian Language, Moscow

Kuchina N. – Postgraduate student, The Maxim Gorky Literature Institute, Moscow

Kuptsov M. – Candidate of Military Sciences, Associate Professor, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Larin G. – Retired Lieutenant Colonel, Head, Scientific and Educational Center for Historical, Humanitarian, Socioeconomic Research at S.A. Yesenin Ryazan State University

Leonov M. – Applicant, teaching assistant, Baikal State University, Irkutsk

Levitskaya I. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Kemerovo State University

Li Jinni – Lecturer, Heihe University

Logacheva N. – Candidate of Historical Science, Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Loukina Iou. – Candidate of Political Sciences, Associate professor, Diplomatic academy MGIMO Ministry of foreign affairs of Russia

Matveeva E. – Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Pskov State University

Mayevskaya O. – Graduate student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Azov State Pedagogical University named after P.D. Osipenko

Menshikov M. – Postgraduate student, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Murashov O. – Senior Lecturer, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Pskov State University

Nabokina M. – Candidate of Historical Sciences, associate Professor, Moscow City University

Nechaeva P. – junior researcher, IIS, MGIMO University

Neda Kameh Khosh – Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

Nelin M. – Graduate student, Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Ryazan

Nesterova V. – Candidate of Philological Sciences, associate professor, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Nikitina O. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Saratov State Law Academy

Nikolich Militsa – Junior Researcher, Moscow State Linguistic University

Pereverzev M. – Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Humanities and Education Sciences Academy (branch), V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Yalta

Qin Yingyue – Northeastern University

Romanov A. – Doctor of Philology, Associate Professor, Military University named after. Prince A. Nevsky

Rossinskaya E. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Moscow State Pedagogical University; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow; Moscow International University; Moscow Institute of Psychoanalysis

Savchenkov A. – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk

Savinov A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Seredenko V. – Candidate of Philological Sciences, Military University named after. Prince A. Nevsky

Serov D. – Graduate student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after. Kozma Minin

Shakhova E. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

Shcheglova V. – Chief Specialist-Expert of the Rossotrudnichestvo Representative Office in Brazzaville, Brazzaville, Republic of Congo

Shchulepnikova E. – Candidate of Historical Sciences, associate Professor, Moscow City University

Shunyakova O. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Simonova M. – Doctor of Science, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Skopa V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Altai State Pedagogical University, Barnaul

Starynina O. – Senior Lecturer, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Pskov State University

Su Liwei – Associate Professor, Rocket Force University of Engineering, Xi'an, China

Tutova E. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

Tutova E. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

Tyapkina A. – Altai State Pedagogical University, Barnaul

Vititnev S. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Russian State Social University

Vodopetov S. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

Volkov Yu. – Graduate student, South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk

Wang Jing – Lecturer, Heihe University

Wang Yufeng – graduate student, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa

Yakimova D. – Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Pskov State University

Yang Xinyue – Postgraduate Student, Lomonosov Moscow State University

Yu Lin – Doctorate, Lecturer, Heihe University

Zadereychuk A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

Zenov P. – Candidate of Law, Associate Professor, Russian State Social University; JSC Vega Radio Engineering Concern

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).